

А.Ф. Ковшарь

ПТИЦЫ. ДОРОГИ. ЛЮДИ.

(ВОСПОМИНАНИЯ ОРНИТОЛОГА)

Часть 2. На путях реставрации капитализма (1992-2014)

С дочерьми, внучкой и правнучкой. Казахстан, Алматы, 17 марта 2010 года

УДК 598.2/9 (092.2)
ББК 84 Рус-5
К56
ISBN 978-601-7287-13-9

Ковшарь А.Ф. Птицы. Дороги. Люди (воспоминания орнитолога). В двух частях. Часть 2. На путях реставрации капитализма (1992-2014) Алматы, 2014. 556 с.: илл.: 314 + 16 цветных вклеек.

Воспоминания известного казахстанского орнитолога, охватывающие более чем 70-летний период времени, представляют собой смесь мемуарного жанра с документальным: написанные на основе дневниковых записей автора, они содержат многие точные даты событий, подробные описания маршрутов экспедиций и впечатлений от увиденного. Взяв за основу личные дневники, автор в соответствии с названием книги описывает не только встречи с птицами и свои путевые впечатления, но и даёт зарисовки многих людей, с которыми ему доводилось встречаться. Публикуемая вторая половина этих воспоминаний показывает, как менялась жизнь рядового орнитолога за последние два десятилетия. Значительное место в ней занимает описание зарубежных поездок – того нового, чего не было в первой части (1941-1991).

ISBN 978-601-7287-13-9

Kovshar A.F. Birds. Routes. People (memoirs of an ornithologist). Part 2. On the roads to restoration of capitalism (1992-2014). Almaty, 2014. 556 p.: with illustrations.

Memoirs of a well-known Kazakhstan ornithologist comprise more than 70 years and represent a mixture of memoirs and documentary: based on the diaries of the author. They contain many specific dates of the events, detailed descriptions of expedition routes along with the travel impressions from them. Based on the personal diaries, the author, as the title suggests, describes not only bird records and his own travel impression, but also gives his own interpretation to the portraits of many people (not only ornithologists), whom he had a chance to meet. This second half of the memories “Part 2. On the roads to the restoration of capitalism (1992-2014)” shows how the life of an ordinary ornithologist changed in the last two decades. Considerable part of it is given to the description of foreign trips, which is something new, absent in the first part (1941-1991).

ISBN 978-601-7287-13-9

© А.Ф. Ковшарь, 2014 – текст, черно-белые иллюстрации
© Г.Н. Бейкова, 2014 – компьютерный дизайн, вёрстка
© В.А. Ковшарь, 2014 – обработка иллюстраций

От социализма до капитализма (1992-2000)

Безбрежная приватизация...

Этот год положил начало периоду, который потом назовут «лихие 90-е». По всем странам бывшего СССР началась самая настоящая реставрация капитализма, и первым её признаком явилась безбрежная **приватизация** всего и вся. Брошенная сверху крылатая фраза «Берите суверенитета столько, сколько сможете» сделала своё дело. Государство, а точнее новые суверенные государства, обрадовались, что можно снять с себя бремя всех забот, переложив его на плечи своих верноподданных, – от коммунальных услуг до выращивания урожая («спасение утопающих – дело рук самих утопающих»). Первое было решено приватизацией квартир, по второму вопросу было заявлено: горожане, заводите дачи и кормите себя сами. Истосковавшийся по частной собственности народ набросился на все эти нововведения. Об этом красноречиво говорили как очереди в отделы по приватизации жилья, так и превращение ближайших к Алма-Ате окрестностей, включая полупустынные бугры, в человеческие муравейники, где закоренелые горожане пытались стать земледельцами и вспомнить, как это делается... Дачные участки стоили копейки, поэтому ими обзавелись все – даже те, кто не собирался их использовать (так, на всякий случай – впрок!). Появились даже специальные дачные поезда, чем-то напомнившие мне знаменитые теплушки военной поры – особенно толпами людей, высаженных на очередной остановке в безлюдной степи: сотни людей с лопатами и граблями карабкались на голые бугры, потеснив обитавших здесь испокон веков черепаш.

А между тем, замаскированная этой мышью вознёй, шла настоящая приватизация – предприятий, производственных мощностей, крупных магазинов и т.д. Здесь обходилось без лопат и граблей, не нужен был и пригородный поезд. Всё решалось чинно-благородно в высоких кабинетах (а иногда – и в спальнях) и побеждали в этом дележе только **связи** – клановые, родственные и прочие. Даже капитал имел меньшее значение, поскольку цены для **своих** устанавливались иногда просто смехотворные. Только годы спустя я узнал, за какую цену был приватизирован Центральный универмаг столицы, который вскоре быстро переименовали в «Зангар». После этого любые другие новости уже не удивляли.

На фоне всего этого мы, орнитологи и прочие зоологи, делали отчаянные попытки жить прежней жизнью – т.е. изучать птиц, зверей, насекомых, ездить в экспедиции и т.д. Вот только делать это с каждым годом становилось всё труднее, поскольку финансирование науки резко упало (почти прекратилось) и в самой Академии наук начались непрерывные реорганизации, направленные на со-

крашение штатов и структур (объединение отделов и лабораторий, появились даже предложения по объединению институтов!).

Для меня 1992 год начался поездкой 5 января в Москву, на совещание по Красной книге, а 5 марта в Бишкеке я выступил официальным оппонентом на защите докторской диссертации Э.Д. Шукурова. Настала пора познакомиться читателя и с этим орнитологом.

Эмиль Джапарович Шукуров (род. 1938) – известный киргизский зоолог, эколог, географ, психолог, философ и общественный деятель, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, доктор географических и кандидат биологических наук, профессор. Перечень отраслей науки, в которых проявил себя этот неординарный человек, можно было бы значительно расширить, но и без того ясна многогранность и своего рода уникальность его дарования. Биографические данные его я позволю себе привести из моего очерка, опубликованного в журнале «Selevinia» (2008) к его семидесятилетию.

«Эмиль Джапарович родился 15 мая¹ 1938 г. в столице тогдашней Кыргызской ССР городе Фрунзе (ныне Бишкек, столица Кыргызской Республики). Его отец был одним из основателей Академии наук Кыргызстана и в свое время был широко известен в научных кругах всей Средней Азии, далеко за пределами своей республики. Детство Эмиля проходило среди книг. По его словам, он прочитал значительную часть художественной литературы доступной ему академической библиотеки еще в школьные годы, а к началу студенческих добрался и до таких раритетных источников, как стенографический отчет печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 года, на которой была разгромлена отечественная генетика. Вот с таким багажом в области биологии и поступил Э.Д. на биологический факультет Кыргызского университета, где специализировался на кафедре зоологии, поскольку с детства интересовался птицами. И сейчас, спустя много лет, когда его называют географом, экологом и т.д., он не устает повторять, что, прежде всего, он – орнитолог. В период обучения на кафедре, начиная с 1956 года, Эмиль ежегодно принимает участие в орнитологических экспедициях под руководством Александра Ивановича Янушевича, о котором с благодарностью вспоминает 30 лет спустя, во введении к своей книге «Птицы еловых лесов Тянь-Шаня» (1986). Маршрутами экспедиций студенческих лет охвачены многие хребты Внутреннего и Центрального Тянь-Шаня – Терской Алатау, Кунгей-Алатау, Акшыйрак, Атбашы, Нарынтоо, Молдотоо. Ссылки на находки гнезд птиц и фотографии студента Шукурова нередко встречаются на страницах 3-томной научной сводки «Птицы Киргизии» (1959-1961), составленной коллективом авторов под руководством А.И. Янушевича.

После окончания в 1960 г. кафедры зоологии Кыргызского университета Эмиль поступает в аспирантуру в МГУ им. М.В. Ломоносова, к самому Георгию Петровичу Деметьеву, общепризнанному в то время главе советской орнитологии. Последовали новые экспедиции в различные хребты Тянь-Шаня и пограничные районы Памиро-Алая. Казалось бы, путь найден – Тянь-Шань и орнитология. Но, как показала жизнь, это только казалось со стороны. Именно многогранность дарования не позволила ограничить себя рамками одной науки, пусть и самой любимой.

¹ В автобиографии сказано: «Родился 19 января 1938 г. в семье известного ученого, организатора науки, государственного и общественного деятеля Джанара Шукуровича Шукурова (1906-1963), стоявшего у истоков образования, издательского дела и науки в Кыргызстане, будучи в свое время наркомом просвещения, директором республиканского издательства и одним из руководителей КиргФАНСССР».

В результате, после окончания в 1962 г. аспирантуры Э.Д. поступает на работу в лабораторию природно-очаговых заболеваний Киргизского института эпидемиологии, микробиологии и гигиены (1963-1964), затем работает преподавателем философии в Медицинском институте (1964). Вскоре состоялось возвращение в орнитологию. В 1965-1968 гг. Э.Д. уже снова младший научный сотрудник лаборатории зоологии Института биологии АН КиргССР. Но в 1968 г., защитив кандидатскую диссертацию на тему: «Эколого-географический анализ авифауны еловых лесов Тянь-Шаня», Эмиль Джапарович оставляет орнитологию и переходит в Институт философии АН КиргССР, где за 12 лет (1968-1980) проходит ряд ступеней служебной лестницы – от младшего научного сотрудника до зав. сектором научной информации.

В 1980 г., после смерти А.И. Янушевича, Э.Д. возвращается в Институт биологии и возглавляет лабораторию зоологии – до 2002 г., когда уходит на работу в международные проекты. За это время он ряд лет был заместителем директора по науке (1980-1988) и директором института (1994-1997). Этот период ознаменовался преобладанием в исследованиях Э.Д. зоогеографического направления: он организует и проводит в различных местах республики количественные учеты позвоночных животных, участвует в составлении Атласа Киргизской ССР (Том 1. Природные ресурсы, 1987). На эту же тематику он ориентирует и часть сотрудников руководимой им лаборатории, тогда как вторая часть продолжает (вернее, заканчивает) заниматься изучением миграций птиц на стационарах. По этой второй тематике, еще недавно бывшей главной во всем регионе, Э.Д. участвует в написании сводки по миграциям птиц в Северной Киргизии (Торопова, Шукуров, 1991). В 1992 г. Э.Д. защитил диссертацию на степень доктора географических наук по теме: «Зоогеографические основы охраны и рационального использования наземных позвоночных животных Кыргызстана» и занялся экологией в широком смысле.

В 80-90-х гг. Э.Д. много занимается природоохранной деятельностью: участвует в написании и редактировании Красной книги Киргизской ССР (1985), создает общественную организацию – Экологическое движение Кыргызстана «Алейне» (1992), тесно сотрудничает с международными природоохранными организациями (IUCN, NABU, ISAR), с различными международными фондами, Всемирным Банком и др. В середине 90-х гг. его чаще можно было встретить в дальнем зарубежье, чем в Кыргызстане: Англия, США, Канада, Франция, Германия, Саудовская Аравия, Турция и десятки других стран, в которых он участвует на экологических и природоохранных конгрессах, съездах общественных организаций, конференциях, симпозиумах, семинарах.

На всех этих форумах он присутствует не только как специалист-эколог, но и как художник. Это еще одна грань его таланта, которая позволяет ему выразить свое отношение к общественно значимым проблемам не только в научных и популярных статьях, но и в юмористических зарисовках, которые Э.Д. делает в ходе различных совещаний, конференций и т.п. Их накопилось уже более 2-3 тысяч. Есть среди них и просто портреты, шаржи, многие из которых отличаются поразительным портретным сходством с оригиналом. Так, на XVIII Международном орнитологическом конгрессе (Москва, август 1982) Эмиль Джапарович нарисовал практически всех членов президиума – крупнейших орнитологов мира – и большинство из них были прекрасно узнаваемы в образах тех птиц, в которых он их запечатлел, – орла, грифа, лебедя и т.д. Что же касается тематических серий рисунков на тему экологии и охраны природы, то ни одно экологическое издание СНГ (включая газеты, журналы и различного рода бюллетени и вестники) не обходится без рисунков Э.Д. Шукурова. Приходится только удивляться, когда он успевает их делать. К маю 2008 г., в канун юбилея, совсем небольшим тиражом вышел уникальный сборник этих рисунков под названием «Эко-юмор. Э. Шукуров». Это уникальное малотиражное издание и единственное место, где несколько десятков его рисунков собраны вместе (рис. 1). Обычно же многие из них не сохраняются...

Рис. 1. Обложка малотиражного (100 экз.) сборника рисунков Э.Д. Шукурова (2008)

С 1997 г. Э.Д. участвовал в планировании и подготовке (1997-1998), а в 2001-2005 гг. – в реализации Трансграничного проекта ГЭФ/ПРООН по сохранению биологического разнообразия Западного Тянь-Шаня, являясь научным советником проекта от Республики Кыргызстан. Количество более мелких проектов с его участием не поддается учету. Э.Д. активен в общественной жизни, популяризации научных знаний. Не раз он был в составе руководящих органов общества «Знание», Охраны природы, членом национальной комиссии ЮНЕСКО, Союза кинематографистов, Общества генетиков и селекционеров, философского общества, регионального экологического центра, председателем столичной организации любителей книги, секретарем общества психологов, председателем орнитологического общества. Среди множества его наград и титулов есть и такие оригинальные, как «отличник культурного шефства над Вооруженными силами СССР». Особое значение имеет его просветительская деятельность в верхних эшелонах власти – чтение лекций по экологии для руководящих работников страны, принимающих важные решения по преобразованию природы.

Следует особо упомянуть изданную им научно-популярную книгу в двух томах «Птицы Киргизии», которую он не только написал, но и иллюстрировал собственными рисунками. Э.Д. преподавал в международном и кыргызско-славянском университетах. Им опубликовано более 300 научных работ; статей, брошюр, монографий, карт по зоологии, биогеографии, охране природы, философии, психологии...» (Ковшарь, 2008).

Впервые я увидел Эмиля Шукурова на одной из всесоюзных конференций – то ли львовской (1962 г.), то ли алматинской (1965 г.). Помню лишь, как Икар Бородихин, указав мне на высокого худощавого парня с римским профилем и горделивой осанкой, сказал, что это Эмиль Шукуров из Киргизии и при этом добавил: «Он, наверное, из княжеского рода. Чувствуется белая кость».

Такое ощущение было и у меня. Не помню, состоялось ли тогда наше знакомство – если да, то только лишь чисто формально.

Следующий наш контакт был заочным. В первый год моей работы в Алма-Ате мне пришлось писать внешний отзыв на его кандидатскую диссертацию. Поскольку сейчас мы полным ходом догоняем Америку и вся старая советская система аттестации научных кадров и присвоения учёных степеней в Казахстане отменена, лучше объяснить термины «кандидатская диссертация» и «внешний отзыв». Ещё год назад этого бы не понадобилось – вот какие высокие темпы набрали мы в своём стремительном марш-броске... Наша старая система, состоявшая из двух ступеней – кандидатской и докторской диссертаций – предполагала широ-

кое *предварительное* обсуждение этих работ, для чего авторефераты их рассылались в десятки (иногда – 100) адресов. Но так как автореферат – это только вытяжка из самой работы, и не всегда достаточно хорошо её отражающая, то полагались три *развёрнутых анализа* самой диссертации, состоящей из 150-300 страниц основного текста с приложениями неограниченного объема. Такой анализ, помимо официальных оппонентов, выступающих на защите, должен был дать и целый научный коллектив, близкий по профилю к теме диссертационной работы. Это и называлось «внешний отзыв». Он заверялся подписью руководителя организации и гербовой печатью, но писал его кто-то из сотрудников института, которому было поручено это сделать. В данном случае выбор пал на меня. И Корелов, и Гаврилов в один голос сказали мне: «Пора тебе уже учиться писать такие бумаги, тем более, что тематика как раз твоя – птицы Тянь-Шаня». Отзыв я написал с интересом – работа была действительно хорошая. И хотя публикаций по теме диссертации у Эмиля было немного, но фамилия его постоянно упоминалась на страницах второго тома «Птицы Киргизии» (1960), которым я тогда постоянно пользовался. Как сказали бы сейчас, индекс цитирования этого автора был очень высок.

Вскоре в Ленинграде, находясь в командировке, я вдруг случайно от малознакомого человека узнал, что Эмиль снова ушёл из орнитологии – на сей раз в философию. Очень это было непонятно и жаль – орнитологические его наблюдения были интересны. Зато возврат его через несколько лет был принят

Рис. 2. Карикатура Э.Д. Шукурова

с энтузиазмом. В 80-х гг. мы уже часто общались с ним на почве орнитологии, и постепенно я узнал если не все, то большинство граней его таланта. Встречались мы не часто, разные направления тематики никак не способствовали этому: он продолжил начатые Янушевичем миграционные исследования (а затем возглавил институт), а я же был всецело поглощён изучением редких видов птиц.

И вот – приглашение на оппонирование докторской диссертации в марте 1992 г. Да ещё на степень доктора *географических наук*! С некоторым сомнением взялся я за это дело, но работа мне понравилась, и я дал согласие. Тем более, что со стороны географии был такой замечательный оппонент как Юрий Георгиевич Пузаченко, работы которого мне были известны, но с ним самим мы познакомились только на этой защите. Оказалось, что мы почти ровесники (он – чуть моложе), имеем немало общих знакомых. Мне очень импонировала его общительность – уже через час после знакомства мы разговаривали как люди, знающие друг друга много лет. Запомнился такой момент, очень характеризующий человека: когда на банкете после защиты приехавшая из провинции родня в своих тостах сравнила диссертанта с Аристотелем (для Востока такие славословия – не редкость), то Юрий, давно пытавшийся перевести всё в шутку, вдруг возопил: «Ребята, ну не надо же воспринимать себя так серьёзно!»... Потом мы гуляли до полуночи по ночному городу, и он рассказывал о трагически погибшем священнике Александре Мене, с которым был хорошо знаком по студенческой дружине охраны природы (ДОП), когда они учились вместе в Московском университете, играли по вечерам на гитаре и никто не думал, что Александр станет священником.

После защиты мы стали часто встречаться с Эмилом на различного рода тусовках «зелёных», и я обратил внимание, каким непрекращаемым авторитетом пользуется он в этой среде. Действительно, слыв биологией, географией и философией, вместе с врождённой способностью к логическому мышлению привели к тому, что он стал лучше кого бы то ни было разбираться во всех хитросплетениях триады «человек – природа – общество». И даже вселенские масштабы стали занимать его в неменьшей степени. В подготовленной к печати книге «Э. Дж. Шукуров. Сочинения. Бишкек, 2007», рукопись которой он мне любезно прислал, имеются такие насыщенные аналитическими размышлениями главы как: «Природа. Человек. Культура. У красной черты», «Человек и природа Кыргызстана. Возможные стратегии, сценарии и прогнозы», «Прогноз развития экологической ситуации в Кыргызстане», «Природный фактор устойчивого развития», «Оценка экосистем – ключ к стратегии выживания», «Изменение климата и биоразнообразии», «Гендерные аспекты изменения климата», «Святые места. Духовная среда планеты», «Кочевничество и мировосприятие 21 века», «Человек вне природы», «Кризис природы и природа кризиса».

Из всех наших зарубежных встреч (Монреаль, Саудовская Аравия, Иордания) мне особенно запомнилось возвращение из Эр-Рияда, когда мы весь день провели в Стамбуле. Был октябрь 1995 г., купаться уже было холодно, но нам хотелось хоть какого-то омовения в Мраморном море. Поэтому, спустившись

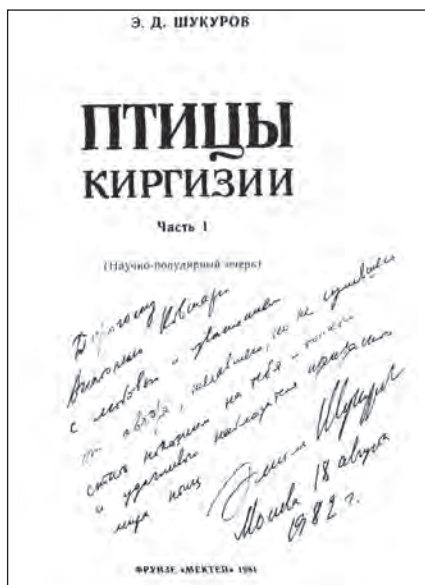

Рис. 3. Автограф Э.Д. Шукурова, 1981 г.

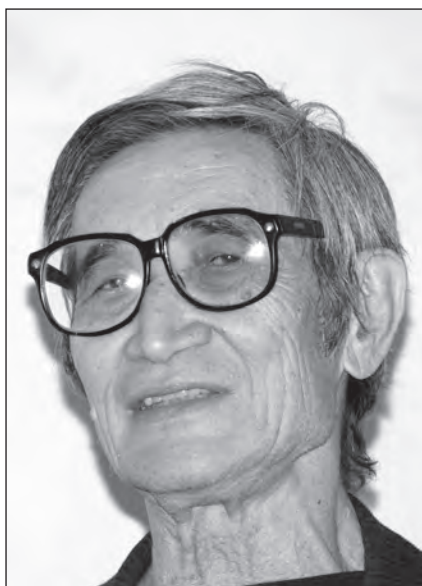

Рис. 4. Портрет Э.Д. Шукурова, 2008 г.

с набережной на прибрежные камни, мы всё же смогли окунуть разгорячённые ходьбой ноги в мутные и холодные воды этого моря. И здесь, на этих камнях, Эмиль завёл разговор о том, что хорошо было бы осуществить какой-нибудь совместный казахско-киргизский трансграничный проект по сохранению биоразнообразия. Его привлекал пограничный участок гор в районе Каркары, точнее Алма-Аты. «На худой конец – долина реки Чу» – сказал он, но тут же вспомнил о наркотиках и отказался от этой идеи.

Мне же как патриоту своего Западного Тянь-Шаня гораздо милее был участок на границе трёх республик – Казахстана, Узбекистана и Киргизии (включающий мой любимый Аксу-Джабаглы). Эмиль, который уже свыкся, было, со своим предложением, какое-то время подумал, а потом спросил: «А мы сможем это хорошенько обосновать?». Договорились, что по приезде домой обменяемся по почте своими доводами и попробуем составить такой проект. Помнится, я свои соображения ему посылал. Эмиль же сделал всё остальное и подал. Так родился трансграничный проект ГЭФ/ПРООН по сохранению биоразнообразия Западного Тянь-Шаня. И когда на семинаре в Хумсане в 1997г. все мы стали делиться своими воспоминаниями, как это начиналось, и некоторые министерские чиновники стали искать истоки этого проекта в канцелярских архивах (когда, кем и какой документ был подписан), Эмиль встал и сказал: «Начиналось всё это гораздо раньше – осенью 1995 года, когда в Стамбуле мы с Ковшарём скинулись мозгами и решили...».

Высокогорный стационар и поездка в Каратау

Полевые экспедиционные работы в 1992 г. мне пришлось заменить мониторингом гнезд серпоклюва в Б. и М. Алматинском ущельях (17 апреля – 10 августа, с перерывами). На какое-то время возродился наш стационар, на котором периодически вели наблюдения Виктория Ковшарь с дочерью Линой – особенно в июле-августе; студентка из Караганды Таня Кочетова, гвоздевская аспирантка Бибигуль Жумабекова из Павлодара, Володя Морозов (который вскоре эмигрировал в Канаду). Параллельно с мониторингом серпоклюва мы поднимались и в альпийский пояс, в частности, к скале, на которой в 1967 году гнезвился красный выюрок. Самих выюрков увидеть в этот раз не удалось, но поход остался в памяти молодежи: спустя 16 лет Бибигуль Жумабекова на защите докторской диссертации вспоминала этот день, как мы на высоте 3300 м поздравляли её с днём рождения привезенным из города свежим арбузом. На такой же высоте на Космостанции в этом году загнездились майны (*Acridotheres tristis*), и я не упустил случая пронаблюдать результаты этой их отчаянной попытки, о чём впоследствии опубликовал специальную статью в журнале *Selevinia*, № 3 за 1994 год (Ковшарь, 1994). Как показали дальнейшие наблюдения, больше майны на этой высоте не пытались гнездиться, высшей точкой в данном ущелье осталось гнездование на ГАИШ (2700 м над уровнем моря).

Здесь же, в Большом Алматинском ущелье, в июне 1992 г. побывал в сопровождении Андрея Гавриленко первый Birdwatcher – господин Minoru Tomiyama, директор японского Planning&Marketing Nature Club «Shinva Tourist». Два дня мы с Андреем сопровождали этого милovidного и отменно вежливого японца, а он плёнку за плёнкой тратил на съёмку жёлтых и голубых фиалок, которые цвели во множестве на субальпийских лугах. На мой недоумённый вопрос – почему только фиалки (*Viola*) и в таком большом количестве – господин Томияма охотно пояснил, что этот цветок – «биора» (так на японский лад он произносил родовое название фиалки) станет эмблемой его фирмы, которая занимается орнитологическим и цветочным туризмом. Этот визит имел далеко идущие последствия: вскоре организованные группы японских туристов стали приезжать в Казахстан ежегодно и мне не раз приходилось их сопровождать в качестве гида. Но чаще это были смешанные туры (орнитологи и ботаники) и сопровождали их мы с А.А. Иващенко, причём посещали они сначала заповедник Аксу-Джабаглы, а потом – Заилийский Алатау и прилегающие пустынные территории. Приезжают они и сейчас. А в тот самый первый день мистер Томияма очень хотел посмотреть и сфотографировать серпоклюва. Пришлось мне сопровождать его по нижней дороге, ведущей к гидropосту, и тут Томияме несказанно повезло: в его кадре оказались сразу 4 серпоклюва! Надо было видеть радость на обычно непроницаемом лице этого уважаемого японца, который то и дело переспрашивал меня: а правда ли, что он первый японец, сфотографировавший четырёх серпоклювов?

В последнюю неделю июня (24 июня – 1 июля) мы вместе с двумя зоологами заповедника Аксу-Джабаглы (В.Г. Колбинцев и В.Ф. Шакула) совершили поездку в горы Боролдай и Каратау по маршруту: ур. Кокбулак в Боролдае – село

Большая Тура – река Боролдай – город Туркестан – ур. Балыкши сев-западнее горы Бессаз. Цель поездки – поиски архара каратауского подвида (*Ovis ammon nigrimontana*) в горах Каратау. Найти небольшую группу этих ставших очень редкими горных баранов нам удалось только в самой последней точке – здесь встречены две самки с детёнышами и небольшая группа самцов. В этих же местах совершенно неожиданно для себя я встретил краснокрылых чечевичников (*Rhodopechys sanguinea*) в обстановке, очень напоминающей их гнездовые станции в соседнем заповеднике Аксу-Джабаглы, только на высоте ниже 2000 м н.у.м.

В сентябре я снова провёл курс лечения в Ессентуках, откуда поездом Минводы – Харьков уехал на несколько дней на Украину. Здесь, в Полтаве и Решетиловке, проведаль всех своих родных, что в последние годы стало делать всё труднее. Глядя на постаревшую маму, которой шёл уже 83-й год, я со страхом думал: удастся ли ещё свидеться?...

Закончился этот первый год жизни в новой стране созданием в декабре Казахстанско-Среднеазиатского зоологического общества, которое стало фактически преемником Казахстанского отделения МОИП (1982-1992), но только расширило регион своего представительства, сузив тематику до одной только зоологии. Кстати, при оформлении статуса этой общественной организации сыграло роль не столько стремление нас, создателей, охватить весь регион, сколько одно курьёзное обстоятельство: по новому законодательству, для оформления общественной организации *национального* масштаба необходимо было иметь филиалы не менее чем в половине административных областей Казахстана, тогда как для утверждения его в *региональном* статусе достаточно было двух отделений в соседних странах! Таким образом, создав свои отделения в Ташкенте и в Бишкеке, мы оформились в качестве региональной (межгосударственной) общественной организации. Любопытно, что свидетельство о регистрации нашего общества² сразу же после вручения такого же свидетельства Коммунистической партии Республики Казахстан (а перед нами были союз воинов-афганцев, многодетных матерей и какая-то религиозная мусульманская организация)...

Апрель 1993 года – Латвия (Рига, Кеммери)

В конце января, будучи в Ташкенте, я узнал о смерти мамы (26 января). Порвалась самая крепкая нить, связывающая меня с Украиной... Оставались ещё брат и сестра с их детьми, но у каждого из них – своя жизнь. После потери отца это была самая большая утрата. Поневоле вспомнил, как в 1963 году я из этого же Ташкента пытался вырваться по телеграмме и добирался до Решетиловки четверо суток, но всё же застал его живым ещё пол-дня. Теперь же у меня такой возможности не было: известие я получил с опозданием, так что даже на похороны не успевал, тем более что и денег на дорогу с собой не было. Словом, впервые в жизни я разыскал в Ташкенте православную церковь, заказал молебен за упокой...

² Шайкенов Нагашбай Амангалеевич (1947-2000) – доктор юридических наук, министр юстиции РК с июня 1993 г. по октябрь 1995 г. – *Прим. авт.*

С 19 по 23 апреля вместе с С.Л. Складенко я участвовал в первом международном симпозиуме в Кеммери (Латвия) по сохранению и экологии черного аиста (*Ciconia nigra*). Здесь мы довольно тесно общались с прибалтийскими коллегами, особенно с Марисом Страдсом, который подбирал материалы для монографии по этой редкой птице. Как он сам объяснял свой замысел, для того, чтобы найти деньги на издание этой книги на русском языке, сначала надо выпустить небольшой тираж на английском. К сожалению, дело это затянулось на годы (одна переписка с Марисом длилась несколько лет, причём в конце этого времени он пожаловался мне в письме, что стал забывать русский язык...). В конечном счёте, я так и не видел этой публикации, которая вышла под другим названием.

Курорт Кеммери находится на побережье Балтики недалеко от Риги, в живописном месте. Летом здесь, наверное, очень красиво. Однако остзейский³ апрель был холодным, а пустовавшие помещения курорта в течение зимы не отапливались (и здесь сказывалась так называемая перестройка!), и мы в них попросту мёрзли. Жили мы в одной комнате с Юрием Анатольевичем Дурневым – тогда ещё довольно молодым иркутским орнитологом – мы с ним познакомились десять лет назад в Горно-Алтайске. И спасало нас только то, что перед тем, как «нырнуть» в ледяную постель, мы выпивали по чашке горячего кофе с коньяком. Мог ли я предположить тогда, что подобную процедуру мы сможем повторить только 17 лет спустя – на священном Байкале... Очень полезным для меня оказалось знакомство на этом симпозиуме с испанскими орнитологами, которые не только пригласили меня на следующий симпозиум в Испанию, но и выполнили своё обещание. Они были очень приятно удивлены, что я знаю, где находится Эстремадура, хотя никогда и не был там. Пришлось объяснять им, что она воспета русскими поэтами (А.К. Толстой).

Рига мне понравилась, она стояла той прекрасной музыки, которую посвятил ей Раймонд Паулс (особенно часто вспоминался его «Ноктюрн»). Именно на перекрёстках узких улочек Риги я понял, как же мы отличаемся, когда ловил осуждающие взгляды детей и взрослых каждый раз, когда мы гурьбой бесечно переходили безлюдную улочку на красный свет (они же – взрослые и дети – терпеливо ждали зелёного света).

Однако поражало, как быстро вернулся в этот город капитализм. Всё старое, советское, было ошельмовано, а новое поражало своим цинизмом, как например, первая эротическая газета «Ещё» (рис. 5). Можно подумать, что именно по этой, ещё вчера запретной, теме больше всего истосковались жители этой страны! Особенно непривычно было присутствие на самом видном месте портрета президента России Ельцина! Но больше всего поразил меня массовый вынужденный отказ жителей от благоустроенных квартир в центре, которые они не могли оплатить, и переезд их на окраины, в дома без всяких удобств. Очень уж не вязалось это с моим, десятилетиями воспитанным, представлением о том, что с каждым годом люди должны жить лучше (но не хуже!) чем вчера. А здесь наступила *эра богатых*...

³ От немецкого названия Балтийского моря – «Ost See». – Прим. авт.

И ещё один характерный штрих рижской жизни того времени. Обмен валюты на местные «латы» был свободен, однако поразил «плавающий» курс доллара: чем меньше купюра, тем выше курс доллара. Максимальным он был для однодолларовой бумажки. И я вспомнил, что в Бишкеке, наоборот, мелкие долларовые купюры (ниже 100 долларов) во всех без исключения обменниках принимались по более низкому курсу, чем \$ 100. Вот они, гримасы рынка! Рижане хоть объяснили мне, что \$1 более ходкий, поэтому он и ценится дороже.

Рис. 5. Один из номеров газеты «Ещё»

Верховья Чулкудаысу – истоки Кегени (серпоклюв и горный гусь)

Продолжительность экспедиционных выездов, сокращавшаяся с каждым годом, как шагреновая кожа, в этом году достигла, кажется, своего минимума: всего два выезда на 9-10 дней и несколько периодических поездок на Большое Алматинское озеро. Первый выезд с 26 апреля по 9 мая совершили мы на ГАЗ-69 с Б.М. Губиным и А.П. Гисцовым по Алматинской области по маршруту: Дегерес – Копа – Жиренайгыр – Чуилийские горы. Здесь мы искали места, где ещё есть стрепет (*Otis tetrix*) и журавль-красавка (*Anthropoides virgo*). Нам удалось найти несколько гнёзд красавки и мест токования стрепета.

Второй экспедиционный выезд на той же машине предприняли мы с Б.М. Губиным 2-10 июня в Кетмень и отроги Терсейк Алатау в поисках серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii*) по маршруту: Алма-Ата – Кегень – Каркара – Сарыджаз – р. Чулкудаысу до верховьев. По-сути, это было наземное обследование тех мест, где мы провели воздушные учёты этой птицы с вертолёта. Вторя цель данной поездки – сбор сведений по гнездованию серпоклюва.

В долине Каркары и ее притоков нам удалось обнаружить только одну пару и найти ее гнездо – в верхнем течении основного русла, выше границы леса, на высоте 2600 м над уровнем моря, в месте впадения правобережного притока Уш-Сюлюн-Куйганы. Дальше вверх, по направлению к Сарыджазскому перевалу, на протяжении 16 км довольно пологое днище долины реки (перепад высот 2600-2740 м) занято в основном кочковатым лугом, где подходящих для серпоклюва галечников нет, и самих птиц мы не встретили. Пологая равнина на выходе из гор (2000 м), где в 1989 г. мы наблюдали 13 серпоклювов, оказалась залитой водой и недоступной для автомашины. Широкое (200-300 м) галечни-

ковое русло Жель-Каркары изобилует подходящими для серпоклюва местами на протяжении 10 км (высота 2040-2440 м), однако ни одной особи их мы здесь не встретили, что вообще трудно объяснить.

Совершенно иная картина наблюдалась в истоках Кегени (Чулкудысу), где на расстоянии 28 км русла реки, на высотах 2220-2600 м, 7-9 июня мы встретили 63 серпоклюва (10 одиночек, 21 пару, 2 группы по 3 и одну – в 5 особей), в том числе 8 гнезд с кладками и 3 выводка с пуховичками (в июле 1990 г. мы насчитали здесь с вертолета около 30 серпоклювов). Здесь река течет в широкой, до 10 км шириной, долине, пологое днище которой покрыто роскошными разнотравными лугами субальпийского типа, а само галечниковое русло имеет ширину 50-100 м и местами изобилует небольшими островками, создаваемыми речными рукавами и протоками. Серпоклювы чаще встречались в местах впадения притоков, где расширения галечника, рукава и мелководные перекаты создают наилучшие условия для кормежки и гнездования.

Плотность на гнездовании в верховьях Чулкудысу довольно высокая, причем пары серпоклювов распространены почти равномерно от высот 2300 до 2600 м над уровнем моря. Так, 7 июня, при пешеходном обследовании 7 км течения этой реки (2600-2500 м) в пасмурную с дождем погоду мы встретили 21 серпоклюва и нашли два гнезда (в среднем 3 птицы на 1 км); на следующий день при такой же погоде на втором 7-километровом отрезке мы наблюдали 18 серпоклювов и нашли три гнезда; а на третьем – 22 птицы и 3 гнезда. Расстояния между соседними гнездами были 500-800 м, а в подходящих местах – 200 и даже 150 м. Гнезда располагались на галечниковых островках, в местах, где размеры камней были близки к размерам тела птицы (мест с очень мелкой галькой или крупными валунами серпоклювы избегают). Подробные сведения с измерениями гнезд, яиц, а также описанием поведения птиц, приведены в нашей статье (Ковшарь, Губин, 1994).

В эту же поездку я впервые в своей жизни видел в природе горного гуся (*Eulabeia indica*). Этот редчайший вид, занесенный в Красную книгу СССР, Таджикистана и Киргизии, населял высокогорные озёра Памира и центральных районов Тянь-Шаня, а на территории Казахстана известны были всего два залёта. И вдруг 8 июня 1993 г. в долине Чулкудысу (2700 м над уровнем моря) я увидел двух летящих на меня гусей и атакующего их огаря (*Tadorna ferruginea*). Это были именно горные гуси, которых я успел хорошо рассмотреть в бинокль! В азарте кричу своему напарнику: «Боря, гуси!», а он мне в ответ: «Хрен с ними, с гусями, вот около меня пара серпоклювов». Лишь когда я что было мочи завопил: «Гуси – то горные!!!», Борис тоже навёл на них свой бинокль. Пара гусей села на субальпийский луг всего в 200 м от нас, и я уже предвкушал длительное наблюдение за ними. Однако неутомный огарь согнал их и с этого места, вынудив перелететь за 500 м. Через полчаса гуси вновь прилетели сюда и сделали два круга, издавая при этом очень характерный звук – короткое отрывистое жужжание или шипение (как будто воздух с силой вырывается из сжатого шланга). Снова они были атакованы огарем и улетели в сторону верховьев реки (а прилетели снизу). Больше мы их не видели...

Первая шведская группа в высокогорье и пустыне (июнь 1993)

Периодические выезды на Б. Алматинское озеро (18-28 июня; 5-15 июля; 26 июля – 6 августа; 10-20 августа) были посвящены в основном наблюдениям за серпоклювом. В один из таких выездов к нам приехала первая организованная группа орнитологических туристов из Швеции! Ещё весной мой знакомец по 1980 году Александр Тагирович Пивоваров написал мне, что хотел бы приехать к нам в горы с группой шведов. Дав своё согласие, я уже ждал их в июне. Они прибыли на двух УАЗ-452 (таблетка, или батон) и сразу же внесли оживление в нашу тихую мирную жизнь на стационаре. Проехав более 1000 км по степям и пустыням, эта небольшая группа представляла собой уже настоящий полевой коллектив (насколько последнее слово применимо к жителям свободного мира), а один – какой-то сельский учитель, маленького роста, но самый шустрый – уже почти изучил русский язык. Насколько лихо у него это получилось (имея в виду такого яркого преподавателя, как А.Т. Пивоваров), я убедился в первый же вечер. Выйдя на крыльцо нашего домика, я увидел этого самого маленького шведа, который воевал с дверцей машины, никак не хотевшей закрываться. Хлопая ею изо всех сил в очередной раз, он в сердцах выкрикивал: «Ну, ты меня зае...л» и смачно заканчивал площадной бранью. В том, что он понимает смысл сказанного, я убедился по тому, как он смутился, увидев меня.

Взаимоотношения в группе были дружеские. Пивоваров, успевший показать им всё богатство водоплавающих птиц Тенгиза и Кургальджина во главе с фламинго, считал, что главное в экотуризме – гостеприимство. И на водку не скупился. А кроме того, угощал их песнями в своём исполнении, из-за чего они называли его «Паваротти», которого он и в самом деле напоминал своей высокой полной фигурой, а также громкостью голоса...

Поскольку времени у группы было уже в обрез, а они хотели ещё посмотреть и птиц пустыни, а также водоёмов (Сорбулак, Балхаш), мы на следующий день познакомились с серпоклювом и другими жителями верхней границы леса, после обеда поднялись на Космостанцию для беглого знакомства с птицами альпийского пояса, а оттуда без остановки уехали вниз и, минуя город, направились в Нурлы. Прибыли туда уже ночью и проехав километров 7-8 за Бурандысу, остановились на полянке среди саксаульника. Кое-как поставив палатки при свете фонариков, все завалились спать.

А утром все прибывшие имели возможность убедиться в различиях температурного режима альпийского пояса (10-15° днём) и глинистой пустыни (35-37° в тени). Однако никто не отказался от экскурсии к реке Или, куда было около 10-15 км. В лагере остался лишь хозяин экспедиции А.Т. Пивоваров и водители, которые должны были накормить нас обедом после возвращения с экскурсии. Поскольку вышли мы не рано (сказалась усталость предыдущих дней), идти в жару было нелегко. Через каждые несколько минут то один, то другой спрашивали меня жестами – далеко ли ещё? А к полудню, когда осталось преодолеть неширокую полосу песочков, я понял, что моё войско не дойдёт до желанной цели – реки Или. Вскоре они подтвердили мою догадку, пожелав вернуться.

К лагерю мы добрались едва живые. Даже у меня, привыкшего к жаре, темнело в глазах и подкашивались ноги. Добравшись до лагеря, все полезли в палатки, но тут же стремглав выскочили из них – там было настоящее пекло! Стали искать убежища в призрачной «тени» под кустами саксаула. Обеспокоенный их состоянием, я подошёл к Пивоварову и спросил, скоро ли будет обед. И вдруг из-под куста саксаула раздался громкий голос, чётко выговаривающий слова: «Саша! Мороженое, пожалуйста!». Это наш знаток русского языка нашёл лучший способ подать признаки жизни...

На следующий день мы всё же подъехали на машинах к туранговой роще, где наши гости посмотрели, наконец, таких желанных для них птиц, как бурый голубь (*Columba evermanni*), белокрылый дятел (*Dendrocopos leucopterus*), князёк (*Parus cyaneus*), серая синица (*Parus bokharensis*), саксаульный воробей (*Passer ammodendri*), орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*), а попутно – и многих других. Одним словом, уезжали дальше они с большим энтузиазмом. Поскольку на водоёмы я с ними поехать уже не мог, я нашёл им в качестве гида одного нашего орнитолога (фамилию называть не буду), который хорошо знал водных и околородных птиц. После их возвращения из Сорбулака мы все снова встретились – уже в городе, где по установившейся традиции они пригласили меня в ресторан на прощальный банкет. Так я получил первый практикум по работе с группой бёрдвочеров в качестве гида – от их встречи до прощального банкета. Как и положено на такого рода мероприятиях, все пришли в своих лучших одеждах (насколько это возможно для полевиков) и были приятно удивлены, увидев меня «при параде». Весь вечер делились впечатлениями от поездки, обменивались визитками и сувенирами. А под конец от имени всей группы Александр Тагирович выразил мне благодарность и крепко пожал руку; при этом я ощутил в этом рукопожатии что-то твёрдое. Догадавшись, что эту тайную передачу обнародовать не положено, я сунул её в карман и вскоре о ней забыл. Тем более, что при этом Саша негромко сказал мне: «А Вы знаете, Ваш товарищ слабенько подготовлен». Фраза эта немало меня удивила, пришлось переспросить, в чём дело. Оказалось, что этот знаток околородных птиц несколько раз «прокололся» в определении сухопутных воробьиных! Это послужило мне уроком на будущее – с этими бёрдвочерами всегда надо держать ухо востро... Дома я рассмотрел «передачу». Это оказались свёрнутые в очень тугую трубочку и многократно перетянутые резинкой (такое я раньше видел только в кино!) мелкие долларовые купюры на общую сумму 43 доллара! Это был мой первый честно заработанный гонорар гида орнитологического тура...

Создание «Selevinia» – первого казахстанского зоологического журнала

В сентябре я снова ездил в Ташкент и Ашхабад по рукописи «Птицы Средней Азии», а в ноябре вышел первый номер Казахстанского зоологического журнала «Selevinia», но это – особая история, заслуживающая отдельного обстоятельного повествования.

После регистрации в декабре 1992 года КСАЗО – Казахстанско-Среднеазиатского зоологического общества ко мне пришла брать интервью корреспондент научной газеты «Поиск» Светлана Азарьевна Крымова, с которой я познакомился ещё в 1988 году на выборах директоров институтов. Рассказывая ей о планах общества, я высказался за то, что пришла пора создать в Казахстане свой зоологический журнал, которого у нас никогда не было. Всё это она добросовестно опубликовала в своей обширной статье и обратилась к читателям с предложением помочь в создании такого журнала.

Рис.6. Карина Дмитриева и Тахир Габдрахманов, 1994

И вот в один прекрасный день (это действительно был для меня прекрасный день!) мне позвонили незнакомые люди и сказали, что прочитали моё интервью и хотели бы вместе со мной издавать такой зоологический журнал. На следующий день мы встретились. Это были молодые люди, Карина Дмитриева и Тахир Габдрахманов (рис.6), – владельцы рекламно-издательской фирмы «Конжык» (медвежонок). На мой вопрос, есть ли у них деньги на издание, они ответили, что денег у них вообще нет (!), но есть нечто большее – компьютерная база для набора и вёрстки журнала плюс огромное желание создать что-то стоящее именно в духе журнала о природе. А деньги, сказали они, надо поискать у спонсоров, и они уже имеют некоторый опыт поиска таких спонсоров. Даже заручились поддержкой одного из них для выпуска первого, пилотного номера журнала.

Такой поворот событий был для меня нов и тем более интересен. Значит, надо было выяснить, как юридически «оформить» такое издание. Опять помогла С.А. Крымова. По её словам, сейчас (т.е. в 1993 г.) эта процедура упрощена – не надо никаких разрешений ЦК и прочих правительственных органов. Регистрацией изданий занимается Министерство печати Республики Казахстан, где меня могут проконсультировать о порядке действий достаточно подробно. И при этом добавила, что министр – её сокурсник и она с ним проконсультируется сама и запишет меня на приём. Так и сделали. Министр Алтынбек Сарсенбаев⁴ принял меня и разъяснил весь порядок действий. Более того, он объяснил, что на данный момент учредителем журнала может быть даже частное лицо: «например, Вы как профессор биологии». Это значительно упрощало мою задачу, тем более что документы по регистрации КСАЗО задерживались на неопределённый срок.

⁴ Алтынбек Сарсенбаев (1962-2006) после 1995 г. был секретарём Совета безопасности, послом Казахстана в России, а в 2004 г. – снова министром информации. Трагически погиб якобы на охоте. – *Прим. авт.*

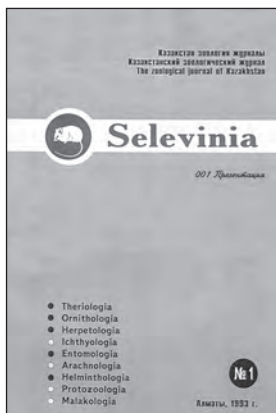

Рис.7-9. Обложка, оборот обложки и титульный лист первого, пилотного выпуска журнала. На обложке – презентационный номер (таких было выпущено десять экземпляров – от 001 до 010). На обороте обложки – автографы тех, кто работал над этим выпуском

Карина и Тахир оказались достаточно опытными и в этом деле. В течение одного дня мы подготовили целый пакет документов, начиная с «Учредительного договора», где учредителями журнала выступали профессор, доктор биологических наук А.Ф. Ковшарь и частная рекламно-издательская фирма «Конжык», как и печаталось потом на 3-й странице обложки журнала. Денежный взнос за оформление документов был столь мал, что его смог внести я сам, без спонсоров. И, наконец, 5 июля 1993 года журнал был зарегистрирован Министерством печати и массовой информации, выдавшим нам номер регистрационного свидетельства 1113. Это была победа, открывшая нам дорогу к тому, чтобы собирать материал и готовить первый, пилотный выпуск журнала.

Спонсором первого выпуска журнала, помимо фирмы «Конжык», стал Фарид Мулагулов – председатель кооператива «Мунай». Несмотря на громкое название (мунай – это нефть), кооператив этот был совсем небольшой, но, тем не менее, выделил из своего бюджета сумму, которой хватило для печати тоненького, всего 100 страниц, первого выпуска журнала (рис. 7-9). О дальнейшем тернистом пути нашего журнала, постоянных поисках спонсоров и превращении его в ежегодник ещё будет речь впереди.

Этот первый выпуск журнала мы успели издать к началу юбилейной конференции Института зоологии, которому в том году исполнилось 50 лет. Думаю, что это был один из самых памятных и приятных подарков для самого института и его ветеранов.

Джордж Сорос и моя компьютеризация

Ещё одно событие этого года, значение которого не только для меня, но и для многих из нас в полной мере можно оценить только сейчас, спустя 20 лет, – вторжение на территорию бывшего СССР Джорджа Сороса с его сти-

пендией для нищих советских учёных. Можно много спорить о том, что это было – подачка или шпионский замысел по выкачиванию информации – но теперь совершенно ясно, что для большинства из нас это было большим финансовым толчком (только в нашем институте стипендию эту получили 43 человека). Для меня лично эти 500 долларов означали, наконец, *вступление в компьютерную эру!* На них я приобрёл самый доступный по цене белорусский аппарат под названием, кажется, «Электроника» и начал осваивать азы этой науки. Сначала в Word Pad и всего одним пальцем. А когда от неосторожного движения пропадал вдруг весь набранный за несколько часов текст, состояние было близким к панике. Дрожащей рукой набирал номер телефона Андриюши Фёдорова (моего первого тренера в этом виде спорта) и таким же дрожащим голосом спрашивал – можно ли как-то восстановить? И когда он, предупредив, чтобы я ничего больше не трогал и особенно – ни в коем случае не выключал машину, приезжал и несколькими ловкими движениями извлекал из её недр пропавший, казалось, навсегда текст – радости не было конца!. Зато разница с допотопной пишущей машинкой, служившей мне 30 лет до этого, была столь огромной, что игра стоила свеч – учиться и учиться пользоваться компьютером. Потом пошли другие программы – графические, по обработке фотографий, сканирование и т.д. Сейчас даже представить невозможно – как мы жили без него! И если на службе вдруг выключат электричество – вся работа в институте останавливается!!! Спасибо тебе, Сорос!

Первая заграничная поездка – Западный Китай (СУАР)

Завершился 1993-й год **первой** моей заграничной поездкой. Сейчас многие с гордостью говорят о советском времени: «я был тогда не выездной», подразумевая под этим чуть ли не доблесть (а как же – меня зажимали!). Я же просто ни разу не пробовал поехать за границу, считая, что это мне недоступно по деньгам, которых у меня никогда не было. И до сих пор с улыбкой вспоминаю вопрос одной из дочерей, увидевшей у меня приглашение на орнитологический конгресс: «Как ты мог, папа, отказаться от такой поездки – в Новую Зеландию?!». И я не знал, как объяснить школьнице, что я просто не заработал денег на такую замечательную поездку... Правда, однажды я по просьбе Эдика Гаврилова, будучи в Москве на одной из орнитологических пятниц в МОИП'е, спросил у Жени Курочкина, каковы возможности попасть на очередной орнитологический конгресс. По его удивлённому взгляду и неуверенному ответу, что сроки заполнения анкет, кажется, прошли, я понял, что нам, периферийным, никогда не угнаться за москвичами...

Как бы то ни было, я был приятно удивлён, когда в декабре 1993 года получил официальное приглашение из г. Урумчи (Китай, СУАР) на празднование 30-летнего юбилея Синьцзянского зоологического общества. Адресовано оно было председателю Казахстанско-Среднеазиатского зоологического общества (КАЗО), коим я был, и в нём указывалось, что расходы приглашающая сторона берёт на себя – надо только за свой счёт добраться до китайской границы.

Это уже было что-то новенькое и в высшей степени реальное. Тем более, что желание посетить этот праздник высказали также директор нашего института Турганбай Нурланович Досжанов и его заместитель по науке Аманкул Бекенов, у которого в Урумчи был подопечный – Аблимит, занимавшийся изучением диких кошачьих. Кстати, мы с Аманкулом были новоиспеченными профессорами биологии – именно в 1993 году нас утвердил в этом высоком звании созданный недавно казахстанский ВАК.

В последней декаде декабря мы втроём с двумя сопровождающими на стареньком институтском ГАЗике выехали на китайскую границу (застава Хоргос близ Джаркента). Доставившая нас машина вернулась, а мы «пешком пошли в Китай». Процедура прохождения границы оказалась не такой сложной, как я ожидал. Зато на китайской стороне нас ожидал сюрприз: никто нас не встречал! Потратив час на поиски и ожидание машины, которая должна была прийти за нами из Урумчи, как было договорено, мы стали пред извечным вопросом – «что делать?». Досжанов, как старший по возрасту, разыскал почтовое отделение и позвонил в Урумчи. На другом конце провода ответили, что машина за нами ушла ещё вчера, но не исключено, что водитель Батырхан заехал в Кульджу, где у него живёт тёща. Нам посоветовали не ждать его, а брать такси и ехать в Урумчи, дорогу нам оплатят. Такси не нашлось, но через полчаса на Урумчи отходил туристический спальный автобус. Такое я услышал впервые. Успели взять билеты, но когда зашли в этот довольно тесный автобус, в котором все нижние места были заняты, а верхние полки оказались под самым потолком, Досжанов возмутился и отказался лезть наверх. Хорошо, что ему уступил место какой-то молодой человек, согласившийся поменяться с ним.

Я с любопытством забрался на верхнюю полку, обрадовавшись, что ещё осталось три часа светлого времени и можно будет смотреть на дорогу в узкую щель оконца. Но как только автобус набрал скорость, нас так потрянуло на ухабе, что я едва не свалился. Не удержавшись, я непроизвольно громко выругался, надеясь, что русскую речь здесь не поймут. И в тот же момент спокойный мужской голос снизу на чистом русском языке посоветовал: «А вы пристегнитесь – тогда не упадёте». Действительно, там оказались пристегнутые ремни, которыми я тут же воспользовался – и во-время: дорога была так разбита, что трясло «от души», особенно под потолком. Со временем я приспособился и мог наблюдать дорогу, которая шла по горной местности. Очень скоро начался подъём на перевал через хребет Борохоро. Заснеженные ельники и галечниковые русла рек были такие же, как у нас, в Заилийском Алатау. Такими же были и пролетающие вдоль речек обыкновенные оляпки (*Cinclus cinclus*), а на лесных опушках – чёрные вороны. Перевал мы проезжали уже в зимних сумерках, а спускались в котловину озера Сайрам-нор в полной темноте.

Глубокой ночью автобус остановился, и нас разбудили на ужин. Оказалось, что мы стоим в чистом поле около целого ряда придорожных кафе. Хозяева этих забегаловок наперебой приглашали к себе, выкрикивая: «Манты! Пельмени! Лагман!». Горячая пища среди холодной ночи была очень кстати. И я вспомнил

старую Алма-Ату 60-х гг. – столичный город, где зимой после 8 часов вечера невозможно было найти работающую столовую...

Ранним утром мы приехали в Урумчи. Поселили нас в академической гостинице и первым делом повели в столовую, где в маленьком кабинетике усадили за круглый стол, стеклянная столешница которого вращается, чтобы каждый мог выбрать себе блюдо, которое ему понравилось. Сначала поставили жареные креветки с арахисом. И тут меня поразил наш Турганбай Нурланович, который как старший поманил пальцем обслугу и сказал: «Нам эти креветки-мреветки не надо! Ты нам пельмени давай!». Этот патриотизм был мне не очень по душе – очень уж вкусными были креветки с жареным арахисом...

Встречали нас очень радушно. Особенно учёные старшего поколения, многие из которых учились в Советском Союзе и ещё помнили русский язык. Среди них попадались и учившиеся в Харькове, Ленинграде, Днепропетровске – причём примерно в то же время, что и я. Воспоминания о тех годах у них были самые хорошие. А для меня здесь всё было внове, но в то же время кое-что напоминало давно забытые прошлые времена. Удручала одинаковая одежда у всех мужчин (как будто армейская униформа), а привычка сидеть на заседании в аудитории одетыми в шапках и поголовно курить просто изумляла. Зато мои спутники быстро усвоили эту манеру, и хотя ни один из них не курил, но пальто и шапки в помещении они уже не снимали даже за обеденным столом – как будто так и надо...

В эти дни мы познакомились с Аблимитом, который оказался очень толковым и контактным парнем (владеющим, кроме родного уйгурского, также русским, казахским и китайским) и рассказывал много интересного. В первый же вечер после окончания рабочего дня он повёл нас погулять по городу и меня поразили две вещи. Первое – это пристрастие жителей Урумчи к бильярду: в эту игру они играли прямо на улице под снегопадом! Кстати, китайские парни ходят без головного убора и во время снегопада на их густой чёрной шевелюре образуется целая «шапка» из снега. Второе, что запомнилось, – роскошный урумчинский базар, который во-всю работал после полуночи (лишь некоторые лавчонки задраивали жалюзи своих витрин около часу ночи).

Город насыщен неоновой рекламой раз в 10 больше, чем Алма-Ата. Особенность её в том, что вся она выполнена замысловатыми иероглифами, имеющими самые различные очертания и воспринимающимися, как художественное произведение. Под стать им и дублирующая их содержание арабская вязь. После них любая надпись на латинице или кириллице кажется слишком грубой и прямолинейной. Аблимит по моей просьбе написал в мою записную книжку мою фамилию. Он же помог мне выбрать лучший по тем временам кассетный диктофон (у нас они ещё были редкостью) и посоветовал взять кассету с записями песен знаменитой китайской певицы Дин-Ли-Джун, которая живёт преимущественно в Шанхае и Гонконге. Удивительно нежное пение её было очень необычным, и я всю обратную дорогу от Урумчи до Хоргоса (800 км) слушал его.

Три дня в заседаниях пролетели, как один день, и город мы так и не посмотрели. Мои спутники сами отказались от экскурсии (они уже были в Урумчи)

и заторопились обратно, так как Новый год уже на носу, а дел в институте невпроворот. Обратно до границы нас отвезли на УАЗ'ике, который к тому времени успел вернуться из Кульджи. Батырхан оказался хорошим парнем и ещё лучшим водителем, что он доказал, ведя свой старенький (со щелями, в которые дул ветер) УАЗ'ик по сильно разбитой большегрузами трассе, к тому же очень обледеневшей, где аварии встречались почти на каждом шагу (только до озера Сайрам-нор я насчитал 18 аварий!), а нас всего один раз стукнула в зад машина, не успевшая притормозить на этом гололёде. Ветер в долине озера Сайрам был настолько ледяным, что мне не удалось вытащить из машины Досжанова, чтобы сделать «историческое» фото на фоне этого знаменитого озера. Он даже сделал было попытку выйти из машины, но когда ветер буквально вырвал у него дверцу из рук, тут же отказался от этой затеи, сказав: «Фотографируйтесь сами с Аманкулом». Само озеро, несмотря на такой холод, было большей частью незамёрзшим, но птиц на нём мы так и не увидели.

Зато насмотрелись мы на птиц при подъёме на перевал через Борохоро. Над каждой идущей нам навстречу грузовой машиной, доверху (выше кабины) гружёной замёрзшими шкурами крупного рогатого скота, буквально роем вились чёрные вороны и клушицы (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*), которые присаживались на шкуры и отрывали кусочки мяса от мездры. Картина просто незабываемая! А я при этом вспоминал многочисленные написанные корявым почерком объявления на улице Алма-Атинской в Бишкеке, которые зывали к прохожим: «Куплю шкуры КРС. Дорого!». Так вот куда они отправлялись...

Инспекционная поездка в национальный парк Алтын-Эмель – бывшее Тарасовское хозяйство (март 1994)

Новый 1994 год начался для меня неожиданной поездкой 29-30 марта в организованный на месте Капчагайского охотхозяйства Алтын-Эмельский национальный парк. Пока был жив А.Ф. Тарасов, директор соседнего с его хозяйством Басчинского конесовхоза Галым Турганбаев (бывший секретарь райкома) мог только с завистью посматривать на эту богатую джейранами территорию. После смерти Филиппыча, особенно после того, как его хозяйством бездарно «руководили» сменявшие один другого «директора»⁵, Турганбаеву удалось провести через Верховный Совет (он был тогда депутатом) постановление об организации на базе Басчинского конесовхоза и Капчагайского заповедно-охотничьего хозяйства (!) новой ООПТ – Алтын-Эмельского ГНПП (государственного национального парка) республиканского значения, хотя это шло вразрез с предлагаемым нами с Бланком и уже включённым в перспективный план развития ООПТ созданием национального парка под названием «Илийская долина», включающего, помимо Капчагайского ГОЗХ, также горы Актау и Катутау с песчанами массивами правобережья, а также часть левобережья реки Или, включая всё

⁵ Один из них, некто Красноюрченко, прославился тем, что увидев в речке у кордона Кызылаус большое количество гаммарусов, крикнул егерю: «Ты что это развёл в речке чёрт знает что? У тебя есть дуст? А ну тащи сюда, будем травить эту нечисть!» – *Прим. авт.*

Капчагайское водохранилище и Чарынский каньон с реликтовой рошей согдийского ясеня. Нам пообещали, что это будет вторая очередь...

После создания национального парка «Алтын-Эмель» настал черед завидовать другим (также из числа бывших партийных руководителей районного масштаба), и в результате появилась большая газетная статья с подписями учёных и писателей (в том числе М.Д. Зверева, Е.В. Гвоздева и моей) с критикой в адрес руководства нацпарка. Немедленно была создана правительственная комиссия во главе с замминистра экологии Майрой Жунусовой, в которую вошли: сам Галым Турганбаев, областной охотинспектор Сеитпек Курманалиев, начальник отдела заповедников Тлеубек Рымжанов, начальник отдела учёта животного мира Эрнар Ауэзов, главный редактор газеты «Экокурьер» Эдуард Олегович Мацкевич, руководитель организации «Экопроект» Юрий Исакович Эйдинов, главный охотовед «Казохотрыболовсоюза» Виктор Георгиевич Егоров и зав. лабораторией охраны диких животных А.Ф. Ковшарь. В день выезда на территорию нацпарка, 29 марта, председатель комиссии, сославшись на занятость, объявила, что не может участвовать в поездке и всецело доверяет своему заместителю, т.е. мне.

Поездка была трёхдневной. В первый день нашу машину в посёлке Чингильды встретил директор нацпарка Турганбаев со своей свитой, и мы колонной из трёх машин посетили кордоны Чулакэспе и Жантугай, где и заночевали. На равнине между Тайгаком и Кзылаусом насчитали 142 джейрана (*Gazella subgutturosa*) и встретили группу из 5 сайгаков (*Saiga tatarica*), а в горах близ кордонов – несколько групп сибирских горных козлов (*Capra sibirica*) общей численностью 36 особей. На второй день, посетив ущелья Кзылаус и Талдысай, мы «прочесали» всю подгорную территорию до урочища Бесшатыр на востоке. А там Галым Турганбаев провёл наши машины в ущелье Шолбер, в котором я раньше не бывал. Перевалив верхнюю часть этого ущелья, мы оказались в другом ущелье, по которому спустились до так называемой Комсомольской базы. В горах мы встретили около 20 групп сибирских горных козлов общим числом 92 особи, а на равнине насчитали более 200 джейранов. С куланами нам повезло гораздо меньше: за два дня встретили две группы (12 и 21) и двух одиночек. На кордоне Мынбулак нас ожидали представители облинспекции по охране животного мира, областной экологии и районной администрации.

Такой представительной компанией, отобедав на кордоне Мынбулак (запомнился глубокий бассейн, в котором плавали крупные сазаны!), мы осмотрели Поющий Бархан при вечернем освещении (в 19 час он был особенно красив) и отправились в контору нацпарка – село Басчи, насчитав по пути около 470 джейранов. Вечером состоялось столь обязательное застолье с речами, преподношением чапанов и прочими атрибутами, что я начал понимать: исход работы комиссии предreshён заранее. На следующий день, 31 мая, после бесед в кабинете директора, завершившихся обильным обедом, комиссия выехала в Сарыюзек. Здесь, в здании районной администрации в 16 час состоялся доклад у первого зама районной администрации, где много внимания было уделено о подчинённости этого национального парка (местное руководство явно пыта-

лось доказать, что парк должен подчиняться *местным* властям и доходы от него должны поступать в *местный* бюджет). В конце концов, согласившись в целом с В.Г. Егоровым, что охрана природы и коммерция несовместимы, большинством голосов пришли к выводу, что этим национальным парком не должен распоряжаться только ХОЗУ Совмина и доля области в получении доходов должна превалировать. И все пропустили мимо ушей слова Ю.И. Эйденова о том, что сейчас в первую очередь от нацпарка потребуются большие капиталовложения, а отдача будет не раньше, чем через 15-20 лет... Обратном в Алма-Ату ехали в полной темноте, и Глеубек Рымжанов, которого я знал по работе в нашем институте как скромного, тихого и трезвого человека, в каждом посёлке останавливал автобус, чтобы купить очередную бутылку. А Эдуард Мацкевич всё приставал к Юрию Исаковичу с одним и тем же вопросом: как это он не знает какого-то Изю. Словом, поездка удалась на славу и результат её превзошёл все мои ожидания...

Как и следовало ожидать, Турганбаева на посту директора вскоре сменил С. Курманалиев, продержавшийся в этой должности более 10 лет и заведший здесь драконовские порядки, направленные на получение с посетителей нацпарка (в том числе и учёных!) максимальной прибыли.

Экспедиция в Джунгарию и Восточный Тянь-Шань (апрель-май 1994)

Центральным событием года стала для меня вторая поездка в Китай. Это была уже двухнедельная (26 апреля – 9 мая) экспедиция вместе с А.Б. Бекеновым по джунгарским пустыням с посещением гор Восточного Тянь-Шаня по маршруту (рис. 10): Хоргос – перевал Тальке-Даван (через хр. Борохоро) – оз. Сайрам-нор – город Савен (26.04) – город Мори (27-30.04) – ур. Касым-Турангы в щебенистой пустыне близ г. Коксерке, в 137 км северо-восточнее Мори (1-2 мая) – оз. Баркол в Восточном Тянь-Шане (3 мая) – Мори – Читай – пустыня Курбан-Тонгут (заповедник Карамайли, 4 мая) – щебенистая и песчаная пустыня – урочище Ву Сей Чен – город Фукан – биостанция ИБПП (5 мая) – саксаульники – оз. Тянци – город Урумчи (6-8 мая) – Хоргос (9 мая). Протяжённость маршрута – 3 тыс. км. С китайской стороны в экспедиции участвовали Аблимит, Гао Синь-И и Суй Ке-Фен.

В этой поездке мне очень пригодился купленный диктофон, в который я диктовал все свои учёты птиц с автомобиля, вместе с описанием проезжаемых мест и своими личными впечатлениями от них. Резуль-

Рис. 10. Маршрут экспедиции 1994 г. (штриховая линия). Цифрами обозначены места ночёвок: 1 – город Савен; 2-5 – город Мори; 6 – урочище Касым-Турангы в пустыне близ гор Коксерке; 7 – шахтёрский посёлок Комырши; 8 - город Мори; 9 – алтайский участок заповедника Карамайли; 10 – Фуканская биотанция; 11 и 12 город Урумчи; 13 – с. Сюйдын

татом поездки стала опубликованная в журнале *Selevinia* статья «Путевые заметки о птицах Джунгарии (Северо-Западный Китай)» (Ковшарь, 1994). В ней приводится аннотированный перечень всех 79 видов встреченных нами птиц. Здесь же я поделюсь только некоторыми своими впечатлениями от этой поездки, от посещённых нами мест и некоторых местных обычаев.

Начну с нашей территории. Когда в 22 часа вечера 25 апреля мы с Бекеновым и сопровождавшими нас до Хоргоса его зятем и Нариманом Абдрахмановым (муж нашего учёного секретаря Ляйли Талиповны) приехали в село Педжим, оказалось, что ночёвка в местной гостинице стоит целых 25 тенге (первоначальный курс тенге, введенного в оборот 15 ноября 1993 г., был очень высок – 7 тенге один доллар). Пришлось ночевать у какой-то старушки рядом, которая разрешила загнать во двор нашу машину.

Утром 26 апреля на китайской стороне границы нас встретили Аблит и Батырхан. Дорога на УАЗ'ике была гораздо быстрее и интереснее, чем в спальном автобусе. На перевал Гоз-Гу (китайское название), или Тальке-Даван по уйгурски, мы поднялись среди дня и имели возможность обозревать всю панораму котловины озера Сайрам-нор, которое лежало на высоте 3000 м, ещё скованное льдом. Возле города Дзинха мы пересекли железную дорогу и пошли вдоль неё по глинистой пустыне с адырами и бедлендами, очень напоминающими таковые Западного Копетдага в Туркмении. Когда дорога пошла вдоль гор и стали чаще встречаться посёлки, я обратил внимание, что птиц в них практически нет – даже вездесущих воробьёв и домашних голубей! Как будто вымерли. Как тут не вспомнить расхожую китайскую поговорку: «Муха – тоже мясо!».

Заночевали в городе Савен (Shawan). Здесь я увидел первого воробья! И пока шёл текущий ремонт машины, нас познакомили с картой, где наш предстоящий маршрут был расписан буквально по часам – вплоть до 8 мая. Мои просьбы о посещении Турфанской впадины оказались напрасными – маршрут уже утверждён!

В 15 час 27 апреля проехали село Фукан, в 5 км от которого расположена территория Фуканского биосферного заповедника. В небольшом городе Читай (каз), или Кучун (уйг), где проживают в основном казахи и уйгуры, – очень красивое красно-кирпичное здание с журавлями и совершенно изумительный бар из синего стекла. Городок очень красив. К вечеру приехали в город Мори в северных предгорьях Богдошаня, где пробыли до 1 мая. Когда утром 28 апреля я встал пораньше и сделал полторачасовую экскурсию в сторону гор, наблюдая и записывая птиц, все встречные, особенно велосипедисты, которых здесь много, провожали меня внимательными взглядами. Возможно, их привлекал висевший на шее бинокль, которым я постоянно пользовался, но не исключено, что причиной была моя белая голова, поскольку ни одного седого мужчины я не встретил ни в этот день, ни в последующие (лысые встречались, но вот седых – ни одного!). А когда я вернулся в гостиницу, то застал здесь переполох – меня искали! И Аманкул попросил меня больше так, без спросу у наших сопровождающих, не уходить. Пришлось вспомнить наше недавнее прошлое, когда мы

поручали каждого иностранца своим сотрудникам, говоря им, что они головой за него отвечают. Как быстро забывается такое...

Город Мори по направлению к горам постепенно переходит в село с дувалами – как в Узбекистане. Вот только свиней здесь почему-то много и они нередко ходят свободно по улице. А горы в 2 км очень напомнили мне родные Джабаглытау – такие же сглаженные, с отдельными пятнышками снега. После завтрака 28 апреля нас повезли в село Бай-Йанхе, или Актерек-сай, где по заданию лесного комитета молодой парень Йын-Джиа-Джен содержит и пытается разводить темнобрюхих уларов (*Tetraogallus himalayensis*), взятых в горах Богдо-Шань. В вольере размером 5x7x2 м во дворе ходили взрослые самец и самка, а также 9 молодых птиц, привезенных из гор. Кормит их он комбикормом с биологическими добавками, даёт также мёртвых насекомых. В углу вольера есть щебёнка для использования в качестве гастролитов, а в другом углу – вскопанная ямка для купания в земле. Всё строго по науке. А на лето он вывозит их в горы, на высоту более 2000 м, где также имеются вольеры (здесь – всего 1600 м). Там им дают свежую зелень и луковицы горных трав. И взрослые и молодые птицы имеют вполне здоровый вид.

На 29 апреля был намечен выезд на озеро Барколь, но уже ночью пошёл обложной дождь, перешедший в мокрый снег, и нам пришлось задержаться в Мори до 1 мая. Все эти дни ушли на общение и обмен информацией с китайскими коллегами. Интересные сведения сообщили они о заповеднике Карамайли, территорию которого мы должны будем посетить. Расположен он в Джунгарской пустыне на площади 17 тыс. км² и создан для охраны копытных. В штате 21 чел. По данным 1992 г., здесь обитало 10 тыс. джейранов и около тысячи куланов, но зимой 1992/93 г. погибло около тысячи джейранов. По данным, которые сообщил нам Аблимит Абдикадир, фауна позвоночных Синьцзяна насчитывает 750 видов, относящихся к 324 родам и 102 семействам, в том числе: рыбы – 85 видов (из них только 35 видов аборигенных!), земноводные – 7, рептилии – 46, птицы – 475, млекопитающие – 137 видов. Редкие виды птиц первой категории числом 12 видов, за единственным исключением (черношейный журавль – *Grus nigricollis*) – те же, что и у нас: белый и чёрный аисты, орлан-долгохвост, бородач, стерх, стрепет, дрофа, джек. И ещё одна ценная информация: в 1986 году в Китае было 333 заповедника на площади 19 млн. га, что составило 2% площади страны (из них 6 биосферных заповедников и 30, имеющих всекитайское значение). А в Синьцзяне – 20 заповедников на площади 10 млн.га (более половины площади всех китайских заповедников). Не лишне было узнать, что огромная пустыня, занимающая Джунгарскую котловину, называется Курбан-Тонгут. Я использовал возможность рассказать о нашем журнале *Selevinia* и пригласил китайских коллег присылать нам рукописи; тут же нашлось несколько потенциальных авторов.

Интересно, что 30 апреля в столовой справляли свадьбу: в зале собрались около ста человек – все мужчины, а женщины вместе с невестой праздновали где-то в другом месте. В этот день мокрый снегопад перешёл в настоящую метель и покрыл землю слоем 13 см. Всё это очень напомнило мне весенние

возвраты холодов в заповеднике Аксу-Джабаглы. Утром 1 мая, несмотря на пасмурную погоду, снег начал таять и примерно в полдень мы на 4-х машинах отправились на восток-северо-восток в глинистую пустыню. Машины наши буксовали по очереди и продвижение шло медленно. Терескенники сменялись биюргунниками и всё это напоминало мне восточные районы Бетпак-Далы. Одолев к вечеру чуть больше 130 км, мы стали на ночь у казаха-верблюдовода, в глиняном доме, обложенном кирпичом и обогреваемом «буржуйкой» (абсолютная высота 940 м). На следующий день, 2 мая, проехав на машине около 90 км, мы несколько раз встречали джеков, и я принимался искать гнезда, но найти их так и не удалось – птицы очень искусно имитировали то насиживание, то беспокойство у гнезда, а затем вдруг улетали. Основу орнитофауны составляли малые (*Calandrella brachydactyla*) и рогатые (*Eremophila alpestris*) жаворонки, причём последние явно степного подвида *E.a. brandti*.

На обратном пути к месту ночёвки мы остановились около казахской юрты, где нас пригласили на чай. Интересно было посмотреть быт здешних казахов, ведь эта большая территория так и называлась – Казахский район. Внутреннее убранство юрты ничем не отличалось от такового у нас, в Казахстане, как и радушие хозяев. Они с большим интересом расспрашивали о Казахстане. Старик-хозяин рассказывал Аманкулу Бекенову, что ещё от своего деда слышал о том, что на севере есть большая страна – Казахстан, где живут такие же казахи, как они. Но никто из его семьи там не бывал. Язык был тот же, они с Аманкулом изъяснялись без всяких затруднений, лишь только названия некоторых бытовых предметов различались. Запомнилось, что пиала у них называлась другим словом – тем, которым в Казахстане обозначают стекло (в том числе стакан).

На месте ночёвки нас угостили обедом: лапша с арахисом (!) и шубат. В разговоре с хозяином выяснили, что место это называется «Касым-турангы» (горы восточнее нас – Коксерке), а джек, о котором я всё время расспрашивал – «токтыбалак». Выехали около 14 час и, миновав полосу молодого саксаульника, снова оказались среди щебенистой пустыни с участками, поросшими тасбиюргуном, и огромными проплешинами из мелкой, покрытой солнечным загаром гальки. Такой ландшафт расстилался до горизонта.

К 16 часам, миновав горы Бейтык, достигли расположенного в небольшой котловинке села Кумчагыр (кум – песок, чагыр – терескен), а к 20 часам, спустившись в межгорную долину, приехали в город углекопов Камырши, расположенный на высоте 1590 м. После долгих поисков нашли дуганскую столовую («для муслимов») и остались в ней, а Гао увёл своих соплеменников в китайскую харчевню. Рядом со столовой была и ночлежка: длинный коридор с входами в 3 или 4 крохотных комнатки, завешенными одеялами (дверей не было). В комнатке – топчан с тюфяком и подушкой, набитой гречкой. После 169 км езды по далеко не идеальной дороге спал я на этой гречке, как убитый...

Утром 3 мая, когда яркое солнце в 5 час 50 мин осветило город, оказалось, что зелени в нём нет совершенно. Тем не менее, во дворах оживлённо чирикали домовые и полевые воробьи (*Passer domesticus*, *P. montanus*), от которых мы уже успели отвыкнуть. К 9 часам мы уже были на берегу озера Барколь, у севе-

Рис.11. Участники казахско-китайской экспедиции. Май 1994 г.

ро-восточной окраины села Дахэ. Здесь, на всходах озимой пшеницы, кормилось не менее тысячи журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*), которые через час начали разлетаться парами, улетая с курлыканием в южные предгорья северного хребта. Берега озера в районе райцентра Барколь – топкие, засоленные, с редкими кустами чия (*Lasiagrostis* sp.), а на подгорной равнине, шириной около 1 км, – такого

же рода мокрый кочковатый «луг». На белых от соли кочках высотой до метра мы встретили одиночного серого журавля (*Grus grus*), по-видимому, жившего здесь. Вдоль дороги, идущей южнее озера – типичные казахские аулы.

Обратный путь на запад проходил по живописнейшим местам. После долгого затяжного подъёма мы достигли перевала (2090 м) и здесь встретили стайку из 15 снежных выюрков (*Montifringilla nivalis*), показавшихся почти белыми птицами с чёрными концами крыльев. А на спуске нам несколько раз попадались стайки из 10-15 горных чечеток (*Acanthis flavirostris*). Самыми обычными вдоль дороги были рогатые жаворонки (*Eremophila alpestris*), реже попадались обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*).

В 16 час мы начали спуск в котловину, до высоты 570 м. В самом начале спуска был крутой поворот к югу, на Ляодун, и я с тоской посмотрел на эту дорогу, уходящую в сторону Турфанской впадины, которую мне так и не суждено увидеть... Дно котловины, которую я для себя окрестил «каменным мешком» было покрыто глиной с жёлтыми выгоревшими солянками и белыми засоленными участками. Со всех сторон нас окружали склоны гор из чёрного камня (порфириды?), совсем лишённые растительности. Проехали село Джетыкудук и только в 18 час начали выходить из этого «каменного мешка». В город Мори прибыли уже в полной темноте, почти в 22 час. Здесь произошёл забавный инцидент, о котором в моём дневнике стоит пометка: «сукин сын из районного отдела международных связей пытался спить (фужером – водку). Обошлось». А дело было так.

Едва дав нам умыться с дороги, радушные хозяева усадили нас в столовой за ужин, который длился до 24 час. Что такое китайская водка, сейчас знают все. А нам тогда она была в новинку. Крепкая, обжигающая жидкость с неприятным запахом была хороша тем, что не оставляла никаких последствий на следующий день (Флинт бы сказал: смотря сколько выпить!). Пьют её из миниатюрных стеклянных рюмочек (не более 30-50 мл), а тостом служит одно слово – «гамбей» («до дна!») – как будто такую дозу можно разделить

на части...). В этот раз нас угощали рыбой, которую китайцы очень любят. В данном случае это была не просто рыба, а крупная целиком приготовленная рыбина, поставленная в самом центре вертящегося стола. Стол вращали, почти как рулетку, а затем ждали, когда он остановится. Голова и хвост рыбы указывали на двух человек, которые должны обменяться тостами (а потом – «гамбей»). Выпало так, что голова рыбы остановилась на мне. И только я взял рюмку и приготовился говорить тост, как вот тот самый из отдела международных связей (см. выше) крикнул: «Стоп! Принесите ему фужер». Тут же был принесен большой фужер и наполнен водкой. Аманкул тихо сказал мне, что от меня сейчас зависит престиж наших зоологов. Но когда я предложил ему разделить эту ответственность со мной, тут же отказался, заохав, что у него язва и пить вообще нельзя. Пришлось выпить. Престиж я не уронил, аплодисменты сорвал, но больше пить не стал.

Утром 4 мая в центре города Мори я буквально перед выездом успел понаблюдать за парой буланых вьюрков (*Rhodospiza obsoleta*), которые выбирали место для гнезда в молодой сосенке, всего в 1 м от проезжей части улицы; самка облюбовала густую мутовку хвои у самой развилки ствола. В 11 час мы уже выехали в Читай (6-я дивизия). Здесь нам приготовили чаепитие в кабинете директора дивизии. Странно было слышать такое сочетание (директор и дивизия), но здесь это было принято. Основное направление этой дивизии – животноводство, а точнее – мараловодство, разводят их уже второй год. Нас возили смотреть это хозяйство – каменные загоны с решётками. Сейчас в дивизии 55 маралов, из них 21 самка. Производителей закупают у местного населения.

В полдень в дивизии был дан обед. Чтобы можно было представить, что это такое, просто перечислю блюда. Вейджин, или тукумшорпа (яйца+крахмал+кукурузная крупа); саумен (рожки с бурьяном, мясом и соусом); уйгурский шашлык на зубочистках со спиртом; сухожилия яка; рыба; яйца перепела; курица; бараньи рёбра с бульоном и морковью; помидоры с сахаром; острая рисовая лапша. И вдобавок ко всему вдоль стен стоят клетки с живыми объектами (вплоть до змей и ящериц), любой из которых тебе тут же могут приготовить – прямо на глазах, именно то, что ты выбрал...

После обеда посетили контору Карамайлинского заповедника, созданного в 1980 г. Это красивое двухэтажное здание, а рядом строится 5-этажный жилой дом для работников лесного комитета – длиной около 100 м! Около часа провели в кабинете директора, где он с нашими сопровождающими беседовал по-китайски, Аблимит молчал, а мы с Аманкулом рассматривали очень красиво сделанный текстовый стенд о партии и вообще кабинет, в котором тумба письменного стола была закрыта на крупный висячий замок. А до заповедника ещё добираться 250 км. Выехали вместе с директором только в 16 час.

В 18 час остановились в солончаковой пустыне с бояльчем – около загон с лошадьми Пржевальского. В большом каменном загоне (400 га) содержится 49 лошадей – 29 самок и 20 самцов, разводимых здесь с 1985 года (исходный материал получен из Англии, Германии и Японии). Всего здесь размножалось 34 самки. Когда численность достигнет 80 голов, начнут выпускать в Джунгар-

скую пустыню. Сейчас 5 самок беременные. Большую проблему в летнее время представляет дефицит питьевой воды...

Дальнейший наш путь пролегал на северо-восток, в сторону Алтайских гор. После барханов, поросших саксаулом, пошли слабо всхолмленные пески с тем же саксаулом; потом – абсолютная равнина, покрытая тонким слоем чёрной щебёнки, практически без растительности; поле неё – голая светлая глина без единого кустика. Затем начался подъем в горы – сначала гряды красных гор, потом – чёрных; их прорезал наш асфальт, идущий на север, в Алтай. На Алтайский участок заповедника мы прибыли уже по темноте, в 21 час. Отсюда территория его простиралась ещё 200 км на северо-восток – до реки Улунгур. Абсолютная высота места нашей ночёвки (уч. № 3, Карабастау) – 1000 м.

Утренняя экскурсия 5 мая по голым, щебенистым склонам этих гор показала, что все они изрыты колониями песчанок (*Meriones* sp.), а из птиц чаще всех других, вместе взятых, встречались рогатые жаворонки (*Eremophila alpestris*), гораздо реже – пустынные каменки (*Oenanthe deserti*), монгольские пустынные снегири (*Bucanetes mongolicus*) и горные чечётки (*Acanthis flavirostris*); из пернатых хищников встретился только один центральноазиатский канюк (*Buteo hemilasius*). В одном месте я наткнулся на труп кулана (*Equus hemionus*), у которого кто-то обрезал копыта. В целом горки выглядели довольно безжизненно. В глинистой пустыне, куда мы выехали в 8 час, жизни было больше. Здесь также преобладали рогатые жаворонки и стайками попадались горные чечётки, но кроме них мы встретили несколько каменок – плешанок (*Oenanthe pleschanka*) и плясуний (*Oenanthe isabellina*), а также какого-то из малых жаворонков (*Calandrella* sp.). За час встретили около 20 джейранов и в четырёх местах видели одиночных жёлтых пеструшек (*Lagurus luteus*). На солонце, между кустиками саксаула, прятались от сильного ветра 40 журавлей-красавок. К 14 час спустились в долину (абс. высота 470 м) и недалеко от посёлка Ву-сей-вэн пообедали, а к 18 час были уже в городе Фукан, где уже шёл ремонт нашей второй, красной машины (такие знакомые хлопоты...). На ужин здесь впервые дали рис!

На следующий день после знакомства с Фуканской биостанцией и её окрестностями выехали на озеро Тяньчин, очень напоминающее Большое Алматинское озеро как общим ландшафтом, так и населяющими эти еловые леса птицами. Абсолютная высота озера – 1930 м, а за ним вместо Пика Советов возвышается вершина Богдо (5450 м). После обеда в Фукане выехали в Урумчи, где нас встретили сотни чёрных стрижей (*Apus apus*), с криками реющих над домами и между ними. После двух дней работы в городе (7 и 8 мая) утром 9 мая на малолитражке «Changan» (чон-эн), по размерам меньше «Запорожца», мы отправились в обратный путь – к китайско-казахской границе. Здесь, в селе Суйдын, у самой границы, мы переночевали, а рано утром были уже в Хоргосе. Так закончилась эта двухнедельная поездка, давшая мне так много для понимания природы Джунгарии и для знакомства с нашими соседями – их работой, нравами и обычаями.

После нас (в конце мая-июне) по тому же договору в Синьцзян съездила вторая группа наших зоологов (Т.Н. Досжанов, Ю.С. Лобачёв и С.Н. Ерохов),

обозначенная в Договоре как «группа по изучению ондатры и лебедей». Им повезло гораздо больше – и по погоде, и по маршруту, который включал Турфанскую впадину и пустыню Такла-Макан (посетить каждое из этих мест так и осталось моей несбывшейся мечтой).

Первая японская группа и выработка орнитологических маршрутов (лето 1994)

Китайская поездка оказалась единственной моей экспедицией в том году. В июне около недели я провёл со второй организованной группой орнитологических туристов – на сей раз из Японии. Прислал её достопочтенный мистер Томияма, а турлидером был уже хорошо известный орнитолог Акира Хиби (Akira Hibi). В составе группы была известная японская писательница Юкико Като, подарившая мне в конце поездки прекрасный определитель птиц Японии (рис. 12). В течение недели я показал им птиц окрестностей Большого Алматинского озера и Космостанции, после чего мы посетили пустынную долину реки Или в районе Нурлы и Бурандысу, побывав в туранговой роше на берегу Или, напротив Поющего бархана. Так постепенно выработывались постоянные маршруты, которыми сейчас регулярно пользуются в Казахстане бёрдвочеры многих стран.

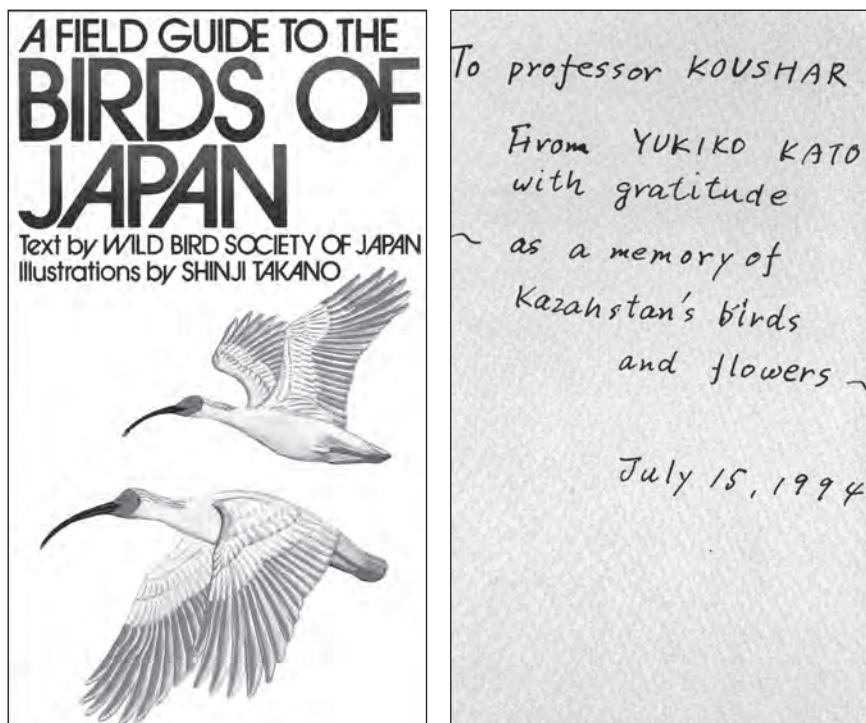

Рис. 12. Обложка и форзац книги с автографом Юкико Като

К концу года мне позвонил бывший помощник председателя Президиума Верховного Совета КазССР Рафаил Николаевич Воронин, с которым мы познакомились когда-то на почве того, что его шефа на прачувательственной даче одолели змеи – двух из них нашли прямо около телефона! Помню, как мы с Зоей Карповной Брушко ездили на эту дачу, смотрели «место происшествия» и в результате посоветовали завести в этом огороженном уголке высоких предгорий Заиллийского Алатау побольше ушастых ежей, они справятся со змеями лучше, чем какие-то мифические ядовитые препараты, которые он хотел получить от нас. Так вот, этот Рафаил Николаевич, оставшийся работать на каком-то высоком посту в ХОЗУ Совмина, уловил веяние времени и решил заняться организацией экологического туризма. Мне он предложил составить описания маршрутов и обещал за это золотые горы. Маршруты я составил и в назначенный срок отдал ему, но ни золотых гор, ни его самого после этого так и не видел. Через год история повторилась в Госкомэкологии, где также срочно занялись экологическим туризмом и взяли у меня эти маршруты – как оказалось, безвозмездно...

Спустя пару лет я узнал, что по этим маршрутам уже стали появляться организованные группы орнитологических туристов. А ещё через год я использовал эти свои тексты уже для организации бёрдвотчинга в фирме «Хан-Тенгри», где они с успехом используются и по сей день.

Борьба за существование журнала Selevinia в первые годы (1994-1995)

Осенью, в октябре 1994 г., я совершил ещё одну поездку в Ашхабад с рукописями первого тома сводки «Птиц Средней Азии». В этот раз мне удалось сделать для себя небольшое открытие: оказывается, туркменская орнитологическая коллекция сгорела не вся, как это было принято считать, а только та, которая хранилась в Институте зоологии АНТ. Кроме неё осталась ещё зоологическая коллекция в Национальном музее истории и этнографии Туркменистана, о которой почему-то нигде не упоминается. Это «открытие» меня так поразило, что помимо поисков необходимых мне для работы тушек птиц я сделал опись всей орнитологической части коллекции и опубликовал этот список в журнале «Selevinia», чтобы специалисты помнили о существовании такой коллекции и могли её использовать.

Здесь самое место рассказать о том, как существовал этот журнал в этот первый год своей жизни. Каждый из четырёх вышедших в этом году номеров формировался в РИФ «Конжык», а я гораздо больше времени, чем на сбор и редактирование рукописей, тратил на поиски спонсоров. К фирме «Мунай» никаких претензий не было: они помогли издать первый выпуск, а на большее и не подписывались; их финансовые дела шли не блестяще.

Первый бизнесмен, к которому я, по совету С.А. Крымовой, обратился за помощью, был молодой, многообещающий бизнесмен Булат Абилов, владелец сети магазинов «Бутя». Светлана Азарьевна взяла меня с собой на беседу с этой восходящей звездой казахстанского бизнеса, у которой она должна была взять

интервью. До сих пор стыдно вспоминать, как я битый час слушал бесконечные беседы по телефону этого холёного молодого человека – только для того, чтобы на моё *трёхминутное* вступление услышать в ответ: «Я не так богат, как Вы думаете», на чём аудиенция была закончена. Второй юноша, бывший аспирант Е.В. Гвоздева (кстати, опубликовавший в соавторстве с ним статью в нашем журнале и обещавший Евгению Васильевичу всяческую помощь), работал в фирме «Астана Моторс» и долго морочил мне голову обещаниями, а где-то после пятого моего посещения (в назначенный им день) стал меня избегать – на этом всё и закончилось. Стало ясно, что наши новоиспеченные «бизнесмены» ещё не насытились, не созрели...

На первый номер 1994 года нашёл деньги Алматинский заповедник и часть средств пожертвовали частные лица: Katlen Braden – профессор географии университета г. Сиэтл (США) и моя новая знакомая – пенсионерка Зоя Петровна Якушева. Это та самая невеста Селевина, телефон которой дал мне Максим Дмитриевич Зверев. Когда мы с Мариной Дмитриевой пришли к ней домой с первым выпуском журнала (1993), они с супругом Григорием Васильевичем Нечитайло были вне себя от счастья – шутка ли, более чем полвека спустя имя Селевина возродилось в названии журнала! С этой встречи началось наше знакомство, длившееся с Григорием Васильевичем около пяти, а с Зоей Петровной – почти 18 лет! Эта замечательная пара заслуживает отдельного рассказа...

На печатание второго номера за 1994 год дали деньги Главное управление по охране животного мира («Казглавохота» – А. Жумадилов и Э.М. Ауэзов) и производственное объединение «Охотзоопром» (В.В. Украинский). За средствами на издание третьего номера я рискнул обратиться к министру недавно образованного Министерства науки и новых технологий Г.А. Абильсиитову – известному учёному, до этого руководившему крупным академическим институтом в России. По стечению обстоятельств министерство это находилось в том же здании, что и редакция нашего журнала. Поэтому, прочитав на моём письме обратный адрес, Галым Абильсиитович, удивлённый таким совпадением, спустился к нам и осмотрел наши «производственные мощности» в виде нескольких компьютеров и принтера. Побеседовал с нашей верстальщицей, дал

Книжная лавка

Зоологический журнал «Selevinia» объявляет подписку на 1995 год

Уважаемые читатели и авторы журналов!

«Selevinia» – старейший научный журнал в Казахстане, основан в 1931 году в Ленинграде. Журнал посвящен животному миру нашего региона и мирового животного мира. Журнал рассматривает все вопросы зоологии, анатомии, физиологии и систематики биологических объектов.

Темами статей, опубликованных в журнале, являются животный мир Казахстана, фауна и флора, условия среды обитания, вопросы охраны природы, СЗН, охота, Голландия, Швейцария и другие страны. Журнал рассматривает 20 научных специальностей 24-х специальностей. Информацию о журнале, подписку и авторские свидетельства на журнал «Selevinia» в России (Алматы).

Стоимость подписки (в \$ US)	
Для Казахстана – индивидуальная	2
Для Казахстана – для организаций	4
Для стран СНГ – индивидуальная	4
Для стран СНГ – для организаций	8
Для зарубежных читателей	50

Где заказать? В Алматы: ул. Тельмеги, 27 (тел. 44-129999), комн. 82.
Тел.: 01 00001 00-00000.

Рис. 13. Объявление о подписке (Selevinia, 1994, № 4)

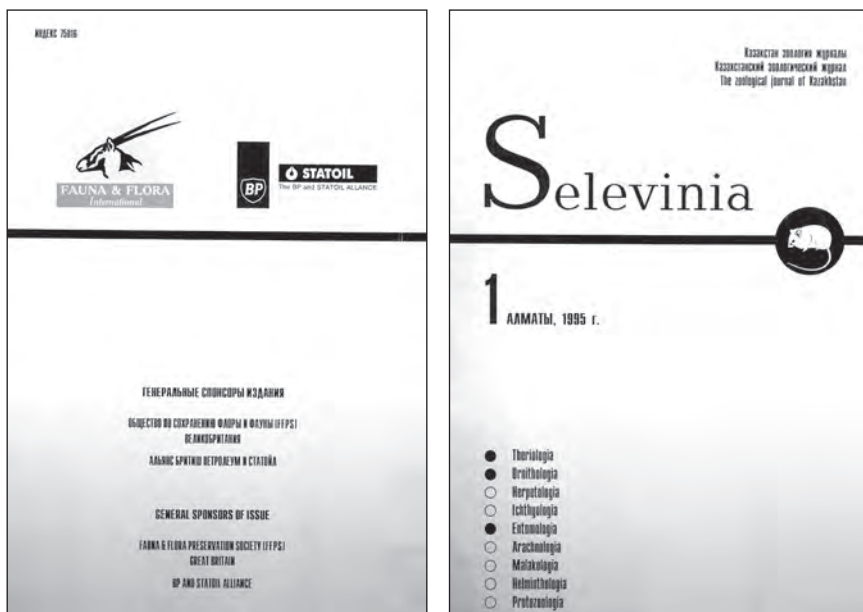

Рис. 14. Новый дизайн обложки журнала. 1995 г.

ей несколько ценных технических советов и... выделил нам 50 тысяч тенге, достаточных для выпуска третьего номера. Такая удача вселяла в нас оптимизм.

Спонсором четвертого номера стал благотворительный Казахстанско-Саудовско-Аравийский экологический фонд «КазСАЭФ», что было, в сущности, оплатой за рекламу этого фонда, которую мы разместили в одном из следующих номеров журнала. Надо отдать должное Карине – она прилагала все усилия для поисков рекламы, размещая иногда даже очень далёкую от тематики нашего журнала; так же точно она старалась красочно оформить объявление о подписке (см. рис. 13). Однако реклама КазСАЭФ сослужила нам плохую службу: на одном из совещаний в Пакистане один из московских деятелей, представитель «зелёных» обвинил меня в том, что я продался арабам (!) и на их деньги печатаю свой журнал... Впоследствии это обвинение повторил один из наших академиков Аймак Джангалиев на общем собрании Академии наук Казахстана. Так что, помимо траты времени, сил и нервов, поиски спонсоров нередко приносили «искателю» и синяки...

Надо было, во что бы то ни стало, найти постоянного спонсора. На Институт зоологии надежд не было, он сам переживал нелёгкие времена. Кто-то (как бы не та же Крымова) посоветовал мне обратиться в посольства. И вот я с очередным письмом-прошением – на приёме у председателя Британского совета, в посольстве Великобритании. Мисс Элизабет Уайт очень внимательно изучает моё письмо, задаёт вопросы и обещает поискать средства по своим каналам. Через несколько дней она приглашает меня и сообщает радостную весть: она

в принципе договорилась с представителями двух крупных компаний – British Petroleum и Statoil, которые сейчас создали альянс «BP and Statoil Alliance» и готовы оказать нам помощь в размере стоимости годичного комплекта – через общественную международную организацию «Fauna&Flora International». Так мы получили передышку на целый год! Пришлось тут же поменять дизайн обложки, поставив на 4-ю страницу информацию о генеральных спонсорах издания с их логотипами (рис. 14). Теперь можно рассказать и об удивительной супружеской паре З.П. Якушева – Г.В. Нечитайло.

Зоя Петровна Якушева (1913-2010). Кандидат химических наук, выпускница САГУ (ныне Ташкентский национальный университет), где познакомилась с аспирантом Виктором Алексеевичем Селевиным (1905-1938), влюбилась в него и стала его невестой. После перевода Селевина в Казахский университет переехала вместе с ним в Алма-Ату, где на 10 ноября 1938 г. была назначена их свадьба. Однако скоропостижная смерть В.А. Селевина 4 ноября 1938 года не дала осуществиться этим планам. Зоя Петровна осталась в Алма-Ате и всю жизнь проработала на кафедре химии Казахского университета им. Кирова, где и защитила диссертацию на тему «Физико-химические свойства некоторых глин Казахстана». Всю жизнь она свято чтит память своего жениха, хранила его письма, рассказывала молодым поколениям об этом талантливом орнитологе и покорителе природы пустыни Бетпак-Дала. На свои средства она соорудила В.А. Селевину небольшое надгробие на центральном кладбище города Алма-Аты и много лет ухаживала за его могилкой. По моей просьбе она опубликовала наиболее интересный биографический очерк о нём в журнале «Selevinia» (Якушева, 1994). Она очень долго не выходила замуж и лишь спустя годы встретила Григория Васильевича Нечитайло, у которого умерла жена и на руках оставались слепой, без руки отец и дочь 14 лет. В феврале 1945 г. Зоя Петровна вышла замуж за Григория Васильевича, с которым счастливо прожила более полувека (рис. 15а).

В своих воспоминаниях Григорий Васильевич посвятил ей не одну страницу, в том числе и такие строки: «Работая ассистентом на химическом факультете Казахского государственного университета, Зоя взяла на свои плечи все домашние хлопоты, заботы обо мне, о моей доченьке Мире и о моём беспомощном отце. Моя Зоя была самым замечательным человеком, с которым свела меня судьба. За полвека совместной жизни мы не сказали друг другу худого слова» (Нечитайло, 1998, с. 74). К сожалению, детей у них не было, поэтому Зоя Петровна очень трогательно заботилась о своих племянницах, которых у неё было несколько и у которых она провела последние годы жизни. Когда мы с ней

Рис. 15а. Григорий Васильевич, Зоя Петровна Якушева

познакомились, ей уже шёл 80-й год, а Григорию Васильевичу – 88-й, но оба они были полны бодрости, оптимизма и очень радушно относились к гостям. С ними было очень интересно беседовать, поскольку каждый знал очень много – и не только в своей области, а рассказчиками оба были замечательными.

Благодаря Зое Петровне все мы узнали могилу В.А. Селевина, которая оказалась совсем близко от дорогих нам могил И.А. Долгушина и М.А. Кузьминой, а от надгробия К.И. Сатпаева – всего в 20-30 м. Помню, как первый раз мы с ней посетили эту могилку, где Селевин похоронен рядом с Белослодовым, и какими ухоженными были обе могилки, за которыми постоянно ухаживали Зоя Петровна и Григорий Васильевич. И теперь ежегодно 30 марта, в долгушинский день, мы обязательно заходим и кладём цветы также на могилу Виктора Алексеевича Селевина, который был другом И.А. Долгушина.

Каждый выпуск журнала, который мы обязательно приносили в этот дом, был настоящим праздником для Зои Петровны и Григория Васильевича. И когда случались непредвиденные задержки, они звонили, спрашивали – почему не приходим. Жили они практически напротив моего дома и грех было не забежать к ним хоть на несколько минут – хотя минутами, как правило, такие посещения не ограничивались...

Когда не стало Григория Васильевича, Зоя Петровна разменяла квартиру и переехала на улицу Куляш Байсеитовой – прямо рядом с поликлиникой Совмина. Теперь каждое посещение этой поликлиники, к которой я был прикреплен с 1981 года, не обходилось без того, чтобы не забежать к Зое Петровне. Здесь она жила с младшей сестрой Руфиной, которая часто болела, поэтому посещения не могли быть очень продолжительными. Как-то Зоя Петровна показала мне одну из своих реликвий – письмо В.А. Селевина, которое начиналось словами: «Здравствуй, мой пигальчонок», и сказала, что забыла, какая это птичка. Пришлось показать фотографию чибиса, которого в те времена звали пигалицей.

Меня всегда поражала подтянутость и собранность Зои Петровны, ясность ума и трезвость в рассуждениях. Никому в голову не могло прийти назвать её старухой, даже когда ей исполнилось 90 лет. Она всегда с большим интересом расспрашивала о жизни института, о знакомых по академии, о моих трудах и планах на будущее. Именно она, приводя в пример Григория Васильевича, надоумила меня привести в порядок письма, рукописи и другие документы, познакомила с работниками областного архива, которые тут же завели на меня «Дело» и стали в него складывать документы, которые могут представлять интерес в будущем. Начали с журнала «Selevinia» и истории его создания, а потом постепенно круг вопросов расширился. Загоревшись новой идеей, я «завербовал» также Евгения Васильевича Гвоздева, а потом – и Алдара Петровича Горбунова, архивам которых, по моему глубокому убеждению, – цены нет. Оба были мне благодарны за это.

После смерти сестры произошёл очередной обмен квартирами, и Зоя Петровна стала по очереди жить у «племянниц» – то на улице Дзержинского, то на Хаджи Мукана, то аж в микрорайоне Кулагер. Каждый раз из новой квартиры она звонила мне и просила записать её новый телефон и адрес (моя запись

ная книжка пестрит исправлениями этих номеров). И, конечно же, приглашала в гости. На Держинского я у неё был, на Хаджи-Мукана тоже. В последний раз мы были у неё вместе с двумя сотрудницами областного архива. Ей уже исполнилось 96 лет, она была слаба, но с таким же ясным умом и здоровыми рассуждениями, как и несколько лет назад. Тогда она передала на хранение в архив несколько подаренных мной экземпляров журнала «Selevinia» с автографами.

Однажды я позвонил по очередному номеру телефона, и очередная «племянница» ответила мне, что Зоя Петровна Якушева скончалась 19 августа 2010 года...

Григорий Васильевич Нечитайло (1906-1998). После его смерти, в том же году, Зоя Петровна подарила мне только что вышедшую книжечку его мемуаров под названием «Дорогой испытаний и надежд», изданную Высшей школой права «Адилет» в г. Алматы в 1998 г. (106 с., тираж 300 экз.). Отрывок из неё под тем же названием опубликован в уже упоминавшейся книге «Казахстан – Украина: дороги и перекрёстки. 1917-2008» и ему предпослана кратенькая справочка об авторе: «Родившись в Украине, Нечитайло всю жизнь прожил в Казахстане. Член Коммунистической партии с 1929 г. В 1937 г. окончил два курса Казахского института марксизма-ленинизма (г. Алма-Ата), в 1952 г. – Алма-Атинский государственный юридический институт. Кандидат юридических наук. С января по февраль 1946 г. – первый заместитель наркома торговли, с марта 1946 г. по февраль 1948 г. – заместитель министра в той же отрасли. Г.В. Нечитайло встречался со многими государственными и партийными деятелями той эпохи, в которой он жил – с Т.Р. Рыскуловым, Л.И. Мирзояном, С.М. Кировым и др. Когда академик К.И. Сагпаев был освобожден от должности президента АН КазССР, именно Г.В. Нечитайло помог ему немедленно выехать в г. Москву, чем, возможно, спас ему жизнь» (2009, с. 82).

К приведенному послужному списку стоило бы добавить как минимум два факта: Григорий Васильевич какое-то время работал заместителем председателя Алматинского горсовета (одна газетная статья о нём так и называлась «Воспоминания вице-мэра») а затем – управляющим делами Академии наук КазССР при президенте К.И. Сагпаеве. Как рассказывал мне с подробностями сам Григорий Васильевич, вопрос об аресте Сагпаева был уже предreshён, и он буквально уговорил Каныша Имантаевича уехать в Москву, предварительно купив ему билет на поезд; были также предприняты все меры, чтобы этот отъезд не получил огласки (в те времена могли арестовать и на перроне). Рассказывал он и более весёлые эпизоды. Так, когда Каныш Имантаевич объявил своим сподвижникам, что скоро будет высочайше утверждён список первых академиков (в дальнейшем они уже избирались, но первых-то избирать было некому!), то один из них, всем нам хорошо известный (не буду называть фамилию), дал слово, что если это случится, он поцелует сапоги Сагпаеву. Случилось! И новоиспеченный академик выполнил своё обещание...

Много самых разных историй рассказывал Григорий Васильевич, и сейчас я очень сожалею, что не записывал его рассказов, потому что запомнились только самые яркие – вроде этой, с сапогами... А долгая жизнь этого человека охватила не одну эпоху: семилетним мальчиком он с родителями в товарном вагоне прие-

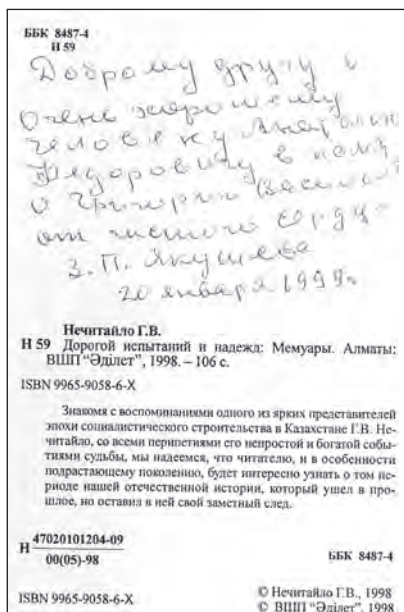

Рис. 156. Обложка и оборот титула книги Г.В. Нечитайло с автографом З.П. Якушевой

хал из Ставрополя на станцию Арысь Чимкентской области Казахстана, а оттуда на извозчике – в Пишпек (позднее – Фрунзе, а ныне – Бишкек); купив здесь пару быков с телегой, они добрались до села Прудки, Джамбулского района Алматинской области... Здесь мальчик-пастух был свидетелем трагических событий 1916 года, которые ярко описал в своих воспоминаниях (Нечитайло, 1998). Эта небольшая книжечка – всего 106 с. – часть нашей истории.

Чего только стоили одни военные годы, проведенные на таких высоких постах! Так, для того, чтобы выполнить приказ Сталина о срочном размещении прибывающего из Махачкалы в Алма-Ату оборудования демонтированного завода особого назначения и устроить на жильё около двух тысяч рабочих с семьями («За невыполнение виновных расстрелять» – говорилось в приказе), Григорию Васильевичу как руководителю горсовета пришлось за одну ночь освободить помещения трамвайно-троллейбусного депо, табачной фабрики, зооветеринарного и юридического институтов, ресторана и 36-й школы! Завод свою продукцию – торпеды для поражения тяжёлых крейсеров в океанах – дал на пятый день, как и требовалось в приказе. И это в то время, когда в городе уже функционировало более 20 эвакуированных заводов и фабрик, предприятий, вузов и проживало более ста тысяч человек эвакуированных! Меня поразили эпизод, как едва не поплатился жизнью знакомый мне по издательству «Наука» Борис Яковлевич Нинбург, который в те военные годы заведовал городским отделом сельского хозяйства и приказал опрыскать яблоневые сады какими-то ядохимикатами, ожегшими кроны, отчего яблони перестали плодоносить. Узнав

о приказе отдать Нинбурга под суд за вредительство, Нечитайло взял его вину на себя и только этим спас от гибели будущего директора научного издательства.

Почти детективной историей выглядит описание приезда в Алма-Ату в 1944 году вице-президента Соединённых Штатов Америки Генри Уоллеса: «За 5 дней до его приезда Совнарком Казахстана позвонили из Наркомата иностранных дел СССР и сообщили процедуру приёма столь высокого гостя, согласно которой его должны были встречать председатель Совнаркома Н.Д. Ундасынов, нарком сельского хозяйства С. Даулбаев и мэр города Алма-Аты К.М. Милованов, но он в это время болел, и мне как первому заместителю мэра пришлось встречать гостя. По такому важному случаю Ундасынову и Даулбаеву сшили фраки, а цилиндры они взяли в театре. А мне был шит коверкотовый костюм и куплены туфли» (с. 67). Как же они были сконфужены, когда Уоллес сошёл по трапу самолёта в расстёгнутой рубашке и в поношенных туфлях на босую ногу! Ещё больший конфуз получился, когда гость со своей свитой рано утром тихонько (пока милиционеры-женщины спали!) прошли к машине и уехали на рынок, побывали «во дворах и подъездах наших убогих домов, а наше предложение посмотреть то, что мы им приготовили, деликатно отклонили» (там же, с. 67). Так же «прокололись» наши функционеры при демонстрации образцового колхоза, где были везде расставлены переодетые актёры, которые, не стесняясь гостей, на казахском языке возмущались тем, что их оторвали от дел, заставив изображать колхозников. Оказалось, что один из двух помощников Уоллеса был сыном атамана казачьей станицы Талгар, эмигрировавшего в США; он блестяще знал казахский язык и всё, о чём говорили переодетые «колхозники», переводил своему шефу! О таких фактах можно прочесть только у Нечитайло. А сколько ещё подобных историй он знал и рассказывал их у себя дома, при свободном общении!

Я очень благодарен Григорию Васильевичу за то, что он нашёл в себе силы в 90 лет всё-таки завершить эту книжку, а его ученикам – за то, что они нашли возможность её напечатать. Ведь когда-нибудь – я в это верю – будет написана настоящая, правдивая история нашего XX века, половину которого мы жили под девизом «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!», а последнее десятилетие, как и первое десятилетие нового столетия, только и знаем, что поливаем чёрной краской те самые 70 лет, в которых родилось и успело состариться моё поколение, поведавшее немало и плохого, и хорошего.

Первая поездка в Объединённые Арабские Эмираты (март 1995)

Поскольку финансирование науки (нашей – уж точно!) в Казахстане практически прекратилось, надо было искать средства самим. У орнитологов нашей лаборатории как-то само собой определились приоритеты среди редких видов птиц. Ими оказались: джек, или дрофа-красотка (Б.М. Губин), сокола, особенно балобан (Р.Г. Пфедфер) и в какой-то степени – стерх (*Grus leucogeranus*), с которым напрямую по линии РГЖ был связан я. Первая пара видов (балобан – джек) вышла на самое главное место в силу глубокого интереса к ним арабского мира – как ловчая птица и её основная жертва. С балобаном (*Falco cherrug*)

началась настоящая вакханалия: пользуясь открытием границ, в Казахстан (и в другие страны Средней Азии) устремились торговцы соколами, которые не только сами стали вылавливать птиц, но и приобщили к этому местное население, обещая за содействие огромные по тем временам деньги. Верхушку этого «айсберга» представляли высокопоставленные лица, различного рода принцы, пользующиеся поддержкой высших эшелонов власти – вплоть до охранных грамот Министерства иностранных дел, которые позволяли им избегать досмотра как на территории Казахстана, так и в аэропортах. Помню, как на территорию лагеря одного из таких принцев не пустили Эрнара Ауэзова, который был тогда начальником отдела охраны и учёта животного мира Казглавохоты!

Многие казахстанские газеты печатали обличительные статьи на эту тему, подливая масла в огонь всякими подробностями, особенно – сообщением цен на балобана, которые одни из них определяли в 70 тысяч долларов, другие в 80 тысяч. И это в то время, когда 100-долларовая бумажка казалась для большинства их нас неслыханной роскошью! Всё это привело к тому, что отловом балобана (а заодно и других похожих на него хищных птиц!) занялось местное население, прекрасно знавшее расположение их гнёзд. Арабским эмиссарам оставалось только скупать у чабанов отловленный «товар» и переправлять его за границу. В короткий срок численность этого сокола упала в несколько раз, особенно на юго-востоке Казахстана, поближе к Алма-Ате. И Ральф только успевал считать потери.

Дрофу-красотку, или джека (*Chlamydotis undulata*) никто не отлавливал. Но ею заинтересовались как самым главным объектом соколиной охоты (есть ещё зайцы – но это удел бедных арабов). Представителей арабского мира интересовало в первую очередь состояние численности этой птицы у нас, где находится основное её поголовье. А она снижалась с 70-х гг., и джек был занесен в Красные книги всех среднеазиатских республик и СССР. Всё чаще стали говорить о разведении джека в питомниках. Всё это давало надежду, что деньги на исследования такой важной и нужной птицы можно найти за рубежом. Поэтому Б.М. Губин, который в нашей лаборатории «отвечал» за этот вид и за последнее десятилетие действительно преуспел в его познании, начал вести активную переписку с зарубежными специалистами по дрофиным птицам, связанными с МСОП. В частности, он списался с главным из них – Полом Гориапом (Paul Goriap) и его коллегами. Интерес оказался обоюдным и летом 1994 года в Алма-Ату приехал на рекогносцировку, для предварительных бесед, Питер Осборн, после чего дела заметно сдвинулись.

В феврале 1995 года в Алма-Ату прилетели уже официальные парламентарии – генеральный директор Агентства изучения и охраны природной среды (ERWDA) в Абу-Даби, Объединённые Арабские Эмираты, Mohammed Al-Bovardi и орнитологи Paul Goriap с супругой Наташей Панченко-Гориап (родом из Одесской области). Мы с Б.М. Губиным сопровождали их в поездке в пустыню Джусан-Дала и Таукумы. Погода стояла совсем не для поездки – холод и ледяной ветер. Помню, как гости всё время спрашивали: а где же пустыня? Здесь ведь есть и кустарник и трава, а пустыня – это где нет растительности... Тем не

мнее, поездка их удовлетворила, и предварительная договорённость о будущем сотрудничестве была достигнута. Уезжая, они пригласили нас навестить Эмираты, где мы сможем познакомиться с их работами и продолжить наши переговоры.

В марте мы вчетвером (с А.Б. Бекеновым, Б.М. Губиным и почвоведом Жahanом Уальшеровичем Ахановым – директором Института почвоведения и новоиспеченным академиком-секретарём Отделения биологических наук нашей Академии) прилетели в аэропорт Шарджа, где нас встретили и разместили в гостинице города Аль-Айн, в предгорьях низких ксерофитных горушек. Помню первое впечатление от автострады, идущей среди пустыни и обсаженной настоящими цветниками. Но даже не это было главным – восхищало качество покрытия дороги, таких дорог в Казахстане мы не видели. Из окон современной красивой гостиницы мы видели гигантский холм, на вершине которого возвышался столь же внушительных размеров чайник-кумган. Как впоследствии выяснилось, это был символ, который изображался даже на денежных знаках (дирхамах). А утром и вечером от этого холма, многократно усиленное репродукторами, раздавалось пение муэдзина, которое было слышно везде, где бы ты ни был.

В первый же вечер нас повезли на товарищеский ужин в какой-то другой город, не менее чем в 20-30 км. В приличном ресторане собрались многие сотрудники резиденции NARC – National Avian Research Centre, той самой, которая занималась дрофой-красоткой. Ужин был безалкогольным, так как в ОАЭ действовал «сухой закон» (хотя мы, не зная этого, умудрились привезти с собой из Алма-Аты бутылку водки и бутылку коньяку!). После многочисленных бесед и речей нас отправили в машине (здесь преобладали марки Nissan-Patrol) в город Аль-Айн, но перед самым отъездом один из сотрудников вручил нам прямо в машине объёмистый пакет с бутылками. Открыв его уже в гостинице, мы ужаснулись: там было 4 бутылки водки! Видимо, хозяева пожалели бедных русских, которые (это ведь известно во всём мире) так страдают без спиртного! Если бы они знали, что из нас четверых как минимум трое не пили *совершенно*, а четвёртый был практически безразличен к спиртному – разве что рюмку-другую за компанию...

Утром следующего дня мы с Борисом Губиным вышли во двор пораньше и первое, что мы увидели, – одетых в фирменную одежду вежливых индусов, которые поливали цветники и вообще наводили лоск в и без того чистеньком дворике. За пределами двора был какой-то сад, привлёкший моё внимание тем, что в нём не было ни одной травинки, а вся поверхность земли между стволами деревьев была покрыта толстым слоем опилок и опутана сетью тонких гибких шлангов, из которых каплями сочилась вода! Знаменитое капельное орошение я видел впервые, так же как и какую-то белоглазку в кроне дерева. А над нами летали изумительной красоты крохотные шурки (*Merops orientalis*) – вдвое меньше столь привычных нам золотистых шурок (*Merops apiaster*).

Посещение резиденции NARC в пустыне Свейхан произвело сильное впечатление: среди абсолютно голой пустыни – вдруг добротные корпуса научных лабораторий, где в светлых просторных комнатах, оснащённых кондиционера-

ми, есть всё необходимое для работы. А когда нас повезли в другую часть пустыни, где был расположен так называемый зоопарк (собственно говоря – сам питомник), я не уставал удивляться тому, как всё продумано. Начиная с того, что машина на территорию питомника въезжает через большую лужу с дезинфицирующей жидкостью (в калитке для пешеходов такой же жидкостью пропитана мягкая подстилка из искусственной соломы) и кончая тем, что при входе в инкубатор ты обязан переобуться, оставив свою обувь за дверью и надев длинные, чем-то пропитанные сапоги. Всё направлено на то, чтобы исключить проникновение в эту «святая святых» любых болезнетворных организмов.

Конечно, очень впечатлила коллекция живых дроф разных видов – от крупных африканских до стрепета. Содержались они в крупных вольерах, которые представляли собой капитальные постройки, не вяжущиеся с нашим представлением о том, что такое вольер. Словом, впечатлений было очень много. На этом фоне их предложение создать в этом питомнике нечто вроде резервного стада джеков-производителей, выведенных из яиц, взятых в наших пустынях, было очень заманчивым. Тем более, что работники NARC постоянно подчёркивали (и впоследствии отразили это в Договоре), что это резервное стадо производителей останется собственностью Казахстана и при первом же требовании будет ему возвращено. На этой основе и были сделаны наши работы Договора.

По окончании работы в Свейхане нас привезли в Абу-Даби на официальный приём в Агентство, возглавляемое Mohammed Al-Bovardi. Этот красавец-город устроен по типу американских городов с их многоэтажками и откровенными небоскрёбами. Во время нашего посещения, строительство здесь было ещё в разгаре, но то, что было завершено из стекла и бетона, выглядело очень внушительно на фоне Персидского залива. Набережная с высокими пальмами и другими тропическими деревьями ещё более украшала город. Я впервые оказался в день своего рождения в таком экзотическом месте, вдали от дома. Узнав об этом, «нарковцы» вместе с поздравлениями преподнесли мне большой пакет с различного рода канцелярскими принадлежностями, которыми я пользуюсь до сих пор.

По возвращении в Алма-Ату мы создали в Институте зоологии при нашей лаборатории охраны диких животных нечто вроде филиала NARC, для чего институт выделил специальное помещение на первом этаже (изображения джека до сих пор красуются на двери этой комнаты и даже на входном витраже института), а NARC дал нам несколько компьютеров с принтерами из числа бывших в употреблении, экспедиционное лагерное оборудование (понадобилось ещё одно складское помещение) и выделил средства для оплаты ставки офис-менеджера и руководителя проектов. Специальным рейсом грузового самолёта в Алма-Ату были доставлены: полевой инкубатор для передержки яиц джека в поле, продукты и даже ящики с питьевой водой для экспедиции (опыт проведения экспедиций в жарких странах научил англичан привозить воду с собой).

Прибывшие из ОАЭ специалисты-орнитологи вместе с нашими орнитологами, в числе которых, помимо специально занимавшихся джеком Бориса Ми-

хайловича Губина и Сергея Львовича Складенко, оказались также С.Н. Ерохов, Н.Н. Березовиков и научно-технический персонал, обосновались в песчаной пустыне Таукум, на севере Алматинской области, где численность джека была наиболее высокой. На мою же долю как руководителя проектов выпала наименее приятная часть – обеспечивать эти работы на уровне Министерства экологии и других министерств и ведомств, без которых никакой вывоз собранного материала не мог состояться. Даже после того, когда тысячи бумажек были написаны и подписаны, когда вышло постановление Правительства, разрешавшее сбор и вывоз за пределы Казахстана 50 яиц джека, приходилось преодолевать ежедневно возникавшие в дебрях этих ведомств препоны и преграды, особенно, когда приблизился час вывоза материала. Я до сих пор не могу без содрогания смотреть на здание, в котором находилось тогда Министерство промышленности и торговли (!), где в каждом взгляде читался немой вопрос: «А что я буду за это иметь?». Приставленные ко мне из NARC двое арабов, которых ничем, казалось бы, нельзя было удивить, и те только качали головой и посмеивались, видя всё это мздоимство. И «разводили мосты». Зацепка у чиновников нашлась простая – разрешение было на вывоз яиц, но пока наши орнитологи находили кладку за кладкой (надо было найти не менее 10 гнёзд со *свежими* яйцами), то из первых найденных кладок уже вылуплялись птенцы! Прислать самолёт за каждыми 3-4 собранными яйцами было не по карману даже для богатых арабов, поэтому он пришёл в конце лета, когда в полевом инкубаторе уже вылупилось 16 птенцов. Оформлением ветеринарных свидетельств на них занимался уже С.Л. Складенко, с которым вдвоём мы должны были сопровождать груз в Эмираты. Но в самый последний момент, уже после загрузки птенцов в самолёт, арабы вдруг отказали Сергею, – якобы документы на него не до конца оформлены! Такое вероломство было неожиданным не только для него, но и для меня, и значительно испортило радость от того, что мы, наконец-то, преодолели, казалось бы, непреодолимые преграды... Зато арабы весь полёт радовались, как дети.

Этот второй полёт в Эмираты был кратковременным – запомнилась только поездка на какой-то заповедный остров в Персидском заливе, где мы насмотрелись газелей нескольких видов – от похожих на нашего джейрана до совсем маленьких. Запомнились шикарные дворцы, утопавшие в зарослях цветущей бугенвиллии, к яркости которой я ещё не привык, а также совершенно необычный арабский кофе, которым угощал нас Мохамед Ал-Боварди. Вкус у него был совершенно необычный, а от 30-граммовой порции, которая подавалась в миниатюрном тонкостенном стаканчике, сразу начинало сильнее стучать сердце, и Мохаммед сам предупреждал, что злоупотреблять этим напитком нельзя. Когда я спросил его, из чего делается этот напиток, он ответил: «Рецепт я Вам не открою, чтобы Вы пили его только на земле Эмиратов». Лишь потом, видя, что я несколько обескуражен отказом, сказал, что в состав напитка входит кордамон. Здесь же мы посетили страусиную ферму, где каждому разрешили взять на память по одному яйцу из числа неоплодотворённых.

Красная книга, работа над 3-м изданием (1995)

В этой динамичной обстановке я не забывал о необходимости переиздания Красной книги Казахстана (первой части, посвящённой позвоночным животным), поскольку выпущенное в 1991 году малым тиражом (по-сути, для служебного пользования) второе издание не было доступно никому и не могло выполнять своих функций. Ясно было – в ближайшие несколько лет государству будет не до этого. Значит, надо искать деньги у тех, кто уже начал во-всю эксплуатировать природные богатства Казахстана и, прежде всего, – среди компаний, которые занимались нефтью. Кстати, государство не могло брать у них деньги для издания книги напрямую, но общественным природоохранным организациям это не возбранялось. И здесь ряд обстоятельств сложились в нашу пользу. Главное из них, как это не покажется странным, было субъективного характера: во главе Министерства экологии и биоресурсов стал Святослав Александрович Медведев – образованный, экологически грамотный человек, болеющий душой за природу Казахстана. Вскоре после своего назначения министром он приехал в Институт зоологии для знакомства со специалистами (слышанное ли дело?!) и выступил на заседании нашего Учёного Совета, где предложил работать в области экологии и охраны природы совместно. Это открыло нам двери для сотрудничества, и я предложил ряд мероприятий осуществлять через общественные организации – например, переиздание Красной книги на спонсорские средства иностранных компаний. Он согласился в принципе и вскоре «лёд тронулся».

Прежде всего, С.А. Медведев очень быстро оценил предложение о том, чтобы в члены Международного союза охраны природы (МСОП, или IUCN) от Казахстана рекомендовать общественную организацию, годовой членский взнос за которую был не более трёхсот долларов (тогда как от госучреждения надо было платить *тысячи* долларов). Кстати, этим путём шли в своё время Россия и Туркменистан. Одним словом, Медведев поддержал нас, и уже в ноябре 1995 года Казахстанско-Среднеазиатское зоологическое общество (КСАЗО) стало членом IUCN за № 1407.

Далее события развивались следующим образом. Не знаю, какими путями, но в лаборатории паразитологии у Е.В. Гвоздева появился некто Майкл Кликс, профессор из Гавайского университета, приглашённый для чтения лекций нашим специалистам. Лекции он читал столь примитивно (прописные истины – как для студентов первых курсов!), что вскоре сотрудники Гвоздева начали роптать, хотя в самом начале приняли в нём большое участие, а одна даже сдала ему в аренду свою квартиру (что греха таить – в заработке тогда нуждались все, а возможность заработать валюту ценилась особенно высоко). Там, в этой квартире, и устроил свою резиденцию Кликс, оказавшийся большим ловкачом по части около-экологического бизнеса. В короткий срок он собрал вокруг себя группу из авторитетных зоологов (позже в неё вошли и ботаники). Вместе со своей красавицей женой (уроженкой Малайзии) Кликс угощал гостей сухим красным вином, которое покупал целыми авоськами, не переставая удивляться его дешевизне, а в беседах рисовал райские картины, как все разбогатеют, и советовал покупать непременно «мерседес».

Меня в эту группу ввёл наш молодой арахнолог Чингиз Тарабаев, который был просто очарован неординарными способностями заморского гостя. В непринуждённой домашней обстановке он убедил всех нас в том, что если мы оформимся в экологический фонд, то можно будет воротить большими делами – не только изданием Красной книги, которую я поставил на первое место в наших планах. Очень быстро такой фонд был оформлен, назвали его «Ecosys», и первым проектом его стало переиздание Красной книги, материалы для которого у нас были вчерне готовы (основой служило второе издание 1991 года).

Видимо, будучи на 100% уверен в моей абсолютной послушности, Кликс предложил избрать президентом фонда меня, а сам удовольствовался местом вице-президента (он понимал, что, будучи иностранным подданным, он не может быть руководителем общественной организации у нас). Надо отдать должное Кликсу – он действительно довольно быстро свёл нас с коммерческим директором казахстанского представительства фирмы «Шеврон Оверсиз Компани» Брюсом А. Козоски, который, будучи сам охотником (он ездил на охоту с самим премьер-министром РК Акежаном Кажегельдиным!), оценил преимущества этого проекта как хорошей рекламы для Шеврона. Начались переговоры, в результате которых был составлен договор между названной компанией и Казахстанско-Среднеазиатским зоологическим обществом (как ни добывался Кликс, чтобы это был фонд «Ecosys», я всё же настоял, чтобы договор был заключён с КСАЗО). Постепенно стали ясны планы Кликса: завладеть авторскими правами, чтобы потом переиздавать книгу за рубежом любым тиражом. На этой почве мы с ним разошлись, и он тут же решил от меня избавиться: после сепаратных переговоров с некоторыми профессорами КазГУ, которых самолично кооптировал в состав «фонда», он у себя дома провёл досрочные перевыборы,

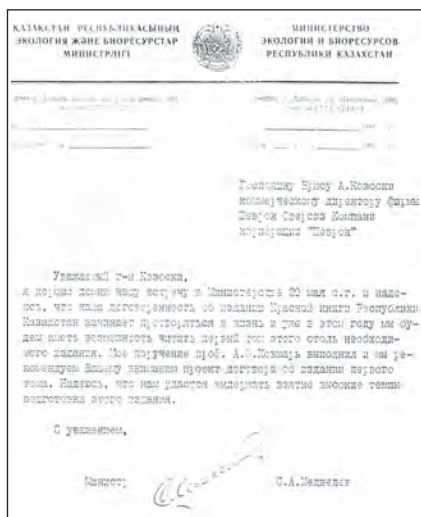

Рис. 16 и 17. Письма С.А. Медведева о переиздании Красной книги Казахстана, март-май 1995 г.

рекомендовав в президенты В.П. Митрофанова. Так он едва не торпедировал сам проект, и только окончание срока визы (которую ему не стали продлять) избавило нас от него...

В феврале 1995 года, после предварительной устной договорённости, я обратился с письмом в Министерство экологии, на которое получил положительный ответ (рис. 16). На основании этого согласия мы с авторским коллективом и фирмой «Конжык» стали готовить книгу к изданию. Кстати, Минэкобиоресурсов и Шеврон позаботились о том, чтобы подписание Договора между КСАЗО и Шевроном было обставлено по возможности торжественно: оно состоялось в кабинете министра и в присутствии прессы, телевидения и других средств массовой информации. После этого напряжённая работа большого коллектива людей (кроме авторов текста и рисунков – также дизайнеров) шла год. За это время мы настолько сработались, что я настоял на том, чтобы фотографию этого объединённого коллектива (рис. 18), который с превеликим трудом удалось для этого собрать (к сожалению, не весь), поместить на клапане суперобложки Красной книги. Согласились с этим все, в том числе и представители Шеврона, которые с такой лёгкостью помещали фотографии Кажегельдина, нашего министра экологии и своего президента (Брюс Козоски даже предлагал мне поместить в текст моего предисловия и мою фотографию, от чего я категорически отказался, считая, что в Красной книге должны быть животные и растения, а не люди – пусть даже и высокого ранга).

Рис. 18. Авторы и издатели Красной книги Казахстана. Зима 1995/96 г. Сидят слева направо: Ю.С. Лобачёв, А.П. Гисцов, Л.В. Спивакова, А.Ф. Ковшарь, Р.А. Кубыкин, Г.М. Дукравец, Б.Есжанов. Стоят справа налево: К.Н. Плахов, Р.Ж. Байдавлетов, Ю.А. Грачёв, С.Л. Склярченко, Р.Т. Шаймарданов, В.Н.Мазин и Ф.Ф.Карпов. Остальные 6 чел. – сотрудники фирмы «Конжык» во главе с К.Дмитриевой (4-я слева)

Однако уже на самых последних «минутах» издания общая фотография куда-то исчезла, и Карина так и не смогла мне объяснить, чьё же это было указание... Мне до сих пор жаль, что идея эта так и не была воплощена нами в жизнь. Поэтому помещаю здесь это совместное фото авторов и редакторов книги.

Семинар по стерху (Москва, 15-19 мая) и Экофорум «Киев-95» (23-28 мая 1995)

В перерывах между основными занятиями джеком и Красной книгой я успел с 15 по 19 мая побывать в Москве на международном семинаре по охране стерха, который по традиции проводили UNEP/CMS Secretariat и в основном Douglas Hukle, с участием ICF (Международного журавлиного фонда), неизменно представленного George Archibald, а с нашей стороны – активистами РГЖ В.Е. Флинтотом, А.Г. Сорокиным, Ю.М. Маркиным и другими. С Джорджем Арчибальдом мы были уже достаточно хорошо знакомы, а вот с Дугласом Хайклом встречались только второй раз (рис. 19). В разговоре выяснилось, что предки его родом из Украины и первоначально фамилия его деда была Хайкло!

Уже через 4 дня после окончания семинара по стерху я был в Киеве на Экофоруме «Киев-95» (Киев, 23-28 мая). Это был типичный для того времени (и новый для нас) сплав информационного совещания с обучающим семинаром, где нас делили на группы и в игровом стиле заставляли решать конкретные экологические ситуации, очень часто – с цветными фантиками и другими принадлежностями (помню, на одном занятии для чего-то применялась даже верёвка!). Проходило это мероприятие в живописнейшем месте поймы Днепра – курортном районе Пуща Водица. Поэтому в город выбираться не удалось, даже своего двоюродного брата Толю Григоренко, писателя и поэта, я так и не смог увидеть и ограничился телефонным разговором с его женой Людмилой (его не было дома). Судя по её голосу, у него опять были проблемы, которые на языке его богомного окружения назывались: «Давайте, браття, выпьем чорныла» (чернилами они называли вино)... Но по окончании экофорума ко мне приехали Валерия Антоновна и Аня Мельничук и забрали меня в гости. Вместе мы, как и договаривались, посетили Михаила Анатольевича Воинственского (рис. 20), который уже был бо-

Рис. 19. Участники семинара по стерху (Москва, май 1995). Дуглас Хайкл сидит второй справа

Рис. 20. В гостях у М.А. Воинственского с В.А. Мельничук. Киев, май 1995 г.

лен и находился один дома. Эта последняя наша встреча была для меня не только очень приятной, но и грустной. Наверное, невозможно смириться с мыслью о том, что ты больше не увидишь этого человека, особенно когда он тебе дорог. А Михаила Анатольевича я любил не только за то, что он был хороший орнитолог и педагог, но и за его весёлый нрав, остроумие, понимание шутки. Несколько сгладило это расставание только посещение праздничных улиц Киева (в этот день здесь праздновали «день горо-

да») и прогулка по Андреевскому спуску до самого Подола...

Поскольку за всеми этими поездками – от Абу-Даби до Москвы и Киева – я ни разу не выехал в поле, пришлось цепляться за последнюю соломинку: поехать куда-нибудь в отпуск. Хотелось посмотреть север Казахстана, где я ни разу не был. И я воспользовался приглашением Григория Михайловича Мордвинцева, одного из самых активных работников Кокчетавского областного управления экологии. С ним мы познакомились зимой в Верховном Совете, на одном из заседаний рабочей группы по выработке проекта Закона об охраняемых территориях. Мне очень понравились его смелые речи о создании национального парка в удивительных по красоте Кокчетавских горах и лесах. Уезжая, он пригласил посетить их края. Теперь он сразу же откликнулся на моё письмо и обещал встретиться и устроить на жилье в окрестностях знаменитого озера Боровое. Так он и сделал. Три недели, проведенные в стороне от курортной толчеи, в маленьком селе в 2 км от берега озера, с ежедневным купанием и экскурсиями по окрестным лесам, вылечили от городских передраг и оставили самые лучшие воспоминания. А попутные наблюдения за птицами я опубликовал в «Русском орнитологическом журнале» (Ковшарь, 1996).

Mini Nagendran с японцами и отлов журавлей-красавок

Ещё в июне, по решению Международного журавлиного фонда (МФОЖ, или ICF) и нашей Рабочей группы по журавлям (РГЖ), в Алма-Ату прибыла Mini Nagendran для отлова журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*) и мечения их РТТ – спутниковыми передатчиками. Эта маленькая, но очень энергичная индианка, ряд лет до этого успешно метившая журавлей в Японии, сразу мне понравилась, но я помнил слова Саши Сорокина, когда в Москве зашла речь о её приезде в Казахстан: «Ну, Мини вас всех построит!». Она действительно была

очень похожа на маленького, но беспощадного командира. Поскольку я был занят с джечьими делами, в помощь ей выделил Н.Н. Берёзовикова и А.П. Гисцова. Втроём на Копе им удалось поставить передатчики на двух журавлей. В августе Мины опять прилетела в Алма-Ату, уже со своими коллегами-японцами, среди которых был и кинооператор, чтобы снять процесс отлова и мечения пролётных журавлей. Первые попытки отлова они предприняли на Курттинском вдхр. и Сорбулаке, а к сентябрю переместились на запад – на Терс-Ащибулакское вдхр. В обоих местах я навещал их (25-28 августа и 7-8 сентября). К сожалению, все попытки поймать мигрантов не дали результата. Зато два красавки, отловленные в июне, дали чёткую картину транзитного перелёта через хребты Тянь-Шаня и Памиро-Алая – и далее на Гималаи, в Индию.

Саудовская Аравия, Эр-Рияд, октябрь 1995 г. – региональная конференция МСОП

В первых числах октября, с 1 по 4, в городе Эр-Рияд (Саудовская Аравия) проходила Региональная конференция МСОП (IUCN, рис.21), на которую я был приглашен уже как кандидат в члены этой организации. Из стран бывшего Советского Союза в ней участвовали только три представителя от стран среднеазиатского региона: от Казахстана – мы с заместителем министра экологии РК Майданом Искендеровичем Жаркеновым (тем самым, с которым в 1981 году возили проекты наших законов в Москву), от Киргизии – Эмиль Джапарович Шукуров и от Туркменистана – Хабибулла Исжанович Атамурадов. Не считая замминистра, мы трое представляли неправительственные организации – члены МСОП: Казахстанско-Среднеазиатское зоологическое общество, Экологическое движение Кыргызстана «Алейне» и Туркменское общество охраны природы. Летели из Алма-Аты с посадкой в Стамбуле, где нас ожидало неожиданное приключение.

Когда уже поздно вечером была объявлена посадка на рейс в Рияд, нас четверых попросили подождать, а потом объявили, что на нас нет подтверждения из Риада, хотя визы у всех нас были оформлены по всем правилам. Помню, как кипятился Жаркенов, как возвысил он голос: «Я – заместитель министра, у меня дипломатический паспорт!». И как милovidная молоденькая турчанка увещевала его: «Успокойтесь, ви-зирь, сейчас всё выяснится». Однако ничего не выяснилось, и рейс наш улетел вместе с нашими вещами, которые

Рис. 21. Информация о конференции Selevinia, 1995, № 2, с. 99

были в Алма-Ате оформлены до Риادا!. Не помогли ни угрозы, ни стенания о пропавшем багаже. Пришлось нам коротать ночь в аэропорту «Ататюрк». Мне даже удалось снять редкое фото, как наш сердитый «визирь» спит на двух стульях...

Купив телефонную карточку для междугородних переговоров, мы с Хабибуллой кое-как дозвонились до Игоря Глуховцева, работавшего тогда в иностранном отделе нашего Министерства экологии, и сообщили ему о нашем незавидном положении (рейсы на Риад были не каждый день). Разбуженный среди ночи Игорь пообещал сразу же с утра дозвониться в Эр-Риад, до принца, который только недавно был в Казахстане и обещал всяческую поддержку. Однако утро не принесло нам никаких новостей, и мы решили выбираться в город. Хабибулла знал адрес своего туркменского посольства в Стамбуле и надеялся, что нам помогут хоть с ночлегом. Так и сделали, благо виза для выхода в город не понадобилась. В туркменском посольстве нас встретили хорошо и дали адрес недорогой гостиницы, где можно было снять номер на следующую ночь (даже днём не мешало поспать после бессонной ночи). Однако вскоре в посольство позвонили и просили срочно разыскать нас и вернуть в аэропорт, откуда уже через пару часов отправляется рейс в Саудовскую Аравию! Правда, это рейс не на Эр-Риад, а в Джидду, но выбирать не приходилось. В аэропорту нас уже ждали и тут же отправили на посадку чуть ли не с извинениями – вот что значит указание принца!. Так же, как дорогих гостей, нас встретили в аэропорту Джидды, усадили в машину и быстро доставили в другой аэропорт на местные авиалинии – для полёта в Эр-Риад. Недалеко от аэропорта Джидды светилась предупредительными огнями Мекка, до которой было всего 5 км...

В аэропорту Эр-Риая мы первым делом стали разыскивать свой багаж, прибывший без нас, и я с содроганием вспомнил, как однажды в алма-атинском аэропорту в аналогичном случае я вынужден был писать заявление, предъявлять документы и, в конечном счёте, мне выдали чемодан с взломанными замками и переворошенным содержимым. Ничего подобного здесь не было: нам просто открыли какое-то небольшое помещение, где цел и невредим стоял наш багаж. Даже номерки на наших бирках никто не стал сверять...

Рис. 22. В Эр-Риаде (Саудовская Аравия), октябрь 1995

Конференция была посвящена региону Северной Африки, Западной и Центральной Азии. Она была организована Национальной комиссией по охране и развитию живой природы Саудовской Аравии (NCWCD) совместно с Комиссией по выживанию видов (Species Survival

Comission – SSC) и Комиссией по национальным паркам и охраняемым территориям (CNPPA) центрального аппарата МСОП. На конференции присутствовали: генеральный директор МСОП Mr. David McDowell, председатели комиссий Dr. Abdulaziz Abuzinada(NCWCD), Dr. George Rabb (SSC), Prof. Adrian Phillips (CNPPA), координатор региона Mr. Francis Paracatil, представители большинства государств региона (Афганистан, Бахрейн, Иран, Ирак, Иордания, Кувейт, Оман, Пакистан, Катар, Сирия, Турция, Объединенные Арабские Эмираты, Йемен, Алжир, Египет, Ливия, Марокко, Тунис и др.), а также гости из Англии, Франции, Швейцарии, Германии, Нидерландов. Впервые на такой региональной конференции присутствовала делегация государств Средней Азии (два человека из Казахстана и по одному – из Кыргызстана и Туркменистана), что было отмечено как положительный факт в заключительном слове генерального директора МСОП. Здесь же я заполнил анкеты в двух комиссиях МСОП – по выживанию видов (SSC) и по охраняемым территориям (CNPPA), став членом обеих комиссий.

Работа конференции проходила в виде параллельного, а под конец – совместного заседания трех комиссий – по выживанию видов (SSC), по охраняемым территориям (CNPPA) и по управлению экосистемами (СЕМ). На заседаниях SSC обсуждались основные цели стратегического плана этой комиссии, особое внимание было уделено состоянию джека в 12 странах. Было признано, что сохранение биологического разнообразия видов имеет два приоритетных направления: введение региональных и национальных планов действий, включающих все подходящие стратегии охраны, и внедрение Международных конвенций. На совместном заседании SSC, CNPPA и СЕМ 3 октября 1995 г. обсуждался план сотрудничества: создание регионального справочника по экспертизе в области охраны в регионе; публикация региональных обзоров (с учетом различных языков), улучшение деятельности по трем основным направлениям – образование, информация и коммуникация; издания по экотуризму; искусственное разведение и интродукция видов, расширение исследований аридных земель и устойчивое их использование, создание и управление морскими охраняемыми природными территориями.

На заседании координационной группы было объявлено о предстоящем принятии (в ноябре 1995 г.) в члены МСОП Казахстанско-Среднеазиатского зоологического общества, общественной организации «Зеленое спасение» (Казахстан) и общественного экологического движения «Алейне» (Кыргызстан). До сих пор единственным членом МСОП из региона Средней Азии было Туркменское общество охраны природы.

Принято решение о создании в государствах Средней Азии четырех координационных центров МСОП: в Туркменистане (координатор Х.И. Атамурадов), в Казахстане (А.Ф. Ковшарь), в Киргизстане (Э.Д. Шукуров) и Узбекистане (Е.А. Мухина). Только здесь я узнал, что от Узбекистана должна была участвовать Лена Мухина, но ей не удалось получить визу. И глядя на чисто мужской зал, в котором была, кажется, одна только женщина – ботаник из Кувейта – я подумал о том, что Лене не повезло только потому, что она женщина. Может, я был неправ, но мужской шовинизм здесь был налицо.

Интересное сообщение о разведении джека сделали польские сотрудники арабского питомника, расположенного недалеко от Риادا. Они даже приглашали нас посетить этот питомник, но что-то, уже не помню – что именно, помешало. К нашей среднеазиатской делегации внимание было повышенное, многие старались познакомиться и выяснить – как у нас обстоят дела с джеком. Готовность к сотрудничеству у многих была налицо.

Очень большую активность проявлял руководитель пакистанского филиала WWF – его все называли Бригадир Мухтар (он действительно имел генеральский чин бригадного генерала), которого я впервые видел на одном из совещаний в Москве, а здесь, в Риаде, мы познакомились поближе. Несколько раз он говорил, что мне обязательно надо побывать в Пакистане, познакомиться с работой их филиала, и что вообще нам надо сотрудничать. Второй функционер МСОП, с которым я познакомился здесь более близко и с которым нам предстояло несколько лет сотрудничества, – Фрэнсис Паракатиль, координатор региона северной Африки и Центральной Азии, в который сразу же отнесли и нас – Казахстан и Среднюю Азию. Впоследствии нам предстояла длительная борьба за перенесение нас в «европейскую лигу», куда были отнесены все страны СНГ...

На второй день конференции нас четверых повезли в гости к принцу, который помог нам во время добраться до Риада. Принял он нас на вилле, озеленение которой было роскошным не только ассортиментом растений, но и архитектурной их крон, умело сформированных арабскими мастерами. Во дворе везде можно было видеть соколов, сидящих на присадах с клубочками на головах. На приёме – опять тот же самый незабываемый арабский кофе с кордамоном, различные фрукты – и никакого спиртного! Сам принц оказался молодым человеком – среднего роста, худощавым, подвижным, но властные нотки явственно проглядывались во всех его движениях и интонациях речи. Он был в европейском костюме и явно европейского воспитания. А вот друг его, который неотлучно находился при нём (явно телохранитель), был одет по-арабски, хотя был он явно европейцем – мне сказали, что он англичанин. Потом мои спутники объяснили, что этот друг-телохранитель находится при нём всегда, он же приезжал с ним и в Казахстан.

Город Риад поразил меня своей разбросанностью. Улиц в нашем смысле этого слова – чтобы рядами стояли дома – здесь нет, как и пешеходных переходов или общественного транспорта. Отдельные дома-дворцы стоят каждый отдельно и достаточно далеко друг от друга. Вместо улиц – великолепные широкие дороги, обсаженные цветами; вместо перекрёстков – замысловатые развязки, которые у нас появились только в XXI веке... В отличие от сверхсовременного эмиратского Абу-Даби это был сугубо арабский город. Мусульманским духом здесь пропитано всё. Как только запекает муэдзин (уже не помню – четыре или пять раз за день), призывая к намазу, вся жизнь в городе останавливается: каждый правоверный должен молиться там, где его застал этот призыв – даже в общественном туалете, где имеются специальные молельные коврики. А в магазинах и других общественных местах есть не только коврики, но и специальные помещения, пусть даже это небольшая комнатка. Помню в один из таких моментов начала намаза

я хотел сфотографировать понравившееся мне скопление автомашин у крупного магазина, однако полицейский тут же поднял свой жезл и запретил мне это сделать. А сопровождавшие нас местные коллеги подтвердили, что до конца намаза ничего подобного нельзя делать. Они же нашли и выход для нас: при первых же звуках намаза быстро загоняли в машину, и мы медленно ездили по городу: на тех, кто в пути, исполнение намаза не распространяется.

В свободное от заседаний время нас однажды свозили на экскурсию в ближайшие окрестности Риада. Это было какое-то историческое место, обнесенное древним валом, заросшим теперь древесной растительностью, так что будь у нас побольше времени, можно было бы понаблюдать здесь и птиц. Однако и здесь всё время проходило в разговорах, рассказах, показах. Для осуществления столь милого сердцу нашего человека шопинга у нас не оставалось ни времени, ни денег. Однако одну ценную вещь, благодаря Хабибулле Атамурадову, я всё-таки приобрёл. Он всё время искал себе радиотелефон, а когда нашёл его и начал расхваливать его достоинства, я не выдержал и купил себе этот неведомый тогда у нас аппарат, который давал возможность отходить с трубкой от базы на 20-30 м, т.е. в пределах любой квартиры, не таская за собой вечно скручивающийся шнур. Сейчас, в век поголовного вооружения всех мобильными телефонами, это смешно, но тогда это было просто замечательно – лучше всякого другого подарка. Прослужил этот «Panasonic» у нас не менее 10 лет, и не раз я поминал добрым словом Риад и Хабибуллу.

На обратном пути мы провели целый день в Стамбуле. Это тогда мы с Эмилем впервые заговорили о каком-нибудь трансграничном проекте. Но кроме того достаточно досконально обследовали центральную часть города в районе Айя Софии и Голубой Мечети, отделившись от Жаркенова и Атамурадова, у которых оказались какие-то свои дела. После обеда стало настолько холодно, что мне срочно пришлось купить хоть какую-то рубашку с длинным рукавом. Закончился этот весёлый день приключением – таксист привёз нас не в тот аэропорт, а до вылета оставалось всего ничего. Пришлось долго его упрашивать и заплатить ему все оставшиеся мелкие долларовые купюры, чтобы он отвёз нас в «Ататюрк» [который оказался всего в трёх минутах езды от этого места!]. Успели мы буквально за несколько минут до окончания регистрации...

Объединённые Арабские Эмираты – Пакистан (Исламабад, Лахор, ноябрь 1995)

В начале ноября мы с А.С. Левиным, который сменил эмигрировавшего в Германию Ральфа Пфедфера в соколиной тематике, приняли участие в конференции по хищным птицам, которая проходила в Абу-Даби (Объединённые Арабские Эмираты). Здесь мы заседали в апартаментах природоохранной организации, руководимой Моххамедом Ал-Боварди, постоянно общались в директором НАРК Диком Хорнби (Dick Hornby), главным специалистом по соколам Ником Фоксом (Nick Fox) и другими сотрудниками этой организации, уже подготовившими проект Договора по соколу-балобану (*Falco cherrug*), аналогичного тому, который мы подписали в марте по джеку. Но, в отличие от дро-

финого, в соколином договоре не шла речь об искусственном разведении; он был направлен на изучение численности, распространения и экологии балобана в Казахстане.

Присутствовавший на конференции бригадир Мухтар предложил нам после её окончания посетить Пакистан, где с 12 по 18 ноября будет проходить подряд два форума – конференция по биоразнообразию Центральной Азии, а затем – симпозиум по снежному барсу в Лахоре. Последнее слово он произносил с благоговением и очень мягко: «лаго», с ударением на последнем протяжном слоге, без согласного окончания. Он так настаивал на нашей поездке, что обещал все расходы взять на себя – лишь бы мы согласились. Искушение было очень велико, но ведь у нас нет даже визы! Когда я поделился своими сомнениями с Диком Хорнби, он только усмехнулся: «Вы не знаете возможностей бигадера Мухтара. Вам только надо сказать: да». И я решился, запросив Алма-Ату о сроках продления командировки (ответственность за Левина была на мне).

Пока шло оформление виз, нас вывезли в пустыню – ту самую настоящую, где один песок – и никакой растительности! Правда, кое-где в понижениях попадались отдельные хилые стебельки каких-то злаков. За рулём Nissan-Patrol сидел знакомый по мартовскому приезду молоденький орнитолог Фрэд (Frederic Laupa), и я с удивлением наблюдал, как этот маленький шупленький французик управляет этой мощной машиной. Поначалу мне трудно было поверить, что эта махина вообще пройдёт по сыпучим пескам. Однако перед тем как съехать с первоклассной автострады, водители (мы ехали двумя машинами) стали у обочины и выпустили из шин почти половину воздуха. Рабочая поверхность колеса расплющилась и стала вдвое шире! И вот на таких полуспусченных шинах мы колесили по пескам, причём скорость иногда была 80-90 км/час. Навстречу нам попадались такие же лихачи-арабы, которые умудрялись посадить в машину вдвое больше людей – так что руки и ноги торчали изо всех дверей, некоторые вылезали наверх. И при этом они громко кричали, гикали – как на загоне какого-нибудь хищного зверя. В довершение ко всему Фрэд продемонстрировал нам возможности своего вездехода: взобравшись на верхушку крупного бархана по его пологой стороне, он остановился перед песчаным обрывом, а затем медленно съехал с него, буквально уткнувшись носом машины в подножие!.

В одном месте мы остановились на часок, и я имел возможность осмотреться – есть ли здесь хоть какая-то живность. Пустыня была пустой – ни пернатых, ни четвероногих! Лишь через неко-

Рис. 23. Ловля «песчаной рыбки» в пустыне. Объединённые Арабские Эмираты, ноябрь 1995.
Фото Намаши Горпан

торое время вдруг ниоткуда прилетела невзрачная сероватая птичка размером с жаворонка, но с длинным изогнутым книзу клювом, показавшаяся мне коротконогой. Не дав себя толком рассмотреть и не издав ни звука, она тут же исчезла. Я предположил, что это пустынный жаворонок из рода *Ammomanes*, и лишь потом, по полевому определителю птиц Среднего Востока (Porter&Christensen, 1996) выяснил, что это был удоновый жаворонок (*Alaemon alaudipes*). Эту птицу я видел ещё два раза, но оба раза так же мельком – она как будто не хотела демонстрировать себя пришельцу. Так же недоступно вела себя и стремительная ящерица, которая при преследовании моментально уходила в песок. Уж её-то я решил поймать, во что бы то ни стало, но как ни пытался я найти её в песке, где она зарылась, все попытки оказались безрезультатными. Наташа Гориап в это время сделала несколько снимков этой охоты, один из них затем прислала мне (рис. 23). На все мои вопросы, что это за странная ящерица, мне отвечали: «sandfish», т.е. «песчаная рыбка». Позже мне объяснили причину моего конфуза: в мгновение ока эта «песчаная рыбка» зарывается в песок на глубину более метра! Моя рука была значительно короче...

На трассу мы вышли в другом месте уже в наступающих сумерках и, подкачав шины на ближайшей заправке, уже в темноте вернулись в Аба-Даби. Там нас ожидала новость: Левину отказались оформить визу, считая его паспорт не валидным. Дело в том, что наши казахстанские чиновники в порыве новых веяний стали выдавать нам «бессрочные» паспорта – сроком до 90 лет! Так, у меня мой новый загранпаспорт был годен до 2027 г. (по этому поводу я шутил, что придётся жить до этого года!), у Левина – до 2040 года. Как арабские чиновники пропустили мой паспорт – не знаю, но за левинский они зацепились, считая, что это явная подделка. Наши объяснения, что у нас так принято, их нисколько не удовлетворяли, они говорили, что во всём мире такого нет. Потребовали представить им справку из казахстанского МИД о том, что у нас такие правила. Ясно было, что никто нам такую справку не выдаст, да и когда было этим заниматься? Оставалась одна надежда – на бригадира Мухтара (рис. 24), который, как сказали, **может всё**. Не знаю, что он там говорил, но только на следующий день мы все группой вылетели по маршруту: Абу-Даби – Маскат – Карачи – Исламабад и Левин летел в составе этой группы. Поистине волшебник бригадир!

В Маскате (о котором до этого я даже не слышал) меня поразил ультрасовременный аэропорт, с большими сияющими залами и высаженными в них пальмами. Но больше всего запомнились спешащие к своим самолётам экипажи в униформах разных стран; из них одна стайка из 6 или 7 смуглых и стройных девушек в удивительного покроя форме нежно-салатного цвета привлекла наше всеобщее внимание. И Наташа Гориап выразила всеобщее восхищение, добавив при этом: «Даже я, женщина, не могу налюбоваться ими – а каково же мужчинам?». Оказалось, что это стюардессы филиппинской авиакомпании.

В Карачи аэропорт был ещё больше по размерам, но гораздо менее ухоженный и к тому же переполненный, как ковчег. Здесь нам надо было почему-то выйти в город, но как только распахнулась дверь и мы оказались вне помещения, огромная орущая толпа набросилась на нас, вырывая из рук наш багаж.

Это были безработные, пытающиеся подработать носильщиками и предлагающие так рьяно свои услуги. Это очень тягостное впечатление я помню до сих пор. Сначала мы отпрянули, пытаясь спрятаться в здании аэропорта, но сзади напирала толпа пассажиров, и спрятаться нам не удалось. Кое-как добрались мы до машины, которая отвезла нас в другой аэропорт. Но полученный шок ещё долго оставался, мешая новым впечатлениям. А их было много, и в первую очередь – общественный транспорт. Во-первых, автобусы здесь разрисованы так, как будто это произведение искусства: яркие краски картин, чеканки, всё блестит и бьёт в глаза. Во-вторых, они забиты так, что люди свисают из окон и подножек, а часть пассажиров сидит или висит на крыше! Как они умудряются доехать живыми?! В третьих, левостороннее движение воспринимается как нарушение элементарных правил, к нему очень трудно привыкнуть, в том числе и пешеходу. Ведь вся система ориентации при переходе улицы меняется на прямо противоположную. И при всём этом скорость транспорта высокая... Это всё мы наблюдали уже в столице Пакистана – Исламабаде, городе контрастов, но который мы, к сожалению, мало видели, так как почти сразу улетели в Лахор.

В эти дни в Пакистане бушевали политические страсти, и каждый день по телевизору можно было видеть многотысячные митинги, на которых выступала с пламенными речами Беназир Бхутто⁶. Даже не зная языка, не понимая, о чём она говорит, трудно было устоять перед эмоциональным воздействием её громкого, звенящего металлом голоса. А когда мы в аэропорту Исламабада ожидали самолёта в Лахор, по радио вдруг передали сообщение о взрыве, прогремевшем в этот день в одной из исламабадских гостиниц. И все мы напряглись: не в нашей ли? Может быть, мы во-время отсюда уехали?.

Лахор произвёл на нас неизгладимое впечатление. Lahore – столица провинции Пенджаб, город с населением более 2.5 млн. (в 2009 г. в городской агломерации проживало более 10 млн). Расположенный почти на границе с Индией, он является вторым по величине городом Пакистана. Это наиболее посещаемый туристами город Пакистана, его культурный и исторический центр. Недаром древняя пенджабская поговорка гласит: «Кто не видел Лахора, тот не родился!». В XI в. Лахор стал столицей знаменитого завоевателя Махмуда Газневи и частью империи Газневидов, а в XIII в. вошел в состав Делийского султаната и с того времени стал духовным центром ислама на Индийском субконтиненте. Мавзолеи императора Джахангира и его жены Нур Джахан, как и Тадж Махал в Индии, принадлежат к лучшим образцам мусульманской погребальной архитектуры. В первой половине XIX ст. Лахор был столицей независимого государства сикхов, и лишь в 1848 г. британские войска аннексировали Лахор и включили его в состав Британской Индии.

На конференции по биологическому разнообразию, где мне совершенно неожиданно пришлось сидеть в президиуме одного из заседаний вместе с О.Б. Переладовой и Mini Nagendran (рис. 25), больше всего запомнился до-

⁶ Беназир Бхутто (1953-2007) – премьер-министр Исламской республики Пакистан (1988-1990, 1993-1996), лидер Пакистанской народной партии. Убита на предвыборном митинге 27 декабря 2007 г. – *Прим. авт.*

Рис. 24. Бригадир Мухтар (слева) и Абдулазиз Абузынада (справа). Пакистан, Лахор, 1995

Рис. 25. Выступает Мини Нагендран. Пакистан, Лахор, 1995

клад по биоразнообразию Туркмении сделанный Виктором Фетом, уже давно проживающим в США и печатающим там яркие книги о своей бывшей родине. О нём мне часто и много рассказывал Х.И. Атамурадов месяц тому назад в Риаде. Сопоставив прошлое и настоящее биоразнообразия Средней Азии, Виктор Фет смог показать современные тенденции его изменений в будущем.

После конференции прошёл VIII международный симпозиум по снежному барсу. Как было сказано на семинаре, главным новшеством этого семинара стало участие в нём стран среднеазиатского региона, представленных неправительственными организациями Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Туркменистана. Самым интересным был доклад Томаса Мак-Карти о снежном барсе в Гобийском Алтае, расположенном между двумя крупнейшими участками ареала этого вида – сибирско-монгольским и центральноазиатским, одно время считавшихся изолированными.

В резолюцию этого симпозиума было дано ряд предложений, из которых наиболее интересными были два. Первое – создание по принципу городов-побратимов также национальных парков – побратимов (предложены: Алматинский заповедник, Казахстан, и Олимпийский национальный парк, США, штат Вашингтон). Второе – создание единой международной охраняемой территории из близких географически, но разобщённых административно заповедников Казахстана, Узбекистана и Киргизии – Аксу-Джабаглы, Чаткальского и Беш-Аральского; здесь находится один из известных центров биологического разнообразия, но положение барса и других редких видов животных неблагоприятно. Здесь уже явно просматривалась идея трансграничного проекта по сохранению биоразнообразия Западного Тянь-Шаня, зародившаяся у нас с Эмилем Шукуровым всего месяц назад...

В свободное от заседаний время нам удалось посетить некоторые архитектурные памятники старины и храмы этого древнего города. Один день был полностью посвящён орнитологической экскурсии в осенний лес, до обмана напоминающий не очень старый карагачёвый лес с подлеском, где и птицы-то попадались в основном наши – различные прилетевшие сюда зимовать пеночки да славки. Только на водоёмах удалось посмотреть, наконец, экзотику: крупного белогрудого зимородка (*Halcyon smyrnensis*) и более мелкого, но всё же вдвое

крупнее нашего, к тому же очень пёстрого (*Ceryle rudis*). Здесь же были обычны султанка (*Porphyrio porphyrio*) и змеешейка (*Anhinga melanogaster*).

В один из вечеров бригадир Мухтар пригласил нас с Анатолием Левиным в гости к одному своему приятелю-англичанину, тоже зоологу, проживающему в Лахоре ряд лет. Там уже были Пол Гориап с женой Наташей и Ник Фокс с женой Барброй. Всё было по домашнему, очень уютно и весело. Благодаря тому, что Наташа постоянно переводила мне все разговоры, я не чувствовал неловкости, которую испытывал всегда в чужой языковой среде. Пока женщины на кухне готовили стол, мужчины пили красное вино и курили, ведя неспешный и степенный разговор. И когда из кухни послышался весёлый женский смех, все заинтересовались – в чём же причина. Вошедшая Наташа перевела мне, в чём дело. Собравшись вместе, жены трёх англичан – шведка Барбра, украинка Наташа и итальянка (жена хозяина дома) принялись делиться впечатлениями от своих мужей-англичан, давая им характеристики каждая со своей колокольни. И оказалось, что все три вынесли своим мужьям – их темпераменту, поведению, привычкам – очень сходные оценки. Это и вызвало их веселье, когда эти оценки сошлись. Вечер оказался очень приятным, курица в медовом соусе – превосходной, как и красное сухое вино. И в памяти остался именно этот тёплый вечер, а не официальный банкет, который был назавтра.

Из Лахора мы снова вернулись в Исламабад и, переночевав одну ночь в гостинице, рано утром отправились в аэропорт. Такси оказалось столь малых размеров, что четверо нас едва умещались в нём, а около шофёра, куда меня, как старшего, посадили, места для моего дипломата просто не осталось, и ребята (кроме Левина там сидели двое земляков из Таджикистана) взяли его к себе назад. Времени было в обрез, поэтому, пока я искал деньги и рассчитывался с водителем, задние уже выгрузились и, пробиваясь сквозь строй атакующих носильщиков с тележками, ринулись к зданию аэропорта. Как только я вышел, машина отъехала, но дипломата на земле не оказалось. Ребята, которым я крикнул вслед, ответили, что он остался в машине, и мы с Левиным бросились ей вслед. Нечего говорить, что погоня оказалась безуспешной! Я был в шоке – ведь **там было всё!!!** Помимо всяких рукописей и документов, сувениров и отснятых в Эмиратах плёнок, там была тысяча долларов, выданных мне на продолжение нашего проекта по джеку. Пытаясь вспомнить, что же там ещё было, я получал всё новые удары: цветной слайд снежного барса, снятого со вспышкой ночью Шаллером в Гималаях, который он дал мне для использования при оформлении Красной книги Казахстана (с обязательством – потом вернуть!), и даже виза для Бориса Губина в Эмираты (которую с нарочным передать быстрее и надёжнее!). Мои попытки заявить полицейским о пропаже багажа успеха не имели: уже шла регистрация на наш рейс, и нас чуть ли не силой затолкали в здание аэропорта. . .

В таком остоленевшем состоянии я ходил туда-сюда по залу после регистрации и вдруг вижу – знакомое лицо! Пелхам Олдридж из Би-Би-Си, с которым мы несколько лет назад в Тянь-Шане снимали фильм! Он тоже узнал меня. Но уже шла посадка на рейс, и мы разбежались, едва успев обняться. В самолёте ступор не проходил. И только когда сидевший через проход Женя Кошкарёв,

всё время щёлкавший затвором фотоаппарата, обернувшись ко мне, крикнул: «Анатолий Фёдорович! Пролетаем К-2, вторую в мире вершину!», я вдруг опомнился, что у меня тоже на шее фотоаппарат, и успел сделать несколько снимков (рис. 26). Был день, светило яркое солнце и ослепительно сияющие горные пики покрывали всё видимое пространство – до самого горизонта. Такое бывает, видимо, раз в жизни. И сейчас, когда я смотрю на эти снимки, так живо всё вспоминается!

Рис. 26. Гималаи с борта самолёта. 19 ноября 1995 г.

Ликвидация лаборатории охраны диких животных

А пока я ездил-летал по заграницам, пертурбации в нашей Академии наук, в том числе и в Институте зоологии, шли полным ходом. Каждый день приносил какие-нибудь негативные новости. Постоянно сверху требовали пересмотреть структуру института и ликвидировать «лишние» лаборатории. И вот в один из своих приездов из-за границы я попадаю на заседание Учёного совета нашего института, где узнаю, что на предыдущем заседании было принято решение о ликвидации нашей лаборатории охраны диких животных, т.е. о слиянии её с лабораторией орнитологии под общим нелепым названием «лаборатория орнитологии и охраны диких животных». Сообщивший эту новость директор института Т.Н. Досжанов, будучи человеком мягким, стал объяснять мне, что это мера вынужденная и *временная* – вот пройдёт это поветрие и мы снова вернём этой лаборатории самостоятельный статус, поэтому-де и сохраняем такое странное двойное название... Видно было, что он и сам не верит в то, что говорит, да и все это прекрасно понимали. Мне оставалось только сказать, что, принимая такое решение о слиянии, мы делаем непоправимую ошибку – большего сделать я не мог. Поскольку лабораторией орнитологии тогда заведовал уже не Гаврилов, а кандидат наук (С.Н. Ерохов), то вопрос о заведении новой лабораторией решился автоматически – приоритет отдали доктору. Но меня это не радовало, так как руководить такой разношерстной компанией, где половина привыкла заниматься отловом и кольцеванием птиц, а вторая половина в своё время как раз сбежала к нам от этого занятия, было очень непросто – всё время на грани конфликта. И жизнь вскоре подтвердила искусственность такого объединения: сначала от нас ушли териологи (герпетологи остались), потом убрали второе название, оставив «орнитологии»; наконец весь остаток прежней лаборатории орнитологии выделили в самостоятельный «Центр мечения животных», аккредитованный при дирекции института на правах самостоятельной группы.

Оман, Маскат, январь 1996 – международное совещание по джеку

В январе 1996 г. в столице Омана городе Маскат (Oman, Muscat) состоялось международное совещание по джеку, или дрофе-красотке (*Chlamydotis undulata*). От Казахстана в нём приняли участие мы с Б.М. Губиным и А.Б. Бекеновым, от Узбекистана – О.В. Митропольский, Е.А. Мухина и А.П. Назаров. Здесь же мы встретились с уже знакомыми – Paul Goriup, Natasha Goriup, Brigadier Mukhtar и др. (рис. 27). На этом совещании была продолжена и завершена начатая ещё в Эр-Рияде разработка важных документов по охране, изучению и разведению этого вида как важнейшего элемента культурного наследия стран арабского Востока. Здесь я впервые видел, как конференцию, проходившую в шикарном актовом зале с ярко-красными креслами, открывал... мулла при совсем пустом столе президиума. Он прочёл молитву и освятил наше собрание, а на дверях везде стояли стражники в национальной одежде и с кривыми ятаганами за поясом – это впечатляло!

После первого заседания участников повели знакомиться с университетом Султана Кабуса, расположенным рядом с местом проведения конференции. И тут я вспомнил, как всего несколько лет назад к нам в институт пришло официальное предложение представить на соискание премии Султана Кабуса учёных, наиболее отличившихся в деле охраны природы. Тогда наш Учёный совет выдвинул на эту премию две кандидатуры – нас с Бекеновым, и мы долго готовили пакет документов, который затем обсуждался в Отделении Биологических наук АН КазССР, после чего был отправлен по назначению.

Университетский городок был хорошо озеленён высокими пальмами, высаженными прямыми аллеями. Для города, расположенного в голой пустынной местности между двумя грядами ксерофитных каменистых гор, такой оазис был настоящим подарком. Сам университет также вызывал уважение и зависть: прекрасные современные здания, высокие и светлые аудитории, оснащённые современной компьютерной техникой – всё это было далеко от расхожего

Рис. 27. На улице Маската (Оман). Слева направо: А.Бекенов, Н.Гориуп, Frederic Launau, О.Митропольский, Paul Goriup, Е.Мухина. Январь 1996

представления о древнем арабском Востоке. К сожалению, специальных экскурсий в природу на этом совещании не было запланировано, а то, что мы видели за пределами города, никак не располагало к самовольной экскурсии. А дома меня ожидало траурное известие – накануне умер Максим Дмитриевич Зверев, на похороны которого я едва успел...

Испания (Эстремадура март 1996) – конференция по чёрному аисту

В марте я улетел в Испанию, где 21-24 марта в городке Trujillo (Extremadura) должна была состояться Вторая Международная конференция по черному аисту (*Ciconia nigra*). И здесь не обошлось без приключений! В ночь перед вылетом в Алма-Ате выпал большой снег и все рейсы были задержаны до 10 часов утра, но когда мы приехали к 9 часам, оказалось, что самолёт уже улетел! Пришлось переоформлять билет на следующий рейс, который отправлялся только через день. Так я опоздал в Мадрид на целые сутки и до Трухильо пришлось добираться рейсовым автобусом. Однако все обошлось, и оставшиеся три дня не были потеряны. Впечатлений от этой поездки осталось много. Ещё в самолёте я был очень удивлён красными землями, которыми представлена северная часть Испании; они производили впечатление настоящей пустыни. Зато Эстремадура была вся зелёная, покрытая парковыми лесами из пробкового дуба (*Quercus ruber*), которые чередуются с виноградниками и большими изумрудного цвета пятнами лугов или посевов. Одна из наших экскурсий была на винзавод, который специально к этой конференции выпустил партию вин «Black Stork» (чёрный аист). Красиво упакованное в фирменные коробки по три бутылки, это вино стало главным сувениром, который вручался каждому участнику! На заводе нам показали весь процесс производства вина, закончив экскурсию в подвале, где стояли огромные резервуары для многолетнего хранения вина. Нечего и говорить, что за каждым обедом и ужином нам устраивали дегустацию различных испанских вин.

Большое впечатление на меня произвели индивидуальные крестьянские хозяйства: один дом с надворными постройками и большой земельный надел, границы которого обозначены рядом камней. Никаких заборов или проволочных ограждений! Не знаю, как эти границы понимает домашний скот, – мне это показалось проблематичным. Но зато эстетически отсутствие всякого рода ограждений подкупающе красиво. Инстинктивно я придерживался компании наших русскоязычных орнитологов – Марис Страздс, Мартын Адамян (рис. 28).

Рис. 28. Мартын Адамян на фоне реки Гвадиана (парк Monfrague).

Рис. 29. На улицах Мадрида ночью. Март 1996 г.

Особенно сошлись мы с последним, которому я напомнил, как ещё во Львове он нападал на меня с вопросами: как это я, найдя первые гнёзда краснокрылого чечевичника (*Rhodopechys sanguinea*), не изучил основательно его гнездовую биологию? Он в то время безуспешно искал его гнёзда у себя в Армении. С тех пор прошло 34 года...

После окончания официальной части нам устроили экскурсию в национальный парк Monfrague. Эстремадура – западная провинция Испании, а этот национальный парк уже граничит с Португалией, куда уходит протекающая по его территории река Гвадиана. Долина её ограничена горно-холмистой местностью, представленной на севере отрогами Сьерра-де Гредос и Сьерра-де-Гата, а на юго-востоке – Сьерра-де-Гуадалупе. На склонах гор – заросли маквиса⁷ и вереска (*Calluna vulgaris*). Здесь мы видели немало кружащих высоко над долиной чёрных аистов (*Ciconia nigra*), а также чёрных грифов (*Aegypius monachus*) и белоголовых сипов (*Gyps fulvus*), последние гнездятся здесь же, на отвесных скалах. Также в полёте удалось увидеть красного коршуна (*Milvus milvus*) и голубую сороку (*Cyanopica cyana*). Над открытыми участками везде пели полевые жаворонки.

Уезжали мы с Адамяном раньше остальных, поскольку у нас заканчивались визы. В Мадриде нам предстояло провести сутки, и это дало нам возможность хоть немного познакомиться с этим красивым городом. Особенно красив он ночью, при подсветке (рис. 29)...

Провал сотрудничества с Эмиратами по разведению джека (лето 1996)

Это лето мне пришлось провести в городе и вспоминается оно как сплошной трёхмесячный кошмар. Пока наши орнитологи вместе с приехавшими из Эмиратов орнитологами НАРК работали в Таукумах, проводя там учёты численности джеков и поиски их гнёзд для сбора яиц, я бегал по кабинетам Министерства экологии и Дома Правительства РК, составляя и подписывая необходимые письма и документы; встречал и провожал эмиссаров NARC, с которыми однажды даже выехал в Таукумы (9-10 мая). С начала года Святослава Александровича Медведева на посту министра экологии сменил Николай Иванович Баев – человек достаточно далёкий от экологии и биологии, хотя и пытавшийся что-то наладить в работе министерства. Однако оба его заместителя, быстро сориентировавшись в его незнании и пользуясь его мирным нравом, умело вели все дела по-своему, а главное – по указкам свыше. Ажиотаж вокруг «арабской тематики» был на пределе, и чиновниками всех рангов управляла только одна аксиома: «у арабов денег – куры не клюют, значит, надо выжать из них всё, что только можно». Почувствовав, что всю чиновничью ораву накормить невозможно, арабы избрали единственный верный путь – выйти наверх, выше министерства, на «ключевую фигуру», которая может дать команду вниз, и там будут беспрекословно её выполнять. А этой «ключевой фигуре» пообещали, что

⁷ От франц. maquis – чаща. Густые, часто непроходимые заросли вечнозелёных колючих кустарников. – АК.

для проверки того, как себя чувствуют в питомнике вывезенные из Казахстана джеки, они оплатят этому лицу недельную командировку в любое удобное для него время. Что и говорить, условия оптимальные: и взяткой не назовёшь (всё-таки – научная командировка) и в то же время услуга немалая (с учётом гостеприимства принимающих арабов). Ответ чиновника (переданный, естественно, через доверенных лиц) ошеломил даже видавших виды арабов и руководящих ими англичан: не одна неделя, а три, и не в питомник, а всю семью на полный пансионат в один из лучших курортов ОАЭ! Посоветовавшись, англичане и арабы отказались. И с этого началось: то явные провоочки с ответами на письма, а то и прямые намёки: ничего у вас, ребята, не выйдет. Я почувствовал, что все двери передо мной закрылись, и приходится буксовать, как машина в песке. Передал свои опасения представителям НАРК, но они сказали, что есть постановление Совета Министров о том, чтобы разрешить проведение работы и вывезти полученный материал, и что помешать этому никакие чиновники не смогут. Смогли!!! Для начала приставили к полевому отряду своих инспекторов-соглядатаев, которые доносили о каждой найденной кладке и встреченном выводке. А когда в инкубаторе вывелись птенцы из первых найденных кладок, вдруг объявили, что постановлением Совмина разрешён только сбор и вывоз яиц, а птенцов вывозить нельзя – это браконьерство! Тут же инспектора быстро составили надлежащие акты о браконьерстве, птенцов изъяли и передали в Алма-Атинский зоопарк (я письменно предупреждал Министерство, что этого делать нельзя, так как птенцы там не выживут; однако директор зоопарка согласился принять «на баланс» этих 8 птенцов), а виновным в этом браконьерстве был объявлен я как руководитель этих работ; на моё имя был выписан штраф на круглую сумму (исчислявшийся сотнями минимальных зарплат).

Когда я с постановлением о штрафе, подписанным одним из заместителей министра, пришёл к Николаю Ивановичу Баеву (к которому не раз до этого приходил в процессе работы над Красной книгой), он прочитал его и сказал: «Ну вот, приехали!». Сказав мне, чтобы я не беспокоился, он вызвал к себе замов и дал им такой нагоняй, что они в тот же день пригласили меня к себе и долго мямлили что-то о моих заслугах в области охраны природы вперемежку с упрёками – зачем я пошёл сразу к министру. Потом объявили, что постановление это отменяется, и Жаркенов спросил: «Ну как, Вы удовлетворены?»...

С птенцами джека дело обстояло гораздо хуже. Выпуск их в наскоро сооружённый вольер был обставлен очень торжественно – с представителями прессы и телевидения (вот как мы боремся с браконьерством!). Присутствуя при этой церемонии, я пытался хоть как-то выяснить, чем их собираются кормить, как охранять. А арабские специалисты принесли даже корм на первое время (они ещё надеялись, что это недоразумение и что птенцов ещё удастся отвоевать на высшем уровне). Однако не прошло и недели, как птенцы исчезли! Руководство зоопарка объявило, что их съели забравшиеся в открытый вольер коты. Одним словом, моя трехмесячная битва закончилась отрицательным результатом, как и вся трёхмесячная экспедиционная работы целого международного научного отряда...

Отдых на озере Шалкар (Кокчетавская обл., июль-август 1996)

Стресс от всего происшедшего был настолько сильным, что его не развеяла даже поездка в Ташкент на оппонирование докторской диссертации Эльмурада Шерназарова. И я снова воспользовался приглашением Григория Михайловича Мордвинцева, который на сей раз звал в своё долгожданное, только что созданное детище – национальный парк «Кокше» в Кокчетавской области. Взяв очередной трудовой отпуск, я 20 дней – с 19 июля по 9 августа провёл на красивейшем озере Шалкар, в кемпинге «Турпан». Заведовал им Коверга Александр Николаевич, сам родом из Фрунзе (ныне Бишкек), который приютил нас с В.И. Тороповой как своих старых друзей, а вместе с Григорием Михайловичем свозил ещё на два замечательных озера – Зеренда и Имантау (рис. 30). Мне особенно запомнилось использование для кострищ старых дисков от автомобильных колёс. По диаметру к ним приваривались два параллельных металлических прута, которые выдерживали чайник и кастрюлю, – и очаг готов. Такие оборудованные диски были около каждого финского домика. С учётом того, что всё это располагалось в сосновом лесу, где пожарная опасность всегда высокая, подобная мера предосторожности была очень кстати. Это был настоящий летний отдых с купанием и прогулками – второй раз за много лет. Даже птицы не отвлекали от этого отдыха, по той простой причине, что их здесь почти не было. Зато ягод и грибов оказалось сколько угодно, а в замечательно красивом озере Шалкар (рис. 31) – пелядь и рипус...

Рис. 30. С А.Н.Ковергой (сидит в машине) и Г.М.Мордвинцевым (стоит в центре) на озере Имантавском

Рис. 31. На просторах озера Шалкар в национальном парке «Кокше». Конец июля 1996 г.

Босфор и Красная книга – неделя в Стамбуле (сентябрь 1996)

Вернувшись в Алма-Ату, я с новыми силами взялся за работу над Красной книгой и 31 августа уехал в Стамбул, где она печаталась в одной из частных типографий, которую нашла Карина Дмитриева. Наладив с ними деловую связь, Карина побывала в типографии и решила издавать книгу там, но прекрасно понимала, что без научного редактора нельзя ожидать нужного качества – что и подтвердила моя работа там в течение недели (ряд карт и рисунков при верстке оказались перепутанными, как и некоторые тексты).

Мой приезд застал типографию врасплох – у них ещё не были готовы корректурные оттиски. Поэтому директор, вежливый турок средних лет, определив меня в приличную 4-звёздную гостиницу в районе Топкапе, позаботился о том, чем бы занять гостя. Прежде всего, была заказана экскурсия на весь день по городу, включающая путешествие на прогулочном катере по Босфору (рис. 32) и русскоязычную переводчицу родом из Сирии, когда-то учившуюся в одном из московских вузов. Так я впервые смог по-настоящему познакомиться с этим прекрасным городом, который до этого видел мельком. Запомнился обед в ресторане на крыше бывшей женской тюрьмы – с видом на Босфор и величественные мечети с минаретами; мост через Босфор, по которому мы проезжали на другую сторону, где посетили музей в одном из самых богатых замков, где даже конная статуя была сделана из чистого серебра. А берега Босфора в это время года, помимо зданий необычной архитектуры ещё поражали обилием зелени и цветов...

Каждое утро ко мне приезжала переводчица – девушка-киргизка, обучающаяся здесь в одном из вузов – и сообщала, что сегодня день тоже свободен, и мы можем пойти туда-то посмотреть то-то. На четвёртый день я не выдержал и потребовал отвезти меня в типографию. Директор очень удивился моему «нетерпению» и спросил – неужели мне не нравится Стамбул?. В конечном счёте, и города я насмотрелся вволю (свободными вечерами путешествовал на трамвае или пешком по старому городу в районе крепости Топкапе) и корректуру смог прочитать. Во время своих одиночных странствий я обратил внимание на мальчишек, торгующих на улицах Топкапе крашенными цыплятами всех цветов, преимущественно ярких – красных, синих, зелёных, фиолетовых. Когда я спросил одного из торговцев, зачем их покрасили, он вынул одного птенца из клетки, посадил себе на голову и спросил у меня: «Красиво?». Так я и не понял цели этого окрашивания...

По вечерам трамвайчиком я отправлялся в центр города, где в 19 часов, перед самым закатом, на фоне Айя Софии демонстрировалось взятие Византии турками. Бесплатное это представление привлекало довольно много туристов, которые заранее занимали лавочки в скверике перед этим замечательным храмом. Как только начинало темнеть, включались яркие прожектора, направленные на храм, а через громкоговорители всё действие озвучивалось на английском (в другие дни – на немецком) языке, создавая как бы иллюзию сражения. Картину дополняли стаи чаек, кружившихся в свете прожекторов...

А поздно вечером в гостинице можно было спуститься вниз – в бассейн с сауной, благо всё это было оплачено и платить приходилось только за апельсиновый сок, который здесь же по твоей просьбе тебе выдавливали из апельсина, который ты выбрал на витрине.

Рис. 32. Стамбул, пролив Босфор. Сентябрь 1996 г.

Здесь произошла запомнившаяся мне встреча с земляками – «новыми русскими». Зайдя в сауно, я расположился на верхнем полке, решив в этот раз выдержать как можно дольше. Вскоре гурьбой сюда ввалились трое или четверо молодых мужиков, громко говоривших по-русски. Обрадовавших русской речи, я поздоровался, и один из них спросил – откуда я. Узнав, что из Алма-Аты, он поинтересовался, чем я занимаюсь в Стамбуле. Неосторожно сказав ему правду, я тут же пожалел об этом, потому что все они вдруг громко заржали и выразили своё возмущение: «Ну, блин, времена пошли: уже редактора стали за границу ездить!!!». Видимо, слово это ассоциировалось в их пустых головах с чем-то плохим...

Поездка в Италию: Рим, Урбино, республика Сан-Марино (2-5 октября 1996)

Со 2 по 5 октября в небольшом городке Урбино (Италия) состоялась Международная конференция по хищным птицам, на которую из Алма-Аты полетели мы втроём, вместе с Толей Левиным и Борей Анненковым – самолётом до Рима, а там – поездом. Посещение Вечного города было для меня исполнением давней мечты, поэтому я несказанно обрадовался, что поезд на Урбино отходит только утром и у нас в распоряжении имеется полдня и вся ночь. Разыскав недалеко от железнодорожного вокзала (который находился практически в центре города!) маленькую частную гостиницу «Margaret», на визитке которой значилось: «5 Minuten von Bahnhof» (5 минут от вокзала), мы заплатили 50 долларов за комнатку для троих и счастливые умчались в город, пока ещё светло. Мне больше всего хотелось увидеть Колизей, остальные не возражали, тем более что до храма Святого Петра, находившегося на другом берегу Тибра, нам было уже не добраться – не хватало времени.

Но прежде, чем попасть к этому памятнику старины, мы вышли в центр, на площадь Венеции (Plaza Venezia) с монументальнейшим одноимённым дворцом и белым силуэтом величественного памятника Виктору Эммануилу Второму. Почему-то наряду с ним мне особенно запомнились эвкалиптообразные акации, голые стволы которых только на самых верхушках были украшены жидковатыми кронами – нигде до этого я не видел таких деревьев, и они остались в моей памяти как визитная карточка Вечного города.

Рис. 33 и 34. На улицах Рима: конная полиция и карнавал с огромным богомолем. 1 октября 1996 г.

Колизей меня не разочаровал. Всё, что я видел до этого на картинках, не шло ни в какое сравнение с тем, что предстало перед нашими глазами. Он возник почти сразу, как только мы обошли Дворец Венеции. Вид сверху на эти величественные стены незабываем. Не случайно здесь сделана специальная смотровая площадка, потому что сверху видны не только стены снаружи, но и внутреннее пространство этого поразительного сооружения. Может быть, особую прелесть увиденному придавало вечернее освещение. Во всяком случае, сделав с десяток снимков, я никак не мог насмотреться на общую картину, хотя в то же время очень тянуло вниз – поближе к стенам. Там, вблизи, видна была только малая часть этого грандиозного сооружения, зато поражала его высота. Заплатив небольшую сумму, мы по длинному, тёмному как туннель, коридору и по такой же тёмной лестнице поднялись внутрь примерно до среднего уровня стен и осмотрели остатки амфитеатра. Большая часть его была уже в темноте, но противоположная сторона местами была освещена. Всё это было грандиозно, но было такое ощущение, что оно подавляет тебя, угнетает.

Выбравшись наружу, мы присели на каменную скамью, чтобы отдышаться и прийти в себя от всего увиденного. Около соседней скамьи мы увидели двух... римских легионеров во всём блеске их амуниции. Эти усталые артисты явно отдыхали после очередного представления – курили, разговаривали, что-то живо обсуждали. Мне они показались двумя гладиаторами, уставшими после тяжёлого «рабочего дня»...

На обратном пути к гостинице мы стали свидетелями небольшого карнавала: прямо мимо Колизея под музыку шли люди, ехали велосипедисты и мотоцикли-

Рис. 35. Горы Апеннины в районе города Урбино полностью освоены человеком

клисты, которые несли над собой огромные изображения насекомых! Особенно запомнился громадный светло-зелёный богомол (*Manthis religiosa*), сделанный из чего-то лёгкого, воздушного (рис. 34). Он парил на тонкой длинной бечёвочке на высоте 4-5 метров и сам был размером метра два! Несмотря на наступившие сумерки, я сделал попытку сфотографировать это шествие. И при этом вспомнил другое, не менее красивое зрелище: конные полицейские на улицах Рима, среди потока современных автомобилей. Особенно великолепны были женщины в полицейской форме, так профессионально восседавшие на лошадях, что я нарушил запрет снимать полицейских и как-то исподтишка всё-таки умудрился их сфотографировать (рис. 33)...

Утром мы действительно в течение пяти минут добежали до вокзала, и спустя час наш поезд пересекал наискось итальянский «сапожок». Погода была ясной, и мы вдоволь могли налюбоваться изумрудно-зелёными итальянскими долинами, виноградниками, красивыми городками и деревнями. А потом пошли Апеннины (рис. 35), которые наш скоростной поезд преодолел преимущественно под землёй – до 20 туннелей насчитал я в одном месте.

Сам Урбино (Urbino) небольшой старинный городок, прилепившийся на склонах лесистых Апеннинских гор и хорошо вписанный в эту лесную местность. Этот город с населением всего 15.4 тыс. человек (2004) – исторический и культурный центр региона Марке. Именно этот город стал колыбелью культуры эпохи Ренессанса. Здесь, на Via Raffaello, находится дом Рафаэля (Casa Raffaello), именно в этом здании 6 апреля 1483 года родился гениальный живописец. Здесь же он жил в детстве и учился мастерству у своего отца, придворного живописца герцога Урбинского Джованни Санти. Главная достопримечательность Урбино, ставшая причиной занесения города в список ЮНЕСКО (Всемирного культурного наследия человечества), – это дворец герцогов Урбинских с картинной галлерей. Вторая достопримечательность – местный университет, основанный в 1506 году. Он до сих пор играет ведущую роль в жизни города, разбавляя шумными

Рис. 36. Группа участников конференции в Урбино. Слева стоит А.С.Левин. 2 октября 1996 г.

Рис. 37. В.Е.Флинт с президентом европейской ассоциации охоты с ловчими птицами

студенческими вечеринками спокойные урбинские вечера. Именно в этом университете и состоялась наша конференция по хищным птицам (рис. 36).

После официального открытия конференции 2 октября состоялось пленарное заседание на тему «Хищные птицы и развитие энергетики», после чего работа продолжалась на секционных заседаниях и в рабочих группах по следующим тематикам: «Загрязнение окружающей среды», «Поведенческая экология», «Влияние человеческой деятельности и восстановление хищных птиц», «Торговля и разведение в природе», «Миграция и дисперсия», «Средний Восток и азиатские хищные птицы» и ряд других. Заседания круглых столов и рабочих групп были посвящены таким злободневным вопросам как «Альтернатива: свободное использование или контрабанда хищных птиц», «Стабильное использование ресурсов балобана», «Совместные международные усилия по изучению и защите хищных птиц в Восточной Европе». По вечерам демонстрировались кино и видеофильмы о хищных птицах.

Один день, 4 октября, был посвящён поездке в Республику Сан-Марино и встрече с официальными лицами этой республики. Республика Сан-Марино (Serenissima Repubblica di San Marino – Светлейшая Республика Сан-Марино) – одно из самых маленьких государств в мире: площадь 61 км², население 32 тыс. человек (по площади оно занимает 190-е, а по населению – 209-е место в мире). Это самое старое государство Европы. Согласно легенде, его основал 3 сентября 301 года член одной из первых христианских общин с острова Раб в Адриатическом море каменотёс Марино с друзьями. В первые столетия своего существования Сан-Марино находилось под протекторатом соседнего герцогства Урбино, но в 855 году получило независимость, а 8 октября 1600 года принята конституция. Традиционно государством руководят два капитана-регента, избираемые на полгода. Всё государство располагается на юго-западном склоне трёхгла-

Рис. 38. Соколиное шоу в Республике Сан-Марино. 4 октября 1996 г.

Рис. 39. Ночь на улицах Рима

вого горного массива Монте-Титано (738 м над уровнем моря), скальные массивы занимают 80%, пахотные земли – 16.6% территории. Столица, город Сан-Марино (4.6 тыс. жителей) расположена на западном склоне горы Монте-Титано чуть ниже её вершины. У подножия Монте-Титано находится несколько замков и деревень, лежащих в зоне возвышенных равнин. Общая протяжённость дорог государства составляет 104 км. Исторический центр Сан-Марино и гора Монте-Титано с июля 2008 г. являются объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Сейчас единой валютой страны является Евро, но тогда, в 1996 году, здесь была ещё своя собственная валюта. Всё это смахивает на сказку, и мне очень жаль, что в самой столице мы были очень мало, взобравшись по крутым серпантинам уже перед самым закатом. А виновато в этом было устроенное для нас днём в одном из селений у подножия горы

действие: демонстрация ручных соколов и разнообразных пород охотничьих собак (рис. 38), что заняло почти половину дня...

После всех этих сказочных путешествий мы приехали поездом в Рим уже почти как к себе домой. Знакомой дорогой прошли к своей микро-гостинице «Margaret», где собирались снова переночевать, так как самолёт наш улетал только завтра утром. Однако наша дешёвая комнатка оказалась занятой, и нам предложили другую – уже за \$100. Для нас тогда это были большие деньги, и мы решили: лучше посидим на эти деньги в одном из римских ресторанов. А пока ещё светло, я предложил посетить ещё раз Колизей. Так и сделали. Игнорируя городской транспорт, прогулялись до Колизея, полюбовались при вечернем освещении его величественными развалинами, а когда стало темнеть – пошли искать тот самый ресторан, где будем «кутить». Оказалось, что \$100 – не такая уж большая сумма для ресторана... Вдобавок нас ждало жестокое разочарование: найденный нами ресторан работал только до полуночи! Так среди ночи мы оказались на улице. Вскоре ноги отказались бесцельно бродить по пустым улицам с задраенными витринами магазинов (такого безлюдья я никак не ожидал!), и мы стали искать лавочку, на которой можно было бы подремать хотя бы сидя, освободившись от ненавистной обуви...

Эта ночь в Риме была сказочной, но не лёгкой. Хорошо ещё, что было не холодно (рис. 39). А когда под утро стало совсем свежо, пришлось снова ходить

по безлюдным улицам. Так мы и повстречались с идущими навстречу двумя «ночными бабочками», которые нам очень обрадовались и выразили горячее желание общаться. Для того, чтобы понять, что они нам предлагают, вовсе не надо было знать итальянского языка. Смешно было наблюдать, как мои спутники, шедшие впереди меня, бросились врассыпную, не на шутку испугавшись! И было даже немножко грустно от того, что преследуют эти бабочки именно их...

Канада: Монреаль – Ниагара

(Всемирный Конгресс защиты окружающей среды, 13-23 октября 1996)

С 13 по 23 октября 1996 г. в Монреале (Канада) состоялся Всемирный Конгресс защиты окружающей среды. Этот очередной конгресс IUCN, или Всемирного союза охраны природы (так отныне стал называться бывший МСОП, или Международный союз охраны природы и природных ресурсов), собрал в одном из красивейших городов Канады более двух тысяч участников – делегатов от организаций-членов IUCN и приглашенных гостей. Официальному открытию конгресса предшествовали начавшиеся еще 11 октября заседания шести комиссий – природоохранного законодательства; природоохранных стратегий и планирования; управления экосистемами; выживания видов; заповедников и национальных парков; экологического образования и связи. Эта всемирная сеть, состоящая более чем из 6 тысяч специалистов, проводит огромную работу по выяснению современного состояния природоохранной деятельности и планированию ее на будущее. На совещаниях 11-12 октября были составлены планы до конца тысячелетия.

Конгресс был равнозначен Генеральной ассамблее МСОП, на которой члены этого союза принимают важнейшие решения. На специальной сессии 13 и 14 октября был обсуждён Устав Союза, который не пересматривался с 1970 года. Группа советников и экспертов трудилась над переработкой устава полтора года и принятые по их предложениям изменения должны будут влиять на работу этой организации, по крайней мере, в следующем десятилетии. Конгресс был одним из самых представительных, ведь он не просто рассматривал важные вопросы, он открывал дорогу в XXI век.

Рис. 40. Делегаты, слева: Ч.К.Тарабаев, Х.И.Атамуратов, А.Ф.Ковшарь, И.В.Глуховцев, А.М.Амирханов

Рис. 41. Среднеазиатские делегаты обсуждают план работы

Рис. 42. А.М.Амирханов, Йоланда Какабадзе и В.В.Мошкало на встрече с делегациями из стран СНГ

Рис. 43. Выступает королева Йордания Нур (Quin Nur) – патронесса Международного Союза Охраны Природы

Каждый день работы конгресса был загружен массой мероприятий. Простое перечисление одной только тематики заседаний заняло бы не одну страницу! Здесь и «ресурсы для нашего будущего», и «сохранение жизнеспособности и многообразия на земле», и «стратегия регулируемого развития», и «выполнение национальных планов действий по биологическому разнообразию», и «всемирная конвенция по наследию» и т.д. На конгрессе присутствовали представители большинства стран мира, причем среди них не редкость были главы государств и даже члены правящих династий (рис. 42, 43).

Объединенная делегация республик Средней Азии (рис. 40, 41) состояла из 9 человек: четыре представителя от Казахстана (И.В. Глуховцев, А.Ж. Жагжанбаев, А.Ф. Ковшарь, Ч.К. Тарабаев), три от Узбекистана (Н.В. Мармазинская, Е.А. Мухина, О.И. Царук) и по одному – от Кыргызстана (Э.Д. Шукуров) и Туркменистана (Х.И. Атамурадов). Наиболее сложным моментом в работе нашей группы был выбор региона, к которому предстояло отнести Среднюю Азию: африкано-переднеазиатский или же восточноевропейский (к последнему отошли все республики бывшего Советского Союза). После долгих споров и сомнений было принято половинчатое решение: оставаясь в азиатском регионе, участвовать в выполнении восточноевропейской программы IUCN. Большую роль в этом решении сыграли наши московские коллеги – В.В. Мошкало и А.М. Амирханов. Мне особенно понравился своей активностью Амирханов, бывший тогда заместителем министра экологии России (возможно, оно тогда называлось Госкомэкологией, не помню). Он привёз мне привет от Валентина Ильяшенко, который работал в его аппарате. Вообще Амирхан Магомедович оказался весьма компетентным в биологии человеком – раньше он работал ботаником в Кавказском заповеднике – и у нас нашлись общие темы для бесед.

Жили мы в одном номере гостиницы с Чингизом Каримовичем Тарабаевым, нашим институтским арахнологом, который относительно недавно перешёл к нам, но уже успел зарекомендовать себя знающим специалистом и очень активным, деловым человеком (это он свёл меня с Кликсом и принимал активное участие в создании EcoSysFond). Наша гостиница находилась всего в 15 минутах

ходьбы от Конгресс-Палаца, и мы ежедневно утром и вечером совершали эти пешие прогулки, любуясь городом, его непривычными стеклянными небоскрёбами и обилием неоновой рекламы, среди которой особенно выделялась красочная реклама стриптиз-клубов. Чингиз, уже бывавший в таких местах, говорил, что мы обязательно сходим в один из них – просто для общего образования. Но в самый последний вечер, уже перед отлётом, мы вспомнили, что так и не собрались...

Впечатлений от этой поездки у меня осталось очень много. Начались они ещё на борту воздушного судна, когда мы пересекали Атлантический океан и пролетали над Гренландией – полностью занесенной снегом с отдельными более тёмными пятнами воды. Зато Канада с воздуха была расцвечена всеми цветами осени и особенно – жёлтыми и красными пятнами кленовых лесов; такими же разноцветными были кроны клёнов, многочисленных в окрестностях Монреаля и в самом городе.

Время делегатов помимо заседаний было заполнено различными выставками, приемами и другими культурными мероприятиями. Специальный прием для делегатов конгресса устроил премьер-министр Канады. Но наибольшее впечатление на нас произвело посещение Биодома. Так в Монреале называют великолепное, несколько фантастической конфигурации здание, в котором помещается живой музей. Здесь в огромных залах представлена природа различных зон Земного шара: тропики, средние широты, канадский север, Арктика, Антарктика. Зал тропической природы населен живыми крокодилами, обезьянами, попугаями и массой всевозможных лесных птиц, которые летают прямо среди посетителей, осматривающих всю эту красоту с высоких мостиков-переходов. В зале канадской природы мы увидели гагар и бобров, изображения которых украшают также канадские доллары, а в антарктическом зале – пингвинов нескольких видов. Большое впечатление производит зал, в котором с близкого расстояния можно часами любоваться донными морскими обитателями – морскими ежами, морскими огурцами, медузами и морскими лилиями.

Но мне никак не давало покоя то, что всего в 500 км от нас находится знаменитый Ниагарский водопад. Официальной экскурсии туда не предвиделось, и я начал осаждать нашего земляка Володю Морозова, который уже несколько лет жил в Монреале с женой Ирой и недавно родившимся сыном Максом. Он разыскал нас на заседаниях конгресса и буквально в первый же вечер увёз к себе домой на своём джипе «Чероки». Весь вечер мы предавались воспоминаниям (Володя проработал у нас в лаборатории несколько лет, а Ира в те же годы работала в лаборатории паразитологии у Е.В. Гвоздева). Поскольку среди нас оказалась Наташа Мармазинская, они с Володей не могли не вспомнить, как он несколько лет назад привёз к ним в Бухарский питомник искусанного леопардом Олега Белялова, которого он транспортировал на своём выдавшем виды ЛУАЗе в Алматы из самого Конетдага, ежедневно поддерживая его уколами антибиотиков... Словом, вечер был очень тёплым, по-домашнему уютным. Возвращаясь домой поздно вечером в почти пустом монреальском автобусе, мы с немалым удивлением услышали русскую речь от группы молодых людей, виртуозно владевших ненормативной лексикой...

Капля камень долбит. И занятый на работе Володя Морозов (он с утра до вечера развозил по городу и разносил по этажам рекламу!) сумел договориться, что его подменят на сутки. При этом, чтобы уложиться в эти сжатые сроки, надо было выезжать вечером, чтобы к следующему вечеру вернуться. Нужна была команда, чтобы можно было скинуться на оплату бензина – предстояло преодолеть более тысячи километров. Сразу согласились обе «узбечки» – Нагаша Мармазинская и Лена Мухина, а вот Жатканбаев долго колебался и всё спрашивал меня: а почему мне так важно именно на Ниагару?. И только после того, как ему сказали, что он будет иметь шанс быть сменщиком Володе и вести машину по канадским дорогам, он согласился. И действительно очень выручил нас.

Ниагарский водопад входит в число самых красивых водопадов мира, наряду с африканским водопадом Виктория и аргентинским Игуасу. Находится он на границе между США и Канадой, причём лучше всего виден с территории Канады. На самом деле водопад Ниагара – это общее название трёх водопадов на реке Ниагара, отделяющей американский штат Нью-Йорк от канадской провинции Онтарио. Нам удалось посмотреть самый крупный водопад «Подкова», называемый также Канадским водопадом. Его высота 53 м, ширина – 792 м, объём падающей воды – 5720 м³/сек! Ниагару ежегодно посещают до 16 млн. туристов. Вокруг водопада построены гостиницы, мотели, смотровые башни, подвесная дорога, здесь вырос город Ниагара-Фолс (100 тыс. жителей).

Ранним туманным утром с морозящим дождиком мы подъехали к городку Ниагара-Фолс, и первое, что я увидел, была небольшая церковь, очень напоминавшая мне наши старинные деревенские. Рассматривая её в бинокль (лень было выходить на дождик), я вдруг прочитал надпись: «Українська кефальна церква», которая заставила меня тут же выскочить с фотоаппаратом. Я с детства знал о том, что канадская диаспора украинцев – одна из самых крупных, однако первое такое соприкосновение было впечатляющим...

Сам водопад, который мы слышали намного раньше, чем увидели (в переводе с ирокезского «Ниагара» означает «Гром воды») в утреннем тумане выглядел особенно загадочным – без конца и края. В ореоле тумана видна была белая стена и слышен грохот. Но уже через час, который мы использовали для заправки машины и людей (выпили горячего кофе в одном из многочисленных мелких заведений), немного разъяснилось и водопад предстал перед нами во всём своём величии! Хотелось часами стоять, облокотившись о перила набережной, и заворожено смотреть на эту беснующуюся, кипящую массу воды...

Но вот у нижнего края этой белой стены невесть откуда появилось небольшое утлое судёнышко синего цвета, а чуть поодаль – такое же жёлтое. В бинокль было хорошо видно, что это плотно стоящие на палубе люди, одетые в непромокаемые плащи синего и жёлтого цвета. Оказалось, что прямо в магазинчике, где мы только что купили сувениры, имеется лифт для спуска в грот, в котором комплектуются эти «экипажи» желающих, и стоит это удовольствие то ли 5, то ли 10 долларов. Первым желанием было – попробовать. Однако, насмотревшись

в бинокль на этих мокрых несчастных, которые вблизи ничего, кроме водяных брызг, не видели, мы предпочли оставаться наверху и любоваться, как эти судёнышки буквально карабкаются к подножию водопада, а их вскоре отбрасывает назад, как щепку. Намёрзшись как следует на набережной, мы поспешили в кафе – погреться, потратив сэкономленные деньги (тоже весомый аргумент!). Потом проехали за город, где на каком-то небольшом пруду посмотрели уток, – и отправились в обратный путь, который занял у нас весь оставшийся день и вечер. В Монреаль приехали только ночью.

Индия: Бхаратпур, Кеоладео (Совещание по стерху, ноябрь 1996)

Когда-то, ещё в 60-е годы, в заповеднике Аксу-Джабаглы мне приходилось часто общаться с главным лесничим заповедника Андреем Алексеевичем Ивановским и его супругой Екатериной Алексеевной. Этот тучный старик, которому уже было далеко за 70, целыми днями сидел в своём кабинете и непрерывно курил – как он говорил, для того, чтобы похудеть. Периодически он вызывал к себе секретаршу Анну Денисовну и, дав ей деньги, посылал за «Беломором» в магазин, до которого было около километра. На все мои несмелые советы сходить в этот магазин самому «для похудения», он только ухмылялся в свои большие, как у моржа, усы. А по вечерам приглашал к себе в гости, где Екатерина Алексеевна угощала нас всякими вкусными пирогами, вареньем и пр. Эта пара объездила всю Среднюю Азию: Андрей Алексеевич начинал службу землемером где-то в Таджикистане или Узбекистане, а к нам приехал из Наурзумского заповедника. Так вот, самой большой мечтой этой престарелой пары была Индия, и Екатерина Алексеевна всё время завидовала нам, молодым, что мы вот можем осуществить эту мечту – стоит лишь накопить денег на туристическую путёвку. Мне же всё это тогда казалось несбыточной фантастикой, хотя по карте Индия была недалеко...

Обо всём этом я вспомнил, когда летел самолётом в Дели, на второе международное совещание по сохранению стерха, которое должно было состояться 5-7 ноября 1996 г. в национальном парке Кеоладео (Бхаратпур, Индия). Первое международное совещание по стерху, или белому журавлю (*Grus leucogeranus* Pall.) состоялось в Москве 15-19 мая 1995 г. Второе было запланировано в Национальном парке Кеоладео – в местах зимовки особей из западно-сибирской популяции стерха. Как и первое совещание, второе было организовано секретариатом Боннской конвенции (Douglas Nykle) и Международным журавлиным фондом (George Archibald). В нем принимали участие представители всех стран ареала стерха: Азербайджана, России, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Афганистана, Пакистана, Ирана и Индии – всего около 25 человек. От Казахстана в работе совещания участвовал я, от Узбекистана – А.К. Атаджанов и Е.А. Мухина. Все мы должны были встретиться в указанный срок в столице Индии Дели по адресу, указанному в пригласительном письме, или же добираться до Кеоладео самостоятельно, для чего в письме были указаны телефоны этого парка – для получения подробной информации.

Для меня эта поездка оказалась в высшей степени полной приключений, можно даже сказать – авантюрной. Изучив хорошо информационно-пригласительное письмо и прилагаемый к нему рисунок – как найти отель, в котором забронировано место, я в аэропорту Дели показал таксисту эту картинку, и он привёз меня точно по адресу. Пока никого из наших здесь ещё не оказалось, и я отправился бродить по городу, в котором оказался впервые. Этот участок, недалеко от аэропорта, больше напоминал предместье, где современные многоэтажные дома чередовались с лачугами. Поражали не столько священные коровы на улицах города, сколько грязь и нищета: прямо на обочинах улицы можно было видеть в кустах старые рваные палатки, иногда прикрытые старыми газетами, под которыми спали люди. По берегам загрязнённых ручьёв, протекающих в глубоких оврагах, порхали трясогузки и какие-то мелкие кулики.

Вернувшись через пару часов в гостиницу, я выяснил, что меня никто не спрашивал и что из наших никто не поселился. Решил посмотреть центр города, для чего мне посоветовали взять моторикшу, что я и сделал. Таких моторикш на улицах оказалось предостаточно, но ещё больше было мотоциклов и мопедов, на которых укутанные в сари самых разных, чаще ярких, расцветок индианки восседали сзади водителей – зрелище очень необычное! Ещё больше поразило меня оригинальное сооружение в виде белого распускающегося цветка из мрамора. Оказалось, что оно так и называется – Храм лотоса.

Храм Лотоса в Дели – это седьмой по счету в мире молитвенный дом, построенный бахаистами – последователями религии нового типа, которая объединяет все известные верования. Именно последнему обстоятельству я удивился больше всего, когда мне об этом сказали вышедшие из храма служительницы (рис. 44), оказавшиеся выходцами из Казахстана! Оказывается, сюда приезжают волонтерами преданные этой религии люди из всех стран, и мои новые собеседницы оказались родом из Караганды, Чимкента и Алма-Аты. Они так мне обрадовались, что всё время пребывания там (часа полтора) сопровождали меня и обо всём рассказывали (забегая вперёд, скажу, что их друзья после моего возвращения домой разыскали меня в Алма-Ате по телефону и привезли целый ворох литературы).

Храм Лотоса представляет собой огромный цветок лотоса, выстроенный из бетона и покрытый снаружи белым греческим мрамором. Сам «цветок» состоит из 27 лепестков, выстроенных в 3 ряда. Вокруг наружного слоя лепестков расположено 9 искусственных водоемов-бассейнов правильной формы. В центральный зал храма ведут 9 дверей. Диаметр здания 70 м, высота почти 35 м. Здесь могут поместиться 1300 человек.

Рис. 44. Встреча с землячками-бахаистками в Храме Лотоса

При строительстве храма не было использовано ни одной прямой линии, а система вентиляции заимствована у древних инженеров и внутрь помещения всегда поступает прохладный воздух, который предварительно проходит через систему водных бассейнов. Если посмотреть на Храм Лотоса сверху, то может показаться, что он «вырос» из воды. Построен храм в 1978-1986 гг. по проекту известного архитектора Фариборза Сахбы. Это место, куда люди приходят посидеть, подумать, пофилософствовать, задуматься о жизни и других вечных темах. Глядя на это фантастическое произведение человеческого гения, причём не древнее, когда *люди были другие*, а вполне современное, созданное в наш век практицизма и упрощенчества, я никак не мог от него оторваться, хотя понимал, что меня на стоянке ждёт моторикша, а в гостинице, вполне возможно, уже ожидают наши.

Оглядываясь всё время на чудесный храм, я попросил моторикшу отвезти меня в центр Нью-Дели, к президентскому дворцу – чтобы хоть глазком посмотреть, как это всё выглядит. Как будто предчувствовал, что на обратном пути ничего в этом городе увидеть не удастся (так оно впоследствии и получилось!).

Нью-Дели, занимающий территорию 35 км², является официально столицей Индии с 1911 года, он находится внутри мегаполиса Дели (14 млн. человек, тогда как население Нью-Дели в 2003 г. составило 295 тыс.). Большая часть Нью-Дели была спланирована Эдвином Лаченсом, одним из ведущих британских архитекторов XX века. Нью-Дели славится своими широкими бульварами. Меня здесь, в районе великолепного Раштрапати-Бхаван (известный как Дворец вице-короля) больше всего поразили огромные деревья, похожие на исполинские платаны, образующие широкие аллеи «Раджпат», известные как «путь царей» и идущие от Индийских ворот до Раштрапати Бхавана. Дом Парламента находится в Сансад Марг, который расположен параллельно Раджпату. Всё это мне пришлось обжать за считанные минуты, фотографируя то, что приглянулось. Я просто не мог пройти мимо заклинателя змей, который со своей плетёной корзиной расположился прямо на тротуаре аллеи «Раджпат» и так настойчиво приглашал меня к своей кобре (*Naja naja*) и питону, что я не мог отказаться (рис. 45). А ещё меня поразило большое количество коршунов (*Milvus migrans*) – рядом с резиденцией президента я насчитал их более полусотни!

Возвратившись на том же моторикше в гостиницу, я чувствовал себя виноватым: а вдруг меня ждут, и я задерживаю людей. Ничего подобного! Администратор сказал, что меня никто не спрашивал. Было

Рис. 45. Заклинатель змей. Нью-Дели. Ноябрь 1996 г.

уже послеобеденное время, и я начал нервничать. Номер у меня был хороший – маленькая комнатка с очень красивыми витражами над дверью – и можно было отдохнуть, но я чувствовал себя чем-то вроде заложника: никаких номеров телефонов, куда можно было бы позвонить. Оставалось только ждать.

Но когда и вечером никто не позвонил, я стал беспокоиться не на шутку. Платить ещё за одну ночь у меня было уже нечем (я взял минимум валюты, так как все расходы на месте брали на себя организаторы совещания), более того – я не был уверен, хватит ли у меня денег рассчитаться уже сейчас. Стал искать варианты, перебирать бумаги и в официальном письме нашёл номера телефонов Кеоладео. Администратор, видя моё отчаяние, выразил готовность помочь мне хоть чем-то. Он позвонил по одному из телефонов, и ему ответили, что все уже на месте, в Кеоладео! Такого поворота событий я никак не ожидал и совсем растерялся. После долгих переговоров с национальным парком администратор гостиницы вызвал мне такси и долго растолковывал водителю на хинди – куда надо ехать. Не понимая, о чём они говорят, я улавливал только знакомые географические названия, произносимые далеко не так, как я привык их слышать. Выехали мы из города на закате, а до Кеоладео, как я себе представлял, надо было ехать несколько часов.

С тревожным чувством покидал я город, который при последних лучах заката вдруг показался таким уютным! Бородатое лицо водителя в наступающих сумерках показалось мне мрачным, чтобы не сказать – зловещим, а его упорное молчание, только порождало всяческие подозрения. И когда через час пути, уже в полной темноте, он остановился и, ослабившись, отошёл от машины «до ветра», предложив мне жестом сделать то же самое, я вежливо отказался, хотя

Рис. 46. Общий снимок участников. Индия, Бхаратпур, национальный парк Кеоладео. Ноябрь 1996 г.

и не прочь был последовать его примеру. Нет уж, думал я, вот выйду, а он вдруг сядет в машину и уедет! И что я буду делать здесь глупой ночью?.

Со временем я как-то свыкся со своим странным положением и даже развселился: один ночью, с каким-то бородастым индусом, вне пространства и времени, даже еду не известно куда! В последнем я убедился, когда он, нарушив молчание, вдруг переспросил меня о месте, куда мы едем, и на мой ответ «Бхаратпур» закивал утвердительно и повторил это название совсем по-другому! Оставалось ждать и надеяться. В одном месте дорогу нам перегородили несколько человек таких же бородастых, с поднятыми руками. Мне не понравилось это ночное «голосование», но водитель притормозил. А когда они бросились к машине, он вдруг дал полный газ и, объехав их, долго не сбавлял скорости. Обернувшись ко мне, он улыбнулся и сказал: «Бандитос». Вряд ли это была шутка, так как, несмотря на улыбку, лицо его было очень серьёзным. Веселье моё как рукой сняло.

И когда мы остановились около какого-то шлагбаума, я снова напрягся, но водитель, переговорив с охранниками, смело въехал под приподнятый шлагбаум и после нескольких поворотов лесной просёлочной дороги остановился около низкого здания с освещёнными окнами, объявив мне «Кеоладео». И только войдя внутрь и увидев за столами веселых журавлятников – Флинта, Сорокина, Маркина, Арчибальда и других – я понял, что я прибыл. Гром приветствий, объятия (все уже навеселе!), меня тащат за стол, наливают вина, а я всё пытаюсь объяснить, что мне надо рассчитаться с водителем и либо накормить его, либо отпустить. Флинт первый услышал мои объяснения, широким жестом вынул из кармана сто долларовую бумажку: «Хватит?». Водителю хватило, и он не стал ужинать, а тут же поспешно развернулся и уехал. Наконец-то я был среди своих... Когда я дома рассказал об этом дочерям, они в один голос сказали: «Ну, папа, ты просто ненормальный».

Тут же, за столом, стали приводить примеры – кто как сегодня приехал. Оказалось, что я не самый оригинальный. Валентин Ильяшенко из Дели поездом добрался до ближайшей железнодорожной станции и оттуда на перекладных – сюда. А Коля Гермогенов гордо въехал в ворота национального парка на велорикше, которого нанял в соседнем городке...

Кеоладео с 1956 г. был известен как птичий заповедник Бхаратпур. С 1981 г. он является объектом Рамсарской конвенции, а с 1982 г. – национальным парком. Занимает территорию около 28 км² в 50 км к западу от знаменитой Агры; от Дели – 184 км. Парк знаменит богатством своей орнитофауны, особенно в зимний период. Здесь зимует множество наших птиц и среди них – редчайший стерх. Кроме того, на водоёмах парка и в окружающих их лесах встречается 27 видов млекопитающих, в т.ч.: антилопа нильгау, дикий кабан, пятнистый олень, индийский замбар, гарна, аксис, макак-резус, лангур, два вида кошек, два вида мангустовых, гладкошёрстная выдра, шакалы, гиены.

Уже в первое утро я познакомился с самым забавным обитателем центральной усадьбы национального парка. Макак-резус (*Macaca mulatta*) – самый благополучный и распространённый вид приматов мира; он встречается от Непала

до Северной Бирмы, а в северной части Индии весьма обычен. Индийцы считают их священными и оставляют для них необработанную часть урожая на своих полях. Пользуясь таким покровительством, макаки-резусы в большом количестве живут даже в городах: на обратном пути мы сами видели их на древних развалинах на самой окраине Дели. Живут резусы большими стаями и во дворе национального парка чувствуют себя, как дома: стоит только зазеваться, как спустившаяся с дерева обезьянка тут же стащит с твоей тарелки понравившуюся ей еду.

Из отчетных докладов участников совещания (рис. 46) выяснилось, что численность западной и центральной популяции стерха неуклонно снижается, и на местах зимовок в Индии и Иране в последний год наблюдали не более 10 особей. В частности, в Кеоладео в этом сезоне их ещё не встречали, и мы все тщательно осматривали водоёмы в надежде увидеть хотя бы одного стерха. Очень много интересного и полезного узнали мы из рассказов директрисы парка Шрути Шарма. Во время заседаний, выработки и подписания документов мы очень тесно общались с уже знакомым представителем Боннской конвенции Douglas Nukle и представителями МФОЖ, или ICF – George Archibald и Claire Mirande. С последней мы познакомились именно здесь и при помощи Валентина Ильшешенко провели очень полезные консультации для будущего проекта по изучению пролёта стерха в нашем регионе; этому был посвящён весь наш обратный путь.

В принятом Меморандуме, подписанном представителями всех стран ареала, кроме Азербайджана, на долю Казахстана запланировано проведение мониторинга численности и распределения мигрантов и среды их обитания, разработка предложений по охране этих территорий и водно-болотных угодий; проведения широкой разъяснительной работы с местным населением, включая показ видеofilьма о стерхе, созданного Международным журавлиным фондом, изготовление и рассылку специальных анкет, посвященных охране и сбору сведений о стерхе в Казахстане.

Наши заседания проходили по щадящему режиму, оставляя довольно много времени для знакомства с национальным парком и его обитателями. Главным здесь являются два водоёма, между которыми проходит насыпная дамба с дорогой, по которой на дрожках возят туристов-бёрдвочеров (хотя можно проехать и на лёгком джипе). Когда нам тоже устроили утренний тур, мы также ожидали около шлагбаума, который открывается в определённое время и выпускает на маршрут целую вереницу этих лёгких двуколок, на каждой из которых восседает по два туриста. Никакого рёва моторов и запаха горячего! Всё тихо и чинно – и очень экологично. Приподнятая насыпь позволяет осматривать водную поверхность в бинокль или подзорную трубу сверху, при этом лучше

Рис. 47. Среди сокровищ Агры. Тадж-Махал, ноябрь 1996 г.

просматривается акватория. Самыми многочисленными обитателями этих водоёмов оказались ярко окрашенные аисты – индийские клювачи (*Mycteria leucocephala*), а также наши обычные колпицы (*Platalea leucorodia*) и большие бакланы (*Phalacrocorax carbo*). Несколько реже встречались аисты-разини (*Anastomus oscitans*), змеешейки (*Anhinga melanogaster*) и султанки (*Porphyrio poliocephalus*). Несколько раз мне удалось увидеть бронзовокрылую якану (*Metopidius indicus*).

Однажды я так увлёкся экскурсией в одиночку, что не заметил, как обошёл один из водоёмов почти наполовину. Не имея желания возвращаться назад тем же путём, я решил идти вперёд, надеясь, что вскоре обойду всё озеро и выйду к нашей центральной усадьбе. По пути, кроме птиц, несколько раз попадались крупные звери, в которых я дважды успел рассмотреть антилоп-нильгау. Наступил полдень, время обеда, а озеро всё не заканчивалось. Предчувствуя неприятные объяснения, я ускорил шаг, но это мало помогло. И вскоре услышал гул мотора. Навстречу мне из-за поворота выехал джип. В нём сидел один из сотрудников национального парка, который вежливым жестом предложил мне сесть в машину, которая доставила меня к месту обеда. Встретивший меня В.Е. Флинт только укоризненно покачал головой и посоветовал больше так не опаздывать, ведь обед уже закончился...

Запомнилась мне поездка в городок Бхаратпур. Маленький, но очень своеобразный, с узенькими кривыми улочками, многочисленными ларьками и лавочками, он производил впечатление сплошного торгового центра с множеством подвод, людей и товаров.

Но самое сильное впечатление оставила экскурсия в Агру (Agra), расположенную в 200 км к югу от Дели. Этот город прославил легендарный Тадж-Махал⁸ – мавзолей-мечеть, построенный на берегу реки Джамна по приказу потомка Тамерлана, императора Великих Моголов Шах-Джахана⁹ в память о жене Мумтаз-Махал¹⁰, умершей при родах (позже здесь был похоронен и сам Шах-Джахан). Нам рассказали, что на строительство мавзолея было приглашено более 22 тысяч мастеров со всех концов империи, а также мастера Средней Азии, Персии и Ближнего Востока. Имеется легенда, что на другом берегу реки должно было располагаться здание-близнец из чёрного мрамора, а соединять эти два здания должен был мост из серого мрамора. Тадж-Махал состоит из пяти куполов высотой 74 м на платформе, с 4 минаретами по углам, к нему примыкает сад с фонтанами и бассейном. Стены выложены из полированного полупрозрачного мрамора с инкрустацией из самоцветов – бирюзы, агата, малахита, сердолика и др. Мрамор обладает особенностью при ярком дневном свете выглядеть белым, на заре – розовым, а в лунную ночь – серебристым. Тадж-Махал считается лучшим памятником архитектуры XVII в., сочетая в себе элементы персидского, индийского и исламского архитектурных стилей. В 1983 г. он был признан объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Очень много другой интересной

⁸ Тадж – венец, Махал – дворец;

⁹ Джахан – мир, вселенная;

¹⁰ Мумтаз-Махал – избранница дворца.

Рис. 48. Отдых в Таж-Махале на фоне реки Джамна (В.Ширшов, В.Ильяшенко, Ю.Маркин). Ноябрь 1996 г.

информации сообщили нам гиды, показывая на установленную внутри гробницу Мумтаз, объясняя, как она является центром всего сооружения и как идёт разделительная осевая линия вдоль бассейна... После экскурсии мы отдыхали на широкой каменной террасе типа балкона высоко над рекой Джамна (рис. 48), и кто-то рассказывал нам, как по этой реке на плотиках с огоньками сплавляют усопших. А я вспоминал, как мечтали повидать Индию старики Ивановские, и понимал, что же именно больше всего хотела увидеть здесь Екатерина Алексеевна...

Перестройка науки в Казахстане и первый юбилей (1997)

В стране тем временем полным ходом шла перестройка, реорганизация всего и вся. Не обошло это и науку, которая слишком долго развивалась самостоятельно, традиционно направляясь Академией наук – сначала Императорской, потом – СССР, а с 1946 г. – Академией наук Казахской ССР. Слово «направлялась» я употребил не случайно, потому что в нём – весь «корень зла» с точки сильных мира сего, которые считали, что наукой, как и всеми прочими отраслями, надо *управлять*. И с первых шагов самостоятельное государство повело борьбу против академической «вольницы», стремясь подчинить эту непокорную науку общим правилам административного управления страной.

Прежде всего, в 1992 г. было создано Министерство науки и новых технологий, первым министром которого был назначен крупный учёный-физик Г.А. Абильсиитов¹¹. Началась позиционная война между старой академией

¹¹ Абильсиитов Галым Абильсиитович (род. 1940) – доктор технических наук, специалист в области лазерной техники, первый директор Научно-исследовательского центра по технологическим лазерам Академии наук СССР, Лауреат государственной премии СССР в области науки и техники (1984). – АК.

и новорожденным министерством. Вскоре, в марте 1996 г., одним из результатов этого противостояния стало возникновение оригинального гибрида – «Министерство науки – Академия наук¹²». В постановлении Правительства было сказано: «Министерство науки – Академия наук Республики Казахстан, являясь единым органом государственного управления в сфере науки и техники, координирует фундаментальные исследования, выполняемые научными учреждениями, высшими учебными заведениями, отдельными учёными страны и организует государственную приёмку полученных результатов. Миннауки – Академия наук координирует деятельность головных организаций и осуществляет контроль за эффективным использованием бюджетных ассигнований, выделенных на каждую программу фундаментальных исследований». Первым министром-президентом стал В.С. Школьник, сменивший потом немало высоких постов в Правительстве Казахстана.

И хотя нам к подобного рода гибридным названиям было не привыкать (вспомнить хотя бы кафедру зоологии и ихтиологии в КазГУ или нашу «лабораторию орнитологии и охраны животных»), тем не менее, на таком высоком уровне столь одиозное название не могло продержаться долго: в январе 1999 г., после очередной реорганизации министерства В.С. Школьник назначается министром науки и высшего образования. Этот симбиоз науки и образования существует и поныне, с небольшим изменением явно не в пользу науки: «Министерство образования и науки Республики Казахстан».

В другом министерстве, с которым я был связан и которое с этого года стало называться Министерством экологии и природных ресурсов Казахстана, был назначен новый министр – С.Ж. Даукеев¹³, бывший до этого министром геологии и охраны недр. С его приходом само министерство весной 1997 г. перебазировалось в Кокчетав, поближе к новой столице Казахстана (Акмолинск – Целиноград – Астана). Я хорошо помню митинг у входа в здание Геологического музея (напротив гостиницы Казахстан), откуда отбывали те, кто согласился переезжать. Всё было обставлено довольно пышно, выступали поэты, которые декламировали стихи, общественные деятели, прочившие министерству путь в будущее. И завершил митинг сам С. Даукеев командой: «По коням, то есть по машинам!». Я даже снял небольшой видеосюжет этого «исторического действия»...

На этом грозовом фоне наша жизнь «маленьких винтиков» шла своим чередом – в напрасном ожидании улучшения финансирования и во всё усиливающихся поисках хоть каких-то проектов, которые дали бы возможность существовать и как-то заниматься своей наукой. Между тем в марте как-то незаметно (и неожиданно!) мне стукнуло 60 лет. Этот первый серьёзный юбилей, который всегда в нашей стране был связан с выходом на пенсию, на этот раз был лишён

¹² Ну как тут не вспомнить любимую крылатую поговорку Майкла Кликса: «Если не можешь уничтожить конкурента – женись на нём!». – *АК*.

¹³ Даукеев Серикбек Жусупбекович (1950 г.р.) – доктор геолого-минералогических наук, трижды министр Казахстана, аким Атырауской области (200-2002), последний президент Академии наук Казахстана. – *АК*.

этого оттенка, так как правительство обрадовало нас очередным «омоложением», повысив пенсионный возраст для мужчин до 63, а женщин – до 58 лет. Тем не менее, в институте всё это было отмечено, как говорится, «малой кровью», без особых словопрений и наград. Поговорили, похвалили, вручили адрес, выпили...

Сам я, ещё не чувствуя возраста, был полон оптимизма и готов искать эти самые проекты, вести научную работу, строить планы, выполнять их, участвовать в новых поездках и т.д. Не зря говорят: «60 лет – прекрасный возраст! Жаль только, что понимать это начинаешь в 70».

Начало работы над Западно-Тянь-Шаньским проектом (апрель 1997)

В апреле 1997 года началась работа над Западно-Тянь-Шаньским проектом ГЭФ (Глобального экологического фонда) – в курортном кишлаке Хумсан (Узбекистан) состоялся первый семинар на эту тему. Его проводил представитель FFI (Fauna&Flora International) Nigel Coulson, приехавший сюда с женой и маленькой дочерью. Научными консультантами по зоологии от трёх стран-участниц проекта, были: от Киргизии – Э.Д. Шукуров, от Узбекистана – О.В. Митропольский, от Казахстана – А.Ф. Ковшарь. Вместе с ботаниками, представителями министерств и ведомств, а также сотрудниками западно-тянь-шаньских заповедников нас собралось человек 30-40. Наш фасилитатор, ещё довольно молодой человек, но уже опытный в такого рода делах, умело направлял все наши выступления в единое прокрустово ложе разработанного формата подобного рода семинаров. И в результате родились те документы, которые необходимы были для их рассмотрения Всемирным Банком и Глобальным экологическим фондом.

Работа проходила в одном из небольших, но живописных ущельц Западного Тянь-Шаня, на противоположном склоне которого так и манили к себе рощицы фисташки – нового для меня биотопа с его миром птиц. Однако гулять с биноклем можно было только рано утром, до начала наших занятий. Зато после окончания семинара нас свозили на экскурсию на берега Чарвакского во-

Рис. 49. Участники семинара в Хумсане

Рис. 50. На экскурсии в Чарвакском водохранилище

дохранилища – обширного и пустого (без птиц) водоёма со знаменитым селом Бричмулла, воспетым в известной песне Сергея Никитина. Гораздо интереснее оказалась пешая прогулка к ущелью реки Чаткал, которое я видел впервые и ещё не знал, что всего через год смогу познакомиться с ним поближе.

Начало сотрудничества с фирмой «Хан-Тенгри» (1997 – 2008)

Второй важный для меня проект, обеспечивший меня интересной сезонной работой на целых 10 лет, также начался в апреле этого года. Речь идёт о сотрудничестве с фирмой «Хан-Тенгри». Как-то меня пригласил Даурен Валиев, брат знаменитого казахстанского альпиниста Казбека Валиева (с ним я познакомился в 1983 г. в Чимкенте), и предложил долговременное сотрудничество. Я должен разработать постоянные маршруты для туров бёрдвочеров, по которым сам же со своими сотрудниками буду затем ежегодно водить организованные группы орнитологических туристов. Маршруты у меня были уже готовы давно, и в апреле мы с Дауреном и Олегом Гридневым прошли их на дауреновском джипе, засекая километраж, время его прохождения, выбирая места для постановки палаточных лагерей. Сама фирма братьев Валиевых называлась «МАЛ Хан-Тенгри» – Международный альпинистский лагерь Хан-Тенгри. Сам МАЛ располагался в долине реки Каркара, и я вспомнил, как мы, проводя учёт серпоклюва с вертолётá, внезапно вышли на красочные, современного зарубежного покроя палатки этого международного лагеря. Таким образом, располагая достаточным количеством лагерного снаряжения и рабочей силой в виде молодых ребят туристов и альпинистов, фирма серьёзно взялась за новый вид бизнеса.

Мне очень нравился грамотный подход к организации столь сложного дела. Даурен сам разработал рацион для туристов, тщательно выверяя количество каллорий и учитывая вкусы современных иностранных туристов (непременный йогурт, сыр, фрукты и т.д.). Все организационные дела держались на нём и его помощнице, совсем молоденькой девушке Юле Екимсеевой, которая вела все телефонные переговоры, электронную переписку, работу по оформлению виз и бронированию мест в гостиницах. А когда начали приезжать группы, то именно Юля встречала их в аэропорту, размещала в гостиницах и руководила водителями автобусов, загружающими провиант на очередной многодневный маршрут. Даурен решал вопросы с пропусками в пограничную зону, доходя до высших чинов КГБ и МВД, лично договаривался с Институтом иностранных языков о поставке студентов для работы переводчиками и командовал строителями бивуаков, поварами и прочей рабсилой. Они с Казбеком завели дружбу с представителями австрийских авиалиний в Казахстане, обещая им преимущество в перевозке своих туристов, наладили рекламу за рубежом по всем доступным каналам, в том числе и выезжая в Англию на сборища бёрдвочеров.

Надо сказать, что орнитологический туризм был только частью их бизнеса, всего лишь новинкой – так же, как и цветочные туры. Одновременно, помимо альпинизма и спортивного туризма, они занялись организацией так называемого «фишинга» в дельте реки Или, где водились рекордных размеров сомы, а так-

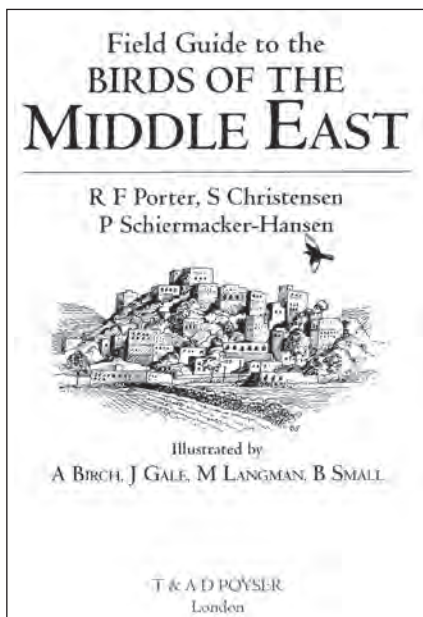
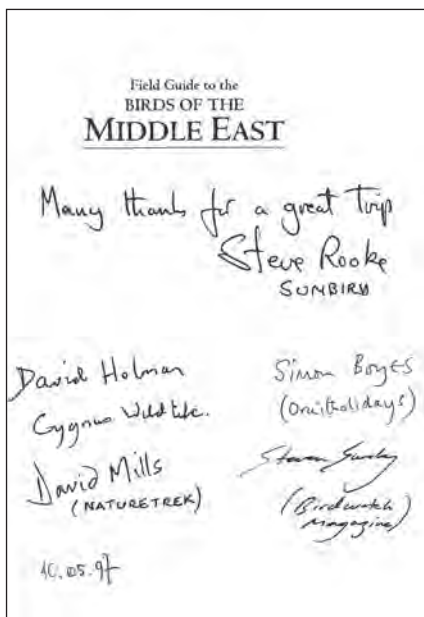

Рис. 51. Распашной титул определителя птиц Среднего Востока с автографами туроператоров. 1997 г.

же делали попытки вывоза в горы на вертолётах горнолыжников (так называемые «Heli-Sky»). Реклама всего этого была красочно записана на компакт-диске, которые они усиленно распространяли.

Когда подготовка к орнитологическим турам была закончена, Казбек и Даурен сказали мне, что наступил решающий момент: вывоз на пробный маршрут туроператоров – представителей крупных европейских клубов бёрдочеров. От того, как понравится им наш недельный маршрут (включая высокогорье на Космостанции, пески Таукум с туранговой рощей, Сорбулак с его водоплавающими птицами и Чарынский каньон), будет зависеть дальнейшая судьба нашей орнито-туристической деятельности.

В начале мая мы с представителями английских фирм («Naturetrek» David G.H. Mills; «Sunbird» Steve Rooke; «Ornitholidays» Simon Boyes; «Birdline East Anglia & Wildlife Tourism» David Holman) и руководством австрийских авиалиний (которые тоже оказались любителями птиц) на целой веренице машин выехали по указанному маршруту. Рацион в этот раз был повышен, изобилие фруктов дополнялось местными винами и крепкими напитками, которые хорошо оттеняли орнитологические впечатления каждого дня. Мне удалось показать им практически всё из намеченного – от серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii*), темнобрюхого улара (*Tetraogallus himalayensis*) и расписной синички (*Leptopoeile sophiae*) в высокогорье до джека (*Chlamydotis undulata*), рябков (*Pterocles orientalis*, *Syrrhaptes paradoxus*), белокрылого дятла (*Dendrocopos leucoptera*) и бурого голубя (*Columba eversmanni*) в пустыне. Туроператоры были в восторге, а вместе

с ними радовались и мы. Особенно оценили англичане то обстоятельство, что я смог не только показать им этих птиц, но и о каждой из них дать полную справку по распространению, характеру пребывания на данной территории и биологическим особенностям. Попутно они много расспрашивали о млекопитающих, пресмыкающихся и даже растениях. Словом, общение оказалось взаимно интересным и полезным (я, например, получил много поправок по части английских названий птиц, которые поначалу мы с Витой брали из наших советских словарей и справочников). Немало интересного рассказывали некоторые из них о том, где встречаются и как ведут себя наши птицы на зимовках за рубежом.

На месте последней ночёвки, на берегу реки Чарын, в знаменитой роще реликтового ясеня (*Fraxinus sogdiana*) было устроено что-то вроде прощального банкета, на котором хорошо было видно, что поездка наша удалась. Но ещё лучше это проявилось в гостинице, куда мы вернулись лишь к ужину, а ночью гости уже разлетались. Многие из них сразу же после ужина изъявили желание подписать контракт с Хан-Тенгри сейчас же, не откладывая! Счастливый Даурен охотно взялся за это дело и отправил меня на машине домой, говоря, что дальнейшая рутинная канцелярская работа мне уже не интересна. Услышав от кого-то слова «август, сентябрь», я едва успел предупредить Даурена, что в эти месяцы мы им ничего толком показать не сможем, и что оптимальным временем для орнитологических туров у нас остаются май-июнь, а для цветочных – даже апрель-июнь. На прощанье наши новые друзья подарили мне со своими автографами великолепный определитель птиц Среднего Востока (рис. 51), которым я пользуюсь до сих пор.

Второй семинар по Западно-Тянь-Шаньскому проекту (июнь 1997)

В июне этого года в урочище Ак-Мечеть Сайрамского района Чимкентской области (немного юго-западнее заповедника Аксу-Джабаглы) состоялся второй семинар по Западно-Тянь-Шаньскому проекту. Проводил его всё тот же Nigel Coulson с детьми. Из Киргизии вместе с Э.Д. Шукуровым приехали переводчица Бермет и представительница общественной организации Шолпан. От Казахстана участвовали, кроме меня, также директор заповедника Аксу-Джабаглы Акаев (бывший аспирант-гельминтолог нашего института, впоследствии оказавшийся поэтом и певцом!), академик Аймак Джангалиев (тот самый, что обвинял меня в том, что я продался арабам), один из руководителей Лесного комитета Степанов, зав. отделом Министерства экологии Игорь Глуховцев, начальник отдела заповедников того же министерства Искандер Мирхашимов (бывший аспирант Э.И. Гаврилова) и представительница Института ботаники А.А. Ивашенко. Кроме того, активное участие принимал начальник областной охотинспекции Чимкентской области (фамилию забыл) со своим взрослым сыном, которого он всё время предлагал для участия в этом проекте (чего, в конце концов, и добился!). Джангалиев, как ни в чём ни бывало, в первый же день обнял меня (по возрасту он годился мне в отцы) и, сказав, что мы всегда были единомышленниками и делали одно дело, заверил меня в своей любви и преданности. Удивительный метаморфоз...

Никаких особых впечатлений от этого семинара не осталось, кроме самой этой резиденции областного начальства, о которой я раньше даже не слышал. Кроме вполне сносной гостиницы в добротном каменном здании и хорошей кухни, здесь в подвале была великолепная сауна с бассейном, в который самотёком поступала ледяная вода из горной речки! Ещё запомнилось, как Игоря Глуховцева, любившего ходить по двору босиком, укусил какой-то паук, ногу ему разнесло, и мы боялись – как бы это не каракурт. Но когда позвонили в городскую больницу и сказали о случившемся, оттуда спросили: «а какой вес пострадавшего – меньше 90 кг?». Игорь мрачно сказал: «сто». Ну, тогда не бойтесь, ничего не будет – последовал уверенный ответ. И действительно, всё обошлось...

Семинар Всемирного фонда дикой природы – Ташкент, 3-4 июля

Ещё один семинар – Всемирного фонда дикой природы (WWF) – состоялся в Ташкенте 3-4 июля. Организовывали его Ольга Борисовна Переладова (ВНИ-Иприрода, Москва) и Татьяна Михайловна Брагина (Наурузмский заповедник, Кустанай) – две самые активные женщины по экологическим проектам на всём постсоветском пространстве. Тема семинара – подготовка проекта по сохранению биологического разнообразия в казахстанско-среднеазиатском регионе. Мне пришлось готовить обширный доклад по состоянию животного мира Казахстана и его охраны, ботаническую часть докладывала Екатерина Ивановна Рачковская. Разъехались в надежде, что будет большой общий проект, только надежды эти так и не сбылись (хотя частично, может быть, что-то и было – далеко не всегда результаты таких проработок доходят до всех исполнителей). На этом семинаре Олег Митропольский познакомил меня с мужем Елены Александровны Мухиной (третья из тройцы самых активных «зелёных» дам) – Александром Вольдемаровичем Крейцбергом, энтомологом, специалистом по бабочкам и очень ярким экологом, с которым в ближайшие годы мы не раз встречались на таких и более масштабных природоохранных мероприятиях.

От Иссык-Куля до национального парка «Кокше» (август, октябрь 1997)

В августе я первый раз попробовал отдохнуть на Иссык-Куле, где отдыхали все наши сотрудники (некоторые – ежегодно!), а я лишь один раз был «проездом» в 1989 г. Я бы ещё много лет не собрался «выбивать» путёвку в наш академический санаторий в селе Бозтери, куда ездили наши учёные, если бы как-то в разговоре В.И. Торопова не пригласила на биостанцию их Биолого-Почвенного института в с. Чолпоната. С 12 по 20 августа я любовался изумительными красками этого озера и его горным обрамлением и ежедневно проводил несколько часов в его обжигающе-холодных и солёных водах. Даже птицы на берегу и в зарослях облепихи оказались на втором месте. Отдых был стопроцентным...

А с 30 сентября по 2 октября я провёл в национальном парке «Кокше», где проходил семинар по заповедникам Казахстана. Кроме сотрудников заповедников и национальных парков здесь собралось немало специалистов из академи-

ческих учреждений и вузов – зоологи, ботаники, географы. В течение трёх дней в прекрасном здании санатория, принадлежавшего когда-то одному из крупных заводов, шёл откровенный разговор о состоянии наших охраняемых территорий, их нуждах и возможностях существования, а не прозябания, в новых экономических и общественно-политических условиях. Здесь предельно чётко проявились различия между сотрудниками заповедников, для которых ООПТ – не просто красивая и непонятная аббревиатура, а вся их жизнь (как это было и у меня в 60-х гг.), и теми, кто на этой модной теме произносил красивые призывные речи и готовился баллотироваться в депутаты, а то и в президенты... Здесь мне пришлось более близко познакомиться с одним из таких представителей алматинской элиты Мэлсом Елеусизовым, руководителем общественного объединения «Табигат», и составить себе правильное представление о политической составляющей ставшей теперь столь модной экологии. Лучше познакомились мы и с профессором Айтхожой Бигалиевичем Бигалиевым, бывшим ректором Карагандинского университета, перешедшим заведовать кафедрой в КазГУ. Даже купались в озере Шалкар вечером при луне, и он, к моему немалому удивлению, сумел сфотографировать это скрытой камерой...

В последний день наших занятий мы провели всеобщий субботник по уборке от мусора одной горки на берегу озера Шелкар, где проходил один из интенсивных маршрутов туристов. Очень внушительной оказалась собранная куча отходов! А потом – прекрасная сауна на берегу озера – и снова купание в озере при луне и без свидетелей...

Меня всё время тянуло на «старое пепелище» в кемпинг «Турпан», где я провёл часть лета прошлого года. Выбрав время после обеда, я самовольно ушёл в лес и направился по знакомым местам вдоль берега (год назад я приходил к этому санаторию, расположенному в нескольких километрах). Несмотря на красоту осеннего леса, картина была довольно грустной: места обезлюдели, и даже около наших финских домиков лишь сиротливо валялись автомобильные диски, предназначенные для кострищ. Правильно говорят, что не стоит возвращаться в те места, где тебе когда-то было хорошо...

Поздней осенью, 10-11 ноября в Бишкеке, на базе Института леса, состоялся ещё один семинар. Проводил его Francis Paracatil – координатор IUCN по северо-африканско-центрально-азиатскому региону. С этим смуглым, молодежавым, удивительно вежливым и благожелательным индусом судьба свела нас три года назад – Риад, Абу-Даби, Лахор, Монреаль. Он был старый функционер Международного союза охраны природы, явно врождённый дипломат, и сделал очень немало для того, чтобы вывести наш регион на международную арену IUCN. Здесь, в Бишкеке, в проведении семинара ему активно помогала наша молодая «поросль» – Роман Яценко и Чингиз Тарабаев из Казахстана, А.В. Крейцберг из Ташкента, Сергей Зонштейн из Бишкека. Здесь строились большие прожекты, взахлёб говорилось о больших проектах и больших деньгах, а я смотрел на всё это как бы со стороны, уже не веря во все эти маниловские мечтания. Принимали важные решения, кого-то куда-то избирали, все были очень возбуждены и считали эту сходку чуть ли не решающей, историче-

ской. Обратно в Алма-Ату мы ехали ночью в микроавтобусе все вместе, в том числе и Крейцберг. Было холодно, дорога была очень скользкой, и машину заносило то влево, то вправо. Может быть частично поэтому, но больше от эйфории молодёжь пила больше обычного. Я впервые видел таким пьяным Крейцберга, который старался перекричать остальных, а потом, полюбив меня, стал объяснять, что сейчас надо дать дорогу молодым, а мне всё равно поставят памятник за всё то, что я сделал в области охраны природы и заповедного дела. Было и смешно, и грустно...

Чехия: Пан-Европейский форум IUCN (17-20 марта 1998)

В день моего рождения, 17 марта 1998 г., в небольшом чешском городе Прухонице, недалеко от Праги, начался Пан-Европейский форум IUCN, продлившийся до 20 марта. На этом представительном форуме присутствовал генеральный директор IUCN McDowel, а также избранный нами в Монреале новый президент – Yolanda Kakabadze, американка с грузинскими корнями. Европейское руководство IUCN представляли Jan Cherovsky и Zbignev Karповitsch, Россию – А.М. Амирханов, В.М. Неронов, В.В. Мошкало и Юлия Горелова; Казахстан – мы с Чингизом Тарабаевым; Узбекистан – А.В. Крейцберг, Киргизию – С.Л. Зонштейн. Делегация среднеазиатского региона и здесь привлекла внимание руководства IUCN, и президент с генеральным директором даже специально собрали нас на беседу (см. рис. 52). Очень уж важным был вопрос: к какому региону, в конечном счёте, примкнут Казахстан и Средняя Азия.

Заседания проходили в каком-то старинном замке с красивыми садами и водоёмами, всё это подстрижено и ухожено в традиционном европейском стиле. Мы с Чингизом не раз во время перерыва и вечером ходили осматривать эту красоту, где природа и произведение рук человеческих пребывали в какой-то спокойной гармонии. Один раз нас свозили на короткую экскурсию в Прагу, однако дело было уже к вечеру и осмотреть этот прекрасный город мы не смогли, но прогулялись по вечерним улицам с Юлей Гореловой и Аликом Крейцбергом, который, оказывается, здесь жил когда-то и многое нам рассказал.

Как-то в перерыве между заседаниями меня разыскал молодой чех, лицо которого оказалось мне знакомым. «Мирослав Бобек» – представился

Рис. 52. Yolanda Kakabadze (в центре) и McDowel у нас в гостях. Крайний слева – А.В.Крейцберг, крайний справа – В.М.Неронов

он и напомнил, что мы встречались два года назад в Испании, на конференции по чёрному аисту. Вместе со своим товарищем, которого звали Франтишек Пойер, он пригласил меня в свободное время посетить Прагу и совместить это посещение с деловым разговором об изучении чёрного аиста, которым они занимаются вот уже несколько лет по программе «Афричка одиссея». Договорились на завтра в полдень, когда у нас закончатся основные заседания.

В назначенное время ребята заехали за мной на машине и увезли в Прагу. Сначала привезли в свой офис «Чешски Розглас-2» (Чешское радио), где они оба работают. При этом, показывая на поковырянные осколками стены здания, Мирослав сказал, что это следы от советских танков и пуль, оставленные в на-зидание потомкам. Тут же он добавил, что к нам эти следы никакого отноше-ния не имеют – пусть это остаётся на совести правителей. В офисе (рис. 53) они показали мне на экране компьютера фантастическое зрелище – движущуюся точку на фоне карты Средиземноморья. Это была возвращающаяся с зимовок Катарина – самка чёрного аиста (*Ciconia nigra*), которую они поместили на гнезде в Европе, а на зиму она улетала в Конго. При этом показали путь её зимнего следования через Испанию и Габралтар. Но самое интересное, что её супруг, помеченный на том же гнезде одновременно с ней, улетел на зимовку восточ-ным путём – через Балканы, Анатолию, Израиль – и тоже в центральные рай-оны Африки. Вот какие удивительные результаты даёт мечение спутниковыми радиопередатчиками чёрных аистов!

Ребята рассказали мне, сколько лет уже они занимаются этим интересным делом и предложили принять участие в таком проекте, разыскав в Казахстане жилые гнёзда чёрного аиста и обеспечив чешским коллегам приезд на это место с передатчиками – остальное уже дело их мастерства. В принципе мы договорились о сотрудничестве. Потом мы совершили пешую экскурсию по Праге, и они спросили меня: что бы я хотел увидеть? Не задумываясь, я сказал: «Памятник Бедржиху Сметане», чем их немало озадачил. После некоторых переговоров между собой и консультаций у прохожих, они привели меня на набережную Влтавы и мы вместе нашли этот небольшой памятник, стоящий рядом с музе-ем композитора. Потом прогулялись по Карлову мосту (рис. 54), длина которо-го 516, а ширина 10 м. Этот мост, построенный ещё в Средние века, является

Рис. 53. С Мирославом Бобеком и Франтишком Пойером в офисе «Чешский розглас - 2»

Рис. 54. На Карловом мосту в Праге

своеобразной пешеходной переправой между двумя легендарными районами Праги – Малой страной и Старым Местом. Здесь расположено 30 великолепных скульптур, с моста открываются красивые виды на город по обоим берегам этой величественной реки. Теперь мне удалось хоть немного увидеть знаменитую «Злату Прагу», о которой я так много слышал и кое-что читал в нашей литературе.

Первая поездка на поиски стерха в Наурзум (12 апреля – 22 мая 1998)

На обоих совещаниях по сохранению стерха (Москва, Кеоладео) шла речь о пути пролёта особей западной популяции этого редкого вида через Казахстан, и каждый раз я вынужден был констатировать, что данные по этому виду из Казахстана очень давние, в том числе и из района Наурзума, где несколько десятилетий тому назад он встречался регулярно. Причина отсутствия сведений крылась как в редкости птицы, так и в том, что никто специально стерха здесь не искал, а у работающих в заповеднике орнитологов была своя тематика, не всегда совместимая с поисками стерха (Н.М. Сметана занималась изучением врановых в сосновых борах; Н.С. Гордиенко – экологией поганок; Е.А. Брагин – изучением хищных птиц). Необходимо было предпринять *специальные* поиски журавля.

Поэтому на крошечные средства, которые получила наша лаборатория в этом году, я запланировал две короткие поездки в Наурзумский заповедник с целью поисков стерха, а попутно – и установления численности других журавлей (красавка, серый). В итоге весной 1998 г. мы с Н.Н. Березовиковым провели в Наурзуме 10 дней – с 22 апреля по 12 мая.

Зима в этом году выдалась многоснежная, а весна – поздняя. Поэтому, когда мы выехали из Кустаная на УАЗ'ике, который дал нам главный охотовед области Григорий Васильевич Поставной (когда-то работавший в Наурзуме), близившееся к закату солнце освещало заснеженную степь, почти без проталин. На прудах близ некоторых сёл нам попадались пары лебедей-шипунгов (*Cygnus olor*), которым чаще всего негде было выйти на заснеженные берега. К Докучаевке (ныне с. Караменде) мы подъехали уже в темноте, и водитель долго не мог найти улочку, где жил орнитолог заповедника Евгений Брагин. Сама контора заповедника давно уже была закрыта, и сторож сказал нам, что Евгений Александрович дома. Кое-как разыскав занесенную снегом улицу, мы долго не могли найти нужного нам дома: из-под снега торчали только верхушки деревьев и крыши домов! Наконец, водитель узнал знакомую крышу и остановил машину. К дому *вниз* вели крутые ступеньки, вырубленные в твёрдом, спрессованном снегу! Впечатление было очень сильное...

Только через два дня мы смогли на старой «Ниве» Брагина выбраться к озёрам Большой и Малый Аксуат близ посёлка Старый Наурзум, где раньше была центральная усадьба заповедника. Здесь он оставил нас у егеря на неделю, в течение которой мы проводили наблюдения за этими озёрами, на которых раньше останавливались пролётные стерхи. В ожидании журавлей мы с Колей ежедневно проводили учёты численности водоплавающих птиц на акватории

этих озёр. Учёты проводились методом сплошного пересчета с берега в трубу с 20-50-кратным увеличением всех сидящих на воде птиц.

Озеро Малый Аксуат почти круглое, с чистым открытым плесом диаметром 1 км и глубиной более метра в центре, в момент наших наблюдений было наполнено почти наполовину; усохшая береговая полоса шириной 50-100 м интенсивно зарастала солеросом, но местами было немало и песчано-грязевых отмелей, удобных для куликов. Большой, Аксуат, наоборот, был очень мелководным (большие веретенники *Limosa limosa* свободно кормились в его центре) и тянулся на несколько километров в виде цепи плёсов шириной 100-500 м; берега заросли тростниковыми бордюрами с отдельными участками открытых отмелей. Оба названных озера разделены между собой лишь небольшой перемычкой, что давало возможность проводить учеты в один день на обоих водоемах. Погода была холодной и ветреной: остатки мощного снегового покрова в тени деревьев и кустарников стаивали до самого нашего отъезда 3 мая! Хорошо хоть осадков в период наших наблюдений не было. С 25 по 30 апреля мы ежедневно насчитывали здесь 4-6 тысяч водоплавающих птиц, среди которых преобладали речные и нырковые утки, лишь к 1 мая их несколько потеснили кулики и чайки. Пролет гусей и лебедей был замечен в первые два дня, а поганки стали лететь в значительном числе только с 27 апреля. Журавлей, а тем более стерхов, за эту неделю мы так и не увидели.

После нескольких экскурсий в районе Докучаевки и озера Сарымоин мы смогли выбраться подальше в район бывшего совхоза «Буревестник», куда нас свозил на своём стареньком ГАЗ-69 Владимир Георгиевич Парастатов, председатель местного коллектива охотников, хорошо знающий и эти места, и повадки зверей и птиц. На протяжении всего маршрута, на расстоянии более 100 км, он рассказывал об охотничьих птицах и зверях здешних мест, значительно повысив нашу осведомлённость в знании местной фауны и местных природоохранных проблемах. Поведал он, в частности, и о сайгаках, которые в последние годы достигали этих широт, но посевов зерновых не выгапывали, как об этом писали-жаловались руководители хозяйств, а наоборот, избегали их. Дважды встречал он и стерхов на пролёте, в том числе и пару лет назад по дороге в Кустанай.

Ещё больше интересной информации получили мы от Алексея Громова – егеря, у которого мы ночевали в районе «Буревестника». Этот прирождённый и очень азартный охотник, прекрасно владеющий охотничьим ружьём, несмотря на отсутствие одной руки (он это наглядно продемонстрировал, застрелив с машины на большой скорости барсука, неведь откуда появившегося среди бела дня в степи!), знал здесь буквально всё, но и он белых журавлей не встречал в этих местах уже много лет. На вторую ночь оставаться у Лёхи Парастатов не стал и, несмотря на изрядное количество выпитого «под барсука», повёз нас обратно в Докучаевку в полной темноте, по тряской дороге и практически без фар, которые у него почти не работали, самопроизвольно зажигаясь только иногда. А если учесть то, что и тормоза у этой изношенной машины были не идеальными, то дорога нам запомнилась...

Обратно в Кустанай нас отвозил тоже Парастатов, с которым мы успели за это время сдружиться. Уезжали мы, так и не увидев стерха, и увозя с собой

твёрдую уверенность в том, что он уже перестал бывать здесь, по крайней мере, на весеннем пролёте. Отъехав не более 20-30 км от Докучаевки, Парастатов предложил объехать расположенное недалеке длинное полузаросшее озеро – а вдруг там нам повезёт на стерха? И точно, уже вскоре он сказал: «Смотрите – вон там, не они ли это?». В бинокль были видны 3 больших белых птицы, однако очертания их расплывались в исходящих от нагретой мокрой земли потоках тёплого воздуха. Стали подъезжать ближе, время от времени останавливаясь и рассматривая птиц в бинокль. Когда до них оставалось меньше километра, мы с Колей решили пойти пешком, скрадываясь за участками тростника и другой высокой растительности. А когда тростник закончился и началась открытая пашня, наконец, удалось рассмотреть загадочных птиц! Ими оказались три лебедя-шипунa (*Cygnus olor*), бродившие по этому полю и время от времени заставлявшие с поднятой вверх шеи!...

Этот курьёз заставил меня всерьёз задуматься над достоверностью так называемых «опросных данных», которым многие склонны были доверять без проверки, удивляясь при этом: «А с кем же можно спутать стерха? Разве что с белой цаплей».

В Кустанае нас уже ждал встревоженный начальник облохотинспекции, которому было приказано доставить нас к самому... С.А. Медведеву. Оказывается, бывший министр сейчас заведовал в Кустанае областным архивом. Святослав Александрович встретил нас радушно у себя на даче, на окраине города, где всё было сделано его руками. Хозяином он оказался хлебосольным, угощал какими-то особенными грибочками, и мы не заметили, как большая гранёная бутылка водки наполовину опустела, а стрелки часов угрожающе приближались ко времени отправления поезда. Заметив моё беспокойство, хозяин сказал, что нас отвезут во-время, водитель у него дисциплинированный. Мне по-человечески жаль было расставаться с хорошим человеком, а ещё больше жаль, что энергия и ум этого совсем ещё молодого человека тратятся на какой-то архив – не его это уровень!

Орнитологические туры по Алматинской области (май-июнь 1998)

В середине мая началась моя регулярная сезонная служба гида орнитологических туров, проводимых фирмой «МАЛ Хан-Тенгри» – работа, продлившаяся **11 лет** (по 2008 г. включительно). Первая группа Birdwatchers оказалась смешанной орнитолого-цветочной, и в качестве ботанического гида в ней участвовала Анна Андреевна Иващенко. Алматинская часть этого тура началась на Б. Алматинском озере (конечно, с посещением Космостанции) и продолжалась по маршруту: река Копа – урочище Тамгалы – Таукумы (палаточный лагерь у Кольшенгеля) – Топарские озера – Джельтуранга – Алма-Ата (ночёвка в гостинице «Отрар») – Нурлы – Кокпекское ущелье – Сюгатинская долина – Чарынский каньон – Чарынская ясенева роща. Гвоздём трёхдневной программы в высокогорье были: серпоклов (*Ibidorhyncha struthersii*), улар (*Tetraogallus himalayensis*), краснобрюхая, красноспинная и седоголовая

горихвостки (*Phoenicurus erythrogastra*, *Ph. erythronotus*, *Ph. coeruleocephalus*), черногрудая красношейка (*Luscinia pectoralis*), расписная синичка (*Leptopoeile sophiae*), джунгарская гаичка (*Parus songarus*), князёк, или белая лазоревка (*Parus cyanus*). Кроме них ещё несколько десятков видов радовали глаз бёрдвочера. В пустыне больше всего их привлекали: дрофа-красотка (*Chlamydotis undulata*), рябки (*Pterocles alchata*, *P. orientalis*) и особенно – саджа (*Syrrhaptes paradoxus*), каспийский зуёк (*Charadrius asiaticus*), пустынная славка (*Sylvia nana*), бурый голубь (*Columba eversmanni*), белокрылый дятел (*Dendrocopos leucopterus*), бухарская синица (*Parus bokharensis*), саксаульный воробей (*Passer ammodendri*).

Вторая часть этого двухнедельного тура приходилась на Западный Тянь-Шань, где с 28 мая по 2 июня мы посетили заповедник Аксу-Джабаглы (ночевали в «Доме Жени и Люды», как Е.М. Белоусов назвал свою гостиницу), откуда выезжали на озеро Бийликоль, в ущелья Беркара (Малый Каратау) и Коксай (Талаский Алатау восточнее заповедника). По результатам этой поездки я представил фирме «Хан-Тенгри» свои рекомендации по улучшению дальнейшей работы под названием «Некоторые соображения и предложения по улучшению туров». В них, в частности, говорилось: «Не объединять орнитологические и ботанические группы (разные интересы, разные места, зачастую – разное время сезона и суток). Так, орнитологам обязательно вставать рано (5-6 час), а ботаникам это ни к чему, в это время как раз роса. В Аксу-Джабаглы ботаникам лучше всего ездить в апреле-мае, когда массовое цветение наиболее интересных видов растений, а для орнитологов лучше в июне и даже июле, когда доступны высокогорья и населяющие их птицы.

Со второй группой (турлидер Дэвид Холман) мы, помимо обычного маршрута «горы – пустыня» 10-13 июня совершили поездку по Южному Прибалхашью в поисках саджи (*Syrrhaptes paradoxus*) в Тортай-кудуке и саксаульной сойки (*Podoces panderi ilensis*) в Баканаской лесной даче на правобережье низовьев р. Или. Несмотря на то, что нам удалось и встретить саджу, и найти два пустых гнезда сойки, пришлось признать этот маршрут нерациональным: «Баканасское место для показа саксаульной сойки не годится: хотя оно и ближе, чем Карой, но езда по рисовым чекам ненадёжна и утомительна, в случае дождя оттуда можно и не выбраться во-время. К тому же увидеть там сойку более проблематично, чем в Карое». И ещё несколько соображений представил я фирме по результатам первого сезона: «4). В пустыне желательно разбивать лагерь как можно ближе к местам экскурсии (идеально – Кольшенгель, ясенева роща). Лагерь в 23 км от саксаульной сойки не дал возможности съездить к ней второй раз – утром на следующий день, когда шанс увидеть её был больше. 5). Кухонную палатку и КамАЗ в лагере надо располагать как можно дальше от спальных палаток, чтобы клиенты могли выспаться». Последнее замечание было вызвано тем, что обслуживающие лагерь молодые ребята туристы-альпинисты считали себя хозяевами лагеря и никак не могли понять, что настоящими хозяевами являются оплатившие всё гости, которые за свой 20-часовой день в непривычных климатических условиях уставали так, что нуждались в полноценном отдыхе – сужу по себе.

Начало сотрудничества с Грайфсвальдским университетом

А с середины июля 1998 года началось второе моё многолетнее сотрудничество, уже чисто научного характера, – с Грайфсвальдским университетом (Германия) и Биолого-почвенным институтом (Киргизия) в области изучения биоразнообразия высокогорий Тянь-Шаня. Может быть, сказанное звучит несколько высокопарно, но мне несказанно подвезло: появилась возможность посмотреть Тянь-Шань в разных его частях, в том числе и тех, где я раньше не бывал (помню, как в Аксу-Джабаглы мне хотелось посмотреть хотя бы восточную половину своего «родного» хребта Таласский Алатау!). Чего греха таить, задели меня и слова Эмиля Шукурова, сказанные в одну из наших бесед в Стамбуле: «А ведь ты Тянь-Шаня толком-то и не видел». Только впоследствии я понял, как он прав...

Поэтому, когда Валентина Исмаиловна Торопова сказала мне, что их Биолого-почвенный институт заключил договор с Грайфсвальдским университетом, и предложила мне присоединиться к их общей компании по исследованию центров биоразнообразия высокогорий Тянь-Шаня, я понял, какой шанс мне предоставляется, и тут же согласился. Мы заключили договор о научном сотрудничестве между нашими лабораториями, который скрепили своими печатями и подписями директора наших институтов – и так на несколько лет «оформили наши отношения». И здесь самое место рассказать об инициаторе и вдохновителе всех этих поездок – профессоре Грайфсвальдского университета Герде Мюллере, ставшим за эти годы нашим близким другом. К сожалению, уже не первый раз рассказ о хорошем человеке приходится начинать с некролога...

Gerd Müller-Motzfeld (19.07.1941-23.07.2009)

«24 июля 2009 г. в высокогорье Внутреннего Тянь-Шаня скоропостижно скончался научный руководитель очередной, 12-й международной зоологической тянь-шаньской экспедиции, выдающийся немецкий энтомолог, крупный специалист по жужелицам, профессор Грайфсвальдского университета (Германия) Герд Мюллер Мотцфельд. С его именем связан целый этап многолетних исследований центров видообразования насекомых в высокогорье Средней Азии. Вернер Герд Мюллер родился 19 июля 1941 г. в городе Майссен недалеко от Дрездена. С 1961 по 1966 г. он студент Грайфсвальдского университета, с 1966 г. – ассистент при alma mater. Кандидатскую диссертацию на тему о влиянии гербицидов на насекомых в культурных ландшафтах он защитил в 1971 г., а с 1975 года и до конца жизни занимался систематикой, таксономией и филогенией жуужелиц подсемейства *Bembidiini*. Поскольку фамилия Мюллер (в переводе – «мусорщик») очень широко распространена в Германии, он с 1978 г. стал использовать как приставку к ней фамилию жены, *frau Ursel Motzfeld*. Все его публикации подписаны «G. Müller-Motzfeld».

Основные вехи творческого пути Герда Мюллера-Мотцфельда связаны с родным университетом: с 1978 г. он куратор зоологического музея ун-та, в 1987 г. защищает докторскую диссертацию по энтомологии, с 1992 г. – профессор зоологии, в 1996-1997 гг. – директор института зоологии, в 1997-2004 гг. – спикер по разделу биологических наук и руководитель лаборатории энтомологии; в 2006 г. вышел на пенсию, не прекращая экспедиционных исследований. Всего опубликовал 150 научных и около 100 популярных

работ; в 7 крупных коллективных монографиях он – автор отдельных разделов; прочитал 350 устных докладов о центрах видообразования насекомых – в основном по материалам из высокогорья Средней Азии.

Впервые в Среднюю Азию Герд Мюллер попал в начале 90-х гг. в Таджикистане, где два сезона изучал насекомых вместе с энтомологом Валентином Михайловым, о чем он часто любил вспоминать. В Киргизию он приехал после Таджикистана и Узбекистана.

В 1995 г., когда его коллега и друг Михаэль Зуков стал создавать в Киргизии биосферную территорию Иссык-Куль, с ним приехали выпускники Грайсвальдского университета, ученики Герда Мюллера-Мотцфельда – Хаген и Торстен Хардер. В 1997 г. в рамках реализации проекта они помогли Герду организовать студенческую практику на территории будущего биорезервата. В этой поездке, кроме Герда и 25 студентов из Германии, участвовали местные специалисты и аспиранты, а также работник немецкого телевидения. За три недели на двух машинах экспедиция проехала почти две тысячи километров, от побережья Иссык-Куля до сыртов. В этой поездке родилась идея – организовать настоящую зоологическую экспедицию из специалистов двух стран. Был подписан договор о научном сотрудничестве между Грайсвальдским университетом и Институтом биологии НАН КР, а вскоре – и аналогичный договор с Институтом зоологии АН Казахстана, и экспедиция получила название «немецко-киргизско-казахская». Экспедиционные поездки совершались ежегодно с середины июля по начало августа.

С 1998 по 2009 г. было совершено 12 таких экспедиций, в т.ч. две (2001-2002 гг.) – по горным районам Южного и Восточного Казахстана. В первых 9 из них нам повезло принимать участие, занимаясь также всеми организационными вопросами их подготовки и проведения. Продолжительность каждой поездки – три недели, состав – 16-17 человек на двух машинах, в т.ч. 9-11 немецких специалистов, которые полностью брали на себя все экспедиционные расходы. Маршруты экспедиций охватили все участки Тянь-Шаня (Западный, Внутренний, Центральный, Северный), пограничные хребты Памиро-Алая (Алайский, Туркестанский), а в Казахстане – также Джунгарский Алатау, Тарбагатай и Саур. Подробно маршруты описаны в наших орнитологических публикациях в журнале «Selevinia» (1998/1999, 2001, 2002, 2004).

Научным руководителем, вдохновителем и душой всех этих экспедиций был Герд Мюллер, который в организационных вопросах всецело доверялся нам, а финансовые дела поручал одному из своих учеников, награждая его титулом «финанс-министр». А раз в два года в Грайфсвальдском университете он же организовывал и проводил научные семинары по итогам предыдущей экспедиции и на них формировался из добровольцев основной состав следующей экспедиции, в которой всегда были ветераны 2-4 поездок...

Тяжело осознавать, что традиция эта прервется, но невозможно представить, что кто-то сможет заменить Герда Мюллера в роли организатора следующих экспедиций. Светлый образ этого замечательного человека – не только крупного ученого, но и настоящего друга – навсегда останется в наших сердцах. *В.И. Торопова, А.Ф. Ковшарь*. Этот некролог мы опубликовали в зоологическом ежегоднике «Selevinia» (2009, с. 284).

Первая совместная немецко-киргизская зоологическая экспедиция: Западный Тянь-Шань (июль – август 1998)

Первая из упомянутых совместных экспедиций состоялась 15 июля – 3 августа. Уже потому, что она была самой первой, положившей начало традиции, мне хочется рассказать о ней более подробно. Рано утром 15 июля в бишкекском аэропорту «Манас» мы встречали немецкую группу. Вместе с Мюллером и его

взрослой дочерью Грит прилетели ещё 8 человек: Шульц Роланд – энтомология, жуки; Родер Йохан – орнитология и энтомология; Кульба Йенс Карл – жуки; Марчай Томас – муравьи; Менг Штефан – малаколог; Шуберт Манфред – грибы; Вагнер Франк [Псойрю] – Нуменоптера; Готшлинг Хаген – географ-почвовед-эколог. Одновременно, в этом же самолёте, во главе с профессором Михаэлем Зуковым прибыло ещё 5 немцев, которых увёз на Иссык-Куль Торнстон Хардер. Мы же своих привезли на Волховскую, 17, откуда стартовали как предыдущая, так и все последующие экспедиции. С киргизской стороны в состав экспедиционного отряда вошли 4 человека: Л.А. Кустарёва – гидробиолог; В.И. Торопова – орнитолог; Тургунбек – географ, Андрей – студент-географ; с казахстанской – только я.

В полдень 16 июля мы выехали из Бишкека на двух машинах УАЗ-452 (таблетка) с водителями – Виктором и Николаем Ивановичами. Маршрут экспедиции был следующий: Бишкек – с. Карабалта – пер. Тюе-Ашу (3100) – Сусамырская долина – пер. Алабель (3800) – ущ. Чичкан – Токтогульское вдхр. – каскад Нарынских вдхр – город Ташкумыр – оз. Сары-Челек – с. Аркит – р. Коджо-ата – с. Алабука – пер. Чапчыма (2841) – долина р. Чаткал – с. Янгибазар – пер. Карабура (3324) – Кировское вдхр. на ор. Талас – с. Чимгент – с. Грозный – с. Бурное – Аксу-Джабаглы и обратно по трассе – в Бишкек (рис. 55).

Как видно уже по самому перечню пунктов маршрута, он был целиком посвящён киргизской части Западного Тянь-Шаня (что мне было просто необходимо!). Впечатлений было много: и от центральной части Киргизского хребта (включая автомобильный тоннель под его гребнем; сразу вспомнилось, как мы ещё в заповеднике читали в газетах о строительстве самой высокогорной автотрассы «Фрунзе – Ош») и от Сусамырской долины, раздольно раскинувшейся сразу же за тоннелем. На крутых склонах этой долины сплошной частокол из высоких ферул создавал впечатление какого-то карликового леса, а внизу

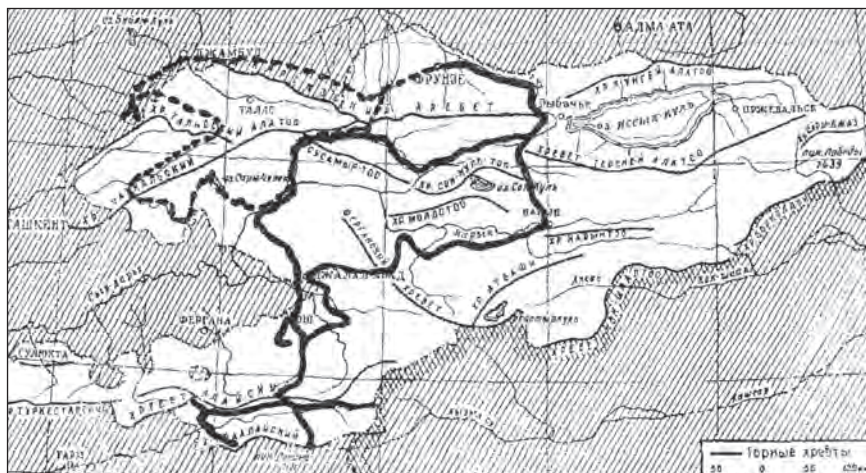

Рис. 55. Маршрут экспедиций 1998 и 1999 гг. Прерывистая линия – маршрут 1998 г.

нежным розовым цветом полыхали целые плантации эспарцета. На ночь мы стали лагерем на левом берегу реки Сусамыр. Высокотравье, густые заросли караганы колючей (*Caragana jubata*) издали тёмным цветом и густотой зарослей напоминали стелющиеся арчевники. Река здесь полноводная, метров 30 шириной, и течёт по очень пологой, почти горизонтальной долине; полоса ивового тугая местами до 100 м. Склоны гор травянистые.

Утром 18 июля солнце в Сусамырской долине показалось в 6 час 16 мин. В это время было очень свежо, а при слабом западном ветерке – просто холодно. Короткая экскурсия в окрестностях лагеря у реки показала, что чаще других здесь встречается черноспинная желтоголовая трясогузка (*Motacilla citreola calcarata*). Кроме неё у реки слышали пение варакушки (*Luscinia svecica*) и обыкновенного сверчка (*Locustella naevia*), а со щебнистого склона – скалистой овсянки (*Embariza buchanani*).

Выехали в 10 час. К западу долина суживается, здесь вправо уходит дорога на Талас, а наша, «ошская», идет прямо вдоль речки, поднимаясь к её верховьям. Перед развилкой нам впервые встретилась пара (муж и жена) голландских велотуристов с багажниками по бокам передних колёс. Эти бедняги направлялись в город Талас! Перед сужением справа от трассы – участок ковыльной степи (!), в основном из *Stipa capillata* & *Festuca sulcata*, но кое-где есть и перистый ковыль. Здесь мы часок поработали, особенно почвоведы и ботаники, нашедшие это место уникальным. По сути это южные подножья Таласского Алатау. Подъём на перевал Алабель пологий, но спуск в ущ. Чичкан («мышь») крутой.

Перед самым перевалом – первая отара овец (!), нигде в Сусамырской долине мы их не видели. По словам местных жителей, при советской власти овец здесь развелось много, а сейчас вместо них растёт поголовье лошадей, традиционно характерных для Сусамыра, но сведенных к минимуму в период расцвета овечьего поголовья. Кстати, на ночёвке нас угощали кумысом, вкус которого, к сожалению, был испорчен неприятным запахом от горелой резины: оказывается, посуду для кумыса здешний чабан для дезинфекции окуривал дымом, но не берёзовых поленьев, как положено, а старой, использованной автопокрышки! Как же можно испортить всё необдуманными «нововведениями»... Здесь же, перед самым перевалом, странно было видеть на такой высоте сотни (тысячи?) кормящихся грачей.

Место для лагеря выбрали в среднем течении реки Чичкан, на притоке Данги. Стали в смешанном берёзово-арчово-еловом лесу (я никак не мог привыкнуть к соседству ели и древовидной арчи!). И тут же пошёл дождь с градом! Причём размер града очень быстро увеличился от кукурузного зерна почти до грецкого ореха (я даже сделал видеозапись). Хлестал 6 минут. Только поставили кухню – снова пошёл дождь, который всех загнал в автобусы до 18 часов, когда выглянуло солнце, и мы увидели птиц. Но, как оказалось, здесь их негусто: утром 19 июля ни в 5, ни в 6 часов не было слышно ни одной песни! Это первое впечатление подтвердила и экскурсия в первой половине дня, хотя мне и удалось найти два гнезда синей птицы (*Myophonus caeruleus*). В лесу только дважды попадались синицы (*Parus flavipectus*, *Parus rufonuchalis*), в небе

кружили пернатые хищники: бурый гриф (*Aegypius monachus*), белоголовый сип (*Gyps fulvus*), бородач (*Gypaëtus barbatus*), беркут (*Aquila chrysaëtus*), а в одном месте видели даже пару шахинов (*Falco pelegrinoides*).

Вечером 19 июля все тепло отпраздновали день рождения Мюллера, избавившись от мешавшего под ногами в машине ящика с шампанским. При этом состоялось всеобщее знакомство, с представлением каждого участника экспедиции – как это принято на международных научных семинарах.

На следующий день незабываемое впечатление оставил каскад Нарынских водохранилищ с изумительным цветом воды на фоне светлых, буроватых скал и выгоревших окружающих полупустынных холмов. Везде велись работы по реставрации шоссе турецкими мастерами, и дорога в нескольких местах была закрыта до вечера (!), но за деньги нас в двух таких местах пропустили, и мы быстренько проскакивали тоннель за тоннелем, рискуя встретиться в одном из них с работающей техникой. Зато в местах, где работы были завершены, мы лицезрели участки идеальной автострады, с разметкой осевой линии, бетонными ограждениями со стороны отвесных обрывов и пр. Только вечером, в 21 час, приехали мы в город шахтёров Ташкумыр и заночевали во дворе у родственников Тургунбека. Здесь я видел редкое явление – сидящего на проводах козодоя (*Caprimulgus europaeus*). Обычно эта коротконогая и короткопалая ночная птица сидит на земле и даже на ветки садится не поперёк, как другие птицы, а вдоль (т.е. ложится). Здесь же козодой слетел с дороги и сел на провода, а когда его согнали, он снова сел на провода: сидит, качается, с трудом удерживается. К нему подлетел второй козодой и тоже сел на провода!

До полуночи во дворе шло празднование дня рождения одного из членов нашей экспедиции – Geburstag Hagen. Я даже снял это братание народов на видео, после чего, как убитый, уснул на крыше хилого сарайчика, не обращая внимания на комариков...

Утром 21 июля мы выехали в Сарычелекский заповедник. Минувя долину, засеянную в основном подсолнухом, кукурузой и табаком, мы около полудня сделали остановку в святом месте «бечел-аю» (худой медведь), близ села Каражигач. Это местообитание райской мухоловки (*Terpsiphone paradisi*): старые ясени с алычой, и всё пронизано светом, здесь же святой родник (довольно сыро). Почти сразу увидели и выводок короткохвостых молодых райской мухоловки, а также серую мухоловку (*Muscicapa striata*), обыкновенных дубоносов того самого среднеазиатского подвида (*Coccothraustes coccothraustes humei*), которых я так безуспешно искал когда-то в Аксу-Джабаглы.

Вдоль речки Кожо-ата (Ходжо-ата), которая течёт из заповедника, проехав турбазу «Сарычелек» и скальные ворота – конгломератовые, как в каньоне Аксу, отвесы метров по 200, с высокоствольной арчой на склонах – мы в полдень приехали в село Аркит, на центральную усадьбу заповедника. Во дворе заповедника, около оригинального деревянного идола, фотографировалась группа геологов из Томска. Дождавшись заместителя директора Акиналы Дубонаева, мы получили пропуск и в 15³⁰ выехали к озеру Сарычелек. Расстояние до озера около 12 км, перепад высот около 600 м. Дорога идёт по дну ущелья, густо по-

росшего ореховым лесом вперемежку с ясенем, урюком, магалёвкой, боярышником. Орех не доходит до озера метров 100 по высоте.

Само озеро очень красиво, но с погодой нам не повезло: сплошные ливневые дожди, а по здешнему высокотравью и после дождя делать нечего. К тому же птиц очень мало, хотя среди них и такие «родные» как желтогрудая и рыжешейная синицы, райская и серая мухоловки, серая и горная славки; а из крупных – орёл-карлик (*Hieraaetus pennatus*) и сип белоголовый (*Gyps fulvus*). Весь следующий день нас поливал дождь. И только к вечеру, пользуясь хорошим закатом, мы с Тургунбеком и Хагеном ходили на лодке через залив фотографировать озеро. Только 24 июля выдалось относительно сухим и ясным, и в этот день нам удалось увидеть на водной глади выводок рогатых поганок (*Podiceps auritus*) – две молодые и 2 старые птицы почему-то очень мало ныряли, зато часто бегали по воде, взмахивая крыльями. Экскурсия по ореховому лесу подтвердила его бедность птицами. К вечеру 25 июля под дождём мы покинули заповедник и стали лагерем ниже его на р. Коджо-ата. Так же под дождём проехали мы 26 июля сёла Афлагунь, Кербен (он же – Караван, райцентр) и в селе Ала-бука, на границе с Узбекистаном, вынуждены были искать гостиницу, так как лагерь под дождём разбить было невозможно.

Только к вечеру 27 июля через перевал Чапчыма (2841 м) мы попали в долину Чаткала и приехали в небольшое, засаженное пирамидальными тополями село Янгибазар, где располагалась контора Беш-Аральского заповедника. За этим селом сливаются Сандалаш и Чаткал, причём здесь они примерно равны по ширине. Дорога пошла вдоль Чаткала, по его правому берегу. Южные склоны Сандалашского хребта совсем безлесны, даже без кустарников – чисто луговые. Да и северные склоны Чаткала здесь тоже без леса. Лишь в 19⁻²⁰ час разбили лагерь на излучине Чаткала у железного моста, между сёлами Каныш-кия и Карл Маркс (абс. высота 1831 м).

Ширина долины в этом месте 1-1.5 км. Склоны гор полностью травянистые, сглаженные. Дно долины покрыто высокотравьем (*Eremurus regelii*, *Dipsacus azureus*, *Achillea millefolium*). Вдоль речки местами настоящий лес из тополя и ивы, шириной 100-200 м. Здесь мне утром 28 июля посчастливилось наблюдать выводок большого крохалея (*Mergus merganser*): четыре крупных нелетающих утки бросились в воду с галечника и буквально перебежали по пенным бурунам на островок со старым деревом, под корнями которого и исчезли. «Бежали» они как-то вприпрыжку – как куньи!!! (поначалу я даже принял их за зверьков). В полукилometре от этого места ещё три крохалея плавали в бурной реке, не делая попыток взлететь (возможно, линные?).

Утром следующего дня мы выехали на восток, в сторону перевала Карабура (из Чаткала в Талас). У села Башки-терек Сандалашский хребет постепенно сходит на-нет, за ним виден Таласский Алатау. Обогнув оконечность Сандалашского хребта, мы напрямую, в лоб, приближаемся к Таласскому. А сзади нас по пятам идёт дождь – чёрные тучи закрывают всю долину и сам хребет. Кстати, Чаткальский хребет здесь мощнейший – отвесы сотнями метров. Перед нами Таласский хребет тоже затянут облаками. Дорога идёт вдоль прангосового луга

с ферулами и мальвами, а впереди – скалистое и глубокое ущелье. Войдя в него, дорога идёт над правым берегом Каракысмака в 20 м от дна. Появились снежные мосты, здесь мы прошли пешком. Начавшийся потом серпантин на перевале оказался размашистым – длинные затяжные прогоны с очень крутыми поворотами и неприятными крутыми откосами глубиной в сотни метров.

Высота перевала Карабура, по нашим измерениям, 3324 м. Спуск в долину реки Карабура оказался не легче – он занял больше часа (я насчитал здесь 34 поворота серпантина!). На каменистом склоне в массе встречались суслики (*Citellus relictus*), прямо колониями. Объехав слева небольшое Карабуринское вдхр. (большое Кировское осталось внизу), мы вышли в долину Таласа. Здесь начался асфальт, и мы поехали прямо на Бурное по хорошей асфальтированной дороге. Погода стояла ясная, солнечная...

Переночевав в лесополосе близ с. Чимгент, мы утром 30 июля выехали на запад, в сторону заповедника Аксу-Джабаглы. Закончились неведомые для меня места, я снова был у себя дома!!! Здесь мы посетили каньон Аксу, ущелье Кши-Каинды и уже 2 августа отправились в обратный путь – на Бишкек. По пути, за перевалом Куюк, посетили мавзолей Айша Биби (XII век), а поздно вечером остановились в Меркенской щели у выхода реки из ущелья, чуть ниже санатория. Последняя ночёвка экспедиции...

Дальше путь шёл по самым населённым местам – одно село почти сразу переходило в другое. За селом Нововоскресеновка – граница между Казахстаном и Кыргызстаном. Мощный КПП, таможня и начинается село Чалдавар. В Чалдаваре стоят на постаментах и Ленин и Сталин – в серебре, в полный рост! В селе Панфиловское – красивый памятник И.В. Панфилову (стоит ли он сейчас?). Воскресеновка без перерыва переходит в Алексеевку, она так же без перерыва – в Карабалту. Здесь серебряный Ильич стоит во весь рост. Карабалту сменяет Новониколаевка, за ней – Полтавка (Ленин в полный рост). Всего через 6 мин езды – уже село Петровка, которая перешла в Беловодское, а оно – в Садовое. И так далее, и так далее. Я привёл этот неполный перечень, чтобы сохранить эти названия хотя бы на бумаге – ведь сейчас ни одного из них уже не осталось, как и тех памятников...

Южная Африка: Дурбан – Умфалози – Трансвааль (16-28 августа 1998)

Всего через две недели началась моя самая яркая и запоминающаяся за все годы моих путешествий поездка – в Южную Африку. Увидеть своими глазами Африку – заветная мечта каждого зоолога, начитавшегося книжек Брэма, Даррела и других авторов-путешественников. Поэтому можно понять, как я был взволнован, получив приглашение на очередной Международный орнитологический конгресс, который должен был состояться в городе Дурбан (Южная Африка) в середине августа 1998 года. Было это ещё в 1997 году. Но это красивое приглашение так бы и осталось украшением моего письменного стола (как в своё время приглашения в Новую Зеландию и другие места), не покажи я его Даурену Валиеву, с которым тогда мы «ублажали» туроператоров фирм

Birdwatchers. В отличие от меня он отнёсся к этому приглашению серьёзно и сказал, что приложит все усилия, чтобы добиться для меня *бесплатного* авиабилета от Австрийских авиалиний, с которыми они имеют договор о дружбе и сотрудничестве. Обещание своё он выполнил, и я получил бесплатный билет до Йоханнесбурга и обратно через Вену, причём тот же Даурен посоветовал мне выбрать такое расписание, чтобы иметь денёк на осмотр красавицы Вены. Именно так я и сделал, оформив дополнительно шенгенскую визу. Это было даже не полдела, а все $\frac{3}{4}$, поскольку проезд Йоханнесбург – Дурбан был мне уже по карману, как и дешёвая гостиница. Спасибо вам, братья Валиевы и «Хан-Тенгри»!

Моими соседками по самолёту оказались две студентки, которые, как выяснилось, *выиграли* бесплатный билет до Вены! А в соседнем ряду я узнал Нагашбая Шайкенова – того самого министра юстиции, который пять лет назад вручал мне регистрационное свидетельство Казахстанско-Среднеазиатского зоологического общества. Вряд ли он меня узнал, но в венском аэропорту, где

у него также была пересадка, помог мне разобраться с хитроумным расписанием дальнейших рейсов. После его ухода я остался один и решил, не теряя времени, заняться осмотром Вены. Записав расписание городских автобусов, я на одном из них поехал в центр города. Было ещё утро, а мой рейс отправлялся вечером.

Этот день, проведенный в одном из красивейших городов Европы, запомнился мне как сплошной праздник. Описывать красоты Вены я не берусь, тем более что красочные альбомы, посвящённые ей, – не редкость, не говоря уже о современных возможностях интернета. Скажу только, что мне она чем-то напомнила Прагу, по которой я гулял совсем недавно, весной этого года. Но в отличие от Праги, здесь на каждом шагу всё напоминало о том, что Вена – столица некогда могущественной империи: величественные дворцы и памятники, а на улицах, наряду с современными авто, – кареты XIX века!

Особенно меня поразила одна венская достопримечательность – «Чумная колонна» (рис. 57), или колонна Троицы, сооружённая в память о страшной эпидемии 1679 года, унесшей десятки тысяч жизней. А ещё запомнилась таверна,

Рис. 56. Самый молодой спонсор охраны животных в аэропорту города Вены.

Рис. 57. «Чумная колонна» в центре Вены. Август 1998 г.

знаменитая тем, что именно здесь уличный музыкант Августин сочинил свою знаменитую мелодию «Ах, мой милый Августин...», которая якобы вместе с пьянством помогла ему уцелеть от чумы... Незабываемое впечатление оставил собор святого Стефана на площади Штефансплатц. Первый храм на месте собора построен в 1137-1147 гг., а современный вид собор приобрёл к 1511 году. Я не устоял перед соблазном подняться на смотровую площадку собора по винтовой лестнице, хотя к тому времени от нескольких часов непрерывной ходьбы ноги просто гудели. Зато вид, который открывался с высоты собора, стоил того!

И, наконец, знаменитый дворцовый комплекс Хофбург (Hofburg) – главное местопребывание императорского двора в городе Вене и зимняя резиденция австрийских Габсбургов. Сейчас Хофбург является официальной резиденцией президента Австрии. Этот величественный дворцовый комплекс объединяет 19 дворов и 18 строений. В XIII веке он представлял собой прекрасную средневековую крепость. Сегодня о тех временах напоминает только замковая капелла. В самую старую часть Хофбурга (Швайцерхоф) ведут Швейцарские ворота (XVI в.). Как памятник эпохи Ренессанса это классический тип парадной арки, который пришел из Древнего Рима...

К вечеру я буквально лишился ног и кое-как доковылял до небольшого парка Бурггартен (Burggarten), где на зелёных газонах под раскидистыми кронами платанов отдыхало много групп молодёжи, а в небольших бассейнах у фонтанов плавали кряквы и другие дикие утки. Посидев и поглазев на тех и других, я отдохнул и смог добраться до остановки автобуса, который доставил меня в аэропорт. Жаль было оставлять эти места...

Очередной, XXII Международный орнитологический конгресс проходил в течение недели, с 16 по 22 августа, в Дурбане – одном из крупных городов Южной Африки, расположенном на побережье Индийского океана. Этот научный форум собрал на берегу Индийского океана более тысячи профессиональных орнитологов и не меньшее число любителей птиц, поскольку дни работы конгресса совпали с проведением всемирного съезда Birdwatch – одного

из наиболее распространенных во всем мире видов хобби, который в последние годы проник и на территорию Казахстана и стран Средней Азии. Кстати сказать, среднеазиатская орнитология на конгрессе была представлена слабо: если из России одна только московская команда состояла более чем из 10 человек, то из стран Средней Азии, кроме меня, в работе конгресса участвовал только Александр Яковлев из Иссык-Кульского заповедника (Киргизия).

Почетным президентом конгресса был избран Tso-Hsin Cheng (Китай), президентом и руководителем исполнительного комитета – Peter Berthold (Германия), генеральным секретарем – Aldo Berruti (рис. 59). Последний был также председателем местного оргкомитета и фактически направлял всю его работу, вникая во все дела и помогая сотням людей решать самые разнообразные, порой довольно сложные проблемы. Все заседания проходили в великолепном здании конгресс-центра, где были созданы все удобства для проведения как пленарных заседаний так и симпозиумов, круглых столов, выставок и презентаций.

Конгресс начал свою работу 17 августа в 9 час по южно-африканскому времени, которое оказалось идентичным среднеевропейскому (!). Сама церемония открытия была сугубо деловой, без какой-либо помпезности – даже за столом президиума находилось всего 4 человека. Сразу же после зачитания обращения президента Питер Бертольд сделал пленарный доклад на тему: «К пониманию теории эволюции, контроля и адаптационных способностей миграций птиц». В 14 час того же дня Александр Андреев (Россия) сделал второй пленарный доклад: «Энергетика и выживание птиц в экстремальных условиях». В дальнейшем ежедневно участникам конгресса читалось по два пленарных доклада; из них мне запомнились: «Функциональная и эволюционная морфология дятлов», «Демография птиц: статистика и орнитология», «Кукушки, трупиялы и эволюция мошенничества»; «Птицы как индикаторы состояния окружающей среды» и «Биогеография на рубеже нового века: старые тенденции в сравнении с новыми представлениями».

Рис. 58. Эмблема XXII орнитологического конгресса (родезийский медосос – *Promerops gurneyi*)

Рис. 59. В.Е.Флинт, А.Г.Сорокин, генеральный секретарь – Aldo Berruti, Е.Н.Курочкин и Rene Jamous

Промежутки между пленарными докладами были заняты огромным количеством симпозиумов (51), круглых столов (37) и постеров (595), которые не то что посетить, но и просто перечислить нет никакой возможности. Все доклады и сообщения опубликованы в трех выпусках южноафриканского орнитологического журнала «Ostrich».

Столь же разнообразным был и набор экскурсий: от получасовых и часовых в дни заседаний конгресса до однодневных в выходные дни и многодневных до и после конгресса; от посещения местного зоопарка или птичьего дома до поездок по южноафриканским национальным паркам, таким, как Крюгер-парк или Умфалози, и даже полет на самолете над знаменитым водопадом Виктория! К сожалению, цены на многодневные поездки исчислялись в сотнях долларов и мне были недоступны.

В дни работы конгресса были организованы выставки орнитологической литературы, поражавшие воображение обилием красочных изданий, особенно полевых определителей: только по птицам Южной Африки можно было одновременно видеть несколько прекрасных путеводителей, иллюстрированных как высокоточными рисунками птиц так и их фотоснимками, нередко очень высокого класса. Я купил сразу два таких определителя – один рисованный, другой сделан на основе фотографий, причём в обоих первым автором был один и тот же орнитолог – Ian Sinclair, преподаватель Кейптаунского университета. Каково же было моё изумление, когда спустя семь лет он оказался в группе бёрдочеров, которую я водил по Тянь-Шаню. Он сказал, что в Кейптаунском универси-

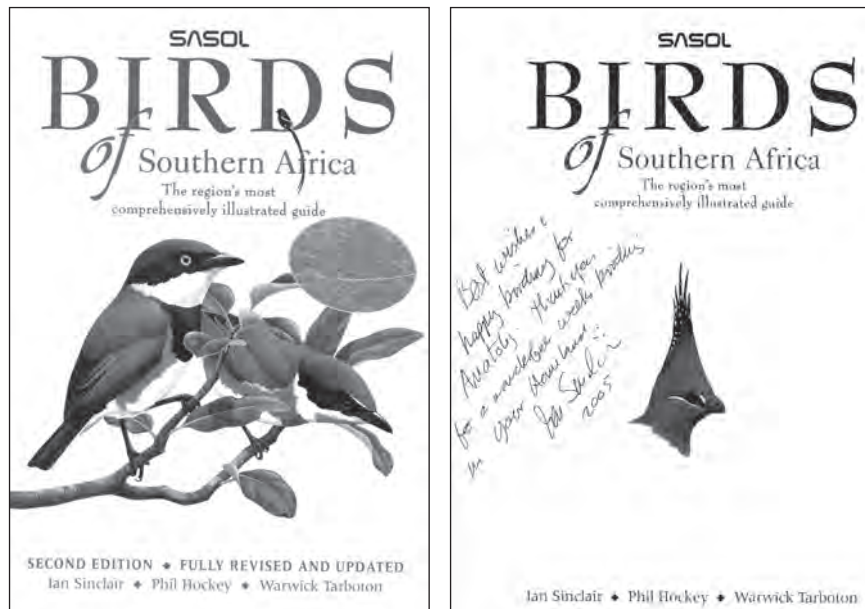

Рис. 60. Обложка и титульный лист определителя с автографом автора

тете, где он преподаёт, имеются экземпляры нашего журнала *Selevinia* и с готовностью оставил автограф на моём экземпляре путеводителя (рис. 60).

В здании конгресс-центра работала также выставка орнитологического оборудования – от ошеломляющего разнообразия полевой оптики (Ceiss, Pentax, Swarovski) до электронных приборов для взвешивания и измерения самых мелких птичьих яиц. В различных местах обширных выставочных залов непрерывно демонстрировались видеофильмы о птицах: на множестве экранов посетитель одновременно видел различных птиц и слышал их пение. Это было чудесно! Претендентами на проведение следующего орнитологического конгресса выступили две страны – Израиль и Китай. Представители обеих стран в дни работы конгресса распространяли буклеты и другую информацию рекламного характера. В день закрытия конгресса был подведен итог этому соревнованию и сделано объявление: XXIII Международный орнитологический конгресс состоится в 2002 году в Пекине (Китай).

Заключительный банкет вечером 22 августа проходил в огромном летнем павильоне на территории конгресс-центра под проливным тропическим ливнем и под большой концерт из произведений народной африканской музыки и мировой классики. Ливень иногда нет-нет да и вторгался в банкетный «зал», находя щели в натянутом тенте, и это придавало свою пикантность происходящему. Мы с Флинт и Rene Jamous (Париж) сели за столик вместе с Евгением Николаевичем Курочкиным, с которым была молодая русская дама, представившаяся: «Наталья Петровна Иовченко». Фамилию эту я слышал уже ряд лет и очень хотел увидеть этого автора интересных статей по биологии певчих птиц Киргизского Алатау – королькового вьюрка (*Serinus pusillus*), расписной синички (*Leptopoeecile sophiae*), арчового дубоноса (*Mycerobas carnipes*) и других, которых уже давно считал чем-то вроде своей «вотчины». Это было очень неожиданный и приятный сюрприз, и я буквально засыпал Наташу вопросами, пока не заметил недовольный взгляд её спутника, у которого я «воровал» её внимание. А устроители банкета, развлекая гостей, затеяли проведение какой-то лотереи и уже Питер Бертольд говорил речь, размахивая только что выигранной им оципанной курицей! Обстановка была непринуждённой...

Поздно вечером в гостинице, укладываясь спать в нашу общую обширную кровать (она была единственной в нашем двухместном номере!), В.Е. Флинт сказал мне мечтательно: «А ты видел, какие у неё руки? А какие они мягкие и тёплые!» (речь шла о полной негритянке, обслуживавшей наш столик на банкете). И вздохнув, добавил: «Вот если бы не ты...». В этой шутке мне даже почудились грустные нотки, которые я могу оценить только сейчас – спустя 15 лет.

Город Дурбан поразил меня своим размахом современного мегаполиса, а ещё – оригинальным озеленением, среди которого выделялись молодые баобабы, бутылкообразные стволы которых и прямые, без изгибов и разветвлений, палки-ветки, казалось, сошли на тротуар прямо с неумелых детских рисунков. А ещё привлекли внимание удивительные деревья, на голых ветвях которых красовались только начавшиеся распускаться алые цветы; под стать внешнему виду было и название этого дендрологического чуда – «пламя в джунглях».

Рис. 61. В номере гостиницы с В.Е.Флинтom и Джорджем Арчибалдом

И хотя свободного времени в дни работы конгресса было не так уж много, мы с Флинтom и Сорокиным пару раз выходили на берег океана, а один раз даже искупались в нём. В память об этом дне остались фото и видеокaдры. На одном из сюжетов, где Саша снимал процесс моего погружения в волны Индийского океана, остался его закадровый голос: «А вот теперь исчез – утонул!». Меня забавляла привычка местных негритянских дородных красавиц купаться в платьях, которые после намokания только подчёркивали их роскошные формы. Но истинное наслаждение доставляло смотреть на мастеров серфинга – оказывается в эти дни в Дурбане происходил чуть ли не чемпионат мира по этому виду спорта! Среди выступавших были такие ассы, что просто дух захватывало, когда они «без

страха и упрёка» исчезали в морской пучине (ветер здесь дул постоянно!), а потом как будто из-под воды взлетали на пенный гребень. На такое можно было смотреть часами!...

Однако в гостинице (мы жили всего в 400-500 м от океана) нас предупреждали, что в вечернее время дальше двух кварталов от неё отходить не рекомендуется, и особенно нельзя ходить вечером на берег океана – это зона негритянского населения, и за нашу безопасность никто не поручится. Однажды я всё же пренебрёг этими наставлениями и, придя после обеда полюбоваться на серфингистов и сфотографировать закат, оказался на береговой зоне в светлых сумерках. Оглянувшись и не увидев ни одного белого, я почувствовал себя неуютно, а когда заметил удивлённые взгляды чёрных парочек, которых на глазах становилось всё больше, заспешил подальше от этих, ставших вдруг неуютными, мест – на свою центральную, залитую иллюминацией улицу, где в номере меня ожидали Флинт и Арчибалд (рис. 61)...

При этом я вспоминал утренний разговор в холле гостиницы, когда Флинт спросил служащего-индуса, что у них изменилось после апартеида. Тот улыбнулся, сложил три пальца – примерно так, как у нас принято показывать толщину сала, – и сказал: «Для нас – ничего. Раньше было так: вверху – белые, внизу – чёрные, а посередине – мы. Теперь же (он перевернул пальцы) вверху – чёрные, внизу – белые, а мы так и остались посередине». После этого случая я ходил гулять только с Флинтom или Сорокиным. В одну из таких прогулок, подходя к гостинице, мы зашли в продовольственный магазин – купить что-нибудь на ужин. И среди обширного ассортимента вино-водочных изделий вдруг

увидели запаянные полиэтиленовые пакетики-подушечки квадратной формы с очень знакомым портретом; надпись на латинице гласила: «Борис Ельцин – первый президент России»!.

Но больше всего меня интересовала природа Африки. Поскольку официальные экскурсии были нам недоступны по ценам, мы с В.Е. Флинтом, А.Г. Сорокиным и Rene Jamous (директор зоопарка из Франции) в дни работы конгресса посетили городской Птичий парк и расположенный относительно недалеко национальный парк Умфалози (двухдневная поездка), а после окончания конгресса в составе небольшой делегации Международного журавлиного фонда во главе с директором ICF George Archibald совершили недельную поездку по Трансваалу, о котором я знал по англо-бурской войне, а песня «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне» знакома с детства.

Птичий парк расположен на окраине Дурбана, в широкой долине реки, впадающей здесь же в Индийский океан. Сюда и направились мы, сэкономив первые полдня от конгрессовских хлопот. Приехали на пару часов, чтобы сократить время. Однако четыре часа, проведенные здесь, пролетели как одна минута. И дело не только в богатейшей коллекции увиденных нами птиц, но и в том, как всё это оформлено и с какой любовью ухожено. Традиционные для зоопарков решётки, клетки, вольеры – всё это, разумеется, есть, но оно сведено к минимуму, не бросается в глаза, и в большинстве случаев создаётся полная иллюзия, что ты общаешься с вольно живущими птицами.

Двухдневная поездка по Zululand с посещением знаменитого национального парка Hluhluve-Umfalosi, того самого, который восстановил совсем было исчезнувшего белого носорога (*Ceratotherium simum*), оставила неизгладимые впечатления – и от роскошной горной саванны, и от встреч с различными антилопами – куду (*Tragelaphus strepsiceros*), нила (*Tragelaphus buxtoni*), импала (*Aepyceros melampus*); зебрами (*Equus zebra*), жирафами (*Giraffa camelopardalis*), буйволами (*Syncerus caffer*), а также интересными птицами, из которых особенно запомнилась группа священных ибисов (*Threskiornis aethiopica*), торжественно-задумчиво встречающих рассвет на берегу пруда. Совсем по-другому смотрится саванна с водной глади эстуария Santa Lucia (рис. 62), по которому прошли мы на катере в поисках знаменитого африканского орлана (*Haliaeetus vocifer*) и цапли-голиафа (*Ardea goliath*). Не везло нам со слонами и львами, следы пребывания которых, особенно первых, мы то и дело встречали на дорогах. А вот белого носорога встретили-таки к концу второго дня поисков: в красных лучах заходящего солнца самка с детёнышем пила воду на берегу реки близ стада буйволов, а в

Рис. 62. На лодке по эстуарию Santa Lucia

100 м реку переплывал крокодил (*Crocodylus cataphractus*). Здесь же на ветке сидела змеешейка (*Anhinga rufa*).

Восхищает и сама постановка работы в этом парке: ухоженная густая сеть грунтовых автодорог с лаконичными, но вполне достаточными цифровыми указателями на месте каждого разветвления, позволяющими самостоятельно составлять свой маршрут по выданной нам карте-схеме; запрет выходить из автомобиля, кроме специально отведенных мест (в одном из таких мест мы пообедали); строгая регистрация в журналах времени въезда на территорию парка и выезда из него (не позднее 18 часов!). Последнее очень правильно, ибо ночь здесь начинается сразу же после заката: около 17⁻³⁰ уходит на покой дневное светило и через 5 минут, без всяких сумерек, – уже крошечная тьма...

Места в гостинице, где мы пытались переночевать, оказались занятыми на 14 недель вперёд. Но к услугам опоздавших есть первоклассная гостиница в селе на трассе, в 40 км от парка. Здесь не только хорошо кормят, но по вечерам небольшой народный ансамбль «угостит» вас экзотическими зулусскими танцами в гостиничном дворике около бассейна. Зрелище это среди чёрной африканской ночи очень впечатляет, к тому же сидящих на веранде зрителей обносят рюмочками очень неплохого местного коньяка. Я не удержался и снял эти танцы на видео; этот небольшой сюжет имел большой успех в Алма-Ате. А в номере с удивительно высокими потолками (хотя с виду это сельская хата, крытая соломой) на высоко взбитых постелях под спускающимися с потолка балдахинами-накомарниками на каждой подушке заботливо положена конфетка. В.Е. Флинт, увидев её, философски заметил, что в других местах так кладут более необходимые ночью вещи...

Утром прямо с веранды этой гостиницы можно понаблюдать птиц около ухоженного пруда (рис. 63) – именно сюда часто прилетают священные ибисы (*Threskiornis aethiopicus*). А мы с Флинтом перед отъездом, пока обслуживали наш арендованный Rene Jamous автомобиль, успели полюбоваться великолепными малахитовыми нектарницами (*Nectarinia famosa*). Это «обслуживание» было вызвано тем, что утром переднее и заднее колёса нашей Тойота оказались спущенными, и услужливый портье показал нам через дорогу мастерскую, где

Рис. 63. Священные ибисы (*Threskiornis aethiopicus*)

работает его брат. Подозрительно посмотрев на него, наш огромный Рене удивлённо воскликнул: «Gut familie Busines!», решив, что шины нам спустили специально. Вообще же обслуживание арендованных машин здесь поставлено хорошо. В первый день, когда мы отъехали от Дурбана на 100 км и начался дождь, включенные стеклоочистители (так называемые «дворники») после 2-3 дни-

жений сцепились и перестали работать. Рене, который вёл машину, невозмутимо достал мобильный телефон и позвонил. Через час ожидания прибыла вторая машина, мы пересели в неё, а нашу угнали обратно!

Поездка по Трансваалу длилась неполную неделю – с 23 по 28 августа. Путь нашей небольшой интернациональной группы, включающей орнитологов из США, России, Франции, ЮАР, Мозамбика, Найроби и Казахстана под предводительством директора Международного Журавлиного Фонда Джорджа Арчибалда, проходил из Дурбана в Йоханнесбург по местам, где выполняются международные проекты по разведению журавлей. Работа здесь ведётся на международном уровне и у представителя Казахстана может вызвать только зависть. Что же касается природы, то здесь преобладающим чувством явилось непреходящее удивление.

Началось с того, что по мере поднятия на первую гряду Драконовых гор мы стали по-настоящему мёрзнуть, а когда увидели вдали заснеженные склоны, то Флинт, закуривая, задумчиво произнёс: «Интересно – снег это или облака?» (рис. 64). Как-то не вязались в сознании слова «Африка» и «снег». Однако вскоре мы собственными ногами походили по снегу и перестали удивляться (но не мёрзнуть!), зато убедились воочию, что здесь август – последний месяц зимы. Первая ночёвка была у англичанина Джона, который вот уже несколько лет владел здесь значительным участком земли, на котором он устроил нечто вроде частного заповедника. Утром он вывез нас на своём грузовом джипе (ехать пришлось, стоя в кузове) на вершину заснеженной горы, причём машина время от времени начинала сползать со снежного косогора, а разговорчивый хозяин оборачивался к нам и вёл её, не глядя на дорогу. Признаюсь, в такие моменты мне было не по себе, да и не только мне: по глазам Флинта я видел, что он тоже не в восторге. Поднимались же мы не ради спортивного интереса, а чтобы посмотреть серёжчатых журавлей (*Grus carunculatus*).

Глядя на эту заснеженную тундру, я не мог отделаться от мысли, что лучшее название для неё – Африканская Лапландия. Странно было видеть на полянке среди снега парочку антилоп канн (*Tragelaphus oryx*), лежавших у камней, тесно прижавшись друг к другу; голубых дроф (*Eupodotis caerulescens*), которых трижды вспугивал наш джип, а также обитающих здесь лысых ибисов (*Geronticus calvus*) и серёжчатых журавлей (*Grus carunculatus*) – всё это в условиях заснеженных горных

Рис. 64. Вдали – заснеженные Драконовы горы

склонов. Незабываемой была наша поездка на следующий день в колонию лы-
сых ибисов, размещавшуюся на скалах.

Дальнейшее путешествие по степному нагорью очень напоминало поездку
по всхолмленным степям Восточной Сары-Арки где-нибудь между Балхашом
и Семипалатинском. А когда мы встретили первую овечью отару в сопровожде-
нии верховых чабанов, все коллеги обернулись ко мне с возгласом: «Анатолий –
Казахстан!». И только попадавшиеся иногда стада антилоп гну (*Connochaetes
gnou*) или кормящиеся недалеко от стад африканский страус (*Struthio camelus*)
и птица-секретарь (*Sagittarius serpentarius*) не оставляли сомнения, что это всё-
таки Африка.

И ещё одна деталь роднит трансваальское нагорье с казахской степью –
степные палы. Только здесь они ещё более часты. Почти непрерывно видишь
огонь и дым. Даже в ухоженном национальном парке Умфалози весенний пал
сплошным фронтом наступал на горную саванну и особенно зловеще выглядело
это в кромешной тьме африканской ночи...

В Йоханнесбург нас с Флинтсом привёз Джордж Арчибальд почти прямо
к самолёту, всего за пару часов. Высадив нас в центре, он отлучился в банк, а че-
рез час заехал за нами в условленное место. И уже в аэропорту вручил мне кон-
верт с долларами для выполнения пилотного, предварительного проекта по по-
искам стерха в Казахстане – согласно смете, составленной нами с Клер Миранде
ещё в Индии два года назад. Суммы этой должно было хватить на три экспеди-
ционные поездки (в Наурзум и Северный Прикаспий), а также на приобретение
цифровой видеокамеры и снятие видеосюжета о нашей работе. Так, на высшей
доверительной ноте, закончилось это фантастическое путешествие...

Вторая поездка в поисках стерха – озеро Кулаголь (сентябрь 1998)

Получив реальную финансовую базу, я сразу же по возвращению спешно
стал готовиться к поездке в Наурзум. Поскольку до выезда оставались считан-
ные дни, времени для приобретения и освоения цифровой видеокамеры не было,
пришлось брать с собой старенькую аналоговую – портативный «Panasonic».
Помощник мой по весенней поездке был занят, другие сотрудники также были
в разъездах. Тогда я предложил поехать со мной В.И. Тороповой, с которой мы
всего месяц назад совершили западно-тяньшаньскую экспедицию. Она согла-
силась, и поздно вечером 10 сентября мы выехали из Алма-Аты в Кустанай по-
ездом. Надо было торопиться, потому что Клер Миранде по электронной почте
сообщила мне о помеченном передатчиком в Западной Сибири стерхе, который
передавал сигналы уже из района Наурзума (были приложены координаты!).
Надо было постараться, во что бы то ни стало, успеть разыскать его там.

В полдень 12 сентября в Кустанае нас встретил уже хорошо знакомый мне
Владимир Георгиевич Парастатов на своей «Ниве». Закупив продукты, мы вые-
хали в Наурзум. По дороге поразила сильно выгоревшая степь. По словам Пара-
статова, жара летом была до 47°, сгорело много степи и колков. Почему-то раз-
велось много волков. Птиц очень мало, только сотенные стаи грачей попадались

нам да сороки вдоль дороги собирались до 20-30 вместе! В бору Аман-Карагай озёра высохли, превратились в соры; птиц на них нет. Байтума, где весной мы встречали лебедей и много другой птицы, вся высохла, лишь кое-где в кюветах – остатки тростника на сухих местах. И на проводах также нет птиц.

Вечером у Брагина по карте выяснили, что присланные Клер координаты соответствуют небольшому озерку Кулаголь у юго-западной границы заповедника, но уже за его пределами. В полдень 13 сентября выехали на Кулаголь через Старый Наурузм. Оба Аксуата, где мы весной с Колей учитывали уток, оказались высохшими. Но попытка проехать к Кулаголью левее Б. Аксуата не прошла, потому что протока заполнена водой – как речка шириной около 10 м. Пришлось объехать, поднявшись на чинк с отдельными берёзовыми колками, часть из которых пестрит свежими спилами: повсюду здесь следы пребывания людей (это не заповедник). Спустившись с чинка, вышли к озеру Кулаголь.

Озеро Кулаголь (Молочное) – небольшой водоём 400x150 м, окаймлённый почти со всех сторон плотным бордюром из высокого тростника. Расположено в 2 км СЗ от чинка. Озеро довольно мелкое – видимо, также значительно усохло за это лето. Ещё издали в бинокль мы видели на небольшом плёсе группы водоплавающих и голенастых птиц. Когда же в 17³⁰, остановившись в 300 м от берега, стали осматривать акваторию в бинокль, то сразу же – о, чудо! – увидели среди прочих птиц двух стерхов!!!

Вот дословная запись из моего дневника, сделанная здесь же, на берегу: «В 17³³ пара взрослых кормится у самой дальней кромки тростника, совсем недалеко от лебедей-кликунов и различных уток. «Пасутся» на мелководье, доставая что-то со дна. Ходят парой, очень редко расходясь не более чем на 10 м друг от друга. В 17⁴⁰, когда мы стали объезжать озеро, оба стерха взлетели и, сделав круг, сели в самом дальнем углу озера, на фоне высоких и густых тростников. 17⁴⁶ один кормится, второй стоит, но спокойно, не напряженно. С новой точки мы наблюдали их с расстояния менее 500 м до самого захода солнца (см. видео). Спокойно кормятся, отдыхают. Перед закатом один раз прокричали тихонечко. После этого оба кормятся. Интересно, что при кормёжке голову погружают в воду полностью – до затылка (и с ним вместе). 19⁵⁷ солнце уже практически скрылось за горизонт и мы уехали, а стерхи продолжают кормиться, время от времени поднимая клювы вверх и замирая так на 1-2 секунды».

На этом же небольшом плёсе держались пять лебедей-шипунгов (*Cygnus olor*), три кликуна (*Cygnus cygnus*), две пеганки (*Tadorna tadorna*), 13 серых цапель (*Ardea cinerea*) и около 50 речных уток (*Anas* sp.). По берегу бродили чибисы (*Vanellus vanellus*) и какие-то более мелкие кулики (сейчас нам было не до них!), а в одном месте взлетела стая штук 200 пролётных белых трясогузок (*Motacilla alba*). Не задерживаясь у озера, чтобы не испугнуть стерхов, мы уехали в Докучаевку за своим лагерным оборудованием, чтобы завтра вернуться сюда уже на несколько дней (это была рекогносцировка).

На следующий день, 14 сентября, В.Г. Парастатов привёз нас на Кулаголь другой дорогой, через село Карамайши (оно же Смолокур, Октябрь, колхоз Ворошилова). Здесь удручающее впечатление производили остатки некогда большого села, от которого сохранились лишь отдельные деревья и развалины домов среди степи; здесь же торчал остов недостроенной (скорее – едва начатой)

животноводческой фермы, а вокруг – брошенная сельхозтехника, ржавеющая под открытым небом. Запомнилось чаепитие у Бауржана, единственного оставшегося здесь с семьёй, бывшего зоотехника. Хороший знакомый Парастатова, он встретил нас как дорогих гостей и тут же устроил прямо на полу «дастархан», а я фотографировал и снимал на видео его семью – жену и четверых детей. По традиции в углу стоял ещё телевизор, хотя никакого электричества уже не было, о чём красноречиво свидетельствовал разгромленный трансформатор. Сколько горечи было в словах этого простого, но достаточно грамотного человека: «Хорошо евреям – они уехали в Израиль; хорошо немцам – они уехали в Германию. Но куда же уеду я? Я ведь казах и это моя земля». Я тогда очень жалел, что этих слов не слышат те, кто допустил такое запустение в этом некогда богатом, хлебном краю...

К вечеру мы приехали на Кулаголь и поставили палатку на его берегу под прикрытием высокой стены тростника и всего в 30-40 м от мелководья. Ширина плёса здесь была не более 200 м, что позволяло надеяться на наблюдения птиц вблизи. В 16²³ оба стерха были на месте – под противоположной стеной тростника, также на мелководье. Привожу свои дневниковые записи дословно, поскольку это единственные мои наблюдения за этой редчайшей птицей – больше никогда такого везения у меня не было!

«Обе птицы на месте, всего в 300 м от первоначального места встречи (там же, где мы оставили их вчера вечером). Кормятся. У самки (она явно меньше) на правой ноге выше сустава желтая метка, хорошо заметная на розовом фоне ноги, правая нога свободна. У самца обе ноги свободны от меток и колец. 16³⁵ стоят в 5-6 м друг от друга. Погода: пасмурно, солнце за тучами и заметный сев-зап. ветер, слабый до умеренного, тёплый. В 16⁴⁴ начали кормиться. Прекрасно видна жёлтая метка на правой ноге самки. 18¹⁴ стерхи всё ещё кормятся, не обращая внимания на летающего рядом болотного луня. Уехал В.Г. Парастатов. СЗ ветер крепчает, пасмурно. Стерхи вышли ближе к лебедям и кормятся среди них, не обращая на них внимания. Здесь на мелководье вода не достигает и середины их цевки (глубина её не более 10-15 см).

19⁰⁰ хронометраж кормления стерхов по минутам: самец – 25+26+20+23=94/4 мин. У самки та же частота: 20+26+22+24=92/4 мин, хотя визуально кажется, что самец кормится интенсивнее. Впрочем, различия в добывании корма у них имеются. **Самец** погружает голову в воду вместе с затылком прямо перед собой и так же прямо перед собой поднимает её с тиной в клюве и что-то заглатывает один раз в 4-5 погружений. Голову под водой держит не более 1-2 сек. **Самка** погружает голову в воду надолго (2-3-4 сек) а вытасненный кусок тины отбрасывает в сторону (вправо, влево), заглатывает также не чаще раза в 4-5 погружений. В 19²² на взлёт (с гоготом) 10-15 лебедей-кликунов стерхи не обратили никакого внимания. В 19²⁵ опять лебеди раскричались после приземления, но стерхи и на это не обратили внимания.

[запись *В.И.*: «Самка питается более энергично, вытаскивая и как бы отбрасывая водоросли, а самец перебирает их в воде, потом что-то заглатывает, вытащив клюв из воды. Она чаще задерживает клюв под водой, иногда делает движения, как клюющая курица»].

19³⁰. Продолжение хронометража (в скобках – число заглатываний):

Самец – 13(4)+19(6)+23(4)=55(14) за 3 мин

Самка – 20(5)+23(8)+33(9)=76(22) за 3 мин. Продолжение (19⁵²-20⁰⁴):

Самец – 18(7)+45(11)+39(11)=102(29) за 5 мин (2-й и 3-й подсчёты – по 2 мин).

Самка – 21(6)+23(6)+11(3)+18(4)=73(19) за 4 мин.

В 20¹¹ стерхи кормятся там же, всего в 1 м друг от друга. Уже светлые сумерки (солнце село), но журавли ещё видны. Продолжение хронометража:

Самец – 24(12)+23(6)+21(7)+20(6)=88(31) за 4 мин

Самка – 26(5)+22(4)+23(6)+21(7)=92(22) за 4 мин.

20³⁰ сумерки. Стерхи кормятся. 20³⁴ журавлей уже плохо видно. Они стоят рядом, чистят оперение».

Ясным утром 15 сентября на траве был иней, и весь день было холодно. Уток, которые подлетали всю ночь, утром было явно больше, чем вечером. Около 8 час утра через озеро на северо-восток пролетели 14 белолобых гусей (*Anser albifrons*). Стерхи были почти на том же месте. Они спокойно кормились, и ничто не предвещало, что наблюдать за ними оставалось всего полчаса с небольшим. Привожу последнюю запись.

«9³⁰ хронометраж кормёжки: самец – 38(9)/2 мин + 15(4)+13(1)+15(4)+24(8) = 105 (26) за 6 минут; Самка – 20(4)+13(5)+21(3)+17(4)+21(5)+16(2) = 108(23) за 6 минут. (закончен учёт в 9⁴²). У самца другой тип кормления: поскольку место очень мелководное, он погружает в воду только клюв (или даже ½ его) и заглатывает, видимо, что-то мелкое, незаметно.

9⁵⁶. Вдруг самец и самка секунд 10 прислушивались, подняв клювы, и взлетели, при этом раза 3 крикнули. Стали кружить над озером, набирая высоту. Минут через 5 они оказались западнее озера, уже на высоте около 100 м. В это время здесь же, чуть левее и ниже, появились 4 серых журавля (*Grus grus*), тоже кружат. Всё время серые и стерхи кругами набирают высоту, не приближаясь друг к другу. Уже высота более 500 м, но стерхи всё кружат, планируя сначала по 5-10 сек, а потом – и по 20-30 сек без единого взмаха крыльев. Серые тоже набирают высоту, но под стерхами, гораздо ниже их.

10⁰⁸. Набрав высоту более 1000 м (уже едва различимы в бинокль), стерхи ушли на запад (совсем рядышком, самец чуть впереди). Под ними, почти вдвое ниже их, ушли в том же направлении 4 серых журавля. Направление – запад, м.б. 1-5° склонение к югу».

На этом сказка закончилась, и нам ничего не оставалось, как до приезда Парастатова наблюдать за другими птицами в надежде, что стерхи ещё вернуться. В это время начался пролёт белолобых гусей (здесь их называют белолобая казарка, или рябопузые). Летели они в направлении на юго-восток, сначала небольшими стаями (12+16+16+21+40+40). Однако в 11⁵² более 100 гусей прилетели с запада, но за озером развернулись и улетели обратно. Голос в целом мелодичный, но иногда вблизи крик напоминает щенячий визг, что характерно для очень похожего вида – гуся-пискульки (*Anser erythropus*), который меньше по размерам, но издалека это трудно бывает установить. В отличие от массового белолобого гуся пискулька очень редок и занесён в Красную книгу Казахстана. Его считают глобально угрожаемым видом, и многие иностранные орнитологи, особенно финские, ведут по этой птице масштабные международные проекты, привлекая к участию в них и наших (российских и казахстанских) орнитологов.

Весь день шёл массовый пролёт-прилёт гусей, и к 17 час в северном углу озера под тростниками на подсохшей грязи сидело уже около 2 тысяч гусей, в основном белолобых (*Anser albifrons*), но среди них были и пискулька (*Anser erythropus*) и краснозобая казарка (*Rufibrenta ruficollis*), которая занесена в Красные книги СССР, России и Казахстана. Днём, около 14 час, на воде появилось

48 краснозобых казарок, а через полчаса их было уже 207; перед закатом я насчитал их уже 394. А в 19⁰⁹ с севера прилетели и сели ещё 374 краснозобых казарки (среди них – только один белолобый гусь!). На закате гуси и казарки начали взлетать большими (до тысячи особей!) стаями и низом улетать на поля. Большую часть ночи из палатки были слышны голоса гусей, иногда – шумные взлёты целой стаи с криками (вполне возможно, что отдельные стаи улетали дальше).

Из других птиц в этот день в небольшом числе встречались журавли (серый и красавка), лебеди (шипун и кликун), множество куликов, из которых наиболее интересными для меня были золотистая ржанка (*Pluvialis apricaria*), тулес (*Pluvialis squatarola*) и каспийский зуёк (*Charadrius asiaticus*); а также чайки – озерная (*Larus ridibundus*), сизая (*Larus canus*) и морской голубок (*Larus genei*) и даже короткохвостый поморник (*Stercorarius parasiticus*). На следующий день картина оставалась примерно такой же (мы провели сплошной учёт птиц на воде) и лишь к вечеру появилось 12 кудрявых пеликанов (*Pelecanus crispus*). Стерхи так и не вернулись.

Наконец, приехал Парастатов и 17 сентября в 10¹⁷ мы выехали на оз. Сонкебай через село Сарычеганак (это бывшее отделение свх. «Наурзумский»). И здесь полное запустение: из 60 дворов, имевшихся в 1997 г., в 1998 году осталось всего 13). Озеро Сулы сухое совершенно, озеро Кемель – тоже, как и озеро Каражар у с. Сарычеганак.

В полдень прибыли на озеро Большой Сонкебай (4 x 0.8 км), которое со всех сторон заросло тростником, но проходы к воде имеются практически на всех берегах – видно 5 таких проходов в виде солончаковых отмелей. Издалека на середине обширного плёса мы насчитали 479 лебедей (скорее всего – кликуны), и это, видимо, были не все! На другой оконечности озера, подъехав поближе, насчитали 107 взрослых и 4 молодых кликунов (*Cygnus cygnus*). На соседнем озере Малый Сонкебай, очень красивом, в обрамлении красного солероса (*Salicornia europaea*) и ярко-белого солонца, сидело 62 лебедя-кликун – явно шёл пролёт этого редкого вида, также занесенного в Красную книгу Казахстана. По пути в Докучаевку, проезжая лес Сыпсынагаш, я обратил внимание, как начинают «гореть» красным цветом листья молодые осины, тогда как берёзы стоят ещё зелёные...

Утром 18 сентября из Докучаевки я созвонился с Москвой (что было не так просто по тем временам, когда ещё не было мобильной связи), и Саша Сорокин пообещал вечером прислать нынешние координаты самца стерха, а пока только подтвердил, что сигналы были отсюда, но самец уже переместился. В 10²⁰ мы снова выехали на Б. Сонкебай по ясной, совершенно безоблачной погоде. И в этот раз мне снова повезло. Когда в 12²⁰ мы подъехали к северному берегу Б. Сонкебая и взлетела целая армада лебедей и уток, среди них была и пара стерхов (*Grus leucogeranus*)! Журавли стали молча набирать высоту, кружась и сдвигаясь к западу. За 5 мин они поднялись на несколько сотен метров и удалились в сторону «запад – юго-запад». На этот раз сказка оказалась ещё короче. Но я не терял надежды, что стерхи сели где-то недалеко, и продолжал поиски.

И наше упорство было вознаграждено. Снова обращаюсь к своим документальным дневниковым записям: «17⁰² пара стерхов в северном углу-заливчике озера среди массы лебедей, уток и гусей. Стоят в этой компании совсем недалеко от берега – всего 50-70 м. Заметил их случайно, когда вышел из-за тростников сделать снимок этого скопления и оказался в 100-150 м от него. Стерхов удалось снять ещё на воде (стояли чуть меньше, чем по колено), хотя они и взлетели самыми первыми (см. видеозапись!). Молча взлетели и сразу же стали кругами набирать высоту! Через 4 мин перестали набирать высоту – похоже, что они раздумали улетать. И ещё через минуту стали спускаться к противоположному берегу. Сели примерно в том месте, где мы вспугнули их утром!!!».

Мы сразу же поехали домой, в Докучаевку, чтобы дать птицам успокоиться, а завтра приехать пораньше с ночёвкой и понаблюдать за ними, не вспугивая их. Вечером от Сорокина пришло электронное послание с координатами взрослого стерха. Вот его «послужный список»: окольцованный 11 августа на гнездовье в Увате (низовья Оби), он 31 августа был ещё там, а с 6 по 16 сентября – в районе озера Кулаголь и Сонкебай.

Утром 19 сентября мы снова были на Б. Сонкебае, где к 510 лебедям (из них 440 – кликуны) присоединились ещё 700 серых гусей (*Anser anser*) и около двух тысяч уток, однако стерхов мы так и не увидели. Вечером, около 20 часов, уже после захода солнца (светлые сумерки) я наблюдал с расстояния 100 м потрясающее зрелище. На песчано-солонцовом берегу скопилось более 200 лебедей-кликунов, взлетевших при моём появлении. Весь этот «пляж» (примерно 70 x 30 м) был изрыт круглыми ямами диаметром около метра и глубиной до полуметра. Это были ямы лебедей, служившие им, видимо, «купалками» для борьбы с паразитами (мелкая солёная пыль кого угодно убьёт). Кстати, помимо 440 кликунов и 63 шипунов на озере появилось 10 малых, или тундровых лебедей (*Cygnus bewickii*) – пролётных гостей из далёкого Севера. Поскольку и на следующий день никаких следов стерха на озере не удалось обнаружить, нам пришлось вернуться в село.

Здесь, в Докучаевской средней школе, днём 22 сентября я прочитал ученикам и учителям школы лекцию о стерхе с демонстрацией видеозаписи. Запомнилось, что молодая завуч школы по воспитательной работе Дамеш Вагановна Абдуллина закончила почему-то Полтавский пединститут (!). А утром 23 сентября по электронной почте от Насти Шилиной (Москва) пришли новые координаты стерха, который 19 сентября подавал сигналы из точки 61°45' с.ш. и 50°50,7' в.д., а 20 сентября – 57°20,9' с.ш. и 49°53,7' в.д. Эти точки находятся уже в Актюбинской области, за пределами наших карт и наших транспортных возможностей. Журавль этот уже явно направлялся к Северному Прикаспию.

Последнее обследование 23-24 сентября озёр Кулаголь и Б. Сонкебай никаких новых данных по журавлям не принесло, и 25 сентября мы выехали к северу, на Жарсор, в надежде встретить новых стерхов. Вместо них мы наблюдали на ночёвке около 500 серых журавлей и красавок. Утром 26 сентября непрерывный хор журавлей с места ночёвки у озера начался ещё до восхода, но в течение часа после восхода все журавли разлетелись. Последняя стая из 50 шт. улетела на запад в 9³⁵. Все журавли уходили на запад невысоко, не выше 200 м. Возможно, это был просто разлёт на кормёжку.

Дальнейший путь на северо-восток вывел нас на северный берег озера Кулыколь – огромного водоёма, известного массовым пролётом «гуся и казары». Встреча с егерем Камышинского района Иваном Сиротенко подтвердила, что стерх в последние годы здесь – исключительная редкость. По его словам, десятки тысяч журавлей-красавок в августе скапливаются на соляных копиях и озёрке Булюк, откуда все они летят на запад; а в сентябре эти места занимает серый журавль. Не нашли мы стерха и на озере Айка – огромном водоёме уже на границе с Россией. Здесь хорошо запомнилась встреча с чёрным жаворонком (*Melanocorypha yeltoniensis*) – сотни на стерне и непрерывно взлетают перед нашей машиной. А в небе везде – белолобый гусь, и трудно сказать, кого из них больше... Перед посёлком Восточный, недалеко от Айке, – большие скопища чёрного жаворонка, в основном самцы, с дороги взлетают – как цепная реакция.

Озеро Айка – это не озеро, а море, простирающееся до горизонта. Берега открытые, высокая волна из-за сильного и холодного северо-западного ветра. Обеззаем его с севера в поисках места, пригодного для ночлега (ставить палатку на открытом месте под таким ветром нечего и думать – сорвёт!). Скотник Сатыбалды пригласил ночевать в вагончик, но его волкодавы были другого мнения, и нам пришлось ставить палатки в заброшенном глиняном карьере, где ветер было хоть чуточку послабее. Всё равно ночь была холодная... А на берегах Айке везде гремели выстрелы: пришла «казара», и все достали ружья. Рано утром 27 сентября, едва попив чайку, мы заторопились прочь от этих холодных мест.

На обратном пути встретились уборочные комбайны «Нива» и «Енисей». На наш вопрос о журавлях мужики ответили, что на одной клетке у них журавли полностью съели урожай. Стали убирать – а зерна нет. Так и назвали её журавлиной. Не гуси, а именно степные журавли. Это рядом. Мы поехали искать эту клетку и действительно наткнулись на журавлей: тысячи красавок (*Anthropoides virgo*) взлетели с убранных и необруанных полей; большинство из них улетели на юго-запад.

Ещё одна запомнившаяся встреча. На озере Батпакты вместо посёлка, обозначенного на карте, оказался единственный домик, в котором проживает казах, выращивающий стадо свиней (!!!) на продажу, но казахское кладбище в 300 м от этого места говорит о том, что карта не обманывает. Озеро всё заросшее, виднеется только одно маленькое плёсико среди тростников. *Журавлей* здесь хозяин не видел.

Весь день 28 сентября в Докучаевке мы пытались разобраться с информацией об окольцованных стерхах. Звонили в Москву, Кустанай, Тюмень. По данным В.И. Азарова (Тюмень), 4 молодых стерха ещё 14 сентября держались в месте мечения среди серых журавлей, а 21 сентября все журавли вдруг снялись и улетели. Сведениями о радио-трансммиттерах располагает только Сорокин (он получает их каждые 2 дня), но от него самого Володя не получал вестей уже 5 дней... В полдень удалось дозвониться до ВНИИПрироды и поговорить с Настей Шилиной (оказывается, она в эти дни не была на работе – болел ребёнок; всё так просто...). По её словам, взрослый самец 23 сентября был уже на Каспии!! А от молодых с 18 по 24 сентября не было сигналов (какой-то сбой). Как оказалось, помечено

6 птенцов *стерха* (окские и из США). Данных о них пока нет, но Настя обещала прислать их в ближайшее время... Через такие тернии шли наши поиски.

После отъезда 29 сентября В.И. Тороповой мы с Е.А. Брагиным на его «Ниве» утром 30 сентября выехали на озеро Жарколь, где в мае егерь видел одного стерха. Оба плёса этого обширного озера оказались высохшими, лишь в самом центре одного из них было небольшой вод-

Рис. 65. На высохшем Жарсоре, 2 октября 1998 г.

ное зеркало, на котором мы насчитали 113 лебедей-кликунов, около 400 белолобых гусей и более тысячи речных и нырковых уток. Не только стерхов, но и других журавлей здесь не оказалось. На обратном пути в бору Наурзум-Карагай встретили лосиху с лосёнком, а на окраине бора вспугнули нескольких тетеревов (*Lyrurus tetrrix*).

Выезд 1-3 октября на солёное озеро Жарсор (рис. 65), с обследованием по пути других озёр, не подарил нам встречи со стерхом, как и поездка 5 октября в Терсек – самый северный бор заповедника. На Жарсоре мы обнаружили массовую ночёвку журавля-красавки, на так называемом Корейском озере – три запоздалых выводка лебедей-кликунов (с 3, 4 и 5 птенцами), а по пути в Терсек осмотрели степное озерко, откуда 11 сентября поступали сигналы передатчика со стерха. Это естественная балочка в голой степи, перегороженная дамбой высотой 2 м и длиной около 100 м. Площадь зеркала этого озерка 30 x 40 м, а тростниковых зарослей вокруг – 300 x 100 м. В этот день здесь не было никаких птиц. Так завершилась эта почти месячная погоня за стерхом, давшая хоть какие-то результаты...

Иран, Рамсар: 3-е совещание по стерху, декабрь 1998)

Завершился этот богатый событиями год третьим совещанием по сохранению стерха (Third Siberian Crane Range State Meeting Ramsar), состоявшемся 8-13 декабря в Иране, в небольшом, городке Рамсар, где за 25 лет до этого была подписана хорошо известная в экологических кругах Рамсарская конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний для водоплавающих птиц. Казахстан к этому времени ещё не подписал эту конвенцию (вопрос долго готовился в Правительстве), но подписал Меморандум об охране стерха как приложение к данной конвенции (1994). Как и два предыдущих (Москва, май 1995 и Кеоладео, ноябрь

1996 г.), совещание было организовано Секретариатом Боннской конвенции по мигрирующим видам животных – CMS (Douglas Hukle) и Международным Журавлиным Фондом – ICF (George Archibald). В совещании приняли участие представители всех стран ареала данного вида: Россия, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Афганистан, Пакистан, Иран, Азербайджан, Индия, Китай. От каждой страны присутствовали два человека – научный куратор и представитель органа государственного управления в области охраны животного мира. От Казахстана таким официальным представителем был начальник Управления охраны окружающей среды Б.С. Елеушев, от Узбекистана – А.К. Атаджанов (Госбиоконтроль), от Азербайджана – Эльдар Сарыев (Госкомэкология).

В первый день заседаний были заслушаны отчеты о проводимых в каждой из стран работах по изучению и охране данного вида. Наиболее объёмный доклад был сделан от имени российской делегации А.Г. Сорокиным по западной гнездовой популяции стерха в Тюменской области, в частности, о работе с особями, помеченными радиопередатчиками российского производства. Мой отчёт по Казахстану, который переводил Саша Сорокин (рис. 66), был посвящён уточнению миграционного пути стерха в местах его остановок в осенний период в пределах Кустанайской области. В отчетах по Узбекистану (А.К. Атаджанов и Е.А. Мухина) и Туркменистану (Д. Сапармурадов) приводились материалы по серому журавлю и красавке, но конкретных сведений о встречах стерха за последние два года не оказалось, как и в Афганистане. Представитель Ирана сообщил, что в данный момент на южном побережье Каспия зимуют 12 особей и предложил создать в Мазандаранской провинции Ирана экологический центр «Стерх», который бы занялся экологическим образованием местного населения. Интересным было также предложение построить вышку в местах зимовки стерха на южном побережье Каспия (Ферейдун-Кенар) для более действенной охраны журавлей и водоплавающих птиц владельцами этих угодий. Остальные дни были посвящены тщательной проработке общими усилиями представителей стран региона Плана действий по сохранению стерха. В частности, обсуждался

Рис. 66. А.Г.Сорокин переводит мой отчёт. Рамсар, 1998 г.

вопрос о проведении в 1999 г., помимо планирующихся весенней (Северный Прикаспий и Наурзум) и осенней (Наурзум) казахстанских экспедиций также совместной российско-казахстанско-туркменистанской экспедиции по обследованию всего восточного побережья Каспийского моря – от города Атырау и залива Комсомолец на севере до низовьев реки Атрек на юге.

Время наше было занято заседаниями с утра до вечера и на осмотр города его практически

не оставалось, тем более, что жили мы там же, где и заседали, – во дворце Пехлеви, бывшей летней резиденции шаха (рис. 67), расположенной в красивейшем курортном месте предгорий Эльбурса. Сам городок Рамсар, с населением всего 34,5 тыс. человек, известен как место с наивысшей в мире концентрацией естественной радиации (жители получают годовые дозы до 260 миллиЗивертов¹⁴) и как место подписания в 1971 году Рамсарской конвенции. Основа экономики – туризм: из города в горы проложены канатные дороги. Те из нас, кому удалось «удрать» из заседаний, успевали обежать весь город за пару часов. Но двое наших поплатиться за это. Так, приехавший из Германии по своим делам на видеосъёмки Ральф Пфедфер вместе с норильчанином Ширшовым по кличке «мамонт» были задержаны и даже отведены в полицейский участок за то, что вели видеосъёмку на улицах города. Ни в коем случае нельзя было также фотографировать женщин в парандже (а без неё они здесь не показывались!). Оба задержанных вернулись из полицейского участка молчаливыми и не делились своими впечатлениями, что дало повод Сорокину и Маркину предположить о том, что каждый из них получил по 50 ударов палками по пяткам... Одно из самых сильных впечатлений – сад во дворе резиденции, где вся земля была усыпана плодами мандаринов, по которым нам приходилось переходить из одного корпуса в другой! Очень манили к себе склоны Эльбурса, густо поросшие курчавыми темнозелёными лесами, но попасть туда не было никакой возможности.

После окончания официальной части мы посетили единственное в Иране место зимовки стерха близ города Ферейдун-Кенар¹⁵ на юго-восточном побережье Каспийского моря, всего в 100 км южнее границ Туркменистана. Это место представляет собой залитые водой рисовые чеки с лесопосадками по границам частных владений. Хозяева этих участков промышленно ловом зимующих здесь в массе уток и гусей на манных птиц (слово «дамга» значит и способ, и места отлова), поэтому они заинтересованы в охране угодий от фактора беспокойства и даже участников нашего совещания пустили не очень охотно и не всех.

Тем не менее, нам всё же удалось посмотреть одну дамгу. После долгого пути по наполовину затопленным местам небольшой группой в 3-4 человека (остальные ожидали своей очереди на берегу), нас по два человека сажали в очень узкую лодчонку типа каноэ, в которой приходилось сидеть на корточках, почти не дыша. Сидевший впереди хозяин, молча подтягиваясь за стебли росшего вдоль узкой протоки тростинка, тихо и медленно продвигал нас вперёд, пока не показалась сама ловушка – в виде небольшого зеркала воды с плавающими на ней утками. Затем он выбросил манную утку, которая совершила круг над верхушками тростника и села к плавающим, как бы приглашая пролетающих уток последовать её примеру. И действительно, вскоре стайка уток опустилась рядом и стала подплывать к манным. А когда их накопится в ловушке достаточное

¹⁴ Среднемировая доза облучения на душу населения за год, равна 2,4 мЗв, с разбросом от 1 до 10 мЗв.

¹⁵ Ферейдун-Кенар – город в провинции Мазендеран, на южном берегу Каспийского моря в устье р. Хараз.

Рис. 67. Участники совещания в бывшей резиденции шаха

количество, их выбирают и используют для пищи или на продажу. Здесь нам удалось увидеть две пары стерхов, кормящихся на рисовых чеках среди многочисленных уток и гусей.

В столице Ирана Тегеране мы были всего два дня – до и после Рамсара. Кстати, туда мы летели из Тегерана самолётом, а обратно из Рамсара проехали автобусом, перевалив через Эльбурс, который оказался достаточ-

но высоким. Запомнился стоящий на самом перевале огромный супермаркет, в котором продавались только приготовленные маслины нескольких сотен сортов! Перед въездом в Тегеран стоит величественная арка оригинальной конструкции. А сам город встретил нас настоящим смогом – явлением, с которым я столкнулся впервые! Все водители, продавцы и большинство прохожих были в масках с респираторами, как будто здесь проводилось занятие по гражданской обороне...

Чтобы не заканчивать обзор событий года на такой грустной ноте, хочу вспомнить ещё один момент – более весёлого характера. Ещё в середине лета, в тьянь-шаньской поездке, я в первый и последний раз начал отпускать бороду, хотя и знал, что для меня это занятие бесполезное – не то, что у Эдика Гаврилова, который за две недели уже становился самым настоящим «барбудос» – хоть записывайся в армию Фиделя Кастро. Тем не менее, почти за полгода «небрития» моя жидкая седая бородёнка уже имела внушительные размеры, и это я впервые ощутил в Рамсаре, где большинство восточных коллег отнеслись ко мне с таким почтением, как будто я был настоящим аксакалом. Чтобы это не повторилось в Казахстане, я терпел эту «мочалку» только до Нового года...

Киргизия, нацпарки «Ала-Арча» и «Чон-Кемин»: 25-28 января 1999

Несмотря на неустойчивость финансового положения науки во всем Казахстане, у меня, благодаря в основном трём человекам (Джордж Арчибальд, Даурен Валиев и Герд Мюллер), планы на 1999 год были вполне ясны и реальны, включая полевые поездки. Они начались в самом начале года, когда 25-28 января мне удалось посетить национальные парки «Ала-Арча» и «Чон-Кемин» (Киргизия). Однодневная экскурсия по арчово-еловым лесам Ала-Арчинского ущелья была особенно приятной, потому что высокоствольной арчи я не видел со времени работы в Аксу-Джабаглы. К тому же после этой

экскурсии мне стали более понятны статьи А.А. Кузнецова (1962, 1962а), проработавшего здесь ряд лет инструктором альпинизма. Поездка в Чон-Кемин позволила посмотреть места зимовки серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii*), основная популяция которого в Северном Тянь-Шане находилась именно в этом ущелье. Обе поездки удалось совершить благодаря В.И. Тороповой, которая познакомила меня и с директором Чон-Кеминского парка Асаном Акаевичем Акаевым – родным братом первого президента Кыргызстана. Последнее обстоятельство позволяло надеяться, что судьба этой популяции серпоклюва находится в надёжных руках, тем более, что сам директор мне понравился своей спокойной деловитостью.

Поездка в Москву и посещение Полтавы (24-30 февраля 1999)

В Москве 24-26 февраля состоялась Всероссийской конференции «Стратегия сохранения водно-болотных угодий Российской Федерации». Она была организована Госкомитетом Российской Федерации по охране окружающей среды при участии Международного бюро по сохранению водно-болотных угодий (Wetland International), Всемирного фонда дикой природы (WWF) и при финансовой поддержке Министерства сельского хозяйства, природопользования и рыболовства Нидерландов. В ней приняли участие более 200 специалистов, представляющих 77 учреждений и регионов России и других государств СНГ. Из иностранных гостей присутствовали Марсель Сильвус и Тим Джонс (Wetland International), Герард Буре (Нидерланды), Эрки Келомяки и Наталия Рипати (Финляндия) – около 30 зарубежных экспертов.

На пленарных заседаниях 24 февраля, после вступительного слова председателя Госкомэкологии России Виктора Ивановича Данилова-Даниэляна и приветствий гостей (я впервые выступал в качестве *гостя*, и приветствие от Казахстана было встречено всеми с большой теплотой), были заслушаны 12 докладов: Международная практика сохранения водно-болотных угодий (Г. Буре); Проблемы сохранения водно-болотных угодий (В.Г. Кривенко); Стратегия сохранения биоразнообразия России (А.А. Тишков); Проект Национальной стратегии сохранения водно-болотных угодий (В.Г. Виноградов); Международное сотрудничество и сохранение трансграничных угодий (В.Ю. Ильяшенко); Проблемы сохранения мигрирующих водно-болотных птиц (П.С. Томкович) и др.

В выступлениях В.И. Данилова-Даниэляна и его заместителя А.М. Амирханова приводились цифры роста числа международных водно-болотных угодий в России: от 15 в 1975 г. и 35 в 80-х гг. – до 77 в предложенном на обсуждение проекте Стратегии. По словам В.Ю. Ильяшенко, конференция планировалась как большая экспертиза проекта Стратегии сохранения водно-болотных угодий России. Очень интересные мысли были высказаны в докладе В.Г. Виноградова, который предложил определить водно-болотные угодья (ВБУ) не как особо охраняемые природные территории (ООПТ), а как зону особого природопользования и предложил оформить это законодательно. Обсуждая вопрос о важности экономической оцен-

ки ВБУ, он подчеркнул, что это не просто сумма стоимости воды, рыбы, птицы и других компонентов – необходима комплексная оценка ВБУ как биосферного явления. Говоря об отсутствии достоверной экологической информации, В.Г. Виноградов предложил издавать популярную версию ежегодного отчета Госкомэкологии и выразил уверенность, что потребители такой публикации найдутся.

На круглом столе «Инвентаризация и мониторинг ВБУ» прозвучало, что не может быть правомерной инвентаризация только ценных угодий – необходима инвентаризация абсолютно всех ВБУ, тем более что они подвержены циклическим изменениям; что нужен координирующий орган как протигивес пресловутому принципу «кто платит деньги – тот заказывает музыку» (В.А. Кузякин). На конференции было представлено много орнитологических изданий. Особый интерес участников вызвала только что вышедшая замечательная книга В.Е. Борейко «Дон Кихоты. История. Люди. Заповедники», посвященная энтузиастам заповедного дела бывшего СССР.

После конференции я заехал на пару дней к родным в Полтаву и Решетилловку. Здесь меня ожидал тяжёлый удар – болезнь брата Юры. Я едва узнал в этом исхудавшем до предела человеке своего брата, который всегда был крепче и сильнее меня, так как всю жизнь занимался нелегким физическим трудом (в последние годы он строил дома – в том числе и своей дочери Оксане), а до этого был лучшим футболистом Решетилловки. Сейчас не оставалось никакого сомнения в истинной причине этого катастрофического исхудания – онкология внутренних органов. И он всё ещё умудрялся курить!. Когда я сказал ему об этом, он ответил, что совсем бросить не может – тогда начинается невыносимый кашель. Консультации, которые я получил у полтавских врачей, немного обнадежили (они брались за лечение), но уезжал я обратно с тяжёлым сердцем, боясь, что встреча эта, скорее всего, последняя...

Поездка «Гурьев – Астрахань» в поисках стерха (31 марта – 12 апреля 1999)

Весной мне предстояли две экспедиционные поездки по стерху – на Северный Каспий и в Наурзум. Вдвоём с Анатолием Петровичем Гисцовым, работавшим в Северном Прикаспии, уже несколько лет, 28 марта мы вылетели в Гурьев (ныне Атырау), где надеялись арендовать машину с водителем, чтобы проехать до дельты Волги, в том числе на российскую её часть – в знаменитый Астраханский заповедник.

В аэропорту нас встретил Александр Николаевич Ивасенко – старый знакомый Гисцова, работающий в областном управлении экологии. Это был первый день *летнего* времени (в Алма-Ате перевели часы на час вперед сегодня ночью, но в Гурьеве переводить не стали!). Теперь между Атырау и Алматы стало 2 часа разницы! Сколько же вреда принесла эта чересполосица с летним и зимним временем! Особенно, когда каждый областной аким норовил сделать по-своему. Разместились мы в лучшей здесь гостинице «Акжайик» и сразу же начали заготовки продуктов на дорогу (кстати, цены на рынке почти алматинские: картошка 30-35, капуста 25, морковь 25 тенге – по тем временам очень боль-

шие деньги!). Погода стояла солнечная и сухая, ветер гнал пыль, снега не было и в помине (говорят, что и зимой его практически не было). Вечером в гостях у Саши Ивасенко мы в принципе договорились, что он сам на своей машине повезёт нас в Астрахань (аренду машины и горючего мы оплачивали) – лишь бы отпустил начальника.

На следующий день, в понедельник, начальник областного управления экологии Джексенов Махамбет Кудайбергенович, от которого зависело – поедет с нами Ивасенко или нет, отфутболил нас до 31 марта (некогда, надо встречать американского посла и вообще дел по горло...). Образовавшееся таким образом время я использовал для пропаганды нашего стерха по телевидению. Главный редактор ТВ Трухин Георгий Васильевич сразу же ухватился за наше предложение и на 18 часов назначил запись моего интервью для завтрашней передачи в программе «Тет-а-тет», что и было выполнено в точности. На следующий вечер мы с чувством выполненного долга посмотрели эту передачу...

Только утром 31 марта наше дело в управе было решено положительно и к полудню, загрузив зелёный УАЗ-469 провиантом, палатками и спальными мешками, мы отбыли из гостеприимного Гурьева-Атырау. Степь сухая, пыльная, без следов снега, лишь кое-где около города – лужи в засоленных местах. На городском сточном водоёме с тростником (местный Сорбулак) – масса гоголей (*Bucephala clangula*) и более 200 лебедей-кликун. На автобусной остановке у с. Новобогатное сидели, похоже, две майны (очень похожи, но рассмотреть не успел, уж очень быстро проскочили мы мимо). По обе стороны дороги – глинистая пустыня с седыми низкорослыми солянками (кейреук?). Никаких кустов или деревьев. Ни облачка, ярко светит солнце, но на улице – холодный западный ветер.

Около 17 час проехали Забурунь (до Астрахани осталось 123 км) и вскоре уже довольно близко к трассе подошли с севера песочки – сначала довольно тонкий слой, а потом бугры, поросшие кустарничком. На границе Курмангазинского района – присады для хищников на столбах ЛЭП. Это меня порадовало, потому что именно в этих местах Валентин Шевченко описывал массовую гибель на проводах степных орлов (*Aquila nipalensis*). Вскоре прибыли в село Ганюшкино, где заночевали у председателя районного охотобщества Жумажана Дюсенгалиева, знакомого Саши Ивасенко. Мне особенно интересно было посмотреть это село, где столько лет прожил мой друг Толя Пославский. Сейчас оно было со всех сторон окружено водой. Отсюда до Астрахани – всего 90 км.

Утром 1 апреля, в 6³⁵, едва заалел восток, мы выехали из Ганюшкино. Впереди, на западе, была полная луна, а сзади нас подгонял сильный восточный ветер. На трассе раза три встречались зайцы. Перед рекой Шароновка напротив ж-д. станции Ганюшкино – замечательный могильник, очень оригинальный – настоящие памятники! А дальше пошли волжские протоки – много, широкие и частые, с хорошими мостами через них (вода то справа, то слева, а то и с обеих сторон). Здесь – масса грачей (*Corvus frugilegus*): сначала несколько сотен, а потом тысячи грачей стелятся низом навстречу нам – летят на восток.

Уже в 8 час утра мы были на российской таможне. Здесь очень долгая процедура – простояли почти два часа! Любопытная деталь: курс рубля к тенге был

1:4 – почти такой же, как в 2012 г. (1:5) В Астрахань прибыли к 11 часам. Долгие поиски набережной Царев и конторы заповедника увенчались успехом только к 13 час. Директора Нины Александровны Литвиновой (месяц назад в Москве она приглашала меня в заповедник) не было. Она уехала, но нас принял ее заместитель – Горбунов Александр Константинович (гидробиолог), которого она предупредила, что мы вот-вот можем появиться. Мы чуть было не уехали сами на Дамчик, но после полуторачасовой беседы с Горбуновым отложили поездку на завтра: оказывается, туда поедет орнитолог Николай Николаевич Гаврилов с корреспондентом радио. Правда, как он сам сказал, орнитолог он недавний, до этого был ихтиологом (даже своего однофамильца Э.И. Гаврилова не знает). Полдня мы с А.П. Гисцовым погуляли по Астрахани и Кремлю. Погода была не из лучших – пасмурно, ветер несет пыль, начинается дождь. Кремль древний, интересный, а в городе мне запомнился крупный гастроном с названием: «Астрахань без Америки». Вечером встретились с Германом Михайловичем Русановым. Задушевная беседа орнитологов завершилась ночёвкой в кабинете А.К. Горбунова.

Утром следующего дня мы выехали на Дамчикский участок заповедника с Николаем Николаевичем Гавриловым и корреспондентом областного радио Сергеем Павловичем Студенским, направляющимся собирать материалы к юбилею заповедника. Так вот в чём причина и отсутствия директора, и повышенной активности местных СМИ: 11 апреля, т.е. всего через 9 дней (!), этому заповеднику грядет 80 лет!

Через город Камызяк, село Чаган и два парома (в селах Таврино и Полдневом – как подробно и толково объяснила нам Нина Александровна Литвинова, успевшая повидаться с нами утром), и преодолев 80 км, мы к 11 часам прибыли на участок Дамчик, на 3-й кордон заповедника, который стоит на протоке Быстрая. Это одна из проток Волги, ширина её у поселка – около 50-70 м. Разместили нас, по распоряжению Нины Александровны, в гостевом финском домике – с кухней, сауной и цветным телевизором! В 11⁴⁰ были уже на месте. Здесь: Левченко Дмитрий Бронияльдович (таксидермист, зав. музеем), Жмыхов Алексей Иванович (лесничий) и Литвинов Василий Павлович (териолог, муж директора). Солнце, тепло и первые комары!!! Рано утром 3 апреля на моторной

Рис. 68. Дамчикский участок Астраханского заповедника, дельта Волги. Фото Г.М.Русанова

лодке мы с А.П. Гисцовым и Н.Н. Гавриловым отправились к местам прежних регулярных остановок стерхов (рис. 68). Западный ветер обещал, что погода будет меняться, но пока ещё было ясно, свежо – и без комаров!

Астраханский заповедник не зря называют орнитологическим. Дельта Волги – место массового гнездования и массовой зимовки водоплавающих и околоводных птиц. Ещё больше их останавливается здесь в период весеннего и осеннего пролёта, в том числе и наши стерхи – по пути из Западной Сибири на иранское побережье Каспия. Наша задача была – собрать, по возможности, максимум сведений об их пребывании здесь. В этот день за 4 часа езды по протокам мы насмотрелись разных птиц, из которых больше всего было озёрных чаек (*Larus ridibundus*) – более 600, лебедей-шипунув (*Cygnus olor*) – 104, серых цапель (*Ardea cinerea*) – 32, орланов-белохвостов (*Haliaeetus albicilla*) – 27. Пролетевшие на восток 50 лебедей-кликунов (*Cygnus cygnus*), по словам Н.Н. Гаврилова, были последними пролетными, а группа из 10 чирков-трескунков (*Anas querquedula*), по его же словам, – первые в этом году. Во многих местах тростниковых зарослей во-всю распевала широкохвостая камышевка (*Cettia cetti*), а прямо у нашего домика – зелёная пеночка (*Phylloscopus trochiloides*) и голубая лазоревка (*Parus caeruleus*). Однако стерхов за весь день мы так и не видели, хотя в полдень целый час обедали на микроостровке с вагончиком, где раньше наблюдали стерхов (*Grus leucogeranus*). В качестве компенсации хозяева угостили нас великолепной ухой из сома, линя, карасиков и краснопёрки.

Утром 4 апреля Д.Б. Левченко вывез нас на лодке в новое место, где также встречали стерхов. Отплыли по протоке Быстрой, а потом пошли по Дубной (здесь когда-то дубили лодки!) и к 9 часам вышли в открытую большую морскую лагуну. Здесь из-за высокой волны птиц не видно, даже если они и есть. Поэтому мы развернулись и ушли обратно в протоку – на сей раз по имени Средняя Маргышка. Птиц насмотрелись самых разных (широкохвостки пели в 27 местах!), но журавлей так и не видели – ни белых, ни серых. В полдень около нашего домика наблюдал интересную картинку – как кормился малый пёстрый дятел (*Dendrocopus minor*). В крошечной куртинке тростника на сухом месте он более 5 мин подряд долбил стебель сухого тростника, продвигаясь по нему, как по стволу дерева, снизу вверх, а затем спускаясь вниз и снова поднимаясь; я не утерпел и снял это на видео.

Рано утром 5 апреля мы вернулись в город, а оттуда Герман Русанов повёз нас на запад, чтобы показать лиманно-бугровой участок дельты западнее заповедника (это территория заказника). Здесь ландшафт напоминает казахстанский – большие водоёмы среди довольно высоких (до 20-30 м высотой) степных бугров. Несмотря на то, что сильный ветер гнал пыль и поднимал волну, мы всё же насчитали около 150 лебедей-шипунув (*Cygnus olor*), осмотрели часть из 12 закартированных Русановым гнездовых участков орлана-белохвоста (*Haliaeetus albicilla*) и наконец-то увидели журавлей, правда, не стерхов, а красавок (*Anthropoides virgo*): 10 птиц с трудом летели с запада на восток против сильного ветра, затем сели в 50 м от шоссе и сразу стали кормиться под начинающимся дождём. До города мы ехали под дождем, а в

городе он прошел, но было очень холодно. У ботаника заповедника Александра Федоровича Живогляд взяли семян лотоса, а потом Русанов предложил показать город. Прямо посреди экскурсии пошёл дождь, перешедший в мокрый снег, а затем – и в настоящий снегопад! Русанов говорит, что для Астрахани это аномально, тем более, что снега практически не было всю эту зиму...

Утром 6 апреля в Астрахани был морозец -4° (воду из радиатора сливали, чтобы не размёрзлись патрубки!). Через Володарское, Марфино и Калинино мы направились в Обжоровский участок Астраханского заповедника. До с Калинино добрались за 2 часа. Машину оставили у председателя колхоза Галимжана Шайманова. От Калинино до Обжоровского участка добрались на лодке за 18 мин (намokли и замерзли на ледяном ветру). Начальник Обжоровского участка – Анатолий Алексеевич Кашин. Сам участок – длинный островок между протоками Волги (въезд – только на лодке!), с деревьями и тростниковыми участками. На нем уместился целый посёлок из 5-6 домов.

Утро 7 апреля выдалось ещё более холодным (ночью было -6° !). В 7⁰⁰ вышли на взморье на лодке-казанке – холод невероятный (отказали аккумуляторы видеокамеры!). Ни одного облачка. Идем против солнца, оно слепит глаза, ничего не видно (солнце и отблеск от воды). Вышли в открытое место – в эстуарий, где стерхи раньше встречались. Все так же залито водой – только верхушки тростника видны. Журавлей нет. Посетили смешанную колонию больших (*Phalacrocorax carbo*) и малых (*Phalacrocorax pygmaeus*) бакланов. Много гнёзд на старых высоких деревьях на узком островке в р-не реки Каменной. Здесь несколько сотен гнезд, на которых шумят и кричат большие бакланы, малых здесь намного меньше. К сожалению видеокамера отказывается работать на таком холодном ветру, приходится прятать её за пазухой, доставая лишь на короткие секунды.

К 10 часам погода окончательно испортилась, и нам пришлось возвращаться в Обжорово, срочно грузиться на лодку. Кое-как в 11 час мы успели ещё сухими добраться до с. Калинино (ветер только набирал силу). Так же поспешно перегрузились в машину, подкачали шины и в 11²⁰ выехали из Калинино на восток. Только в 15⁵⁰ у с. Котьяевка пересекли границу Казахстана. Близ с. Сафоновка – разливы, громадные, как море. Здесь переночевали дома у директора лесхоза Сунгадуллы Мухамбеткалиевича Мендыханова.

Утром 8 апреля после небольшой экскурсии по р. Кигач у с. Утеры мы направились в обратный путь и в полдень стали лагерем у Белужьего мостика, где и заночевали на высоком валу среди разливов и тростников. Здесь помимо больших веретенников (*Limosa limosa*), которых мы видели более 150; нередко встречались каравайки (*Plegadis falcinellus*) и малые белые цапли (*Egretta garzetta*), оба вида занесены в Красную книгу Казахстана. К вечеру 9 апреля достигли Севрюжьей косы, а утром 10 апреля уже проводили учёты птиц в районе охотничьего хозяйства «Золотёнок» южнее Атырау. Здесь мы насчитали более 300 чирков-свистунков (*Anas crecca*), 77 пеганок (*Tadorna tadorna*), несколько десятков озёрных чаек (*Larus ridibundus*) и десяток черноголовых хохотунов (*Larus ichnhyætus*).

Закончилась ужасная дорога с Пешного, и мы повернули вправо – по открытому берегу, объезжая огромное водное зеркало. Здесь тоже дамба, но вода только справа (а слева обширная низменность, в которой только вчера была вода, а сейчас грязь). Дорога идет по довольно высокой дамбе (3–4 м) и сама по себе довольно сносная. Это дорога к Зарослому. Местами «морская гладь» справа разнообразится тростниковыми зарослями. Здесь – масса чаек, в том числе черноголовых хохотунов (150+100+50+10), а также хохотуний (*Larus cachimans*): 100+100+60+100+10. Среди них есть очень темноспинные, прямо черноспинные – может быть клуши? Таких около 10. Заночевали на Зарослом посередине дороги в тупике (на дамбе). Это примерно в 25 км к югу от Гурьева (Атырау).

Утром 11 апреля на обратном пути к Атырау на воде насчитали более 500 черноголовых хохотунов, больше тысячи чирков свистунков (*Anas crecca*), а малых белых цапель (*Egretta garzetta*) насчитали 41 особь, тогда как больших белых (*Egretta alba*) – лишь 13. Всего отметили здесь птиц 35 видов.

С утра 12 апреля мы посетили Атырауский университет и познакомились с деканом естественно-географического факультета Адильбеком Зейналиевичем Сапаровым; заведующими кафедрами: зоологии и общей биологии; экспериментальной биологии; ботаники и географии. А всё вместе это называется «Атырауский казённый университет им. Халисдосмухамбетова». По их просьбе я прочитал для студентов и преподавателей лекцию, а в 15⁻³⁰ состоялась запись на телевидении с Георгием Васильевичем Трухиным о кратких результатах нашей поездки в дельту Волги. Утром 13 апреля улетели в Алма-Ату.

Уже через день, 15 апреля, я выступал в Ташкенте официальным оппонентом на защите докторской диссертации моего друга Даниила Юрьевича Кашкарова. Нечего и говорить, насколько приятно было вновь встретиться с ним и его семьёй, а также многими ташкентскими коллегами-орнитологами.

Третья поездка в Наурузм в поисках стерха (26 апреля – 9 мая 1999)

Через неделю после возвращения из Ташкента, вечером 26 апреля, мы вместе с Н.Н. Березовиковым и С.Н. Ероховым выехал в Кустанай, где мне, на сей раз – одному, снова предстояло искать стерха, а ребята ехали на проведение учётов гусей по всем озёрам Кустанайской области – в плане выполнения совместного с финнами проекта по изучению гуся-пискульки (*Anser erythropus*).

В полдень 28 апреля на железнодорожном вокзале ребят встретил Д. Жуков на своем УАЗ-452, а меня – Е.А. Брагин, который сразу же отвёз на телестудию «Алау», где в 14⁻⁰⁰ Александр Михайлович Данильченко записал моё интервью о стерхе. Этот 5-минутный видеосюжет был показан по областному телевидению в этот же день в выпуске новостей, а в субботу с утра в программе «Открытые небеса» показали весь привезенный мною фильм о стерхе производства Международного журавлиного фонда.

В день приезда, в перерыве между закупкой продуктов на базаре, мы посетили Кустанайский университет им. Ахмета Байтурсынова для налаживания контактов. На кафедре биологии встретили только зав. лабораторией биологии

М.В. Житинскую (молоденькая девушка), которой пришлось объяснять цель нашего визита, и передали ей несколько анкет по стерху (изготовленных в течение зимы) для коллег-зоологов. Она обещала передать им эти анкеты. Только в 19 часов выехали в Докучаевку.

Степь еще не высохла, везде мокро и лужи. Пашни начинают зеленеть, но очень редкими полосками – как будто подсев. Местами по степи идут лушильники – здесь действительно обходятся без плуга. Лесопосадки еще не начали зеленеть – стоят по-зимнему серые, местами в них лежат полосы снега (хотя и гораздо меньше, чем было 22 апреля год назад!). В этот раз нам довольно часто попадались парами серые журавли (*Grus grus*), всего насчитали 18 птиц, причём в некоторых парах обе птицы танцевали.

На следующий день посетили озеро Б. Сонкебай. Воды в нем примерно столько же, сколько и осенью, во всяком случае, разницы не заметно. Но птиц было мало: 56 лебедей-кликун, несколько десятков озёрных чаек (*Larus ridibundus*), среди которых летало две малых чайки (*Larus minutus*); 15 пар пеганок (*Tadorna tadorna*) да штук 15 малых поганок (*Tachybaptus ruficollis*) в центре озера – вот и всё. Журавлей не было никаких, хотя чабан Акылбек, который стоит на М. Сонкебае, рассказал, что вчера видел за Б. Сонкебаем пару белых журавлей. Утверждает, что это были именно журавли, а не цапли – крупные, высокие на ногах; ходили по мелководью. Проверка этого места нами сегодня результатов не дала.

Всего в двух километрах от озера на крошечной сосенке среди степи – жилое гнездо тепного орла (*Aquila nipalensis*) в котором самка насиживала одно яйцо, а самец сидел у обочины дороги в 500 м. Здесь же, в степи, мы встретили двух токующих самцов стрепета (*Otis tetrax*) и самку, медленно перелетевшую через дорогу перед машиной, на высоте всего 3-4 м. Одиноким самцов чёрного жаворонка (*Melanocorypha yeltoniensis*) видели в этот день более двух десятков в разных местах степи.

На следующий день, 30 апреля, мы с Брагиным посетили оба Аксуата и Кулаголь. На выезде из Докучаевки заехали к Парастатову, и он сообщил сногшибательную новость, что осенью, на второй день после моего отъезда (7 октября 1998 г.) он поехал на Кулаголь и видел там группу из 6 взрослых стерхов! Так группой в воде и стояли! Не та ли это группа, которую видели Маркин и Сорочкин в Астраханском заповеднике?. А в этом году никаких сведений о стерхе к Парастатову не поступало, и сам он не видел их ни разу. Я отдал ему две анкеты, чтобы всем их показывал и проводил агитацию среди охотников.

Озеро Малый Аксуат оказалось заполненным водой почти как весной прошлого года. За полчаса учёта мы насчитали здесь немало широконосок (*Anas clypeata*), серых уток (*Anas strepera*), красноносых нырков (*Netta rufina*), гоголей (*Bucephala clangula*), хохлатых чернетей (*Aythya fuligula*), чирков-свистунков (*Anas crecca*) и особенно много (174 особи) – черношейных поганок (*Podiceps nigricollis*). В меньшем числе были: кряква (*Anas platyrhynchos*), чомга (*Podiceps cristatus*), серощёкая поганка (*Podiceps grisegena*), свиязь (*Anas penelope*), голубая чернеть (*Aythya ferina*) и морянка (*Clangula hyemalis*). На Большом Аксуате

преобладали серые утки, пеганки (*Tadorna tadorna*), чирки-свистунки, озёрные чайки (*Larus ridibundus*) и шилоклювки (*Recurvirostra avocetta*).

Озеро Кулаголь оказалось залитым водой до краев – получилась огромная чаша. Даже место нашей осенней стоянки все под водой, вплоть до коренного берега. Совсем другой вид, даже расстояния увеличились – тот берег очень далеко... Здесь было больше 100 голубых чернетей, более 100 черношейных поганок, 126 лысух (*Fulica atra*) и почти по столько же – красноносых нырков и гоголей. В степи нередко встречались стрепеты (*Otis tetrax*), гораздо реже – кречетки (*Chettusia gregaria*), а в одном месте, уже после заката (21 час) – штук 30 розовых пеликанов (*Pelecanus onocrotalus*) сидели плотной группой на зелёной лужайке в степи, едва различимые в наступающих сумерках. Никаких журавлей, кроме летящего над степью одного красавки (*Anthropoides virgo*), мы не видели...

На этом результативная часть моей поездки закончилась и пошли злоключения. В день международной солидарности трудящихся 1 мая началась пыльная буря, и нам с Женей пришлось отложить запланированную поездку на Жарколь (все равно ничего не увидишь – до горизонта все затянуло пылью!) и заняться ремонтом машины и приготовлением борща. Вечером – скромная попытка празднования вдвоём, а потом – кошмарная ночь с высокой температурой... Утром 2 мая, после двух таблеток аспирина, я всё-таки выехал на озёра Сарымоин и Акужан. И, видимо, зря. Несмотря на то, что в этот день мы насмотрелись на стрепетов (*Otis tetrax*) и тетеревов (*Lyrurus tetrax*), а также встретили на залитом мокром лугу несколько десятков турухтанов (*Phylomachus pugnax*), вечером я снова почувствовал себя неважно. Но отказаться от поездки в бор Терсек было выше всяких сил, и утром 3 мая мы отправились туда.

С утра стояла прекрасная погода: ясно, тихо, тепло. Степь была вся покрыта тюльпанами Биберштейна, местами цвели сон-трава и тюльпаны Шренка; в лесных колках – снежные сугробы и озера талой воды, целые тундровые болота (всё это я снял на видео). На берёзе в небольшом березовом колочке нашли гнездо степного дербника (*Falco columbarius pallidus*), расположенное в кроне у верхушки березы, птица сидела в нём и вылетела лишь, когда Женя подошел под дерево. Здесь же, по опушкам колков, несколько раз видели кобчиков (*Falco vespertinus*). В степи, наконец-то, стали попадаться белокрылые жаворонки (*Melanocorypha leucoptera*), это явно их места. Зато черных жаворонков (*Melanocorypha yeltoniensis*) не видели ни одного за весь день! Нередко в степи встречались стрепеты, степные сурки-байбаки (*Marmota bobac*); в двух местах видели журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*). А в самом бору – великолепное гнездо беркута (*Aquila chrysaetos*) на сосне и красавцы-лоси (*Alces alces*): сначала 2 молодых, которых я долго снимал на видео, а потом – бегущий взрослый лось... Как уж тут было уберечься от холодного сырого ветра, весь день набиравшего силу!

В результате я слёг и 5 дней вместо поездок занимался самолечением: валялся на брагинском диване и колол себе антибиотики. Попутно пытался заниматься писаниной по проекту, но даже это получалось плохо. Утром 9 мая я сделал последний укол, а вечером поездом из Кустаная уехал домой, в Алма-Ату. Так бесславно закончилась эта поездка.

Поездки с бёрдвотчерами по Алматинской области (май-июнь 1999)

В течение мая и июня я провёл два тура с группами Birdwatchers (английские клубы: «Ornitholidays» и «Naturetrek») по постоянным маршрутам в Алматинской области. Параллельно группы из других клубов водила моя дочь Виктория (особенно она сдружилась с клубом «Sunbird», постоянный представитель которого Steve Roock в своих рекламных изданиях поставил её даже вторым турлидером). Поскольку опыт первого года, когда мы разбивали палаточный лагерь прямо в Чарынской ясеневой роще, оказался не совсем удачным и даже рискованным (помню, как пришедшие за туристами вездеходы не смогли преодолеть 100 м солончака, и всем нам пришлось переносить на руках лагерное снаряжение наверх каньона), то Даурен Валиев ещё 18 апреля 1998 г. посылал нас с Викой и Олега Гриднева с водителем красного «Форда» Димой в каньон Чарына на поиски более подходящего варианта. В процессе этих поисков Вика нашла на ясене долгожданное гнездо чёрного аиста (*Ciconia nigra*), которое так нужно было мне для совместных работ с чехами¹⁶. Тогда же мы встретили в ясеневой роще директора Уйгурского лесхоза Камильжана Абдрашитовича Юлдашева, который подтвердил, что здесь два года назад появились два гнезда чёрного аиста на деревьях. Кстати, он же решил и нашу проблему с ночёвкой в Чарынской ясеневой роще, предложив для двухдневных ночёвок пустующую «Кунаевскую дачу» – великолепную усадьбу прямо в роще, с вполне приличной кухней и двухэтажными спальными помещениями. И в 1999 г., как и в нескольких последующих, мы так и делали, даже несмотря на то, что для заезда на территорию дачи приходилось проезжать через мост с пограничным КПП (пригодилась дружба с генералами). И только спустя несколько лет, когда условия обслуживания здесь заметно ухудшились, как и отношения с руководством лесхоза, нам пришлось переносить лагерь на Баратагой.

Маршрут проведенной мной 26 мая – 3 июня 1999 г. группы «Ornitholidays», с учётом ночёвок в городе, выглядел так: «Алматы – Чарын, Красный каньон, ясеневая роща – Кокпекское ущелье – Нурлы, река Или – Алматы – Сорбулак – Кольшенгель – Топар – Кольшенгель – Тамгалы – Копа – Алматы – Б. Алматинское озеро, ГАИШ, Космостанция – Алматы – Медео – Алматы».

Здесь стоит пояснить только пункт «Нурлы, река Или». Дело в том, что в самые первые годы мы старались обязательно свозить каждую группу на берег реки Или, где в туранговой роще можно было показать им целый набор пустынных раритетов (белокрылый дятел, бурый голубь, саксаульный воробей, бухарская синица и др.). А так как проехать туда можно было только на вездеходе или тракторе, то делалось это так: группу привозили на обычном автобусе до с. Бурандысу, где её ожидал КамАЗ, который и проделывал последние 22 км. Конечно, езда в этой «вахтовке» была, мягко говоря, не комфортабельной, но поскольку расстояние было коротким, а ожидаемое удовольствие – очень большим, то привычные к путешествиям туристы воспринимали это как своего рода приключение. Хотя случались и нарекания.

¹⁶ К сожалению, работы эти не состоялись, поскольку руководство нашего института не нашло денег на аренду автомашины сроком всего на одну неделю! – *Прим. авт.*

Всего на недельном маршруте этой группы мне удалось показать им представителей 162 видов птиц, в том числе практически всех тех, ради которых они в основном и приезжали. А пристрастия были самые разные. Одному главное было – увидеть бурого голубя (*Columba evermanni*), другому – саксаульного воробья (*Passer ammodendri*), третьему – серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii*). Но две птицы были вне конкуренции – ими «болели» абсолютно все. Это саджа (*Syrhaptus paradoxus*) и каспийский зуёк (*Charadrius asiaticus*), последний по английски называется Caspian Plover. Никогда не забуду, как один из турлидеров на вопрос туриста, усомнившегося в достоинствах Caspian Plover (что в нём особенного?), ответил так: «В жизни есть три высших удовольствия: первое – вкусная еда (он поднял горизонтально левую ладонь), второе – секс (он поднял правую ладонь над левой) и третье – Caspian Plover (левая ладонь – выше правой)»!. После такого наглядного объяснения вопрос был исчерпан.

Что касается моих впечатлений как гида, то недельная поездка с людьми, которые влюблены в птиц, чрезвычайно интересна. Но в то же время – это неделя постоянного напряжения, когда ты практически не принадлежишь себе (за исключением 5-6 часов сна). Всё остальное время ты с группой и должен отвечать на *все* вопросы – вплоть до тех, которые касаются этнографии, лингвистики, истории края, экономики и политики. Я уже не говорю о вопросах по любым животным, помимо птиц, а также по растениям. Хорошо, когда тур смешанный и ботанические вопросы сами собой отпадают. Зато за неделю вот такого напряжения я чувствовал себя подтянутым, как после очередных армейских сборов...

Внутренний Тянь-Шань и Алайская долина

(2-я немецко-киргизская экспедиция, июль 1999)

С 15 июля по 2 августа я участвовал во второй немецко-киргизской экспедиции, по южным районам Тянь-Шаня и пограничным Памиро-Алая. Научные результаты этой экспедиции вместе с результатами предыдущей опубликованы в журнале «Selevinia» (Ковшарь, Торопова, 1998/1999, с. 106-121), а здесь я хочу привести только наш маршрут и свои впечатления от этой незабываемой поездки.

Маршрут: Бишкек – Боомское ущ. – Орто-Токойское вдхр. – с. Кочкорка – р. Джоонарык – пер. Долон (3028) – город Нарын – устье р. Атбаши – р. Алабуга – пер. Аккыя – с. Макмал – пер. Аирташ – с. Казарман – пер. Кугарт (3025) – г. Джалалабад – Андижанское вдхр. – г. Узген – Памирский тракт – пер. Талдык (3640) – с. Сарыташ – Алайская долина – застава Иркештам – пер. Кызыларт (4000) – с. Сарыташ – с. Талдысу – с. Сарымогол – с. Даргауткурган – р. Алтындара – р. Коксу (западная) – с. Сарыташ – г. Гульча – г. Ош – Папанское вдхр. – г. Карасу – с. Базар-Курган – Ташкумырское вдхр. – Токтогульское вдхр. – ущ. Чичкан – Сусамырская долина – Кокомеренское ущ. – с. Арал – с. Чаек – пер. Кызарт (2670) – с. Кочкорка – с. Кемин (Быстровка) – Токмак – Бишкек (рис. 70).

Накануне моего выезда в Бишкек 11 июля сгорел весь верхний этаж алматинского аэропорта, и мы с группой немецких туристов, отбывающих в Германию, выехали из Алматы в Бишкек автобусом в час ночи. Два дня ушли на подготовку к экспедиции и встречу группы, регистрацию их в милиции, посещение Биолого-почвенного института и т.д. В полдень 15 июля мы покинули Бишкек

(рис. 71) и направились на восток, в сторону Иссык-Куля. Немецкие энтомологи и киргизские гидробиологи могли позволить себе спать в машине, но мы с В.И. Тороповой решили на всём пути следования проводить учёт крупных птиц и особенно двух групп – скворцовых (майна и обыкновенный скворец) и горлиц (обыкновенная, малая и кольчатая), а также некоторых других. Анализ этих данных дал весьма интересные результаты, о которых можно прочитать в упомянутой нашей публикации.

Сразу же за Боомским ущельем свернули на Кочкорку. И здесь уже начались новые для меня места. Сразу же за мостом дорога пошла на подъем, очень заметный – к перевалу на Кочкорку (1950 м). Склоны гор, даже их каменистые участки, удивительно зелёные, как будто это не конец лета, а его начало. За перевалом – крутой спуск к Орто-Токойскому вдхр. Река Чу выше Орто-Токойского вдхр. очень полноводная, здесь хорошие ивняки. Именно здесь, как рассказала нам В.И. Торопова, был созданный в своё время Деменчуком и Шальной питомник хищных птиц. Село Кочкорка начали строить только в 1933-1934 гг. (до этого здесь были одни юрты), а сейчас это довольно крупное село с огромным кладбищем.

Сразу же за Кочкоркой – изумительные бедленды. Голые глинистые склоны, изборождённые тысячами морщин-промоин, особенно впечатляют на фоне зелёных гор и ещё более зелёной долины, которая вся аж мокрая (местные жители говорят, что дождь здесь идет не просто каждый день, а по два раза в день). В 21⁰⁰ остановились на первую ночевку у входа в ущелье, из которого вытекает река Чу. Вернее, это еще не сама Чу, а река Чоонарык (Джоонарык), которая при слиянии с рекой Кочкорка дает реку Чу. Река здесь полноводная, около 10 м шириной, бурная, вода коричневая. Оба склона (зап. и вост. экспозиции) –

Рис. 69. С Гердом Мюллером в бишкекском аэропорту Манас. 16 июля 1999 г.

Рис. 70. Маршрут экспедиции 1999 г. по Тянь-Шаню и Алаю (цифры в кружочках – места ночёвок)

конгломератовые отвесы с массой дырок, ниш, полочек и пр. Ширина днища 150-200 м. Здесь чий, *Nitraria* (буграми), островки ивы у воды. Посадки тополя у развалин фермы, где мы остановились на ночь.

Перевал Долонь (3028 м) мы преодолели около полудня 16 июля. Здесь мне особенно запомнилось гнездо клушицы (*Pyrhocorax pyrrhocorax*) в глинистом обрыве, всего в 100 м от дороги, и встреча краснокрылого стенолаза (*Tichodroma muraria*), который кормился на скале, стараясь держаться в тени, где насекомые менее подвижны. Не забыть также огромный просвечивающий портрет В.И. Ленина на вершине высокой скалы у дороги; он был искусно вырезан в металлическом листе.

После крутого спуска в узкое ущелье сначала слева мощное кладбище, а за ним – вывеска «**Нарын**». И вскоре открывается сам город. Небольшой городок, стоит на реке Нарын, с юга окаймлён высокими зелеными горами (травянистые склоны со скалами вверху), а с севера – голыми глинистыми склонами невысоких бугров. Северный склон южного хребта очень напоминает характером очертаний Западный Тянь-Шань, но узкий пояс хвойного леса представлен только елью, древовидной арчи не видно нигде. Река Нарын здесь шириной метров 20, вода коричневая. Чуть ниже города река сворачивает вправо, а трасса – влево, но через небольшой перевальчик дорога снова выходит в долину Нарына: очень широкая, не менее 5-6 км, зелёная долина. Нарын течет по правой ее части, под южными склонами невысоких бедлендов, а шоссе идет вдоль северного склона нормального, высокого хребта с хвойным лесом. А бедленды справа поражают своими масштабами. Мы направлялись в сторону Ферганского хребта.

Дорога на Байетов идет между глинистыми склонами и поймой реки Алабуга – небольшой речки, притока Нарына. Перевалив небольшой перевальчик,

Рис. 71. Немецко-киргизская команда на старте в Бишкеке. Крайний слева – профессор Герд Мюллер

мы спустились к южному подножью хребта Молдотоо, южная сторона которого сплошь каменистая, нет ни леса, ни лугов – лишь камни, скалы, а наверху пятна снега (всё это до обмана напоминает Западный Тянь-Шань). А вокруг – полупустынные и пустынные предгорные участки. Около села Когорчок Алабуга течёт у подножья Молдотоо в мощном каньоне. Между сёлами Кош-Добе и Макмалом дорога поднялась в горы и зашла в долинку между двух сглаженных хребтов (бедлендов уже нет), здесь высота 2400 м, на нетронутых участках настоящая степь, местами ковыль, а местами – посевы эспарцета. И здесь я, к своему изумлению, увидел стрепета (*Otis tetrax*), который садился в высокую траву около зарослей эспарцета (его типичная посадка, белые пятна на крыльях – всё это хоть мельком, но удалось увидеть). После 2650 м долинка замкнулась, и начался подъем по серпантину. На высоте 2700 м уже появились гераниевые луга с лигулярией.

С первого перевальчика (2930 м) открылся интересный вид: весь северный склон за перевалом – великолепные зеленые луга, а внизу на зеленом фоне – красные скальные обрывы. Со стороны сплошного ковра гераниево-лапчаткового субальпийского луга слышен крик красного сурка (*Marmota caudata*). После небольшого спуска начался подъем на новый перевал. Справа остался горнорудный поселок Макмал (всего несколько домов), где мы ожидали найти заправку, но её там не оказалось. До Казармана осталось 50 км. Идём на спуск. Первая ферула появилась на 2100 м, здесь же – коровяк (*Verbascum* sp.).

Посёлок Казарман, который упоминается во всех маршрутах, проходящих через этот горный район, показался в 19 час. Он находится в долине реки и разбросан по обеим её берегам, в т.ч. и на высокой террасе. Выехав на Джалалабадскую дорогу (пришлось вернуться на 5-7 км), мы свернули на реку Кок-Арт (оказывается, это вдоль неё мы спустились) и в 20³⁵ стали на ночевку сразу же за мостом через эту речку. Палатки ставили уже в сумерках, спешно (и очень кучно – подходящих мест здесь очень мало). Утром оказалось, что мы ночевали прямо против колонии розовых скворцов (*Pastor roseus*), расположенной на осыпях под скалами каньончика, по которому течёт речка. В колонии не менее 1000 пар. Осыпь эта антропогенного происхождения, она образовалась в результате прокладки дороги под скалами (получился отвал). Взрослые скворцы кормили вылетевших птенцов, которые ещё слабо перепархивали. Хор птичьих голосов был оглушительный.

На следующий день начали подъем на главный перевал. На высоте 2200 м у нашего автомобиля сломалась штанга, а первая машина ушла вперёд, не услышав наших сигналов. Пришлось Андрею идти вверх – догонять первую машину, а мы эти два часа поработали. Только в 16¹⁵ взобрались мы на перевал Кугарт, он же Сарыкыр (а реки, текущие с него в обе стороны, называются Кугарт). Высота его 3020 м над ур.м. Сарыкыр переводится как «желтый выступ». На спуске с перевала узкую нашу дорогу перегородил ледяной оползень. Почти час ушёл на то, чтобы ломиком и лопатами хоть немного расчистить этот ледяной косогор, объехать который было невозможно, так как слева от него был откос в несколько сотен метров. В работу включились и догнавшие нас на мото-

цикле голландец с англичанкой. На ночёвку стали на речке Кугарт, уже в лесном поясе (ясень, боярышник) на высоте 1800 м.

На следующий день на высоте 1750 м нам встретились первый орех и первая яблоня. Склоны на этом уровне поросли довольно густо какими-то кустами и деревьями, а все поляны между ними заняты цветущей ромашкой – просто море ромашки. Еще через пару километров появилась магалебская вишня. Дальше вниз пошли ореховоплодовые леса. Это был южный склон Ферганского хребта. Проехав село Таран-Базар (бывшая Дмитриевка), а затем Курманбет-аул (бывшая Михайловка), а также большие плантации цветущего подсолнечника (очень красивое зрелище), мы к 12 час прибыли в Джалалабад. Это было 19 июля – день рождения Герда Мюллера, поэтому на джалал-абадском базаре пришлось провести немного больше времени, чем обычно: покупка торта, традиционные песенные поздравления; потом – обед, поход на почту-телефон, обмен валюты для шоферов и т.д. В общем, работы в таком городском оазисе неуворот...

Покинули мы гостеприимный Джалалабад только в 15 час и направились на Узген, для чего пришлось пройти узбекскую таможню в селе Беговат (граница здесь изрезана). В 18 час показалось Андижанское вдхр., печально известное как место недавнего «межэтнического конфликта», в котором погибли сотни людей; за ним был виден город Узген. По берегам водохранилища большие посеы подсолнечника и сафлора. Здесь мы и стали на ночёвку на северном берегу среди колючек на краю обширного поля подсолнухов, всего в 50-60 м от воды. Купание, стирка и праздничный ужин в честь дня рождения Герда Мюллера. Шампанское и песни допоздна. Это традиция команды Мюллера: после ужина – костёр и хоровые песни около него, причём все поют просто профессионально! Как потом выяснилось, они все, по примеру своего профессора, посещают хор. А у Мюллера и Манфреда голоса просто редкостные!

Утром 20 июля, обогнув водохранилище, мы прибыли в Узген. Это небольшой (всего 50 тыс. человек), но один из самых древних городов Киргизии, ему более двух тысячелетий. Возник он во II—I вв. до н. э. как центр торговли на пути из Ферганской долины в Кашгар. В XII веке Узген был второй столицей государства Караханидов. Его памятники являются уникальным историко-культурным наследием. Мы осмотрели минарет высотой 44 м, построенный в начале XII века, когда город был столицей династии Караханидов; рядом – мечеть, медресе, и мавзолей, в котором похоронены представители этой династии. Расположен Узген в 54 км от города Ош, на правом берегу реки Карадарья (бассейн Сырдарья), в которую здесь впадает речка Яссы. Однако, несмотря на наличие рядом двух рек, в городе на протяжении многих лет критическое положение с питьевой водой.

Не задерживаясь в Узгене, мы уже в 11 час покинули его и через сёла Хуршаб, Карасу и Жаны-Алай направились в объезд города Ош к Памирскому тракту, на который вышли у села Мады. В полдень проехали Гульчу и в 18³⁵ достигли перевала Талдык (3640 м), на котором установлен обелиск с надписью: «Изыскателю и строителю перевала Талдык Юрию Францевичу Грушко (1909-

Рис. 72. Село Сарыташ – ворота в Алайскую долину (за ней виден заснеженный Заалайский хребет), июль 1999 г.

1933 гг.)». Через час спустились в село Сарыташ (рис. 72) – ворота в Алайскую долину! Село слева от дороги, а справа – оригинальное кладбище, где около каждой каменной могилы на высоких шестах привязано по чёному хвосту яков (*Bos grunniens*). Такие могильники мы встречали потом в Алайской долине не раз. Возможно, обычай этот пришёл с Тибета вслед за самими животными.

Вдоль всей трассы, идущей по окраине Сарыташа (3250 м над ур.м.), стоят канистры с бензином – как знак того, что дальше заправок нет. Мы тоже заправились, расспросили о дороге к белым скалам и повернули по Алайской долине к востоку от Сарыташа, в сторону Иркештама, в поисках места для лагеря. На ночь стали в Алайской долине в 5 км восточнее с. Сарыташ. Палатки ставили в сумерках под начинающимся дождем. Ветер. Холод. Ужинать пришлось в автомашине, но настроение приподнятое: наконец то мы в знаменитой Алайской долине, о которой каждый столько слышал и читал.

Утро 21 июля выдалось пасмурное (10 баллов), с дождем и снежной крупой. В 10⁴⁵ выглянуло солнце, но облачность осталась прежней. Повсюду видны рогатые жаворонки – явные *Eremophila alpestris albigula* (широкое чёрное поле вокруг маленького белого горлового пятна), а полевой жаворонок (*Alauda arvensis*) поёт, невзирая на холод. Прямо у дороги – стайка снежных вьюрков (*Montifringilla nivalis*) и выводок камчатки-плясуньи (*Oenanthe isabellina*), а на столбах нередко встречаются курганники (*Buteo rufinus*), причём некоторые больше похожи на мохноногих курганников (*Buteo hemilasius*). В мелководной луже у дороги – масса головастиков зелёной жабы (*Bufo viridis*), хотя это может оказаться и данатинская (*Bufo danatensis*), с другим набором хромосом. А очень высоко в небе кружит ослепительно белый кумай (*Gyps himalayensis*).

Около 11 час выезжаем в восточную часть долины – на Иркештам, до которого от Сарыташа расстояние 72 км. Дорога, которая идёт почти посередине долины, постепенно повышается и к 13 час достигает высоты 3550 м. Это небольшой перевальчик – водораздел двух рек с одинаковым названием Кызылсу («красная вода»). Отсюда они текут в противоположных направлениях и по этим направлениям получают свои названия – восточная Кызылсу и западная. Мы продолжаем путь на восток, река Кызылсу теперь течёт в узком глубоком каньоне, причём в обратную сторону! Здесь много красных сурков (*Marmota caudata*), один даже перебежал дорогу метрах в 30 перед машиной! Около скалы выются альпийские галки (*Pyrrhocorax graculus*), а слева, в месте слияния Кызылсу и Коксу, пролетел молодой змеяд (*Circaetus gallicus*). Само слияние этих рек – с красной и голубой водой – очень красивое зрелище: соединившись, разные воды их какое-то время текут, не смешаваясь, как две яркие полосы на полотнище флага!

За рекой Нура (правобережный приток Кызылсу) – поселок Нура. Покупка хлеба и поездка на погранзаставу Иркештам в сопровождении двух девочек – Анары и Шолпан. Более часа шла проверка документов и беседы с пограничниками – о барсе, об орлах и т.д. Ребята приветливые, но фотографировать в районе заставы не разрешили. Высота здесь 3000 м. Пасмурно, несколько раз начинался дождик с холодным западным ветром. Здесь великолепные скалы, и около них летают городские (*Delichon urbica*) и скалистые (*Ptyonoprogne rupestris*) ласточки, пара клушиц (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*) и самка горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochruros*). Здесь же – пара скалистых голубей (*Columba rupestris*), которые похожи на сизого (*Columba livia*) общим окрасом, но выделяется чисто белая середина спины и белый хвост с черной предконечной оторочкой.

В 18 час стали лагерем на р. Кельтебулак, недалеко от Нуры, в урочище Ункур (пещеры). На закате (19⁻³⁰) на короткое время проглянуло солнце. Следующее утро, 22 июля, – первое ясное утро в Алайской долине!! Тихо, роса и солнце. Здесь мы сделали днёвку, переночевав две ночи и сделал несколько интересных экскурсий в окрестностях.

Самой запоминающейся стала встреча белогрудого голубя (*Columba leuconota*): утром 23 июля три белых голубя пролетели за скалы над лагерем. Они конечно, не совсем белые, но настолько светлые, что казались белыми. Деталей увидеть не удалось – с собой не было не только бинокля, но и очков. Однако это самые необычные голуби, каких только я когда-либо видел. Накануне этих же трёх голубей видели

Рис. 73. Лагерь экспедиции в Алайской долине, июль 1999 г.

в лагере В.И. Торопова и Л.А. Кустарева. Только после возвращения из экспедиции я прочитал в сборнике «Орнитология», что в этом же месте в июне 1985 г. Эмиль Шукуров встретил четырёх взрослых птиц и нашёл гнездо (Шукуров, 1988). Очень интересно было также наблюдать в подзорную трубу, как в течение получаса огромный бородач (*Gypaetus barbatus*) на вершине скалы прямо над лагерем поедал что-то очень похожее на сурка (*Marmota caudata*).

Утром 23 июля мы выехали на запад, стремясь достичь памирского тракта и по нему проехать, сколько сможем, в сторону Памира. При ясной солнечной погоде ослепительно белый северный склон Заалайского хребта казался просто какой-то сказочной декорацией (на всём склоне не было ни одной чёрной точки!). Выйдя около Сарыташа на памирский тракт, мы свернули влево, в сторону Заалайского хребта, и пересекли Алайскую долину, ширина которой в этом месте оказалась около 28 км! На всём протяжении следования мы часто встречали канюков (на маршруте от Иркештама до Сарыташа и р. Кызыл-арт мы насчитали 24 особи), причём многие из них были очень тёмными, никак не похожими на курганников (*Buteo rufinus*). Часть из них вполне могли быть обыкновенными сарычами (*Buteo buteo*), а один, судя по крупным размерам и обширным белым полям на исподе крыла, достигающим кистевого сгиба, вполне мог быть центральноазиатским канюком (*Buteo hemilasius*). Вообще пернатые хищники в долине оказались нередкими: кроме перечисленных мы видели также чёрного грифа (*Aegypius monachus*) и нескольких орлов, летавших так высоко, что определить их до вида было затруднительно; скорее всего, это были беркуты (*Aquila chrysaëtus*).

Около 13 час дорога вошла в ущелье реки Куруксай на северном склоне Заалайского хребта. Сама речка маленькая, но галечник колоссальный, шириной метров 300-400. Абсолютная высота здесь 3570 м. Есть меандры, есть островки,

Рис. 74. Личный состав экспедиции в центре Алайской долины, июль 1999 г.

так что серпоклов вполне мог бы здесь жить. Может, и живет, но с машины нам его увидеть не удалось. Крутые склоны ущелья покрыты низкотравным лугом, но в основном преобладают скалы и осыпи – чувствуется высота. На высоте 4000 м расположен «ДЭП-7» – несколько домиков с заправкой. Здесь стоит щит, указывающий высоту перевала Кызыларт (4282 м). Здесь мы заправились, но дальше подниматься не стали, побоялись за наши машины (да и не было необходимости у наших энтомологов, хотя мне самому очень уж хотелось). Большая – не менее полусотни – стая снежных выюрков (*Montifringilla nivalis*) была здесь главной и едва ли не единственной «добычей» орнитологов.

Пересекая Алайскую долину на обратном пути, мы снова насчитали 13 канюков, в основном сидящих на столбах придорожной линии электропередач. По дну долины при движении на запад от Сарыташа немало кочковатых болотцев с хорошими условиями для трясогузок. И здесь более чем обычной оказалась черноспинная желтоголовая трясогузка (*Motacilla citreola calcarata*). На всём пути постоянно встречались каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*), полевой жаворонок (*Alauda arvensis*), стайки каменных воробьёв (*Petronia petronia*) и малых жаворонков (*Calandrella* sp.). Не исключено, что здесь могли быть два вида – собственно малый (*Calandrella brachydactyla*) и тонкоклювый (*Calandrella acutirostris*), визуальнo определять которых с быстро движущейся машины я не берусь.

На ночёвку стали чуть ниже села Талдысу – примерно на полпути до Дар-уткургана (от Сарыташа до Дар-уткургана – 120 км). Это почти напротив пика Ленина (7134 м), чуть восточнее. Сам пик был закрыт облаками и вечером, и на следующее утро. Ночью в Алайском хребте была гроза и дождь, но в долине сухо. Местный житель подтвердил, что напротив нас действительно находится пик Ленина, но подъезд к нему идет западнее – от села Кашкасу. Сейчас весь Заалайский хребет закрыт тучами (рис. 73). После часовой экскурсии продолжили путь на запад, к Дар-уткургану.

Дорога идёт по южным подножьям Алайского хребта и на высоте 2980 м появилась первая облепиха, заросли ее вдоль речки. Вскоре – мощные заросли, шириной 100 м. А левый берег Кызылсу – мощный глиняный обрыв. Ширина галечника и зарослей облепихи метров 200. На данный момент путем консультаций и спекуляций по карте наши «командоры» выяснили, что мы прошли 1500 км от Бишкека. Дело в том, что оба наши умельцы-водители поставили на свои УАЗики чужие колёса, другого диаметра, лишив нас, таким образом, возможности точно определять пройденное расстояние при помощи спидометров. А поскольку при оплате аренды автомашины учитывался и километраж, то эта затея с заменой колёс оказалась не столь уж невинной: спидометра нет – можно считать, как выгоднее. С таким я столкнулся впервые и постарался запомнить эти «фокусы» на будущее.

По дороге на абсолютной высоте 2900 м стали уже попадаться краснокрылые чечевичники (*Rhodopechys sanguinea*) и даже туркестанские жуланы (*Lanius phoenicuroides*). На высоте 2800 м пошли посеы эспарцета, люцерны; стали чаще встречаются люди. На высоте 2700 м встретили летающего стервятника (*Neophron percnopterus*). Вскоре показалось село Карасу, которое плавно

перешло в Дараут-Курган. Здесь Алайская долина почти замкнулась, ширина ее не более 5 км. Абсолютная высота в Дараут-Кургане, по нашим измерениям, 2650 м (по справочникам – 2468 м). Это поселок явно таджикского типа – с глиняными дувалами, как у узбеков. Картошка на огородах 24 июля ещё только зацвела (высота-то!). Пирамидальные тополя, ивы.

Дараут-курган (Дароот Коргон) – центр Чон-Алайского района Ошской области Кыргызстана. Он хорошо известен ещё с 1871 года, когда его первым из европейцев посетил пришедший с севера русский натуралист-путешественник А.П. Федченко, каравану которого, несмотря на разрешение кокандского хана, комендант крепости Дараут-Курган запретил дальнейшее движение по маршруту. Этот посёлок расположен на перекрёстке путей, ведущих через западную часть Алайской долины: на север – через перевал Тенгиз-бай (Алайский хребет) в Уч-Курган и далее в Коканд; на юг – в Алтын-Мазар и далее – в Таджикистан; на восток – через всю Алайскую долину и заставу Иркештам – в Китай. Посёлок маленький, но, тем не менее, в нём есть почта и телеграф. А наших немецких гостей больше всего заинтересовала заправка машин бензином *из ведра* – все до единого схватились за фотоаппараты, ведь такое они видели впервые!. Мне же было интереснее всего, что на такой высоте живут майны (*Acridothores tristis*), малые (*Streptopelia senegalensis*) и кольчатые (*Streptopelia decaocto*) горлицы и даже обыкновенный скворец (*Sturnus vulgaris*), не говоря уже о полевых (*Passer montanus*) и домовых (*Passer domesticus*) воробьях. А над облепиховыми зарослями по р. Кызылсу нам встретилась стая обыкновенных галок (*Corvus monedula*) – около 100 особей.

В полдень выехали из Дараут-Кургана в Заалайский хребет. Пройдя вдоль левого берега Кызылсу обратно вверх, против течения, выбрали место для ночевки в одном из ущелий её левобережных притоков – на реке Алтындара. Стали лагерем на равнине недалеко от ее выхода из ущелья. Само ущелье, из которого вытекает речка, очень широкое и верховья его увенчаны ледниками. Широкая долина этой речки представлена голыми галечниками и многими рукавами. Однако птицы здесь оказались самые обычные.

На следующий день мы посетили реку Коксу, стекающую с северного склона Алайского хребта. Здесь, чуть выше села Чак, переходящего в село Шаш-Терек, на высоте 2450 м мы, наконец, встретили выводок серпоклювов (*Ibidorhyncha struthersii*). Здесь часть галечника занята зарослями облепихи, но есть и довольно большие свободные участки между рукавами. Два пуховых птенца размером почти в половину взрослой птицы кормились самостоятельно на галечнике. Взрослую птицу я увидел только тогда, когда она налетела на малого зуйка (*Charadrius dubius*), вздумавшего прогнать пуховичка серпоклюва. Потом взрослые кричали на сороку, севшую на куст в 30 м и просидевшую на нём минут 30. Малыши кормились как среди сухого песка так и на мелководье.

Только около 15 час, завулканизовав одну из шин в Дарауткургане, мы выехали в обратный путь на Сарыташ. Семьи красных сурков (*Marmota caudata*) попадались нам через каждые 200-400 м, нередко встречались краснокрылые чечевичники (*Rhodopechys sanguinea*), которые явно обитали на южных склонах

Алайского хребта. Кстати, южные склоны Алайского хребта, мимо которых мы проезжали, имеют прекрасные кулуары между вертикальными грядами скалок – идеальное место для гнездования этих птиц! А относительная высота этого хребта над днищем долины не превышает 500-600 м. Между сёлами Сарымогол и Талдысу снова стали часто попадаться курганники, здесь же встретили одиночного коршуна (*Milvus migrans*) и скопление из 50 малых жаворонков прямо на обочине дороги среди мокрой лугово-степи. В Сарыташе меня удивила кольчатая горлица (*Streptopelia decaocto*) – всё-таки высота 3200 м!

В 18³⁶ начали спуск с перевала Талдык (3600 м), а через час стали искать место для ночевки. Нашли его в 3 км от с. Кызыл-Алай. Палатки ставили уже в сумерках под пение двух птиц – перепелов (*Coturnix coturnix*) и просянки (*Emberiza calandra*). Только утром мы смогли осмотреть это замечательно красивое место: роскошная лугостепь (мятлик, полынь, эспарцет, тысячелистник), а на склонах – высокоствольная арча под скалами.

Следующая ночёвка – на притоке реки Гульчо в 1 км ниже села Уч-Добе (2530 м). Галечниковое русло р. Гульчо шириной 100-150 м имеет массу островков и разливов. Правый борт – красный конгломератовый обрыв высотой местами до 20 м, а под ним по руслу – лента кустарниковых зарослей (облепиха, ива и другие, с темной листвой). Однако, несмотря на тщательные поиски днем, вечером и утром, серпоклюва здесь нам обнаружить не удалось. Хорошая погода, красивые красные скалы и «каменные бабы» над лагерем располагали к празднику – прощанию с волшебным высокогорьем, поскольку наутро мы уже спускались в самое пекло июльских адыров. Праздник удался на славу, расслабились даже наши водители, для которых уже заканчивалась горная вольница, а впереди предстояло общение с органами правопорядка на трассе. Немцы устроили такой хор, что наверху небольшого гребня, около каменных «баб» появились живые зрители из соседнего села. Словом, было очень весело и немножко грустно простаться с Алаем...

Утром 27 июля мы погрузились пораньше и в 9 часов отбыли вниз по р. Гульчо. Миновав сёла Джиргитал, Сопу-кургон, Кюн-элек, Кызыл-кургон, мы к 12 час были уже в городе Гульча, откуда через час выехали на Ош, в который прибыли около 16 час. Здесь не обошлось без приключений. На подъезде к городу остановивший нашу машину инспектор ГАИ учуял запах от нашего водителя Виктора и оштрафовал его. Через 200 м история повторилась, затем – ещё раз, и так 6 раз! Можно было только любоваться, как профессионально эти служители порядка «передавали» нашу машину из рук в руки, давая заработок друг другу. Бедный Виктор не знал, куда девать глаза, и только бормотал: «Entschuldigen, Herr Müller¹⁷», так как платить за него приходилось немцам...

После такого «горячего» приёма нас не соблазнила даже прекрасная Сулейман-гора, и в 17 час мы вырвались из слишком уж гостеприимного города Ош, недавно отметившего две тысячи лет со дня своего основания. На максимальной допустимой скорости мы отправились по дороге на Ноукат (абс. высота 1250 м).

¹⁷ «Извините, господин Мюллер». – АК.

Это уже Ферганская долина, здесь – село на селе и между ними – поля: то табак, то кукуруза. Надо было засветло добраться до водохранилища Папан, где все хотели стать на ночёвку, чтобы хоть немного избавиться от уже «доставшей» всех июльской жары, особенно трудно переносимой после гор.

Водохранилище Папан на реке Акбура (40 км южнее города Ош, высота 1336 м) существует около 50 лет и является источником питьевой воды для города Ош. Это горная котловина со степными склонами в восточной и южной частях и крутыми скалистыми склонами на северной и западной частях вдхр. С востока и юго-востока – села. Ночью нас смочил дождик, а ясным, тихим утром кругом было сыро (хорошо, что здесь перевыпас!). Поверхность воды при абсолютном штиле напоминала зеркало и отражала окружающие горы, как на волшебной картине. Уже с 7 час солнце стало обещать очень жаркий день (так оно и оказалось впоследствии). На зеркальной глади плавали 15 рогатых поганок (*Podiceps auritus*), над ними летали речные крачки (*Sterna hirundo*) а на берегу застыла серая цапля (*Ardea cinerea*) и бродили четыре ходоуличника (*Himantopus himantopus*). Жаль было расставаться с такой идиллией, но надо было ехать дальше.

В 10 час в пригороде Оша, куда нам пришлось вернуться с водохранилища, нас снова остановила милиция, и Мюллер принял решение – ехать напрямую, через территорию Узбекистана, лишь бы объехать Джалалабад, где история с милицией могла повториться не раз. Поехали на Узбекистан: поля кукурузы, хлопка, подсолнуха. Сёла и снова поля. Таможня в селе Карасу, на границе с Узбекистаном. Только в 13²⁵ наконец-то покидаем пределы этого гостеприимного места, которое называется «Кафе Бавария».

Через 10 минут – таможня Интымак (это киргизская таможня на узбекской границе). Проехали очень зеленый Ханабад – в центре кипарисики стоят подвизанные, бордюрычки ухоженные. Роскошный тенистый парк в центре села, обнесенный высокой решеткой – как в Летнем Саду в Питере! Просто чудеса. . . В конце Ханабада – узбекская таможня, а в начале следующего села Бекабад – киргизская. Объезжая слева город Джалалабад (он виден издали), за селом Эрис на верхушке бетонного столба среди посевов видим гнездо белого аиста (*Ciconia ciconia asiatica*) – впервые за эту поездку. Вскоре слева показалось село Сузак – родное село В.И. Тороповой. Второе гнездо белого аиста обнаружили сразу же за селом Акман, перед Базар-Курганским вдхр., а 5 км не доезжая водохранилища – третье гнездо на высоком и гладком бетонном столбе; в этом гнезде стоит взрослая птица!

К вечеру, устав от таможен и длительного ожидания, поехали в объезд узбекской территории по проселочным дорогам и степным буграм и спустились в долину реки Майлису. Впереди видны отроги Ферганского хребта. В долине Майлису, близ села Кипчак-тала, сделали получасовую остановку для сбора энтомологического материала. А орнитологам тоже повезло: когда мы подошли под ореховые деревья, с них взлетели 5 квакв (*Nycticorax nycticorax*), а над местом взлета на орешине – гнездо. Неужели их? Так может это выводок? Кваквы молча летали вокруг и, в конечном счете, уселись на деревья в районе гнезда,

когда мы покинули это место. Здесь же Франк видел крупную камышевку, по-видимому *Acrocephalus stentoreus*.

Не доехжая села Самалдысай (Шамалдысай), встретили целую группу гнёзд белого аиста: одно – на ажурной опоре ЛЭП, ещё одно гнездо (на верхушке), а через 0.5 км – сразу 3 гнезда на одной такой же опоре; вдали виднелись ещё два гнезда.

В 19 час вышли напротив посёлка Таш-Кумыр, но нигде нет съезда к воде. Пошли вверх, на подъем к Ташкумырскому вдхр. Там у «асфальтового завода» (бочка) нашли съезд к водохранилищу и в 20 час стали на ночёвку на берегу. Здесь наконец-то можно было искупаться и отдохнуть от дневной жары. Утром 29 июля – общее фотографирование всего коллектива в нашей экспедиционной «униформе» (рис.75) и отбытие вдоль каскада нарынских водохранилищ в обратный путь на Бишкек.

Следующая ночёвка – на левом берегу Чичкана, прямо у воды, под молодыми пихтами, всего в 6 км от прошлогоднего места. А следующая – в долине Сусамыра, всего 0.5-1 км ниже прошлогоднего. Здесь, в Сусамыре, две интересные встречи. Перед закатом, в 18³⁰, мимо нашего лагеря по трассе прошел индус-путешественник Бикос со своим «домом на колёсах» (рис.76), направляясь из Бишкека в Ош; через час солнце зашло за гору, и комары буквально озверели!! Вторая встреча – орнитологическая: луговой лунь (*Circus pygargus*). Сначала самец летел над лугами, потом ему навстречу поднялась с земли самка, стали летать вдвоём (явно местная пара). Через 15 мин здесь уже 3 самкоподобные особи (молодые!). Видимо, это был местный выводок хорошо летающих птенцов. На такой большой высоте гнездование лугового луны мне не было известно.

Рис. 75. Наша команда в фирменных майках на обратном пути. Ташкумырское водохранилище, июль 1999 г.

Рис. 76. Пилигрим Бикос на Сусамыре. 1999 г.

и Кочкорку. И вопреки недовольству водителей (крюк здесь получается более 200 км) пошли этим маршрутом. Зато я ликовал: ведь это новая дорога по совершенно незнакомым мне местам. Предстоял нелёгкий путь по просёлочным дорогам через перевалы. Дорогу знала лишь Валентина Исмаиловна, она когда-то здесь работала и взялась быть штурманом, потому что водители дороги не знали (и не хотели её знать!). Развернувшись, мы спустились обратно вниз и стали пересекать долину.

Первая интересная встреча – сидевший на проводах тёмный балобан (*Falco cherrug*), а через 200 м также на проводах – маленький дербник (*Falco columbarius*). Однако рассмотреть их не было никакой возможности из-за очень высокой скорости машин: оба водителя были явно не в духе из-за лишних километров и дней пути, хотя им и обещали доплатить за бензин. Вот он, человеческий фактор (люди мечтали уже сегодня вечером, от силы – завтра быть дома). А в экспедиции от водителя зависит многое.

Перед первым же селом Тунук (2200 м) стали попадаться грачи (*Corvus fruhilegus*). В этом селе расположены большие грачиные колонии, на которых, по словам Валентины Исмаиловны, раньше они кольцевали грачей. По всей вероятности, встреченные нами на перевале Алабель стаи грачей прикочевали туда из этих мест!

За селом Сусамыр – великолепная ярко-зелёная пойма реки Сусамыр, с тёмными крупными пятнами зарослей колочей караганы (*Caragana jubata*), более высокими кустиками ив (*Salix* sp.) и заболоченными луговыми участками. Всё это красиво смотрится на фоне Сусамырского хребта. Ниже села Кожамкул река Сусамыр впадает в Кокомерен; дальше речка Кокомерен, течет в узком ущелье с богатой урёмой и скалами на склонах. Абсолютная высота здесь 1950 м. Минувя сёла Кызыл-ой, Арал и Кичи-арал, мы вышли в широкую долину, окружённую очень красивыми обнаженными меловыми горами. За большим селом Чаек начался заметный подъем на перевал; здесь – ровно половина

От этого места по трассе можно было добраться до Бишкека за один день. Но у нас ещё было пару дней, а уезжать раньше времени из гор не хотел никто (кроме водителей). Помог случай. Уже начав крутой подъем к перевалу, мы вскоре вынуждены были остановиться около шлагбаума – дорога через тоннель перекрыта до 19 час. После консультации с ГАИ приняли решение: не ждать до вечера на этой жаре, а идти в объезд – через Кокомерен, Джумгол, перевал Кызарт

пути от Сусамыра до Кочкорки (по 111 км в обе стороны). Поднимаемся вдоль правого берега реки Джумгол, самой реки не видно за ивняком, растущим узкой лентой вдоль русла. Здесь уже встречаются такие совсем не горные птицы как обыкновенный скворец (*Sturnus vulgaris*), зеленушка (*Chloris chloris*), сизоворонка (*Coracias garrulus*).

После затяжного пологого подъема по неглубокой долинке поднялись на перевал Кызарт (2670 м). Великолепные низкотравные луга, на которых цветёт мелкая горечавка, остролодочник и мелкий бесстебельный девясил, как ковром, одели все склоны. На этих прекрасных джейляу полно лошадей. Здесь мы пообедали тушонкой и дынями. Спустились в поросшую чием долинку и выехали на нарынскую трассу около Кочкорки. Кустарниково-ивовая пойма Джоонарыка у этого села всё такая же прекрасная, зелёная.

Через час, поднявшись на перевал у Орто-токойского вдхр. (2200 м), мы остановились, поздравили друг друга с последним перевалом. Выйдя на исык-кульскую трассу и миновав Боомское ущелье, мы в сумерках разбили последний лагерь на правом берегу реки Чу напротив Быстровки. Утром 2 августа на востоке – изумительные жемчужные облака и впервые – никакой росы (ночь была теплой). В последний раз починили спустившее колесо и после двух часов непрерывных учётов горлиц и майн в многочисленных сёлах по трассе (Кемин, Акбекет, Чонкоргон, Искра, Сайлык, Токмак, Арал, Кен-булунь и т.д.) мы к 10 часам прибыли в Бишкек. Так закончилась эта вторая по счёту и самая, пожалуй, интересная из всех моих тянь-шаньских экспедиций.

Четвёртая погоня за стерхом – с видеокамерой (13 сентября – 13 октября 1999)

Вернувшись с гор, я стал готовиться к осенней поездке по равнинам Северного Казахстана: в сентябре снова предстояла погоня за стерхом (*Grus leucogeranus*). Цифровая видеокамера была куплена ещё зимой (весной в дельту Волги я ездил уже с ней), но к ней не мешало бы хорошего оператора. Таковым согласилась стать моя дочь Виктория, имевшая опыт работы с точно такой же видекамерой, к тому же орнитолог и хороший фотограф (рис. 77). Как раз у неё сентябрь оказался свободным от поездок. Это было большой удачей, тем более что поработать вместе в поле нам никак не удавалось со времён нашего высокогорного стационара (70-е гг.), где она тогда ещё только постигала азы орнитологической науки.

Выехав из Алма-Аты поездом 11 сентября, мы из окна скорого поезда стали вести количественный учёт птиц – как раз шёл осенний пролёт. Больше всего летело степных пустельг (*Falco naumanni*), которых мы только за первые два часа, до станции Отар, насчитали 170 штук, причём наряду с одиночками попадались и стаи до 22 особей. На этом же отрезке встречена и стая из 14 коршунов (*Milvus migrans*), а перед самим Отаром, уже в начинающихся сумерках, в воздухе – целые рои чёрных стрижей (*Apus apus*). Пролёт пустельг продолжался и на следующий день севернее Караганды, а придорожные лесополосы буквально кишели сороками (*Pica pica*): только между станциями Жалтырь и Атбасар за

полтора часа мы насчитали их 130 особей, тогда как серых ворон (*Corvus cornix*) за то же время – всего 9 пар и 6 одиночек. Грачи (*Corvus frugilegus*) встречались в степи сотенными стаями, а галки (*Corvus monedula*), явно гнездившиеся летом в круглых пустотелых бетонных опорах ЛЭП, часто и сейчас сидели на них преимущественно парами (всего насчитали 14 пар и две группы – 10 и 18 птиц). И только пустынный ворон (*Corvus ruficollis*) попался всего один раз за всю дорогу!

Рано утром 13 сентября в Кустанае нас встретил Е.А. Брагин. В инспекции по охране животного и растительного мира познакомилась с её начальником Мухамеджаном Каменовичем Жетписбаевым (оставил ему анкету по стерху), а главное – с охотоведом Михаилом Ильичём Бовкуном, который рассказал кое-что интересное. Например, в июле прошлого года под Семиозерным (Аулиеколь) он встретил стаю более чем из 100 особей кречеток (*Chettusia gregaria*), что казалось просто невероятным для этого вида, причисленного в последние годы к исчезающим. Затем заехали на телестудию «Алау», к Александру Михайловичу Данильченко, договорились о передаче по областному телевидению отрывков из фильма ICF о стерхе; оттуда – в обллесоуправление, к начальнику Валерию Ивановичу Поддубному (богатырь!), он как раз говорил по телефону с Талгатом Кертешевым (заповедники сейчас в Гослескомитете). Там я также оставил стершинные анкеты. Закончив закупку продуктов, мы в 17³⁰ выехали из Кустанаея.

По пути – многотысячные скопления грачей между Аманкарагаем и Семиозерной. Сорока также многочисленна в лесополосах, видели их там не менее нескольких сотен. В противовес ей серой вороны всего с десяток! В одном месте на трассе – три стаи по 30-50 сизых чаек (*Larus canus*) – непонятно, какой корм себе они здесь могли найти.

На следующий день, 14 сентября, выехали с Брагиным на Кулаголь. В Старом Наурзуме Малый Аксуат высох больше чем наполовину, а на оставшейся посередине луже воды – какое-то цветение светло-салатного цвета, как плесень. По каналу между Малым и Большим Аксуатом вода идет. Водоплавающих птиц вообще не видно.

Озеро Кулаголь на месте нашей прошлогодней стоянки наполнено почти так же, как весной: обсохшее дно – не более 30 м шириной от коренного берега. На этих 30 м мы и поставили две палатки – всего в 15 м от воды. Птиц на воде почти нет: всего 8 розовых пеликанов (*Pelecanus onocrotalus*) да ещё 26 кружатся, пытаясь сесть на воду; три пары лебедей-кликунов (*Cygnus cygnus*) да штук 20 сизых чаек (*Larus canus*) в дальнем углу. Уже при нас на воду опустились стайей около 50 серых гусей (*Anser anser*). Самец степного луня (*Circus macrourus*) дважды пролетал над кормящимися у воды песочниками (*Calidris* sp.), каждый раз поднимая их в воздух, но не взял. Очень светлый, почти белый, с характерным черным выступом на конце крыла в области первостепенных маховых.

Простояли здесь мы с Витой до 16 сентября. Журавлей не было и вообще птицы было немного. Из наиболее интересного – наблюдения за группой щёголей (*Tringa erythropus*), птиц для меня совсем не знакомых. Пять светло-се-

рых особей (по Swennson – молодые) с огромными клювами типа веретеника (основание подклювья красноватое), красными ногами, ярко-белой бровью и стреловидно-белой спиной. Без единого звука кормятся у тростника по брюхо в воде: идут, как будто плывут, не вынимая клюв из воды и зондируя им дно направо и налево. За день раз 5 появлялись и улетали.

Утром 16 сентября мы уехали под начинающимся дождём. По дороге – много сидящих на земле пустельг (*Falco tinnunculus*) и несколько степных орлов (*Aquila nipalensis*), намокших до такой степени, что они кажутся просто чёрными. Вечером в Докучаевке по телефону получил от Василия Игнатьевича Дробовцева из Петропавловска следующее

сообщение: опытный охотник Алексей Николаевич Корнеев 29 апреля 1999 года видел, как через Сергиевское вдхр. вдоль Ишима на высоте 50 м пролетели с криком в направлении на северо-восток 15 **белых журавлей** (*Grus leucogeranus*). Однако я допускаю, что при ярком солнце это могли быть красавки (*Anthropoides virgo*). Сам так ошибался...

До полудня 17 сентября мы вчетвером в доме Брагиных работали над шведским проектом «Ключевые Водно-Болотные Угодья Тоболо-Ишимского междуречья», после чего выехали на озеро Б. Сонкебай. Озеро Малый Сонкебай практически пустое – около сотни уток сидит, больше ничего. Около вагончика – тот же парень, что и весной (Сатыбалды). Говорит, что стерхов видел весной, но осенью ни разу не попадались. Зато очень много волков развелось. Обезд Большой Сонкебая и «корейских» озёр не дал результатов: стерхов здесь нет, и никто их в эту осень не видел.

На обратном пути я около часа буквально «охотился» с видеокамерой за очень смелым ястребом-перепелятником (*Accipiter nisus*). Взрослый самец прямо перед нашей машиной очень низко над землёй вдоль глубокой колеи нёс в лапах молодого жаворонка (похоже – полевого). За 10 минут такой нашей «охоты» он несколько раз садился и поедал его прямо перед машиной (мы на это время останавливались). Так мы преследовали его около 2 км, при этом он перелетал каждый раз не более чем 100-300 м... Запомнились мне также многотысячные

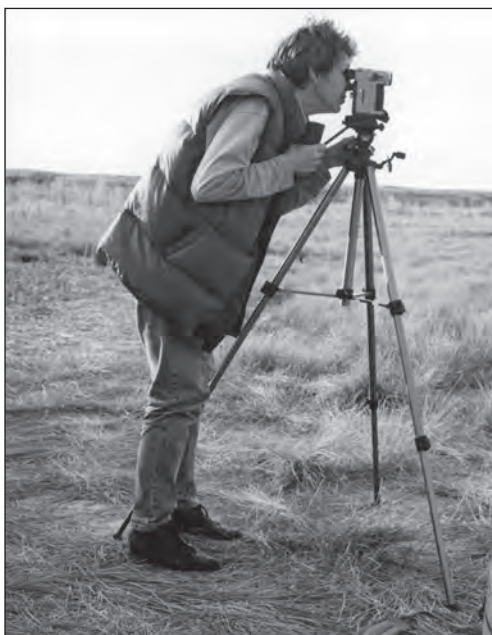

Рис. 77. Виктория Ковшарь ведёт видеосъёмку на озере Кулаголь

скопления грачей на трассе у Сыпсынагаш, где дорога похуже и много зерна рассыпается при перевозке его из «Буревестника». Кстати, дальше по трассе их не было, только в одном месте ещё встретилось несколько сотен.

На следующий день, 18 сентября, осмотр Малого Аксуата сверху, с песчаного бугра у бора Наурузум-Карагай, показал, что он высох очень сильно: только на середине осталось немножко воды. Поэтому все краевые места под тростниками, где раньше останавливались стерхи, сейчас для них не годятся. А остатки воды в озере зацвели светло-зелёным цветом. По дороге на Кулаголь насчитали 52 пустельги (*Falco tinnunculus*) на 14 км маршрута – явно здесь шёл пролёт. Сам Кулаголь оказался ещё более пустым, чем несколько дней назад, – около 300 уток и несколько куликов да чаек.

Следующие два дня пришлось провести в Докучаевке в ожидании В.Г. Парастатова (Брагин был занят) и только 21 сентября мы снова выехали через Сонкебай на Кулаголь, которое в 18 час было практически пустым. Только в 19 час стали прилетать и садиться на воду лебеди (19+5+5), а с ними – и три больших кроншнепа (*Numenius arquatus*), севшие в степи на манок Парастатова! Ночь выдалась пасмурная, тихая и тёплая. Всю ночь на озеро прилетали гуси и лебеди, всю ночь мы слышали гогот лебедей и скулёж «крябопузых».

Утром 22 сентября с рассвета и до 8 час белолобые гуси (*Anser albifrons*) и пискульки (*Anser erythropus*) стая за стаей улетали на поля в направлении «запад-юг». В стаях до 200-300 гусей, но обычно 50-70; пискулек в них (судя по размерам) – единицы. К 9⁻³⁰ гусей на озере не осталось. Проведенный нами сплошной учёт в зрительную трубу дал следующие результаты: уток – 709 (в том числе широконосок – 70), лебедь-кликун – 6 (семья), гусей – 25, лысук – 82, куличок-воробей (*Calidris minuta*) – 10 и одиночные круглоносый плавунчик (*Phalaropus lobatus*), чернозобик (*Calidris alpina*), чомга (*Podiceps cristatus*), озёрная чайка (*Larus ridibundus*), малый зуёк (*Charadrius dubius*). Интересно вело себя семейство лебедей, в котором 4 молодых были размером в половину взрослой птицы: около 9⁻³⁰ молодые стали покрякивать, вся семья взлетела и, сделав круг над озером, села на воду. Было такое впечатление, что взрослые учат солодьяк летать или же просто они все разминаются перед дальним перелётом.

К 11⁻⁰⁰ всё небо с запада затянула чёрная туча – вот-вот будет дождь. С поля стала слетаться казара (белолобый гусь и пискулька) стаями по 20-60 птиц: прилетело также 60 краснозобых казарок (*Rufibrenta ruficollis*). Удивительным был массовый лёт к северу над тростниками ремезов (*Remiz pendulinus*) стайками: 20.34.50.13.3.40.7.30. Прилетели и сели на воду две молодые малые чайки (*Larus minutus*) – очень пёстрые: темя и щеки чёрные, клюв чёрный, белая бровь, крыло в сложенном виде – чёрное с белыми поперечинами, хвост белый с чёрной концевой полосой. На воде сидят, как плавунчики!.

В 12⁻⁴⁰ уехал Парастатов, оставив нас на 4 дня. В обстановке надвигающегося дождя стаи казары мотаются в различных направлениях – восток, юг, запад: 19.43.27.71.31.60.29 (болтаются, перестраиваются, меняют на ходу направление полета) 34.46.2.30.15.10. 15.26.8. 161.76.25.71.29.60.10.69.25.32.73.62.100.7. Вре-

менами всё небо закрыто летящими в разных направлениях стаями гусей! Тако-го зрелища мне раньше видеть не приходилось. С 13⁻³⁰ стаи гусей стали уже садиться на воду: стоило сесть первой, как вскоре остальные стали буквально падать, иногда – с большой высоты. Около 15 час пролетающий низко над озе-ром орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) поднял в воздух уже не менее тыся-чи гусей! В 15⁻³⁹ снова взлетела 1000 – вверху появились 2 орлана. Вскоре гу-си сели, а в 15⁻⁵⁰ снова взлетели от орланов! Вот уж поистине тренируют их перна-тые хищники!

А вот запись моих наблюдений за самими орланами в этот день: «В 15⁻⁵⁰ один орлан спикировал на сидящих уток и поднял их более 200, но погнался за одиноч-ным чирком, левевшим низко над водой, не догнал его и взмыл вверх. Второй кружит выше 200 м. В 16 час орланы снова пролетели над скоплением казарок на высоте 200 м и взмыли вверх – гомон, разлет! В 16⁻³⁰ один до сих пор охотится, забираясь вверх и от-туда бросаясь на гусей и уток, сидящих на воде, а те сразу взлетают. Орлана бьет сверху пустельга».

В это время 20 малых (тундряных) лебедей (*Cygnus bewickii*) прилетели с се-веро-востока и сели в 100 м от пары кликунов, явно местной, территориальной. Кликуны сразу же взлетели и, прогнав малых за 200 м, вернулись на прежнее место. Но через 2-3 мин снова взлетели и прогнали малых в другой угол озера, за 500-600 м от своего места! Гуси продолжали подлетать и с гоготом садиться на воду до самой темноты, вместе с ними в сумерках сотни сизых чаек (*Larus canus*) с криком садились к сотням, уже сидящим на воде.

В 20⁻⁴⁵ нам удалось наблюдать необычное явление, которое так и хочется на-звать «летающая тарелка». Это было изумительное зрелище ярко освещенного сектора с углом около 50°, движущегося своим острием с запада вверх на восток и прошедшего выше луны (вместе с луной его поглотили облака, поэтому снять на видео не удалось – не успел). По всей вероятности, это был очередной запуск ракеты с Байконура – он находится где-то в том направлении...

Журавлей мы так и не увидели. Только однажды в 20⁻³⁰ (темно) слышали крики стаи журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*), летящих на юго-запад. А че-рез час, в полной темноте (луна за облаками), снова раздались повторяющиеся крики нескольких особей серых журавлей (*Grus grus*) с неба над озером; звуки удалялись на юг. Справедливости ради надо сказать, что это могли быть и стер-хи – крики были довольно протяжные...

Вот в такой интересной обстановке прожили мы с Витой четыре дня. Ску-чать было некогда. С утра до вечера то проводили подсчёт птиц на воде и в воз-духе, то снимали всё это на фото и видео (я тоже снимал параллельно на свою аналоговую видеокамеру Panasonic). Именно этой камерой мне удалось снять небольшой сюжет охоты на лысух двух орланов (Вита со своей камерой была в это время на съёмках в другой части озера). Попробую описать, как происхо-дила эта охота.

Два орлана затеяли охоту на лысух, разогнав всех гусей. Сначала охотился один орлан (второй кружил очень высоко), за 20 мин охоты он делал 19 заходов на стаю лысух, но все безрезультатны. Потом орланы стали вдвоем гонять чир-

ков под тростниками: первый бросается на чирков, а второй летит сзади и пытается схватить зазевавшегося. Также безрезультатно. Кстати, лебеди здесь же рядом преспокойно плавали, не обращая никакого внимания на эту возню. Значит, были уверены, что орланы их не тронут. Очень интересно было наблюдать поведение лысух, сидевших на открытом месте стаей около 300 особей, растянувшейся полосой на 150-200 м. При виде орлана лысухи сбились в плотную массу (менее 50 м) и перед его атаккой все начинали быстро махать крыльями («мерцающий эпителий»). В момент броска хищника они резко расплываются-разбегаются по воде, а после него – быстро сбегаются в плотный «комок». Такое поведение оправдало себя: после 19 безрезультатных попыток орлан оставил свою затею и улетел.

Однако не всегда лысухам везёт – орланы тоже умеют менять свою тактику. Вторую охоту я наблюдал здесь же через пару дней. Один орлан из пары трижды нападал на группу из 10 лысух, отбившуюся от основной массы (не менее 300). Когда эта группа во время очередного взлёта орлана вверх «добежала» по воде до основной массы и влилась в нее, орлан вдруг спикировал на *пустую воду*, где до этого были лысухи, и, вытянув лапы, погрузился в воду по брюхо, а через 3-4 сек. взлетел с лысухой в лапах [он взял ее под водой – как рыбу!]. Поднявшись метров на 30, он понёс ее за 500 м, по дороге добив ударом клюва в голову (лысуха кричала, высываясь между белых перьев хвоста – хорошо видно в трубу). Здесь к нему присоединилась вторая птица (обе взрослые) и пыталась вырвать добычу, в результате чего орлан бросил лысуху под стену тростника. Пытался отобрать добычу и молодой могильник (*Aquila heliaca*), но быстро был изгнан. Оба орлана опустились к лысухе, один стал ее поедать, а второй – ожидать очереди...

Каждую ночь на озере под неумолчный гогот прибывали всё новые партии гусей и лебедей. Наутро, как правило, картина была совсем другая, чем вечером. Так, однажды мы обратили внимание, что утром стало много лебедей, причём помимо кликунов было немало и тундровых. Попробовали пересчитать их в трубу, определяя до вида. Оказалось, что на воде одновременно сидит 57 кликунов (*C. cygnus*) и 75 малых лебедей (*C. bewickii*)!

К вечеру 25 сентября мы съездили в Докучаевку, где встречались с орнитологами из Петропавловска В.И. Дробовцевым и В.С. Вилковым, а на следующий день проверили на наличие стерха Большой Сонкебай и к 21 час, уже в темноте, вернулись на Кулаголь – как домой. Здесь тихо, тепло, полная луна, и я попробовал снять на видео водную лунную дорожку с силуэтами сидящей «казары». Даже метёлки тростника выглядели при луне так привлекательно на фоне мерцающей воды! А с 21⁻³⁰ опять началось: гогот и стон стоит над Кулаголем, с запада всё новые стаи казары подлетают и садятся, особенно интенсивно между 22 и 23 час: стаи по 40-50-100, а всего за это время на озеро село не менее 2 тысяч. Подлетали и садились до 24 час. А на следующее утро удалось снять на видео тысячи казары на озере в предрассветном красном тумане. Но с рассветом начались спонтанные взлёты и посадки гусей вместе с лебедями, и к 8⁻⁰⁰ все ушли, на воде осталось штук 20...

В полдень к нам приехали на мотоцикле Вильгельм Робертович Арнольд с сыном Андреем. Этот хороший знакомый Парастатова, заядлый волчатник, живёт в Новом Наурзуме (был зам. директора совхоза) рассказал, что видел 4 взрослых стерхов в конце августа этого года в 40 км южнее Кулаголя, в урочище Казбек-Карасу, в 12 км от с. Баймурат, по пути на Кызбельский совхоз. Видел их на земле в ясный солнечный день. Не цапли – это точно. Раньше вообще не обращал внимания, но это было вскоре после беседы с Парастатовым, поэтому обратил внимание. Это действительно белый журавль и раньше он таких не встречал (охотится здесь давно). Дали ему анкету – обещал сообщить, как только будут новые встречи. Так по крупницам собиралась нужная информация...

В последний день сентября мы втроём на машине Брагина выехали на Жарсор. Прибыв сюда перед закатом, в 19⁻¹⁵, мы наблюдали и снимали сам закат (с 19⁻⁴⁰ до 20⁻⁰⁰, когда осталась только узенькая полоска красного неба), и прилёт на ночёвку журавлей.

Сначала здесь были небольшие группы журавлей на земле, в основном красавки, но перед самым закатом пошли целые гирлянды в небе, летят к озеру в основном с северо-востока тысячи журавлей (всё это мы снимали на видео). И все сели в юго-западном углу сора, недалеко от нашего прошлогоднего лагеря. В 19⁻⁴⁵ солнце уже село, а на фоне красного неба журавли всё летят и летят с севера; в воздухе висит сплошное непрерывное курлыкание. В это же время слышно несколько выстрелов по летящим журавлям – с того же места, где их стреляли и в прошлом году. Стали садиться и на нашем, восточном берегу, в 500 м от нас. С востока и северо-востока журавли летят стаями до 40-50 шт. В 20⁻³⁰ уже темно, но хор журавлей не умолкает. Всего, по «экспертной оценке» трёх орнитологов, здесь собралось на ночь не менее 10 тысяч журавлей...

Ночь выдалась лунная, тихая и довольно тёплая. Восход солнца около 7⁻³⁵ за тучами. Журавли ночевали на соре и рядом с ним, голоса их слышны всю ночь, замолкали лишь на короткое время. В 5⁻⁴⁵ крик усилился, и часть птиц взлетела. В 6⁻²³ при яркой луне было хорошо видно, как журавли тёмными полосами стоят в воде, растянувшись на 500 м вдоль ближнего к нам берега. Взлётов нет, голоса изредка (луна на $\frac{2}{3}$). 7⁻¹⁰ луны уже нет, облачно, утренние сумерки. С трудом различается на воде темная полоса из журавлей. Часть их начинает взлетать и уходит на северо-запад. Послышались выстрелы (2 или 3, а вечером было 15). Начался непрерывный отлёт – цепочка за цепочкой. Все уходит на северо-запад. Непрерывное курлыкание. Среди тысяч журавлей преобладает красавка, но стерха нет. К 7⁻³⁹ отлёт закончен, только на юго-западном берегу осталось около 1000, это в основном красавка. Голоса слышны до 8⁻²⁰, а отдельные стаи до 50 шт летят с юго-запада на северо-запад (ночевали на соседнем соре!). Когда совсем рассвело, я в трубу просмотрел оставшуюся тысячу. Среди них не было ни одного серого журавля. Все эти красавки до 10 час молча стояли плотными группами, чистились. И только с 10⁻¹⁰ начали улетать низом на юго-юго-запад, а некоторые потихоньку уходили в степь пешком. В 11 час последние 17 журавлей улетели на юг. Сор опустел – будто здесь ничего не было!

А в 12⁰⁰ журавли стали лететь на сор с разных сторон, в основном с северо-востока. Крики! Образовали скопление в противоположной от нас части озера. В 12¹⁰ машина ушла в объезд озера, а я остался один у палаток. В это время и повалил журавль, в небе – многотысячные гирлянды! 12⁵⁰ новый наплыв сотен (тысяч) журавлей. В 13¹⁵ тысячи красавок подняла наша машина на северо-западном берегу. На высоких степных буграх на западном берегу – тысячи красавок (выше их как будто серые, но м.б. это просто тень на них падает). В трубу не рассмотришь – мираж. На восточном берегу, в 1 км от нас – тоже скопление, сотни красавок. Начиная с 13⁴¹ небольшими группками (по 2-3-4) перелетают низом к роднику на юго-восточном берегу, облетая наш лагерь за 200 м на высоте всего 1 м над голым берегом или водой (за травкой часто видны крылья летящих журавлей). Скорее всего, они прилетели к роднику на водопой. В 14⁵⁵ стали разлетаться в степь, а в 16⁵⁵ несколько тысяч взлетели и ушли на северо-запад (как утром).

Вечером всё повторилось: тысячи журавлей на закате слетались со всех сторон к нам и после заката все сели на сор. А в 20⁵⁰ начавшийся дождик загнал нас в палатки. В эту ночь на Жарсоре ночевало опять не менее 10 тысяч журавлей, в основном красавок (были в небольшом количестве и серые). Утром разлёт начался за час до рассвета – в 6³⁰, но основная масса разлетелась между 7¹⁰ и 7²⁵. Взлетали, как цепная реакция: цепочка летящих над стоящими в воде увлекали за собой все новые и новые группы журавлей (это хорошо видно на видео). К 8⁰⁴, когда появилось солнце, на соре осталось менее 1000 журавлей, но хор их стоял и в 8¹⁰. Поредевшие ряды стоящих в воде тают взлетающими цепочками. В двух местах при двух родителях я видел по одному молодому – почти вдвое меньше по размерам (!) и с рыжеватой головой. Это они издают тонкий писк в полете, который слышали все участники экспедиции от пролетающих красавок – и здесь, и на Кулаголе (в промежутках между скрипучими голосами взрослых – тонкий писк).

В 11 час мы выехали на сор Уркаш, где добывают соль и где тоже наверняка собираются на ночь журавли. На «корейских озёрах» получили интересные сведения от Григория Гырбу (житель Челябинска) и Алексея Бойко (с. Камышино), которые 29 и 30 сентября 1999 г. (т.е. всего-навсего позавчера!) видели двух белых журавлей [назвали их аистами!], оба раза в одном и том же месте: на болотце у трасы «Адаевка – Камышино», до развилки на Камышино и Кустанай. Оба раза журавли встречены утром, они ходили и кормились, как журавли (не цапли!). Мы отдали им анкету, а одну оставили корейцу Виталию – бахчеводу. Однако на Уркаш мы в этот раз не попали – «промазали». И через Малый Сонкебай к вечеру вернулись в Докучаевку, так и не встретив опять стерха.

На следующий день, 3 октября мы съездили с ночёвкой на Кулаголь, где насчитали 270 лебедей (из них 121 – малый, остальные – кликуны) и 400 лисух, за которыми опять охотились два орлана. На этот раз было хорошо видно, что охотится в основном молодой орлан, а взрослый наблюдает. Опять к ним присоединялся молодой орёл-могильник (*Aquila heliaca*), но вскоре набрал огромную высоту и исчез. Были здесь и речные, и нырковые утки (всего около тысячи) и столько же гусей. Стерха мы не встретили.

Съездили на Кызбель, в район Казбек-Карасу, где В.Р. Арнольд в августе видел стерхов. Места оказались интересными. Кызбель – это возвышенность в степи, с очень хорошим обзором. В западинах его склонов – хорошие заросли можжевельника казацкого (*Juniperus sabina*), а на верхушке – небольшой березово-осиновый колочек. У восточной подошвы Кызбеля стал чаще встречаться белокрылый жаворонок (*Melanocorypha leucoptera*), а в одном месте, прямо перед подъемом, – даже группа штук 30. Но никаких следов стерха мы не обнаружили. Не встречал их на Аксуате и егерь Ерик, которого мы опросили с пристрастием на обратном пути. Этот журавль был просто неуловим...

Поездка на Терсек 5 октября, с осмотром по пути Б. Сонкебая и других озёр, также не дала информации о стерхе, как и выезд на озеро Жарколь 6 октября. Вечером 7 октября в Докучаевку приехала финнская часть команды проекта по гусю-пискульке: Сэмми, Тони и Аки. Видеокамерой «Canon MV-10 16/64» [\$ 2.000] они снимали казару через подзорную трубу – получалось увеличение от 82 до 100 крат! Вечером общий ужин, а утром мы на КамАЗ'е через Старый Наурузум поехали на Кулаголь. Здесь они сразу же отметили несколько одиночных лапландских подорожников (*Calcarius lapponicus*), которых перед этим видели на Айке! Хорошо зная голос этой тундровой птицы, они безошибочно узнавали подорожников в полёте и показали нам, что птица эта прилетает к нам на зимовку гораздо раньше, чем мы думаем.

Утром 8 октября мы вместе с ними отправились на озеро Кушмурун, где стояла остальная часть команды. Совместная поездка с «гусятниками» входила в наши планы. На заправке «Иволга» в Аманкарагае мы познакомились с жителем города Кушмурун Александром Никандровичем Серебряковым, который на восточном берегу Кушмуруна видел много журавлей, в том числе якобы двух белых (не уверен сам!). Он дал адрес Федора Петровича Юрченко, который уже много лет председатель местного общества охотников. Не застав дома Юрченко, мы поехали на озеро (уже темнело). Доехали до с. Киров и стали на восточном берегу озера, на остепненном мысу, вдающемся глубоко в озеро. Здесь меня поразили крушиновые (*Rhamnus cathartica*) колки до 2-3 м высотой.

Впечатление от красивого заката при тёплой и сырой штилевой погоде изрядно подпортили мокрецы, которых вечером появились мириады!!! Здесь и отпраздновали день рождения Юрия Николаевича Кольва – охотинспектора, сопровождающего финнов. Для этой международной экспедиции областная инспекция не пожалела средств и, за счёт тех же финнов, выделила две «вахтовки» на мощном камазовском ходу, в том числе и так называемую «Сатурн-Юпитер-сауна», в которой были не только тёплые спальные места, но и настоящая баня. После принятия такой сауны праздник продолжался до 4 час утра – с тостами, песнями и заверениями в вечной дружбе. С последними некоторый курьёз внёс Аки – маленький, толстенький и добродушный молодой финн. Изрядно выпив после баньки, он вдруг вспомнил своего деда, погибшего на русско-финской войне 1940 года, и стал предъявлять нам претензии: «Зачем вы, русские, такая огромная страна, напали на маленькую Финляндию?!». Даже товарищи-финны не могли его уговорить. Мне лишь оставалось сказать, что во время той войны мне было всего 3 года...

За три дня с финнами мы провели учёты водоплавающих не только на Кушмуруне, но и на озере Койбагор, где на открытой воде в центре озера до самого горизонта сидели десятки тысяч уток!!! Это озеро – какое-то охотничье хозяйство для областной знати, здесь оборудованы зоны, коттеджи, имеется охрана. Однако выстрелы и здесь были слышны часто и отовсюду. Утром 10 октября мы были свидетелями, как финны проводят подсчёт гусей, разлетающихся на кормёжку: Тони, Сэмми и Аки вместе с Брагиными считали общее количество вылетевших на кормежку, разделив небо на 3 части (нижние как наиболее трудные – там больше всего летит и угол наклона низкий, считать труднее – эти участки они взяли себе, наострив на них трубы, а наиболее легкий участок в зените отдели Евгению). Полученные таким образом результаты затем складываются.

Здесь я ещё раз убедился в ненадёжности опросных сведений. Так, однажды мы чуть было не приняли за стерха... кудрявого пеликана (*Pelecanus crispus*), который чистился на косе очень далеко, примерно в 1.5 км. Издалека в начинающемся мираже он сначала был принят за стерха!! А ведь при взлёте можно было бы заметить чёрные концы крыльев («точно – стерх»!). Только подойдя на 900-1000 м, удалось его рассмотреть в 50° трубу!. Среди других водоплавающих мне запомнилась тысячная «чистая» стая связей (*Anas penelope*), а также то, что среди лебедей здесь преобладали шипуны (*Cygnus olor*).

Запомнился мне очень продолжительный, почти 7 минут (7⁵²-7⁵⁹), восход солнца утром 10 октября на Койбагоре, и я даже зарисовал в дневнике порядок изменений формы солнечного диска: сначала узкая горизонтальная полоска, потом трапеция, потом – лежащий 6-гранник, потом – овал и, наконец – правильный круг. Из сухопутных птиц запомнилось большое количество клинтухов (*Columba oenas*), встреченных стаями до 50 штук; краснозобый конек (*Anthus cervinus*), пролевающий с трёхкратным «пси-пси-пси» (финны говорят – верный признак!), а также неожиданно большое количество дроздов-деряб (*Turdus viscivorus*), у которых, видимо, как раз шёл массовый пролёт: на трассе, идущей от Койбагора, мы встретили их стайкой около 30 особей, а в степи у колков из крушины (*Rhamnus cathartica*), растущих по берегу озера Кушмурун, – стаю в несколько сотен, державшихся на земле вразброс и взлетающих один за другим. Странно было также видеть сороку (*Pica pica*), летящую высоко в тысячной стае грачей (*Corvus frugilegus*)...

Журавлей за эти дни мы так и не встретили, хотя здесь было много убранных полей.

На обратном пути вечером 10 октября мы заехали к Фёдору Петровичу Юрченко, председателю охотобщества. Ему 76 лет, с 1961 года он председателем общества. Но сам уже давно не охотится. Со слов охотников знает, что хотя пролет журавлей в этом году запоздал, но всё равно уже закончился «недели полторы назад». А во время пролёта журавлей здесь, по восточному берегу Кушмуруна, летит много, тем более, что посевов здесь и сейчас ещё немало (что мы и сами видели в селе Киров!).

На следующий день мы выехали на Жарсор, где и переночевали. Там, где неделю назад на закате стоял сплошной журавлиный хор и на ночь они соби-

рались тысячами, теперь было тихо и пусто. Только несколько сотен грачей (*Corvus frugilegus*) сплошной чёрной массой сидели на северном берегу сора; две озёрных (*Larus ridibundus*) и несколько сизых (*Larus canus*) чаек кормились на берегу, да орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) «охотился» на птичьи трупы в солёной воде – хватал их с лёту и тут же бросал...

Журавлей ни вечером, ни ночью, ни утром не было (ни птиц, ни голосов). Кстати, и выстрелов нет (хотя казара еще летит)! Неужели пролёт журавлей совсем закончился?. Столь же пустым оказался и расположенный в 10-14 км сор Уркаш, гораздо больший по площади, на котором до сих пор ещё идёт заготовка соли вручную. В разговоре с мужиками, сгребавшими розоватую соль совковыми лопатами, мы узнали, что с неделю назад журавлей было «море». Они прилетали и садились на противоположном, западном берегу – не только потому, что на восточном ведутся работы, но и потому, что на западном есть роднички и места эти труднодоступны для транспорта – далеко в объезд ехать. Ребята знают и красавку, и серого журавля; оба эти вида собираются здесь и, что самое интересное, – всё это длится около месяца. Кроме того, красавка гнездится вокруг по степным буграм. **Белых журавлей ни разу никто из них не видел (!).**

На Кулаголе, куда мы добрались к закату, сидело около полутысячи гусей и 75 лебедей трёх видов (кликун, шипун и малый), а также одиноко сидящий на берегу орлан-белохвост. Гуси на закате улетели в степь, и ночью, которая выдалась тихой и тёплой, с только что народившемся месяцем, хора лебедино-казариного уже не было...

Утром 13 октября мы в последний раз пересчитали птиц на озере. Кроме уже названных на воде сидели: 527 речных уток (97 широконосок, 46 крякв, 37 чирков и 6 свиязей), 26 нырковых (гоголь, хохлатая и голубая чернети), три черноголовых хохотуна и 4 чомги. Теперь можно было обратить внимание и на сухопутных птиц. По берегам озера встречались стайками жаворонки четырёх видов – чёрный (*Melanocorypha yeltoniensis*), белокрытый (*Melanocorypha leucoptera*), полевой (*Alauda arvensis*) и малый (*Calandrella brachydactyla*); белая трясогузка (*Motacilla alba*); даже пять деревенских ласточек (*Hirundo rustica*) пролетели на юго-запад. Из тростника доносились голоса усатых синиц (*Panurus biarmicus*) и ремеза (*Remiz pendulinus*). Чеглок (*Falco subbuteo*), дербник (*Falco columbarius*) и ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*) охотились на эту птичью мелочь, причём последний даже взял жаворонка на водопое у нас на глазах, всего в 15 м, и унёс его за тростник (жаворонок кричал). По крику жаворонка мы и заметили самого ястреба.

Моё внимание привлекло непривычное поведение малых жаворонков (*Calandrella brachydactyla*): 14 птиц стремительно, как ласточки, летали над водой, то взмывая вверх, как бы гоняясь друг за другом, то снова проносясь над самой водой (в 5-10 см). Попыток пить на лету я не видел, как и попыток ловить что-то в воздухе. Что это за полеты? Потом они то же самое проделали над оголённой частью берега – отмелью. Тут же крупная стая этих жаворонков, больше 100, пролетела на запад-юго-запад прямо через озеро...

Рано утром 14 октября мы выехали из Докучаевки и в 11 час уже присутствовали на совещании у Валерия Ивановича Поддубного (совместно с Евгением и Татьяной Брагинными, финнами и местным охотничье-лесным руководством). Во время совещания приехали Н.Н. Березовиков и С.Н. Ерохов – пришли прямо на совещание после окончания учётов гусей. После этого на телестудии у А.М. Данильченко записали интервью об итогах осенней экспедиции и о проекте по водно-болотным угодьям Кустанайской области. Кстати, отрывки из фильма ICF о стерхе прошли в теленовостях компании «Алау» 20 сентября. Вечером мы вместе с Н.Н. Березовиковым и С.Н. Ероховым отбыли в Алма-Ату поездом № 41. Так прошла эта месячная поездка, по-своему интересная и насыщенная разными событиями. И хотя стерха в этот раз мы так и не нашли, но снятый и смонтированный Викторией 20-минутный видеофильм «В поисках стерха» имел успех на совещаниях по изучению и охране стерха и на других орнитологических собраниях.

Возрождение журнала «Selevinia» (конец 1999)

Остаток года был посвящён возрождению журнала «Selevinia», почившего в бозе ещё в 1996 году. Как только закончились пожертвования «BP and Statoil Alliance», которые были рассчитаны на 1995 год, мы опять оказались «на мели», теперь уже – на несколько лет. Рукописи продолжали поступать и накапливаться в портфеле журнала, но печатать его было не на что. Институт зоологии, переживавший не лучшие времена (и не только в финансовом отношении, но и по части руководящих кадров, которые с каждой новой сменой руководства становились всё хуже), не мог оказать нам помощи. Даже «Конжык», сооснователь журнала, не мог заниматься им бесплатно, поскольку должен был как-то кормить свой немногочисленный штат. Такой кормушкой на 1996 г. стал проект по изданию Красной книги, финансируемый фирмой «Шеврон», и все сотрудники «Конжика» были задействованы в нём в полную силу. И я остался с «Selevinia» один...

Только в 1999 г. появилась, наконец, надежда. Группа молодых учёных нашего института и соседнего Института почвоведения создала общественное объединение, которое нарекли «Тетис» – по имени древнего моря, покрывавшего когда-то территорию большей части Средней, Центральной Азии и Казахстана. Руководители этой общественной организации – Роман Яценко, Игорь Митрофанов и Константин Пачикин – скоро поставили её на прочную финансовую основу, завязав научные связи с японцами, которые больше всего интересовались проблемой Аральского моря. Наряду с оплатой ежегодных аральских экспедиций японцы поставили «Тетису» различное научное оборудование, в том числе печатный станок ризограф и машинку для термопереплёта. Вот тогда Роман по родственному (они с Витой были женаты с 1981 г.) и предложил мне издавать журнал «Selevinia» на базе этой техники. Надо было лишь найти деньги на бумагу, плёнку для ризографа и другие расходные материалы. Обо всём этом я написал в колонке «От редактора» в первом же сдвоенном выпуске 1996/97 г.:

«Сейчас мы рады сообщить Вам о возрождении журнала. Общественное научное объединение «Tethys» включило издание журнала «Selevinia» в число своих издательских проектов. Для набора, вёрстки и подготовки тиража журнала «Tethys» представил свою компьютерную и издательскую технику, а группа членов общества добровольно взялась за издание рукописей, задержавшихся на годы в портфеле редакции. Расходные материалы для выпуска двух номеров журнала безвозмездно представил фонд КазСАЭФ, техническую помощь оказали японская исследовательская ассоциация «JRAK» и посольство Японии в Казахстане. Всем перечисленным организациям и их руководителям мы приносим глубокую благодарность от имени наших авторов и читателей. Для того, чтобы наверстать упущенное время и уместить все накопившиеся за 4 года рукописи в два выпуска, обеспеченные расходными материалами, мы вынуждены скомпоновать их в виде двух укрупненных 2-годовых сборников – за 1996-1997 и 1998-1999 годы. Поскольку раздел «Систематика» укомплектован рукописями, полученными редакцией в 1995-1996 гг., мы сочли возможным, с учетом приоритета новоописаний, датировать этот раздел 1996 годом. В дальнейшем мы надеемся на более или менее регулярное издание «Selevinia» в виде ежегодника, поскольку в современных условиях отсутствия стабильного и достаточного финансирования выпуск нескольких номеров в год небольшой группе добровольцев-энтузиастов будет просто не под силу».

Так состоялась реанимация журнала. Вот та небольшая группа добровольцев-энтузиастов, которая это сделала: Роман Васильевич Ященко, Виктория Анатольевна Ковшарь, Игорь Валерьевич Митрофанов, Олег Ефимович Лопатин, Константин Михайлович Пачикин и ваш покорный слуга. По вечерам после работы мы собирались в большой комнате «Тетиса» на третьем этаже Института почвоведения и делали журнал: один редактировал, другой набирал и правил на компьютере, третий верстал. А когда макет номера был готов, наступал торжественный день распечатки тиража на ризографе. Тираж был снижен до 300 экз. (большого не позволяли наши запасы бумаги). Печатал обычно Р. Ященко, первый освоивший эту машину, впоследствии его при необходимости заменял Олег Лопатин или Костя Пачикин. За раскладку листов садились все. Приходилось даже давать клич наиболее активным авторам, которые приходили и по несколько часов работали «на себя», раскладывая по порядку страницы. Проверял правильность сложенных листов почти всегда я сам, а вот переплётom опять занимался Роман – у него это наиболее качественно получалось. Всё это было достаточно трудоёмко и занимало много времени. Поэтому засиживались иногда допоздна, когда на пр. аль-Фараби уже переставали ходить рейсовые автобусы. Тогда приходилось уезжать на такси...

Были разработаны довольно подробные «Правила для авторов», в которых наш коллектив постарался использовать все известные нам достижения не только советских, но и зарубежных издательств. При этом нередко возникали дискуссии, поскольку молодое крыло издательской группы стремилось максимально использовать зарубежный опыт, не особенно «праздную» отечественные наработки. Много споров возникло вокруг предложения давать десятичные дроби не через запятую, как всех нас учили в школе, а через точку, как это принято в американских и некоторых других зарубежных изданиях. Я упорствовал не один месяц, отстаивая старый способ, приводил в пример немцев, у которых дробь «3,8» читается: «drei Koma acht» (слово «Koma», как и на Украине,

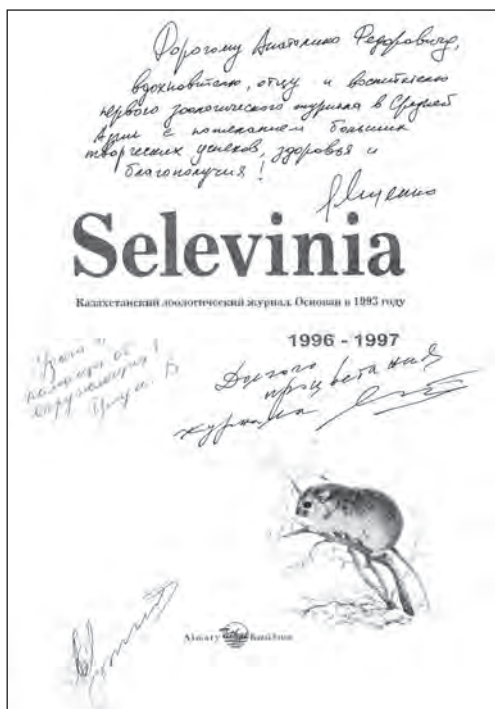

Рис. 78. Титульный лист с автографами

означает «запятая»). Потом мне это надоело (особенно настаивал на этой точке Игорь Митрофанов) и я сдался...

Новую обложку для журнала разработала художница Т.Е. Лопатина – сестра Олега Лопатина. Этот облик наш журнал сохранил до настоящего времени, даже став ежегодником.

Сейчас трудно даже представить, каким праздником для всех нас был выход первого нового выпуска «Selevinia». Все мы ликовали, поздравляли друг друга и выражали веру в то, что теперь это издание станет, наконец, регулярным. Лучше всего наши настроения того дня выразили автографы, которые оставили на моём экземпляре все участники (рис. 78). Поскольку этот номер оказался большим по объёму, чем мы рассчитывали (274 стр.), то закупленной на отпущенные нам средства

бумаги хватило на меньший тираж (в выходных данных мы всё равно проставляли «500 экз.», чтобы издание не оказалось малотиражным). В результате этот выпуск разошёлся слишком быстро, и уже через 3-4 года стал большой редкостью.

Едва выпустив первый сдвоенный номер, мы с энтузиазмом взялись за второй. И его освоили в ту же зиму, чтобы в 2000 году заниматься уже номером за этот год. Сказалось не очень высокое качество клеевого переплёта. К тому же очень трудоёмким и не совсем надёжным оказался процесс ручной раскладки страниц «своими силами». Поэтому, в конце концов, мы нашли частную типографию, которая за доступную нам оплату бралась переплетать распечатанный нами материал. Это был огромный прорыв от самодельного изготовления журнала к более профессиональному оформлению его на последнем этапе...

Заканчивая описание событий 1999 года, нельзя не сказать о его последних днях. Атмосфера ожидания нового тысячелетия была так накалена, что почему-то большинство людей встречали новый 2000 год как начало **нового столетия** и тысячелетия, хотя это был *последний* год **старого** столетия! Слово «MILLENIUM» стало вдруг самым популярным, его можно было прочитать везде – от заборов до неоновых реклам на высоких зданиях. Пресса захлёбы-

валась от различных пророчеств и обещаний, а Павел и Тамара Глобы стали вдруг самыми модными предсказателями – все внезапно поверили в астрологию...

Одним словом, от нового 2000 года все ждали чего-то необыкновенного. А он пришёл в виде тумана с морозящим дождичком и совсем даже без традиционного снега! Хорошо помню, как мы встречали его на Новой площади в Алма-Ате среди густого тумана, сквозь который просвечивали неоновые рекламы и бенгальские огни в руках у всех веселящихся и пляшущих человечков...

Памяти брата Юры (19 октября 1941 – 5 января 2000)

Новый 2000 год начался с плохих вестей: 5 января на Украине, в родной Решетиловке, умер мой брат Юра. Не помогли полтавские врачи, видимо, случай был запущенный... Как и наш отец, Юра прожил всего 58 лет, и вся его жизнь прошла на моей памяти, начиная с той ночи 18/19 октября 1941 года, когда в деревне Войтово под городом Ворошиловградом немецкие самолёты сбрасывали бомбы, а нас с сестрой не пускали к маме в соседнюю комнату – там как раз появлялся на свет человек, наш брат Юра. И когда утром мне показали орущего младенца, то на мой вопрос «Откуда он?» наша дальняя родственница тётя Фрося (учительница, между прочим!) вместо традиционной капусты не нашла ничего лучше, чем ответить: «Это ночью немцы с самолёта сбросили». А я уже в свои 4 года знал, что немцы – это плохо, значит, мальчонку надо того... Хорошо, что старшая сестра объяснила, что это *наш* мальчик, а тётя просто пошутила...

Потом была холодная зима 1941/42 г. в том же Войтово, где на младенце замерзали пелёнки, и нам с сестрой приходилось ходить на неубранное колхозное поле подсолнухов, чтобы их стеблями топить крестьянскую печь; круги подсолнухов мы срезали и палками выбивали из них семечки, которые сдавали в колхоз. А младенец всё время кричал и накричал себе пупочную грыжу... Вспомнилось, как в апреле 1944 года, когда мы уже погрузились на пароход, чтобы возвращаться из Поволжья на освобождённую Украину, вдруг пропал Юрка, и пришлось на полтора часа задерживать пароход, пока его случайно не выловили в лесу: трёхлетний малыш шёл на кладбище, чтобы «попрощаться с Симой»...

С этого начались его приключения, которые сопутствовали ему всё детство – только терялся он ещё трижды в разных городах. Живой и подвижный, как ртуть, он не сидел на месте ни минуты и постоянно попадал во всякого рода переделки. То он вдруг совсем некстати оказывался среди нас, здоровых семилеток, игравших «в войну» (две команды с противоположных сторон улицы «обстреливали» друг друга обломками кирпичей, которых в 1944 году на Западной Украине в любом городе были целые горы), и первый же получал кирпичом по голове – да так, что приходилось накладывать швы. То, перебегая через улицу в Проскурове, попадал под конную повозку и с множественными переломами лежал в больнице, а потом почти в 7 лет заново учился ходить. Подвигов его не счесть.

Рис. 79. Юра с женой Варей и дочерью Оксаной, 1970 г.

Исключительно из-за своей непоседливости он не мог выси- деть целый урок и, в конце кон- цов, в 5-м классе бросил школу и пошёл работать; заканчивал он уже вечернюю школу, вместе с фронтовиками, годившими- ся ему в отцы. Потом начался футбол. Сменив меня в район- ной футбольной команде, Юрка стал виртуозным нападающим, забивал голы и вообще был ду- шой команды – на это ушли все молодые годы. А когда закончил свою вечернюю школу (я тогда уже жил в Казахстане), по на-

стоянию родителей поехал поступать в Харьков, но там у него украли докумен- ты, и он ни с чем вернулся домой. Мне кажется, что он в душе радовался тому, что можно жить дома и играть в футбол (я бы, по крайней мере, тоже радовался). А поскольку уже началась хрущёвская оттепель, рабочий стаж для поступления в вуз значил больше, чем самые хорошие отметки в аттестате. И я пригласил брата на зиму к себе в Южный Казахстан, пообещав ему, что он заработает стаж в нашем заповеднике.

Помню, как горели у него глаза при виде снежных вершин Таласского Ала- тау, как он, пока я в Тюлькубасе встречал жену с новорожденной Витой, навёл порядок в нашей деревенской хате и последний чайник воды потратил на то, чтобы вымыть пол (арык был переметен снегом и воду возили на саних издале- ка), а искупать малыша после пятидневной дороги было нечем... Сколько таких воспоминаний всплывает, когда думаешь о близком человеке, которого уже нет!.

А потом – женитьба, две дочери одна за другой (рис. 79). Тяжёлая физи- ческая работа – то в кочегарке, то на стройке. Отделившись от родителей, сам построил себе дом – да какой! Завёл хозяйство. Подросли дочери, выдал их за- муж, построил дом для старшей дочери. И всё! Казалось бы, теперь бы и вну- ков понянчить. Но болезнь подкралась неожиданно и всё обернулось совсем по-другому. Жизнь пролетела – не успел оглянуться. А всё собирался поехать к брату, посмотреть – что оно за Казахстан (тот кусочек, что удалось увидеть в Аксу-Джабаглы, ему понравился!). Не вышло, не получилось...

И у меня осталось какое-то чувство вины: мало общались мы с братом, став взрослыми. Совсем недостаточно настойчивости с моей стороны было, когда звал его в гости. Не надо было каждый раз откладывать эту поездку по разным причинам. А теперь – уже поздно...

Поездка в Москву и дрофиный питомник на Украине (март 2000)

С 15 по 18 марта 2000 г. в Москве состоялось первое заседание Наблюдательного Совета по проекту «Стерх», на котором, помимо старых знакомых Claire Mirande, Douglas Nykle, George Archibald, из иностранцев присутствовал представитель Всемирного банка Mark Zimsky, а из россиян – весь журавлиный актив во главе с В.Е. Флинтотом. От Казахстана присутствовали мы с Викторией и Сергеем Николаевичем Ероховым. Проходило оно в помещении ВНИИПрироды, среди Лосиноостровской лесной дачи, где институт занимал старинное здание графского дворца. Помимо обычных наших докладов и обсуждений это заседание запомнилось мне тремя подряд днями рождения (Флинта, Ильяшенко и мой), которые мы очень добросовестно отмечали. Здесь я впервые увидел книгу «Московские орнитологи» (1999) и получил её в подарок с памятным автографом, о чём уже писал в очерке о В.Е.Флинте (том 1).

Отсюда мы с дочерью уехали на 5 дней на Украину, посетив за эти дни Харьков, Полтаву и Решетиловку. Проведали родных, побывал на свежей могиле брата Юры... Из Харькова вместе с Игорем Кривицким и Витой поехали в дрофиный питомник В.Ф. Свинарёва на берегу Печенежского водохранилища (с. Мартове), куда Игорь давно уже меня звал (рис. 80). Владимир Фёдорович оказался очень интересным человеком. При советской власти он был каким-то начальником, потом в 90-х гг. стал бизнесменом, заработал на водке приличные капиталы и решил вкладывать их в спасение дрофы (*Otis tarda*) и восстановление её былого поголовья на Украине. Поездка оказалась нелёгкой, потому что нашу легковую машину накрыла самая настоящая пурга и вдобавок мы забуксовали в смеси грязи и снега. Вся «прелесть» нашего положения была в том, что в такие полевые условия мы попали в чисто городском облачении – как самые настоящие пижоны, не раз попадавшие нам в поле. Зато мы имели возможность убедиться, что такое настоящий хозяин: Владимир Фёдорович прислал за нами трактор и группу людей, которые буквально вырыли нас из грязи, отбуксировали и представили пред светлые очи хозяина.

Хозяйство Свинарёва впечатляло. Помимо самого питомника, в котором жили десятка два молодых дудаков (в рацион их в обязательном порядке входили животные корма), здесь был целый зоопарк, в вольерах и на прудах которого мы видели мандаринок (*Aix galericulata*), каролинских уток (*Aix sponsa*), гаг (*Somateria mollissima*) и даже горных гусей (*Eulabeia indica*). Кроме них здесь было много других водоплавающих птиц.

Рис. 80. Виктория Ковшарь с Игорем Кривицким в дрофином питомнике В.Ф. Свинарёва. Март 2000 г.

Неудачное начало сезона – поцелуй щитомордника (май 2000)

Май начался трёхдневной поездкой в Чон-Кемин – посмотреть серпоклюва, куда нас с Валей Тороповой и её дочерью Викторией Ерёмченко свозил на своей машине Торстен Хардер, а уже через 5 дней я сам водил по нашим постоянным маршрутам иностранцев – Birdwatchers. В этот раз мне крупно не повезло: желая показать туристам очень большую самку щитомордника (*Agkistrodon halys*), я взял первую подвернувшуюся палочку, чтобы прижать голову змеи, но предательская палочка сломалась в самый ответственный момент, когда я брал змею сзади головы. Укус был моментальным и боли я не почувствовал – только изумление, что со мной такое могло случиться (до того случая я переловил не один десяток змей и был в себе уверен). Случилось это 21 мая близ станции Коба. Мы всей группой ожидали под дождём, когда водитель накачает спустившее колесо. Но едва отъехали 50 м, как спустило второе, и мне пришлось 120 км до города добираться на попутных машинах, поскольку рука сильно отекала и надо было что-то срочно делать. Один из предприимчивых туристов, американец, предложил мне ром, другой – виски, но старушка-англичанка умоляла этого не делать. Я и сам знал, что спиртное в данном случае только ухудшает состояние. Вместе со мной до города отправили Анну Андреевну Иващенко (тур опять был смешанный), а подобравший нас водитель легковой машины, оказавшийся священником православной церкви из города Токмак в Киргизии, смог довезти только до бишкекской трассы, где он поворачивал на запад, а нам оставалось ещё 102 км на восток. Но он проявил настойчивость, высадив нас около поста ГАИ и потребовав, чтобы дежурный этого поста обязательно отправил нас в город с первой же машиной.

В городе я обратился в свою привычную «совминовскую» больницу, но они сразу же отправили в специализированный токсикологический центр. И вот здесь на мой невинный вопрос, есть ли у них сыворотка против змеиного яда, принимавший меня врач прочитал мне целую лекцию о том, что змеиный яд имеет белковое происхождение и т.д., и т.п., а закончил её гениальными словами: «Именно поэтому мы не применяем противозмеиную сыворотку, тем более, что её у нас и нет». После чего отправил меня под капельницу, пообещав, что через день-два я уже буду дома. Однако он ошибся – продержали меня они почти неделю. То ли очень уж постаралась эта щитомордиха, то ли я был нужен им как экспонат «первого укушенного в этом сезоне» (как я ни отказывался, они умудрились даже организовать видеосъёмку, пообещав, что лицо снимать не будут, а только руку), но Зоя Карповна Брушко умудрилась узнать меня и по руке (правда, там был ещё голос). Как бы там ни было, моя группа заканчивала свой тур без меня...

Центральный Тянь-Шань (3-я немецко-киргизская экспедиция, июль 2000)

Третья международная немецко-киргизская экспедиция в Тянь-Шань (13-31 июля: проф. Gerd Muller-Motzfeld, Frank Wagner, Manfred Schubert, Holger Ringel, Dr. Roland Schultz; Ulf Hauke, Dr. Bernhard Seifert, Johan-Christoph

Kornmilch, Volker Meitzner, В.И. Торопова, Л.А. Кустарева, Куван Мырзаев, Андрей Асингеймер) проходила по новому и очень интересному для меня маршруту. Вот места наших стоянок:

1 лагерь – р. Тюлек, 13/14 июля 2000; 2 – оз. Сонкуль, 14/15 июля; 3 – р. Молдосу, 15/16 и 16/17 июля; 4 – р. Атбаши, 17/18 июля; 5 – р. Таш-Рабат, 18/19 июля; 6 – Аксайская долина за оз. Чатыркуль, 19/20 июля; 7 – урочище Еки Нарын (слияние Чон и Кичи Нарына), 20/21 июля; 8 – с. Оттук на ю-з берегу Иссык-Куля, кордон заповедника, 21/22 и 22/23 июля; 9 – ущ. Джетыгуз ниже курорта, 23/24 июля; 10 – р. Турген-Аксу, 24/25 июля; 11 – р. Иньльчек в 15 км восточнее погранзаставы «Мойдодыр», 25/26 июля; 12 – р. Оттук перед перевалом Чон-Ашу, 26/27 июля; 13 – р. Каракол, Каракольский национальный парк, 27/28 и 28/29 июля; 14 – Чолпоната, биостанция БПИ КР, 29/30 июля; 15 – р. Чу, правый берег выше с. Быстровка, 30/31 июля 2000 (см. рис. 112 – маршруты 2000, 2003 и 2004 гг.). Надо отдать должное Мюллеру – он тщательно разрабатывал эти маршруты, пользуясь постоянными консультациями В.И. Тороповой, которая хорошо знала большинство этих мест (рис.81).

На этот раз попробовали обойтись без водителей-частников и наняли транспорт в фирме «Edelweiss». Были зафрахтованы вахтовка на базе ЗИЛ (водитель Юсуп) и китайский автобус (Игорь Юзбашьян). Это решение, как выяснилось в процессе работы, оказалось вдвойне ошибочным: вахтовка была слишком тяжёлой для берегов Чатыркуля, а водитель китайского автобуса (он же его владелец) – совершенно непригоден для работы с людьми, тем более в горах: это был типично асфальтовый шофёр, и каждый съезд с шоссе был для него прямо ударом в сердце. Пожалуй, чаще обычного нас поливали дожди.

Обширная котловина озера Сонкуль с роскошными субальпийскими лугами со всех сторон окружена склонами со скалками и отдельными небольшими осыпями. Здесь масса эдельвейсов и розеточного девясила, много промоин, мочажин, на дороге всё время объезды (размытые рытвины). Здесь я второй раз

Рис. 81. Третья тьянь-шаньская экспедиция на старте (Бишкек, Волховская 17)

в жизни видел в природе горных гусей (*Eulabeia indica*): 5 горных гусей вечером на закате, пролетели от озера на юг-юго-запад к зубчатым вершинам гор. Интересно было встретить целую стаю, штук 50, монгольских зуйков (*Charadrius mongolus*) и семью черношейных поганок (*Podiceps nigricollis*) среди колонии озёрных чаек (*Larus ridibundus*).

Уже в полдень 15 июля мы отбыли на юг, в сторону Нарына. Подъём на хребт Молдотоо пологий. Здесь изумительные флёмисовые и флемисово-гераниевые луга, ещё немного лигулярия и одуванчик. Сам перевал 3100 м, название его, видимо, Молдо. Спуск довольно крутой. За перевалом, среди хорошего ельника в русле р. Молдосу, стали лагерем. Здесь нас застал настолько густой дождь, что пришлось полчаса сидеть в машинах, ожидая его окончания – разбивать лагерь под таким дождём не имело смысла.

Река Молдосу, шириной 5-7 м, течет в глубоком ложе с крутым падением, лишь на более пологих участках на берегах ее образуются поляны наподобие той, на которой мы встали (ур. Кошой, 2270 м) или ДЭУ Сарыджигач в 1 км ниже нас. Вдоль русла узкой полосой тянутся деревья ивы и березы, сюда же спускается со склонов ель. Высокоствольная арча занимает лишь небольшой участок на крутом склоне западной экспозиции. Крона арчи раскидистая, как у зеравшанской, высота 10-15 м. Всего в 100 м от арчи на том же склоне – куртина площадью 70x10 м караганы колючей (*Caragana jubata*) и здесь же – роскошная куртина стелющейся арчи высотой менее одного метра. Население птиц – типичное для горного хвойного леса, везде поёт зелёная пеночка (*Phylloscopus trochiloides*).

Утром 17 июля мы направились вниз по ущелью, которое вывело нас в долину Нарына, с красивым видом на горы по ту сторону реки. Здесь уже поля. Минуя сёла Жанаталап (чуть ниже его – мавзолее Молдо) и Актала, по подножью глинистых бедлендов по правому берегу Нарына мы вышли к устью реки Атбаши, впадающей в Нарын у села Учкун. Здесь – плотина Атбашинского вдхр. и очень узкий каньончик.

В городе Нарын мы были всего два часа, посетив почту, базар и погранотряд. Совсем молодой подполковник с оригинальной фамилией Буржуев Чолпонбек Зарлыквич очень быстро и по деловому решил наши «вопросы», и мне удалось даже впервые отметить командировку в отделе КНБ (с этим штемпелем мне жаль было сдавать её в бухгалтерию). По пути на Атбашинский перевал (2647 м) – красные глинистые склоны, покрытые зеленым кустарником; местами много караганы. На склонах интересные статуи-статуэтки вдали от дороги – сидящий человек, стоящий, наклонившийся; а на самом перевале – граница районов и портрет Аскара Акаева (как Ленина у перевала Долон). Всю дорогу до перевала нас поливал дождь. Длинный пологий спуск в широкую Атбашинскую долину привёл нас к мосту через реку Атбаши (400-й км от Бишкека). Здесь по совету прапорщика Исакова мы стали на ночлег, ибо дальше никаких деревьев не будет. Это место чуть ниже р. Каракоюн, самого крупного западного притока Атбаши. Хороший галечник, ивово-облепихово-тополевая пойма. Это наш 4-й лагерь. Высота здесь 1950 м.

Из птиц на берегу первой обратила на себя внимание фифи (*Tringa glareola*), голос которой мы сначала приняли за голос серпоклюва, которого очень искали. Здесь же бекас (*Capella gallinago*) и перевозчик (*Actitis hypoleucos*), летает речная крачка (*Sterna hirundo*) и несколько чёрных стрижей (*Apus apus*). В кустах пела обыкновенная чечевица (*Carpodacus erythrinus*), а широкохвосткая камышевка (*Cettia cetti*) в пойме распевала всю ночь напролёт. Утром 18 июля здесь же пели зелёные пеночки (*Phylloscopus trochiloides*), на воде плавала широконосок (*Anas clypeata*), а стайка из 8 чирков-трескунков (*Anas querquedula*) сделала круг на высоте 100 м и ушла в верховья реки на юг – прямо в белые облака, растянувшиеся посередине склона хребта Атбаши. Этот хребет виднелся южнее нас остроконечными пиками вершин и фирновыми полями: виден был даже один ледник. Северный склон ярко-зеленый до самых подножий и только посередине его узкой темной полосой – пояс ельников (как в китайском Тянь-Шане далеко на востоке).

Уже в 9 час утра мы выехали на юго-запад, в сторону озера Чатыркуль. Степная часть долины реки Каракоюн, по которой мы ехали, очень ровная, ширина её около 5 км от северных подножий хребта Атбаши до южных подножий хребта Байбичегау. И здесь среди каменок-плясуний (*Oenanthe isabellina*), полевых (*Alauda arvensis*) и рогатых (*Eremophilla alpestris*) жаворонков, на высоте около 2500 м мы вдруг встретили трёх садж (*Syrhaptus paradoxus*), взлетевших всего в 50 м от машины! Этого я никак не ожидал, ведь такая высота совсем не для этой птицы. Хотя биотоп – низкотравная полынно-типчаковая степь с оголёнными глинистыми и щебенистыми участками – от настоящей пустыни отличался всего лишь большим проективным покрытием.

В галечниковом русле р. Каракоюн, в месте, где в неё впадает речка Таш-Рабат, мы сделали получасовую остановку. Галечник здесь довольно широкий, местами до 100 м, но так как рукавов и островков нет, то и серпоклюва нет и в помине. Здесь очень низко около пасущихся отар летали 7 кумаёв (*Gyps himalayensis*) и один чёрный гриф (*Aegypius monachus*). Пары клушиц (*Pyrhocorax pyrhocorax*) присаживались на обрывы левого берега Каракоюна, а пара снежных вьюрков (*Montifringilla nivalis*) гнездилась в щелях под бетонными образованиями мостика: мы наблюдали, как взрослый приносил корм, а уже вполне оперённый птенец выбегал к нему навстречу из бетонной щели.

Дальше мы направились в ущелье, чтобы посмотреть знаменитую древнюю крепость Таш-Рабат (рис. 82). Дорога в ущелье Таш-Рабат поднимается вдоль одноименной речки. Ущелье живописное: дно его, шириной 50-100 м, покрыто хорошим лугом, безлесные склоны ярко-зеленые с белыми скалами, похожими на щитки стегоцефала. На высоте 3170 м расположена крепость Таш-Рабат. В действительности

Рис. 82. Древняя крепость Таш-Рабат в хребте Атбаши

это не крепость, а караван-сарай, сооруженный в XV в. на древнем торговом пути в Китай. Это самое крупное сооружение того времени, построенное в высокогорье. Массивные каменные стены с двумя башнями и мощным входным порталом служили надежной защитой его постояльцам. Посередине портала – древний очаг. А в 200 м от этого памятника стоят две юрты, в которых живут надзиратели, следящие за его сохранностью.

В щели между камнями деловито снуют гималайские вьюрки (*Leucosticte nemoricola*), которые явно здесь гнездятся; мимо пролетела стайка из 15 альпийских галок (*Pyrrhocorax graculus*), здесь же – пара горихвосток-чернушек (*Phoenicurus ochruros*) и выводок коноплянок (*Acanthis cannabina*) около юрт. Высоко в небе кружат кумаи (*Gyps himalayensis*) – два, четыре, шесть; потом к ним присоединились беркут (*Aquila chrysaetus*) и чёрный гриф (*Aegypius monachus*).

В полдень стали лагерем на выходе из ущелья Таш-Рабат – на ровном месте около домика лесника или дорожника (Юсуп говорит, что они останавливаются у него во дворе, когда привозят сюда гостей). Здесь мягкие склоны без скал, которые остались выше по ущелью. Само ущелье здесь расширяется до 200 м, дно его покрыто сплошным ковром низкотравного луга (герань, кермек, одуванчик). Река течет на север в обрывистых берегах высотой 1-2 м, ширина реки 5-7 м. В 50 м от левого берега – конгломератово-глинистые обрывы восточной экспозиции высотой до 8-9 м. Абсолютная высота 2760 м.

Здесь у речки, на лужайке под береговой террасой, всего в 5 м от воды, в густой траве высотой до 15 см, – гнездо желтоголовой трясогузки (*Motacilla citreola calcarata*), в котором идёт вылупление птенцов (два пуховичка и 2 яйца). Здесь же – маскированная трясогузка (*Motacilla personata*), выводки плясуний (*Oenanthe isabellina*), коноплянок (*Acanthis cannabina*), полевых воробьёв (*Passer montanus*), каменных воробьёв (*Petronia petronia*); над речкой пролетела белобрюхая оляпка (*Cinclus cinclus leucogaster*).

На следующий день направились в сторону Чатыркуля. Дорога шла по типчаковой степи с низкой белой польнью, покрывающей землю ковром. С перевала Акбеит (3180 м) открылся вид на Торугартский хребет, а пологий спуск привёл прямо к пограничной заставе, на которой нас встретило больше десятка снежных вьюрков (*Montifringilla nivalis*). Далее дорога пошла по широкой равнине меж горами и постепенно начался подъём к следующему перевалу. По пути постоянно встречались рогатые даворонки (*Eremophila alpestris*), 3 стаи (10+30+30) каких-то мелких жаворонков из рода *Calandrella*; это вполне могли быть тонкоклювые жаворонки (*Calandrella acutirostris*). В высокой траве в стороне от дороги кормились две стаи (15+20) альпийских шалок (*Pyrrhocorax graculus*) и среди них – три скалистых голубя (*Columba rupestris*).

После перевала Тузбель (3574 м) начался пологий и затяжной спуск не столько к озеру Чатыркуль, сколько в обход его по южному берегу – на перевал Торугарт. Котловина озера Чатыркуль ограничена с севера хребтом Атбаши, вдоль южных подножий которого озеро вытянуто узкой полосой (по крайней мере, так смотрится), а с юга, между берегом озера и северными подножиями хребта Торугарт, простирается километров 20 топкой низменности с мерзлотны-

ми буграми в восточной части, где источник нарзана. Дорог к озеру нет! Лишь в самой восточной оконечности имеется слабый след к вагончику, от которого еще километров 10 до озера, да с самого перевала Тузбель тянется не дорога, а ползаросший след на северное побережье озера, по которому нашей тяжелой вахтовке не пройти, а автобусу – тем более. Зато весь день изумительная погода: солнце, тепло, тихо, великолепные облака! Здесь, в котловине, мы впервые встретили яркого самца краснобрюхой горихвостки (*Phoenicurus erythrogastra*) и трёх крупных обыкновенных воронов (*Corvus corax tibetanus*).

Около источника «Нарзан» (3500 м), всего в 0.5 км от трассы, по развоям среди мерзлотных бугров было довольно много лысух (*Fulica atra*). Это самое высокогорное бессточное озеро Внутреннего Тянь-Шаня (по-киргизски Чатыр-Кёл – «небесное озеро») расположено в котловине между хребтами Атбаши и Торугарт на высоте 3520 м. Длина котловины 48 км, наибольшая ширина 18 км; площадь самого озера 23 x 11 км. Глубина 12-13 м, в западной части до 19 м, в восточной – 8 м. Озеро почти пресное. Вода чистая, прозрачная, температура её летом 10°C. Климат Чатыр-Кульской котловины резко континентальный. Зима малоснежна, но температура падает до – 50°C. Из 24 речек, впадающих в озеро, постоянный водоток имеет только река Кёк-Айгыр, стекающая со склонов хребта Атбаши.

После проверки документов на погранпосту Торугарт мы ушли влево от основной трассы, которая стала подниматься на одноименный перевал, и отправились по заметно худшей дороге на восток – искать долину Аксаля, где хотел стать на ночь Мюллер. Около 18 час мы стали лагерем примерно в 20 км юго-восточнее от заставы Торугарт, в верхней части Аксайской долины (так мы полагаем!), у южного ее края. Однако, как выяснилось, это долина восточного притока Кёк-Айгыр. Сама долина очень широкая и ярко-зелёная. Это мокрый луг, по которому меандрами и старицами держалась вода, казавшаяся стоячей (мы долго не могли понять – течёт ли она и в какую сторону). Местами участки галечников. Очень подходящее место для куличья и водоплавающих. К 19 час всё небо было затянуто тучами, только на северо-востоке открыт Атбаши – удивительный хребет со снежниками на южной стороне! Абсолютная высота нашего лагеря – 3578 по GPS, который немного привирает. Южнее нас – сухие горушки за колючей проволокой (граница!), до них не более 1 км; к северу – долина шириной не менее 5 км и южные подножья хребта Атбаши. Само озеро Чатыркуль осталось немного западнее нас.

На берегах меандров Кёк-Айгыра я насмотрелся на монгольских зуйков (*Charadrius mongolus*). К озеру то и дело пролетали стаи (до полусотни) огарей (*Tadorna ferruginea*), как бы напоминая, что это место массовой концентрации этой утки на время летней линьки. У воды нередко попадались травники (*Tringa totanus*), на лугах – черноспинные желтоголовые трясогузки (*Motacilla citreola calcarata*) и краснобрюхие горихвостки (*Phoenicurus erythrogastra*), хотя никаких скал вблизи не было.

Это было памятное всем нам 19 июля – день рождения Герда Мюллера. И как всегда, мы отпраздновали его шампанским, ящик с которым ждал своей

участи с самого Бишкека. На таком ледяном ветру это был, конечно, не совсем тот напиток. И отогревались мы около традиционного костра, слушая профессиональное пение наших викингов под абсолютно чёрным небом, чуть светлеющим на севере, где виднелись зубчатые вершины Атбаши. Это был один из самых романтических экспедиционных праздников...

Утром мы поближе познакомились с интересной долиной. Луг очень низкотравный (высота травостоя менее 10 см), в основном осоки и злаки, куртинки цветущего мытника (*Pedicularis* sp.), а на более сухих проплешинах с редким травостоем – целые поляны эдельвейсов. Ближе к руслу реки – уже не старицы, как у лагеря, а «блюдца» воды диаметром 1-2 м, а между ними травяные кочки. А река-то течет на запад – в озеро Чатыркуль! Напрасно Лидия Александровна Кустарева (единственная из нас, бывавшая когда-то на Чатыркуле) доказывала нам, что она вытекает из озера – ничего подобного! Галечниковое русло реки шириной 20 м резко выделяется среди яркой зелени луга, по нему меандрирует водоток шириной 2-4 м и глубиной не менее 0.5 м (в сапогах не везде пройдешь) с хорошим быстрым течением настоящей горной речки. Вокруг интересные бугры вспучивания (мерзлота): лопнувшая дерновина и бугор диаметром 1-5 м, высотой до 1 м с голой земляной воронкой. «Типичные мерзлотные явления», как подтвердил мне впоследствии Алдар Петрович Горбунов, который и речку правильно назвал.

Мюллер очень хотел продолжать движение на восток, в настоящую Аксайскую долину, чтобы потом обогнуть хребет Атбаши с востока, но это было нереально. Впереди – никакого жилья и нет заправок, а нашего горючего на такую дорогу (ещё не известно – какого качества!) явно не хватало. К тому же буквально взбунтовался Bernhard Seifert, который настаивал, что мы обязаны поработать на самом озере Чатыркуль, а не проезжать мимо него. Пришлось возвращаться назад, к Торугарту. Поиски дороги к самому озеру Чатыркуль оказались безуспешными. По распросам она должна идти по подножью склона сразу же под перевалом Тузбель. Проехали к нему и здесь среди дотов и дзотов на склоне обнаружили не столько дорогу, сколько слабый незженный след по границе болотистой низины и склона горы. Куван и Андрей, взобравшись на вершину, подтвердили, что дальше эта дорога просматривается прямо по подошве гор, однако водители отказались ехать наотрез, и Мюллер этим воспользовался, сказал: «едем назад».

В город Нарын мы приехали вечером и нигде не могли найти солярки – нет и всё! Надо сказать, что с началом уборочной горючее всегда становилось дефицитом, а такое, как дизтопливо, – особенно. Только к темноте с трудом разыскали по сходной цене у частников и уже в сумерках выехали вверх по Нарыну – искать урочище Еки-Нарын, где можно разбить лагерь. Оно оказалось в 40 км от города. Приехали туда только в 22⁰⁰ и со страхом преодолели уже в темноте узкий и дышавший «на ладан» деревянный мостик. Палатки ставили в крошечной тьме с фонариками. Это был наш VII-й лагерь.

Еки-Нарын – место слияния Чон Нарына и Кичи Нарына (высота 2200 м). Оба Нарына мощные – каждый более 20 м шириной; оба текут в глубоких ложах.

Гидролог Толик (киргиз) говорит, что в половодье вода в них поднимается на 4 м (Кичи-) и 6 м (Чон-Нарын). Ущелье неглубокое, но узкое. На склонах кустарник (много жимолости), стелющаяся арча. Вдоль русла слабая тополевая урёма, островком 100x10 м, деревья высотой до 10 м. Везде – золотоносные шурфы, которые начали копать здесь 6 лет назад (1 г золота стоил 300 рублей). Птицы здесь оказались самые обычные, хотя для поюшей просянки (*Emberiza calandra*) здесь было несколько высококато, как и для индийского воробья (*Passer indicus*), встреченного у дома Толика. Как-то не к месту казался и летавший здесь курганник (*Buteo rufinus*).

В полдень следующего дня, 21 июля, прошли через Нарын и под моросящим дождиком поднялись на перевал Долон. К вечеру миновали Кочкорку, Орто-Токойское вдхр. и свернули с рыбачинской трассы вправо – на село Оттук. К 20 час приехали в оттукское отделение Иссык-Кульского заповедника и после препарательства с егерем стали лагерем у него во дворе (палатки ставили уже в сумерках). Комарики!!!...

Утром под непрерывно моросящим противным дождиком вахтовка ушла на пустынный участок, а я отправился пешком на экскурсию по шоссе: сад, лох, облепиха. Шоссе здесь обсажено карагачами в два ряда, местами – яблони с плодами. За ними – заросшее сурепкой картофельное поле – почти до подошвы гор (ширина около 2 км). Горки голые, сглаженные. За ними видны верхушки более мощного хребта. Чуть западнее кордона заповедника и южнее трассы – село Оттук. Это юго-западный берег Иссык-Куля. Птицы здесь были самые обычные, но моё внимание привлекла своим необычным поведением перелетавшая от тополя к тополи кукушка (*Cuculus canorus*). Подлетая к очередному древесному стволу, она на секунду прижималась к нему брюхом (держа при этом туловище вертикально!) или только лапами (?) и сразу же отлетала на ветку рядом. Похоже было, что при этом она что-то склёвывает. Может быть, это следствие дождя?! По крайней мере, в сильно намокшую высокую траву не сядешь – быстро намокнешь.

На следующий день по пути на Джэтыгуз мы остановились на 2 часа на подъеме на перевал среди бедлендов. Здесь наша вахтовка вытаскивала иномарку, залетевшую на наших глазах с дороги на 15 м влево – очень уж на высокой скорости мчался с горы этот камикадзе! Местность здесь интересная: глинистые сглаженные горки. Склоны местами слабо задернённые, а внизу по сухому галечниковому руслу – кустики дерезы. Среди двух фоновых видов птиц – полевого конька (*Anthus campestris*) и каменки-плясуньи (*Oenanthe isabellina*) – я вдруг встретил пару монгольских вьюрков (*Bucanetes mongolicus*), которых давно уже не видел и здесь тоже не чаял встретить.

За безмянным перевалом высотой 2100 м показалось село Кумбатыр, потом – Торткуль, а после него – крупное село Боконбаев, где мы пополнили на базаре свой провиант и попутно насчитали довольно много кольчатых горлиц (*Streptopelia decaocto*), египетских (*Streptopelia senegalensis*) было второе меньше. Манящая голубизна озера никак не давала нам покоя и вот, наконец, у села Тон мы искупались в Тонском заливе. Дорога здесь идет всего в 50-100 м от берега озера. Здесь хорошие участки песчаных пляжей, а справа – глинистые

обрывы до 10 м высотой, а за ними сухие бедленды с отдельными кустиками. В одном месте вдоль берега – ряд пирамидальных тополей.

Далее без остановки проехали село Тамгу, где расположен тамгинский санаторий, а вскоре за селом Борскаун, благодаря обрыву амортизатора и снятию его для ремонта, мы снова имели возможность искупаться в очередном симпатичном заливчике у небольшого села Актерек. Здесь мне запомнилась озерная чайка (*Larus ridibundus*) в зимнем наряде: белая голова с черным пятнышком за ухом! Рановато для зимнего наряда – июль месяц!

К вечеру, миновав село Джетьюгуз, дорога свернула в ущелье, сначала довольно открытое, шириной метров 200, с мощным облепихово-ивовым тугаем, за которым речки совершенно не видно. А впереди виден еловый пояс и скала «Разбитое сердце». Здесь мы и разбили свой IX-й лагерь на берегу речки у нижней границы ельника (высота 1936 м).

Утром 24 июля автобус с начальством ушел в Каракол оформлять пропуска в погранотряде. Договорились встретиться в 12⁰⁰ в городе Каракол (Пржевальск) у почты. В ожидании, когда же покажется солнце, я с 9 до 11 час провёл небольшую экскурсию по ущелью в сторону курорта. В зарослях у речки везде пели зелёные пеночки (*Phylloscopus trochiloides*) и обыкновенные чечевицы (*Carpodacus erythrinus*), часто слышны были голоса князьков (*Parus cyanus*); стайками попадались красношапочные вьюрки (*Serinus pusillus*) и седоголовые щеглы (*Carduelis caniceps*).

В 13 час выехали из Каракола на Теплоключенку (теперь она называется Аксуу). Через час за селом Ак-Булак трасса свернула в ущелье. Река Тургень-Аксу довольно мощная, долина ее метров 100-150 шириной, поросла кустарником. Постепенно дорога входит в ущелье, пока ещё довольно широкое, оба склона поросли лесом. По вертикали лесной пояс занимает здесь не более 200 м. Преодолев их, мы выбрались на пологий участок долины и стали лагерем на прекрасном субальпийском лугу у речки. Это обширное выравненное место с лугами, на склонах еще есть еловый лес (идет вверх метров на 100). Луга: мятлик, блестящий гречишник, звездчатка, мелколестник (цветут), манжетка, одуванчик (плоды), синие звездочки горечавки, кое-где даже розовато-бежевые цветки тысячелистника. Высота травостоя менее 20, чаще 10-15 см. Абсолютная высота здесь 2750 м.

Рис. 83. На перевале Чон-ашу (3700 м над ур. моря)

На следующий день продолжили путь на перевал. Вскоре пошли кочковатые луга (здесь и так все задерновано, кроме дорожного полотна), речка меандрирует среди лугов, местами роднички с мочажинами – место, хорошее и для бекаса-отшельника. Для серпоклюва места не подходящие – галечники малы по площади

и нет рукавов-островков. Оригинален памятник строителям дороги в виде орла и бульдозера на огромном валуне. С 2900 м начался серпантин. Здесь – последние ёлки, дальше уже пошла стелющаяся арча. Но что интересно – здесь же отдельные кустики обычной таволги зверобоелистной, а по речке местами – *Caragana jubata*. Дорога свернула влево и пошла вдоль правобережного притока Тургень-Аксу. Ручей, вдоль которого идет дорога, тоже весь задернован! Оголены только скалы и небольшие осыпи под ними. На перевале Чон Ашу (рис. 83) мы встретили вахтовку Славика Дуйко из той же фирмы «Эдельвейс». Обещал привезти нам соль, а шоферам водку. На спуске с перевала остановились у реки Оттук для сбора энтомологического материала. Дорога вниз идет по ущелью, склоны которого покрыты сплошным ковром лугов и отдельными скалами без осыпей. Помимо стаяк гималайских выюрков (*Leucosticte nemoricola*) я встретил здесь одного жемчужного (*Leucosticte brandti*), а также лесного конька (*Anthus trivialis*) и каменку-плясунью (*Oenanthe isabellina*).

Спускаясь по правому берегу речки Койлю, мы по небольшому мосту пересекли, не заметив, реку Сарыджаз (она течет в глубоком каньоне) и вышли на большой мост через реку Иньльчек, у которого написано «Сарыджазский ГОК», отчего и приняли эту большую реку за Сарыджаз! За мостом, в конце которого стоит шлагбаум с очень строгой тётей, – заброшенный и разрушенный (недостроенный?) комбинат, а влево – такой же запущенный поселок. Добывали здесь олово. И сейчас ещё высоко в горах видны небольшие посёлки, видимо, шахты. У шлагбаума вывеска: «Водитель, регистрируй транспорт». Это Сарыджазское рудоуправление пытается хоть что-то предпринять против растаскивания бывшего рудника. Жалкое зрелище. От моста пошли против течения реки вверх. Сама река Иньльчек производит сильное впечатление. Около моста – это бурная полноводная река шириной метров 40-50, вода пепельно-черного цвета, как раствор цемента, – мне никогда такой раньше видеть не приходилось. Проезжаем 4-5 этажные недостроенные дома, а впереди в верховьях – остроконечный белый пик, похожий на Хан-Тенгри (не он!). Высота 2500 м. Склоны в районе этих оловянных разработок совершенно голые, каменистые, даже травы мало. В одном месте остановились для сбора материала. Река течет нам навстречу в долине шириной 700-800 м. Правый склон, южной экспозиции совсем без кустарников, склоны щебнисто-каменистые, внизу – с большими обрывами и промоинами; а северный (левого берега) –верху мощные скалы, внизу –окатанная галька и только в средней части по западинам – жиденькие участки елового леса. Внизу по камням – облепиха, какая-то жимолость. Больше всего поражает здесь кустарниковая лапчатка (*Potentilla* sp.), которая только листьями напоминает лапчатку, а белые цветы ее совсем иные, прицветники какие-то, как у шалфея, и высота – до 1.5 м! Место безрадостное.

Впереди, в 3 км, уже видна застава «Мойдодыр» (правильно – «Май адыр»). Колочая проволока. Здесь офицер по имени Сергей быстро, оперативно проверил наши паспорта. Рядом с заставой расположены палатки альплагеря и здесь же стоит вертолёт, который за 20 долларов может доставить желающего к пику Хан Тенгри! Мы решили ехать дальше – сколько сможем. Сергей, в отличие от Сла-

Рис. 84. Иньльчек после прорыва озера Мерцбахера, 25 июля 2000 г.

вика Дуйко, сказал, что проехать там, несмотря на грязь, можно, надо только поработать с полчаса лопатой – подчистить завал под скалой. А ещё надо торопиться, а то «Мерцбахер скоро пойдет». И мы поехали. Со скрипом (и скрежетом зубовым Игоря, уже заранее оплакивающего свой автобус) пересекли лужи и даже завал под скалой преодолели без лопаты. За заставой шли пешком, автобус и вахтовка пробивались налегке. Здесь низина, сыро, между зарослями кустов – обширные лужи. Вся эта низина заросла облепихой и колючей караганой (*Caragana jubata*). Вскоре, проехав по головоломным местам, под обрывами вдоль берега беснующегося Иньльчека, мы стали лагерем XI в русле реки (рис. 84). Чёрные тучи затянули все верховья...

Долина реки Иньльчек в этом месте шириной не менее 500 м, и все это занято водотоком – 3, местами 4 широких рукава, с галечниковыми островками между ними. Острова голые, только на самом крупном (150x400 м) есть узкая полоска кустарника. По размеру камней галечник вполне подходит для серпоклюва, однако его здесь нет и, видимо, быть не может: во-первых, острова заливаются водой ежегодно (Мерцбахер), во-вторых, вода в реке пепельно-серая непрозрачная – как вчера вечером так и сегодня утром. По этой же причине здесь нет и оляпок. Правый склон (южной экспозиции) крутой, морщинистый от вертикальных размывов, покрыт каменной степью с выходами скалок наверху и конгломератовыми обрывами внизу. Склон северной экспозиции, при той же высоте (500-600 м) имеет узкий пояс елового леса (100 м по вертикали); выше его – скалы с пятнышками снега, ниже – степь типчаково-полынная с островками берёзового леса по западинам – вплоть до подошвы склона. Среди этой степи редко разбросаны камни. Ближе к подножью – кое-где чий и карагана. Осыпи под скалами сверху очень маленькие.

Здесь самое время пояснить, что же это за Мерцбахер такой. Вот короткая справка из литературы: «Озеро Мёрцбахера (кирг. Мерцбахер көлү) – горное ледниково-подпрудное озеро в восточной части центрального Тянь-Шаня, между хребтами Тенгри-Таг и Сарыджаз, в слиянии северной и южной ветвей ледника Иньльчек. Оно было открыто экспедицией под руководством немецкого географа Мёрцбахера в 1903 г. Имеет два бассейна, разделённых высотой 400 м. Нижняя, большая часть озера, с юга ограничена ледниковой «плотиной». Дважды в году (летом и зимой) нижняя часть прорывается в долину реки Иньльчек, сбрасывая в неё свои воды в течение 2-7 суток по подлёдному каналу. Скорость сброса может превышать 1000 м³/с». Мы попали на третий день...

Утром 26 июля мы выехали на вахтовке в верховья реки, а бесполезный автобус с лагерным имуществом пошел назад, на заставу. Мощные, широкие

и очень бурные потоки (их основных три) занимают практически всё галечниковое русло реки (см. рис. 84), ширину которого мы коллективно определили не менее 1000 м. Дорога врезана в склон северной экспозиции (левый берег реки)! К 10 час добрались до цели нашей поездки – лагеря Грибковых «Тур Хан Тенгри». Урочище называется «Ат джайлау» Здесь три капитальных дома и несколько юрт около них. Хозяйка Татьяна Ильинишна Стрельцова (бывший майор КГБ, на пенсии уже 10 лет) рассказала нам, что озеро Мерцбахера провало всего три дня назад, а до этого Иньльчек был нормальной речкой среди обширного галечникового русла. Дороги дальше нет – только 4 км до сенокоса. И эту дорогу от заставы пробили они, Грибковы (он – бывший буровик на ГОК), так что дорога **частная**, и нам пришлось заплатить за проезд. В ответ – банька для женщин и угощение после баньки. Семейство оказалось очень гостеприимным.

Пешеходная двухчасовая экскурсия вверх по руслу позволила познакомиться с окрестностями этого уголка долины Иньльчека, куда можно добраться на машине (2750 м). Ивово-карагановые заросли вдоль ручья, текущего из кристальной чистоты родника, достигают высоты 2 м (в том числе и отдельные плети *Caragana jubata*), выше по склону – степная растительность и ещё выше – разреженный ельник. Верховья красивые, но всё это 3 безымянные вершины – 4500, 5300 и 5600 м. А пик Хан-Тенгри можно увидеть только с правого склона Иньльчека – в том месте, где река делает резкий изгиб, выходя с юго-востока и поворачивая почти на запад. Оттуда в хорошую погоду, как объяснил нам альпинист Анатолий Комиссаров, можно увидеть и Пик Победы, до которого 50 км. Интересно, что расстояние до этого урочища Ат-джайлау от нашего лагеря XI около 10 км по спидометру, а от лагеря до заставы «Мойдодыр» – всего 15 км. Мне казалось – больше...

Птицами это место было небогато, хотя зелёные пеночки (*Phylloscopus trochiloides*) распевали везде в кустарнике да постоянно попадались на глаза стайки альпийских галок (*Pyrrhocorax graculus*) и пары клушиц (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*). Непривычно было видеть на такой высоте крякву (*Anas platyrhynchos*) и скалистую овсянку (*Emberiza buchanani*). На обратном пути в ельнике встретили семью пустельг (*Falco tinnunculus*) из 4 птиц, а в небе, кроме вездесущих альпийских галок, – двух кумаёв (*Gyps himalayensis*) и бородача (*Gypaëtus barbatus*). Вот, пожалуй, и вся моя «добыча».

На заставе «Мойдодыр» Игорь варил грибы, но мы не стали задерживаться – поехали дальше вниз. В посёлке ГОК потратили час на поиски места слияния Сарыджаза и Иньльчека. Нашли его в 1 км ниже моста, но заметить очень трудно, поскольку Сарыджаз течет узкой лентой в глубоком каньоне, а место слияния находится в глубокой теснине и подходов, тем более подъездов, к нему нет. На обратном пути разобрались – где Сарыджаз, где Куйлю, а где Отгук. Дорога, по которой мы возвращались, сразу же после пересечения реки Сарыджаз (по небольшому мостику, всего в 1 км от Иньльчека) идёт вдоль правого берега Сарыджаза, затем уходит влево вдоль Койлю, а после её пересечения снова поворачивает к Сарыджазу, но вскоре снова отклоняется влево – на сей раз вдоль

Рис. 85. На могиле Н.М.Пржевальского

Рис. 86. Личное ружьё Н.М.Пржевальского. 2000 г.

реки Оттук, по ее правому берегу. Вот здесь, на правом берегу Оттука, в 5-6 км от его впадения в Сарыджаз, мы и заночевали (нашли место уже в сумерках). Это был наш лагерь XII.

Утром 27 июля мы впервые за эти дни увидели чистую воду в речке! Ещё вчера вечером она была мутно-желтой. После завтрака поднялись на перевал Чон-Ашу, высоту которого в этот раз наш высотомер показал 3833 м (за 2 дня стал выше на 133 м!). Виной всему была, конечно, пасмурная погода (заметно упало атмосферное давление). Спуск с перевала, с остановками для сбора материала, занял чуть больше трёх часов, и в полдень мы достигли окраины города Каракол (Пржевальск). Закупив продукты, поднялись вверх по речке Каракол около 10 км выше города и, с трудом договорившись о тарифе за проезд на территорию Каракольского природного парка, около 18 час стали, наконец, лагерем на правом берегу реки Каракол, на прекрасной полянке, где прожили весь следующий день. Это был заслуженный день отдыха после непрерывной дороги, хотя и в этот день сборы гербария, насекомых и наблюдения за птицами не прекращались. Конечно, здесь для меня ничего нового не было – все эти птицы населяют и еловые леса Заилийского Алатау.

Посетив 29 июля в Караколе могилу и музей Н.М. Пржевальского (рис. 85, 86), где старенькая и очень знающая служительница рассказала нам много нового о предках Пржевальского и происхождении его фамилии и даже дала нам с Мюллером подержать в руках личное ружьё Пржевальского, мы отправились в объезд Иссык-Куля – через Михайловку на Тюп и дальше по северному побережью, через все курортные зоны и посёлки. Дорога идёт вдоль южных предгорий Кунгей Алатау, до них больше 1 км. Проехали крупное село Кутургу – бывшее когда-то стационаром Акмата Кыдыралиева, который он в своих статьях везде называл Кутурга. В селе Ананьево на берегу озера мы имели возможность

более удобно перепаковать свой груз, а в вольере Иссык-Кульского заповедника я увидел уже вполне оперившуюся, с длинными косицами в хвосте саджу (*Syrrhaptes paradoxus*). Её вырастили Сергей и Виктор Михайлович Кулагины из птенца, которого нашли на юго-западном побережье Иссык-Куля в начале апреля этого года.

Предпоследний, XIV лагерь экспедиции разбили мы прямо во дворе биостанции Биолого-Почвенного Института Кыргызской Академии наук. Заехали на территорию, выгрузились и на вахтовке вернулись на трассу – очень уж хотелось нашим гостям отведать шашлыка. Во дворе биостанции – яблони, абрикосы, средневозрастные посадки сосны и пихты. Директор биостанции, Конурбаев Азат Умурзакович, известный гидробиолог, принимал нас очень радушно и рассказал много интересного о биостанции. К вечеру 31 июля стали лагерем XV прямо на месте последней прошлогодней ночевки на правом берегу реки Чу против Быстровки. Так завершилась эта 3-я по счёту экспедиция. В этот раз Иссык-Куль так меня покорило, что месяц спустя я вернулся сюда на недельку...

Иордания: Амман, древняя Петра и Мёртвое море

С 4 по 11 октября в столице Иордании городе Аммане проходил Второй Всемирный конгресс по охране природы (рис. 87), в работе которого я участвовал как руководитель общественной организации «Казахстанско-Среднеазиатское зоологическое общество» (членский билет № 1407). Этот Второй Всемирный конгресс внешне отличался от первого (Монреаль, октябрь 1996) как осенний Монреаль с его клёнами, дождями и небоскрёбами – от солнечного, пустынного и почти лишённого зелени Аммана. Вместо грандиозного и тяжеловесного монреальского Конгресс-Центра – лёгкие матерчатые шатры на территории амманского Спорт-Сити. Церемония открытия конгресса под открытым небом в древнем Римском театре вечером 4 октября и выступление на ней патронессы IUCN королевы Нур (рис. 88, 89) так же незабываемы, как и закрытие, состоявшееся вечером 9 октября на пустынном берегу Мёртвого моря.

В остальном конгресс был очень похож на предыдущий: масса мероприятий, лавина информации, встречи и общение с утра до позднего вечера. Заседания комиссий, предшествовавшие официальному открытию конгресса, были посвящены отчётам о работе, проведенной за истекшее 4-летие. Очень интересны были доклады на комиссии по выживанию видов (SSC) и как итог – подготовленная комиссией книга «2000 IUCN Red List of Threatened Species» с приложенным к ней компакт-диск. Самым значительным событием был, конечно, состоявшийся днем 4 октября Форум Земли, на котором нам посчастливилось увидеть и услышать «живьем» таких корифеев мирового движения охраны природы как Морис Стронг, Клаус Шваб, Максимо Калау; бывшего президента республики Коста Рика доктора Хосе Мария Фигуэрес Олсон и других.

Ежедневно утром более двух тысяч участников конгресса в шатре-офисе ожидала новая информация о проходящих в этот день встречах. Не обходилось и без накладок, когда одинаково интересные события происходили одновре-

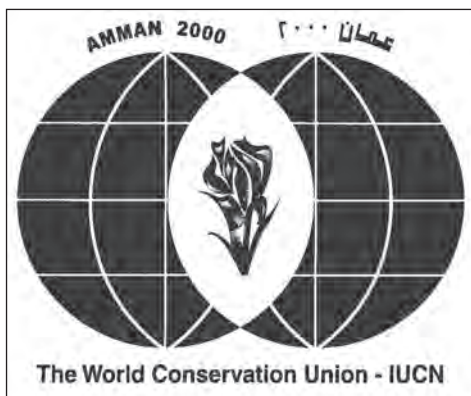

Рис. 87. Эмблема конгресса.

Рис. 88. Королева Иордании Quin Nur

менно в разных местах и приходилось, выбирая одно, отказываться от другого. Большое впечатление оставила выставка литературы – зоологической, ботанической, географической, об охраняемых территориях, причем выставлены были не только красочные буклеты, но и солидные научные монографии. Венцом явилась презентация патронессой IUCN королевой Нур изданной BirdLife International великолепной монографии «Исчезающие птицы мира».

Объединенная делегация Казахстана и республик Средней Азии была представлена восемью участниками (Казахстан – 5, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан – по 1). Основным результатом нашего пребывания на конгрессе можно считать создание Центрально-Азиатского Субрегионального Комитета, положение о котором было выработано среднеазиатскими представителями в дни работы конгресса и одобрено Генеральным директором IUCN баронессой Маритой Биберштейн Кох-Везер, которая дважды выбрала время для встречи с нами. Не менее важными были встречи и беседы с представителями офиса IUCN для стран СНГ, жаль только, что на конгрессе помимо российских делегатов от стран СНГ было только по одному представителю от Украины и Молдовы. Тем не менее, встречи показали единство наших взглядов, что вселяло надежду на дальнейшее укрепление сотрудничества под эгидой московского офиса IUCN. Осталось только начать конкретные совместные действия хотя бы по одному из проектов. Во всяком случае, прогресс по сравнению с Монреалем был налицо.

На конгрессе состоялись перевыборы региональных советников IUCN. По региону стран СНГ вместо отработавшего два срока А.М. Амирханова на этот пост был избран член-корр. РАН профессор А.В. Яблоков. Мне лично такая замена не нравилась, потому что общение с обоими в течение конгресса только подтвердило моё прежнее впечатление, что Амирхан Магомедович как более активный человек, притом работник учреждения по охране природы, был на этом посту более к месту, чем академический теоретик, пусть и с высокими научными регалиями, Алексей Владимирович Яблоков.

Впечатления о стране остались очень яркие. Пустынные ландшафты Иордании по своему привлекательны, хотя и суровы, а местами очень уж однообразны. Однако наличие таких «чудес» как Мёртвое море, Красное море, урочище Вади Рум заметно скрашивает это однообразие. И уж совсем завораживают древние города Джараш и Петра – свидетельства древнегреческой, римской и византийской эпох. В этих

Рис. 89. Открытие конгресса в древнем амфитреатре

местах такое паломничество туристов, что мне стало понятно, почему основным источником этой пустынной и отнюдь не богатой природными ресурсами страны является туризм. Кстати, инфраструктура туризма здесь развита очень хорошо, и нам было чему поучиться у иорданцев. Однако попробую изложить всё в том порядке, как оно происходило.

Перечислю своих среднеазиатских спутников (рис. 90), с которыми мы держались вместе, кучкой: Роман Ященко представлял общество «Тетис» (Казахстан); Сергей Куратов – общество «Зелёное спасение», которое фактически заменило почившее в бозе Казахское общество охраны природы; Игорь Глуховцев и Лейла Ермекбаева – Министерство экологии РК; Эмиль Шукуров – экологическое движение Кыргызстана «Алейне»; Елена Мухина – общественные организации Узбекистана; Музафар (фамилию забыл!) – Памирский национальный парк (Таджикистан), который именно на этом конгрессе должны были принимать в члены МСОП. Кроме последнего я раньше знал всех, но Сергея Куратова – практически заочно: близких контактов в Алма-Ате у нас не возникло, хотя встречались на каких-то «зелёных» собраниях. Здесь мы познакомились поближе, и мне понравились его немногословие и какая-то мудрая рассудительность. Самыми активными членами нашего коллектива были Роман, Игорь и Эмиль. Они быстро распланировали, что мы должны успеть сделать за эту неделю, в том числе и по части экскурсий за пределы города. Роман даже предложил съездить в соседнюю Сирию – в тот самый «далёкий заколдованный Дамаск», который так воспел когда-то Александр Вергинский. Выяснение, как скоро можно получить визу в Сирию, совпало с внезапным обострением израильско-арабских отношений и вызванным этим ужесточением пограничных режимов. И такой близкий географически Дамаск так и остался для нас далёким и заколдованным...

Остались 4 места: Мёртвое и Красное моря, развалины древнего города Джараш и знаменитый исторический комплекс «Петра» (о котором я до этого даже не слышал!). Вот в эти места и направили мы свои стопы. Пользуясь относительной дешевизной местных междугородних такси (за 50 долларов можно

Рис. 90. Часть нашей делегации: С.В.Куратов, Р.В.Ященко, А.Ф.Ковшарь, Е.А.Мухина и Музафар (Таджикистан)

годы там обнаружены какие-то низшие формы жизни – бактерии и грибы. Это бессточное солёное озеро находится между Иорданией, Израилем и Палестиной. Уровень воды на 425 м ниже мирового океана, а побережье является самым низким участком суши на Земле. Длина моря 67 км, ширина в самом широком месте 18 км, максимальная глубина 378 м. Уникален минеральный состав воды: в ней преобладают не сульфаты (как обычно в морской воде), а бромиды. Поэтому она используется в лечебной парфюмерии, а на берегах моря масса курортов и пансионатов. И в бинокль кое-что можно было рассмотреть – там, на израильском берегу.

Первое, что делает турист, попав на Мёртвое море, – проверяет: правда ли, что в нём невозможно утонуть. Не избежали этого соблазна и мы. При этом убедились, что вода и в самом деле выталкивает тело человека, и на ней можно просто лежать (см. рис. 91). Женщины нашей делегации тут же бросились использовать знаменитые целебные грязи, намазавшись ими с головы до ног. Словом, пару часов мы «гуляли» на славу. Мне понравилось, что места для купания хорошо оборудованы, и не только душевыми кабинками, без которых

Рис. 91. В Мёртвом море не утонуть

было нанять машину на четверых сроком на пол-дня), мы для начала поехали на Мёртвое море.

Это море, которое зовут ещё Асфальтовым или Содомским, получило своё название из-за высокой солёности воды (33.7‰) – почти как в оз. Баскунчак в Астраханской области (37‰) или в оз. Эльтон в Волгоградской области (20-50‰). Считалось, что в такой «рапе» никакая жизнь невозможна, и лишь в последние

годы там обнаружены какие-то низшие формы жизни – бактерии и грибы. Это бессточное солёное озеро находится между Иорданией, Израилем и Палестиной. Уровень воды на 425 м ниже мирового океана, а побережье является самым низким участком суши на Земле. Длина моря 67 км, ширина в самом широком месте 18 км, максимальная глубина 378 м. Уникален минеральный состав воды: в ней преобладают не сульфаты (как обычно в морской воде), а бромиды. Поэтому она используется в лечебной парфюмерии, а на берегах моря масса курортов и пансионатов. И в бинокль кое-что можно было рассмотреть – там, на израильском берегу.

немыслимо купание в такой солёной воде. Само место пляжа, находящегося среди голой знойной пустыни (даже в октябре здесь было жарко!), очень хорошо озеленено, проложены дорожки со ступеньками до самой воды...

Руины древнего города Джараш (Герас), построенного греками в I-II веках, а позже захваченного римлянами, находятся на севере Иордании.

Когда-то этот древний город входил в декаполис – группу из десяти городов, в которой каждый город обладал автономией и имел свое самоуправление. При въезде в Джараш сохранилась триумфальная арка, построенная в честь императора Андриана. Дальше на искусственной террасе – остатки храма Зевса, а рядом – амфитеатр. Величественная колоннада форума ведёт к главной улице, а далее – нимфей, остатки храма богини Артемиды, который так и не был достроен (рис. 92)...

Рис. 92. Среди развалин древнего города Джараш

... Казалось бы площадь 95 гектаров не так уж велика, но за два-три часа ходьбы по склонам с уникальными развалинами, да ещё под жарким солнцем, чувствуешь что-то вроде опустошённости – возможно и от избытка впечатлений. Во всяком случае, в древнем амфитеатре мы уже с удовольствием отдыхали на каменных сидениях, созерцая расстелившиеся внизу колоннады, арки, и представляя, как здесь когда-то била ключом жизнь – передвигались колесницы, ходили воины в латах и торговцы с товаром. Кстати, последние не дремали и сейчас – на каждом шагу предлагали самые различные сувениры. И мы купили себе каждый по комплекту арабских одеяний, часть из которых тут же стали использовать – особенно головные уборы, прекрасно защищающие от палящего солнца. В этот день, вернувшись в Амман (таксисты добросовестно ожидали нас три часа и даже успели за это время подкрепиться), мы уже не в состоянии были чем-либо заниматься...

Но совершенно ни с чем не сравнимое впечатление осталось у меня от посещения древней Петры. Чтобы увидеть её, нам понадобилось целых два дня. В первый день мы не смогли попасть в неё, так как посещение было закрыто. И нам пришлось проследовать дальше – на Красное море. Это одно из самых теплых морей, расположенное между Африкой и Аравией, омывает берега многих стран – от Египта и Эфиопии до Израиля и Иордании. Суэцкий канал соединяет его со Средиземным морем, а Баб-эль-Мандебский пролив на юге – с Аравийским морем. В Красное море не впадает ни одна река, поэтому вода в нём кристально чистая. В этом мы убедились, приехав в курорт Акаба – одно из самых популярных мест для дайвинга. Здесь, у берегов Акабы обитает около 140 эндемичных видов кораллов и 40 видов морских рыб, а видимость при погружении – более 30 м. Мы дайвингом не занимались, но пару часов с большим удовольствием поплавали в море – больше времени у нас просто не было, поскольку обратный путь занимал несколько часов. Самым большим впечатлением на этом пути была пустыня Вади Рум (Вади-Рам), которую мы только краешком пересекли дважды за этот день – при разном освещении. Последнее очень

существенно, поскольку здесь сочетание красных скал и песчаных массивов. Её называют ещё «марсианской пустыней». От Аммана до неё 3-4 часа езды, а от Акабы – не больше часа в северном направлении.

В Петру мы всё-таки попали в другой день, когда доступ в неё был открыт. Приехав в город Вади-Муса (Долина Моисея) к 10 часам утра, мы почти успели к открытию посещения. Но у кассы нас ожидало другое открытие: цены на билеты были дороже, чем дорога сюда на такси! Мы не могли позволить себе такого расточительства, но и уезжать обратно не входило в наши планы – очень уж хотелось посмотреть это чудо. И тут у кого-то из молодёжи возникла мысль: а нельзя ли обойти этот официальный вход в каньон Сик как-нибудь по горам? Стыдно в этом признаться, но так мы и сделали. Поднявшись в горы над городом, мы попетляли в нужном направлении и нашли место, где скалки были не очень высокие, и по ним можно было, помогая друг другу, спуститься в каньон. Когда мы по узкой боковой щели вышли в каньончик, по которому проезжали лёгенькие двуколочки с богатыми седоками, я ещё долгое время чувствовал себя очень неуютно, ожидая, что вот-вот нас «повяжут». К счастью, всё обошлось, но ощущение стыда осталось надолго.

Древний город Петра (от слов «камень», «скала»), расположенный на высоте 900 м над уровнем моря и 600 м над долиной Аравы, в узком каньоне Сик (шириной всего 10-20 м, а глубиной 70-120 м), был когда-то столицей Идумеи (Едома), а потом – Набатейского царства. Считается, что около двух тысяч лет до нашей эры в эти земли пришли набатейцы, а позже их завоевал X-й римский легион. Находясь на перекрёстке двух важнейших торговых путей, соединяющих Красное море с Дамаском и Персидский залив с побережьем Средиземного моря, Петра процветала сотни лет, и только когда римляне открыли морские пути на Восток, сухопутная торговля пряностями зачахла, и Петра постепенно опустела, затерявшись в песках. В разные эпохи этим городом владели идумеи, набатеи, римляне, византийцы и арабы. Уже к первому веку нашей эры в сердце пустыни вырос каменный город, подобного которому в Римской империи не было. С помощью терракотовых труб была создана сложная система водоснабжения и, несмотря на засушливый климат, жители города никогда не нуждались в воде. Для возведения в скале знаменитого храма-мавзолея Эль-Хазне, который арабы называли «Сокровищница фараона», было изменено русло реки; для отведения потока воды прорублен туннель в скале; построена серия плотин. Полагают, что первоначально это был храм богини Исиды.

Легенда гласит, что именно в этих краях Моисей, ведя израильский народ в землю обетованную, стукнул посохом по скале, и образовался источник. А на вершине самой высокой горы похоронен брат Моисея Аарон – первый библейский священник. Вот в какое легендарное место попали мы, спустившись нелегально в узкий и глубокий каньон Сика, по которому предстояло пройти более километра, прежде чем в небольшой раширении перед нами открылся великолепный фасад Эль-Хазне, в котором помимо изумительных колонн можно увидеть египетского бога-орла Гора, греческую богиню Нику, прекрасных амазонок и кентавров. Глядя на эту красоту, не хочется верить,

что это создавалось как хранилище денег (казна). Скорее это была гробница одного из правителей набатейцев. Этому назначению больше отвечала величественность самого творения.

Из каньона мы вышли в расширяющуюся долину, ограниченную с боков скалами со следами деятельности рук человеческих в виде разного рода гротов и пещер. Самый впечатляющий – вырубленный в скале монастырь Эд-Дейр шириной около 50 м и высотой более 45 м. Под ним обнаружена усыпальница одного из набатейских царей.

До самого вечера бродили мы по этой долине, по «главной улице» поднялись опять на горы, откуда открывался большой обзор на причудливые очертания скал и склонов. Меня не покидало ощущение, что побывал совсем в другом мире. Не случайно в XX в. Петра стала самой популярной достопримечательностью Иордании, а в начале XXI признана ЮНЕСКО сокровищницей мирового культурного наследия...

Закончился конгресс грандиозным банкетом на песчаном пляже Мёртвого моря, где были накрыты сотни маленьких столиков, а с наступлением полной темноты все дорожки между ними были освещены оригинальными факелами, поставленными ровными цепочками прямо на песке. Особенно фантастическое зрелище представляло это издалека.

На обратном пути наша делегация провела сутки в Стамбуле, где мне всё уже казалось таким знакомым. Но даже в центре, куда я приходил каждое посещение города, чтобы полюбоваться на Голубую мечеть и Айя Софию, как оказалось, есть удивительная достопримечательность, о существовании которой я раньше не знал. Речь идёт о Цистерне Базилика (по турецки – Yerebatan Sarnıcı, что означает «ушедший под землю дворец»). Она расположена на площади Султанахмет, между Святой Софией и улицей Диваниолу и является самым крупным подземным резервуаром воды в Стамбуле. Построенная ещё по приказу императора Юстиниана I для хранения питьевой воды на случай засухи или осады Стамбула, она вмещала в себя сто тысяч тонн питьевой воды, которая поставлялась сюда по самому большому акведуку Валента.

Спустившись вниз по 52 ступеням, мы попали в прямоугольное водное хранилище с 336 колоннами (вот откуда название «дворец»!). Замечательная лёгкая подсветка колонн в сопровождении приятной музыки (при нас исполнялись произведения Вивальди) создаёт соответствующее приподнятое настроение, и даже плавающие в воде огромные карпы кажутся какими-то сказочными существами. А вот и настоящая сказка – пе-

Рис. 93. Дети разных народов. Амман, октябрь 2000 г.

ревёрнутая голова Медузы Горгоны около одной из колонн, прямо над водой. А у второй колонны – такая же голова, лежащая на боку! По греческой мифологии эта королева имела красивое тело с волосами из ядовитых змей, а отрубивший ей голову Персей отдал её Афине. Как рассказывают туристам гиды, эти две головы были поставлены здесь, чтобы защитить сам водоём, ибо всякий, кто посмотрит на голову Медузы, превратится в камень... Современные туристы, не считаясь с древней легендой, во-всю фотографируются рядом с головой Медузы Горгоны, но местные жители считают это плохим признаком. Около двух часов бродили мы по этим подземным залам – смотрели, слушали, фотографировали...

Китай: город Наньчан и озеро Поянг (декабрь 2000)

Всего через две недели, с 25 по 29 сентября, в Москве проходила Международная конференция по сохранению редких видов. На ней я встретился со многими орнитологами, которых давно не видел – например, с Димой Нанкиновым из Болгарии, который когда-то был аспирантом у Г.А. Новикова в Ленинграде, а теперь уже много лет руководил подразделением Болгарской академии наук «Българската орнитологическа централа», был автором многих работ, в том числе объёмистого машинописного труда «Птиците на град София» (Птицы Софии, 1982), который он прислал мне в 1986 г., и назывался теперь Димитър Николов Нанкинов. За 20 лет, что мы не виделись, он из очень красивого чернявого юноши превратился в солидного мужчину с залысынами, который напоминал мне популярного киноартиста Валентина Гафта. В остальном остался таким же общительным и не потерявшим интереса к нашей орнитологической фауне. Вторым таким давним знакомым был Володя Азаров, который в середине 60-х гг. вместе с Эрнармом Ауэзовым проходил парктику в Наурзумской заповеднике, а потом какое-то время в нём работал, после чего исчез с казахстанского горизонта. Теперь он уже много лет руководил государственной охотничьей инспекцией Тюменской области и принимал самое активное участие в работах по сохранению и восстановлению западной популяции стерха!

На этой конференции состоялось возрождение нашей РГЖ, теперь уже в статусе «Рабочей группы по журавлям Евразии» (РГЖЕ). Президентом её единогласно был избран Владимир Евгеньевич Флинт, а тремя его заместителями – Александр Сорокин, Ольга Гринченко (Москва) и Анатолий Ковшарь (Казахстан). Исполнительным директором РГЖЕ стала Елена Ивановна Ильяшенко, которая развернула активную деятельность.

Завершился для меня год участием во Втором заседании Наблюдательного Совета по проекту «Стерх», которое состоялось в городе Наньчан (Китай) с 10 по 15 декабря 2000 г. (рис. 94). От Казахстана в нём участвовали Сергей Ерохов, Талгат Кертешев и я. Россию, вместе с Н.И.Гермогеновым из Якутска, представляла московская могучая тройца – Сорокин, Маркин и Шилина; а Международный журавлиный фонд (ICF) – George Archibald, Claire Mirande и его президент Jim Harris. Почти двухмиллионный и очень древний (основан в 201 г.

Рис. 94. Президиум заседания Наблюдательного совета по стерху. Слева направо: фасилитатор-англичанин, С.Н.Ерохов, Талгат Кертешев, А.Ф.Ковшарь. Китай, город Наньчан, декабрь 2000 г.

до н.э.) город Наньчан, административный центр провинции Цзянси, находится в 60 км от реки Янцзы на реке Гань в окрестности озера Поянху. Именно это озеро (Поянг) привлекало нас как место массовой зимовки восточной, якутской популяции стерха (*Grus leucogeranus*). Поэтому гвоздём программы было посещение этого озера после окончания официальной части нашего мероприятия. Часть пути мы проделали на катере по реке Гань, где удалось увидеть китайских озёрных дельфинов (*Lipotes vexillifer*). Сама долина озера – обширная территория с отдельными плёсами, между которыми большие пространства заняты лугами или лугово-степями, в это время – с пожухлым травостоем. На воде было множество различных уток и гусей. Несколько раз мы видели группы даурских журавлей (*Grus vipio*), а также небольшие группы стерхов (*Grus leucogeranus*), но массового скопления их, как мы того ожидали, так и не нашли – видимо, ещё не подошла основная масса птиц. И всё же экскурсия дала общее представление о местах зимовок этого исчезающего вида птиц. Во время экскурсии я ближе познакомился с президентом ICF Джимом Харрисом, с которым встретился впервые. Он был женат на китаянке и сразу после совещания и экскурсии уехал к своим китайским родственникам.

Начало третьего тысячелетия – 2001 год...

Как ни странно, начало нового тысячелетия никто практически не заметил и особо не праздновал – весь азарт ушёл на встречу 2000 года. Поэтому тысячелетие началось довольно буднично. На фронте науки в Казахстане по-прежнему кривая, хоть и полого, но неуклонно шла вниз. Реорганизации не прекращались, но к ним уже как-то не то чтобы привыкли, а приспособились, как к неизбежному злу. Поскольку новому Министерству образования и науки (МОН РК) все бывшие академические институты (а это сотни высококвалифицированных

научных кадров со своими школами и традициями) были как-то ни к чему, то главной заботой было – куда их девать? С чьей-то лёгкой руки сотворили новые кустовые объединения – «Центры», которые рьяно взялись за руководство наукой, для начала превратив научно исследовательские институты в ПХВ – учреждения на праве хозяйственного ведения (надо же такое изобрести!), в целях и задачах которых научные исследования даже не упоминались. А чтобы они особо не сопротивлялись, все их вдруг превратили в ДГП – дочерние государственные предприятия тех самых новоиспеченных «Центров». Странно и неприлично было слышать, как выступающий на общем собрании солидного научного института, существующего уже несколько десятилетий, руководитель Центра, созданного только вчера, обращался к собравшимся со словами: «Вы же наши доченьки...».

Наш институт в числе прочих биологических попал в ведение Центра биологических исследований (ЦБИ), во главе которого стал никому доселе не известный новоиспеченный доктор от микробиологии – даже фамилию его называть не хочется. Пошли всяческие проверки, собрания и т.п., на которых этот новый «вождь» биологической науки выступал как пламенный трибун с призывными речами общего характера, которые сводились к тому, что надо искать проекты, зарабатывать деньги (сам ЦБИ кормился из нашего бюджета!), омолаживать кадры и тематику, обратив взоры на новые перспективные направления научных исследований и отрешившись от старых. Как в той революционной песне: «Отречёмся от старого мира, отряхнём его прах с наших ног». Институты лихорадило, реорганизации не прекращались, и молодёжь стала уходить из науки. Достаточно сказать, что наш институт за 10 лет «похудел» в 5 раз – с 374 до 70 человек...

Оренбург – Казань

(конференция «Птицы Северной Евразии», январь 2001)

Важнейшим орнитологическим событием этого года стало проведение в Казани очередной (фактически – Всесоюзной) конференции – через 10 лет после предыдущей в Витебске! Но поскольку давно уже не было Советского Союза, организаторам пришлось для обозначения региона изобретать длинное и хитрое название: «Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии». Международный научный форум под таким сложным названием явился продолжением почти полувековой традиции проведения Всесоюзных орнитологических конференций. Как сказано в коротком, но эмоциональном предисловии к тезисам конференции: «Время не останавливается, жизнь идёт вперед, многое меняется, но это не повод для отказа от традиций. Именно традиции составляют стержень истории, а в истории мы черпаем уверенность в будущем».

Для участия в этой конференции (для меня она была 10-я по счёту Всесоюзная!) мне пришлось проделать сложный авто-железнодорожный маршрут: Алма-Ата (автобус) – Бишкек – Самара (27/28.01) – Казань (29.01-2.02) – Сама-

ра – Оренбург (2-6.02) – Бишкек. Основная причина была в том, что ехать приходилось за свой счёт и выбирать надо было самый дешёвый вариант – железная дорога и минимум пересадок. Такой поезд шёл как раз из Бишкека до Самары. А на обратном пути мне очень хотелось заехать к другу Жене Понировскому, который не так давно перебрался из родного Ашхабада в Оренбург (прошёл по конкурсу на должность профессора в Ветеринарную академию) и в каждом письме звал к себе в гости. Упустить такую возможность было бы непростительно.

Не буду описывать зимнюю дорогу до Самары в холодном купе бишкекского поезда, а вот Самара поразила меня своим гололёдом – улицы представляли собой сплошной каток! Именно поэтому всю ночь мы с В.И. Тороповой просидели в здании вокзала. И только погрузившись в оренбургский поезд, в котором встретились с ехавшими на конференцию А.В. Давыгорой со товарищи, я испытал облегчение от того, что было кому помочь с грузом (мне пришлось взять несколько тяжёлых коробок с литературой – в частности, с только что вышедшим библиографическим указателем «Птицы Казахстана и сопредельных территорий»).

Как справедливо было сказано в обращении оргкомитета к участникам конференции, распад вслед за страной также орнитологического сообщества отразился и на тематике, и на уровне научной работы, в результате чего «многие орнитологи по чисто финансовым причинам подпали под диктат зарубежных грантов и стали по сути дела исполнителями чужих заказов... Стало очевидным, что необходимо восстановление орнитологического сообщества стран бывшего СССР». Именно так – как возрождение традиции и восстановление орнитологического сообщества – приняли эту конференцию большинство из более чем 300 её участников. Эта идея и призывы к объединению не раз звучали с трибуны конференции в дни пленарных и секционных заседаний, что определило какую-то праздничную атмосферу самой конференции, несмотря на стужу и снег.

Пленарные заседания проходили в конференц-зале Академии наук Республики Татарстан, секционные – в Казанском государственном университете и педагогическом университете. Открытие конференции состоялось 29 января вступительным словом президента Академии наук Татарстана академика М.Х. Хасанова и министра охраны окружающей среды и природных ресурсов Татарстана А.И. Щеповских. На первом пленарном заседании были заслушаны три доклада: «Орнитология на рубеже веков» (В.Е. Флинт, Е.Н. Курочкин), «История изучения и перспективы развития орнитологии в Татарстане и сопредельных территориях» (В.И. Гаранин, И.И. Рахимов), «Орнитология в Средней Азии и Казахстане на рубеже третьего тысячелетия» (А.Ф. Ковшарь).

Проведение конференции зимой – далеко не лучший вариант, что помнилось ещё по московской конференции 1974 года. А январь 2001 г. в Казани был очень морозным и многоснежным. Поэтому попавшие в разные гостиницы участники имели ограниченные возможности для общения – в основном только на заседаниях и в перерывах. Добираться до центра от нашей гостиницы было совсем не просто, так что Казани мы толком не видели, за исключением места проведения конференции и Казанского Кремля.

Рис. 95. С George Archibald и В.Е.Флинтом.
Москва, 2001 г.

Десятилетие, прошедшее со времени проведения витебской конференции, особенно наглядно ощущалось по возрастному составу участников. Резкое преобладание молодежи отмечали в своих выступлениях многие докладчики. При виде такого обилия молодых незнакомых лиц я впервые почувствовал себя если не стариком, то представителем старшего поколения, не успев толком «обжиться» в среднем слое. При

общем многолюдье обращала на себя внимание слабая представленность регионов, вызванная, прежде всего, экономическими причинами. Так, совсем не было орнитологов из Дальнего Востока и Якутии, плохо представлены страны Балтии (только Я.А. Вискне и Е.Э. Шергалин), Кавказа (А.В. Абуладзе), Средней Азии (Е.Н. Лановенко, Е.А. Мухина, В.И. Торопова, С.Э. Фундукчиев). Казахстан был представлен всего тремя орнитологами (А.Ф. Ковшарь, А.П. Гисцов, В.В. Хроков). И всё равно была радость встречи со старыми знакомыми, из которых не всех можно было узнать. Так, я с трудом признал в солидном белобородом господине с золотыми зубами Валентина Рахилина, хотя со времени конференции в Горно-Алтайске прошло всего 7 лет с небольшим. Словом, коллегам было о чём поговорить.

С учётом высоких темпов смены поколений очень своевременной была инициатива переиздания справочника орнитологов, с которой выступил Союз Охраны Птиц России, распространив для этой цели «Анкету орнитолога». Еще одну анкету распространила Ольга Дмитриевна Вепринцева в связи с подготовкой издания «Птицы Северной Евразии: определитель по голосам». Вообще в дни работы конференции было представлено много новой орнитологической литературы, которую можно было не только посмотреть, но и приобрести. Мы представили все выпуски журнала «Selevinia», книги Э.И. Гаврилова «Фауна и распространение птиц Казахстана» и «Справочник по птицам Республики Казахстан»; Ф.Ф. Карпова «Справочник охотника», «Птицы Казахстана и сопредельных территорий. Библиографический указатель (1850-2000)» (А.Ф. Ковшарь, В.А. Ковшарь).

Для дальнейшего продолжения традиции орнитологических конференций был создан «Орнитологический комитет Северной Евразии» в составе 17 человек: Абуладзе А.В. (Грузия), Ардамацкая Т.Б. (Украина), Вискне Я.А. (Латвия), Галушин В.М. (Россия), Доржиев Ц.З. (Россия), Ковшарь А.Ф. (Казахстан), Корзюков А.И. (Украина), Курочкин Е.Н. (Россия), Крейцберг-Мухина Е.А. (Узбекистан), Нанкинов Д.Н. (Болгария), Носков Г.А. (Россия), Никифоров М.Е. (Беларусь), Рахимов И.И. (Россия), Рябицев В.К. (Россия), Торопова В.И. (Кыргызстан), Черничко И.И. (Украина), Флинт В.Е. (Россия).

В дни работы конференции, 1 февраля 2001 г., состоялся также внеочередной съезд Мензбировского орнитологического общества, на котором было принято решение возобновить работу общества, фактически прекратившего свою деятельность с начала 90-х гг., и обновить его руководящие органы. По итогам тайного голосования большинством голосов президентом общества избран Е.Н. Курочкин, вице-президентами – П.С. Томкович и Е.А. Коблик. Прямо с заседания съезда, после короткого выступления, я уехал на вокзал к поезду «Казань – Оренбург», хотя конференция продолжалась ещё два дня.

Оренбург встретил нас такими морозами, что невольно вспомнились стихи Николая Алексеевича Некрасова о Тарасе Шевченко, отбывавшем здесь свою ссылку. Хорошо ещё, что я был одет достаточно тепло – в китайскую пуховку, служившую мне уже не один год. А вот Жене Понировскому, исполнявшему роль гида, не позавидуешь: кожаная курточка, фуражечка и лёгкие туфли! Поэтому все наши экскурсии по городу были от магазина к магазину, в которых мы отогревались, чтобы двинуться дальше. Представляю, как должен был ненавидеть здешнюю зиму ашхабадец Понировский, привыкший к бесснежной зиме.

Несколько дней в занесенном снегом и скованном морозом Оренбурге не прошли без дела, они были заполнены разными встречами и новыми знакомствами, чему активно способствовали мои гиды – А.В. Давыгора и Е.Н. Понировский. В Аграрном университете мне пришлось прочитать лекцию для студентов Понировского. В Оренбургском педагогическом университете (ОГПУ) Анатолий Васильевич Давыгора познакомил меня с орнитологами кафедры зоологии (Э.В. Гавлюк, С.В. Корнев, Л.С. Коршиков), а также с заведующей кафедрой профессором Валентиной Николаевной Руди, териологом по роду своих занятий. В Институте степи Уральского филиала Сибирского Отделения РАН тот же Давыгора устроил мне встречу с директором института А.А. Чибилевым и его сотрудниками С.В. Левыкиным, Г.В. Генераловой, а также со старым знакомым, бывшим казахстанцем Петром Васильевичем Дебело, перебравшимся сюда из Уральска. Первая ознакомительная встреча (с рассказами о работах института, демонстрацией публикаций и даже небольшого видеофильма о природе Оренбургской области) закончилась приглашением на заседание Оренбургского филиала Географического общества, которое было посвящено 200-летию Г.С. Карелина. Состоялось заседание через день. На нём я имел удовольствие с некоторой долей зависти убедиться в большой активности оренбургских географов и зоологов.

Комплексная зоологическая экспедиция в Аксу-Джабаглы (июнь 2001)

Всё время по возвращению из Оренбурга ушло у меня на работу над очередным, первым годовым выпуском журнала «Selevinia-2000», который увидел свет 18 апреля. Прошедший в Алма-Ате 23-24 февраля очередной семинар по Западно-Тянь-Шаньскому проекту ГЭФ не оставил каких-либо воспоминаний, как и последовавшая после него поездка 21-23 марта в Бишкек с международным консультантом Роном. Ясно было, что работы по проекту вступают в ка-

кую-то новую стадию, где мы, консультанты от науки, постепенно становимся не нужны – всё переходит в руки управленцев, чиновников. Мавр сделал своё дело и теперь может спокойно удалиться...

Но до этого предстояла ещё комплексная экспедиция в заповедник Аксу-Джабаглы, в которой главная роль отводилась всё-же учёным – ботаникам, географам, зоологам – без которых ни о каком налаживании мониторинга не могло быть и речи. Научным руководителем экспедиции был назначен я, а общий состав её участников был очень представительным: ботаники (Е.И. Рачковская, А.А. Иващенко, Л.К. Белоусова), почвоведы, географы (К.М. Пачикин, Р.Е. Садвокасов, С.С. Темирбеков), орнитологи (А.Ф. Ковшарь, Е.С. Чаликова), герпетологи (В.Г. Колбинцев), териологи (Р.Ж. Байдавлетов, Ю.А. Грачёв, К.Н. Плахов), энтомологи (А.Б. Жданко, Е.В. Ишков, В.Л. Казенас, В.А. Кашеев, Р.В. Яценко) – всего 17 человек. Предстояло несколько выездов в течение лета этого года. Поэтому после «отработки» двух поездок с группами Birdwatcher's английской фирмы «Naturetrek» (12-25 мая) по установившимся постоянным маршрутам я стал готовиться к полевому выезду орнитолого-энтомологической группы в Аксу-Джабаглы.

Выехали мы в начале июня на УАЗ'ике одного из участников экспедиции, но уже перед подъёмом на Курдайский перевал он сломался. Попытки починить машину на месте не дали результата, а возвращаться назад – плохая примета. Поэтому мы здесь же на трассе договорились с попутной машиной взять нас на буксир до первой же авторемонтной мастерской, которая находилась сразу же за казахско-киргизской границей, на левом берегу реки Чу. Сейчас бы это не прошло, а тогда границы между нашими недавно появившимися государствами были ещё достаточно условны, и мы гордо преодолели их на буксире – даже досматривать нашу машину никто не стал. Сразу же за мостом через речку Чу, служившим той самой границей, была автомастерская, хозяева которой любезно разрешили нам разбить лагерь прямо в балочке у дороги, чтобы дожидаться мастера, который будет или завтра, или послезавтра... Здесь наши умельцы стали сами ковыряться в моторе, надеясь, что удастся что-то сделать самим, а я на попутной машине уехал в Бишкек, чтобы изве-

Рис. 96. Подъём на перевал Кши-Каинды (3100 м над ур.м.). Аксу-Джабаглы, июнь 2001 г.

стить о случившемся Алма-Ату и предупредить Аксу-Джабаглы, что мы уже в пути, но задержались с ремонтом. Когда я на следующее утро вернулся, то мастера ещё не было. Стало ясно, что здесь придётся жить не один день. Решили оставить с машиной двух умельцев (ими оказались хозяин машины В.А. Кашеев и Е.В. Ишков), а остальным налегке ехать автобусом дальше в заповедник.

Время показало, что решение это было единственно правильным, потому что наша машина появилась почти через неделю. За это время мы уже успели поработать в ущелье Кши-Каинды, где устроились в домике Тризны. Двойственное было у меня ощущение: будто я попал к себе домой и в то же время каждая перемена здесь давала о себе знать. Так, в доме переделали печь, сделали выше дверь (уже не приходилось каждый раз ударяться лбом о притолоку). Зато окружающие арчевники оставались всё такими же, только ещё более пышными, разросшимися. А снега на остроконечных вершинах были такие же, как и 40 лет назад. Только теперь я понял, как же я скучал по этим местам, сам того не ведая. Даже на перевал поднялся верхом (рис. 96) – до самого котлованчика, в котором в 1961 и 1962 гг. стояла наша палатка и метеобудка. А когда пешком по камням преодолел последние 100 м до самого перевала, то услышал со стороны восхищённый возглас: «Какая же всё-таки красота!». Это взобравшийся на гребень хребта на минуту раньше меня Виталий Кашеев не смог скрыть своего восторга перед открывшейся на юге панорамой снежных гор... А я был просто счастлив, что «вновь я посетил», и лишь где-то кольнуло: не в последний ли раз?.

Две недели в заповеднике промелькнули, как один день, и я с большой неохотой вернулся в Алма-Ату, где меня ожидали всякие рутинные городские дела. Вторично эти две недели я пережил, когда работал над обработкой, результатов этой поездки, которые впоследствии удалось опубликовать отдельной книгой под названием «Мониторинг биологического разнообразия заповедника Аксу-Джабаглы» (2002), посвятив её 75-летию заповедника. В ней сведены воедино полные данные о животных и растениях заповедника и даны наши рекомендации, как проводить биологический и ландшафтный мониторинг. Один только штрих к последнему: мы установили несколько наиболее важных точек, с которых ежегодно рекомендовали делать фотоснимки определённых участков ландшафта – с точным указанием желательных границ фотокадра и фокусного расстояния объектива. По таким снимкам, выбранным раз в 5 лет, можно проследить, например, восстановление арчевников или других кустарниковых зарослей, зарастание травой оползней и т.д.

Тарбагатай и Зайсанская котловина:

(4-я немецко-киргизская экспедиция, 2001)

Ещё в первой немецко-киргизской экспедиции по Тянь-Шаню Герд Мюллер сказал мне, что давняя его мечта – посетить Тарбагатай, где проходят границы ареалов многих видов жужелиц. А в третьей экспедиции, в 2000 г., мы уже конкретно решили, что следующая экспедиция будет в Тарбагатай. Меня это немножко пугало, потому что одно дело приезжать в уже организованное кем-то путешествие (на всё готовенькое!), а другое – организовывать экспедицию самому. К тому же у нас, в Казахстане, всё это было гораздо сложнее – и в силу наших огромных расстояний, и в силу «продвинутости» наших чиновников, насочинявших за десятилетие суверенитета массу ограничительных решений, и не знающего границ крючкотворства. Третья преграда – удалённость наших

центральных ведомств (того же Министерства экологии, Гослескомитета, выдающего разрешения на сбор зоологического материала и пропуски в охраняемые территории). Теперь они были за тридевять земель – в Астане и Кокчетаве. Но делать нечего: как говорится, «глаза боятся, а руки делают». Только для гарантии начинать всю эту бумажную волокиту пришлось за полгода, ещё зимой. И за это время скопилось такое количество этих бумаг, что когда наши немцы приехали и увидели их, они ахнули. Ещё одно препятствие – трудности с транспортом. Все мои попытки зафрахтовать два УАЗ'ика в автохозяйствах наткнулись на такие цены, что никакой бюджет экспедиции не выдерживал. Но тут мне подвезло: нашёлся один такой владелец-водитель, который уже возил туристов и согласился за умеренную плату – 50 долларов в сутки! Более того, он обещал найти вторую машину в Талгаре, где у него живёт товарищ. Обнадёживало и то, что этот водитель – Костя Всеволодов – оказался сыном хорошо знакомого мне профессора Эдуарда Борисовича Всеволодова, бывшего директором Института экспериментальной биологии нашей Академии наук. Кроме того, Костя был альпинистом и хорошо знал Олега Белялова и мою дочь Викторию. Словом, свои люди!.

Когда 15 июля прибыли участники экспедиции (Gerd Müller-Motzfeld, Roland Schultz, J.-Christoph Kornmilch, Jochen Röder, Bernhard Seifert, Markus Lange, Ulf Hauke, Reinhold Loch, Christoph Rückriem, Sonja Terraschke, Hans-Joachim Gottschalk, Л.А. Кустарева и В.И. Торопова), у меня было почти всё готово. Разместив гостей в самой дешёвой гостинице «Ракета» (это было их настоятельное пожелание!) на улице Жарокова между Тимирязева и Утепова (этой гостиницы давно уже нет) и покормив их ужином на территории ВДНХ, я вынужден был признаться, что день-два придётся провести в городе из-за некоторых формальностей. Так и вышло: 16 июля ушло на регистрацию германских граждан в ОВИР, а киргизских граждан на ж-д вокзале; на белгое знакомство с руководством Института зоологии и погрузку части экспедиционного багажа; на звонки в Кокчетав о разрешении на сбор насекомых, которое они пообещали выслать факсом. Большая часть 17 июля также ушла на городские хлопоты: получение факса в Институте зоологии; посещение штаба погранвойск, где нам пообещали выслать разрешение в погранзону телеграммой в Зайсан и Учарал. После погрузки в гостинице «Ракета» и закупки продуктов на Зелёном базаре нам ещё раз пришлось заехать в ОВИР, где только в 17⁻³⁰ получили, наконец, пропуски в погранзону. И лишь в 18⁻²⁵ уже ранним вечером, мы выехали из города...

Маршрут экспедиции мы построили так, чтобы в максимально короткий срок достичь Тарбагатай, а оттуда уже возвращаться обратно с остановками (рис. 97). Поэтому первую ночёвку сделали в предгорьях Архарлов (140 км от Алма-Аты), а вторую – аж на р. Лепсы с 70 км выше одноименного села. Для этого нам пришлось сразу же за Талды-Курганом свернуть из главной трассы в пустыню, так как, по словам Кости, трасса на Сарканд сильно разбита, а здесь по хорошей трассе, несмотря на значительный крюк, мы пройдем быстрее до нашей цели. Все согласились, тем более что посмотреть пустыню нашим гостям тоже было интересно. Перед речкой Аксу проехали довольно большие

участки развееванных песков явно антропогенного (скотобой) происхождения, а в двух местах песками была перевержена даже асфальтированная трасса. После села Лепсы хороший асфальт идет вдоль правого берега Лепсы. Долина реки широкая, метров 300-400 занята тёмно-зелёным кустарником. Посередине петляет полноводная речка с песчаными отмелями. В одном таком месте мы и стали на ночь, а рано утром отправились дальше. «Перемычку» озера Сасыкколь прошли в 14²⁰ без остановки. Лишь за ней полчаса поработали в глинистой пустыне около небольшой лужи. Здесь оказалось немало прилетевших на водопой птиц: жаворонков 5 видов (полевой, степной, малый, чёрный и белокрылый) и чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*), а на самой перемычке видели даже одну савку (*Oxyura leucocephala*) – очень редкую утку из Красной книги. Около Таскескена, где идёт развилка на Маканчи, встретили первую крупную (более сотни) стаю розовых скворцов (*Pastor roseus*) и охотившегося на них дербника (*Falco columbarius*), а на открытом участке – семью журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*) из двух родителей и двух крупных птенцов.

Вечером 19 июля мы разбили лагерь на речке Каракол, на западном склоне Тарбагатая, где и отметили 60-летний юбилей нашего любимого Герда Мюллера-Мотцфельда. Место оказалось очень красивым, к тому же это было первое знакомство Герда с долгожданным Тарбагатаем, поэтому стояли мы здесь целых два дня.

Широкое разветвляющееся ущелье р. Каракол ориентировано, в общем, с севера на юг. Верхняя половина склонов занята скалами, осыпей мало и они небольшие. Нижняя часть склонов с террасами представляет собой бугристую степь с обширными зарослями таволги (*Spiraea hypericifolia*), шиповника и белой долины высотой до 0.5 м. Берега реки обрывисты, местами – скалы до 50 м высотой. Густой ивово-тополевый тугай сплошной лентой шириной до 10-20 м вдоль реки. Есть высокие кусты *Myricaria*. Погода нам благоприятствовала: с утра было ясно, тепло и небольшой ветерок; к полудню – жарко. Из редких птиц наибольший интерес представляла встреча двух семей сокола-балобана (*Falco cherrug*) – с 4 и 2 летающими птенцами, одиночный чёрный аист (*Ciconia nigra*) и выводок больших крохалей (*Mergus merganser*) с 5 птенцами. Нередким здесь на гнездовании оказался черноголовый ремез (*Remiz coronatus*).

Город Аягуз, который мы проезжали 21 июля, оставил

Рис. 97. Маршрут Тарбагатайской экспедиции 2001 г. Цифрами обозначены основные места стоянок (см. текст)

тягостное впечатление: дождь, бомжи и ряд 5-этажных зданий, окна в которых полностью заложены корпичом. И хотя Костя объяснял, что это военные заложили их якобы от холода, всё равно такой вид зданий угнетает.

На пути к Зайсанской котловине встречалось довольно много хищных птиц, чаще всего одиночками, реже – парами: степные орлы (*Aquila nipalensis* – 5), степные пустельги (*Cerchneis naumanni* – 24), коршуны (*Milvus migrans* – 22), маленькие тёмные и рыжие канюки (*Buteo buteo vulpinus* – 13), курганники (*Buteo rufinus* – 7), мохноногие курганники (*Buteo hemilasius* – 3), причём из трёх встреченных птиц предположительно последнего вида, один был почти белый снизу, а второй – весь чёрный (скорее всего, это были гибриды). И только один раз нам попался беркут (*Aquila chrysaëtus*), сидящий на земле. В предгорьях, не доезжая села Тарбагатай, по обе стороны шоссе на мокрых лугах и посевах встретили три крупные (30-50+80) стаи журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*).

Здесь погода нам изменила: всю ночь на 22 июля в невысоких горах напротив сёл Шибунды и Аксуат, у южной окраины Зайсанской котловины, шёл проливной дождь с грозой, временами – ливень! Утром дождь перешёл в обложной: горы затянуты облаками, Зайсанская котловина открыта, но и там солнца нет. Так, под дождём, пришлось нам сворачивать лагерь и продолжать путь дальше, на северо-восток. Почти пол-дня потратили на поиски дороги к Зайсану – вся низменность залита водой, и дороги раскисли. До 15⁻³⁰ пытались пробиться напрямую, потом объезжали через село Кызылжудыз по ужасной дороге. Выехали к артезианской скважине, за ней дорога вышла на каменисто-щебнистую степь – прекрасная дорога! Погода к этому времени улучшилась: появилось яркое солнце и белые барашки кучевых облаков. Только к 17⁻³⁰ вышли, наконец, на перекресток зайсанской трассы у Белой Школы. Это небольшое село с таким необычным названием (сохранившимся, видимо, с 20-30-х гг.) в Зайсанской котловине всем хорошо известно как один из главных ориентиров (вроде как Даратурган в Алайской долине).

На всём пути следования мы по-прежнему встречали много хищных птиц, а под проводами линий электропередач нашли несколько трупов степных орлов и курганников, убитых током. Здесь были многочисленны малые жаворонки (*Calandrella cinerea*), а в полевой степи стали встречаться чёрные жаворонки (*Melanocorypha yeltoniensis*) – до четырёх угольно-чёрных самцов на километр пути. Нередко попадались группы летящих садж (*Syrrhaptes paradoxus*) и только однажды – пара чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*). Не редкость были обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*), а на грейдере и земле близ села Белая Школа сидело более полусотни коршунов (*Milvus migrans*).

В 50 км за селом Белая Школа свернули вправо по реке Тайжужень и стали лагерем на её притоке, речке Куштты, чуть ниже нашей стоянки 1980 г. Здесь пологие сухие щебенистые склоны долины шириной 200 м поросли полынью с густыми куртинами таволги (*Spiraea hypericifolia*). Вдоль речки – узкий ивовый тугай среди обрывистых берегов. Это уже предгорья северных отрогов Манрака. И здесь везде в небе были видны пернатые хищники, чаще всего курганники (похоже, что в основном – *Buteo hemilasius*). В одном месте невысоко летали

два светлых балобана (*Falco cherrug*), один из них периодически нападал на летавшего здесь же курганника. Вечером видели одного домового сыча (*Athene noctua*), а ночью несколько раз слышали крики филина (*Bubo bubo*). Утром в зарослях у реки слышали обрывки песен соловья (*Luscinia megarhynchos*) и довольно часто – песни зелёных пеночек (*Phylloscopus viridanus*).

В полдень 23 июля, после непродолжительного купания в озере Зайсан на Тополевом мысе, мы приехали в город Зайсан, из которого к вечеру выехали на Каратал и Сайкан. Перевалив на закате Сайкан (высота 1800 м), мы увидели на юге панораму Саура. На ночь остановились за перевалом, на спуске к угольным шахтам. Удивительно – здесь не оказалось ни одной речки – все балки сухие! Глинисто-щебенистые склоны здесь задернованы типчаковой степью. Из птиц интересно было встретить кашгарского жулана (*Lanius isabellinus isabellinus*): двое очень бледных и совсем без белого на крыле взрослых птиц кормили двух уже летающих птенцов. Очень необычно было встретить здесь в горах чернобрюхого рябка (*Pterocles orientalis*). Около села Аккоин, состоящего всего из 5-6 домиков недалеко от шахты Сайкан, помимо обычных для этих мест трёх видов каменок (обыкновенная – *Oenanthe oenanthe*, плясунья – *Oe. isabellina* и плешанка – *Oe. pleschanka*) и полевого конька (*Anthus campestris*), утром 24 июля мы встретили коноплянок (*Acanthis cannabina*) и монгольских вьюрков (*Bucanetes mongolicus*) и совершенно неожиданно – обыкновенную горлицу (*Streptopelia turtur*). Вернувшись почти до половины подъёма, мы спустились к погранзаставе Акколка в восточной половине долины и стали лагерем № 7 между заставой и селом Коскара (рис. 98). Отсюда открывался великолепный вид на основной хребет Саура, расположенный к югу. Северная экспозиция

Рис. 98. Общее фото с пограничниками в хребте Саур. Крайние справа – водители (Костя стоит)

этого хребта – сглаженные степные склоны с большими массивами-островами лиственничного леса. Скал нет, кроме самого гребня хребта. Долина речки в месте лагеря расширяется до 200 м (выше, у заставы, это узкое ущелье с крутыми склонами). Пойменный лес шириной 20-30 м состоит из ивы, отдельных топей и кустов *Myricaria*. Ширина речки 3-5 м, галечника – до 40 м, он порос кустами таволги и шиповника. Расположенный к северу от нас южный склон хребта Сайкан очень каменистый, сухой. Верхняя половина его – разрушенные скалы, нижняя – степь с мелкими кустами по западинам.

Утром 25 июля после короткой экскурсии перед завтраком (на ней Jochen Röder встретил смешанную пару из самца *Lanius collurio* и самки *Lanius isabellinus*), мы выехали на перевал Сайкан и, спустившись с него, отправились к северу – в пески Айгыркум. Уже в полдень в районе Кабыргатала стали лагерем на большой поляне среди заросших барханов. Сама поляна поросла редким тростничком, с польниной площадкой посередине, размером 50х50 м, на которой мы и разместили свои палатки. Здесь мы в полной мере испытали прелесть пустыни – днём жара, а вечером – комарики. Спасительным оказался дым от нашего самовара, который я предусмотрительно захватил в этот раз с собой по примеру наших энтомологов. Пригодилось и привезенное из Иордании белое одеяние бедуинов (рис. 99) вместе с замысловатым головным убором. Немцы мне явно завидовали.

Утром следующего дня мы продолжили путь на север и к полудню достигли берега Чёрного Иртыша.

Рис. 99. В песках Айгыркум, июль 2000

Здесь за два часа (12-14) экскурсии по обширным песчаным отмелям правого берега примерно в 1 км ниже моста на Буран профессор Мюллер собрал ряд очень интересных жу-желиц, а мы посмотрели немногочисленных здесь куликов и чаек. Среди них Jochen Röder успел рассмотреть маленькую форму хохотуны (*Larus cachinnans*) – по его мнению, это была *barabensis*. Затем через город Зайсан, на который опять ушло часа два (заправка – базар – почта – майор Тулебаев на плацу) выехали на Манрак, закрытый чёрными тучами, и к вечеру разбили IX лагерь на водохранилище Уйдене.

Оно оказалось не больше Б. Алматинского озера и расположено в обширной долине со степной растительностью на пологих сгла-

женных склонах, на дне – луговины. По западинам склонов – заросли шиповника. Наш берег высокий, в виде глинистого обрыва с выходами друз кристаллов горного хрусталя, напоминающих бриллианты. Набор видов птиц здесь оказался самым обычным – огари, лысухи, речные и малые крачки, бакланы. Утром 27 июля через город Зайсан мы отправились в Чиликтинскую долину. Следующий лагерь разбили перед перевалом через хребет Манрака, в единственной удобном месте, которое не зря называлось «ресторан» – здесь отдыхали перед подъёмом на перевал все гружённые машины. Здесь в одном месте наблюдали двух взрослых европейских жуланов (*Lanius collurio*) с птенцом, которого они кормили, а в другом – красивые воздушные игры беркута (*Aquila chrysaetus*), буквально совпавшие с разразившейся грозой: после того, как орёл, прижав крылья к туловищу, пять раз спикировал на расстояние 15-20 метров, каждый раз круто взмывая вверх, небо со страшным треском расколосось прямо над дорогой у лагеря и хлынул дождь, как из ведра!!! Это могло быть и совпадение, но очень уж эффектное. Дождь продолжался всю ночь, и утром ещё была капель.

К 12 часам 28 июля мы миновали аул Тасбастау, а через 5 км приехали в с. Чиликты. Здесь мы сразу же обратились к нашему новому другу – участковому Серигу Кайдаровичу (вчера в «ресторане» он угощал нас мясом), а с ним – к акиму (тоже вчерашний гость). Тот позвонил в с. Карасай, акиму Калыму Макулову, чтобы тот показал нам дорогу в Матугул, что на р. Чаган-обо. Немцы наблюдали всё это с интересом, а я давно знал, как часто у нас, благодаря врождённому гостеприимству народа, помогает случайное знакомство в дороге. В Карасае нам дали ещё пацана-проводника по имени Ришат, которому надо было в Матугул к чабанам-родственникам. По сплошной сырости (временами лил дождь) выехали мы из села Чиликты на восток-юго-восток, в направлении такого загадочного «Чаган-обо». По-сути, это истоки Чиликтинской долины, и я в них никогда не был, хотя находились совсем рядом в 1988 г., когда с москвичками и Давидом Бланком подыскивали места для выпуска лошади Пржевальского.

Всё усиливающийся дождь догнал нас при въезде в суживающуюся часть долины реки Чаган-обо. Ширина долины здесь не более 0.5 км. Высокие злаки – не степь, а луг: пырей, костры, шалфей; высота травостоя до полуметра. Есть немало очагов коноплевидной крапивы. Под сильным дождем свернули влево, вдоль правобережного притока Чаган-обо – ручья Матугул, на котором через каждые 300-500 м стоят юрты. Выше последней юрты – до пятна снега, где мы наметили разбить лагерь – мы поднимались уже пешком, так как наши машины едва ползли на крутом подъёме вдоль узенькой балочки. Был всего полдень, когда мы под дождём ставили палатки близ опушки лиственничного леса, у намеченного пятна снега. Всё вокруг мокрое, раскисшее, а дождь продолжался до самой ночи, и ужинать нам пришлось под тентом.

Всю ночь – туман и дождь. Утром 29 июля – то же, с небольшими перерывами. Палатка вся промокла. В конце концов, в 13⁰⁰ так же под туманом нам пришлось выехать в обратный путь! Через три часа проехали Чиликты и около соседнего села Тасбастау на столбе увидели сокола-балобана (*Falco cherrug*), который явно ожидал, когда кончится дождь.

Через 50 км после с. Чиликты закончилась Чиликтинская долина и начался подъем на перевал через Манрак. А ещё через 20 км, за перевальчиком, где уже плотина, в 1 км от реки Кандысу на бетонном столбе – гнездо орла-могильника (*Aquila heliaca*), в котором видны два птенца! Недалеко от этого места разбили XII лагерь на правом берегу речки Кандысу, у плотины выше села Покровка (теперь Манырак). И первым делом занялись просушкой всего, что вымокло под этим непрерывным дождём. Местность – широкая степная долина с красными глинами после перевала через хр. Манрак. По пойме – редкие кусты миркарии. Рядом – хребет Манрак (сухие горки с кустарниками), а хребет Тарбагатай – в 10-15 км к югу. Птицы здесь были самые обычные – ничего особо интересного. Зато за ужином – распитие коньяка «Наполеон» в честь половины срока экспедиции (эта традиция всегда соблюдалась!). Пасмурно, западный ветер. И мокрецы!!!

В пос. Акжар, где нам нужны были комендатура, миграционная полиция и базар, мы с удивлением выяснили, что вода здесь *продаётся*!!! Хорошо ещё, что в погранотряде нам удалось набрать воды бесплатно!. Заправившись здесь же, в погранотряде, мы в 13¹⁰ выехали на село Куйган, за ним пошли вверх вдоль реки Ласты. Дорога шла между посевами, огородами и рекой Ласты. И здесь, у огородов, мы застряли – в луговине среди караганы, чия и высокотравия – на самом бугре! Засели капитально обе машины: сначала одна, а потом и вторая, пытавшаяся её вытащить. И случилось это всего в 1 км от заставы, на которую мы направлялись. Немцы сначала обрадовались остановке и кинулись врассыпную собирать материал (в этом им не откажешь – каждую минуту стремились использовать для работы!). Но когда через полчаса обе машины оказались почти по брюхо в земле, приуныли не только немцы. Признаюсь, и я был готов идти пешком на заставу и просить помощи. Однако тут показали свой класс наши водители. Спокойно походив вокруг машин, сами грязные по пояс, они взяли лом и стали забывать его на сухом месте впереди машины Кости. Когда лом уже наполовину сидел в земле, надели на него трос от лебедки, закреплённой на машине и медленно, но верно, машина вытащила себя сама! Это было, как волшебство, и немцы (все до одного – автомобилисты!) смотрели на это действие, как заворуженные. А потом, спохватившись, кинулись фотографировать. Вторую машину вытащила освободившаяся из плена первая. При этом помогали все – не только советами, но и плечом, в результате чего перемазались все с головы до ног. И в таком виде, усталые, но очень довольные, прибыли мы на заставу Орта-Ласты. Здесь молодой офицер по имени Саша сжалился над нами и пустил на территорию заставы, где в русле речки Орта-Ласты нашлась хорошая полянка для лагеря – прямо под прикрытием вышки с часовым.

Вечером, за ужином, только и разговоров было, что о сегодняшнем приключении. Мюллеру очень понравился профессионализм наших водителей, и он расхваливал их во-всю. Надо сказать, что напарника Кости звали Володя Бауман, и немецкое происхождение его явно импонировало нашим гостям. Правда, от немца у него практически ничего не сохранилось: языка он не знал, пресловутую немецкую пунктуальность в его характере полностью вытеснила типично русская

расхлябанность, начиная от неопрятного внешнего вида (как будто он только что вылез из-под машины – просто какой-то небритый бомж) и кончая необязательностью: однажды утром, в день отъезда из очередного лагеря, Володи на месте не оказалось – он ушёл на охоту и вернулся почти к полудню, когда обе машины были погружены и все нервничали в ожидании второго водителя (даже машину его Костя вывел на трассу!). Но в остальном он был спокойного, покладистого характера, а машину знал просто превосходно и был не только водителем, но и механиком. Не в пример ему, Костя был вспыльчив и своенравен. Так, он совсем не скрывал своего пренебрежения к женщинам (считая их недоразвитыми, чем-то вроде людей второго сорта, и никогда не расспрашивал у них дорогу). Он сразу же настроил против себя обеих наших коллег-женщин из Кыргызстана, которые, будучи кандидатами наук, по возрасту годились ему в матери. Эта взаимная неприязнь доставляла мне немало трудных минут, когда я чувствовал себя как между жерновами. Скандалить с водителем в полевых условиях – последнее дело, если только не хочешь превратить поездку в ад. Вот и надо было лавировать – успокаивать одну сторону, увещевать другую. Это была единственная неприятная сторона экспедиции, хотя в целом поездка была очень интересной...

Сама застава «Орта-Ласты» представляла собой островок высоченных (до 30-40 м) тополей среди ивовой поймы с травянистыми полянами, а вокруг – открытые склоны с кустарниками, глинистые бугры. Здесь нам удалось наблюдать интересное явление – сбор на ночёвку в этот лесок большого количества степных пустельг (*Falco naumanni*). Около 19³⁰ они начали лететь группами по 2-5-9 особей из ущелья на заставу – по одному и тому же маршруту, мимо вышки. Считать мы их начали, к сожалению, не сразу, а только с 20¹⁵. До заката (21¹⁴), т.е. за час, в тополевый лесок прилетело и устроилось на ночь 508 степных пустельг! И не менее сотни их успело прилететь до начала нашего учёта. Заместитель командира заставы (тот самый Саша) подтвердил, что здесь собираются на ночь несколько сотен мелких соколов. Говорит, что такое наблюдается всё лето, с мая по август. Видимо, сюда, в единственный лесок, слетаются все пустельги с окрестных колониальных поселений этого вида. Для птицы, которая считается глобально уязвимой, такое количество – очень обнадеживающий факт. Интересно, что в эту ночь на одном из тополей среди пустельг ночевал невесть откуда взявшийся одиночный большой баклан (*Phalacrocorax carbo*).

Нам было интересно утром пронаблюдать разлёт пустельг с места ночёвки, однако погода оставляла желать лучшего: ночью начался дождик, утром тоже моросило – и так весь день... С 6 до 7 утра 31 июля птиц не было видно, и я уж было начал сомневаться – не разлетелись ли они раньше, ещё по темноте. Но вот в 7¹⁵ на заставе раздался выстрел из стартового пистолета – и тут же сотни пустельг поднялись в воздух! Большинство из них тут же вернулись на деревья (видимо, к этому звуку им было не привыкать). Обложной мелкий дождь моросил с небольшими перерывами до полудня. Только в 13⁵⁶, так и не дождавшись его окончания, пустельги стали постепенно разлетаться – так же, как и слетались: группами и одиночками. Дождь не прекращался, в 14³⁰ он снова усилился. По словам солдат, дожди здесь идут 4 раза в неделю. Пока мы отсиживались

в палатках, свиньи съели наш арбуз, оставленный под кустами, – они здесь свободно гуляют. Вечером мы снова пронаблюдали лёт пустельг на ночёвку – в те же часы и в том же порядке, а утром 1 августа, поскольку дождь так и не перестал, мы покинули эти мокрые места.

Через сёла Акжар и Белая школа, по глинистой пустыне с редким чиём и куртинами чингила и тамариска, мы направились в сторону села Тарбагатай. Не доезжая 80 км, близ села Кызылкесек, наблюдали кокпар (козлодрание). Разгорячённые азартной погоней молодые джигиты пронеслись рядом с нашими машинами, едва не налетев на них. В 20 км западнее этого села, нашли место для ночлега (лагерь XIV) в урочище Гатай, к которому пришлось ехать вдоль густых пойменных зарослей по грязной дороге на самый верх. Стали в щебнистой типчаково-полянной степи с таволгой на седловине передового хребта перед скалистыми горами. Здесь молодой парнишка-чабан помог мне освежить в памяти термины, издревле существующие у казахов для обозначения разных возрастов у лошадей – «кулун» (1 год), «жабага» или «тай» (2 года), «кунан» (3). Дальше уже идут половые различия: в 4 года – дунен (самец) и байтал (самка); в 5 лет – «ат» (самец) и «бие» (самка). Кроме того, есть не возрастные термины: «айгыр» – жеребец и «ат» – мерин. Когда-то меня этому учил в заповеднике Абдулла, но за прошедшие 40 лет я подзабыл...

Из птиц здесь часто нам попадались именно пернатые хищники: беркут (*Aquila chrysaëtus*), которого гонял сокол-балобан (*Falco cherrug*); коршун (*Milvus migrans*), чеглок (*Falco subbuteo*), луговые луны (*Circus pygargus*) и даже пара ястребов-тювиков (*Accipiter badius*). Из мелких зверьков в лагере «пела» степная пищуха (*Ochotona pusilla*). От села Тарбагатай и почти до города Аягуз, где дорога проходила среди открытых холмов с кустарничком, а по западинам – березовые и осиновые колки, на деревянных столбах нам везде попадались степные пустельги (*Falco naumanni*), которых мы насчитали более 120. На тех же столбах нередко сидели одиночные степные орлы (*Aquila nipalensis*), могильники (*Aquila heliaca*), курганники (*Buteo rufinus*) и сарычи (*Buteo buteo*).

Обогнув Тарбагатай с запада, мы свернули влево и вышли на его южный склон. Минувя сёла Кызылжұлдыз, Текебулак, Алтыншоқы и Лайбулак, мы снова свернули налево (к горам) и по очень крутым балкам, среди огородов и посевов, уже на закате 2 августа разбили лагерь XV на реке Егинсу, выше одноименного водохранилища. Вечером – костёр в честь дня рождения участницы нашей экспедиции Sonya Terraschke (эти традиции соблюдались свято!).

После непродолжительной утренней экскурсии 3 августа мы отправились дальше по маршруту Урджар – Маканчи – село Благодарное. Нам сказали, что именно оттуда можно попасть наверх хребта Тарбагатай. За последним селом – огромные подсолнуховые поля на буграх, а на северном склоне бугров местами – густые островные заросли миндаля почти в рост человека! Сенокосы и целое поле низкорослой караганы. К вечеру стали лагерем XVI в узкой долинке перед подъемом на плато. Склоны её каменистые, вверху – скалы, ниже – заросли кустарников (таволга-карагана-шиповник). По дну вдоль ручья Кызылбулак – густые заросли ив и ленточные осиновые леса шириной до 20-30 м.

Здесь уже встречались типично лесные и кустарниковые птицы: черноголовый ремез (*Remiz coronatus*), чёрная ворона (*Corvus corone orientalis*), чернозобый дрозд (*Turdus atrogularis*), чеглок (*Hypotriorchis subbuteo*), серая мухоловка (*Muscicapa striata*), зелёная пеночка (*Phylloscopus viridanus*), сплюшка (*Otus scops*), садовая камышевка (*Acrocephalus dumetorum*), серая (*Sylvia communis*) и ястребиная (*Sylvia nisoria*) славки; а рано утром слышны были даже обрывки песни соловья (*Luscinia megarhynchos*).

Утром 4 августа перебазиrowались на плато, причём дорога оказалась настолько крутой и каменной, что немцы сами предложили для облегчения машин хотя бы часть пути идти пешком – расстояние составило около 17 км! Лагерь XVII разбили прямо на самом плато, покрытом роскошным высокотравным лугом, на котором преобладает алтей (*Althaea officinalis*), коровяк (*Verbascum*), конский щавель (*Rumex*), ежа сборная (*Dactyla glomerata*), мятлик (*Poa bulbosa*, *Poa sp.*), тысячелистник (*Achillae millefolium*) и зверобой (*Hypericum perforatum*). Ближе к основному хребту часто встречаются каменные лбы и между ними – насыщенными синими пятнами заросли иссопа (*Hyssopus cretaceus*). Сам лагерь поставили около небольшого родника, на абсолютной высоте 1734 м.

Здесь уже преобладали птицы открытых пространств: полевой жаворонок (*Alauda arvensis*), полевой конёк (*Anthus campestris*), обыкновенный сверчок (*Locustella naevia*), черноголовый чекан (*Saxicola torquata*), коноплянка (*Acanthis cannabina*); ночью и утром слышны песни перепела (*Coturnix coturnix*). У родника видели горную трясогузку (*Motacilla cinerea*) и прилетавших на водопой скальных овсянок (*Emberiza buchanani*) и монгольских вьюрков (*Bucanetes mongolicus*). Сверху, со скал, слышны голоса темнобрюхих уларов (*Tetraogallus himalayensis*), оттуда же прилетали вниз степные пустельги (*Cerchneis naumanni*), у которых в скалах была небольшая колония. Экскурсия за гребень ближнего скалистого хребта (южный склон – каменная степь, а северный – сплюснутые заросли стелюющей арчи и шиповника с красноватыми листьями – ярко-зелёный ковер с ржавчато-красноватыми пятнами) показала бедность орнитофауны. Здесь мне запомнились две встречи: какая-то овсянка с продольными полосами на голове, молча залетевшая под густой куст арчи; это могла быть либо горная (*Emberiza cia*) либо Годлевского (*Emberiza godlewskii*); птица с черно-белым хвостом, также шмыгнувшая под густые заросли арчи, больше всего напоминала соловья-красношейку, но какую из двух: черногрудую (*Calliope pectoralis*) или сибирскую (*Calliope calliope*), я так и не узнал. В это же время на плато коллеги-немцы встретили трясогузок двух видов – маскированную (*Motacilla personata*) и желтоголовую (*Motacilla citreola*), дрозда-дерябу (*Turdus viscivorus*) и курганника (*Buteo rufinus*), а Johan и Reinhold утверждали, что видели даже бекаса-отшельника, или горного дупеля (*Capella solitaria*). Последнее было настолько интересно, что я пошёл на это место и провёл там больше часа, но встреча так и не повторилась...

В обратный путь на Урджар и Таскескен мы отправились 6 августа. Около 19 час проехали Таскескен под слабым дождиком, но при сильном западном ветре, а впереди – пыльная буря. Свернули с трассы к селу Шолпан, где на карте

обозначена р. Каракол (та самая, в верховьях которой мы стояли третьим лагерем). В этом селе – очень тёмный и высокий лесной массив – видимо, парк из тополей. После долгих поисков лагерь-платца уже в полной темноте остановились на ночь в 3-4 км от села (Лагерь XVIII). Утром 7 августа выяснилось, что стали мы в полынной степи с зарослями софоры, а рядом – сухие галечники и ни капли воды! Для нас это было очень существенно – даже чай не вскипятишь. Проезжая утром село Шолпан, мы увидели, что изумительная роща вырублена на 1/3, но пока ещё густая, как щетка – все тополя одного возраста и высотой не менее 30 м. Трасса на запад, в Учарал, идёт среди подобия лесополос – редких кустов лоха. Справа и слева – обширные поля ржавчатого цвета – сухая ферула, как посевы. Узким бордюром вдоль асфальта – высокая полынь.

Не доезжая Сасыккольской «перемычки», у небольшого озерка длиной 1 км и шириной метров 300 за часовую остановку мы увидели много интересных птиц, а отъехав всего 5 км, вынуждены были стать на два часа для ремонта одной из машин и в этом месте («Актам») мы насчитали более 20 видов водных и околоводных птиц: серых журавлей (*Grus grus*), чаек-хохотуний (*Larus cachinans*), кудрявого пеликана (*Pelecanus crispus*), колпицу (*Platalea leucorodia*), малую белую цаплю (*Egretta garzetta*), большую белую цаплю (*Egretta alba*), большую выпь (*Botaurus stellaris*), красноносых нырков (*Netta rufina*), голубую (*Aythya ferina*) и белоглазую (*Aythya nyroca*) чернетей, лысух (*Fulica atra*), чайконосых крачек (*Gelochelidon nilotica*); и особенно много куликов – ходулочников (*Himantopus himantopus*), травников (*Tringa totanus*), чибисов (*Vanellus vanellus*), больших кроншнепов (*Numenius arquatus*), больших веретенников (*Limosa limosa*). На берегу – стайки жёлтых трясогузок (*Motacilla flava*), пролётные европейские жуланы (*Lanius collurio*), малые бормотушки (*Hippolais caligata*), малые жаворонки (*Calandrella cinerea*), коршуны (*Milvus migrans*) и луговое луны (*Circus pygargus*). А над водой – речные крачки (*Sterna hirundo*), береговые (*Riparia riparia*) и деревенские (*Hirundo rustica*) ласточки.

«Перемычка» оказалась всего в 1 км от этого места. Здесь прямо около мостика – затонувшее кафе и водные протоки между стенами тростника. Пока наши немецкие коллеги деловито совершали омовение без униформы (женщинам пришлось на это время удалиться), я успел прямо с мостика увидеть много интересного: выводок больших поганок, или чомг (*Podiceps cristatus*), пару серощёких поганок (*Podiceps grisegena*), много лысух (*Fulica atra*) и нескольких малых выпей (*Ixobrychus minutus*), а главное – аж 5 савок (*Oxyura leucocephala*)! Последнее было самой приятной неожиданностью.

На учаральском перекрёстке (всего 5 км от села) во время заправки машин на опорах ЛЭП сидели и кружилось более 100 коршунов (*Milvus migrans*). После часа бесед в погранотряде (майор Иваненко, подполковник Хусаинов, капитан Галай), наконец, мы выехали из Учарала. Через 33 км проехали село Кызылаши с лесополосами и песками, через 100 км – мощную речку Лепсы с плотиной, а за селом Койлык (бывшая Антоновка) вскоре стали видны снежные вершины Джунгарского Алатау. Только к 20²⁹ приехали мы в город Сарканд, из которого тут же, в наступающих сумерках, выехали на Покатилровку (ныне – Екиаша).

На заставу Тополёвка прибыли в 22⁰⁰, покрыв за день 451 км. Командир её старший лейтенант Иван Петрович принял нас, как гостей, и разрешил заночевать на территории заставы (лагерь XIX). Засыпали мы здесь под неумолчные крики сов-сплюшек (*Otus scops*).

Покинув утром 8 августа заставу, мы уже в полдень стали лагерем XX в русле реки Большой Баскан – прямо около речки, в средней части пояса елового леса (1500 м н. у.м.). Ущелье ориентировано с юга на север. Склон западной экспозиции крутой, щебнистый, покрыт редким высокотравьем, в т.ч. ферулой (*Ferula tenuisecta*), скалы и осыпи занимают около 25-30%. Склон восточной экспозиции, у подножья которого мы разбили лагерь, покрыт еловым лесом с полянами, на которых много малины. В 11 час мы ещё наблюдали массовый лет стрекоз в солнечную погоду, а с 12 час небо затянуло, похолодало и в 16 час пошёл дождь. Нам пришлось принять решение о спуске вниз, чтобы не застрять здесь на несколько дней (крутые глинистые подъемы в предгорьях ужасны!). И хотя около 19 час распогодилось, выглянуло солнце и разорвало облака, всё равно приняли решение о выезде в 20⁰⁰. И тут нам преподнёс сюрприз Володя Бауман, который самовольно пошёл на «экскурсию» вверх по ущелью и вернулся только в 21³⁰! Час ожидания в загруженных машинах порядком подействовал на нервы всем, даже спокойному и мудрому Мюллеру. Поскольку надвигались сумерки, мы чуть было не начали снова разбивать лагерь на том месте, где его только что свернули! Спускаться пришлось в полной темноте – до 23 час. Перед выездом мы успели увидеть сокола-балобана (*Falco cherrug*), а уже около лесного кордона в свете фар у лужи на дороге вспугнули двух вальдшнепов (*Scolopax rusticola*). Ночью, при свете фар наших машин стали лагерем XXI на Малом Баскане.

Утром оказалось, что мы ночевали на выбитом пастбище с сорной растительностью на левом берегу речки М. Баскан в 5 км выше села Покатиловка (1106 м н.у.м.). Сразу же выехали через город Сарканд на запад и, миновав посёлки Энергетик, Джансугуров, Сахабиен, Крупское (ныне – Балпыкпи) и перевал Сарюзек, сделали часовой привал лишь на капчагайской площадке отдыха, где пообедали и даже искупались. Ночевали в гостинице «Ракета» в Алма-Ате. Однако на этом экспедиция ещё не закончилась.

С утра 10 августа до 15³⁰ – пришлось поколесить по городу (автовокзал, Институт зоологии, карантинная служба, аэропорт). И только после 16 час мы выехали на Большое Алматинское озеро и стали лагерем XXII за озером, на краю галечника, 300 м ближе домика Дуплякина (там теперь Сергей Субботин). Здесь меня поразила сильно возросшая антропогенная нагрузка: джипы – более 20 за день; люди – более 100 только с рюкзаками (считал Володя Бауман). Нагрузка гораздо больше, чем в 70-х гг., несмотря на наличие двух шлагбаумов – на плотине перед 2-й ГЭС и здесь, около лавинников. Пропускают практически всех: там – за деньги, здесь – за водку... Поневолe пришла в голову мысль: стоило ли нам тратить столько лет, сил и нервов, добиваясь организации здесь национального парка? Охрана природы от этого только пострадала, а отдельные лица наживаются...

Здесь мне удалось показать гостям практически всех наших редких высокогорных птиц, включая таких замечательных, как расписная синичка (*Leptopoeile sophiae*), седоголовая (*Phoenicurus coeruleocephalus*) и красноспинная (*Phoenicurus erythronotus*) горихвостки и, наконец, серпоклюв (*Ibidorhyncha struthersii*), которого все так хотели увидеть. Для меня же полной неожиданностью была встреча на Алматинском озере черношейной поганки (*Podiceps nigricollis*), явно пролётной – летом они здесь не живут.

Поскольку самолёт у наших гостей был только ночью (киргизские участники уехали автобусом ещё накануне утром), мы имели возможность находиться на озере допоздна, и только к 24 часам приехали в аэропорт. Прощание, как всегда в таких экспедициях, было очень трогательным, и все наперебой говорили о будущей экспедиции, которую Мюллер наметил в Джунгарский Алатау – ведь этот хребет мы фактически объехали, так и не посмотрев его толком...

Остзейская Германия: Грайфсвальд, Штралзунд, Хидензее (октябрь 2001)

В октябре Мюллер собрал нас всех в Грайфсвальдском университете (Германия), где обсуждались результаты двух последних экспедиций в Среднюю Азию – тьянь-шаньской и тарбагатайской. Мы с В.И. Тороповой и Маркусом Ланге докладывали орнитологические материалы, но с большим интересом слушали и посматрели презентации энтомологов и ботаников. Особое оживление, особенно среди студентов, которых на семинаре собралось немало, вызвал показ участниками экспедиции слайдов о двух этих поездках. Мало кто мог удержаться от искушения увидеть всю эту красоту своими глазами. Поэтому, когда Мюллер объявил, что сейчас будет запись желающих поехать в следующую экспедицию, у столика выстроилась очередь... Настолько разумно была организована эта встреча.

Валентину Исмаиловну и меня, организаторов экспедиций, принимали как дорогих гостей. Самый тёплый приём был у Мюллера-Мотцфельда, в его замечательном доме на улице Киршенвег, 17 («Вишнёвая дорога»). Этот зелёный массив частной застройки на окраине города очень напомнил мне окраину родной Полтавы, так называемую Юровку, на которой проживали семьи маминной сестры и брата. Только здесь улочки были очень уж аккуратненькие, чистенькие, оградки усадеб опрятные – словом, всё на немецкий лад. Меня поразил прибитый к ограде у калитки открытый деревянный лоток, наполненный яблоками, – для прохожих! Такого у нас не увидишь, даже если яблоки гниют на земле...

Супруга Герда Мюллера Урсула Мотцфельд, эколог по образованию, удивила меня хорошим знанием русского языка. Оказалось, что отец её, крупный немецкий физик, был сразу после прихода советских войск вывезен в СССР и работал в Дубне, в крупном научном центре по ядерной физике. Они прожили в России несколько лет, и Урзель, как её звали дома (и как её потом звали мы) ходила в русскую школу. Вот откуда у неё такое правильное произношение! Она же научила русскому языку и своего мужа, а завершили его обучение ежегодные

поездки в Среднюю Азию, где он старался говорить чаще всего на русском языке. И никаких трудностей в общении с ним у нас никогда не было.

Несмотря на то, что в России они жили не по своей воле, Урзель хорошо относилась к русским, они с Гердом были настоящими интернационалистами. А вот её старенькая мама, проживающая в собственном родительском доме в курортном городке Ваннемюнде, на балтийском взморье (Урзель в один из приездов возила нас туда), к русским относилась явно сдержанно – видимо, у взрослого человека, в отличие от ребёнка, осталось больше негативных воспоминаний. После этого мы ещё дважды приезжали и гостили у них. И каждый раз Урзель принимала нас, как друзей своего мужа, а ещё проще – как своих гостей. Дочь Герда и Урзель Грит была участницей первой, западно-тяньшаньской экспедиции, там же познакомилась со Штефаном, за которого вскоре вышла замуж. И теперь они, живя у бабушки в Ваннемюнде, приезжали к Герду и Урзель с внуком.

Как хороший организатор Мюллер распланировал всё так, что каждый из членов наших экспедиционных команд проводил с нами экскурсию за пределы Грайфсвальда. При этом каждый из них тратил на нас только один свой день, а программа получалась большая. Так, в один из свободных дней нам показали великолепный морской музей в городе Штралзунд, в другой день свозили в соседний город Росток, с его старейшим университетом; в третий – на острова Рюген и Филм в Балтийском море, а также на остров Хиддензее. На последнем я давно мечтал побывать – там расположена орнитологическая станция «Vogelwarte Hiddensee», с которой я в 70-х гг. переписывался и получал от них цветной целлулоид для изготовления меток для птиц – именно им были помечены десятки птенцов и взрослых птиц в высокогорье Большого Алмагинского ущелья, давшие мне бесценные сведения о послегнездовой жизни этих птиц. В ответ я посылал им нашу орнитологическую литературу. И как приятно было мне теперь в библиотеке этой станции увидеть последний, пятый том «Птицы Казахстана» (1974) с моим автографом...

На обратном пути мы посетили город Ганновер, где побывали в гостях у Валентина Леонидовича Шевченко – моего старого товарища, закончившую нашу кафедру на три года раньше меня, а потом 40 лет отдавшего работе на Уральской

Рис. 100 и 101. Центр Грайфсвальда и его приморская окраина. Октябрь 2001 г.

противочумной станции в Западном Казахстане. Конечно, мы заранее списались, и он уже ждал с нетерпением. Сутки в их с Марией Михайловной доме промелькнули, как одна минута: мы никак не могли наговориться. Видно было, как тоскует Валентин по настоящей орнитологической работе, но найти работу в Германии в свои 70 лет он не смог. Не помогли и мои попытки рекомендовать его немецким коллегам как лучшего знатока степного орла (*Aquila nipalensis*), хотя Баумгарт и обещал мне на конгрессе в Дурбане, что сделает всё от него зависящее. Всё-таки 65-летний рубеж у них, в Германии, – очень жёсткая граница...

Оформление «Союза охраны птиц Казахстана» (февраль-март 2002)

Первые три месяца этого года ушли на компьютерный набор рукописи первого тома «Птицы Средней Азии», что сделала безотказная Рабига Бекбосынова за январь-март. Надо было иметь электронный вариант рукописи, чтобы более оперативно использовать любую возможность для публикации этой залежавшейся 10 лет рукописи, хотя бы даже небольшим тиражом (теперь тысячные тиражи научных изданий остались в далёком прошлом – как приятное воспоминание). Большие надежды возлагал я на давнего знакомого по журавлиным делам голландца Ван-дер-Вена, который теперь оказался в роли консультанта по экологии при правительстве соседнего Кыргызстана и располагал средствами на осуществление экологических проектов. Однако все наши длительные переговоры так и закончились ничем: полистав у меня дома эту объемистую (свыше 700 страниц), уже порядком пожелтевшую рукопись, мой добродетель (до того обещавший содействие) задумался и уехал в Бишкек. А через несколько месяцев вышла его книжка о птицах Киргизии... Всё стало ясно. Оставалось надеяться только на самиздат, который сейчас стал реальным.

Не дали результатов и все мои попытки обратиться в «BirdLife International» от имени Казахстанско-Среднеазиатского зоологического общества, не имевшего ни гроша – даже на уплату членских взносов в IUCN. Мне ответили, что если бы мы были орнитологическим обществом, то тогда может быть... Это навело на мысль вместо уже не работающего КСАЗО создать «Союз охраны птиц Казахстана» – по образцу России, где созданный В.Е. Флинтон «Союз охраны птиц России» уже набирал обороты, выполняя какие-то международные проекты. Весь февраль я посвятил подготовке документов для регистрации этого нового общественного объединения и с помощью юриста Виталия Громова, имевшего два юридических образования (казахстанское и американское) 6 марта получил, наконец, регистрационное свидетельство. Начались новые хлопоты...

Вначале казалось, что вот теперь-то нам повезло. Молодой, но очень энергичный и честолюбивый функционер NABU Михаэль Бромбахер посодействовал тому, чтобы от Казахстана на региональное совещание Bird Life International, которое состоялось 19-24 марта в Кувейте, пригласили двух руководителей орнитологических общественных объединений – меня (Союз охраны птиц Казахстана) и Валерия Хрокова (Общество любителей птиц «Ремез»). Пришло официальное приглашение от руководителя ближневосточного отделе-

ния Bird Life International Аднана Будиери, с которым мы два года назад встречались в Иордании. Он ещё в Аммане в 2000 г. говорил мне о желательности такой встречи.

Первая поездка в Кувейт (март 2002)

Официально это Региональное совещание по Ближнему Востоку называлось «Middle East & Central Asia Regional Meeting», что свидетельствовало о включении Средней Азии в регион Ближнего Востока. Важность этого момента подчёркивалась и тем, что в логотип этого совещания были включены логотипы наших организаций, в котором нас даже назвали партнёрами (рис. 102). Совещание проходило под общим девизом: «Объединим людей и птиц». Главная цель таких заседаний – помочь в планировании и выполнении мероприятий по сохранению птиц и важнейших их местообитаний – ключевых орнитологических территорий (КОТ), или Important Birds Areas (IBA). Предыдущее заседание, проходившее в Бахрейне в январе 2001 г., наметило ряд мероприятий по охране птиц, преимущественно в странах Передней Азии, и приняло решение расширить сферу своей деятельности на территории стран Средней Азии, в том числе Узбекистан и Казахстан. Узбекское зоологическое общество представляла Е.А. Мухина. Открывший заседание председатель ближневосточного отделения BirdLifeInternational Аднан Будиери (рис. 103) обратился к казахстанским делегатам с приветствием на русском языке и выразил уверенность, что наше сотрудничество будет плодотворно развиваться

Первый день был посвящен отчётам стран региона. Др. Саед Моххамед из Бахрейна рассказал о составлении списка птиц Бахрейна, публикации орнитологических календарей и работе со школьниками (созданы юношеские клубы по охране птиц). Спонсорами этих работ выступают различные компании, а правительство поддержало издание брошюры, посвященной наблюдателям птиц – Birdwatcher's. Места массовой концентрации птиц огорожены, и посетители туда не допускаются. Ведется борьба с отловом на зимовках хищных птиц, в частности, степной пустельги (*Falco naumanni*).

В Ливане, как сообщил профессор Хасан Жаради, с браконьерством орнитологи борются при помощи военных. Издана книга «Между небом и землей», создана страница в Интернете, в парламенте сделан обстоятельный доклад о важнейших орнитологических территориях и проблеме их охраны. В Йемене, где зимует около 400 видов птиц, в т.ч. многие наши птицы, ежегодно отлавливается около 0.5 млн. мигрирующих птиц. Некоторых сорокопупов отлавливают для медицинских целей (делают из них какой-то экстракт). Палестина присоединилась к работе Bird Life International в 1998 г., а в 2001 г. уже оформила партнёрство. Имеется станция для кольцевания птиц. Есть общий проект, а также проекты по видам: белоголовый сип, пеликан, воробьи Мёртвого моря и др.

В Иордании Королевское общество охраны природы поставило цель: сохранить природу, не препятствуя экономическому развитию. Созданы 6 охраняе-

Рис. 102. Логотипы семинара («Middle East & Central Asia Regional Meeting»), март 2002

Рис. 103. С Аднаном Будиери. Кувейт, март 2002

мых территорий на площади более 1 тыс. км². Очень интересный доклад сделал Аднан Будиери (Иордания) на тему «Охрана бутылочных горлышек для мигрирующих птиц на Красном море». Это идея Джона Хофа, работающего в Африке. Помощь оказало Ближневосточное отделение Wetland International. В этот проект включились 5 стран: Сирия, Ливан, Иордания, Палестина. Дэвид Томас из Кембриджа добавил, что в целом на этот проект ГЭФ отводит около 700 тыс. долларов, и что следующая встреча Bird Life International и ГЭФ состоится в ноябре этого года. В этот проект в дальнейшем желательно было бы привлечь и страны соседних регионов. В Омане 400 видов птиц, из них только 86 гнездятся, остальные зимуют. Территорию Объединённых Арабских Эмиратов разбили на 2.000 участков для проведения учетов птиц.

Второй и последующие дни были посвящены тренингу-обучению методике подготовки заявок на проекты. Фасилитатор – Дэвид Томас, работник центрального аппарата Bird Life International (Кембридж). Эта сложная методика позволяет при помощи цветных карточек на стендах проводить анализ основных задач проекта, основных угроз биоразнообразию (основных причин) и, наконец, – основных действий, необходимых для улучшения общей ситуации.

Параллельно мы провели цикл собеседований с руководством Ближневосточного отделения Bird Life International (Аднан Будиери) и Германского общества охраны природы – NABU (Михаэль Бромбахер). Главной темой их был поиск путей и форм сотрудничества казахстанских и узбекистанских орнитологических общественных организаций на период двухлетнего «испытательного» срока, необходимого для того, чтобы стать партнёром Bird Life International. Было принято решение о совместной разработке проекта по Ключевым Орнитологическим Территориям Казахстана тремя общественными организациями: NABU, Союз охраны птиц Казахстана и «Ремез». Была начата подготовка документации к данному проекту. Однако в частной беседе Михаэль не скрывал, что работать с двумя казахстанскими организациями ему неудобно. Более того, он бы хотел сотрудничать именно с «Ремезом», хотя и понимает, что это организация любителей, а для работы с ключевыми орнитологическими террито-

риями профессионалы необходимы. Поэтому главная наша задача, с его точки зрения, – объединить две наши организации в одну. Так появилась идея, которая впоследствии была реализована путём создания двумя нашими организациями третьей – АСБК, или «Ассоциации сохранения биоразнообразия Казахстана», выросшей через 10 лет в очень мощное образование. . .

В дни работы совещания был устроен приём у сестры эмира принцессы Кувейта Амтал (рис. 104), которая является меценатом и активным участником экологического движения. На приёме она даже прихрамывала, поскольку поранила ногу во время очередной акции по очистке морского залива от загрязнения различным металлоломом. По окончании совещания принцесса Амтал организовала выпуск в природу соколов, в котором мы также приняли участие. Выпуск состоялся во время полевой экскурсии по берегу Персидского залива, где ещё видны были следы от недавней войны с Ираком: остовы сгоревших танков и другой бронетехники, огромные воронки от бомб и др. Было выпущено 6 крупных соколов: средиземноморский сокол, или лаггар (*Falco jugger*), шахин (*Falco pelegrinoides*), балобан (*Falco cherrug*) и 10 пустельг двух видов – обыкновенная (*Falco tinnunculus*) и степная (*Falco naumanni*). Обстановка на месте выпуска была своеобразная: в абсолютно ровной пустыне были поставлены высокие шатры, стояли столы с прохладительными напитками и скамейки для зрителей, а на низеньких присадах вокруг сидели сокола в клубочках. Аднан Будиери позволил каждому из нас подержать сокола на руке, даже во время выпуска. И Валера Хроков не выдержал: выпуская своего сокола, он крикнул: «Лети в Казахстан!». Здесь же присутствовала пресса и велись фото- и видеосъемка, брались интервью – пропаганда была на высоте.

Рис. 104. Принцесса Кувейта Амтал, В.В.Хроков, А.Ф.Ковшарь и Аднан Будиери. Кувейт, март 2002 г.

Мне запомнилось посещение морского аквариума, где богато представлена водная фауна. Но не меньшее впечатление оставило вечернее освещение пальм на берегу залива, где расположен этот морской аквариум. Как-то среди дня мы с Хроковым, улучив пару часов, съездили в город (гостиница, в которой мы жили, была за городом), побродили по его улицам и, конечно же, посетили торговые ряды в поисках сувениров. Надо сказать, что этот город не похож ни на какой другой из тех арабских городов, которые мне уже довелось повидать. Прежде всего, Эль-Кувейт – небольшой город (всего 32 тыс. жителей), и лишь с пригородами – более 1 млн. Во-вторых, он довольно молодой (XVIII в.). Центр города имеет радиальную застройку и расположен на низком южном берегу залива Кувейт – единственной глубоководной гавани на западном побережье Персидского залива. В 1990 году был оккупирован иракскими войсками и освобождён в феврале 1991 г. Музей истории этой войны впечатляет своими небольшими, но красочными диорамами...

Вторая поездка в Кувейт (Региональный форум IUCN, сентябрь 2002)

Покидая Кувейт в конце марта, я и не предполагал, что в сентябре снова вернусь сюда – уже на форум IUCN под названием «WESCANА Regional Conservation Forum». С 15 по 17 сентября 2002 г. в Кувейте проходил очередной, четвертый по счету Региональный форум WESCANА (West and Central Asia and North Africa) – североафриканского и западно-центральноазиатского региона Международного Союза Охраны Природы (МСОП, или IUCN). Такие региональные форумы общественных организаций, членов МСОП, проводятся периодически, раз в 2-3 года, и в них принимают участие по возможности представители всех членов МСОП из данного региона. В Центральноазиатском подрегионе в настоящее время 8 НПО-членов МСОП, из них 4 – в Казахстане. В данном форуме принимали участие 4 представителя от казахстанских членов: А.Ф. Ковшарь (КСАЗО), В.П. Ни (KazLEEP), Р.В. Яценко (ТЕТИС) и В.М. Громов (рис. 105). В работе форума принимали участие представители центрального руководства МСОП – генеральный директор Ахим Штайнер, директор глобальных программ Вильям Джексон, координатор программы по охраняемым территориям Дэвид Шеппард, координатор WESCANА Фрэнсис Паракатиль а также первый заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Кувейта шейх Сабах Аль-Ахмед Аль-Сабах и шейха (принцесса) Амтал Аль-Ахмед Аль-Сабах.

Были заслушаны отчеты о работе, проделанной за период после Амманского конгресса по региональным, субрегиональным и национальным программам МСОП; обзор о выполнении резолюций этого конгресса; вопросы подготовки к Всемирному конгрессу парков, который должен состояться в 2003 г. в Южной Африке; вопросы дальнейшей работы WESCANА, в т.ч. – о переносе штаб-квартиры региона из Швейцарии в одну из стран региона. Были также проведены рабочие заседания субрегиональных комитетов, на одном из которых (Центрально-Азиатском) мы делали краткие обзоры-отчеты о проводимой нашими организациями работе.

В перерывах между заседаниями казахстанская делегация провела две рабочие встречи: с генеральным директором Штайнером (в присутствии директора глобальной программы Джексона) и с представителями комиссии МСОП по охраняемым территориям – Шеппардом, Османом и др. На первой встрече были обсуждены дальнейшие возможности преобразования Центрального субрегиона в самостоятельный регион, поскольку после переноса штаб-квартиры WESCANA в одну из арабских стран Средняя Азия и Казахстан могут оказаться в подчиненном и невыгодном положении. На второй встрече Р.В. Яценко сделал на английском языке красочную презентацию нашего совместного проекта по инвентаризации всех охраняемых территорий в регионе Центральной Азии, включая Казахстан и пять среднеазиатских республик.

Рис. 105. В салоне рейса «Кувейт – Алматы», сентябрь 2002 г. Слева направо: В.П. Ни, А.Ф.Ковшарь, В.М.Громов. Фото Р.В. Яценко

Такова официальная сторона нашей поездки. Неофициально же, помимо довольно широкого общения с участниками совещания, мы более подробно ознакомились с самим городом и, прежде всего, – с уникальными Башнями Кувейта, с современными смотровыми площадками и с живописными яркими куполами. Высота их 146 и 187 м, построены они в 1979 г. Наверху телевизионной «Башни освобождения» высотой 372 м, сооруженной в 1995-1996 гг., имеется непрерывно вращающаяся смотровая площадка и ресторан, которые мы посетили вечером, когда панорама города особенно красива.

А после окончания форума нас возили на экскурсию в окружающую пустыню, представляющую собой настоящую жаровню из светлого, почти белого песка. Почему-то запомнился медоед (*Mellivora capensis*), раздавленный на скоростной трассе. А в другом месте мне показали довольно жалкие кустики, в которых зимуют наши испанские воробьи (*Passer hispaniolensis*), часть из которых два года назад даже остались на лето и пытались загнездиться в этом неподходящем месте!

Несостоявшееся сотрудничество с миллионером (апрель 2002)

В перерывах между этими поездками много времени занимала издательская работа. Так, в апреле вышел очередной номер журнала «Selevinia-2001». Остальное свободное время уходило на работу над книгой «Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век», которую я задумал после выхода в свет двух аналогичных книг: «Московские орнитологи» (1999) и «Орнитологи Украины

(1999)». С 12 по 25 мая – традиционные выезды с Birdwatcher's по знакомым маршрутам: Кольшёнгель-Топар-Чарын-высокогорье; каждый из них, приносил не только материальный доход, но и моральное удовлетворение, заменяя настоящее поле и давая возможность общения с новыми людьми.

И ещё одно любопытное воспоминание относится к апрелю 2002 г. – знакомство с первым казахстанским миллионером Сергеем Николаевичем Степанченко. К своему стыду, я о нём почти ничего не знал, кроме того, что на него уже работают Костя Плахов и Светлана Анненкова: первый – по части каких-то зоологических обследований-обоснований, связанных с интурохотой, а вторая – как организатор и гид зарубежных групп орнитологических туров. Он сам позвонил мне и договорился о встрече, которая состоялась на следующий день в моём кабинете. Средних лет, моложавый, спортивного вида, уверенный в себе, он оказался моим земляком-полтавчанином и всем своим деловым поведением очень быстро сумел расположить к себе. Познакомившись с постановкой охоты и туризма за рубежом, он решил внедрить их достижения в свой бизнес в Казахстане, где до сих пор его доходы на 99% состояли из интурохоты и только на 1% – из развивающегося туризма, а он хотел изменить это соотношение примерно на 60% и 40%. Суть его предложения сводилась к следующему: собрать группу людей, готовых заниматься этим бизнесом на научной основе. Он уже проработал эту идею в организационном плане – создать крупный фонд экологического направления под патронажем высокого покровителя (речь шла об одном из членов правящей семьи). Ко мне у него было сразу два предложения: войти в совет этого фонда (как он выразился – попечительский) и уговорить свою дочь Викторину на должность секретаря этого фонда, т.е. фактического организатора всей его работы. Но Вика, стоило мне только объяснить суть дела, категорически отказалась, и я был с ней в этом согласен. Так я упустил единственный шанс хоть раз побыть около больших денег. К сожалению, вскоре Степанченко трагически погиб, и смерть его явно была следствием его профессиональной деятельности (большой бизнес – большой риск). Мне искренне было жаль его как очень энергичного человека и потому ещё, что он мог принести немалую пользу в развитии нашего туризма.

Экспедиция в Джунгарский Алатау и Кетмень (5-я немецко-киргизская, июль 2002)

Центральным событием года для меня стала 5-я Международная немецко-киргизско-казахская экспедиция – в Джунгарский Алатау и в Кетмень (14 июля – 3 августа). Для меня эта поездка была не менее интересной, чем для гостей, потому что Джунгарский Алатау оставался для меня загадкой: кроме трёх точек «Самарканд – Баскан – Тополёвка» я нигде больше не был. А немцев очень заинтриговали три заезда в прошлом году, когда ничего толком здесь увидеть так и не удалось. Состав киргизских и казахских участников был тот же, а среди 11 немцев (Gerd Müller-Motzfeld, Markus Lange, J.-Christoph Kornmilch, Ulf Hauke, Reinhold Loch, Hans-Jorgen Gottschalk, Thomas Martschei, Till Osten, Michael Kulman, Johannes Nauenburg) половина были новенькие.

Как и год назад, на подготовку документов экспедиции у меня ушло несколько месяцев, а бумаг оказалось даже больше, чем в прошлом году. Когда Мюллер увидел эти кипы бумаг, он покачал головой и сказал, что Казахстан намного труднее, чем Киргизия, и, видимо, на следующий год придётся всё же возвращаться в Тянь-Шань... А задумавший снимать видеofilm об этой экспедиции Thomas Martschei, захвативший специально для этого профессиональную видеокамеру, разложил все эти бумаги на письменном столе и снял эту впечатляющую картину на видео!. И фильм его потом с них и начинался.

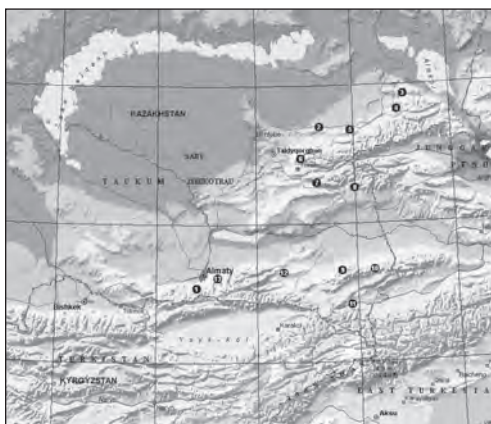

Рис. 106. Места стоянок Джунгаро-Кетменской экспедиции, 2002 г.

Однако даже к приезду участников не все «бумажные» дела были закончены, для завершения их требовалось ещё пару дней!. Поэтому, переночевав одну ночь в гостинице, Мюллер попросил меня вывезти их в ближайшие горы, чтобы люди могли работать, пока я буду заниматься бумажной волокитой. Так и сделали – вывезли их в соседнее ущелье Аксай, на территорию Заилийского национального парка. Зам. директора по науке Байтанаев разрешил нам стать на территории нацпарка, а Ерлан Бекбаев сопровождал на своем ГАЗике с собакой. Но лесник Захаропуло Панайот Естафьевич так и не появился у закрытого шлагбаума, поэтому нам пришлось стать ниже второго шлагбаума, около дач, у реки. Здесь, внизу ущелья все заросло высокой травой и кустарниками (до ёлок мы так и не доехали). В русле – хороший тополево-ивовый лес с кустарником, яблоня, урюк, облепиха. Речка здесь 6-7 м шириной, очень многоводная. Здесь энтомологи занялись своими сборами, а я после каждой утренней экскурсии ездил в город улаживать дела с пропусками в погранзону, которые почему-то лежали в ОВИР^е без движения с 30 мая.

Только к вечеру 17 июля получили мы, наконец, эти проклятые пропуска и утром 18 июля покинули аксайский лагерь, взяв курс на Талды-Курган. Маршрут (рис. 106) был составлен так, чтобы в кратчайший срок добраться до самой дальней точки и оттуда постепенно возвращаться. По пути в сухой полынной степи нам постоянно встречались большие стаи розовых скворцов (*Pastor roseus*), кормящихся прямокрылыми (Orthoptera). Вечером стали лагерем на правом берегу р. Биен выше пос. Сагабиен (365 км от Алма-Аты), посреди полынной площадки на камнях, среди зарослей чингила. Глинисто-щебенистые склоны гор покрыты редкими кустарниками. В 400-500 м ниже – трасса на Сарканд. К вечеру следующего дня, минуя город Сарканд и сёла Кабанбай (Андре-

евка), Герасимовка и Дзержинское вышли на р. Верхний Тентек и, преодолев крутосклонные бугры, стали лагерем № 3 в верховьях правобережного притока В. Тентека на высокотравной поляне среди ивово-тополевых зарослей. Это крайняя восточная точка нашего маршрута.

Птицы здесь не представляли для меня особого интереса, энтомологи тоже были не в восторге от места, поэтому утром 20 июля мы оставили его и выехали обратно в сторону села Дзержинское. Дорога в узком ущелье оказалась не из лучших: грязевые притоки ручьев нам пришлось форсировать пешком. Так называемые «прилавки» все покрыты цветущими тысячелистником и ромашкой – всё белое. А на крутых восточных микросклончиках – густющие высокие розарии с розовой мальвой (запомнятся надолго!).

К полудню выехали к р. Орто-Тентек с обширными галечниками. Здесь сделали получасовую остановку для поисков серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii*). И не зря! Буквально в первую минуту пара серпоклювов с криком отлетела на противоположный берег! На этом месте нашел свежевывапавшее маховое перо серпоклюва. Здесь – обширный галечниковый остров, часть которого поросла травой и даже одиночный старый тополь растет у его восточного берега. Западная часть – хороший галечник с небольшими участками песка. Через полчаса та же пара взлетела с другого места.

В с. Герасимовка мы отметили, наконец, свои командировочные удостоверения (сейчас и это стало проблемой!) и через сёла Андреевка, Екпенды, Тонкорус и Шинжалы добрались до Константиновки (теперь её называют Кокжар). Около 17 час, отметившись на лесном шлагбауме в Константиновке, переехали через Тентек и стали лагерем № 4 в зоне отдыха в 1 км выше моста, пройдя за день 160 км. Лагерь разбили на краю хорошей березовой рощи на правом берегу Тентека, у выхода его из замкнутого ущелья. Первое, что мы здесь увидели – летящий чёрный аист (*Ciconia nigra*), а потом – ещё один! Очень интересным для меня был и полевой лунь (*Circus cyaneus*), которого увидел Markus.

Утром 21 июля мы на одной машине (Володя) поехали через Караой к Орта-Тентеку (здесь его называют Вторым Тентеком). Было пасмурно, временами моросило, но дорога пока ещё сухая. Дорога проходила по всхолмленному плато, среди буйного разнотравья (цикорий, коровяк, герань, гречишники), много цветущей мальвы, цветущего зверобоя и душицы, местами вероники. Больше всего гречишника типа *Polygonum hissaricum*. Очень густая и высокая трава. Здесь было много перепелов (*Coturnix coturnix*), певших в густой траве, а в одном месте на дороге – выводок, штук 6 молодых в половину взрослых, но уже летают, хоть и с напряжением. Много было также черноголовых чеканчиков (*Saxicola torquata*), а в одном месте с дороги посреди лугов взлетела самка тетерева (*Lyrurus tetrrix*).

К полудню выехали на высшую точку (2062 м) этих гор Суук, откуда начинается спуск в Малый Карой. Здесь, выше 2000 м, – низкотравные субальпийские луга: флёмис, вероника, тысячелистник и какой-то злак мелкий типа мятлика; по западинам – ежа сборная (*Dactylus glomerata*). Начавшийся дождь застал нас на спуске в Малый Карой и заставил повернуть назад. Единственная

добыча – фото Тентека издалека, при очень плохом освещении. На обратном пути среди высокотравья подняли с дороги выводок тетерева (*Lyrurus tetrrix*) и несколько раз слышали крик фазана (*Phasianus colchicus*).

В лагере Маркус рассказал мне, что встретил серпоклювов (*Ibidorhyncha struthersii*). Я пошёл на место, где он их наблюдал, и сразу же увидел двух взрослых у небольшого галечникового островка чуть ниже села. Место вполне подходящее для гнездования. Здесь Тентек, выйдя из узкого ущелья (близ нашего лагеря), проходит 2 км по равнине и снова входит в узкую теснину, из которой он выходит внизу уже около села Герасимовка. Подходящий для гнездования галечниковый островок (на нем-то и встречена эта пара) находится перед следующей тесниной, метров 100 выше слияния двух речек. Размеры островка 10x30 м, он почти посередине водотока (20 и 30 м до берегов). Островок абсолютно голый, только на краю его – сухие ветки сплавины. Высота 1050 м над ур.м. Вечером, уже в 21⁰⁰, после захода солнца, Томас Мартчай встретил пару серпоклювов на галечниковом перекате (напрямую это метров 400) и снял их на видео!

Утром 22 июля пара серпоклювов была на том же месте. Там же были и два чёрных аиста, о которых местный парень Женя говорил, что здесь в горах живут две пары, гнезда их находятся на ёлках. Уже на выезде из лагеря нас провожали крики ополовников, или долгохвостых синиц (*Aegithalos caudatus*). Всё так же под моросящим дождиком мы проехали Андреевку и ушли на Сарканд. Так начался наш обратный путь вдоль хребта Джунгарский Алатау, с заездами в отдельные доступные и интересные нам ущелья.

В 15⁴⁵ выехали из Сарканда после того, как посетили военную комендатуру и закрытую миграционную полицию (на двери написано: «ми дышаем»). Моросит дождик.

В Покатиловке поехали на заставу, но после неудавшихся переговоров и телефонных разговоров поехали под дождем обратно в Сарканд, в комендатуру. Дело в том, что там, на заставе, с нас потребовали вернуться в погранотряд в Ушарал (!), чтобы там поставили какую-то недостающую печать. И только после длительных бесед с капитаном Булатхановым в комендатуре и представителем КНБ мы с грехом пополам в 18³⁰ выехали на р. Сарканд и стали над городом, у выхода её из узкого ущелья (так называемое у них Синегорье). Дождь шёл, не переставая. Под дождем поставили палатки, хотя профессор Мюллер не хотел, предлагая ехать дальше на запад. Однако шоферам нужен был отдых...

Утро 23 июля выдалось пасмурным, но без дождя. И в окрестностях нашего лагеря № 5 около 30 степных пустельг (*Falco naumanni*) кормились насекомыми в воздухе. На склонах Маркус встретил немало красноухих овсянок (*Emberiza cioides*). А уже в 9 час мы выехали на запад. Талды-Курган прошли по объездной, а перед речкой Коксу свернули к горам, на Текели, направляясь к ущелью реки Кора. Это название манило меня уже не одно десятилетие, о нём я читал ещё у В.Н. Шнитникова, который очень хорошо описал его в своих книгах. Прodelав за день 214 км, мы пополудни достигли города Текели. Не зная толком дороги, к погранзаставе подъехали с другой стороны очень бурной реки Кора, через которую к заставе вёл высокий подвесной мостик, на который было

Рис. 107. Лагерь экспедиции в долине р. Кора. Джунгарский Алатау, 23 июля 2002 г.

страшно смотреть, поскольку больше половины досок в его настиле не хватало. Хорошо, что хоть были натянуты два троса, служившие поручнями, за которые можно было держаться. Но, тем не менее, мне было страшно переходить через него, держа в руках 15 паспортов, — так и казалось, что хоть один из них сейчас упадёт в бурный водоворот — и тогда... К счастью всё обошлось, и командир заставы

старший лейтенант Евгений Александрович оказался человеком понимающим. В итоге уже к 17 час мы въехали в ущелье Кору в километре выше заставы через другой, автомобильный мостик, тоже оставлявший желать лучшего... (заезд на него хорошо снят на видео!).

Шестой лагерь разбили на берегу реки, на одной из высокотравных полян, занятых цветущими душицей и зверобоем. Ущелье р. Кору здесь очень узкое, крутые склоны его поросли березовым лесом, который спускается и на дно ущелья. Утром 24 июля на одной машине съездили в верховья реки Кору. Проехали всего 6 км, остальные 8 км пришлось идти пешком. До самих верховьев оставался не один десяток километров, но дорога была настолько трудная, что не стоило истязать на ней наши машины, которым ещё предстояло пройти не одну сотню километров по горам. По долине везде — березовый лес, мокрый, с мочажинами; а на полянах по склонам — цветущая душица и зверобой. По самому дну долины много цветущих аконитов и живокостей высотой до 3 м, гораздо выше человеческого роста.

Фауна птиц здесь типично лесная. Самая многочисленная — поющая везде зелёная пеночка (*Phylloscopus viridanus*), у которой встречаются вылетевшие птенцы. Из синиц наиболее часто встречались тянь-шаньский князёк (*Parus cyanus*) и большая синица (*Parus major*), изредка — московка (*Parus ater*) и джунгарская гаичка (*Parus songarus*). В одном месте я встретил с кормом у дупла явно гибридную синицу (*Parus bokharensis/major*): она была вся светло-серая, лишь с едва заметным желтоватым оттенком на брюхе! Почти не было видно молчаливых зарничек (*Phylloscopus inornatus*). Изредка попадались садовые камышевки (*Acrocephalus dumetorum*) и горихвостки-лысушки (*Phoenicurus phoenicurus*). У воды замечены одиночные оляпки (*Cinclus cinclus*), кулики-перевозчики (*Actitis hypoleucos*) и горные трясогузки (*Motacilla cinerea*). Несмотря на наличие местами галечниковых островков, серпоклюва мы не обнаружили.

С крутого южного склона, поросшего кустарником между скалами, слышны были отдельные песни чечевиц (*Carpodacus erythrinus*) и индийских пеночек (*Phylloscopus griseolus*), а около скал видны были летающие стрижи (*Apus apus*).

Нередко пролетали и пернатые хищники: беркут (*Aquila chrysaetus*), орёл-карлик (*Hieraaetus pennatus*), коршун (*Milvus migrans*), канюк (*Buteo buteo*), ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*), чеглок (*Hypotriorchis subbuteo*).

Ущелье Кору вполне оправдало мои ожидания, в нём было очень приятно работать, и я с большим сожалением покидал его утром 25 июля. Дальнейший наш путь из Текели пролегал через посёлок Рудничный в долину Коксу. Везде на обширных высокотравных прилавках нас сопровождали сотенные и даже тысячные стаи розовых скворцов (*Pastor roseus*), которые старались использовать каждый молодой карагач, чтобы спрятаться в его кроне от немилосердного солнца! Обыкновенные скворцы (*Sturnus vulgaris*) попадались на порядок реже и отдельными небольшими группками.

Около Рудничного – длинный затяжной спуск в долину реки Коксу, которая видна хорошо. По водности она почти такая же, как Кора, шириной более 10 м. Здесь у входа в ущелье – погранпост. Пришлось полтора часа ожидать на жаре, пока закончится обеденный перерыв. И всё равно в ущелье Коксу нас не пустили под предлогом того, что в наших пропусках нет Кербулакского района и что по Коксу теперь открыта дорога в Китай. Пришлось стать лагерем № 7 на речке Коктал в 1-1.5 км от входа в ущелье.

Река Коктал здесь течет почти прямо на запад. Левобережный склон покрыт кустарником и островками елового леса, скал нет. Правобережный (южный) склон открытый, полностью поросший травой (тысячелистник, герань, душица, зверобой, полынь и др.). Нижняя треть склона – сиреневая от цветущей душицы (*Origanum vulgare*), а верхняя – желтая от зверобоя (*Hypericum perforatum*). Речка бурная, пенная, шириной 6-8 м. Вдоль водотока узкой (10-20 м) прерывистой полосой растут ивы, тополь, береза, не образующие густых зарослей. Ельники северного склона спускаются прямо к воде.

Птицы здесь такие же, как и в ущелье Кору, новым оказался только ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*). Кроме того, интересно было наблюдать, как сокол-чеглок (*Falco subbuteo*) охотился в воздухе за стрекозами, у которых как раз был массовый лёт. В 10 час над нашим лагерем на высоте 15-20 м летали тысячи стрекоз. Чеглок ловил их лапами и подносит к клюву налету. Через час то же самое я наблюдал в полукилометре от прежнего места. А в верхней части ущелья, на боковом ручье, впадающем в Коктал среди елок, Маркус Ланге нашёл 3 молодых личинки эндемичного семиреченского лягушкозуба (*Ranodon sibiricus*) по 5 см длиной. Это была редкостная удача для наших гостей.

На следующий день через Кугалинскую долину выехали на трассу «Сарьозек – Панфилов» и свернули влево, на Панфилов (Джаркент). В Кугалинской долине встретили двух взрослых журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*) с одним крупным птенцом. В 11⁻⁴⁰ начали подъем на перевал Алтынэмель. Удивительно зелёные здесь склоны гор, как будто сейчас не конец июля, а май!!! Из Джаркента повернули прямо на север, в горы и, проехав сёла Турпан, Садыр и Сарыбель, в 18⁻⁵⁰ прибыли на заставу у входа в ущелье Тышкан. Здесь нас пропустили довольно быстро, но... дали сопровождающего лейтенанта, который будет жить с нами, на всякий случай!. Хорошо, что хоть ночевать он уходил в село.

Этот наш лагерь № 8 был последним в Джунгарском хребте. Узкое Тышканское ущелье направлено в этом месте на юг. Глинисто-каменные склоны с выходами скал сверху, густо задернованы и заросли кустарником. По ним прямо к речке спускаются гривки елового леса. Крутизна склонов 40-45°, относительная высота 300-400 м. На скалистых вершинах – небольшие пятна снега. Речка шириной 10 м, вдоль водотока – ивняк с полянами. На одной из таких полян мы и разбили свой лагерь. Дорога здесь же и заканчивается, дальше по руслу идет какая-то прерывистая полутропа. Фауна птиц такая как и в Заилийском Алатау. Интересными для меня были встречи орла-карлика (*Hieraetus pennatus*), довольно редкого в последние годы и занесенного в Красную книгу Казахстана.

Вечером 28 июля мы с Гердом Мюллером уточнили остальную часть маршрута и на память о Джунгарском Алатау сфотографировались все вместе с лейтенантом Бериком Асановым из Джаркента. А утром следующего дня через город Джаркент и село Чунджа перебазировались в северные подножья хребта Кетмень, уже в Тянь-Шань.

В Джаркенте мы, конечно же, посмотрели знаменитую мечеть-пагоду. Сам город был основан в 1881 году генералом Куропаткиным на месте старых уйгурских кишлаков, когда в результате Петербургского договора часть земель Илийской долины осталась за Российской империей. Город был заложен в пустынной местности, на перекрестке дорог, идущих из Верного в Кульджу и из

Рис. 108. Состав Джунгаро-Кетменьской зоологической экспедиции с одним пограничником и местным жителем. Крайняя слева – В.И.Торопова, крайний справа – Ульф Хауке; в центре стоят Герд Мюллер, Л.И.Кустарёва и А.Ф.Ковшарь.; 4-й слева – водитель В.Бауман. Сидят: 2-й слева – водитель Костя Всеволодов, 3-й - Thomas Martschei, сделавший видеофильм об экспедиции; 5-й – орнитолог Маркус Ланге. Конец июля 2002 г.

гор Джунгарского Алатау на реку Или и далее на юг – на киргизские горные кочевья в долине Каркары. Место выбрали на речке Усек, текущей со склонов Джунгарского Алатау и исчезающей в камышовых плавнях правобережья Или. С 1887 по 1895 год на средства мусульманской общины и пожертвования переселившихся из Кульджи уйгур в этом городе была возведена мечеть. Несколько десятков народных мастеров (известны имена Абдукадыра, Хасана Иманова, Таира Исмаилова, Насреддина Кары, Ушурбаки, Зайнутдина) под руководством китайского архитектора Хон Пике (Мукан) возвели это величественное сооружение из тянь-шаньской ели, отличающейся необычайной крепостью и долголетием. Остов здания составляют 122 деревянных столба, привезенных из Кетменьских гор; гвозди при монтаже не использовались. Надпись, на уйгурском языке над входом в мечеть гласит: «Одеваемую обувь не пересушивай и не забывай минувшие дни». Каждый может осмысливать эту мудрость по-своему. Есть легенда, что по возвращении домой, в Пекин, архитектор Хон Пике был казнён за то, что даже в самой Поднебесной (как именовали Китайскую империю) не было мечети красивей той, которую построил он в Джаркенте... Как бы то ни было, но мечеть действительно великолепна, и мы были счастливы её осмотреть хотя бы снаружи (внутри шёл ремонт), в сопровождении грамотного гида, которым был сам директор мечети.

Из птиц в городе самыми многочисленными оказались майны (*Acridotheres tristis*), зеленушки (*Chloris chloris*) и кольчатые горлицы (*Streptopelia decaocto*), тогда как египетской (*Streptopelia senegalensis*) не удалось увидеть ни одной. А прямо перед входом на базар – большая стая грачей (*Corvus frugilegus*) и галок (*Coloeus monedula*).

Очень интересной оказалась для меня беседа с охотоведом лесхоза, у которого мы отменяли командировочные удостоверения. По его словам, джеки (*Chlamydotis undulata*) появились в этом году близ Джаркента: сначала встретили 6 штук в апреле, а потом – 17 сразу, тоже в апреле. Явно пролетные. Довольно массовый весенний пролёт журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*), стаями по 100-200 особей, идёт не вдоль реки Или, а на северо-восток, наискось – через горы! Это вполне совпадало с нашими наблюдениями в апреле 1989 года близ Куликовки в долине Или. А осенью, по словам охотоведа, пролёта журавлей здесь вообще нет! Интересно было также узнать, что в настоящее время (конец июля) на убранных хлебных полях в районе карагачевой рощи, что между Джаркентом и Кокталом, концентрируются не только вяхири (*Columba palumbus*), но также и населяющие окрестные горы кеклики (*Alectoris chukar*).

Река Или поразила наших гостей не столько своей шириной (у чунджинского моста это уже довольно солидная река!), сколько коричневой водой, почти неотличимой от цвета песчаных отмелей. Село Чунджа запомнилось невыносимой жарой, от которой мы изнывали почти два полуденных часа, пока оформлялись в погранотряде (подполковник Аскар Алиаскарович) и в КНБ, где безымянный доброжелатель сообщил о «белопогоннике», т.е. могильнике (*Aquila heliaca*), который живет у беркутчатника в селе Тигермень. Надолго застряли также перед шлагбаумом лесника, который не поверил записке Камильжана Юлдашева (ди-

ректора Чунджинского лесхоза) и поехал спрашивать разрешения пропустить нас в Б. Аксу. В результате только в сумерках разбили лагерь № 9 в русле реки Б. Аксу, примерно в 3 км выше лесника у нижней границы леса.

Утром 29 июля, едва позавтракав, мы отправились вдоль северных подножий Кетменя на восток, в сторону Кольжата. Перед этим удалось увидеть трёх чёрных грифов (*Aegypius monachus*) и 6 кумаев (*Gyps himalayensis*), из которых три взрослых, белоснежно белых, и три – потемнее, возможно, молодые. Сначала летали, а потом сели на скалы у вершины левобережного склона (восточной экспозиции, хорошо освещён). Расстояние до них – не более 500 м. Рассмотрели их достаточно хорошо все участники экспедиции.

За селом Тигермень и одноименной речкой трасса круто ушла влево – от гор. Пошла на основную трассу, которая идёт из Чунджи на Кольжат. Здесь хорошее покрытие, она обсажена молодой карагачевой посадкой. От гор трасса уходит под углом примерно 60°. Вскоре она разделилась: вправо пошла вдоль гор на село Актан, а влево (прямо вниз) – на село Узунтам (24 км). Здесь очень пологий шлейф – спуск от гор, и прямая, как стрела, дорога идет среди низкотравной полынной степи (полупустыня на глине со щебенкой).

Из птиц здесь встречались в основном малые жаворонки (*Calandrella cinerea*) и два вида каменок – плясунья (*Oenanthe isabellina*) и обыкновенная (*Oenanthe oenanthe*).

В полдень остановились на часок у слабо-теплой скважины с островком деревьев. Кроме группы насаженных старых тополей здесь ещё были молодые карагачи, заросли тамариска, заросли чингила (*Halimodendron halodendron*), а вдоль текущей воды – высокие заросли мяты и пр. Здесь оказалось много насекомых и птиц! Среди них – туркестанский жулан (*Lanius phoenicuroides*), сизоворонка (*Coracias garrulus*), обыкновенная чечевица (*Carpodacus erythrinus*), буланые вьюрки (*Rhodospiza obsoleta*), удод (*Upupa epops*). Более 200 полевых воробьёв (*Passer montanus*) копошились в тополях и в карагачах. Там много гнёзд этого года постройки, и воробьи не то разбирали их, не то достраивали. Гнёзда среди ветвей, но одиночные и не такие громоздкие, как у испанцев (*Passer hispaniolensis*).

Дальше траса вела на восток, в сторону Дубунской переправы. На свертке на эту переправу, в 5 км от основной трасы, среди саксаульника среднего возраста и густоты, мы увидели горячий источник. Температура воды в нём оказалась около 35°! Здесь устроили настоящую баню для всех, а через час направились на Большой Кетмень, до которого оставалось всего 22 км. Здесь, на щебенистой полупустыне на полпути от трасы до гор нам попался первый двупятнистый жаворонок (*Melanocorypha bimaculata*).

Закупив в селе Большой Кетмень продукты, в т.ч. аэран для окрошки, которую немцы за время наших путешествий очень полюбили, мы направились в сторону перевала через Кетмень (село – в предгорьях, между 1370 и 1450 м над ур.м.). Несмотря на распросы, мы поехали не по той дороге – ужасной, которая, в конечном счёте, завела нас в тупик. Кроме колонии каких-то роющих ос ничего хорошего нам не попало. Пришлось вырुливать в соседнюю балку,

через какого-то фермера-пчеловода. Здесь – великолепные флёмисовые луга: цветущие шалфей и тысячелистник, сенокосы, пасеки. По западинам северных склонов и даже под придорожными обрывами – огромные кусты барбариса (*Berberis oblonga*). Поднялись в зону елового леса, где много посадок (это лесхоз), и в 18⁻³⁰ стали лагерем № 10 на лугах близ верхней границы леса (2600 м). Это верховье речки перед серпантином на перевал. Ущелье ориентировано с юга на север, здесь оно расширяется. На западном склоне – ельники, на восточном – стелющаяся арча. И везде – низкотравный манжетковый луг, к тому же сильно стравленный скотом, которого здесь предостаточно!

Фауна птиц здесь типична для верхней границы леса в Северном Тянь-Шане. Самые интересные встречи – выводок из четырёх расписных синичек (*Leptopoeile sophiae*), крики кедровок (*Nucifraga caryocatactes*) из леса и мелодичные голоса летающих в небе клушиц (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*). В 9⁻⁰⁰ начали подъём на перевал. Первую половину пути я ехал на Володиной машине (Мюллер с группой пошел поработать к снежнику на полчаса), а потом часть пути прошёл пешком, а завершил подъём уже с Костей. На перевале Б. Кетмень (3033 м) кто-то соорудил статую медведя. Чёрные тучи, надвигавшиеся с запада, вынудили наших водителей торопить нас скорее спуститься с перевала, поскольку внизу – крутые глинистые спуски (торопил Володя). На спуске в русло р. Чолкудысу перед машиной трижды взлетал чётный аист (*Ciconia nigra*).

В саму Чулкудинскую долину спустились почти в том месте, где мы жили с Борисом в 1994 г. Дальнейший наш путь вдоль Чулкудысу вниз по её течению проходил под дождём и холодным ветром – работать было невозможно! Лишь один раз в перерыве между приступами дождя в 13⁻⁰⁰ мы остановились на берегу Чулкудысу на полчаса. И тут же нам попались две пары серпоклювов (*Ibidorhyncha struthersii*). По всей вероятности, здесь их и сейчас было не меньше, чем тогда, в 1994 г. Над речкой видели двух речных крачек (*Sterna hirundo*), по берегам – маскированных (*Motacilla personata*) и желтоголовых (*Motacilla citreola*) трясогузок, куликов-перевозчиков (*Actitis hypoleucos*), огарей (*Tadorna ferruginea*), коршунов (*Milvus migrans*) и канюков (*Buteo buteo*). А на разнотравных лугах, высота которых здесь – до 30 см (тысячелистник, мятлик, эдельвейсы), пели перепела (*Coturnix coturnix*). Только к 13⁻⁴⁰, миновав все подходящие для серпоклюва места, вышли из полосы дождя. Здесь сухо, солнышко, а пойма уже с ивняком – нет голых галечников!

Только к 14⁻⁴⁰, проехав от перевала 56 км, мы добрались до озера Тузколь. Дождик, все затянуто чёрным. Скота масса – особенно лошадей. Озёрную котловину объезжали по отвратительной дороге – особенно там, где она идёт мимо бывшего асфальта, ставшего совершенно непригодным для езды. Сама дорога идёт по глинистым холмам и увалам (хорошо, что здесь сухо!), среди низкотравной полевой степи, стравленной скотом. А впереди и немного слева виден Нарынкол! Миновав посёлок Текес, мы направились за хлебом в Нарынкол, откуда выехали в 17⁻⁰⁵. Всего в 1.5 км от границы Нарынкола – указатель: «Баянкол – 28 км». Поехали по этому указателю под непрерывным дождём. Здесь нас долго не пропускали на территорию заставы, а когда, наконец, пустили, выяснилось,

что мы не можем найти себе место для лагеря. Мюллер потребовал – ехать обратно из этого насквозь промокшего места. Но не тут-то было: нам почему-то долго не открывали ворота, держа нас, как в ловушке (оказывается, приехало какое-то инспектирующее начальство и нас нельзя было показывать, пока оно не уедет). Холодный дождь и не думал прекращаться в сумерках, и настроение у сидящих в машине людей было не из лучших.

Наконец, в 20²⁵ нас выпустили, и мы помчались назад с намерением – доехать до границы дождя!. Так и ехали до полуночи. Проехали село Текес и остановились только за селом Крупское, где уже было сухо. Здесь Володя знал какой-то хитрый съезд с шоссе к речке, и мы под светом фар двух машин выбирали более или менее ровные места среди каменистой степи для постановки своих палаток. Это был наш лагерь № 11. Утром мы увидели, что стали на краю открытой долины реки Текес, на участке, поросшем полынной растительностью, около самой речки, которая изобилует галечниковыми перекатами, а местами имеются заболоченные участки. Небо было затянуто, как осенью, и моросил мелкий противный дождик. К 7³⁰ он перестал, появились просветы на небе. И можно было осмотреть окрестности. Долина Текеса в этом месте шириной 5-6 км, ровная. Луговой растительный покров. Река течёт несколькими рукавами (ширина самого большого 5-6 м) среди галечникового ложа шириной 100-200 м. А в 2 км – село Крупское.

После часовой утренней экскурсии, на которой ничего примечательного из птиц не было (хотя я и насчитал представителей 22 видов), выехали через село Крупское (теперь оно называется Кайнар) на запад. В селе Сарыджаз на погранпосту проверили документы. Перевал Шоль-адыр (2065 м), за которым находится село Кегень, мы прошли в 11⁵⁰ и после спуска с него, над сенокосами, встретили несколько сотен обыкновенных скворцов (*Sturnus vulgaris*), летающих низко над полем, закладывая виражи. Численность скворца с появлением в южных районах Казахстана майны (*Acridotheres tristis*) уменьшилась многократно, поэтому увидеть такое количество скворцов было приятно. Кстати, и на базаре в Кегени, где мы закупали продукты, нам встретилось около сотни молодых скворцов.

На Кегенском перевале (1950 м) в 13⁰⁰ мы свернули на старую дорогу и там поднялись еще немного – на старый перевал, где собирали материал около часа. А вот на Красный каньон с его красотами потратили всего 10 минут – ничего интересного для себя здесь наши энтомологи не нашли. В 19²⁰ стали лагерь № 12 на Бартагойском вдхр. – в самом верху, около моста через р. Чилик. Здесь помимо выводка огарей (*Tadorna ferruginea*) держалось около 10 больших крохалей (*Mergus merganser*) и один большой баклан (*Phalacrocorax carbo*), а с осыпей крутого склона слышны были крики кекликов (*Alectoris chukar*). Утро 2 августа приготовило нам сюрприз: несмотря на ясное, свежее утро, сильный ветер из ущелья принёс мелкую пыль, и получилась настоящая «пыльная буря». Вода в Чилике и водохранилище стала грязной, как желто-коричневая взвесь.

Пройдя Кокпекское ущелье, Володя напрямую, через горы, вывел нас прямо на село Бурандысу в районе Нурлов, где за два часа экскурсии нам удалось

увидеть у артезиана двух садж (*Syrrhaptes paradoxus*), а также тугайного соловья (*Erythropygia galactotes*) и довольно много буланных вьюрков (*Rhodospiza obsoleta*). К моему удивлению, куда-то запропастилась обычная здесь летом степная агама (*Agama sanguinolenta*): за час упорных поисков мне удалось обнаружить всего одну. По-видимому, активность их в августе иная, чем в мае-июне. Возможно, в конце лета они реже вылезают на верхушки кустарников (по сравнению с началом лета), и искать их надо вниз.

Последний лагерь (№ 13) разбили мы в Левом Талгаре, на кордоне у двух Александров – Краснокутского и Иванова. Утром 3 августа мы с Мюллером, не снимая лагеря, проводили на автовокзал в город В.И. Торопову и Л.А. Кустареву, а всю вторую половину дня потратили на городские хлопоты. В полночь немцы улетели. Как записано у меня в дневнике, «всё обошлось нормально». Казалось бы, странная фраза: а почему должно быть ненормально, если у людей в порядке проездные и иные документы? Однако фраза эта полна скрытого смысла, ибо наши доблестные таможенники (как и киргизские) шли на любые уловки, чтобы хоть что-то поиметь с иностранцев, тем более увозящих каких-то насекомых...

1-й семинар по ключевым орнитологическим территориям (ноябрь 2002)

Последнюю неделю августа я провёл в селе Тамга, на юго-восточном побережье Иссык-Куля, в гостеприимном туристическом семейном комплексе Даничкиных – Любы и Александра, которые только недавно занялись орнитологическим туризмом. Большое село Тамга когда-то было известным курортом от военного ведомства, о чём свидетельствуют сохранившиеся корпуса, благоустроенная территория и асфальт на центральной улице. Сейчас всё это в далёком прошлом и потихоньку приходит в упадок.

А 25-26 ноября в Алма-Ате, в санатории «Коктюбе», состоялся первый региональный семинар по ключевым орнитологическим территориям, организованный Союзом охраны природы Германии (NABU). На нём были рассмотрены вопросы подготовки и координации программ по ключевым орнитологическим территориям (КОТ) в нашей республике, а также предложены и обсуждены критерии выделения КОТ применительно к Центральной Азии. Проект критериев был разработан орнитологами из NABU Ларсом Лахманном и Акселем Браунлихом. Семинар открыл Норберт Шаффер – руководитель Европейского отделения Королевского общества охраны птиц (RSPB, Великобритания), являющегося партнером Международной ассоциации охраны птиц «Birdlife International». На семинаре присутствовали многие казахстанские орнитологи, в том числе Н.Н. Березовиков, Е.А. Брагин, Э.И. Гаврилов, А.П. Гисцов, Б.М. Губин, С.Н. Ерохов, А.Ф. Ковшарь, В.А. Ковшарь, А.С. Левин, С.Л. Склярченко, В.В. Хроков и Б.В. Щербаков. Присутствовали также Е.Н. Лановенко и Е.А. Быкова из Узбекистана; В.И. Торопова, В.В. Еремченко и С.В. Кулагин – из Кыргызстана.

Рис. 109. С Икаром и Эдиком в Долгушинский день 30 марта 2002 г.

Обсуждались критерии выделения КОТ и представления потенциальных орнитологических территорий в Казахстане. Казахские специалисты предложили список из 100 предполагаемых территорий, имеющих важное значение для птиц, как места размножения, линьки, кормежки или отдыха в периоды сезонных миграций, прежде всего для птиц, занесенных в «Красную книгу» как редкие и исчезающие виды. Было при-

нято решение, что инвентаризация КОТ будет проводиться по трем основным критериям: наличие глобально-угрожаемых видов; сообществ, ограниченных одним биомом (леса, горы, степи, пустыни) и гнездовые, миграционные или зимовочные скопления птиц. Учитывая, что птицы являются чуткими индикаторами общего состояния биоразнообразия, многие КОТ будут важны и для других представителей животного и растительного мира. Цели проекта по КОТ включают также помощь в создании национальной и региональной сети орнитологов и людей, занимающихся охраной природы; стимулирование работы экологических НПО. С 1994 г. по программе «Important Bird Areas» работают орнитологи Союза охраны птиц России, который является партнером «ВВ». И в Казахстане выполнение программы по КОТ будет более действенным при объединении усилий орнитологов-профессионалов и любителей птиц, так как ее цели и задачи близки и понятны всем, кто любит и знает птиц.

Этот семинар оставил у меня двойственное впечатление. С одной стороны, дело это очень нужное и полезное для сохранения птиц и их местообитаний (я сам год назад опубликовал статью с призывом заняться ключевыми орнитологическими территориями). С другой стороны, подчинение тематики критериям, разработанным как международные (которым мы не всегда могли соответствовать), меняло направленность этих работ и переводило их с рельсов профессиональной орнитологии на т.н. «зелёные». В дальнейшем мои предположения подтвердились – эту работу полностью взяли в свои руки чаще всего не профессионалы, а орнитологи-любители, которые заказывали обоснование некоторых КОТ профессионалам. Наверное, это и правильно – здесь нужна массовость.

Возвращение дочери Иры из Америки (27 января 2003)

Важнейшее для меня событие произошло 27 января – после двухлетнего отсутствия вернулась из Америки моя младшая дочь Ира. Помню, как в июле 2000 г. я неожиданно узнал о её предстоящей поездке, когда позвонил

по телефону домой из Нарына, надеясь там в очередной тьянь-шаньской экспедиции (я никогда этого не делал, а тут как будто кто-то меня заставил позвонить). На мой вопрос, всё ли дома в порядке, старшая дочь Вита ответила, что у нас новость – «Ирка едет в Америку». Оказалось, что она давно подала заявку по интернету на обучение в США, писала какие-то тесты и вот теперь получила ответ, что она зачислена на год обучения в университете города Сент Луис. Это было её второе высшее образование (она закончила биофак КазГУ) и направление его было современное – маркетинг и другие общественные дисциплины. Казалось бы – можно только радоваться такой возможности. Мы и радовались весь год, пока не пришло известие о тяжёлой болезни и срочной необходимости сложной и опасной операции. Это было – как гром среди ясного неба! Вита, которая находилась тогда с семьёй в Японии, срочно вылетела оттуда в Сент Луис, чтобы хоть чем-то помочь сестре. А мы здесь были совершенно бессильны и могли только морально поддерживать её письмами... Слава Богу и профессионалам-хирургам, операция прошла успешно, как и последующее лечение. Но срок обучения ей продлили ещё почти на год. И вот она возвращается!!! Этот день – 27 января 2003 года – один из самых счастливых в моей жизни...

Рис. 110. Встреча Ириши в аэропорту Алматы. 27 января 2003 г.

Книги, семинары и поездки с Birdwatcher's (март-май 2003)

Все зимние месяцы я работал над очередным томом «Selevinia-2002», который увидел свет в феврале, а также над книгой «Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век», которую удалось сдать в печать только 30 октября, после всех поездок. Параллельно мы с Витой работали над научно-популярной книгой для школьников «Животный мир Казахстана», которую заказало нам издательство «Алматыкітап». Красочно оформленная московскими художниками эта книжка увидела свет уже 24 октября этого года. В марте я участвовал во втором семинаре по ключевым орнитологическим территориям, который прошёл в Алма-Ате 26-27 марта. В нём участвовал уже более широкий круг орнитологов, в том числе Ислом Абдурахманович Абдусалымов из Таджикистана, Эльдар Рустамов из Туркменистана и Анатолий Давыгора из Оренбурга (Россия).

В мае, как и в предыдущие годы, съездил с двумя группами Birdwatcher's по пустыне и горам Алматинской области (рис.112).

Рис. 111. Участники семинара по КОТ (ИВА), Алматы, 28 марта 2003 г.

Кокпекское ущелье – Чарынский каньон – Алматы (15 мая). На этом маршруте мы встретили птиц 131 вида. Вот некоторые встречи. Кудрявый пеликан (*Pelecanus crispus*) – на большом плёсе водоема-накопителя Сорбулак 10 мая встречена группа 18 особей, а вдали видна колония не менее 100 птиц. Серпоклюв (*Ibidorhyncha struthersii*) – двух птиц видели 13 мая в дельте реки Озёрной, в месте их традиционного гнездования; Большое Алматинское озеро в это время было ещё подо льдом, как и половина галечника дельты. Бурый голубь (*Columba eversmanni*) в урочище Жельтуранга (дельта р. Или) сохранился в таком же числе, как и в предыдущий год. Саджа (*Syrrhaptes paradoxus*) по-прежнему встречена только в одном месте – на водопое у артезиана восточнее с. Нурлы утром 15 мая взлетели 8 птиц, а через час там же пролетели ещё три. Степной лунь (*Circus macrourus*) встречен 12 мая на маршруте «Каншенгель – Тамгалы», где с 10 до 11 час отмечено 6 одиночных самцов, большинство из которых летели на север. Хорошо выраженный пролёт шел у индийского воробья (*Passer*

Рис. 112. С группой Акира Хиби. Космостанция (3300 м) 14 мая 2003 г.

С группой из 7 японских орнитологов-любителей (турлидер Акира Хиби) с 10 по 15 мая мы проехали по маршруту: Алматы – Сорбулак – Каншенгель (10 мая) – пески Таукум – Топарские озера – Жельтуранга – Каншенгель (11 мая) – урочище Тамгалы в Анархайских горах – долина р. Копа – Алматы (12 мая) – Большое Алматинское ущелье – Космостанция (13-14 мая) – саксаульники за с. Нурлы в среднем течении р. Или –

Кокпекское ущелье – Чарынский каньон – Алматы (15 мая). На этом маршруте мы встретили птиц 131 вида. Вот некоторые встречи. Кудрявый пеликан (*Pelecanus crispus*) – на большом плёсе водоема-накопителя Сорбулак 10 мая встречена группа 18 особей, а вдали видна колония не менее 100 птиц. Серпоклюв (*Ibidorhyncha struthersii*) – двух птиц видели 13 мая в дельте реки Озёрной, в месте их традиционного гнездования; Большое Алматинское озеро в это время было ещё подо льдом, как и половина галечника дельты. Бурый голубь (*Columba eversmanni*) в урочище Жельтуранга (дельта р. Или) сохранился в таком же числе, как и в предыдущий год. Саджа (*Syrrhaptes paradoxus*) по-прежнему встречена только в одном месте – на водопое у артезиана восточнее с. Нурлы утром 15 мая взлетели 8 птиц, а через час там же пролетели ещё три. Степной лунь (*Circus macrourus*) встречен 12 мая на маршруте «Каншенгель – Тамгалы», где с 10 до 11 час отмечено 6 одиночных самцов, большинство из которых летели на север. Хорошо выраженный пролёт шел у индийского воробья (*Passer indicus*), стаи которого по 20-30 особей летели одна за другой низко над землей против сильного восточного ветра вдоль шоссе «Нурлы – Чарын» в первой половине дня 15 мая. Известная ряд лет колония розовых скворцов (*Pastor roseus*) в каменистых отвалах дамбы водоема-накопителя Сорбулак 10 мая была ещё не занята, но в тот же день мы встречали стаи этих птиц на всем пути от Сорбулака до Каншенгеля; видимо, они только что прилетели. Интересно, что в этот день они

кормились в основном в воздухе, ловя насекомых то как шурки, то как мухоловки или сорокопуты – с присады.

С 22 по 30 мая с группой из 17 английских любителей птиц клуба «Ornitholidays» (турлидер Пол Роджерс) мы совершили поездку по тому же маршруту. Всего наблюдали представителей 162 видов птиц, в том числе 17 занесенных в Красную книгу Казахстана. Самые интересные встречи: 28 мая на Б. Алматинском озере одновременно видели 5 взрослых серпоклювов (*Ibidorhyncha*

Рис. 113. Слева направо: Пол Роджерс, А.Ковшарь, Ларс Свенссон, Олег Белялов, Эндрю Грив, Эндрю Ласси. БАО, 28 мая 2003 г.

struthersii) – явно гнездовую пару и трёх, державшихся вместе на другом конце галечника; на Каншенгеле 26 мая на водоеме среди десятков чернобрюхих рябков отмечены две пары белобрюхих (*Pterocles alchata*); 23 мая у левого борта Чарынского каньона ниже трассы на Чунджу встречена пара садж (*Syrhaptus paradoxus*), а на следующий день – 3 саджи в саксаульниках восточнее с. Бурандысу (среднее течение р. Или); утром 27 мая на маршруте «Каншенгель – Тамгалы» встречено 8 пар и 4 одиночных самца степного луны (*Circus macrourus*), для пролёта время поздноватое, так что не исключено их гнездование. Заслуживают также упоминания следующие встречи: большой крохаль (*Mergus merganser*) – одиночка на Бартагойском вдхр.; египетская горлица (*Streptopelia senegalensis*) – всего одна за всю поездку, в селе Кошмамбет близ ст. Чемолган; белокрылый жаворонок (*Melanocorypha leucoptera*) – 27 мая 4 самца токовали в полынной степи близ урочища Тамгалы; камышевка-барсучок (*Acrocephalus schoenobaenus*) встречена Полом Роджерсом на Топарских озерах. У многих видов в это время шел ещё весенний пролет, причем у некоторых довольно интенсивно. Так, в крохотном островке карагаечей в Каншенгеле 25 и 26 мая насчитывались десятками пеночки – зеленая (*Phylloscopus trochiloides viridanus*) и тусклая зарничка (*Ph. inornatus humei*), а 26 мая отмечена номинативная зарничка (*Phylloscopus inornatus inornatus*), которую долго и внимательно рассматривали все члены группы. Группами по 5-10 особей появлялись здесь большие горлицы (*Streptopelia orientalis*). На маршруте «Каншенгель – Тамгалы» 27 мая вместе со степными лунами летели болотные совы (*Asio flammeus*), которых мы насчитали 8. Пролётную стаю зелёных шурок (*Merops superciliosus*) встретили мы вечером 25 мая на Каншенгеле: 20 птиц широкой шеренгой летели с запада на восток вдоль кромки песков Таукум. Много было и всяких других интересных встреч.

Экспедиция в Мугоджары и на Эмбу (июнь 2003)

Горы Мугоджары севернее Аральского моря влекли меня ещё с того далёкого 1959 года, когда я впервые увидел их из окна поезда. Так и подмывало узнать: что же это за горы такие среди степи и пустыни? Но всё не представлялось случая. По мере знакомства с литературой интерес к этим местам только возрастал – ведь здесь когда-то работал сам Петр Петрович Сушкин, и в его знаменитой монографии «Птицы Средней Киргизской степи» (1908) постоянно упоминаются и Мугоджары, и Темир, и Джаман-Уркак... Как-то в разговоре с заведующим кафедрой зоологии ОГПУ (при всей внешней грозности аббревиатуры это всего лишь Оренбургский педуниверситет) Анатолием Васильевичем Давыгорой я проговорился об этой своей давнишней мечте, и он предложил мне сделать совместную экспедицию в эти места. Будучи родом из Актюбинска, он знал эти края превосходно, да и от Оренбурга сюда было совсем близко. В течение зимы он всё организовал, наметив поездку на вторую половину июня. Продумано было всё до мелочей: встречаемся мы в Актюбинске, куда я прибываю поездом, а он с коллегами из Пензы – на двух машинах. Оттуда начинался маршрут.

Утром 12 июня 2003 г. А.В. Давыгора и Александр Михайлович Красовский (много лет работавший актюбинским облохотинспектором, а теперь житель Оренбурга) встретили меня на городском вокзале. После посещения областного управления по охране животного мира (Аязбаев Марат Габденович – бывший подчинённый А.М.) мы отправились в лагерь, который разбили на берегу Актюбинского вдхр. на реке Илек прибывшие накануне пензенцы и оренбуржцы.

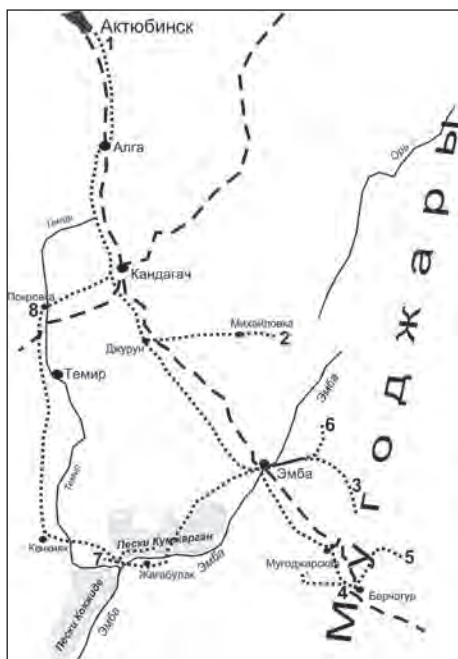

Рис. 114. Основные места стоянок экспедиции: 1 – Актюбинское вдхр.; 2 – Уркак; 3 – Аулие и гора «Два Брата»; 4 – Б. Бахтыбай и Берчогур; 5 – р. Шувлдак; 6 – р. Кундызды; 7 – Кокжиде и Кумжарган (устье Темира); 8 – с. Покровка

Нас встретила представительная компания, состоящая из сотрудников кафедры зоологии Пензенского педуниверситета: профессор Владимир Юрьевич Ильин (зав. кафедрой), кандидаты биологических наук Олег Ермаков, Дмитрий Смирнов, Сергей Титов и Наталья Быстракова; аспирантка Наиля Яняева. Они составляли экипаж пензенской машины, а в оренбургской разместились мы вчетвером – с Давыгорой, Красовским и водителем Алексеем. Маршрут экспедиции – см. рис. 114.

Наскоро перекусив, мы погрузились и уже в 13⁰⁰ покинули водохранилище, которое было создано в 1983 г. и имело в длину около 28 км. Голые берега его были довольно пустынные, но около обрывов летали береговые ласточки (*Riparia riparia*), которые были явно темнее наших, южных. Через село Бестамк направились на юго-восток, в сторону станции Кандагач. В с. Алга расположен крупный завод «Суперфосфат», который, по словам Александра Михайловича, давал раньше 60% борной кислоты СССР и жидкий окислитель для ракет; сейчас этот завод мёртвый. Миновав перед ст. Актемир истоки реки Илек, мы в 14⁴⁵ приехали в Кандагач. Здесь меня поразил целый микрорайон пустых пятиэтажек. По неплохому асфальту направились на Эмбу. Перед Михайловкой (ныне Караколь) дорога превратилась в отвратительный грейдер – разбитый, скользкий после дождей, с глубокими колеями. Здесь мы встретили первого степного орла (*Aquila nipalensis*) и первого балобана (*Falco cherrug*), а кобчики (*Falco vespertinus*) и пустельги (*Falco tinnunculus*) попадались довольно часто, как и степные луны (*Circus macrourus*).

В 18⁰⁰, немного спустившись по песчаному бугру, мы въехали в великолепный березовый лес с посаженными соснами – это и есть знаменитый лес Уркач! Здесь в 19³⁰ мы засели в воде первый раз – наша машина. На сей раз выбрались быстро. Но через час снова забуксовали, села капитально вторая машина. Чтобы вытолкать всем коллективом, пришлось её разгружать и по воде выносить груз на сухое место. Вытащили только в 21³⁰, когда солнце было уже на горизонте и появились комары!! Работу нашу сопровождали тревожные крики чибисов (*Vanellus vanellus*) и травников (*Tringa totanus*), явно гнездившихся здесь; в стороне летал с песней большой кроншнеп (*Numenius arquata*). Объехав по кругу это мокрое, гнилое место, мы спустились в урочище Камыстыколь, где поставили лагерь на бугре, напротив сосновых посадок.

Это был наш первый лагерь, и мы за ужином стали знакомиться. Никогда до этого мне и в голову не могло прийти, что это простое занятие может оказаться таким нелёгким! А всё было в самой методике процесса, который заключался в непрерывном наливании и выпивании единственного признаваемого продукта (спирта) – за знакомство! Сначала это было даже весело, душа и тело расслабились, дорожную усталость как рукой сняло, даже комары куда-то исчезли (мы

Рис. 115 и 116. Дождливая погода: буксуем, толкаем, разгружаемся в болоте у леса Уркач

их просто перестали замечать!). Но за кажущейся лёгкостью я потерял бдительность и не рассчитал свои силы – ночью стало плохо с сердцем, чего со мной не было с 1986 года. Пора было, видимо, делать поправку на возраст...

Утром я проснулся в палатке от холода! Рядом ворчал Александр Михайлович, умудрившийся уснуть без спальника: «Кто-то ночью выходил и оставил открытыми эти Джунгарские ворота». Только тут я оглядел наше жильё. Это была выдавшая виды старая советская брезентовая двускатная палатка без пола, от которых я, общаясь последние годы с «буржуями», уже давно отвык. Поддуть здесь могло откуда угодно, хотя хозяин её, Давыгора, устанавливая палатку вечером, заботливо обкопал её вокруг ровиком для стока воды, а землю набросал на края брезента, чтобы придавить его к земле...

Утром 13 июня осмотрели окрестности. Уркач – это оригинальный, в основном берёзовый лес на песчаных холмах и особенно в понижениях между ними. Но есть также осина, ива у болотин. А также сосна группами и заросли таволги на полянах. И здесь же – злаковая степная растительность, включая ковыль-волосатик (*Stipa capillata*). В низинах – обширные луговины, местами сильно заболоченные. Есть оголенные обрывы. После очень красивого восхода солнца всё закрыл туман. На рассвете пели соловьи (*Luscinia luscinia*), лесные (*Anthus trivialis*) и полевые (*Anthus campestris*) коньки, серые славки (*Sylvia communis*), куковали кукушки (*Cuculus canorus*). Потом запели чечевицы (*Carpodacus erythrinus*) и варакушка (*Luscinia svecica*), а садовая овсянка (*Emberiza hortulana*) запела в густом молодом березняке под дождём. В куртинах ивы на верхушке бархана внимание моё привлекла показавшаяся мне странной песня славки-завирушки (*Sylvia curruca*), у которой был чёткий ритм и размер, что не характерно для этого вида. Давыгора видел обыкновенного осоеда (*Pernis apivorus*) и слышал песню южного соловья (*Luscinia megarhynchos*). Проверка вечером вдвоём показала, что это действительно южный соловей среди массы восточных (*Luscinia luscinia*).

Утром 14 июня под мелким морозящим, обложным дождём мы покинули Уркач и направились к станции Джурун, где Александр Михайлович покидал

Рис.117. Три хохла (Ковшарь, Давыгора, Красовский) и «пензюк» В.Ю. Ильин. Ст. Джурун, 14 июня 2003 г.

нас – ему надо было возвращаться в Оренбург. До станции Джурун пришлось ехать по совершенно разбитому и раскисшему «грейдеру» и ещё тащить на себе застрявший «Москвич» местных жителей, которому самому было никак не выбраться из этой грязи. Только в 15⁰⁰ вышли на трассу в Джуруне, распрощались, сфотографировавшись на память (см. рис. 117) и «Михалыч» Красовский на том же зелёном

Москвиче укатил в Актюбинск, а мы поехали в обратную сторону – на станцию Эмба по трассе, разбитой до предела! Небо в чёрных тучах, особенно с запада. Здесь стали часто встречаться степные орлы (в степи полно сусликов). Всего на отрезке «Джурун-Эмба» мы насчитали 22 степных орла (*Aquila nipalensis*).

Около станции Эмба – мост через речку и стоит табличка «р. Жем», так теперь будет именоваться река Эмба (а название станции остаётся прежним – железная дорога вещь серьёзная, здесь не до игр с переименованиями!). Отсюда выехали по грейдеру на восток-юго-восток, в верховье реки Ауля и район горы «Два брата» (Айрюк). До этой горы мы ехали около 30 км. Дорога шла вдоль левого берега речки Ауля. Вокруг – низкорослая белая полынь, стация белокрылого жаворонка (*Melanocorypha leucoptera*). И они стали встречаться здесь всё чаще – 1.1.2.1.1.1.1. В ложбинах, спускающихся к речке, – заросли караганы и в них вода. Их приходится объезжать, выискивая места, где можно переехать. Ширина этих ложбин до 30-40 м. Стали лагерем на склоне горы «Два брата», в 1.5 км выше водохранилища на реке Ауля. Это щебенистый склон с разреженной злаковой и иной растительностью, а чуть ниже нас в узкой балочке – густой березовый лесок длиной не более 50 м. Всё вокруг промокло насквозь...

В этом лесочке столкнулись интересы орнитологов и териологов. Пора пояснить, чем же занимались наши дорогие соседи «пензюки», как их ласково называл Давыгора. Все они были териологи и занимались, естественно, грызунами (каких же ещё зверей можно изучать в Пензе?), и только их шеф Ильин занимался летучими мышами. В наш первый вечер знакомств он неоднократно повторял, что в здешних краях рукокрылых, конечно же, нет. Но надо проверить – ведь отрицательный результат тоже результат... Тогда эти высказывания показали мне неубедительными, но впоследствии результаты всех попыток поймать летучую мышь неизменно оказывались отрицательными – как будто он сам себе их накаркал. Так и здесь: поставив по краю леса на длинных шестах сеть (обычную мелкоячеистую паутинку), Владимир Юрьевич в лучшем случае ловил в неё... козодоя (*Caprimulgus europaeus*). Между тем, лесок этот, видимо, служил местом ночёвки степных пустельг (*Cerchneis naumanni*), которые уже в 22 часа стали прилетать группами (2+5+6+3) и садиться на камнях противоположного нашему лагерю склона над леском, где им приходилось ждать до темноты, пока зоологи уйдут в свой лагерь.

Утро 15 июня выдалось ясное, только над вершиной Двух Братьев – небольшое облако из конденсата. Но уже в 10 час, когда я стал подниматься на вершину, начался дождик, перешедший в дождь, а под конец – и в настоящий ливень. И весь путь к вершине и обратно пришлось проделать под дождём с сильным западным ветром. Дождь с грозой так и сопровождал меня до самого лагеря. Вымок до нитки. А в лагере – 2 чёрных суслика-меланиста (*Spermophilus fulvus*), которых отловили ребята около водохранилища. Новость была настолько интересной, что В.Ю. Ильин уехали с ними на ночь к водохранилищу. Едва мы успели хоть немного просушиться, как в 19¹⁰ снова чёрная туча с запада, и дождь с грозой полил, как из ведра. Так продолжалось до темноты.

Рис. 118. После «восхождения» под дождём, 15 июня. Рис. 119. После очередного вытаскивания машины там же

Попытка на следующее утро проехать на одной машине к горе Большой Бактыбай не удалась – отехали 6 км и застряли в солончаке. Выкапывали машину часа два. Хорошо, что хоть погода была абсолютно ясная, солнце и штиль. Пришлось вернуться в лагерь и заняться просушкой имущества. И хоть немного посмотреть птиц. Основа орнитофауны здесь – полевой жаворонок (*Alauda arvensis*) и полевой конёк (*Anthus campestris*), на каменистых склонах горы часто встречалась каменка-пleshанка (*Oenanthe pleschanka*), а в островках кустарника по западинам – желчная овсянка (*Emberiza bruniceps*). На степной дороге обычны серые куропатки (*Perdix perdix*) с выводками птенцов, в одном из них они были совсем ещё маленькие (дня два-три). С криком пролетел большой кроншнеп (*Numenius arquata*). Немало пернатых хищников: 2 молодых орла-могильника (*Aquila heliaca*) играли высоко в воздухе, почти над вершиной «братьев» кружил беркут (*Aquila chrysaetus*), которого я видел здесь и вчера, под дождём. То в одном, то в другом месте можно увидеть курганника (*Buteo rufinus*) и обыкновенную пустельгу (*Falco tinnunculus*), которые почти одинаково «стоят» или «висят» против ветра, высматривая грызунов. Над склонами горы летают чёрные стрижи (*Apus apus*), а в русле реки Ауля Давыгора нашёл совку-сплюшку (*Otus scops*). Вечером мы снова наблюдали прилёт в лесок на ночёвку степных пустельг (*Falco naumanni*), насчитав 16 одиночек. До 8 утра они разлетелись.

Утром 17 июня на водохранилище мы видели несколько пар чомг (*Podiceps cristatus*), огаря (*Tadorna ferruginea*), речных крачек (*Sterna hirundo*). Везде у воды пели широкохвостки (*Cettia cetti*), соловьи (*Luscinia megarhynchos*) и желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*), а галки (*Coloeus monedula*) гнездятся в скалах, которые спускаются прямо в воду. Ловившие здесь же рыбу Лёша и Наиля поймали болотную черепаху (*Emys orbicularis*), которая запуталась лапами в сети. По словам Лёши, она чёрная и крупная, диаметром с мою кепку. Когда выпутали, уплыла. А водохранилище это построено в начале 60-х гг., значит, вселилась сюда она позже.

В 15⁴⁵ выехали из лагеря – на Эмбу – Мугоджарскую – Б. Бахтыбай. Сначала хотели сократить путь и пошли по плакору прямо на Эмбу, но, пройдя несколько км, вынуждены были вернуться из-за обширных разливов, непреодолимых для наших машин. Пришлось спуститься к речке Ауля и ехать вдоль нее, как и два дня назад, по пути сюда. Чаше других птиц на этом пути нам встречались белокрылые жаворонки (*Melanocorypha leucoptera*) и степные орлы (*Aquila nipalensis*). За станцией Эмба вышли на трассу и свернули налево – на Мугоджарскую. Здесь прямо на асфальте встретили первого степного жаворонка (*Melanocorypha calandra*) и степную гадюку (*Vipera ursini*), а всего в 40 м от дороги – гнездо с 2 яйцами авдотки (*Burhinus oedicnemus*). Часто попадались тёмные, яркие самцы обыкновенной каменки (*Oenanthe oenanthe*), а на столбах – степные орлы (*Aquila nipalensis*), реже – пустельги (*Cerchneis tinnunculus*). Около степных луж иногда встречались озёрные чайки (*Larus ridibundus*), чибисы (*Vanellus vanellus*), травники (*Tringa totanus*), ходулочники (*Himantopus himantopus*), а в одном месте – около 100 скворцов (*Sturnus vulgaris*) – старики с молодёжью. В полынной степи, вскоре за станцией Мугоджарская, прямо от трассы взлетел стрепет (*Otis tetrax*).

В 20⁴⁵ поднялись по трассе на Мугоджары в районе горы Берчогур, не доезжая до Б. Бахтыбая. Здесь много березняка по ложбинам, много влаги. Справа – гора с ретранслятором (она как раз посередине между Берчогуром и Бахтыбаем), а слева – карьер и виден щебзавод с поселком. Здесь пришлось сделать вынужденную остановку для смены колеса в нашем ГАЗике. Удивительное место, очень уж сырое. По понижениям – сырые луга и леса, берёзовые, ивовые. Каменистых обнажений мало и они небольшие сами по себе. Стали лагерем, вернувшись через трассу и поднявшись как можно выше, между горой с ретранслятором и Большим Бахтыбаем – здесь грунтовая дорога пересекает горы и уходит на запад, на равнину. Это «аэродинамическая труба»! Лагерь ставили при удивительно красивом закате на фоне грозных туч! Вокруг

Рис. 120. Личный состав русско-казахской экспедиции и её начальник А.В.Давыгора (рис. 121). Июнь 2003 г.

пели соловьи (*Luscinia megarhynchos*), широкохвостки (*Cettia cetti*) и желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*).

Следующий день, 18 июня был дождливый, и мы на «батоне» Ильина выезжали на равнину, где сделали часовую экскурсию по полынной степи с участием ковыля и караганнику (полосами шириной до 150 м, а высота кустов до 1.5-2 м). Среди этой степи – каменные конгломератовые глыбы высотой до 5 м, напоминающие «бараньи лбы» где-то на севере. В узкой горизонтальной щели между камнями я обнаружил гнездо плешанки (*Oenanthe pleschanka*) с тремя яйцами, на которое прямо при нас всё время пыталась пройти самка (видимо, уже насиженные). В лагере за это время В.Ю. Ильин видел старого и молодого грифов (*Aegypius monachus*), а Давыгора нашёл гнездо чеглока (*Falco subbuteo*) с тремя яйцами, устроенное в гнезде сороки среди березового колка.

Утром 19 июня выехали на Алабасскую межгорную депрессию, где когда-то на речке Шалдык С.Н. Варшавский встречал пёстроного каменного дрозда (*Monticola saxatilis*). Вскоре после выезда, около трассы, наши териологи сделали попытку вылить жёлтого суслика (*Spermophilus fulvus*) из норы, но воды не хватило (двух фляг по 60-70 л!). Нелёгкая это работа – отлавливать такого зверька! За станцией Берчогур вышли на равнину и поехали на Алабас, до которого оставалось 12 км. Им оказался тот самый щебзавод, который мы видели с горы. Это заброшенный поселок, пустые глазницы окон, производственные корпуса полностью разгромлены – очень удручающее зрелище! Поиски летучих мышей в корпусах результатов не дали, везде живут только галки (*Coloeus monedula*). Много луж, что-то вроде пруда или речушки с розговыми зарослями, лугом и вырубленная карагачевая посадка – одни пеньки с прикорневой порослью.

В карьере в 1 км от села – целые горы отвалов, а между ними – озерко. В каменных развалах дальней части – колония около 250-300 пар розовых скворцов (*Pastor roseus*); судя по поведению, у них ещё нет птенцов. Пересекая депрессию (полынная полупустыня) поперёк, мы обнаружили у основания столба на земле, всего в 10 м от полотна дороги, гнездо степного орла (*Aquila nipalensis*), в котором взрослая птица сидела на двух белых пуховых птенцах, ещё совсем маленьких.

Рис.122. С В.Ю.Ильниным на речке Шуулдак 19 июня 2003 г.

Вскоре депрессия закончилась и начался пологий подъем: полынники вперемежку с ковылём-тырсой. Белокрылые жаворонки (*Melanocorypha leucoptera*) встречены на щебнистом участке с редкими злаками, почти без полыни. В 14⁰⁰ подъехали к реке Шуулдак у западной подошвы восточной цепи Мугоджар. Пойма речки шириной 30 м, местами до 100 м, заросла тростником, розогом и высоко-травьем; имеются отдельные

чистые плесы с белыми кувшинками и жёлтыми кубышками. По берегам – кустарник. В одном месте по балочке – густой и высокий (до 2–3 м) ивняк с примесью непролазных кустов караганы, крушины, шиповника и барбариса. На левом берегу красивые скалки – видимо, на таких и встречал пёстрога каменного дрозда С.Н. Варшавский. Но нам его так и не удалось обнаружить. В пойме распевали соловьи (*Luscinia megarhynchos*) и широкохвостки (*Cettia cetti*), а также желчные (*Emberiza bruniceps*) и скальные (*Emberiza buchanani*) овсянки, причём последняя здесь должна относиться к местному подвиду.

Поиски каменного дрозда утром 20 июня не дали результатов, и мы выехали дальше – через станции Берчогур, Эмбу и Мугуджарскую на речку Кундузду. В полынной полупустыне, всего в 1 км от Эмбы, встретили степного дербника (*Falco columbarius*) – маленького, светлосерого сверху и с продольными пестринами снизу; взлетел с обочины дороги всего в 7–8 м от машины и низом улетел на 200 м.

Через 140 км, в посёлке Юбилейный, где много развалин и брошенной техники, мы свернули с грейдера влево под прямым углом и пошли на запад, на солнце. Дальнейший путь – по холмам (высота здесь уже метров 500). Степь из ковыля-волосатика, с примесью полыни и отдельные кусты, а по ложбинам – целые куртины из таволги. Справа в узкой балочке течёт приток Кундузды, там местами каменистые обнажения, а на дне – заросли березы. В 21⁰⁰ стали лагерем на левом берегу р. Кундузды, на высоком бугре. Речка – в узкой балочке в 30–40 м от нас, там островок осинового густого леса, высотой деревьев не менее 20–30 м! В этом лесочке поёт не только южный соловей (*Luscinia megarhynchos*), но и зяблик (*Fringilla coelebs*), и широкохвостка (*Cettia cetti*), а в сумерках запела сплюшка (*Otus scops*). Над верхушками осин пролетел чеглок (*Falco sabbuteo*) и четыре степных тиркушки (*Glareola nordmanni*). Место было совсем не похожим на предыдущие.

Степные бугры по обе стороны реки покрыты редкой полынью и ковылём-волосатиком (*Stipa capillata*), а также редкими низкорослыми кустиками таволги (*Spiraea hypericifolia*). Часты выходы камней. По западинкам – луговая растительность. Долина Кундузды очень узкая, местами теснины с выходами скал по правому склону. Более половины её занято лесными колками. Прямо под лагерем – осинový колок, очень густой и высокий, прижатый к скалам, как в каньоне. Чуть выше по течению – черёмуховый колок, столь же густой (она отцвела, уже зелёные ягодки). Еще дальше – березняк с примесью ивы по краям. Поляны в долине заняты зарослями таволги и караганы высотой до 1 м, а ближе к руслу – также шиповника с розовыми цветами и даже миндаля.

Утром 21 июня, кроме уже упомянутых певцов, я встретил здесь серую славку (*Sylvia communis*) и голубую лазоревку (*Parus caeruleus*), а также перемешку-малиновку (*Hippolais icterina*), что было для меня совершенно неожиданно! Во избежание ошибки я долго слушал её пения, а потом для верности даже записал его на диктофон...

Обратно мы поехали по другой дороге, более прямой и асфальтированной (по крайней мере, вначале). На старый грейдер вышли только перед мостом че-

рез Аулюю. На окраине Эмбы в полынной полупустыне встретили выводок каменки-плясуньи (*Oenanthe isabellina*) совсем рядом с таким же выводком обыкновенной каменки (*Oenanthe oenanthe*). Здесь же, у недостроенных глиняных кошар, держались два каменных воробья (*Petronia petronia*), домовые (*Passer domesticus*) и полевые (*Passer montanus*) воробьи, удод (*Upupa epops*); все они видимо гнездились здесь. Но самое удивительное, что кроме них здесь также летали около десятка чёрных стрижей (*Apus apus*), которым здесь негде жить.

Примерно в 2 км от Эмбы мы свернули с Актюбинской трассы налево. Отсюда на запад-юго-запад пошёл вконец разбитый грейдер на село Жагабулак (указатель без километража, а по нашему спидометру оказалось 65 км). По сторонам грейдера – пыльные объезды. Такие дороги – сущее наказание даже для самых терпеливых... Через некоторое время степь пошла более высокотравная – как будто пырейники. А вскоре мы уже ехали по песку, но только заросшему степной растительностью. Это уже начинались пески Кумжорган. Дорога пролегла между заросшими кустарником песчаными буграми и Эмбой. На высоком обрывистом левом берегу Эмбы видны мощные заросли каких-то кустарников по западинам, а по дну долины пошли чиевники (*Lasiagrostis splendens*).

На этом пути нам попадались не только неизменные степные орлы (*Aquila nipalensis*), пустельги (*Cerchneis tinnunculus*), обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*) и белокрылые жаворонки (*Melanocorypha leucoptera*), но и луговые луны (*Circus pygargus*), золотистые шурки (*Merops apiaster*), несколько сизоворонки (*Coracias garrulus*), а местами – крупные стаи грачей (*Corvus frugilegus*).

Перед самым селом Жагабулак – автомобильный мост через Эмбу. Здесь справа по высокому берегу Эмбы – полоса мощного леса, который тянется не на один километр. Кажется, это старые лесопосадки 19 века! Съезд в село Жагабулак вправо от трассы, само село типа и размера Новониколаевки, вот только грязьца по улицам! Здесь заправились водой и вернулись на трассу, чтобы не форсировать Эмбу без моста. Вскоре по хорошей дороге свернули на город Темир и перед селом Шенгельши переехали по мостику Эмбу обратно, а напротив этого села свернули влево на песчаную дорогу – пошли к реке Темир. Несколько километров проехали по песчаной степи с ковылем, затем спустились с чинка Темира в его пойму и стали на левом берегу Темира среди лоховых деревьев.

Этот последний лагерь нашей экспедиции оказался в знаменитом месте, которое часто упоминается в книге П.П. Сушкина под именем «Темир, Кокжиде». Находится оно в 5-7 км от впадения Темира в Эмбу. Ширина долины Темира здесь около 1 км, сама река шириной 15-20 м течет по правому краю долины, вплотную к пескам Кокжиде. Глубина реки 0.5-1 м, дно песчаное, левый берег обрывистый, а правый пологий, как и сама долина: левый борт ее в виде глинистого чинка высотой 30-50 м, а правый полого переходит в песчаные барханы Кокжиде. Вся долина занята разреженным лоховым лесом с высокотравными полянами. Почва песчаная. Вся она изрыта гигантским слепышом (*Spalax giganteus*); выбросы до 30-50 см в поперечнике. Птиц здесь довольно много.

Едва поставив свою палатку, мы обнаружили рядом с ней в кустике полыни, всего в 5 см от земли, гнездо бормотушки (*Hippolais caligata*) с четырьмя голень-

кими птенцами и яйцом, из которого на следующий день тоже вылупился птенец. Самая многочисленная птица – южный соловей (*Luscinia megarhynchos*), песни которого слышны отовсюду. Немало желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*), ремезов (*Remiz pendulinus*), широкохвосток (*Cettia cetti*). Всё утро были слышны кукушка (*Cuculus canorus*) и обыкновенная горлица (*Streptopelia turtur*); здесь же – пара жуланов (*Lanius collurio*) и пустельга (*Cerchneis tinnunculus*). Над Темиром летали крачки – речные (*Sterna hirundo*) и малые (*Sterna albifrons*), луни – луговой (*Circus pygargus*) и камышовый (*Circus aeruginosus*); по его берегам бегали малые зуйки (*Charadrius dubius*) и белые трясогузки (*Motacilla alba*).

В песках Кокжиде, поросших куртинами высокого злака «колосняк гигантский» (*Elymus giganteus*), птиц почти нет: несколько полевых коньков (*Anthus campestris*) да пролетевший степной орёл (*Aquila nipalensis*) – вот и вся орнитофауна. Только на участке антропогена, на месте брошенной буровой, мне попались индийские воробьи (*Passer indicus*) и белая трясогузка (*Motacilla alba*), обе пары носили корм птенцам. Зато в песках я налюбовался стремительными пробежками ушастой круглоголовки (*Phrynocephalus mystaceus*) и её исчезновениями в песке – прямо на глазах.

Рядом, около с. Шенгельши, у озера с небольшим плёсом, обширным солончаком, низкотравными участками и зарослями софоры (*Sophora japonica*) и куртинами тростника, за час на открытом берегу удалось, помимо четырёх видов крачек (*Sterna hirundo*, *Sterna albifrons*, *Chlidonias leucoptera*, *Chlidonias hybrida*) и четырёх пар ходулочников (*Himantopus himantopus*), увидеть также 7-8 пар степных тиркушек (*Glareola nordmanni*).

Интересной оказалась поездка к пескам Кумжарган и вчерашнему мощному лесу. На полпути между сёлами Шенгельши и Жагабулак, в норе высокого (6-7 м) обрыва нашли гнездо индийского воробья (*Passer indicus*), в которое самец и самка носили корм. Это – одна из самых северных встреч данного вида на гнездовании. Неожиданно было встретить здесь стайку из 7 кольчатых горлиц (*Streptopelia decaocto*). Везде по дороге много малого суслика (*Spermophilus pygmaeus*) и часто встречаются крупные (до 1 м в диаметре) выбросы гигантского слепыша (*Spalax giganteus*). На краю заросших песков Кумжарган – заросли софоры (*Sophora japonica*), за ними – масса жёлтого тысячелистника (*Achillea glogeri*) и цветущий жузгун (*Calligonum leucocladum*) высотой до 2 м. Пески не барханные, а бугристые. Жузгун в основном на буграх, а в понижениях между ними – заросли ивы двух типов: высокие кусты и низкая плотная поросль – как щётка. Нередко в таком понижении среди этих зарослей растёт старое дерево лоха (*Eleagnus angustifolia*), которое сразу же выделяется своей серебристой кроной. Из птиц, помимо обычных здесь желчной овсянки (*Emberiza bruniceps*) и полевого конька (*Anthus campestris*), неожиданно часто встречалась варакушка (*Cyanosylvia svecica*), певшая в нескольких местах, и снова встречена необычная славка-завирушка (*Sylvia curruca*) – такая же, как в Уркаче! Видимо всё же последняя относилась к сибирскому подвиду «*blythi*», необоснованно сведенному в синонимы во всех наших фаунистических сводках и определителях.

В последний день нашего пребывания в этом замечательном месте – 23 июня – с утра мы снова съездили в пески Кумжарган, где записали пение загадочной славки-завирушки, и посетили расположенный рядом ленточный лес. Западная его окраина – это старые березы на краю поймы и среди них такие же старые тополя, до 20 м высотой. Ниже их – кустарники и сырые луга самой поймы, они соприкасаются с лесом. А сверху к лесу вплотную подходят пески Кумжарган. Получается максимальное разнообразие биотопов – от поймы через лес до песков. Этот лесок – прямо против с. Жагабулак, в 1-2 км от него к северу. На берёзах – небольшая грачиная колония, гнёзд 15 (птены уже вылетели), а рядом на берёзе сидит в гнезде пустельга (*Cerchneis tinnunculus*). Около старого грачиного гнезда сидела самка европейского тювика (*Accipiter brevipes*), её атаковала пустельга. У тювика хорошо виден тёмный глаз, который кажется просто черным. Видимо, здесь его гнездо, потому что, увертываясь от атак пустельги, тювик все время сюда возвращается, не улетает далеко. В лесу поют соловьи (*Luscinia megarhynchos*) и иволга (*Oriolus oriolus*). Совершенно неожиданно на верхушке тальника появилась синица, очень похожая на серую, бухарскую (*Parus bokharensis*): жёлтого цвета в её окраске нет и в помине! Только одна перелетела, как на ее место снизу, с зарослей, поднялась молодая птица – тоже совсем серая, без признаков желтизны. Здесь же поют широкохвостка (*Cettia cetti*), серая славка (*Sylvia communis*), чечевица (*Carpodacus erythrinus*) и желчная овсянка (*Emberiza bruniceps*); из лесу слышны голоса кукушки (*Cuculus canorus*) и ремеза (*Remiz pendulinus*). Летают два коршуна (*Milvus migrans*), серые вороны (*Corvus cornix*) и большие горлицы (*Streptopelia orientalis*); от поймы пролетела серая цапля (*Ardea cinerea*).

На противоположном, восточном конце леса, растянувшегося на 8 км, кроме уже перечисленных, пел зяблик (*Fringilla coelebs*), а в густых зарослях шиповника и лоха, росших местами вдоль опушки, встречены сороки (*Pica pica*), чернолобый сорокопут (*Lanius minor*) и бормотушка (*Hippolais caligata*) со своей нескончаемой песней. Здесь же, на опушке, попадались одиночные серые вороны (*Corvus cornix*) и пустельги (*Cerchneis tinnunculus*), пролетела стая из 20 розовых скворцов (*Pastor roseus*), а высоко в воздухе самец лугового луныя (*Circus pygargus*) несколько раз атаковал коршуна (*Milvus migrans*), бросаясь на него сверху, и после 10 попыток всё-таки угнал его в пески.

Срединная часть массива – высокоствольный и тонкоствольный осиновый лес, спускающийся в болотинку, где растут папоротники! Ширина леса здесь около 50 м, много вывороченных с корнем деревьев, а также не менее 10 свежих спилов диаметром 7-9 см (заготавливают во-всю!). Местами к осине примешивается берёза такого же возраста. Здесь также поют зяблики (*Fringilla coelebs*), иволги (*Oriolus oriolus*), широкохвостки (*Cettia cetti*), соловьи (*Luscinia megarhynchos*) и серые славки (*Sylvia communis*), а в одном месте я услышал крик тревоги горихвостки-лысушки (*Phoenicurus phoenicurus*), причём для гнездования место было вполне подходящее. В другом месте – крик большого пёстрого дятла (*Dendrocopos major*), причём Давыгора успел увидеть спину взлетающего, а через 200 м – полностью ошкуренная дятлом берёза. Возможно,

дятлы бывают здесь не только во время зимних кочёвок, но некоторые и гнездятся. На заболоченном участке леса Давыгора встретил трёх дроздов-рябинников (*Turdus pilaris*). Здесь же летала пара взрослых орлов-могильников (*Aquila heliaca*), а в узкой развилке ствола крупной осины (метров 15 от земли и 5 м от верхушки) виднелось крупное орлиное гнездо диаметром около 1 м и высотой полтора метра; не исключено, что это было гнездо этой пары. Ещё на двух осинах мы нашли два гнезда коршуна (*Milvus migrans*) – с одним оперённым и одним только начавшим оперяться птенцом; в обоих гнёздах сидели взрослые птицы. Из других пернатых хищников встречены чеглок (*Falco subbuteo*) и курганник (*Buteo rufinus*). Очень неожиданно было встретить пару больших горлиц (*Streptopelia orientalis*), перелетевших из песков через дорогу в лес. Вся эта лесная фауна воспринималась как нечто сказочное здесь, в полупустынной зоне, рядом с настоящими песками.

Полудни 23 июня, а точнее в 15⁰⁰, последний раз окунувшись в ласковые воды Темира, мы были готовы к обратному пути. Решили ехать напрямик – через город Темир, посёлок Кенкияк и станцию Кандагач. Здесь намного короче, трасса вроде получше и, что немаловажно для нас, – новая дорога. В 15⁵⁰ мы уже поднимались на чинк Темира. Через 25-28 км, между поселками Шубарши и Кенкияком, мы стали объезжать по какой-то дамбе обширную сырую низину, местами поросшую тростником и рогозом. Слева – озерко с тростником. На нём – два выводка (3 и 7 пуховых птенцов) красnobашей (*Netta rufina*), выводок из 8 подросших птенцов лысухи (*Fulica atra*), большая белая цапля (*Egretta alba*), пара травников (*Tringa totanus*) и морской зуёк (*Charadrius alexandrinus*). А над водой летают несколько чёрных крачек (*Chlidonias nigra*) и три самки камышового луня (*Circus aeruginosus*). Далее дорога пошла среди польнной степи и вскоре появились белокрылые (*Melanocorypha leucoptera*) и степные (*Melanocorypha calandra*) жаворонки, даже полевой жаворонок (*Alauda arvensis*) запел в степи.

Мимо города Темир прошли по объездной. Справа за городом видна широченная лоховая пойма реки Темир. Есть искусственные посадки. Полянная полупустыня закончилась, пошла степь с ковылем-волосатиком и лесополосами. Правда, лесополосы жалкие, редкие, клочками. В маленьком кустике, всего 0.5 м от земли, среди ковыльной степи, 3 км южнее с. Покровка, – гнездо степного орла (*Aquila nipalensis*) с маленьким беленьким пуховым птенцом. В селе Покровка переехали мост через р. Темир. Мостик небольшой и сама речка здесь заросла тростниками и рогозом, только отдельные бочаги воды виднеются. На выезде из речки, против кладбища – первый большой суслик (*Spermophilus major*). Остановились для ловли и провели здесь около часа. Село очень зелёное, много старых мощных деревьев. А за селом, около 1 км, – широкая и старая, многорядная лесополоса. Птиц здесь довольно много, мы насчитали представителей 21 вида, из которых новыми на этом отрезке маршрута оказались два вида камышевок – дроздовидная (*Acrocephalus arundinaceus*) и тростниковая (*Acrocephalus scirpaceus*). В нескольких местах распевали садовые овсянки (*Emberiza hortulana*) и варакушки (*Cyanosylvia svecica*), а береговые ласточ-

ки (*Riparia riparia*) и полевые воробьи (*Passer montanus*) были гораздо темнее и ярче тех, которые живут в наших южных краях, – здесь обитают другие подвиды.

Дальше к северу начались какие-то посевы, похожи на яровые – очень низкие, темнозелёные. Но журавлей-красавок нет и на них!!! Вплоть до самого Кандагача, где стоит указатель, что до Актюбинска осталось 97 км. Птицы нам встречались всё те же, но иногда из окна машины можно было наблюдать их жизнь. Так, в одном месте грач (*Corvus frugilegus*) кормил птенца прямо на асфальте, а по дороге – много раздавленных молодых (там, где лесополосы и хорошее покрытие – высокие скорости машин). В другом месте чеглок (*Falco subbuteo*) прямо перед нашей машиной налету красиво взял над асфальтом летящую стрекозу; в третьем пустельга (*Cerchneis tinnunculus*) поймала ящерицу в траве под столбом... В 22⁻³⁰, уже в светлых сумерках, преодолев за день 275 км, мы разбили лагерь на месте первого – на берегу Актюбинского вдхр., среди лесопосадок. Было пасмурно, начинался мелкий дождик – круг замкнулся там, где начался...

А утром 24 июня – штиль и жара! Искушавшись последний раз в водохранилище, вода которого за две недели нашего путешествия зацвела, став яркозелёной, мы осмотрели колонию береговых ласточек (*Riparia riparia*), состоящую из нескольких сотен гнёзд, на обрыве южной экспозиции в 2-7 м над водой, а в 16⁻⁴⁹ поездом № 24 я отбыл в Алма-Ату. Из окон поезда от южной ветви Мугоджар до станции Кайдауыл (Солёная) я по привычке насчитал на проводах 17 степных орлов (*Aquila nipalensis*), причем 12 из них – на первых километрах, ближних к горам...

Внутренние и южные районы Тянь-Шаня

(6-я немецко-киргизская экспедиция, июль 2003)

И снова – Тянь-Шань! Всего через три недели после возвращения из Актюбинска я уже был в Бишкеке, откуда начинала свой старт 6-я международная немецко-киргизская экспедиция по Южному Тянь-Шаню (13 июля – 1 августа). Вот список её участников: **Германия** – Gerd Mueller-Motzfeld (Greifswald); Marc Cartellieri (Dresden); Hans-Jurgen Gottschalk (Rosttock); Ulf Hauke (Bonn); Regina Heidmann (Bremen); Werner Lakomy (Bremen); Markus Lange (Greifswald); Volker Meitzner (Neobrandenburg); Holger Ringel (Greifswald); Ludger Schmidt (Neustadt); Anne Ziebarth (Greifswald). **Киргизия** – Анара Алымкулова (териолог); Андрей Асингеймер (географ); Валентина Торопова (орнитолог); водители – Дмитрий и Асек. От **Казахстана** по-прежнему участвовал я один.

Маршрут: Бишкек – Карабалта – перевал Тюе-Ашу – Сусамыр (14/15 июля); перевал Алабель – р. Чичкан (15-17 июля); Токтогульское вдхр. – Ташкумырское вдхр. (17/18 июля); Андижанское вдхр. (18/19 июля); город Узген – р. Яссы – нацпарк Кара-Шоро (19-21 июля); город Узген – река Тар, среднее течение (21/22 июля); верхнее течение Тара (река Ойтал) – с. Ойтал – Кзылжар – застава – ручей Каиндыбулак (22/23 июля); обратный путь до Узгена – р. Яссы (23/24 июля); южный склон Ферганского хребта, р. Кугарт (24-26 июля); перевалы Сарыкыр, Макмал, Акгюн – с. Казарман – р. Алабуга (26/27 июля); с. Байетов – р. Терек – перевалы МЭЛС-ашуу (Беурайлю) и Кулак-ашуу –

р. Каракоюн у Таш-Рабата (27/28 июля); застава – Арпинская долина (28/29 июля); трасса на Торугарт – пер. Тузбель – Чатыркульская котловина – Аксайская долина – р. Терек (29/30 июля); Аксайская долина – погранпост Орто-Корунду – мост через Аксай – перевал Кынды – р. Атбаши – Босого – с. Акмуз – р. Атбаши (30/31 июля); село Атбаши – город Нарын – перевал Долон – река Каракуджур (31 июля/1 августа); с. Кочкор – с. Балычи (Рыбачье) – Боомское ущелье – Бишкек.

Я намерено изложил сразу весь маршрут, чтобы было видно, по каким местам мы проезжали вторично, а какие оказались новыми. Главная цель была – забраться как можно дальше на юг; пройти по сыртам Арпы и Аксайской долиной обогнуть с востока хребет Атбаши, чего нам не удалось сделать в первое посещение Чатыркуля. Постараюсь охарактеризовать эти новые места и их орнитофауну, не останавливаясь на знакомых уже местах. Хотя интересные встречи птиц начались уже в первый день в Бишкеке, когда в самом центре города, около исторического музея, мы увидели нескольких белобрюхих стрижей (*Apus melba*). В тот же день в заболоченной низинке перед аэропортом Манас мы отметили туркестанскую камышевку (*Acrocephalus stentoreus*) и малую выпь, или волчка (*Ixobrychus minutus*). На месте первой ночёвки в Сусамырской долине Маркус Ланге видел самца и молодую птицу полевого луны (*Circus cyaneus*), что для меня было сенсацией! Второго самца полевого луны тот же Маркус увидел в самом начале подъёма на перевал Алабель. Токтогул и каскад нарынских водохранилищ прошли 17 июля при хорошей погоде, но на Ташкумырском вдхр. пришлось брать на буксир машину Дмитрия (у неё из выхлопной трубы потекла вода). На ремонт её потратили сутки.

Между сёлами Кочкор-ата и Базар-Курган на ажурных опорах среди посевов хлопка наблюдали гнёзда белого аиста (*Ciconia ciconia asiatica*), причём в большем числе, чем в предыдущую поездку – всего насчитали 9 гнёзд. Совершенно неожиданно перед Базар-Курганом встретили орла-карлика (*Hieraaetus pennata*)!

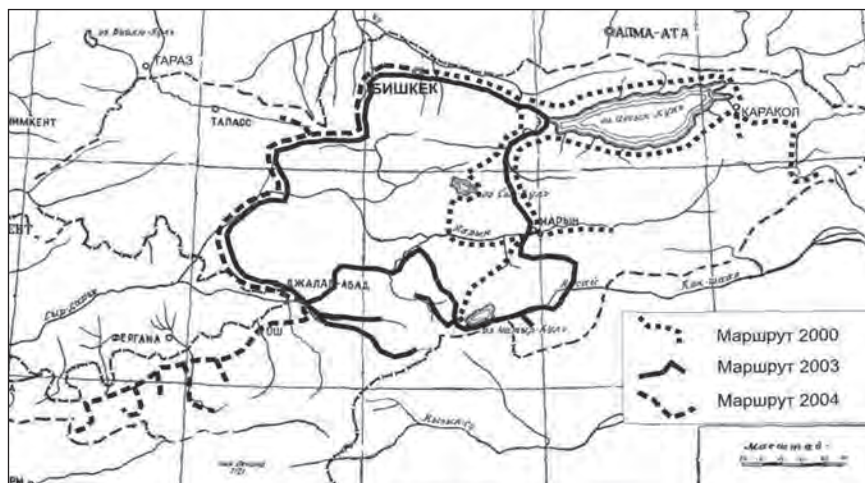

Рис. 123. Картограмма маршрутов трёх тьянь-шаньских экспедиций: 2000, 2003 и 2004 гг.

В селе Яссы, куда мы заехали к брату Асека, чтобы расспросить о дальнейшей дороге, я выслушал страшный рассказ об узгенских событиях 10-летней давности, когда погибло много людей, и трупы их свозили машинами и сбрасывали в Андижанское вдхр. Поехали на Узген, захватив брата Асека для показа дороги. Пересекли речку Карадарья, в которую чуть выше впадает р. Яссы.

Как просветили меня местные знатоки, сооружение XI века – это не мечеть, как её часто называют, а мавзолей, усыпальница 61 правителя этих мест (эмиры, ханы) в период с XI по XV век, когда Узген был столицей здешнего государства (до Самарканда). А высокая башня XII века – военное сооружение, смотровая башня, откуда высматривали появление врага и подавали сигналы о его приближении; эта башня впоследствии служила минаретом для созыва на намаз. Сейчас за их осмотр берут 20 сомов с человека. Утром над заправкой в Узгене кружил светлый сокол-балобан (*Falco cherrug*)!

Оставив в селе Ленинжол брата Асека, набрав из колонки питьевой воды в бутылки, мы направились в национальный парк Кара-Шоро – в верховья реки Яссы (Джазы) по её правому берегу выше слияния с Карадарьей. Здесь хорошие галечники, но для серпокловца низко – 1120 м. Местами достаточно хороший тугай – тополь, ива. Кстати, долина тоже сильно распахана – много подсолнуха, еще какие-то посевы. Местами – миниатюрные рисовые чеки и роскошно цветущая *Perovskia* sp. Через три часа мы уже ехали по территории национального парка «Кара-Шоро». Это очень узкое и глубокое ущелье реки Яссы, склоны местами почти отвесные. Только к верховьям ущелье расширяется и появляются джейляу. На высоте 2250 м стоит 6 юрт, магазин и здесь же – директор этого парка. Сделали попытку проехать выше, но при переезде через неглубокую речку Асек сумел утопить машину, и её едва вытащили. Мюллер при этом несколько раз повторил: «Костю бы сюда! Или Баумана». Пришлось спуститься 1 км назад и стать лагерем в берёзовом лесочке на боковом притоке реки Яссы – в месте, которое указал нам директор. Это южный склон Ферганского хребта. Внизу, в узком ущелье, – еловый лес на крутых склонах, а на этой высоте – арча разреженными деревьями (но ельники есть и гораздо выше!). Вечером в этом красивом месте мы традиционно пили шампанское за Герда по случаю его 62-го дня рождения, не подозревая о том, как мало этих дней осталось...

Орнитофауна здесь – типичная для Западного Тянь-Шаня и очень напоминала мне родной Аксу-Джабаглы с примесью столь же родного Зайлийского Алатау. Везде пели чечевичцы (*Carpodacus erythrinus*), зелёные пеночки (*Phylloscopus viridanus*) и серые славки (*Sylvia communis*); однажды запела рыжешейная синица (*Parus rufonuchalis*). Встречались дрозды-дерябы (*Turdus viscivorus*), горная (*Motacilla cinerea*) и маскированная (*Motacilla personata*) трясогузки, синяя птица (*Myophonus coeruleus*), большая горлица (*Streptopelia orientalis*), седоголовая горихвостка (*Phoenicurus coeruleocephalus*), черногорлая завирушка (*Prunella atrogularis*), выводок желтоголовых корольков (*Regulus regulus*); чёрная ворона (*Corvus corone*) кормила летающего птенца. Тусклых зарничек (*Phylloscopus inornatus humei*) здесь было не меньше, чем зелёных пеночек, но они молчали, встречаясь выводками – так и мельтешили в кронах елей.

Выше, на субальпийских высокоотравных лугах без кустарников, Маркус Ланге встретил беркута (*Aquila chrysaetus*), черногрудую красношейку (*Calliope pectoralis*), гималайскую завирушку (*Prunella himalayana*), горного конька (*Anthus spinoleta blakistoni*), горную овсянку (*Emberiza cia*) и обыкновенного сверчка (*Locustella naevia*).

В старом и густом березово-арчово-еловом лесу на высоте 2433 м я наткнулся на явно нежилой дом, около которого паслись лошади. Это оказалась разобранный дача бывшего генсека Киргизии Усубалиева, а водопадик через бетонную стенку вовсе не мельница, как я, было, подумал, а микрогидростанция для обслуживания этой дачи. Это уже в прошлом, хотя, судя по лошадям, люди здесь есть и сейчас.

Утром 21 июля мы покинули это красивое, уютное место и поехали обратно, вниз по ущелью. На выходе из него – справа речка с обширным галечником, а слева на склоне – естественный ореховый лес. За часовую экскурсию по каменистому склону с редким ореховым лесом (есть старые деревья) я встретил выводок из 5 желтогрудых синиц (*Parus flavipectus*), поющих овсянок – желчную (*Emberiza bruniceps*) и Стюарта (*Emberiza stewarti*); трёх чёрных ворон (*Corvus corone*) и по одиночке – козодоя (*Caprimulgus europaeus*), дрозда-дерябу (*Turdus viscivorus*), седоголового щегла (*Carduelis caniceps*), серую мухоловку (*Muscicapa striata*) и рыжешейную синицу (*Parus rufonuchalis*). Дальше мы поехали по новой дороге, минуя Узген. Огромный оползень перегородил дорогу на протяжении почти полукилометра склона северной экспозиции. Сошёл он еще в мае, но до сих пор ведутся работы по расчистке. Абсолютная высота это-

Рис. 124. Каньон реки Тар в среднем течении (южные склоны Ферганского хребта). 21 июля 2003 г.

го места 1200 м н.у.м. После двух поворотов налево мы опять пошли в горы – на село Каракульджа. Дорога шла сначала предгорными холмами с высокотравием и посевами. За широкой галечниковой долиной реки Каракульджа виден хребт академика Адышева, а за ним – вершина хребта Ку-Алайского (или что-то в этом роде). Пообедали в Каракульдже свиным (!) шашлыком – такое нам встретилось впервые.

А через час, в 15²⁰, мы уже были на реке Тар с её великолепными галечниками и правым обрывистым берегом. Река очень полноводная, шириной около 30 м и вода в ней чёрная (как и в Каракульдже). Дорога вверх идёт сначала по левому борту каньона вдаль от берега, а правый местами отвесный. В 16⁰⁰ миновали изумительные красные скалы в долине Тара и набрали воду в селе Такбай-таала (высота 1500 м). Дорога перешла на правый берег и здесь большая надпись: «Капчагайский район». Под ней – изумительный каньон р. Тар с красными скалами. На левом склоне ущелья – разреженный арчевник (арча по 2-3 м высотой), а чуть дальше – замечательные останцы-жандармы метров по 5 высотой. После маленького села Караташ дорога спустилась почти к речке, ширина галечникового русла здесь около 200 м, высота 1760 м. На галечниковых островках и прямо в воде около них растут старые ивы! Значит, сейчас половодье – их просто загопило. Затем опять река течёт в узком ущелье без островков, полностью заполняя водой всю ширину дна ущелья (50-60 м). Птицы по пути были самые обычные: желчные овсянки, майны, сизоворонки, горные трясогузки, а в селе Терек-суу – даже египетская горлица (*Streptopelia senegalensis*), и только один раз увидели синюю птицу (*Myophonus caeruleus*). В 19⁰⁰ разбили шестой по счёту лагерь на левом берегу реки Тар, вскоре после переезда по мосту. Абсолютная высота здесь 1852 м. Стали в группе старых тополей, которые цветут, засыпая всё вокруг своим пухом.

Утром 22 июля сделали попытку проехать в верховья, к местности, которая называется Кок-арт. Судя по карте, речка здесь и выше называется Ойтал, а ниже она превращается в Тар. Дальше, на высоте 2500 м, русло расширяется до 200 м и более. Из них 90% занято галечниковыми островами. Обширные галечники! Село Ойтал живописно разбросано на склоне левого берега одноименной реки.

Рис. 125. Преодоление сложных участков подъёма

Перед самым селом мы сделали остановку на час-полтора для сбора материала. Однако кратковременный, но обильный дождь сорвал всякие энтомологические сборы, кроме поисков Мюллером жужелиц среди гальки. Среди обычных на этом галечнике куликов – перевозчиков (*Actitis hypoleucos*) и малых зуйков (*Charadrius dubius*) Валентина Исмаиловна вспугнула и одного долгожданного сер-

поклова (*Ibidorhyncha struthersii*)! Галечники здесь обширные, на островках даже кустарник растёт, на берегу – островок густой облепихи и старые тополя (настояще старые, что в дупло одного из них спрятался от ливня один из наших немцев!). А ливень был отменный, к тому же – с градом! Выше села Ойтал – ещё более обширные галечники с островами и на той стороне – хорошие облепиховые заросли. Село тянется на 1.5-2 км вдоль реки. Вскоре на нашем берегу – удивительная «саванна» из отдельно растущих тополей.

За мостом через реку дорога сворачивает вправо (перед мостом дорога продолжается и прямо, вдоль по этому узкому ущелью) и уходит как бы в боковой приток (или это и есть главное русло? – трудно понять). Дорога взбирается на склон, а справа внизу – опять обширные галечники. Местами на них – островки ивы. Здесь ширина водотока 15-20 м, а ширина галечникового русла – до 250 м. И все это тянется вот уже несколько километров. Склоны крутые, покрыты кустарником. Тот, по которому мы едем (правобережный), – очень каменистый и крутой. Под морозящим дождиком продолжаем движение в верховья левого истока реки Тар. Галечники здесь шириной 100-150 м. Высота 2060 м. Местные ребята только что поймали чешуйчатого османа (*Diptychus maculatus*). А впереди виден мост и за ним – село Каин-талаа (до Кок-арта остаётся еще 27 км). Село вдрызг пьяное! Застава на краю села. Здесь мы безрезультатно прождали часа три – всё равно дальше не пустили...

Речка здесь называется Кзылжар (на правом берегу – красивые красные скалы), ниже села она сливается с ручьем Каиндыбулак и получается река Ойтал (которая ниже становится рекой Тар). Галечники на ней шириной более 100 м, есть островки, но серпоклова нет – мы целый час искали его вместе с Маркусом. Пасмурно, морось. Да и других птиц в такую погоду было мало. Лишь пара перевозчиков (*Actitis hypoleucos*) на берегу речки, ворон (*Corvus corax*), несколько летающих под дождиком стрижей (*Apus apus*) да токующий под дождём полевой конёк (*Anthus campestris*). Пришлось нам искать место для стоянки. Поехали в боковое ущелье ниже села – ручей Каиндыбулак. Проехали несколько усадеб, небольшие посеы и сенокосы – всего километра 2-3, где и стали лагерем на берегу реки среди зарослей облепихи. Это наш лагерь № 7 (2190 м над у.м.).

Ущелье неглубокое и склоны не очень крутые: вверху голые, травянистые, а в нижней половине – выходы красных сланцев с множеством пустот. По дну небольшого ручья местами заросли облепихи и ивы. Но самое замечательное – очень красивые дальние верховья в виде зубчатых скальных вершин. Лагерь поставили на полянке среди густых зарослей облепихи, ивы и шиповника с белыми цветами.

После утренней экскурсии 23 июля, на которой кроме выводков серых славок (*Sylvia communis*) и южного соловья (*Luscinia megarhynchos*), встретили только курганика (*Buteo rufinus*), чёрного грифа (*Aegyptius monachus*) и двух белоголовых сипов (*Gyps fulvus*), мы тронулись в обратный путь, чтобы засветло проехать ущелье с его опасными участками дороги, где за день до нашего приезда, как рассказали нам милиционеры позавчера, улетел в каньон УАЗ-452 с 15 человеками (только у нас могут так перегрузить машину!) и в результа-

те – 9 трупов, 4 человека в реанимации, а двух вообще не нашли. С остановками для работы мы ехали до самого вечера, и уже в темноте пришлось ставить палатки на голом галечнике реки Яссы около города Узген (фото на вклейке). Рядом с галечником – рисовые чеки, обсаженные деревьями, в том числе – карагач и ива. Худшее место для лагеря трудно себе представить, поэтому хотелось уехать как можно раньше. Однако одна из машин ушла в город в поисках вулканизации и вернулась только к 12⁰⁰. Много времени пришлось также провести в Узгене – базар, обед в столовой, ожидание газового баллона. Затем – долгий объезд Джалалабада по просёлочным дорогам, с расспросами о дальнейшем пути...

Поэтому на Ферганский хребет начали подниматься уже вечером. Оставив перевал на завтра, в 19⁰⁰ стали лагерем № 9 на речке Кугарт у верхней границы леса на южном склоне Ферганского хребта (немного выше, чем в прошлый раз, в 1999 г.). Всё ущелье занято скотом, юрты и палатки стоят через каждые 300-500 м. Здесь мы сделали днёвку: утром 25 июля одна машина ушла вниз до вечера, в лагере осталось 6 человек.

Экскурсия по молодому кленовому лесу с полянами, занятыми высокотравьем (в основном это цветущие шалфей и ромашка, оба высотой до 0.5 м), показала, что основной фон среди птичьего населения составляли два вида – большая горлица (*Strept. orientalis*) и обыкновенная чечевица (*Carpodacus erythrins*); постоянно слышны были песни иволги (*Oriolus oriolus*), зелёной пеночки (*Phylloscopus viridanus*) и седоголового щегла (*Carduelis caniceps*), встречались также чёрные вороны (*Corvus corone*) и майны (*Acriditheres tristis*). Прямо у лагеря, всего в 20 м от крайней палатки, на старом клене высотой 10 м, я нашёл гнездо чеглока. Самка сидит в гнезде очень глубоко, лишь изредка видна часть головы. В течение трёх часов, которые я наблюдал из палатки, она не покидала гнездо, а самец только раз прилетал к ней с криком.

За это время внизу, в ореховом лесу, Маркус видел целый ряд типичных западно-тяньшаньских птиц: выводки рыжешейной (*Parus rufonuchalis*) и желтогрудой (*Parus flavipectus*) синиц, белокрылого дятла (*Dendrocopus leucopterus*), дубоноса (*Coccothraustes coccothraustes humei*) и в то же время – крапивника (*Troglodytes troglodytes tianshanicus*), представителя ельников северных частей Тянь-Шаня.

Утром 26 июля мы остановились на великолепных флёмисовых лугах у перевала Сарыкыр (3.002 м); здесь небольшое озерко с галечником, а прямо на дороге – пятна снега. Здесь помимо вездесущих горных коньков (*Anthus spinoletta*), каменок (*Oenanthe oenanthe*) и коноплянок (*Acanthis cannabina*) мы встретили кумаев, или снежных грифов (*Gyps himalayensis*), которые один за одним вылетали из-за вершины у перевала, сначала очень низко – над самим гребнем, потом набирали высоту и уходили к югу. Так прошло 15 особей за 20 минут. Маркус считает, что 4 из них – точно кумаи, а остальные 11 могут быть белоголовыми сипами. По крайней мере, 4 кумаев насчитал и я, это снежно-белые птицы в окончательном наряде, только таких мы привыкли считать *Gyps himalayensis*. Однако есть же у этого вида и не совсем взрослые, которых трудно

отличить от белоголового сипа. Поэтому не исключено, что все птицы, которых мы видели – это кумаи, только в разных возрастных нарядах.

Потом почти пол-дня пришлось потерять на «общение» с госавтоинспекцией (ГАИ), машина которой скромненько спряталась сразу же за перевалом. Здесь старлей отобрал у обоих наших водителей права

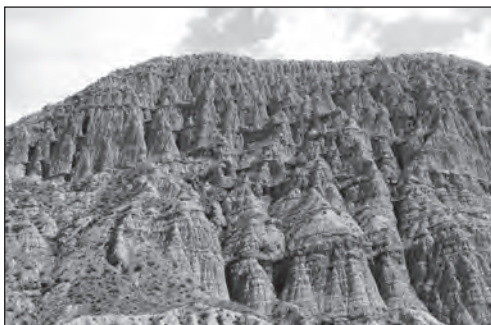

Рис. 126. Бедленды Джамантоо. 27 июля 2003 г.

(оказывается, проезд микроавтобусов через этот перевал запрещён и может быть разрешён по специальному разрешению облГАИ в Джалалабаде – а мы ведь город объехали!). Пришлось следовать за машиной ГАИ в Казарман и потратить больше часа на уговоры и на звонки в Джалалабад. Выяснилось, что вообще маршрут экспедиции надо было согласовывать с органами ГАИ в Бишкеке, и там бы нам сказали, через какие перевалы нам можно ехать, а через какие нельзя! Это похлеще, чем у нас, в Казахстане! До 14 час старший лейтенант Нурлан связывался с облГАИ, кое-как договорились.

Только в 15⁰⁰ выехали из Казармана. Миновав два перевала (Макмал и Акгюн), мы оказались в истоках реки Алабуга. Вправо и впереди – эродированные глинистые горы (Джамантоо). От села Кос-тубе до села Джиргитал и речки того же названия осталось 20 км. В 18³⁰ – река Алабуга с очень обрывистыми глинистыми берегами, около которых летают десятка два стрижей (*Apus apus*), а на полях – тысячная стая воробьёв (*Passer indicus? hispaniolensis?*), к сожалению, издалека вид установить не удалось. Но сам факт пребывания такого количества воробьёв в межгорной долине интересен. Здесь долина Алабуги суживается, местами попадают постройки, затем пошли посеы люцерны, поливные поля и сенокосы. Везде арыки, полив и к речке нигде не подъехать. С превеликим трудом, при помощи местного жителя, удалось съехать и стать на галечнике – уже в темноте.

Утром 27 июля – выезд на юг, в сторону Байетово и Атбаши. Дорога идет по каменистой полупустыне вдоль правобережного притока Алабуги, вокруг – бедленды, относящиеся к хребту Байбичетоо. Есть кустарнички, местами посеы, но в основном – одна галька и немножко полыни на глине (ширина долины – около 0.5 км). Довольно часто по пути попадают чёрные стрижи (*Apus apus*) и обыкновенные скворцы (*Sturnus vulgaris*), по одному разу – стервятник (*Neophron percnopterus*) и змееяд (*Circaetus gallicus*). К полудню достигли села Байетово (абс. высота его 2000 м), где пополнили запасы продуктов. За ним – полынная степь, за которой сухие эродированные горы-бедленды (Байбичетоо). В 15²⁵ въехали по ущелью в горы, почти такие же разрушенные, как и перед этим, но здесь уже есть кое-где на северных склонах хоть какая-то трава, а пони-

зу везде – караганники (низкие и густые, как стелющаяся арча). Днище ущелья занято сизой полынной полустепью с островками караганы. Абсолютная высота здесь 2 350 м. Горы, которые мы сейчас будем пересекать – это Байбичетоо! Это уже настоящие горы – не глина, а красные скалы с еловым лесом на более пологих участках склонов. Высота в самом начале подъема на перевал – 2 500 м. До самого перевала дважды шли пешком – мотор машин отказывает из-за плохого бензина (в Байетово нам залили его пополам с водой). Перед перевалом, на высоте 3 000 м, – красивые платообразные луга с выходами белых скал! Кругом флёмис, или зопник. В 16⁵⁵ достигли перевала. Высота его, по нашим альтиметрам, 3 170 м. Дорога на перевал прорезана в скалах! Может быть, именно он и есть пер. Бёрюлю (3 262)? На карте Внутреннего Тянь-Шаня этот перевал именуется Беурайлю и высота его указана 3.268 м. А назад, на север, открыта широкая панорама с глубоким каньоном долины Терека – зрелище впечатляющее!

Следующий, второй перевал – МЭЛС-ашу (3 383 м). За ним, на высоте 2 850 м, небольшое село Орто-Сырт. А за селом – широкое галечниковое русло с множеством островков – это река Терек. Здесь уже везде встречаются стаи альпийских галок (*Pyrhocorax graculus*), а на бутанах сурков – выводки плясуний (*Oenanthe isabellina*). Кроме них нередки обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*) и горные коньки (*Anthus spinoletta*), а в небе, наконец-то, парит беркут (*Aquila chrysaetus*), высматривая многочисленных здесь сурков (*Marmota baibacina*). Между двумя перевалами встретили тибетского ворона (*Corvus corax tibetanus*). Через 2 км после второго – следующий, третий по счету перевал, Кулак-Ашу, высота его 3 390 м. С него спустились на трассу, ведущую к Торугарту, пересекли её, спустились к галечнику речки Каракоюн (высота 2 849 м.) и стали лагерем № 11 против входа в ущелье Таш-Рабат. Зловеще-чёрные тучи на западе и холодный западный ветер. Это был совершенно новый для меня отрезок маршрута.

Рис. 127. На перевале Тузбель (3 574 м) в котловину Чатыркуля

Утром 28 июля, проехав по трассе до Торугартской погранзаставы (3 235 м) у западного окончания хребта Атбаши, мы не поехали на Торугарт, а свернули с трассы вправо и поехали в долину Арпы – вслед за местным УАЗ'иком, который обещал показать нам дорогу. В сущности, вся обширная равнина справа – это и есть долина Арпы, которая вся в этой части находится на высоте 3200-3300 м над у.м.

Здесь очень сухая глинисто-щебенистая степь, редкая растительность из типчака и низкоро-

слой полынки, много щёбенки и даже окатанной гальки на оголенных участках между травой. Периодически пересекаем широкие сухие галечниковые русла: на 15 км пути (по спидометру) их было 11, и только в двух была вода! А ширина каждого из них – от 50-70 до 100 и более метров. Уклон самой долины – к северу, в сторону гор Джамантоо, которые хорошо видны справа. Сурков здесь тьма, но уже не красные, или длиннохвостые (*Marmota caudata*), как в Ферганском хребте, а обычные серые (*Marmota baibacina*). Из птиц чаще всего, стайками по 5-10 штук, на всем протяжении пути встречались рогатые жаворонки (*Eremophila alpestris*), часто попадались выводки каменок – обыкновенной (*Oenanthe oenanthe*) и плясуньи (*Oenanthe isabellina*). Реже встречались снежные вьюрки (*Montifringilla nivalis*), а однажды я увидел и жемчужного вьюрка (*Leucosticte brandti*) – у дороги сел очень яркий, видны были даже жемчужные скобочки на плечах!

Около последнего, 11-го по счёту галечника, с довольно большой водой, мы стали лагерем. Это было уже у подножья северного склона Ферганского хребта. Пришлось выбрать небольшую балочку, которая хоть немного защищала бы от разыгравшегося сильного ветра. Но даже в балочке одну из палаток сразу же разорвало при попытке ее поставить, и Вернеру с Региной пришлось искать пристанище в одной из машин, чтобы зашить эту палатку. С трудом поставили остальные палатки под этим ветром!

На буграх, поросших редким низкорослым типчаком, лишь местами попадаются небольшие участки с высокой и густой травой. Именно в таких местах я встретил несколько полевых жаворонков (*Alauda arvensis*) и одного малого (видимо, – *Calandrella acutirostris*) – со светлой грудью без пестрин. На остальной территории господствовали рогатые жаворонки (*Eremophila alpestris*). В одном месте удалось увидеть пару воронов (*Corvus corax*), а Маркус встретил даже монгольского зуйка (*Charadrius mongolus*).

Это были первые настоящие сырты, на которых я побывал. Холодную, уютную каменистую равнину, на которой мы расположились, с юго-востока обрамляла торцевая часть западной оконечности хребта Атбаши – очень интересные розоватые скалы с зелеными травянистыми склонами между ними. С севера на горизонте виднелись сухие южные склоны гор Джамантоо, и с юго-запада и запада длинной подковой возвышались заснеженные, скалистые северные склоны Ферганского хребта. Особенно величественной была эта картина на закате, когда снега на зубчатых вершинах гор на время порозовели...

Рано утром 29 июля мы в обратном порядке пересекли широкую долину Арпы с её многочисленными галечниками. Среди участков с редкой типчаковой растительностью попадались участки просто оголенные, с растрескавшейся глинистой почвой (под такыр, но более пухлой), занятых очень низкой, как будто ползучей полынью и ещё более низким розовоцветущим остролодочником (*Oxytropis* sp.) – местами прямо розовые поля. Пройдя 15 км, мы вышли на тюргарскую трассу и в 10⁴⁵ достигли перевала Тузбель (3 574 м), запечатлев весь личный состав на фоне картинной скульптуры орла. В котловине озера Чагыркуль на полчаса заехали на источник нарзана с его красной от железа почвой, отметив, что напор минеральной воды стал меньше, чем 4 года назад. И птиц почти нет.

В полдень на таможне и у пограничников безуспешно пытались заправиться, так как, по расчётам наших водителей, для дальнейшего пути вперед нам не хватает литров 30 бензина. Пришлось скупать его по 10-15 л у частных. Здесь – неожиданная встреча с французскими велотуристами, уже знакомыми по Байетово, обмен адресами (один из них «а-ля Иисус»). Здесь же удалось пообедать в местной столовой, в которой неожиданно оказалось разнообразное меню, от чего мы давно успели отвыкнуть... Прямо во дворе таможни краснобрюхие горихвостки (*Phoenicurus erythrogastra*) кормили трёх летающих птенцов. В 15⁻³⁰ выехали, наконец, в долину Аксай, держа путь на Босого. Дорога пошла прямо вдоль колючей проволоки. Везде бегают серые сурки (*Marmota baibacina*) и здесь же – каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*). В 16⁻¹⁵ проехали место нашего лагеря 1999 года, оно-то и есть водораздел, за ним дорога пошла под уклон!

Всё так же справа система, вскоре начинается что-то вроде прилавок Кокшаал-тау. Местность – сухая степная долина шириной несколько километров, полого спускающаяся к востоку, а мы идём по ее южной части, около границы. Скорее даже полупустыня – щебёнка и редкая растительность. Здесь мы промазали: не доезжая до поломанного моста через речку Терек, свернули вправо и вышли на небольшой перевал, откуда открылся вид на широкую галечниковую долину Терека, который течет с юга, со склонов Кокшаал-тау, на север, до впадения в Аксай. Игнорировав это обстоятельство, мы всё-таки прошли вверх, против течения Терека, ещё 5-6 км, и лишь расспросив там чабана, вернулись и, форсировав Терек вброд немного левее поломанного моста, стали лагерем в 2 км ниже его. Это был уже 13-й наш лагерь. Везде на этом пути нам попадалось много сурков, каменок-плясуний и рогатых жаворонков. А вблизи лагеря встретили несколько монгольских зуйков (*Charadrius mongolus*) – как взрослых, так и молодых.

Утром 30 июля мы продолжили путь вниз по Аксайской долине. Ширина её около 5 км, река Аксай течет ближе к южному краю долины, большая часть которой представлена щебнистой полупустыней (если не пустыней). Редкий типчак и большие поляны белой низкой полыньки – как в Тереке. За прилавками

Рис. 128. Вечером у традиционного костра

с юга стал появляться мощный снежный гребень Кокшаал-тау. На высоте 3 245 м встретили верблюда!!! Здесь так называемый «Культурный центр» – несколько домов, в которых живет всего одна семья (раньше, по словам Валентины Исмаиловны, здесь были изба-читальня и кино-театр для чабанов). В 11⁻⁰⁵ погранпост «Орто-Курунду», проверка документов. Вскоре

появились первые группы яков (*Bos mutus grunnieus*). Перед мостом через Аксай – следующий погранпост. Здесь уже долина сужена до 500-700 м и в основном это зелёный луг. Абсолютная высота моста 3 122 м. Мост деревянный. Здесь – обширные галечники и мы остановились на часок для поисков жужелиц и серпоклюва. Поиски серпоклюва не дали результатов, несмотря на то, что галечники здесь достаточно обширные и островков хватает. Возможно, всё-таки ограничивает абсолютная высота? Ведь нигде выше 3 000 м его нет... Вместо него на галечнике у моста кормились самец и самка краснобрюхой горихвостки (*Phoenicurus erythrogastra*), там же сидели огарь (*Tadorna ferruginea*) и ворон (*Corvus corax*); бегали маскированные трясогузки (*Motacilla personata*), рогатые жаворонки (*Eremophila alpestris*) и обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*). А поднимавшийся на склон Маркус встретил скалистого голубя (*Columba rupestris*), городских ласточек (*Delichon urbica*) и даже рыжехвостого сорокопуга (*Lanius phoenicuroides*), что для последнего несколько высоковато. Кстати, вполне может быть, что это был уже буланный, или кашгарский жулан (*Lanius isabellinus*).

В 13⁻³⁰, проехав через мост, поднялись на перевал. Пересекли левобережный приток Аксай – речку Кашкасу – и стали спускаться по левому берегу реки, но вдали от неё, по прилавкам. В 12⁻⁴⁵ свернули влево по ущелью речки Тюзашу и вдоль ее правого берега пошли вверх. Долина шириной 300 м, здесь кочковатый луг. Сама речка шириной 5-6 м, а лента галечника неширокая – от 20 до 30 м. Здесь везде скот. Непривычно было видеть на высоте 3 200 м такую равнинную птицу как угод (*Upupa epops*).

В 14⁻¹⁵ на последнем погранпосту, почему-то не связанном с двумя предыдущими, нам устроили нервотрепку в течение часа: почему мы не получили какое-то разрешение в погранотряде города Нарын. Доводы о том, что в этот город мы ещё только едем, не помогли. В конце концов, нас выпустили из погранзоны. Здесь, в ущелье Тюзашу, людей и скота гораздо больше, чем по всей Аксайской долине – юрты стоят регулярно до самого перевала!!! По дороге на перевал мы наблюдали удивительное зрелище – массовое движение прямокрылых. Мириады довольно крупных личинок шли пешком по дороге – как будто они тоже идут на перевал! Впечатление довольно сильное.

Проехали перевал Кынды (3 400 м). Оказывается, сам перевал Тюзашу – другой, он расположен немного северо-западнее этого. И здесь шлагбаум! И сразу за ним резкий спуск вниз. Серпантин идёт по узкому ущелью. Первые ёлки появились на высоте 3 200 м. По западинам – густые, непролазные заросли арчового стланика вперемежку с колючей караганой (*Caragana jubata*), а по ним – маленькие островки ёлок. Спуск ведёт в довольно узкую долину, а впереди стеной возвышается очень крутой хребет Нарынтоо.

На высоте 2 700 м остановились на полчаса на речке в узкой долинке. И первое, что я увидел и услышал, – серпоклюв (*Ibidorhyncha struthersii*), с криком взлетевший, как только мы переехали мостик и остановились. Галечники здесь небольшие, как и сама речка. Зато на склонах имеется еловый лес. Это всего в 1 км выше места впадения этого левобережного притока в реку

Атбаши, по которой тоже есть хорошие галечники! Выйдя к реке Атбаши, повернули влево, на запад, и пошли по её левому берегу вдоль течения. Вскоре за поворотом – Босого! Это даже не село, а какой-то пункт типа ДЭУ – там всего два жилых домика. А следующее село – Акмуз (там надеялись купить бензин). Вскоре после Босого мост через реку Атбаши. Дорога пошла по луговой террасе правого берега на высот около 2 600 м. Южнее реки сразу же – северный склон хребта Атбаши с хорошо развитым еловым поясом. В селе Акмуз имеется магазин, почта, хлеб, но вместо бензина – одни обещания (вернее, предлагают втридорога). Высота 2 380 м и впервые за последние дни – жарко!. В селе обычен домовый воробей (*Passer domesticus*), около десятка скворцов (*Sturnus vulgaris*), пустельга (*Cerchneis tinnunculus*) и даже парочка египетских горлиц (*Streptopelia senegalensis*). Через полчаса, в 18³⁰, стали лагерем № 14 на берегу реки Атбаши: высокая трава, посевы, арыки. Очень мокро! На противоположном берегу – густые ивняки с тополями. Галечниковое русло шириной 20-30 м, а сам водоток – 7-10 м. Есть мирикария. Северный склон хребта Атбаши с хорошо выраженным поясом елового леса – всего в 1 км от левого берега. Самая многочисленная птица здесь – черноспинная желтоголовая трясогузка (*Motacilla citreola calcarata*), пары и семьи встречаются постоянно. На втором месте – поющая везде в кустарниках обыкновенная чечевица (*Carpodacus erythrinus*), там же, у реки, часто поёт широкохвостая камышевка (*Cettia cetti*). И совсем недалеко от нашего лагеря – небольшая колония, гнезд 30 грачей (*Corvus frugilegus*).

На следующий день, проехав мимо села Атбаши, мы пересекли отроги хребта Нарынтоо (очень крутые склоны и все красное – скалы, обрывы, глина) и с очень крутого спуска-серпантина въехали прямо в город Нарын! Здесь, помимо обеда и закупки продуктов, 40 мин ожидания у погранотряда, где подполковник задним числом читал нотации Валентине и Анаре за ненадлежащее оформление документов (нажаловались всё-таки господа из последнего погранпоста!). На подъёме к перевалу Долон по р. Караунгур мы снова остановились у скалы стенолаза (2 600 м) и опять наблюдали за ним. Наверняка, это место его гнездования – он регулярно встречается здесь по крайней мере с 1999 г.

Миновав свёрток на Сонкуль и Тюлек, у села Сарыбулак мы свернули с трассы вправо и поехали по правому берегу р. Каракуджур. Здесь, в 5 км от основной трассы, мы разбили последний наш лагерь № 15. Ориентация ущелья – с востока на запад. Голые скалистые склоны южной и северной экспозиции, а вдоль водотока – густые заросли ивы и облепихи, до 8-9 м высотой. Есть кустарник *Nitraria schoberi* в виде полусферических подушек. Ранним и очень свежим утром 1 августа выяснилось, что главные певцы здесь – чечевица (*Carpodacus erythrinus*) и зелёная пеночка (*Phylloscopus viridanus*), немного пела также широкохвостка (*Cettia cetti*). Кроме них встретили также чёрного дрозда (*Turdus merula*), ястреба-перепелятника (*Accipiter nisus*), желтоголовую трясогузку (*Motacilla citreola calcarata*), молодую красноспинную горихвостку (*Phoenicurus erythronotus*), ястребиную (*Sylvia nisoria*) и горную (*Sylvia althaea*) славок. А обронённое рулевое перо самки фазана (*Phasianus colchicus*) говорило

о том, что и она была здесь. Валентина Исмаиловна подтвердила, что по речкам в этих местах фазан поднимается до 2 500 м.

За селом Сарыбулак дорога пошла вниз по ущелью Джоанарык (это вторая составляющая реки Чу). Ширина долинки – всего метров 200. Склоны скалистые, как и в Каракуджуре, а по самой долине – ивняки. Ниже села Кочкор-ата (Кочкорка) река уже называется Чу, вдоль неё – прекрасные ивовые заросли с лугами!. Уже в 10⁻³⁰ участники экспедиции в последний раз окунулись в воды Иссык-Куля в Рыбачьем и в 15 часов прибыли в жаркий Бишкек. А вечером – прощальный ужин у Торстена Хардера в горах...

Съёмки фильма «Аксу-Джабаглы – хранилище жизни» (сентябрь 2003)

В августе ко мне обратилась руководитель частной киностудии «Unika-Film» из города Астана с предложением быть научным консультантом и участником съёмок фильма «Аксу-Джабаглы – хранилище жизни», заказанного руководством заповедниками к очередной юбилейной дате. Поскольку каждая поездка в заповедник для меня всегда как подарок, я дал своё согласие и 31 августа со съёмочной группой выехал в заповедник. В составе группы были: режиссёр фильма Тамара Аушахметова, оператор Володя Хан, его жена Наташа, их семилетний сын Николашка и водитель Айдар. До 7 сентября мы посетили все доступные из наиболее интересных мест заповедника, начиная с Дарбазы и каньона реки Аксу в южной части и заканчивая районом горы Каскабулак – в северной. Эта неделя осталась в памяти, как сплошной праздник, чему немало способствовала сама золотая осень – погода стояла солнечная и тёплая. Несколько дней мы прожили в домике Тризны в Кши-Каинды, откуда верхом поднимались на перевал Кши-Каинды, с которым я уже, было, попрощался за два года до этого, когда приезжал с экспедицией по Западно-Тянь-Шаньскому проекту. Удивительно это сочетание верховой езды и окружающих тебя красот высокогорья! Я как будто помолодел и уже без сомнения отправился в более дальнее путешествие верхом – на вершину Каскабулака через урочище Кызольгенколь.

Рис. 129. На лугах Кызольгенколя, вдаль видны Джабаглытау

Рис. 130. На Чокпаке с Эдиком и Пускарчиком

Рис. 131. Съёмка наскальных рисунков. Каскабулак, 3500 м.

ставших для меня родными, мне удалось посмотреть и то, чего я никогда раньше не видел – пещеру в предгорьях гор Боролдайтау, в районе села Высокое (теперь Шакпак-баба). О ней откуда-то прознали мои киношники, и мы все, в том числе и Николашка, спустились в неё, чтобы посмотреть там красивые сталактиты и сталагмиты. Так уж совпало, что у входа в эту пещеру я чуть, было, не наступил на щитомордника (*Agkistrodon halys*), гревшегося на ласковом сентябрьском солнышке, хотя по его грозному виду и боевой позе можно было подумать, что он не просто греется, а охраняет вход в эту пещеру...

Аскания-Нова, Германия и один день в Париже (сентябрь-октябрь 2003)

Завершил этот год так называемый «отпуск» – месячное путешествие по маршруту: Москва – Харьков (Полтава, Решетиловка) – Аскания-Нова – Москва – Германия – Париж – Москва. Оформить отпуск вместо двух зарубежных командировок оказалось единственным решением этой проблемы...

В Москве 25-29 сентября состоялось очередное совещание «журавлятников», посвященное стерху. Как всегда, организаторами его был Международный журавлиный фонд (ICF), который представляли его президент Jim Haggis и координатор проекта по стерху Claire

Рис. 132. Среди сестёр в Полтаве. Справа налево: родная сестра Сима и двоюродные – Нина, Лёля, Валя и Надя

Наскальные рисунки за прошедшие 40 лет несколько не изменились и, показывая их в объективе кинокамеры, я вдруг подумал о том, что такими же они останутся и через двести лет, когда уже не будет не только меня, но и моих правнуков... Почему-то такие мысли о вечном чаще всего приходят в голову именно здесь, в тиши высокогорья...

Под «занавес» нашего пребывания в этих местах, давно

бывания в этих местах, давно

бывания в этих местах, давно

бывания в этих местах, давно

последней – через несколько лет его не стало... А поскольку после окончания этого совещания до начала конференции в Аскании-Нова оставалось больше недели, я уехал на Украину, успев за это время побывать и в Харькове, у Игоря Кривицкого, и у родственников в Полтаве и Решетилровке. Родни становилось всё меньше, но Полтава по-прежнему была ею богата: с моим приездом у сестры Симы на Алмазном собиралось за столом человек 10-15, в основном двоюродные сёстры (рис. 132) и их семьи. Вечером 6 октября Игорь Кривицкий проводил меня к поезду, в котором среди большой группы журавлятников ехал в Асканию-Нова и Юрка Шибаев. Встреча их с Игорем оказалась совсем мимолётной...

Конференция «Журавли на рубеже тысячелетий» (заповедник «Аскания-Нова», 7-12 октября 2003 г.) была организована Рабочей группой по журавлям Евразии (РГЖЕ), Азово-Черноморской орнитологической станцией и Биосферным заповедником «Аскания-Нова». В ее работе приняли участие 74 человека, представлявших 43 государственных, научных и общественных организации 7 стран: Украины, России, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и США. Наиболее полно были представлены орнитологи Украины и России, причем особенно отдаленно, что смогли приехать участники даже из таких отдаленных мест, как Томск, Забайкалье (Даурский заповедник), Приамурье, Владивосток, Якутск, Сыктывкар, Петрозаводск. Наиболее слабо был представлен среднеазиатский регион – всего два специалиста из Казахстана и по одному – из Киргизии и Узбекистана.

О тематике конференции свидетельствуют названия утренних и вечерних пленарных заседаний: современное состояние популяций отдельных видов журавлей

Рис. 133. Группа участников: Ю.В.Шибаев, О.Н.Кревер, Е.Н.Лановенко, [этот парень мне не известен], В.И.Торопова, А.Поповкина, Т.Б.Ардамацкая, А.Ф.Ковшарь. Аскания-Нова, 7 октября 2003 г.

Рис. 134. На машине с Юрой Шибавым по Чапельскому поду

(особенно красавки и серого), миграции и осенние скопления журавлей, актуальные вопросы охраны журавлей, разведение журавлей в неволе, реинтродукция журавлей, биология и методы ее изучения, журавли и хозяйственная деятельность. Помимо пленарных заседаний были проведены тематические круглые столы: по мечению журавлей, по экопросвещению, «журавли и хозяйственная деятельность». Особенно интересным был последний стол.

Для участия в нём была приглашена руководительница местного сельскохозяйственного кооператива В.А. Найдёнова, хозяйство которой в течение 19 лет выращивает сортовую кукурузу на семена и при этом терпит значительный урон от скоплений журавлей: только в прошлом году на поле в 50 га убытки, по ее словам, составили 42 тыс. долларов, причем даже норму посева приходится увеличивать на 30%. Своим опытом «отвлекающих посевов» в Забайкалье поделился О.А. Горошко. Его доклад на пленарном заседании «Осенние скопления журавлей на Торейских озерах» был одним из наиболее ярких и красочных (в скоплениях – до 5 видов журавлей одновременно!).

По нашему региону было сделано 5 докладов: «Ключевые территории для журавлей в Узбекистане и пути их охраны» (Лановенко Е.Е. и Крейцберг-Мухина Е.А.), «Проблемы охраны журавлей в Кустанайской области» (Е.А. Брагин); «Динамика красавки в Казахстане в XX столетии» (Березовиков Н.Н., Ковшарь А.Ф.), «Распространение и численность красавки в Северо-западном Казахстане» (Бойко Г.В.) и «Красавка в Киргизии: миграции, гнездование» (В.И. Торопова).

Помимо докладов и круглых столов дважды устраивались вечерние наблюдения за скоплениями журавлей на Чапельском поде (ВБУ международного значения, площадь 2 300 га) – здесь же, на границе заповедника. Была проведена специальная экскурсия в заповедную степь, где участникам были показаны стада лошадей Пржевальского, куланов, муфлонов, бизонов, антилоп гну, канн, нильгау, оленей и ланей, вагусси, гаялов, зебр и других диких копытных. Не меньший интерес представляет знаменитый асканийский дендропарк, заложенный в 1887-1895 гг. На площади всего 183 га здесь, среди сухих южно-украинских степей, произрастают представители 1030 таксонов (виды, формы, сорта) древесных и более 600 таксонов цветочно-декоративных растений, среди них – 103 вида редких и исчезающих растений мировой флоры. Особенно приятно было застать этот парк в таком же хорошем состоянии, каким я видел его в 1956 и 1986 гг. По окончании официальной части конференции 11 октября

была предпринята автобусная экскурсия на берег Сиваша, где наряду с другими птицами мы увидели султанку (*Porphyrrio polyocephalus*), что явилось первой регистрацией вида для этих мест. Для меня лично эти 6 дней были важны тем, что всё это время мы могли общаться с Юркой Шibaевым и, помимо сугубо журавлиных проблем сегодняшнего дня, предаться воспоминаниям 45-летней давности, как бы окунувшись в это далёкое прошлое...

Вернувшись поездом в Москву, я уже 13 октября вылетел в Германию, в Грайфсвальд, где Герд Мюллер собрал участников тяньшаньских экспедиций на очередной семинар. Как всегда, на самом высоком уровне было гостеприимство этой семьи и особенно хозяйки дома Урзель Мюллер. Запомнились не так заседания и доклады, как поездки по разным городам Германии – в Шверин, на Балтийское побережье, в Берлин. В этот раз осуществилась даже заветная мечта: посмотреть Париж хоть одним глазком! Есть ведь такое выражение: «Увидеть Париж – и умереть». Как-то за ужином Мюллер сказал, что от Берлина до Парижа ходит ночной туристический автобус. Выхав вечером, можно утром оказаться в Париже,

Рис. 135. Остатки Берлинской стены

Рис. 136. Спальные места в «Gulliver»

Рис. 137. Знаменитые парижские платаны

потратить на него день, а следующей ночью вернуться в Берлин. Моя реакция на это известие была столь бурной, что Герд попросил одного из своих помощников (Holger Ringel) выяснить возможность покупки билетов на такой автобус по интернету. Хольгер не только выяснил, но и купил билеты туда и обратно! Всё было рассчитано так, чтобы вернуться в Берлин незадолго до вылета на Москву. Конечно, я уговорил на эту авантюру свою спутницу В.И. Торопову, и вечером 20 октября мы отбыли из Берлинского вокзала в спальном автобусе турфирмы «Gulliver». Пунктуальный Хольгер всё устроил как нельзя лучше и разъяснил нам преимущества спальных мест. Это был совсем не такой спальный автобус, как в Синьцзяне! Очень комфортабельный европейский автобус, с биотуалетом у заднего входа, имел обычные сидячие места, лишь часть из них в последних рядах преобразовывались в лежачие спальные места, которые располагались в два яруса. Как только полностью стемнело, и в окна уже ничего не было видно, мы уснули, как на плацкартных полках в поезде, накрывшись пледом. Зато утром прибыли в Париж полностью отдохнувшими – а ведь предстоял нелёгкий день беготни по этой «столице мира», чтобы за 10-12 часов успеть хоть что-то увидеть!

Парижу посвящено столько сотен страниц восторженных описаний, что было бы глупо попытаться сказать что-то новое. Можно только высказать свои эмоции, которые, конечно же, захлестнули нас полностью. Елисейские поля не столько покоряли (особенно платаны), но даже как-то подавляли. Очень хотелось попасть на Эйфелеву башню. И мы не только побывали там, оглядев со смотровой площадки парижскую панораму, но даже умудрились ошибиться выходом и попали на лестницу, по которой спускаются любители пешего спуска (это уже было лишнее). Зато потом здесь же удалось сесть на двухэтажный автобус, предназначенный для экскурсии

Рис. 138. На экскурсионном автобусе

по городу (рис.138), и в сопровождении гида осмотреть достопримечательности центра, включая Версаль, Сену и многое другое. Тратить время на еду было просто жаль, поэтому перекусывали кое-как на ходу (по-моему, парижане так именно и живут), стараясь после автобуса ещё наверстать кое-что и пешком. К вечеру ног уже не было, и к месту погрузки в «Gulliver» мы доковыляли едва живые, но счастливые. Для меня такие «однодневки» стали уже почти традиционными: сначала Рим, потом Вена, теперь Париж. В перечне пяти самых красивых городов мира, который я услышал когда-то от ленинградского гида, помимо названных, значились ещё Прага и Венеция. Так как в Праге я уже был, то оставалась Венеция, о которой я мечтал долго до рассказа того гида...

Превращение журнала «Selevinia» в ежегодник и невольный переход на «семейный подряд» (2004)

Первые три месяца 2004 года ушли у меня на подготовку и издание очередного тома ежегодника «Selevinia-2003», который увидел свет в апреле. Это был юбилейный выпуск, и в нём я поместил передовицу под названием «Казахстанскому зоологическому журналу «Selevinia» 10 лет». В ней подводились некоторые итоги, в том числе – и нашей борьбы за существование. Были там и такие слова: «С настоящего выпуска начинается новый этап нашего издания, которое отныне приобрело статус ежегодника и фактически не казахстанского, а регионального, центрально-азиатского. Мы в очередной раз меняем издателя и всё ещё надеемся сделать наш ежегодник самоокупаемым».

Необходимо пояснить, что значат слова «меняем издателя». По ряду причин та дружная издательская группа, которая сложилась в 1999 г. в ОО «Тетис», в 2003 г. уже распалась и подготовка всего издания легла на плечи двух человек – меня и Виктории. Третьим лицом, редактором английского текста (в основном – резюме, которые на 50% приходилось просто сочинять), стала дочь Виктории Элина, моя внучка, которая хорошо знала язык после 10 лет обучения в школе с английским уклоном и года обучения в США. Здесь надо хотя бы два слова благодарности сказать в адрес казахстанской программы «Болашак», которая дала возможность наиболее способным школьникам пройти годичный курс обучения в США. Вот и наша Лина, заняв первое место на конкурсе по английскому языку, была включена в такую группу и весь 11-й класс училась в одной из американских школ в штате Юта, после чего поступила в КазГУ. Закончив биологический факультет по специальности «молекулярная биология» и имея родителей-зоологов, она стала одним из лучших в нашем городе переводчиков биологических текстов на английский язык.

Конечно, надежды на самоокупаемость, озвученные в предисловии к «Selevinia-2003», так и остались надеждами. Поэтому поиски средств на печать ежегодника были по-прежнему моей постоянной заботой. На выпуск 2003 года выделило средства NABU – Германское общество охраны природы, но это была разовая помощь. Поэтому в сентябре 2003 года я предпринял последнюю попытку получить финансирование на «Selevinia» у американцев, направив письмо руководству корпорации «Chevron-Техасо» в Казахстане по совету одной из сотрудниц алматинского офиса, с которой я работал ещё при выпуске Красной книги в 1996 году. Однако, несмотря на неоднократные обещания, это моё очередное прошение так и осталось без последствий. И следующий выпуск, 2004 года, так и не увидел бы свет, если бы не финансовая поддержка Центра Дистанционного Зондирования и ГИС «ТЕРРА», руководитель которого Борис Гельдыев сам предложил мне помощь, и пожертвованные им 500 долларов решили наши проблемы на этот раз...

Ключевые орнитологические территории, семинары и бёрдвотчеры (май-июнь 2004)

В начале мая мне пришлось заниматься подготовкой и проведением в Алматы очередного, третьего межгосударственного семинара по ключевым орнитологическим территориям, организованного Birdlife International (Англия), NABU (Германия), Союзом охраны птиц Казахстана и Обществом любителей птиц «Ремез» (Казахстан). В этом же месяце начались поездки с Birdwatcher's фирмы Хан-Тенгри в пределах Алматинской области – от песков Таукум и придельтовых участков реки Или (Топар, Жельтуранга) до саксаульников среднего течения р. Или в районе пос. Нурлы и Бурандысу, Сюгатинской долины, каньона р. Чарын и высокогорья Заилийского Алатау (Б. Алматинское ущелье).

С 14 по 20 мая я работал с группой туристов английского клуба «Naturetrek» в составе 18 человек (турлидеры John Ryan и James Dawdall. На наших постоянных маршрутах удалось показать гостям птиц 200 видов, в т.ч. 18 занесенных в Красную книгу Казахстана. Назову только интересные встречи. Горный гусь (*Eulabeia indica*) встречен 16 мая на Бартагойском вдхр. Это всего третья встреча данного вида в Казахстане. Балобан (*Falco cherrug*) один в Сюгатинской долине близ Кокпека: вечером 14 мая на бреющем полёте пролетел всего в 0.5 м над землей и сел среди колонии краснохвостых песчанок, позволив хорошо рассмотреть себя в трубу. Явно гнездовые пары красавок (*Anthropoides virgo*) встречены в высоких предгорьях Заилийского Алатау близ села Таусугур; в Сюгатинской долине, между сёлами Масак и Нурлы и у кромки песков Таукум. Между Чарынским каньоном и горами Б. Богуты 15 мая встретили 12 садж (*Syrhaptus paradoxus*). В Б. Алматинском ущелье (2700 м) за три дня удалось увидеть 7 расписных синичек (*Leptopoeile sophiae*), которых явно становится больше.

В июне мне удалось поработать с клиентами Любы и Александра Даничкиных из Киргизии, которые в прошлом году так хорошо принимали нас у себя в Тамге. И срок и маршрут этой группы были несколько иными, чем с группами из «Хан-Тенгри». Итак, с 10 по 15 июня с группой орнитологических тури-

Рис. 139. Три поколения орнитологических гидов (с Витой и Линой в лагере Каншенгель). Таукумы, 2004 г.

Рис. 140. Лагерь бёрдвотчеров, разрушенный ураганным ветром. Бартагойское вдхр., май 2006 г.

стов датского клуба «Miksture» в составе 9 человек (в их числе – одна французка и один бельгиец) во главе с директором фирмы Michael Westerbjerg Andersen, мы проехали по маршруту: Алматы – Сорбулак – Кольшенгель – Топарские озера – Джельтуранга – Баканас – Малайсары – р. Или ниже Капчагайского вдхр. – Новоалексеевка – Чилик – Нурлы – Бурандысу – Кокпекское ущелье – Сюгатинская долина – Бартагойское вдхр. – Кокпекское ущелье – с. Чилик – Красный каньон Чарына – Кегень – Каркара – Тюпский залив – город Каракол. Группа приехала на мощной «вахтовке» на базе ЗИЛ, возглавляли её Майкл Андерсен и Люба Даничкина, которая сама готовила пищу и кормила гостей. Обстановка в группе была очень благожелательная, особенно приятно было работать с Майклом Андерсеном, который, будучи не только директором фирмы, но и прекрасным орнитологом, имел покладистый, общительный характер.

За 6 дней этой поездки по пустынным, полупустынным и низкоргорным ландшафтам нам удалось наблюдать птиц 126 видов, многие из которых были новыми для членов этой группы. Мне же самыми интересными показались встречи птиц в неожиданных местах или в необычные сроки. Так, вечером 11 июня над рощей Джельтуранга, где мы ночевали, летал взрослый орёл-карлик (*Hieraaetus pennatus*) белой морфы и здесь же, на старой туранге, обнаружено гнездо – возможно, принадлежавшее этому виду. Утром того же дня у южной кромки песков Таукум встречены 4 одиночные дрофы-красотки (*Chlamydotis undulata*) и два полуоперённых птенца величиной с перепёлку (когда торопятся убежать, то падают на грудь); около обоих птенцов было по одному взрослому. В Джельтуранге мы насчитали аж 23 бурых голубя (*Columba eversmanni*). Воркование этого голубя – издаваемые с нарастающей экспрессией звуки «пугу-пугу-пугу» напоминают как бы миниатюрную копию голоса филина и могут быть приняты за голос пустынной совки, что необходимо учитывать при их регистрации. Поющий самец сидит неподвижно на сухой ветке туранги, обычно грудью к восходящему солнцу, и при пении хорошо видно, как раздувается его зоб и движутся блестящие зеленые перья по бокам шеи. Здесь же утром 12 июня Майкл Андерсен и другие члены группы отметили по голосам трёх пустынных совков (*Otus brucei*). В Кокпекском ущелье 14 июня яркий самец и самка соловья-белошейки (*Irania gutturalis*) носили корм в один из кустов, растущих на дне узкой каменной теснины – в том же месте, где в 2003 г. их встретил Алтын Джаныспаев. В Тюпском ущелье мы наблюдали трёх поющих самцов белошапочной овсянки (*Emberiza leucocephalus*) в том же месте, где М. Андерсен встречал их год назад – на открытом луговом склоне юго-восточной экспозиции с редкими кустарниками. Песня у всех трёх была стандартной: начало её – 5-6-кратный писк, больше всего напоминающий сигнал автоспуска у фотоаппарата (пи-пи-пи), только еще более частое, почти непрерывное, а заканчивается песня рюмлением на высокой ноте – «цззззюююиии» (звук несколько грубее, чем концовка песни у обыкновенной овсянки). В Кокпекском ущелье явно стало больше овсянки Стюарта (*Emberiza stewarti*) – 14 июня мы отметили 8 птиц, в т.ч. четырёх поющих самцов.

Рис. 141. Бёрдвотчеры Майкла Андерсена наблюдают птиц в Таукумах

Рис. 142. Они же за обедом. Июнь 2004 г.

Интересно, что, несмотря на середину лета, на маршруте были встречены и явно пролётные птицы. Так, 13 июня над долиной Или, в районе Поющего бархана, кружились на большой высоте два хохлатых осоеда (*Pernis ptilorhynchus*). Широкая вершинная черная полоса на хвосте была хорошо видна у обоих, а ближе к основанию имелись еще две полосы поуже; снизу одна из птиц была поперечно-полосатой, вторую рассмотреть не удалось. Кружась, осоеды улетели через Калканы на восток-северо-восток. На карагачах Каншенгеля, у южной кромки песков Таукум, еще 11 июня отмечены тусклая зарничка (*Phylloscopus humei*), серая мухоловка (*Muscicapa striata*) и малая мухоловка (*Ficedula parva*). Последняя, взрослая самка, была хорошо рассмотрена с близкого расстояния всеми членами группы, а Майклу Андерсену удалось её даже сфотографировать.

Южный Тянь-Шань и Памиро-Алай

(7-я немецко-киргизско-казахская экспедиция, июль 2004)

Очередная, 7-я немецко-киргизско-казахская зоологическая экспедиция в Тянь-Шань и Алай проходила с 15 июля по 2 августа по маршруту: Бишкек – пер. Тюз-Ашу – Сусамыр – Чичкан – с. Токтогул (15/16.07) – Джалалабад – Ош – 15 км южнее (16/17.07) – г. Кызыл-кия – Абшир-ата (17-18.07) – анклав Шахимардан – с. Иордан – ущелье Дугоба (19/20.07) – с. Иордан – г. Хайдаркан – 2-й анклав – предгорья р. Сох (20/21.07) – верховья реки Сох – приток Калай Махмуд (21-22.07) – город Баткен – таджикский анклав, с. Ворух – р. Каравшин у входа в ущелье, погранпост (23/24.07) – среднее течение р. Каравшин, ур. Бейсемас (24-25.07) – с. Ворух – р. Чечекты, приток Кшемьша (26/27.07) – Ворух – с. Сурх – г. Исфара – Баткен – Хайдаркан – ночевка перед Шахимарданом (27/28.07) – Кызыл-кия – Исфайрамсай – ночевка на погранпосту в урюковом саду (28/29.07) – верховья Исфайрамская и возврат в среднее течение (29/30.07) – Кызыл-кия – Ош – Узген – с. Красный Маяк в 9 км от Узгена (30/31.07) – Ташкумырское вдхр – Токтогул – Чичкан (31.07/1.08) – перевал Алабель – перевал Отмёк – верховья Таласа (1/2 августа) – Сусамыр – Тюе-Ашу – Бишкек (см. выше рис. 112). Как видно, основной целью было посещение Алайского и Туркестанского хребтов с заездом в новые места Западного Тянь-Шаня. Ещё одна особенность маршрута – он наименее высокогорный из всех предыдущих.

Из 11 немецких участников экспедиции только двое (Martin Trost и Marco Perchmann) были новенькими, остальные (Gerd Muller-Motzfeld, Hans-Jorgen Gottschalk, Roland

Schultz, Werner Lakomy, Markus Lange, Volker Meitzner, Volker Wachlin, Anne Ziebarth, Reinhold Loch) были нам уже хорошо знакомы. Среди киргизских коллег, помимо ветерана и начальника отряда В.И. Тороповой, была её бывшая аспирантка Анара Алымкулова, ехавшая уже во второй раз, и новенькая – аспирантка Кустаревой Наташа Голубцова; водители – Дмитрий Подопрыгоров и Асек Абдыкулов, возившие нас и в прошлом году и уже получившие ценный опыт экспедиционных поездок.

Покинув утром 15 июля Бишкек мы уже вечером 16 июля заночевали на адырах у шоссе в 15 км южнее г. Ош. Утром 17 июля продолжили свой стремительный марш на юг, в направлении Кызыл-кия. На месте ночёвки – сухая степь с глинисто-конгломератовыми обрывами у дороги. Местами – высохшие тысячелистник (*Achillea millefolium*) и василек чешуйчатый (*Centaurea squarrosa*). Фоновая птица здесь – двупятнистый жаворонок (*Melanocorypha bimaculata*), много также майны (*Acridotheres tristis*) и желчной овсянки (*Emberiza bruniceps*), на проводах нередки сизоворонка (*Coracias garrulus*) и деревенская ласточка (*Hirundo rustica*), а в небе летают орёл-карлик (*Hieraeetus pennatus*) и две степных пустельги (*Cerchneis naumanni*). Здесь же удалось наблюдать удивительную картину: на сухих склонах адыров среди отары овец около 50 чёрных индюков – пасут их, как баранов! Впервые такое вижу!

Минуя пару сёл, мы через полтора часа въехали в город Ноукат. По спидометру это 440 км от Бишкека. Сёла здесь очень зелёные и даже промежулки между ними, которые заняты если не огородами (появилась картошка!), то садами. Так, в одном месте мы более километра ехали среди урокового сада. Как лесопарк! А вдоль речек – хорошие лёссовые обрывы. В 12⁰⁵ остановились за с. Кокжар на р. Кокжар с хорошим галечником. Здесь оставили энтомологов для сбора материала, а сами поехали в город Кызылкия за Наташей Голубцовой, которая присоединилась к нашей экспедиции именно здесь. Вернувшись в 14⁰⁰ к оставшейся на р. Кокжар части группы, мы поехали в ущелье Абширата, через 10 минут свернули вправо, к горам. Въехали в ущелье с высокой аркой. Слева – огромный обвал, дошедший до дороги; за ним сверху донизу гряда скал, а за ней – такой же мощный оползень, видимо, этого года – грандиозная картина! Дорога пошла круто в гору, но пока ещё идёт асфальт. Вдоль дороги по ущелью – сёла и огороды. Ивовый тугай с включениями тополя. Три моста, построенные каким-то Камчибеком (о чём каждый раз извещают аншлаги на двух языках!). В тугае слышны голоса ремезов (*Remiz coronatus*) и синих птиц (*Myophonus caeruleus*), вверху кружит бородач (*Gypaëtus barbatus*).

Чуть ниже знаменитого в этих местах водопада – турбаза «Абширата» (частное владение!), здесь нас пропустили только за деньги. Поднялись под 2000 м и стали среди арчевника (1874 м). Пришлось переждать дождь, чтобы поставить палатки. Сам нащпарк, в который мы направлялись, находится в соседнем ущелье. Зато хребет, по карте Мюллера, называется Кичи-Алай (а ущелье – Абшир-сай). Высокоствольная арча (*Juniperus zeravschanica*), редкоствольна, среди разбросанных камней и низкотравных лужаек. Склоны сухие, лиственных кустарников почти нет. Здесь мы устроили днёвку, т.е. ночевали две ночи. В пер-

Рис. 143. Абширата – место встречи белоножки (*Microcichla scouleri*). Северный склон Алайского хребта, 19 июля 2004 г.

интересные для меня – скалистые ласточки (*Riparia rupestris*), индийская пеночка (*Phylloscopus griseolus*) и горихвостка чернушка (*Phoenicurus ochruros*). Здесь же, у скал над озером, с криком летает около 30 альпийских галок (*Pyrhocorax graculus*), а высоко в небе – какой-то сип (*Gyps fulvus?* *Gyps himalayensis?*). Маркус сегодня видел трёх кумаев (*Gyps himalayensis*), арчовую чечевицу (*Carpodacus rhodochlamys*), рыжешейную (*Parus rufonuchalis*) и желтогрудую (*Parus flavipectus*) синиц, а также седоголовую горихвостку (*Phoenicurus coeruleocephalus*).

Утром 19 июля мы выехали вниз и, проезжая мимо водопада, наконец, увидели пару белоножек, или водяных дроздов (*Microcichla squouleri*). Эту птицу я мечтал увидеть с 1960 года, с тех пор, как её якобы увидел у водопада Кши-Каинды М.Н. Корелов; работая в этом ущелье в последующие 6 лет, я всё время помнил о белоножке и пытался её искать. В этот раз, у водопада Абширата, мы увидели белоножек дважды. Людей эта птичка не боится – она садилась на перила мостика около самого водопада, у торговой точки. Эта пара явно гнездится здесь, на скалах у водопада. Для меня это была самая незабываемая встреча! Все остальные птицы показались такими банальными...

В полдень, отоварившись на базаре в Кызылкия, мы выехали на запад. Ландшафт: сёла, хлопковые поля и обрубленные до ствола деревья тутовника. В 13⁻¹⁵ – пост пограничного контроля около первого узбекского анклава. Проверка паспортов и ожидание. В 13⁻²⁰ поехали дальше на запад, а через 10 км снова погранпост. На самом деле анклав находится севернее, но дорога на этом участке разделена вдоль – половина киргизская и половина узбекская! В 14⁻⁰⁰ всё ещё идём на запад вдоль гор, но уже вплотную к ним. Полноводная речка Аккия. Исфайрамсай мы проскочили. Идём на Шахимардан. Час простояли на погранпостах, после которых въехали в пос. Шахимардон (узбекский). Здесь очень многолюдно – качели и карусели – какой-то праздник. Стали прижимать-

вый вечер отпраздновали день рождения Роланда, а на второй день поднимались в верховья ущелья.

В 6 км выше лагеря, куда нам удалось подняться на машине, – Голубое озеро (высота 2100 м) в теснине, как в глубоком каменном мешке размером 400x100 м. Само озерко не более 200x100 м и вокруг него – галечник такой же по площади. По обе стороны – почти отвесные скалы с редкими кустами арчи. Птиц немного, самые

ся к горам – сухим, скалистым, с отдельными кустами арчи. Достигнув 2000 м в пос. Иордан, мы сразу за ним въехали в ущелье. И здесь сломалась машина Дмитрия.

Надеясь, что поломка минутная, мы пошли пешком вперёд, чтобы понаблюдать птиц и пособирать насекомых. Пока машина буксовала, я успел увидеть двух великолепных кумаев (*Gyps himalayensis*) и найти под скалой свежесброшенное перо филина (*Bubo bubo*). Однако,

Рис. 144. Мы с Гердом Мюллером

когда и через час всё оставалось по-прежнему, пришлось нам на второй машине в 19⁰⁰ добираться до гостиницы немного выше пункта КСП (контрольно-спасательного пункта альпинистов) и отправлять Асека с ней вниз, на помощь Дмитрию. Хозяин Омар поселил нас в гостинице с барной стойкой, музыкой-дискотеккой и даже сауной, которой не преминули воспользоваться наши женщины (немцев вполне устраивали ледяные горные речки, в которых они совершали тотальное омовение каждое утро!).

В этой гостинице мы вечером и отметили день рождения Мюллера. А жена Омара Толкын рассказала, что домик этот принадлежал какому-то дяде Юре, который умер (портрет его висит на стене); владеют домом его вдова и сын, проживающие в Фергане. Омар уточнил: Юрий Петрович Гришин угорел здесь в сауне, а дома эти строили солдаты и, когда Юрий Петрович «пролетел» с бизнесом (у него пропали несколько вагонов леса), то дома эти подарил ему его друг – генерал Полуянов (большой человек!). А ущелье это называется Дугоба, по имени речки Дугоба, правобережного притока реки Аксу (в чём мы завтра и убедимся). Горы вокруг называются Коллекторский хребет. Дмитрия и машину привезли на буксире уже по темноте. При этом наши друзья-водители умудрились по дороге потерять ящик с тушёнкой, что в условиях экспедиции было весьма ощутимо...

Место этого, четвёртого по счёту, лагеря было очень живописным. Вокруг – густой высокоствольный арчевник, настоящий лес!! По руслу бурной речки – густой ивняк, а наверху склона западной экспозиции – скалы с арчой. Синяя птица (*Myophonus caeruleus*) жила рядом с нами, а чуть повыше гостиницы мы наблюдали пару белоножек (*Microcichla squoleri*), кормившихся на перекатах воды через плоский камень посередине речки.

Наутро 20 июля нас ожидал ещё один приятный сюрприз: метров 300-400 выше по речке мы наткнулись на трёх ярких самцов белошапочной горихвостки (*Chaimarornis leucocephalus*), отличавшихся от краснобрюхой горихвостки (*Phoenicurus erythrogaster*) только отсутствием белых зеркал на крыльях.

Рис. 145. Ремонт под скалами у с. Иордан

час в с. Иордан (узбекский анклав) – ремонт машины Дмитрия под удивительно красивыми красными скалами. Праздничный день, многолюдье. Здесь мне показали место впадения р. Дугоба в Аксу, которая протекает по окраине села, отделяя его от красных скал, именуемых здесь Кызылдаг. А в 12 км ниже в Аксу впадает другая речка – Коксу, которая вытекает из Голубого озера. Маркус видел на скалах скалистого поползня (*Sitta tephronota*) и стервятника (*Neophron percnopterus*).

12⁻³⁰ привезли деталь (дифференциал!), и мы поехали дальше, решив поставить её уже в новом лагере. В с. Шахмардан какой-то митинг, на котором выступает оратор, тоже праздник и многолюдье, даже водяные велосипеды на небольшом пруду посередине села. В 13⁻¹⁰ мы быстро прошли погранпост и поехали на северо-запад, а потом – на запад. Река Аксу очень многоводная, вода в ней коричневая. В 14⁻¹⁵ въехали в Айдаркен (раньше был Хайдаркен). Это рудник, здесь добывают ртуть. Село очень зелёное, обсажено пирамидальными тополями, а рядом – высокие терриконы. Перед самым Айдаркеном всего в 20 м над шоссе летит стервятник (*Neophron percnopterus*) с тёмным верхом. А на базаре в Айдаркене господствуют полевые воробьи (*Passer montanus*), домовых (*Passer domesticus*) здесь я так ни разу и не увидел.

Поиски подходящего места для лагеря и ремонта машины в сухих галечниковых предгорьях близ Айдаркена не дали результата. Пришлось ехать дальше. Только в 16⁻¹⁰ повернули влево с трассы, чтобы объехать очередной анклав

Они гонялись друг за другом, распуская хвосты, на крупных камнях над речкой и под кронами деревьев арчи. После нас с Маркусом этих трёх самцов видели ещё 4 человека. А синяя птица оказалась здесь просто многочисленной: в то утро мы встретили три выводка (из 3, 3 и 4 уже хорошо летающих птенцов), которых ещё кормили родители. Ещё двух белоножек видел утром Йорген – там же, где вчера мы с Маркусом, а Мюллер видел одного повыше.

В 10⁻⁰⁰ выехали вниз. В лучах вышедшего из-за склона солнца великолепно смотрелся альплагерь: не только остроконечные крыши швейцарского типа, но и стены, сделанные полностью из стекла! Через

и выйти на реку Сох. Но, проехав много километров вдоль каких-то садов, напоролись на патруль и вынуждены были вернуться по плохой дороге назад. Между селами Сой и Кштут – сотни грачей (*Corvus frugilegus*). В 17⁰⁰ под проливной дождём с нами уже вёл душеспасительные беседы офицер погранпоста, который особенно изощрялся, видя в машинах женщин (скучно ему здесь!). В 18³⁵ дождь перестал, а регистрация все ещё продолжалась. Только в 19¹⁰ нас отпустили, а через полчаса вышло солнце и пыталось светить сквозь морось. Всё везде мокрое. В 20³⁰ стали лагерем на правом берегу р. Сох, так не доехав до села, где собирались переночевать. От Кызылкия это всего 213 км, даже ближе, если учесть, сколько наколесили мы по просёлочным дорогам в попытках объехать анклавы.

Место нашего лагеря № 5 – замытый дождями глинисто-галечниковый бугор с очень редкими прутиками белой полыни типа австрийской (*Artemisia austriaca*) на высоком каменистом правом берегу реки Сох в предгорьях перед селом (абс. высота 1 224 м). Река течет в каньоне глубиной 40-50 м с галечниково-глинистыми обрывами. Каньон узкий, дно его 20-30 м. На той стороне – абрикосовые (урюковые) сады.

Утро 21 июля выдалось ясное, тихое, с росой! За два часа экскурсии по адырам – буграм с редкой белой полынккой – удалось установить, что чаще других птиц здесь встречается каменка-пleshанка (*Oenanthe pleschanka*), реже – каменка плясунья (*Oenanthe isabellina*), хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*) и полевой конёк (*Anthus campestris*); все они носили корм птенцам. Здесь же встречены: скальная овсянка (*Emberiza buchanani*), каменный воробей (*Petronia petronia*) и два вида сорокопутов – чернолобый (*Lanius minor*) и туркестанский (*Lanius phoenicuroides*). А на берегу самой реки пролетела даже одна синяя птица (*Myophonus caeruleus*).

В жаркий полдень мы выехали из 5-го лагеря вверх по ущелью реки Сох. После с. Кыштут въехали в ущелье, очень сухое. Речка здесь течёт в глубоком каньоне, а дорога проходит посередине склона, где каждая горизонтальная площадка освоена под сёла и сады. В урочище Дара – село Тунуксу и еще 4 села. Все они с виду узбекские: усадьбы обнесены глиняными дувалами, много пирамидальных тополей и везде урюковые сады. По дороге – облепиха и боярышник. В 15³⁵ – указатель к крепости Кудояр-хан. Везде урюк, кукуруза, посадки табака и насвай; везде дувалы – тоненькие (толщина всего 10 см) и высотой 1 м. Например, в селе Кян, с великолепным урюковым садом-

Рис. 146. В ущелье реки Сох, Туркестанский хребт. 23 июля 2004 г.

парком, где мы набирали воду в колонке. Здесь же и магазин с нарисованными тиграми. В сёлах встречаются горлицы – кольчатая (*Streptopelia decaocto*) и египетская (*Streptopelia senegalensis*), а между ними – большие горлицы (*Streptopelia orientalis*), иволги (*Oriolus oriolus*), пустельги (*Cerchneis* sp.). Сразу же после переезда на левый берег р. Сох – крутой подъем вверх и снова село. Высота здесь всего 1550 м (просто очень длинное ущелье, с пологим подъемом). Очень старые деревья! Дорога идет серпантином по крутому левому склону, а ниже дороги – почти отвесный склон глубокого каньона, страшно смотреть. А на неширокой террасе, по которой идет дорога – сёла, обсаженные тополями и с урюковыми садами, кукурузными огородами (местами – даже цветущая картошка).

В 17⁻³⁰ стали лагерем № 6 выше последнего села. Это уже не сама река Сох, а её левобережный приток, судя по карте – Калай-Махмуд. Дорога здесь впервые спустилась в русло притока, и здесь среди камней мы смогли найти клочки относительно ровного места для палаток. Между камнями – деревья и кусты берёз и других лиственных пород. Судя по спидометру, мы проехали по ущелью 41 км. Абсолютная высота здесь 1800-1820 м. Этот левый приток р. Сох течёт с запада на восток. Склоны крутые, скалистые, с осыпями и крупными камнями. Арча растёт единичными кустами, как и лиственные кустарники. По руслу – берёзы, облепиха, пирамидальные тополя (посажены, молодняк).

В 18⁻²⁰ лагерь уже готов: палатки стоят и кухня работает... На наших глазах очень яркий чеглок (*Hypotriorchis subbuteo*) поймал какую-то красную птицу (скорее всего, обыкновенную чечевицу) и на той стороне речки «разделявает» её на скале на виду у всех.

Утренняя экскурсия показала, что птиц здесь мало и песен их не слышно. Однако мне удалось в нише отвесной скалы, на высоте около 7-8 м, найти гнездо синей птицы (*Myophonus caeruleus*) с 4 большими птенцами, уже переполнявшими его, сидя друг на дружке – вот-вот вылетят. Родители их оказались очень осторожными, как будто понимали, что я пытаюсь снять их на видео, – за 5 часов прилетели всего три раза!

Утром 23 июля мы покинули Калай-Махмуд. Набрав на обратном пути воду в с. Кян, около старого урюкового парка, мы потратили полчаса на осмотр крепости Кудояр-хана (XI век). Глинобитная стена огораживает её со всех сторон, в т.ч. и со стороны соседнего ущелья. А внутри этой ограды – великолепный урюковый сад. В 12⁻⁰⁰ вышли на трасу. Снова проверка паспортов, но на сей раз недолго – уже в 12⁻²⁰ мы направились дальше. Странно: киргизский погранпост находится только через 5 км после узбекского (это чья же земля – ничейная?). Степь выгоревшая, каменистая, но всё-таки она похожа на степь (есть злаки). 13 час. – окраина города Баткен. Рядом с офисом губернатора Шадиева – старый Ленин. Беседы с заместителем губернатора и с представителем Таджикистана. До 15⁻⁴⁰ провозились с документами. 16⁻³⁰ всё ещё Баткен, частная заправка «Россия, Уфа, гарантия качества!» Здесь везде обычна майна (*Acridotheres tristis*), встречаются египетские горлицы (*Streptopelia senegalensis*), длиннохвостые сорокопуть (*Lanius schach*), хохлатые жаворонки (*Galerida cristata*), удода (*Upupa epops*), а иволга (*Oriolus oriolus*) поёт в тополях в городе. На выезде

из города – кольчатая горлица (*Streptopelia decaocto*) и сизоворонка (*Coracias garrulus*), здесь же на проводах – около 100 деревенских ласточек (*Hirundo rustica*).

В 17³⁰ снова томительное ожидание у погранотряда, где офицер очень живо беседует с нашими девушками. А небо полностью затянуло, гремит гром и вот-вот пойдет дождь. В 18⁰⁰ не без сожаления проехали мимо Турткульского вдхр. (купаться некогда!), через красные горки выехали на трассу и въехали в таджикский анклав. Узкие улочки с высокими дувалами, машинам разминуться – целая проблема. До Воруха остается 20 км. Здесь уже рисовые чеки. И везде – майна и египетская горлица.

Горы однотонно-серые, абсолютно без растительности. Дорога прорезала этот невысокий передовой хребтик и вышла к подножью высоких гор – восточной оконечности Туркестанского хребта. Здесь до 20 час стоим у моста через речку Каравшин напротив погранпоста (палатка на той стороне с дорожкой, выложенной из побелённых камешков) – нет у нас разрешения начальника погранзаставы (а из погранотряда не действительно!!!). Закончилось всё ночёвкой здесь прямо на старой дороге – уже под дождём с сильным ветром поставили палатки на окраине урюкового сада с огородами (между ним и речкой). Утром 24 июля, после чаепития, наши женщины поехали искать погранзаставу, без разрешения которой погранпост не пропустил нас в ущелье. Хоть и стыдно прятаться за женские спины, но в данном случае это было единственно правильное решение – мы уже не раз имели возможность убедиться, как они умеют обезоруживать служивых...

Этот вынужденный «лагерь № 7» у входа в ущелье реки Каравшин (близ с. Ворух) находился на высоте всего 1366 м. Вход в ущелье – как каменный мешок. Одни скалы без растительности. Зато по узкому руслу каждый клочочек земли возделан: то абрикосовый сад, то картошка, то кукуруза. И глубокий арык к ним. Вот оно, таджикское трудолюбие!. Бродя в этом ограниченном пространстве в ожидании наших «парламентёров», мы вдвоём с Маркусом наткнулись на группу из 3 или 4 камышевок, очень похожих на садовую (*Acrocephalus dumetorum*). Они «чокали» в абрикосовом саду с огородом, в роскошном кусте шиповника и очень напоминали выводок молодняка. Хорошо рассмотрели, но гарантировать определение мелких камышевок на расстоянии невозможно. Как сказал мне Маркус, какую-то камышевку встретил он на стоянке в Сохе, но далеко – не рассматривал. Тогда я ещё ничего не знал об открытии большеклювой камышевки (*Acrocephalus orinus*), вернее, о выделении её из садовых камышевок. И вот только теперь, в свете открывшихся новых данных, эта наша встреча в Каравшине представляет особый интерес...

В 10⁰⁰ вернулись с погранзаставы наши женщины и привезли разрешение ехать дальше в ущелье. Впереди нашей машины прямо по дороге бегут объединённые выводки кекликов (*Alectoris chukar*) – штук 20. Высота здесь 1500 – 1600 м. В одном месте, чтобы проехать, пришлось заложить брёвнами зияющие прорехи хиленького моста. Дорога здесь отвратительная, наклон полотна постоянно в сторону речки (а у Дмитрия груз наверху!). Местами сыпцы, на которых

машины гребут колёсами, как руками. Несколько раз приходилось идти пешком. Повсюду – укрупнённые выводки кекликов (*Alectoris chukar*), в одном месте – синяя птица (*Myophonus caeruleus*).

Перед ручьем Актерек пришлось остановиться: машины не взяли подъем. Пешком пошли втроем искать место для лагеря и нашли его у парня по имени Доспол, жившего у реки в палатке с отцом. Абсолютно голые склоны (местами – эфедра с плодами) а внизу, у реки, каждый метр освоен человеком: здесь занимаются выращиванием и заготовкой урюка! Стали у Доспола лагерем № 8 (р. Каравшин). По словам отца Доспола, урочище это называется Бейсемас (напротив – перевал Бейсемас), а горы – Дауда (на нашей карте – горы Тодо). Абсолютная высота 1618 м. Наш лагерь разместился в островке урюковых деревьев на площадочке 200x100 м в излучине реки. Вокруг – крутые каменистые склоны с осыпями. Есть кустарник – шиповник, барбарис и др. Урюк культурный, его здесь заготавливают живущие через речку Доспол и его отец. Интересно, что на этой небольшой площадке, кроме урюка (скорее, абрикоса, посаженного людьми) растут несколько старых деревьев ясеня, ивы, а также густые заросли шиповника и барбариса вперемежку с какой-то колючей дерезой, а ниже дороги против родничка – хорошая куртина тростника высотой до 3 м, вперемежку с густым кустарником. Это выглядит особо контрастно на фоне голых склонов, лишенных растительности, не считая эфедры.

Из птиц здесь оказались обычными большие горлицы (*Streptopelia orientalis*), в одном месте три молча токовали в небе на распластанных крыльях, а потом так же молча гоняли друг друга. Более сотни альпийских галок (*Pyrrhocorax graculus*) целым роем вьются на фоне тёмных туч перед дождем, поднимаясь все выше и выше, пока не скрылись в вышине; там же высоко в небе парили два сипа (*Gyps fulvus?*). Несколько раз я и Маркус видели и слышали садовую камышевку (*Acrocephalus dumetorum*) в месте густого переплетения кустов и тростника; в других местах видели горную овсянку (*Emberiza cia*) и большого скалистого поползня (*Sitta tephronota*). В зарослях у реки я слышал голос соловья (*Luscinia megarhynchos*), а на том берегу реки против лагеря не раз кричала синяя птица (*Myophonus caeruleus*). Кстати, река здесь шириной метров 10.

Здесь мы сделали днёвку. Для орнитолога это своего рода праздник – возможность дважды понаблюдать птиц рано утром, а также в вечернее время. А сегодня праздник вдвойне – половина срока нашей экспедиции!!! Отметать эту дату стало традицией наших экспедиций – так же, как праздновать все дни рождения или же вручать всем членам экспедиции изготовленные в Германии фирменные майки каждой из Тянь-шаньских экспедиций с изображением года, серпоклюва и жужелиц.

Утро 25 июля выдалось ясным и тихим: в 6⁴⁰ солнца ещё нет, а в 8⁰⁰ уже жарко! Узкое дно бокового ущелья Актерек над нашим лагерем, куда я предпринял утреннюю экскурсию, заросло высокими густыми кустами, в т.ч. барбарисом и тамариксом; много эфедры, отдельные кусты арчи у скал. Самая многочисленная птица здесь – кеклик (*Alectoris chukar*), выводки которых, от 5-7 до 10-15 птенцов величиной с перепела и больше, взлетают почти на каждом

шагу (видел их несколько сотен). Большие стаи альпийских галок (*Pyrrhocorax graculus*) кормятся ягодами низкорослой эфедры и дикой вишни, а попутно ловят кузнечиков. Здесь же, следом за ними, летают одиночки или пары клушиц (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*). Одна из них садилась к нише в скале-обрыве западной экспозиции и из норы навстречу ей вышел уже оперённый птенец! Высота 1859 м. Пара больших скалистых поползней (*Sitta tephronota*) раскричалась на камне, явно у гнезда. Недалеко от этого места – пара горных славок (*Sylvia althaea*) и выводок плешанок (*Oenanthe pleschanka*). В лагере около реки всё так же «чокают» камышевки, поёт синяя птица (*Myophonus caeruleus*), а на урюк прилетела иволга (*Oriolus oriolus*).

После ужина, в 19³⁰, сверху пришли пограничники и забрали девчонок к себе в гости. Почти сразу же пошёл дождь, который лил большую часть ночи. Девчонки вернулись только в полночь, а утром рассказывали, как их хорошо принимали на заставе. Со слов Наташи, пограничники рассказывали, что уларов (*Tetraogallus himalayensis*) в верховьях реки Каравшин много. Пограничники их часто стреляют и едят. Кстати, по их же словам, и зайцев там много.

Утром 26 июля по ясной солнечной погоде (после ночного дождя) мы покинули этот лагерь и направились вниз, сопровождаемые летающими в небе двумя кумаями (*Gyps himalayensis*), одним грифом (*Aegypius monachus*), одним бородачом (*Gypaetus barbatus*) и десятком альпийский галок (*Pyrrhocorax graculus*) – этаким почётный эскорт...

К полудню достигли погранпоста на р. Каравшин (у которого ночевали), а в 12³⁵ были уже на погранзаставе в селе Ворух (и здесь ожидание!). В 15⁰⁰ закончили обед в открытом кафе на центральной улице Воруха, а в 16⁰⁰ уже въехали в ущелье реки (думали – Кшемыш, а оказался его приток) по ужасно ухабистой каменистой дороге – машины буквально прыгают с камня на камень, а вокруг – роскошные урюковые сады. Везде идёт сбор урюка. Машина отказалась брать подъем, стали ремонтировать на ходу.

Выше 1700 м свернули влево от основного русла, по дороге, ведущей в Кшемыш, но она становилась все круче и в 16⁴⁵ мы вынуждены были остановиться, так как машины дальше не пошли. Пройдя с Мюллером 300 м дороги пешком, мы убедились, что нашим машинам она не по зубам, но зато поняли, что дальше именно эта дорога ведет на перевал в соседнее ущелье Кшемыш. Здесь на высоте 2000 м – усадьбы с огородами на относительно пологом участке, а на склонах над ними – прекрасные высокоствольные арчовые леса! Достаточно влажно, высокая трава. Пошёл дождь. Ручей, на котором мы остановились, называется Шаракрама (старик сказал), а речка, с которой свернули – Чептык.

Пришлось спуститься к Чептыку и ехать по нему. Поднялись до 2200 м, но и там всё освоено – сёла, огороды, картошка и пр. Даже как будто с высотой эта освоенность не уменьшается, а становится ещё большей! Выше последнего села мы въехали в узкое ущелье с чистой водой, однако и здесь имеются отдельные усадьбы! Высшая точка, которой мы достигли, – 2 480 м. Здесь пьяная компания таджиков, приехавших отдохнуть, очень заинтересовалась иностранцами и стала к ним приставать, причём наши уговоры не помогали. Отвязались от них с тру-

Рис. 147. Дастархан экспедиции на р. Чептык (таджикский анклав) – в месте неприятного происшествия с немецкими рюкзаками

которые поставили свою палатку с краю, чуть ниже остальных, пропали рюкзаки!!! А в них – всё: одежда, деньги, документы, обратные билеты на самолёт! Ситуация создалась критическая. Пришлось идти в село – искать похитителя. Поиски продолжались до полуночи. И ничего бы нам не найти, если бы не Нигматулло – юрист, окончивший юрфак в Тегеране, но теперь второй год торгует уроком в Казани. Он приехал сюда в гости к брату. Выслушав нас, он заверил, что это дело рук пацанов – ни один взрослый на такое дело не пойдёт. Пошли с ним к его брату, и там Нигматулло допросил его сына. О чём они говорили по-таджикски, я не знаю, только мальчишка сказал ему, кто это может быть. Пошли к ним и, когда зашли в жилище, меня буквально потрясла нищета этого многодетного семейства. Даже о нашем деле, пропавших рюкзаках, как-то стыдно было говорить. Но Нигматулло, как заправский юрист, беспощадно допрашивал двух пацанов-воров. И они признались, что утащили два рюкзака на гору и там запрятали в арчовом лесу (надо же было переждать, пока чужаки уедут!).

Оставив одного из похитителей в нашем лагере, где его взялся воспитывать (речами!) Нигматулло, второго вместе с пострадавшими отправили на гору искать рюкзаки. Совсем стемнело, и «поисковиков» пришлось снабдить фонариками. Оставшийся «преступник», худенький подросток лет 12, сидел на траве, как загравленный волчонок, – жалко было на него смотреть. Это чувствовали все и никакой вражды к нему не проявляли, а женщины накормили его. Глядя, с какой жадностью он уплетает наш нехитрый ужин, я потерял даже остатки неприязни к этому несчастному ребёнку. Ожидание затянулось до полуночи, но, к счастью, всё удалось найти (рюкзак Маркуса был найден только в 7 часов утра), хотя по пути похитители кое-что потеряли. Так, связка ключей была найдена только наутро – они валялись на дороге. Здесь же, над дорогой, мы перед отъездом сфотографировались на память вместе с нашим спасителем Нигматулло...

Весь день 27 июля мы провели в пути: сначала спустились с гор, потом очень долго пытались выехать из Воруха по его кривым улочкам. Попутно вы-

дом (пришлось сесть в машины и уехать), вернулись и стали чуть ниже последнего села прямо у дороги, где нашёлся пятачок незанятой земли между дорогой и рекой. Это наш лагерь № 9 на р. Чептык. По карте это река Чечекты, а по-таджикски это место называется «Пали офтобру» (записал на слух). Высота 2104 м.

Во время ужина небо затянуло, вот-вот пойдет настоящий дождь. Пока мы пили чай и фотографировали замечательную радугу, у Маркуса и Марко, ко-

яснили, что уже в Ворухе сливаются Каравшин и Кшемыш и в дальнейшем эта река называется Исфара! В 14⁰⁰ пообедали в городе Чоркух, Это еще таджикский анклав. 15⁰⁰ поехали дальше. Нечаянно заехали в город Исфара (это уже Таджикистан!), сделали лихой разворот прямо перед ступеньками городского суда и возвратились назад в Чоркух. 15⁴⁵ заглохли на ещё таджикской территории (бензонасос). Здесь с обеих сторон очень оригинальные сухие горы, а по их подножию – ядовитая зелень урюковых садов-лесов. Очень красиво!. С трудом нашли в Сорхе сверток на Баткен. Дальнейшая дорога – вдоль молодых урюковых садов, занимающих все пространство между дорогой и сухим безжизненным хребтиком. Эти посадки разного возраста тянутся на несколько километров, пока горы опять не подходят вплотную к асфальту. За день мы наколесили 170 км – немало для этих мест!

Среди встреченных по дороге птиц в селе перед Баткеном мне запомнился очень бледный (не такой, как в Тянь-Шане) жулан – по всей вероятности, кашгарский (*Lanius isabellinus*). На одном из придорожных столбов, несмотря на яркий дневной свет, сидел светлый домовый сыч (*Athene noctua bactriana*). Везде были обычны майна (*Acridotheres tristis*) и кольчатая горлица (*Streptopelia decacoto*), однажды мы встретили египетскую (*Streptopelia senegalensis*), кормившуюся на подсолнуховом поле.

Сделав все дела в губернском управлении Баткена, мы покинули этот городок в 17¹⁵. В сёлах, через которые мы проезжали, я впервые увидел древний способ «молотьбы» пшеницы при помощи проезжающих автомашин: развязанные снопы укладываются ряд за рядом поперёк дороги, и проезжающие машины (и подводы!) попутно выбивают зерно из колосьев. Здесь часто можно увидеть хохлатых жаворонков (*Galerida cristata*), которым этот способ явно по душе. Кроме них здесь мы встретили сизоворонку (*Coracias garrulus*), длиннохвостого (*Lanius schach*) и чернолобого (*Lanius minor*) сорокопутов, иволгу (*Oriolus oriolus*), каменку-плясунью (*Oenanthe isabellina*) и обыкновенную пустельгу (*Cerchneis tinnunculus*). Но больше всего заинтересовали меня два небольших ворона, сидевших в тени на пасынке столба. Скорее всего, это были пустынные вороны (*Corvus ruficollis*), во всяком случае, представить себе здесь чёрную ворону (*Corvus corone orientalis*) ещё труднее: здесь полупустыня – глинисто-каменистые пустынные холмы между совершенно голыми горами с севера и далекими и также сухими горами с юга.

К вечеру начался подъем на перевал через небольшую горную грядку. Перед ней – зе-

Рис. 148. Подготовка урожая для обмолота зерна на дороге проходящими машинами

лѐный оазис – это и есть река Сох. Снова слепой дождик. Пока ожидали проверку паспортов, дождь пошел по-настоящему. Рудник Айдаркен мы проехали в 20²⁰ и вскоре стали лагерем № 10 на спуске с перевала, не доезжая 12 км села Оразбеков, которое находится перед Шахимарданом. Высота здесь 1595 м, местность: межгорная долина шириной 2 км, по которой с запада на восток идет спуск с перевала (шоссе из Баткена в Кызылкия). Каменистая степь – низкие сухие злаки типа костров (*Bromus* sp.), щетинников (*Setaria viridis*), а также: полынь (*Artemisia* sp.), василѐк растопыренный (*Centaurea squarrosa*) и др. Нередко сѐла, посевы, сенокосы. Горы сухие каменистые: повыше, ближе к перевалу, – разреженные высокоствольные арчевники среди тех же камней. Утром 28 июля Маркус ходил туда на экскурсию и встретил, помимо обоих каменных дроздов – пѐстроого (*Monticola saxatilis*) и синего (*Monticola solitarius*) – также соловья-белошейку (*Irania gutturalis*). Я же осмотрел степной орнитокомплекс, представленный в основном полевым (*Alauda arvensis*) и хохлатым (*Galerida cristata*) жаворонками, каменной-плясуньей (*Oenanthe isabellina*), полевым воробѐм (*Passer montanus*) и обыкновенной чечевицей (*Carpodacus erythrinus*).

Село Оразбеков – через 12 км после лагеря № 10. Крупное и хорошо озелененное село, встречи горлиц и длиннохвостого сорокопуга – именно в этом селе. Река Шахимардан – крупная речка. Вскоре – поворот на Фергану, в этом месте есть посев хлопчатника. Здесь на столбе среди посевов – гнездо белого аиста (*Ciconia ciconia*).

После вулканизации шин в городе Кызылкия в полдень выехали на Исфайрамсай. В Учкоргоне, где мы остановились на обед, – красивое цветущее дерево мимозы и хурма с плодами (впервые вижу). Прямо на юг от Учкоргона – ущелье Исфайрамсай, полностью освоенное: село за селом, сады и огороды. Именно здесь мы увидели оригинальные старые кладбища с рогами диких горных козлов (*Capra sibirica*) на шестах!!! Пасмурно, все закрыто, сонливая погода, но дождя пока нет. К 15³⁰ достигли пограничного поста, расположенного на окраине роскошного урюкового сада (сѐла уже кончились, но урюковые сады продолжают). В ожидании командира заставы, который сейчас находится впереди (там проблема с трактором – с *той* стороны воруют горячее!), пришлось разбить лагерь № 11. Место называется «пост пограничного контроля Аустан».

Ущелье протянулось с юга на север. Ширина днища 150-200 м. Оба склона сверху на половину в виде отвесных сильно разрушенных скал, а нижняя половина – осыпи с редкими кустиками. Еще реже встречаются одиночные деревья арчи, в т.ч. на полочках скал. Река бурная, шириной 15 м, уклон в месте лагеря небольшой. По руслу – редкие ивы и небольшими куртинами осины, а на террасе в 7-8 м над речкой, где проходит и сама дорога по ущелью, – старый урюковый сад, в котором мы разбили лагерь с согласия пограничников (абсолютная высота здесь 1300 м).

Утром в 7⁰⁰ машина ушла в с. Майдан, на заставу за разрешением, а мы занялись своими наблюдениями. Птиц здесь немного. Я встретил серую мухоловку (*Muscicapa striata*), желтогрудую синицу (*Parus flavipectus*) и какую-то пеночку (*Phylloscopus* sp.) без зеленѐных тонов, в надхвостье есть рыжеватый оттенок,

бровь хорошо выражена, но голоса не подала. Маркусу удалось найти гнездо садовой камышевки (*Adrocephalus dumetorum*). У воды попадаются перевозчики (*Actitis hypoleucos*) и синие птицы (*Myophonus caeruleus*), а в небе нередко видны беркуты (*Aquila chrysaetos*), бородачи (*Gypaëtus barbatus*), чёрные грифы (*Aegyptius monachus*) и белоголовые сипы (*Gyps fulvus*), а Маркусу удалось увидеть даже трёх кумаев (*Gyps himalayensis*).

В 9³⁰ привезли разрешение двигаться дальше, и в 10⁰⁰ машины уже загружены – нет только Дмитрия, который пошел ловить рыбу в надежде, что приедут еще не скоро. Через полчаса выехали вверх. В месте слияния Кичи-Алая и Сурматаш, которые образуют реку Исфайрамсай, дорога раздваивается. Здесь плохой мостик и двухэтажное строение, а у мостика надпись о том, что это заказник. Здесь, на высоте 1620 м, получасовая остановка для сбора энтомологического материала, после чего поехали все-таки прямо (мостик не внушал доверия) – вдоль Кичи-Алая. В 13 час два винтовочных выстрела, бегущий по осыпям горный козёл, а чуть позже – два человека примерно в том же месте, на левом берегу Сурматаша (вот тебе и заказник!). В одном месте, остановившись для охлаждения мотора у скалы над водой, мы увидели, наконец, белоножку (*Microcichla scouleri*), а потом – ещё две одиночки! Здесь теснина у реки, водопадики и холодно (высота 1906 м). Рядом на камне сидела бурая оляпка (*Cinclus pallasii*).

В 14 час выехали на расширение ущелья (видимо, это и есть Ясная поляна, о которой нам говорили!). Здесь дно расширяется до 100-150 м и занято в основном травянистыми полянами (мокрый луг), а вдоль русла – ивовый тугай. Вскоре пошли огороды, картошка! Высота 2050 м, какое-то жильё и около него – машина «Москвич»! Едем по роскошному высокогорному лугу, а колея дороги залита водой (после дождей?). Вскоре луг сменился широким галечниковым пространством, за которым – участок густого осинового леса у речки – высокий, густой, длиной метров 300! И всё это очень мокрое. Появились заросли облепихи (высота 2045 м н.у.м.)! В этом месте расширение dna закончилось, пошёл прижим скалами с обеих сторон и начался серпантин. Здесь на скале – гнездо синей птицы (*Myophonus caeruleus*). На высоте 2120 м – снова небольшое расширение, и здесь живут люди, растут старые тополя, кричит сорока (*Pica pica*).

Очередное расширение закончилось, пошли прижимы, скалы и камни. Дорога не идёт, а прыгает по камням, её уже почти нет, но мы всё ещё едем. На высоте 2 233 м осмотрели наскальные рисунки, а через 200-300 м достигли высшей точки путешествия. Дорога упёрлась в бывшее озерко (сейчас это просто галечник, залитый водой), к которому с обеих склонов спускаются крупнообломочные каменистые россыпи, а по берегам текущей по галечнику речки – отдельные старые ивы, с густой шарообразной кроной (высота этой точки 2 243 м). Часовая экскурсия вокруг озера – по тропе, ведущей через корум на ту сторону. Оказывается, здесь идёт конная тропа, которая ведёт через перевал в Дараут-Курган (Алайская долина). Туда, как нам сказали, осталось 52 км. Это нам рассказали встреченный всадник и трое пеших с двумя лошадьми, шедшие с Дараут-Кургана. Вышли они вчера, ночевали в Тенгизбае. Перевал снежный,

шли через снег. Дорога только такая, вьючная. Поскольку место для стоянки, с точки зрения Мюллера, не было подходящим, мы поехали назад – искать лагерь-платц. По пути чаще всего встречали синих птиц (*Myophonus caeruleus*), в трёх местах видели их гнёзда. Трижды попадалась буряя оляпка (*Cinclus pallasii*), но ни разу – белобрюхая (*Cinclus cinclus*). Спустившись ниже места слияния Кичи-Алая и Сурматаш, мы разбили очередной лагерь № 12 около оригинального наклонившегося на один бок моста, по которому утром долго не решались проехать. Это в 10 км выше предыдущего лагеря, высота 1500 м. Ущелье здесь узкое, две отвесные ноздреватые скалы, между ними – дно 50-60 м шириной вместе с руслом речки (ширина ее 5-7 м). По руслу – редкие куртинки тополя (осины), под скалами – кустики лиственных пород и арчи высотой 3-4 м.

Поставив палатки под дождиком, мы почти сразу же чуть выше лагеря увидели двух белошапочных, или водяных горихвосток (*Chaimarornis leucocephala*). Издали эта птица кажется сплошь черной. Рыжий цвет, потемнее, чем у краснобрюхой горихвостки, имеется только на хвосте и брюхе, грудь и зоб черные. Белая шапочка ярко выделяется. Ярко-рыжий хвост имеет чёрное окончание, что хорошо заметно, когда она его распускает (обычно при посадке или сразу же после неё, иногда при взлете). Большую часть времени проводит на мокрых прибрежных камнях-валунах, с которых что-то склевывает, а чаще спархивает вниз – в щели между ними у самого уреза воды. Голос похож на крик оляпки, но более короткий, стандартный и однократный (цзить...цзить) и произносится через равные промежутки в 10-15 сек. Наконец-то я познакомился с этой птицей, потратив на наблюдения за ней часа два и сделав даже попытку заснять её на видео!. Даже бородач (*Gypaetus barbatus*), летавший над скалами у лагеря, не смог отвлечь меня от этого...

К сожалению, утреннее дежурство до 7⁻³⁰ не принесло результатов – горихвостки так и не появились ни разу. А в 9 час мы уже отбыли на Кызылкия. По пути, в с. Каракыстак, где много яблоневых садов, остановились, чтобы сфотографировать языческие захоронения домусульманского периода – с рогами тэка и хвостом яка. Дальше по дороге мы не могли не обратить внимание на интересные плакаты, возвещавшие: «Трудна работа, зато хлеб сладок» или: «Обществу – процветание, государству – развитие». Какие умные здесь чиновники! А в Кызылкия над входом на базар написано: «Айбек базары», а чуть пониже – «Кыргызстан – страна прав человека». Мудрецы всё таки живут в Кызылкия!

Здесь мы распрощались с Нагашей и поехали на Ош, до которого от границы Баткенской области оставалось 90 км. И снова попадаются равнинные птицы – сизоворонки (*Coracias garrulus*), стервятник (*Neophron percnopterus*). В городе Ош мы долго искали агентство Киргизских авиалиний, чтобы подтвердить вылет группы через два дня из Бишкека. Потом – поиски сувенирной лавки, обед в шашлычной, здание обкома на центральной площади с памятником Ленину и кольчатая горлица (*Streptopelia decaocto*), сидящая на пальце у вождя мирового пролетариата... Здесь же, около дворцовой площади, в парке, осмотрели красивую православную церковь. И в 17⁻³⁰ выехали из Оша на Узген. Солнце, облачность небольшая, но запылённость воздуха в Оше жуткая – даже Сулей-

ман-гора закутана пылью. Похоже, что идёт пыльная буря, так как и в открытом поле – тоже пыль и мгла. Из птиц везде по дороге самая многочисленная майна (*Acridothores tristis*). Деревенские ласточки (*Hirundo rustica*) кормятся в воздухе, несмотря на пыльную бурю, летают золотистые щурки (*Merops apiaster*), а в одном из сёл пролетел чеглок (*Hypotriorchis subbuteo*).

К 19 час проехали село Кызыл Октябрь, широкую долину Тара (Карадаря), Узген и долину Яссы, а через час остановились во дворе Чирмаша – двоюродного брата Асека, в селе Красный Маяк (всего 9 км от Узгена). Село очень зелёное – сады, огороды, тополя. Рядом – широкое галечниковое русло реки Яссы. Заночевали прямо во дворе, некоторые разместились на плоской крыше сарая. Ужин на зелёной траве во дворе был сделан по всем правилам киргизского гостеприимства.

Выехали 31 июля в 9 час утра, а уже в полдень осматривали гнёзда *Ciconia ciconia* на хлопковых плантациях за Базар-Курганом, где насчитали 12 жилых гнёзд, в которых были уже большие птенцы. Аксакал-бахчевод рассказал, что лет 10 назад их было очень мало, а за последнее 10-летие аистов стало около 100. Этот участок явно выклинивается из Ферганской долины и занят хлопком, бахчами, меньше – кукурузой (и много воды).

По традиции искупались в Ташкумырском вдхр., не пожалев на это час, а в 20³⁰ стали лагерем на старом месте в Чичкане, проехав за день 360 км. Здесь сыро: уже три дня идут дожди. Кое-как успели поставить палатки до наступления темноты. Заболел Рейнгольд, но к счастью наши женщины быстро поставили его на ноги. Это лагерь № 14, абсолютная высота 1668 м. На завтра намечено преодолеть перевал Отмёк и попасть в верховья реки Талас.

Мокрым пасмурным утром 1 августа мы оставили Чичкан и в 14³⁰ остановились на перевале Алабель (3175 м). Пасмурно, ветерок и холодно – до невозможности! Удивила надпись у перевала: «Джалалабадская область, Токтогульский район». Рядом торгует кумысом в бутылках чисто русская девчонка лет 10 (светло-русые волосы, голубые глаза), а зовут ее Кульшат! На мои слова, что она русская, ответила резко: «я не русская, я киргизка» и говорит только на киргизском! Анара говорит, что такими были раньше все киргизы... Здесь сплошной низкотравный ковер из манжетки (*Alchemilla* sp.) и цветущих остролодочников (*Oxytropis* sp.), а также одуванчиков (*Taraxacum* sp.) и звездчатки (*Stellaria* sp.), местами – эдельвейсов (цветут). Этот сплошной ковер высотой менее 5 см. Красивые зелёные склоны! Это то, чего не было и что невозможно себе представить в Баткенской области!

Рис. 149. Бывало и так (между Токтогулом и Чичканом)

Сразу за перевалом, в самом начале спуска в Сусамырскую долину, в обрыве (скорее всего – техногенного происхождения) над дорогой оказалась колония береговых ласточек (*Riparia riparia*)! В верхней кромке обрыва, там, где дёрн, я насчитал 49 нор (Маркус – больше), из них занято нор 30. Обрыв южной экспозиции, абсолютная высота 2 820 м. Птенцы, видимо, ещё в гнездах, и взрослые часто залетают в них – носят корм. Никогда не думал, что эта равнинная птичка может жить на такой высоте в горах!. Здесь же летали две пустельги (*Cerchneis tinnunculus*), безуспешно пытавшиеся ловить этих ласточек. А выше в небе мы насчитали 6 тёмных канюков (*Buteo buteo*), но у дороги, всего в 20 м от машины, я видел типичного светлого курганника (*Buteo rufinus*). У поворота на Отмёк оказалась заправка и столовая. Пока мы здесь обедали, снова пошёл дождь. Во дворе столовой – ряд неожиданных для такой высоты (2 641 м) встреч: майна (*Acridotheres tristis*), удод (*Upupa epops*) и даже очень яркий самец испанского воробья (*Passer hispaniolensis*) на конском щавеле у помойки. Он-то откуда здесь?!

14⁴⁵ дождик всё идет. Так, под дождем, и поехали на Талас. На ярко-зеленом луговом склоне с камнями при подъёме на перевал Отмёк сидит мокрый от дождя степной орёл (*Aquila nipalensis*) – ещё одна неожиданность... Пологий подъем на перевал идёт по неглубокой луговой с выходами камней ложбинке, по которой течёт небольшой ручеек (1.5 м шириной). Этот ручей и есть Отмёк. В 15⁰⁰ закипел мотор. Совершенно непонятно, почему – ведь только отъехали. Заменяли ремень вентилятора (в нем было дело!) и поехали дальше. 15⁴⁰ перевал Отмек (3 334 м). Дождик идёт, все затянуто, весь перевал в лужах или мочажинах – болотистый. Спустившись на 1000 м с перевала, в 16³⁰ стали лагерем в верховьях Таласа (2163 м). Дождик перестал и вышло солнце, дав возможность провести первую короткую экскурсию. Но в 19⁰⁰ снова дождик. И всё же удалось увидеть почти полтора десятка видов птиц, среди которых самой интересной для меня была встреча желтоголовых трясогузок двух разных подвидов – сероспинного (*Motacilla citreola werae*) самца с кормом (видимо, здесь гнездо) и черноспинного (*Motacilla citreola calcarata*) всего в 50 м от места, где был сероспинный самец! Рассмотрел его хорошо с расстояния 8 м: ярко-чёрная спина, уже начал линьку. Даже в полете была хорошо видна чёрная спина.

Это место не более 2-3 км от начала реки. Здесь широкая луговая долина спускается к северу. Правый склон (западной экспозиции) – это разрушенные красные скалки прямо у лагеря, поросшие кустиками арчи и листовыми. Дождик до 16³⁰, потом взошло солнце перед закатом, а после заката – снова дождь, который продолжался всю ночь. Утром 2 августа сильный холодный ветер высушил наши палатки, а ясная погода позволила осмотреть окрестности. Вообще местность сильно открытая – лишь одиночные арчи высотой до 2-3 м. Ширина самой речки Талас 5-6 м. Поскольку уклон в этом месте небольшой, она течёт перекатами. Местами у воды – отдельные крупные кусты ивы.

Едва просохли палатки, мы в 9 час выехали из этого последнего лагеря обратно. По пути встречались обычные птицы – ничего достойного внимания.

Рис. 150. Завершение экспедиции в Бишкеке. 3 августа 2004 г., Волховская, 17

Разве что наблюдения за охотой курганников (*Buteo rufinus*). На подъеме к перевалу Тюз-ашу три курганника висели в воздухе, трепеща крыльями, как пустельга, а потом, сложив крылья, пикировали по соколиному с высоты и садились на землю или на камень. Посидев там 5-10 мин, снова взлетали и повторяли то же самое. Они явно кого-то ловили, но кого? Из машины этого не рассмотреть. Кстати, отсюда, сверху, хорошо просматривался вход в ущелье Кокомерен, через которое идёт дорога дальше во Внутренний Тянь-Шань – на Чаек, Арал и т.д. (где мы проезжали в прошлый раз).

Уже в северных предгорьях Киргизского Алатау, перед Сосновкой, отвалился кардан в машине Асека. Отсоединили его, забросили на крышу и поехали дальше на одном передке (Дмитрий так едет со вчерашнего дня!). Доездились... На западе – страшная чёрная туча, но дождя пока нет. А на фоне этого чёрного неба, низко над полями – от гор на равнину – стелется огромное скопище грачей (*Corvus frugilegus*), не менее 3 000-5 000. Впечатляющее зрелище! Всюду стаями по 20-40 птиц летают розовые скворцы (*Pastor roseus*). А мы едем потихоньку – без кардана. Как только вышли на бишкекскую трассу, дождь нас накрыл – настоящий ливень! Но уже в 16³⁰ дождь отшумел, везде – огромные лужи и потоки. Вышло солнце, и на фоне блестящей после дождя мокрой зелени мы торжественно въехали в Бишкек. Экспедиция закончена. Всего за эти 18 дней мы прошли, судя по спидометру, маршрут в 2 301 км горных дорог...

Швейцарские орнитологи и первые шаги по созданию определителя птиц (август 2004)

На следующий день, 3 августа, едва проводив наших немецких друзей, мы с Валентиной Тороповой встретились с молодыми швейцарскими коллегами, которые очень жаждали воспользоваться такой оказией и провести переговоры с местными орнитологами. Дело в том, что в Бишкек приехала группы молодых швейцарских орнитологов и, хотя туристы-орнитологи уже давно перестали быть редкостью в этих местах, эти были особенные: они мечтали сделать полевой определитель птиц Средней Азии. Фамилии наши им были уже хорошо известны, и они очень хотели договориться с нами о совместном проведении этой работы. Поэтому в кафе «Караван» в 17⁰⁰ состоялась эта встреча, которую организовала аспирантка Гюльназ из Джалалабада; она же выполняла роль переводчика. Обсуждался составленный ребятами черновик проекта “Proposal for “An Identification Guide to the Birds of Central Asia””. Авторами его были присутствующие здесь Manuel Schweizer (University of Bern), Raffael Aye (University of Fribourg) и Tobias Roth (University of Basel). На этом новоиспеченном продукте уже стоял копирайт: © 11-th Juli 2004.

Таким образом, дело было поставлено на официальный уровень. Излагая проект, они сказали, что прекрасно понимают – без местных орнитологов, хорошо знающих фауну птиц региона, он просто не выполним. Поэтому и предлагают нам участвовать в проекте в качестве экспертов по четырём направлениям: список видов птиц Центральной Азии; подвиды; распространение (карты); биотопы. Из нашего разговора сразу стало понятно, что авторы проекта не представляют себе этот регион, но твёрдо решили, что он должен быть в границах Казахстана и республик Средней Азии. Наброски списка птиц, сделанные ими без использования нашей орнитологической литературы, вызвали улыбку. При обсуждении «проекта» я сказал, что в силу очень большого разнообразия и природы, и самой фауны птиц я могу взяться только за птиц фауны Казахстана и то постараюсь иметь помощника в лице Виктории Ковшарь. По другим республикам Средней Азии предложил следующих экспертов: Таджикистан – Ислам Абдусаламов; Туркменистан – Эльдар Рустамов; Узбекистан – Олег Митропольский, Кыргызстан – Валентина Торопова. Так мы и записали в нашем решении. Для начала я пообещал прислать им список птиц Средней Азии, составленный для нашей коллективной фаунистической сводки, и на этом мы разошлись.

Так завязалось наше сотрудничество, вылившееся в длительную переписку. Много времени заняло составление общего списка птиц. Из присланного ими проекта пришлось вычистить целый ряд птиц, свойственных Индии, Пакистану и другим районам Южной Азии, но отсутствующих у нас. С другой стороны, в нём совершенно отсутствовали сибирские виды, населяющие казахстанскую часть Алтая, начиная с глухаря (*Tetrao urogallus*), рябчика (*Tetrastes bonasia*) и тундряной куропатки (*Lagopus mutus*), кончая массой видов и подвидов мелких воробьиных птиц – вплоть до синехвостки (*Tarsiger cyanurus*) и соловья-красношейки (*Luscinia calliope*). Ещё больше времени заняли подвиды, к вы-

делению которых наши подходы были далеко не идентичны (а ребята слепо верили только своим «авторитетам»). Словом, работа затянулась не на один год. Один из них, Raffael Aue, работавший в основном в Таджикистане, несколько раз приезжал в Алма-Ату, просиживал в коллекции нашего института, где познакомился и сдружился с Олегом Беляловым и потом долго с ним переписывался по разным тонкостям подвидовой принадлежности птиц.

Закончилось это многообещающее «сотрудничество» курьёзно. Как-то в один из своих приездов, когда список птиц был готов, Рафаэль привёз мне 74 доллара за «труды праведные» и ведомость, в которой я должен был расписаться в их получении. После этого они перестали писать и вообще подавать признаки жизни. Зато от Михаэля Бромбахера мы слышали, что такой проект он теперь курирует, пообещал ребятам моральную поддержку BirdLife International (они согласны дать своё лого!) и вообще взял всё это дело в свои руки. А когда ко всему этому присоединился ещё один иностранный подданный, фамилию которого я не хочу называть, так как он облапошил моего друга, то Рафаэль перестал писать и Белялову...

Ряд лет спустя, поздравляя с 2013 годом, мой давний спутник по тьянь-шаньским экспедициям Маркус Ланге написал мне о том, что полевой определитель «Birds of Central Asia» уже вышел... А летом 2013 г. Валентина Торопова, получившая эту книгу в подарок от приезжавших европейских бёрдвотчеров, с удивлением обнаружила отсутствие наших фамилий в очень длинном списке лиц, которым авторы, включая и четвёртого, присоединившегося уже потом, выражали свою благодарность... Так завершилось дело, начатое 3 августа 2004 года. Во всём этом угнетает одно – отношение к нам как к людям второго сорта. Вот поэтому мне вдвойне дороги такие иностранцы, как наши друзья – немцы из Грайфсвальда...

Выход популярного издания «По страницам Красной книги» (2004)

В августе, к началу школьного учебного года, увидел свет составленный мной ещё в 1997 г. (когда Министерство экологии находилось в Алма-Ате и мы с Е.В. Гвоздевым ходили на приём к новоиспеченному министру Даукееву) популярный вариант Красной книги под названием «По страницам Красной книги Казахстана». Рукопись эта пролежала в двух издательствах 7 лет, и не все авторы дожили до её публикации. В августе 2004 г. книга, была выпущена издательством «Алматыкітап» с хорошими иллюстрациями и включена Министерством образования и науки Республики Казахстан в список учебных пособий для средней школы. Для меня это была настоящая победа... Приятным событием для меня был также выход 48 тома Трудов Института зоологии с подзаголовком «Орнитология», подготовленного мной несколько лет назад. В нём опубликован полный фаунистический обзор птиц пустыни Бетпак-Дала (Ковшарь, Левин, Белялов, 2004), и ряд других крупных фаунистических статей сотрудников нашей лаборатории.

Поездка с чехами в Кызылкум за чёрным аистом (2-9 октября 2004)

Осенью мне опять повезло: с 2 по 9 октября вместе с чешскими орнитологами Мирославом Бобек и Любомиром Пешке, а также двумя инспекторами управления охраны леса и охотничьего хозяйства Кызыл-Ординской области мы проделали маршрут протяженностью 800 км по низовьям Сырдарьи (в основном Кувандарья) и Северным Кызылкумам в поисках мест скопления чёрного аиста (*Ciconia nigra*). Об этой поездке, своего рода мини-экспедиции, стоит рассказать немного подробнее.

Ещё в сентябре ко мне обратился мой знакомый из Праги Мирослав Бобек, с которым у нас так и не получилось провести совместное мечение чёрных аистов в 1999 г. На сей раз он написал, что после неудачи с Казахстаном они нашли понимание в Сибири. При помощи российских орнитологов они провели эту работу на Енисее, надев там спутниковые радиопередатчики на нескольких чёрных аистов. В течение ряда лет эти птицы пролетали над территорией Казахстана примерно по одному маршруту, делая одну длительную остановку северо-западнее Кызыл-Орды (прямо в пустыне!), откуда круто поворачивали на юг. В этом году аисты уже вылетели с Енисея и в начале октября должны быть у нас на севере Кызылкумов. Мирослав предлагал мне совершить совместную поездку в эти места для поисков самки с радиопередатчиком. Средства на оплату транспорта у него имеются, нужно только организационное участие в подготовке и проведении этой поездки. Я ответил согласием и начал готовиться.

Рис. 151. Мирослав Бобек, 2004

Запася письмами в областные органы экологии и охраны природы, у знакомых зоологов навёл справки, с кем можно иметь дело в Кызыл-Орде. Большую помощь оказал мне наш энтомолог, ныне уже, к сожалению, покойный Виталий Александрович Кашеев, который дал телефон местной учительницы английского языка Ирины Николаевны Ли, когда-то оказавшей ему помощь в аналогичной ситуации. В таких случаях подобные контакты бывают очень нужны.

И вот 2 октября мы с Мирославом и его спутником Любомиром Пешке выехали из Алматы актюбинским поездом до Кызыл-Орды. Утром следующего дня на кзыл-ординском вокзале нас встретила Ирина Ни-

колаевна, оказавшаяся ещё довольно молодой кореяночкой, свободно говорящей и по-русски, и по-английски. Она определила нас в частную гостиницу «Каир» вблизи вокзала, и остаток этого воскресного дня мы потратили на поиски машины для предстоящей поездки. Поскольку никаких знакомых с машиной у Ирины не было, она привела нас на базар, где обычно на так называемом «пятячке» собираются владельцы машин, желающие заработать. Трудность была в том, что нам была нужна машина не по городу, а в пустыню и на несколько дней, с ночёвками, что сразу же отбивало охоту у желающих. В конце концов мы договорились с владельцем одного из УАЗиков за 35 долларов в день. Правда, внешний вид машины оставлял желать лучшего, но хозяин в предвкушении заработка обещал до завтра привести её в божеский вид, а за её рабочие качества просто ручался головой.

Утром 4 октября мы посетили миграционную полицию, а затем – Управление лесного и охотничьего хозяйства. Заместитель начальника управления Арынов Данабек Шатаевич оказался достаточно грамотным и контактным человеком и мы договорились о поездке на УАЗ'е управления с инспекторами Султановым Абусагатом Абибуллаевичем (владелец машины) и Болтаевым Идрисом (сменщик). Это была неслыханная удача!!! От вчерашнего шофера откупились двумя тысячами тенге (он утром приехал чистенький, как и договорились) и после короткой экскурсии на берег Сырдарьи, к памятнику Хорхе с верблюдом (жил здесь 1300 лет назад), мы в 14³⁰ покинули границу города. Погода стояла сухая и тёплая, но солнце тускло светило сквозь пыль и мглу.

Дорога шла почти прямо на север вдоль правого берега Сырдарьи. Кустарники на глинистой равнине – чингил, гребенщик. Местами – отдельные деревья лоха, тростничок. После заправки в Джалагаше под ж-д мостом перешли через Сырдарью на левую сторону. Дальше асфальт пошёл на северо-запад, мимо совхоза Бухарбай-батыр (б. Калинина). Прошли мимо древних сторожевых курганов, на которых когда-то поджигали огонь в случае появления врага! Выйдя на актюбинскую трассу, добрались до Джусалов, а там стали уходить влево. Везде по трассе масса рассыпанного зерна (открытые грузовые машины возят рис насыпом!), которым кормятся голуби, грачи, а в одном месте – даже фазан (*Phasianus colchicus*). В посёлке Акжар свернули с трассы налево – прямо на запад. За аулом Турмагамбет кончился асфальт и начался удивительно тряский грейдер. Глазам предстала неожиданная картина: разлив воды на несколько километров!!! Кустарник в воде. А на ней – более 1000 (до самого горизонта!) лысух (*Fulica atra*), около 50 чирков (*Anas querquedula*, *Anas crecca*) и несколько крякв (*Anas platyrhynchos*).

Вскоре свернули с траского грейдера вправо и по песчаной дороге среди барханов направились прямо в сторону горы Карак, виднеющейся синей полоской впереди. В конце концов, мы уткнулись в воду (дорога уходит под воду!), вернулись и стали искать объезда. Потратили не менее часа и везде упирались в воду. Оказывается, все низменности между барханчиками залиты водой, причем местами вода явно давняя, с тростниками и другой околводной растительностью. Пришлось возвращаться на грейдер. До Карака оставалось напрямую

Рис. 152. Разливы воды в Кызылкумах, октябрь 2004 г.

Рис. 153. Рис. 154. Места, в которых держатся скопления чёрных аистов. Кызылкум, Кувандарья, октябрь 2004 г.

около 26 км, оттуда уже слышны сигналы Алтынай (так назвали чехи самку чёрного аиста, помеченную передатчиком в Сибири!), которые улавливает антенна Любомира. Вспугнули первых чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*), над нами на фоне розового заката пролетели 8 больших белых цапель (*Egretta alba*), а мы всё не могли преодолеть водную преграду. И в 19⁻²⁵, уже в темноте, при свете фонариков, пришлось стать на ночевку недалеко от аула Киенбаев. Впереди – низина с тростником и водой, а за ней – гора Карак (слово «гора» здесь довольно условно, скорее это степной холм).

Утром 5 октября восход солнца начался в 7⁻³⁰, солнце появилось в 7⁻⁵⁵, и Любомир тут же обнаружил сигналы Алтынай! Слабые сигналы шли с расстояния примерно 15 км. Здесь молодой саксаульник на супеси, слабые барханчики. А сам водоём протянулся на несколько километров на восток и неясно было – это сплошной водоём или отдельные плёса. С барханчика видно 4 таких плёса, но, похоже, что они соприкасаются между собой (тростники смыкаются). Оно называется озеро Карак (по имени горы). Его арендовал один человек (кажется, с Байконура) и посадил

здесь своих рабочих. Мы дважды утыкались в тупик, пока нашли объезд. Везде много серых (*Ardea cinerea*) и больших белых (*Egretta alba*) цапель, больших бакланов (*Phalacrocorax carbo*), иногда пролетают камышовые луни (*Circus aeruginosus*) и кудрявые пеликаны (*Pelecanos crispus*). Слышны голоса фазанов (*Phasianus colchicus*), многочисленных здесь сорок (*Pica pica* – только в одном месте стая из 15 штук!) и серых жаворонков (*Calandrella rufescens*), а в тростниках – молчаливые темные с рыжиной камышевки (*Acrocephalus agricola?* *scirpaceus?*) и такие же тёмные пеночки-теньковки (*Phylloscopus collybitus*).

Объехав это озеро и преодолев последний заливчик по твердому дну, мы вышли между горой Карак и рекой Кувандарья. Здесь, в самой низинке, много крупных деревьев гребенщика вперемежку с молодым саксаулом. Расспросив в юрте дорогу, мы снова переехали через реку (она здесь полноводная, с густыми и высокими зарослями тростника) и выехали к рыбацкому вагончику. И здесь мы, наконец, увидели 13 чёрных аистов (*Ciconia nigra*), которые летали вблизи вагончика. По словам рыбака, сегодня утром восточнее вагончика в небо взлетела **тысяча** (!) этих птиц, а потом села за тростники. Вскоре они начали улетать на запад стаями по 50-100 штук.

Сейчас после первой группы в 13 штук взлетело около 50 чёрных аистов и 20 белых цапель и, кружась, направились к западу. От стаи, которая кружится всего в 200 м от нас, исходит очень сильный сигнал Алтынай (зачерняет на дисплее всю планку) – **она точно в этой стае!!!** Набирая высоту, стая постепенно сместилась к югу – юго-западу. А мы остались в надежде, что они вернуться. В 12⁻²⁷ сигнал смещался вправо (к западу) и в 12⁻³⁰ пропал – Алтынай села! Мы отъехали пару километров и с бугра снова поймали сигналы Алтынай – примерно в 2 км западнее. В 13⁻¹⁰ вернулись к вагончику и снова увидели большую группу взлетевших аистов!!! Остановились на обед на бугре – в том месте, где еще слышны сигналы Алтынай. Отсюда после обеда направились пешком в сторону сигналов – через небольшие барханчики с редким саксаулом и солончакowymi межбарханними понижениями с кустарником (недавно высохшие блюдца воды). На ещё влажных грязевых берегах этих луж много следов голенастых, в т.ч. аистов. Есть данные, что именно с этой точки Алтынай подавала сигналы несколько дней назад.

Сейчас здесь царство чёрных аистов (*Ciconia nigra*). Стая их, штук 70-80, кружится в 0.5 км от нас к западу. Еще 8 летят к ним. В 16⁻¹⁵ стали лететь вдоль высохшей балки (это какое-то русло старицы, шириной около 50-60 м) на юго-восток в сторону рыбака с вагончиком: 4, 3, 2, 1, летят низко, не выше 50 м. Видно было, что они здесь живут не один день и выработали даже определенные маршруты дневных перемещений.

А на западе в 1 км видна большая стая птиц (аисты, белые цапли, чайки), которые кружатся над каким-то местом, видимо, кормным. Наверное, там вода. В 17⁻²⁰ Мирослав и Любомир подошли ближе к тому месту, где недавно кружилась, а потом осела стая птиц, и снова подняли их. Там оказалось около полусотни чёрных аистов (*Ciconia nigra*) и столько же больших белых цапель (*Egretta alba*), около 30 озёрных чаек (*Larus ridibundus*) и три хохотуны (*Larus*

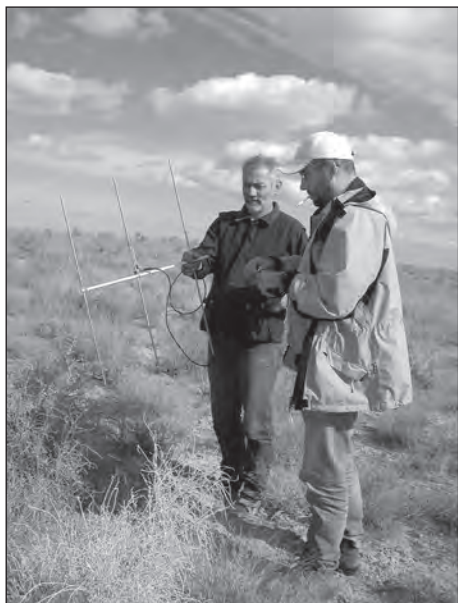

Рис. 155. Любомир Пешке и Мирослав Бобек с антенной в Кызылкумах, 6.10.2004 г.

rdidbundus). В это же время, перед закатом, я наткнулся на небольшого щитомордника (*Agkistrodon halys*) – светлого, яркого (видимо, только что вылинял). Экземпляр светло-коричневый, с очень чётким рисунком. Холодно для него на ледяном ветре (хотя днём солнце песок и прогревает)!

В 19⁻¹⁰ поехали на ночевку к рыбакам. По пути видели, как чёрные аисты группами по 4-6-7 слетаются на ночёвку с запада на восток и оседают где-то за стеной тростника. А по дороге, проходящий между двух стен высокого тростника, перед нашей машиной долго трусил шакал (*Canis aureus*), которого я всё пытался снять на видео. В 20⁻¹⁰, уже после заката, поставили палатки. И тут над нами, на высоте 100 м, с криками прошли клином на юго-запад 60-70 журав-

лей-красавок (*Anthropoides virgo*); ещё стая их с криками пролетела над вагончиком уже совсем в темноте (20⁻⁴⁵).

Утром 6 октября с 7 до 9 час аистов не было видно, лишь в 9⁻²⁰ один за другим на расстоянии 10-15 м друг от друга 9 штук пролетели вдоль низинки с остатками воды на запад (с места ночевки на кормежку) и вскоре сели среди зеленого тростника (там, видимо, есть вода). По сигналам у Любомира, рано утром, во время восхода, этим же путем пролетела и наша Алтынай. А чёрные аисты так и продолжали тянуть по одному к тому месту, где были вчера днем. В 10 час мы направились на машине вслед за летящими аистами. Проехав немного, остановились в месте, откуда наблюдали за ними вчера, и пошли пешком через барханы к местам скопления аистов. Несколько десятков аистов мы обнаружили у большой лужи между барханами, к ним все подлетали одиночки и группы. Отсюда же мы услышали сигналы Алтынай и подавала она их не с земли, а с неба – вдали кружилась стая штук 70 аистов (она была среди них). Когда Любомир и Мирослав поднялись на бархан в 1 км западнее меня, из-за бархана поднялись в воздух стаи уток – несколько сотен. Любош по телефону («воки-токи») сообщил, что в 2 км западнее меня вспугнул 30-40 черных аистов, но сигналы Алтынай идут не от них, а еще западнее. И он направляется в ее сторону. А через 5 минут он по «воки-токи» сообщил, что Алтынай направляется в мою сторону и подает сигналы уже на полпути между нами. И в это же время я увидел четырёх чёрных аистов, летящих от него мимо меня! Странное было

у меня ощущение, что вот среди этих четырёх птиц – именно та, за которой мы приехали, и глядя в бинокль я пытался отгадать, которая же из них Алтынай... Они кружились 5 минут, набирая высоту. Поднявшись довольно высоко, все четыре исчезали за облаком, а потом из-за него появилась одна птица, которая летела обратно – прямо на восток, к месту ночевки! Создается впечатление, что она проводила тех троих и вернулась к месту дневного отдыха и ночевки! Было чему удивляться и восхищаться...

В полдень солнце, выходя из-за облаков, стало припекать прямо по-летнему, но уже к 12⁴⁵ облачность снова увеличилась (барашки сливаются в более крупные и надолго закрывают солнце), стал крепчать холодный северо-западный ветер.

Около лужи в межбарханном понижении среди редких саксаульников – своя птичья жизнь. По берегу ходит группа, штук 15-20, белохвостых песочников (*Calidris temminckii*), над ними летает болотный лунь (*Circus aeruginosus*), которого пытается бить в воздухе чёрная ворона (*Corvus corone*), здесь же застыли, как языческие изваяния, три серых цапли (*Ardea cinerea*). В саксаульнике постоянно слышны крики фазанов (*Phasianus colchicus*), лениво покрикивает сорока (*Pica pica*) и раздаются печальные голоса теньковок (*Phylloscopus collybitus*). Стайка за стайкой летят на северо-запад, против ветра, буланные вьюрки (*Rhodospiza obsoleta*). А у меня всё не идёт из головы желчная овсянка (*Emberiza bruniceps*), которую я встретил утром у вагончика, где мы ночевали: очень уж поздно для этой ранней пташки, которая прилетает в мае, а в августе уже исчезает. Любомир видел стаю из 200 журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*), которые в 14⁴⁰; покружились высоко (видимо, набирали высоту) и улетели на юго-юго-восток. Здесь же он хорошо рассмотрел дербника (*Falco columbarius*), который делал «ставку» на зяблика (*Fringilla coelebs*); пролётные стайки этих лесных вьюрков, по 10-15 штук, был здесь не редкость. То там, то здесь на песке были видны пустые панцири среднеазиатской черепахи (*Testudo horsfieldi*).

Во время обеда были сигналы от Алтынай с востока, с места её ночевки и дневного отдыха. Она на прежнем месте! Значит, мы свою задачу выполнили: нашли её и убедились, что она здесь держится и, похоже, никуда в ближайшие дни не собирается. Но у нас, к сожалению, лишних дней в запасе не было (а она могла прожить здесь и неделю).

Поэтому в 15⁴⁵, пообедав, мы тронулись в обратный путь, собираясь посмотреть ещё несколько интересных мест. Срезали часть пути по шлюзу через Кувандарью и дальше шли вдоль Кувандарьи, которая в этом месте протекает за первой грядой барханов, всего 400 м от шоссе. Как говорит Идрис, в этой речке есть ямы и водятся сомы до 70-80 кг. На одном из столбов сидела скопа (*Pandion haliaeetus*) с рыбой в лапах – очень редкая птица в последнее время, занесенная в Красную книгу Казахстана. В 18 час проезжаем «море», разлившееся на километры. Стая из 25 серых гусей (*Anser anser*) полуклином пролетела почти прямо на юг (или юго-запад). Около берега плавали 20 голубых чернетей (*Aythya ferina*), а на столбах стали всё чаще попадаться орлы-могильники (*Aquila heliaca*) – 2, 1, 1. У сёл попадались деревенские ласточки (*Hirundo rustica*), близ села Турмагамбет – более тысячи скворцов (*Sturnus vulgaris*) на проводах

ЛЭП. Около с. Акжар – сотенные стаи грачей (*Corvus frugilegus*), одиночные кольчатые (*Streptopelia decaocta*) и обыкновенные (*Streptopelia turtur*) горлицы и почему-то парами – сороки (*Pica pica*).

Выйдя на трассу «Москва-Пекин», мы повернули направо, в сторону Кызыл-Орды. До Кызыл-Орды осталось 120 км, до Джусалов – 65 км. Вдоль трассы – сухие тростники и немного кустарников. Здесь летает около тысячи грачей (*Corvus frugilegus*). На ночь стали в 300 м от трассы, поставив палатку в небольшом прогале среди густых зарослей чингила.

Следующий день, 7 октября, мы посвятили поиску той точки в урочище Шаган, которая находится в центре очередного пучка точек-координат пребывания Алтынай в прошлые годы. Нашли её. Самое интересное во всем этом, что весь этот рисовый массив имеет наибольшие озера, сейчас в разной степени высохшие. Сами чеки, которые сейчас представляют низкотравные луга, как площадки для гольфа (часть из них выкошена, на некоторых пасутся лошади), а весь этот рисовый массив обнесен каналом шириной 2-3 м. Воды в нём сейчас почти нет, он весь порос тростником и в воде между стеблями тростника кишит рыба! Стало быть, кормовая база для черного аиста имеется!!! Даже в такое время, когда воды здесь минимум. Обратная дорога в пасмурную погоду. Дорога грунтовая, земля вокруг пухловатая с серым или беловатым соевым покрытием. Много тамариска. А рисовые чеки довольно крупные, сторона квадрата не менее 100 м. Они заброшены уже года 2-3. Из птиц здесь самые интересные для меня – мелкие жаворонки типа солончакового (*Calandrella leucophaea*) – очень светлые, как и белёсая пухлая почва вокруг. Таких жаворонков я видел одиночками раз пять. Серые жаворонки (*Calandrella rufescens*) встретились один раз стайкой из 10 птиц, хохлатые жаворонки (*Galerida cristata*) попадались постоянно – как парами так и одиночками; за одной из них прошёл на бреющем полёте чеглок (*Falco subbuteo*) и нырнул в тростники у канала. В одном месте от воды взлетели сразу 14 чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*). И только однажды мы встретили одиночную каменку-плясунью (*Oenanthe isabellina*).

Дальнейший наш путь лежал в район Теликольских озёр, откуда также было очень много старых прошлогодних радиосигналов, и которые я давно мечтал посмотреть. Для этого надо было вернуться в Кызыл-Орду и оттуда направиться на юг по правобережью Сырдарьи. Самая интересная встреча на этом пути – две огромные стаи жаворонков, 300 и 500, которые поднялись довольно высоко в воздух и летели не направленно, а кружили вразброд. Это могли быть как полевые (*Alauda*) так и малые (*Calandrella*) жаворонки; рассмотреть их мне не удалось. Ещё одна стая, штук 100, летели к югу вдоль шоссе. Сотенные и тысячные стаи грачей (*Corvus frugilegus*) сопровождали нас всю дорогу, а дважды на лужах у шоссе попались стаи по 100 штук озёрных чаек (*Larus ridibundus*).

Тасбугетский мост через Сырдарью, у границы города Кызыл-Орда, мы прошли около полудня. Река здесь шириной не менее 200 м. Идем по объездной, не заходя в центр города. Только заправились на окраине и ушли на юг. После очень долгих дебатов наших местных инспекторов-водителей выяснили, что надо ехать не на Теликольские озера (по Джекказганской трассе), а на Теликоль-

ский канал, т.е. к станции Чиили, прямо на юг. Справа и слева от трассы – глинистая равнина, поросшая мелким кустарником. Тамариск есть высокий. Часто встречаются кладбища, мазары, мавзолеи. Но, к сожалению, уже нет времени осмотреть их. Огромная стая скворцов (*Sturnus vulgaris*), не менее тысячи, разорвалась на две половины – одна облепила провода, а вторая улетела куда-то на запад.

Сразу же за станцией Байгакум слева – небольшие барханчики, справа – кустарники. Непривычное зрелище: – лесополоса, огороженная плетнем! Село Балаби, очень длинное, с одной асфальтированной улицей, в конце которой – большая двухэтажная школа. Масса школьников идёт по этой улице – десятки людей, если не сотни! За селом дорога снова идёт среди небольших барханчиков. Распогодилось: красивые белые барашки, солнце, тепло. Едем прямо на оконечность хребта Каратау. Дорога проходит между барханчиками, поросшими саксаулом средней густоты и возраста. Песок и супесь. Карату уже явственно синее оконечностями трёх гряд, обращенных к нам своими торцами: самая высокая западная (справа), посередине – двойная, а самая низкая и длинная – левая (восточная). Впечатление такое, что до них всего километров 10-15. По дороге – маленькие, бурого цвета малые жаворонки (*Calandrella cinerea*), полевые коньки (*Anthus campestris*), обыкновенная каменка (*Oenanthe oenanthe*), пустынная славка (*Sylvia nana*), в одном месте – варакушка (*Cyanosylvia svecica*), в другом – деревенская ласточка (*Hirundo rustica*).

Здесь между низкими песчаными грядами – довольно обширные равнинные участки, разделанные под огороды, с системой арычного полива. Самая крайняя точка нашего путешествия оказалась между двумя каналами, берега которых поросли тростником. Это царство фазанов (*Phasianus colchicus*) которых мы видели больше десятка, а наши доблестные инспектора-гиды застрелили троих. Здесь мы в 16 час пообедали и повернули назад. В Кызыл-Орду вернулись уже после захода солнца. Так завершилась эта короткая, но по-своему яркая и интересная поездка по совершенно новым для меня местам.

Уже после возвращения домой Мирослав Бобек сообщил из Праги, что Алтынай покинула Карак 16 октября и в тот же день подавала сигналы уже из центра Узбекистана...

Выпуск соколов-балобанов в Киргизии (2 ноября 2004)

В конце октября в Киргизии была задержана крупная партия соколов-балобанов (*Falco cherrug*), республиканская природоохранная прокуратура 27 октября 2004 г. попросила Биолого-почвенный институт НАН КР провести биологическую экспертизу. В.И. Торопова и Торстен Хардер попросили меня приехать и принять участие в этой экспертизе и в выпуске птиц. Из 127 пернатых хищников, изъятых у браконьеров, только два оказались сапсанами (*Falco peregrinus*), остальные 125 – балобанами (*Falco cherrug*). Изъятых птиц разместили в двух небольших комнатах управления небольшого завода на окраине города, прямо на берегу БЧК (Большой Чуйский канал). Когда-то это был какой-то ремонт-

Рис. 156. Сокола в цехах завода перед выпуском

ный завод, потом купившие его частные лица пытались производить кирпич. В заброшенном цеху этого завода и разместили временно соколов.

Фанерные транспортные клетки, в которых находились сокола во время изъятия, были сделаны профессионально: в каждой из них было по 9 глубоких ячеек, в которые в горизонтальном положении были плотно вложены птицы – каждая отдельно, спелёнутая, как младенец, с завязанными ногами, т.е. полностью обездвиженная, и с клубочком на голове, закрывавшим ей обзор. Стенки ящиков и внутренних перегородок ячеек были изрешечены круглыми отверстиями для вентиляции.

В цехах завода извлеченные из транспортных клеток сокола были распелёнуты и рассажены на скамейки, шлакоблоки и столы, где они спокойно сидели в клубочках. Уже на следующий день орнитологи окольцевали всех птиц, определили пол и по возможности возраст, промерили, сфотографировали. Общественное объединение «НАБУ-Кыргызстан» предложило спецпрокуратуре как можно быстрее выпустить соколов в природу, поскольку содержание такого количества в явно неподходящих условиях могло привести к их массовой гибели. Однако вопрос о выпуске решался 4 дня, и только после гибели двух соколов и пресс-конференции, проведенной НАБУ 1 ноября, было принято решение создать комиссию по выпуску птиц из представителей Академии, Гослесслужбы, ОО НАБУ, спецпрокуратуры и СМИ. В эту комиссию был включён и я как президент Союза охраны птиц Казахстана: специалистам было ясно, что большинство из соколов (если не все!) отловлены именно в прилегающих районах Казахстана.

Только 2 ноября с раннего утра орнитологи и ветврач НАБУ начали снова пеленать соколов и укладывать их в транспортные ящики. Для ускорения процесса выпуска комиссия разделилась на две группы и в двух машинах, представленных ОО НАБУ, выехала за пределы города. Одна группа, в которой находился я, начала выпуск в 25 км юго-восточнее Бишкека. Для исключения повторного отлова браконьерами соколов выпускали небольшими группами, по 3-8 птиц, «рассеивая» их на возможно большей территории. Вторая группа начала выпуск в 30 км юго-западнее Бишкека. Всего было выпущено 114 соколов: 7 не смогли взлететь и были возвращены на передержку, четырех балобанов из-за плохого состояния даже не пытались выпускать. Этих 11 балобанов Гослесслужба передала Нарынскому соколиному центру, но после гибели четырех птиц из-за плохого содержания, 14 декабря 7 балобанов были переданы в Реабилитационный центр ОО НАБУ на северном берегу Иссык-Куля. Перед

выпуском соколов надо было бы пометить специальными микрочипами, но ни Академия Наук, ни ОО НАБУ ими не располагали.

Задержки со всякого рода организационными вопросами и транспортом привели к тому, что, несмотря на выезд утром, часть соколов мы выпускали уже вечером. Тревожно было смотреть на слабый полёт этих многодневных пленников, садившихся на землю всего в 50-100 м от места выпуска. К некоторым приходилось подходить по 2-3 раза, пока они не отлетали достаточно далеко от дороги, взлетая каждый раз всё более уверенно...

Начало многолетнего проекта «Школьная энциклопедия»

В феврале, благодаря энергии и неустанным хлопотам Торстена Хардера, в Бишкеке было открыто Региональное представительство NABU в Центральной Азии. Событие, прямо скажем, неординарное, сулившее многие выгоды делу охраны природы в нашем регионе. Меня пригласили в качестве официального гостя как президента Союза охраны птиц Казахстана, уже сотрудничавшего с NABU в плане издания зоологического ежегодника «Selevinia» и по части ключевых орнитологических территорий. С Торстеном Хардером я к этому времени был уже достаточно хорошо знаком, а здесь, на открытии, познакомился и с Leiv Miller, исполнительным директором NABU. Этот молодой мужчина (ему, как и Торстену, не было ещё и 40 лет) произвёл на меня благоприятное впечатление. На церемонии открытия представительства мы обменялись речами и нашу грядущую дружбу скрепили фотоснимком вместе с чиновником министерства экологии на фоне государственного флага Киргизии и подаренной мною Красной книги Казахстана (рис. 157). Так были укреплены контакты с NABU по крайней мере до конца первого десятилетия.

В феврале-марте мне пришлось заниматься скучнейшей работой в составе Комиссии ЦБИ МОН РК по подготовке программ фундаментальных и инновационных исследований на следующие три года (2006-2008). В это же время дома по вечерам я заканчивал редактирование очередного выпуска «Selevinia-2004», который вышел в апреле. Также была сдана в издательство «Атамур» рукопись первого тома «Птицы» пятитомной Школьной энциклопедии, над которой мы с Викторией работали всю предыдущую зиму.

История появления этого издания заслуживает отдельного описания. Как-то года два назад мне позвонили из частно-

Рис. 157. Открытие представительства NABU в Средней Азии. Крайний справа – Leiv Miller, с Красной книгой в руках – Торстен Хардер

го издательства «Баур-энциклопедия» и пригласили на беседу относительно возможного сотрудничества. Подобного рода приглашения не столь уж часты, поэтому я с большим интересом отправился на эту встречу. Беседа с главным редактором, который изъявил готовность печатать любые биологические энциклопедии, которые мы запланируем, сподвигла меня на проект «Школьная энциклопедия. Серия: Животный мир». Запланировал в 5 томах, начав, естественно с птиц, материал по которым мог быть готов в ближайшее время, и оставил этот проект на рассмотрение редактора. Не знаю, что уж там у него случилось, но продолжения это дело не получило. Некоторое время они по телефону обещали мне продвинуть, ускорить этот процесс, но потом совсем замолчали...

И вот примерно через год – звонок из другого, школьного издательства «Атамура». Звонивший представился пресс-секретарём президента (как впоследствии оказалось – корпорации «Атамура») и спросил, можно ли приехать на консультацию по птицам. Как же отказать в такой просьбе? Приехала небольшая делегация из трёх человек, в том числе – знакомая редактор, работавшая когда-то в издательстве «Наука». Оказалось, что на состоявшемся недавно в Астане съезде педагогов глава страны подверг резкой критике качество учебников, в том числе издательства «Атамура». Среди прочих обвинений было и то, что в учебнике было написано «птенцовые и выводковые птицы». Кому-то из свиты это словосочетание «птенцовые птицы» показалось курьёзным и в речи, написанной для президента, он с особым упором прошёлся по этому «неграмотному выражению», что дало основание для риторического вопроса: «Чему хорошему могут научить такого рода учебники??». Работники издательства просили меня письменно подтвердить, что всё-таки птенцовые птицы бывают, что я и сделал, заверив свою подпись с регалиями в канцелярии Института зоологии. Пока я писал этот документ, пресс-атташе президента рассматривал книги в моём кабинете, в том числе Красную книгу Казахстана, которую он впервые держал в руках. И всё повторял, что нам надо теснее сотрудничать, выражая удивление – как это до сих пор не случилось. В ответ я сказал, что ловлю его на слове и как-нибудь, с его позволения, приду в издательство с проектом нового школьного издания. Заверения его в том, что в издательстве будут только рады такому шагу, было столь искренним, что уже через несколько дней я принёс в «Атамуру» свой проект «Школьной энциклопедии», в пяти томах которой должны быть отражены все населяющие Казахстан животные.

Для начала меня представили вице-президенту корпорации Гульбаршин Нагиевне Жарылкасимовой – яркой женщине средних лет, которая с большим вниманием осмотрела мои планы и обещали довести их до сведения президента. Следующим шагом было знакомство с президентом Умыт Муқановой Бейсембаевой, которая однозначно выразилась за осуществление этого проекта и спросила – как я смогу это осилить. Когда я ответил, что к выполнению его будут привлечены лучшие специалисты Казахстана, она сказала, что проект принят, и назначила сроки оформления документов и сдачи рукописи.

Так было положено начало многолетнему сотрудничеству с издательством Атамура. После выхода в свет прекрасно оформленного первого тома «Пти-

цы» (2006), появился второй том «Млекопитающие» (2008), где авторов было уже 8 (кроме нас с Викой – также Р.Ж. Байдавлетов, А.Б. Бекенов, Ю.А. Грачёв, Р.Д. Кашкаров, Б.Б. Касабеков, Р.Т. Шаймарданов), затем – очередной том «Рыбы. Земноводные. Пресмыкающиеся» (2011: З.К. Брушко, М.К. Джумалиев, Т.Н. Дуйсебаева, Н.Ш. Мамилов, В.П. Митрофанов, С.Р. Тимирханов, В.А.Хромов, М.А.Чирикова), в котором я был только составителем и редактором. Этим томом было исчерпано описание позвоночных животных Казахстана. Первый из 2 томов по беспозвоночным животным, «Насекомые» (2010), по моей просьбе составил и отредактировал Владимир Лонгинович Казенас вместе с сотрудниками своей лаборатории энтомологии. К составлению последнего тома, посвящённого оставшимся группам беспозвоночных животных (моллюски, черви, паукообразные и пр.), мне пришлось привлечь около десяти специалистов, в том числе и за пределами Алматы и Казахстана. После года напряжённой работы этого коллектива, в конце 2013 года я сдал рукопись тома в издательство. Успех нашей зоологической серии так понравился издательству, что они изъявили желание сделать что-то аналогичное по растениям. Как исполнителя такой серии я представил им Анну Андреевну Иващенко. Насколько я знаю, работа в этом направлении уже начата. Добрая половина успеха этого проекта – заслуга редактора издательства Надежды Ивановны Огнёвой, той самой старой знакомой из бывшего издательства «Наука». Только её терпению и кропотливой работе над текстом и иллюстрациями обязаны мы качеством этого издания, о котором владелец корпорации сказал: «Вот так надо издавать книги»...

Летняя поездка в Баку и Гирканский нацпарк (июнь 2005)

Большая часть мая, по уже установившейся традиции, была посвящена поездкам с бёрдочерами. Так, 8-10 и 13-17 мая с группой английского клуба «Avian Adventures», а затем 21-27 мая с группой клуба «Naturetrek» мне удалось по ставшим уже привычными маршрутам дважды посетить следующие пункты Алматинской области: водоем-накопитель Сорбулак, Топарские озера и рощу Жельтуранга в дельте реки Или, южную кромку песков Таукум в районе с. Каншенгель, урочища Тамгалы и Коба; Большое Алматинское ущелье в Зайилийском Алагау до высоты 3300 м над ур. м.; Кокпекское ущелье, Сюгатинскую долину с Бартагойским вдхр. и каньоном реки Чарын; глинистую пустыню левобережья среднего течения реки Или в районе поселков Нурлы и Бурандысу. Во время первой поездки встречены птицы 160 видов, во время второй – 173, а всего отмечены представители 217 видов птиц. Заслуживают упоминания следующие встречи. На Бартагойском вдхр. держались два взрослых больших крохалея (*Mergus merganser*) с 9 пуховичками. Над Б. Калканами и рекой Или в полдень 23 мая парил одиночный большой подорлик (*Aquila clanga*). В тот же день в каньоне Чарына («Долина замков») встречен шахин (*Falco pelegrinoides*). По-прежнему низкой оказалась численность обыкновенной горлицы (*Streptopelia turtur*), а египетская (*Streptopelia senegalensis*) встречена всего дважды. У южной

Рис. 158. В лесу Талыша. Гирканский нацпарк, июнь 2005 г.

кромки песков Таукум 26 мая отмечена певчая славка (*Sylvia hortensis*), что свидетельствует о том, что попытки её расселения на восток продолжаютя.

С 5 по 10 июня в составе делегации регионального представительства NABU в Центральной Азии (Т. Хардер, В.И. Торопова, В.М. Кулагин, М. Каниметова, Leiv Müller) мне удалось впервые посетить Баку и Гирканский национальный парк в Азербайджане.

Этот была своего рода рекогносцировочная поездка для ознакомления с деятельностью Азербайджанского орнитологического общества, которое готовили в качестве будущего партнёра BirdLife International в Азербайджане. Специальный семинар по этой теме был организован в конце года, к чему я ещё вернусь. Сейчас же больше всего запомнилась поездка в Талышские горы, на территорию Гирканского заповедника, преобразованного недавно в национальный парк. Влажные буковые леса чем-то напоминали мне лиственные леса Западного Кавказа, но какое-то неуловимое отличие сквозило во всём – от сказочных обомшелых стволов столетних исполинов до голоса средиземноморской гаички (*Parus lugubris*), который я здесь услышал впервые. Вдобавок ко всему нас возили на юг вдоль побережья Каспийского моря – в сторону иранской границы, где я впервые увидел каспийскую черепаху (*Clemmys caspica*). Понравилась мне и Ширванская степь.

Через неделю после возвращения из Азербайджана меня ожидало событие, которое не может оставить равнодушным ни одного человека: 17 июня вышла замуж моя внучка! Это, казалось бы, рядовое семейное событие я воспринял очень остро – как своеобразный отсчёт времени. Когда выходит замуж дочь или женится сын, это как-то в порядке вещей, так же, как и появление внуков: ты ещё сам достаточно молод, полон сил, энергии, забот. Но бракосочетание внучки, после которого жди уже *правнучат*, это совсем другое дело. В такой день от мыслей о слишком быстром течении времени никуда не денешься. Хорошо ещё, что избранником её стал бывший одноклассник, который год ждал её возвращения из-за океана, и по всему было видно, как любят они друг друга...

8-я тянь-шаньская экспедиция (июль – август 2005)

Центральным событием года для меня стала очередная, 8-я по счёту тянь-шаньская экспедиция, состоявшаяся 17 июля – 5 августа 2005 г. по маршруту: Бишкек – Боомское ущелье – Ортогокойское вдхр (17.07) – Кочкорка – река Кара-Куджур – перевал Джалпакбель [3341 м] – ур. Карасаз (18.07) – река Кичи-Нарын (20.07) – ур. Карасаз – река Болгарт – река Джылуу-Суу (выше она же – Учемчек, потом Ашуу-

луу-Тёбе)– перевал Тосор [3893 м]– р. Тосор (22.07) – южный берег Иссык-Куля – с. Покровка – ущ. Ырдык (23.07) – город Каракол (Пржевальск) – Теплоключенка – р. Джергалан – р. Тургенъ-Аксу, верховья (25.07) – перевал Чон-Ашу [3.822 м] – верховья р. Оттук (26.07) – р. Сарыджаз – р. Иныльчек (27.07) – р. Сарыджаз – р. Куйлю (28.07) – р. Сарыджаз, верховья (29.07) – перевал через Тер-

Рис. 159. Маршрут 2005 г. по центральным районам Тянь-Шаня

скей-Алатау (безымянный, 3356 м) – Турык, истоки Каркары (30.07) – р. Каркара – перевал Санташ – р. Тюп – с. Тюп – с. Ананьево – Центр реабилитации диких животных на южном склоне Кунгей-Алатау (01.08) – Ананьево – река Кичи Аксу – река Чон Аксу (02.08) – село Григорьевка – Чолпоната – музей наскальных рисунков (над селом Долинка) – Балычки – Боомское ущелье – река Чу против Быстровки (04.08) – Токмак – Новопокровка – урочище Кенжар (Киргизский Алатау) – Бишкек (05.08.2005). Как видно, целью этой экспедиции было обследование центральных районов Тянь-Шаня. Состав участников был в основном тот же, что и в прошлом году: Gerd Muller-Motzfeld, Roland Schulz, Holger Ringel, Hans-Jürgen Gottschalk, Markus Lange, Anne Ziebarth, Werner Lakomy, Marc Cartellieri, Volker Meitzner, Ludger Schmidt; В.И. Торопова, А. Алымкулова, Н. Голубцова; водители Александр Иванович и Павел Андреевич.

После первой ночёвки на Ортотокойском вдхр. мы к полудню 18 июля достигли места нашей предпоследней стоянки в прошлой экспедиции и по ущелью Каракуджур направились в его верховья – здесь уже все места для меня были новые. Само ущелье дальше нашего старого лагеря такое же открытое, лишь по дну ущелья заросли ивы и облепихи; северный склон покрыт лугами, лишь по ложбинкам кое-где кустарник; южный склон щебнисто-каменистый. По пути нас везде сопровождали песни чечевиц (*Carpodacus erythrinus*), зеленых пеночек (*Phylloscopus trochiloides*) и широкохвосток (*Cettia cetti*), два раза попались карноспинные горихвостки (*Phoenicurus erythronota*).

Через 10-15 км ущелье расширилось и превратилось в долину шириной 300-400 м, склоны его более пологие и совсем открытые. В русле хорошие луговины, есть заросли облепихи и местами пошла маленькие галечники, речка меандрирует. Высота здесь, по альтиметру Мюллера, 2350 м. Птиц мало: огарь (*Tadorna ferruginea*), дважды – самцы черноспинных трясогузок (*Motacilla calcarata*), три клушицы (*Pyrhocorax pyrrhocorax*), а в небе – бородач (*Gypaetus barbatus*).

Около села Аккыя, с большими домами и дувалами, но без деревьев оставались пособирать насекомых («ZammelStop»). Долина здесь ещё шире, есть галечники, а на склоне – обрывы. Здесь меня удивило нахождение рядом домашнего сыча (*Athene noctua bactriana*) и рогатого жаворонка (*Eremophila alpestris*). Еще дальше долина расширилась до 1 км. Справа уже не склон, а просто холмы. Впереди – снежный хребет. Вправо отходит дорога на другой перевал. Коорди-

наты здесь 41°54'28.9" с.ш.; 076°16'03.8" в.д. По ту сторону реки в долине большое село Кергочко. Дно долины – кочковатый зеленый луг, склоны – зелёные низкотравные луга. Здесь явно 3000 м, начинается подъём к перевалу. Склоны такие же зелёные, а наверху их – скалки. Интересно, а какой процент площади Тянь-Шаня занимают леса? Здесь их совсем мало! Наверное, процент лесов по всему Тянь-Шаню мизерный – основная часть склонов всё-таки безлесная... Поэтому и лесные птицы при экстраполяции на весь Тянь-Шань окажутся немногочисленными.

Из птиц здесь чаще всего попадались рогатые жаворонки (*Eremophila alpestris*), каменки (*Oenanthe oenanthe*, *Oenanthe isabellina*), снежные вьюрки (*Montifringilla nivalis*), горные коньки (*Anthus spinoletta*), а в небе – беркуты (*Aquila chrysaetus*), однажды – курганник (*Buteo rufinus*), высоко летает чёрный аист (*Ciconia nigra*). И в одном месте на подъёме к перевалу – вдруг полсотни грачей (*Corvus frugilegus*)! Перед самым перевалом всё чаще встречались одиночки и группки гималайских вьюрков (*Leucosticte nemoricola*), а перед перевалом, всего в 30 м от дороги сидит тёмный бородач (*Gypaetus barbatus*). К 16⁵⁰ пошёл дождь.

Перевала Джалпакбель (3 341 м) мы достигли в 17³⁵ под дождём и сильным ветром. Здесь увидели первые стайки жемчужных вьюрков (*Leucosticte brandti*), а на лугу сидел крупный тёмный канюк – по всей вероятности мохноногий курганник (*Buteo hemilasius*).

Дорога с перевала вниз пошла по довольно широкой долине-равнине типа сыртов: она травянистая, влажная, местами какие-то лужи. Судя по карте, справа от дороги по этой широкой заболоченной равнине протекает речка Чардактуу-Суу, а слева от дороги – озеро Шор-Кёль. Вся вода течет в сторону Карасаза. В одном месте – стадо яков (*Bos mutus grunniens*). В 18 час стали вторым лагерем на спуске с перевала в Еки-Нарын, на высоте 2 743 м (41°43'36.0" с.ш., 076°44'48.1" в.д.). Здесь я вспомнил, что специально взял с собой цифровую видеокамеру, чтобы снять видеосюжет об этой поездке по новым, неизвестным мне местам. И на следующее утро, с восходом солнца, приступил к съёмкам.

Рис. 160. Лагерь № 2 (в центре кадра). Карасаз, 19 июля 2005 г.

Удивительно обширные пространства открывались на юг с этого урочища Карасаз, расположенного на правом притоке Кичи-Нарына примерно в его среднем течении! Вокруг – покрытые лугами крутые склоны гор, а наш лагерь уютился на небольшой площадке

в узкой долинке ручья на крутом спуске с перевала. По дну ручья – куртины караганы колочей. Ночью был заморозок, на наших палатках иней. Снимая эту панораму, я вдруг подумал, что этот район и есть истоки Нарына – того самого, который, прорезав всю западную половину Тянь-Шаня и приняв в себя воды большинства его рек, выйдет из гор под гордым именем «Сырдарья» и покатит свои воды в Аральское море.

От таких мыслей аж дух захватило, и панорама с лёгкими облачками чуть ниже зубчатых вершин показалась ещё красивее. А вокруг суетились выводки черноспинных трясогузок (*Motacilla calcarata*) и горных коньков (*Anthus spinoletta*), создававших здесь фон птичьего населения; тут же – выводок каменок-плясуней (*Oenanthe isabellina*), пара куликов-перевозчиков (*Actitis hypoleucos*) и маскированная трясогузка (*Motacilla personata*); со склонов подлетела пара клушиц (*Pyrrhonorax pyrrhonorax*). На склонах поют чечевицы (*Carpodacus erythrinus*), горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochruros*) и красноспинные (*Phoenicurus erythronotus*), индийские пеночки (*Phylloscopus griseolus*), над ними летает пустельга (*Cerchneis tinnunculus*). А вчера вечером на лугу у речки Маркус вспугнул выводок больших крохалей (*Mergus merganser*) – взрослую птицу и трёх птенцов в половину её размера. Эта находка расширяла мои представления о его распространении.

Предпринятая мною экскурсия по каменистым участкам склонов добавила к этому списку пёстрых каменных дроздов (*Monticola saxatilis*), распевавших в двух местах; бледных завирушек (*Prunella fulvescens*), поющих с кормом; пролетающих парами коноплянок (*Acanthis cannabina*) и монгольских вьюрков (*Bucanetes mongolicus*), которые, судя по встреченным молодым птицам, гнездились где-то здесь в разрушенных скалках. Здесь оказались нередкими снежные вьюрки (*Montifringilla nivalis*). Взрослые кормили хорошо летающих птенцов, при этом иногда ловили бабочек всего в 5-15 м. Птенцы с доросшими хвостами держались по одному, молча ожидая корм; у них много белого на крыле и хвосте, но у сидящего птенца этого не видно. На небольшой скале пел самкоподобный самец-первогодок горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochruros*), что мне было хорошо знакомо ещё по работе в заповеднике. Здесь же держались молодые гималайские завирушки (*Prunella himalayana*), каменные воробьи (*Petronia petronia*), слышались голоса рогатых жаворонков (*Eremophila alpestris*), летали городские ласточки (*Delichon urbica*). Над нашим лагерем кружили два беркута (*Aquila chrysaetus*) и две пары кумаёв (*Gyps himalayensis*). А наш ходок на дальние дистанции Маркус встретил также двух черногрудых красноеек (*Calliope pectoralis*) и дербника (*Falco columbarius*). Словом, место оказалось не только красивым, но и богатым.

Здесь мы устроили днёвку, решив в таком прекрасном месте отпраздновать день рождения Мюллера. И всё было бы хорошо, если бы разыгравшийся в 18 часов дождь не разогнал всех от праздничного дастархана. Чай пришлось пить уже в машинах...

Ночью был снова заморозок, иней лёг на траву и палатки. А когда к 8³⁰ солнце пригрело и туман поднялся, решили ехать пока вниз – вдоль Кичи-Нарына

до первых лесов, а потом попробовать проехать на Тоссор, к Иссык-Кулю. К 10 часам мы спустились прямо к речке Кичи-Нарын, ширина которой не менее 10 м. По правому берегу хорошие скалки, а под ними – осыпи. Какой-то тёмный сверчок (*Locustella naevia?*), вылетел из высокой травы у дороги и речки. Ниже долина Кичи-Нарына расширилась до 400 м и идёт прямо на запад. Долина ровная, хорошие террасы по обе стороны реки, а с левой стороны, на северном склоне, появился уже лес. Вскоре (примерно в 30 км от Карасаза) на излучине реки показался первый галечник в русле – стровок 100x50 м. Здесь, на левом берегу реки Кичи-Нарын, на высоте 2 502 м мы и разбили лагерь, в котором прожили двое суток.

Орнитофауна здесь была типичная для верхней части пояса елового леса: тусклая зарничка (*Phylloscopus inonatus humei*), зелёная (*Phylloscopus viridanus*) и индийская (*Phylloscopus griseolus*) пеночки, седоголовая и красноспинная горихвостки (*Phoenicurus coeruleocephalus*, *Phoenicurus erythronotus*), красношапочный вьюрок (*Serinus pusillus*), обыкновенная (*Carpodacus erythrinus*) и арчовая (*Carpodacus rhodochlamys*) чечевицы, а из более крупных – чёрная ворона (*Corvus corone orientalis*), чеглок (*Hypotriorchis subbuteo*), пустельга (*Cerchneis tinnunculus*), сорока (*Pica pica*), вяхирь (*Columba palumbus*) и большая горлица (*Streptopelia orientalis*). Выше леса – горная овсянка (*Embeiza cia*), около скал летали скалистые ласточки (*Ptyonoprogne rupestris*) и краснокрылые стенолазы (*Tichodroma muraria*). Здесь же – самец горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochruros*), возможно, другого подвида – очень уж много чёрного было видно у него в полете, оно даже на спину заходит!

Над скалами летали крупные хищники. Трёх молодых беркутов атаковали на лету два чеглока, пустельга и две сороки. Прямо над лагерем парил чёрный гриф (*Aegypius monachus*). Близ скал летали 6 кумаёв (*Gyps himalayensis*) а на самой скале северо-восточной экспозиции видны два гнезда, в которых сидело по взрослой птице. Одна взлетела из гнезда, освещённая ярким солнцем – снежно-белая птица! Эта небольшая полуколония редчайшего вида, замесенного в Красные книги – великая удача для меня!

Утром 21 июля одна машина ушла вниз, в Еки-Нарын, а я остался в надежде найти серпоклюва. Его здесь не оказалось, зато посмотрелся других птиц.

Рис. 161. Лагерь на р. Кичи-Нарын у скалы кумаев

Рис. 162. У любимого традиционного костра кумаев

Выше дороги здесь островные ельники с зарослями кустарника, а ниже – речка. В ельнике густой подрост из караганы колючей, шиповника белоцветного, жимолости с синими и белыми ягодами, кизильника, а также ломоноса и отдельных кустиков арчи. Из трав – *Rumex*, *Codonopsis*, *Galium verum*, *Allium* sp. Арча (*Juniperus turkestanica*) в виде сгланника спускается вместе с другими кустарниками по ложбинам северного склона до самой речки; так же местами и ель, но реже. Среди этой своеобразной «арчели», как привыкли мы называть смесь арчи и ели, помимо самых многочисленных здесь выводков красноспинных горихвосток (*Phoenicurus erythronotus*), зелёных пеночек (*Phylloscopus viridanus*) и тусклых зарничек (*Phylloscopus inonatus humei*), были и очень интересные встречи.

Так, в одном месте, в густой траве ниже дороги, от леса не менее 200 м и от речки –100-150 м, я встретил пару пеночек необычной расцветки: маленькие, тёмные, короткие на лету. Ни следа жёлтого и зелёного цвета в оперении. Напоминают копию теньковки (*Phylloscopus collybitis*), но поменьше. Возможно, это близкая к теньковке *Phylloscopus neglectus*? Обнаружил их по голосу – звонкому «щильи», как у зарнички, но еще громче и сочнее, к тому же однократное и повторяется не более трёх раз. Подолгу молча кормились у основания кустиков вейника (*Calamagrostis* sp.). Вспугнутые, улетели вдвоём на каменистый открытый южный склон по правому берегу реки.

Довольно часто попадались индийские пеночки (*Phylloscopus griseolus*), один раз – выводком из 5 летающих птенцов. Несколько раз вспугивал горихвосток-чернушек (*Phoenicurus ochruros*), в том числе и самцов обычной окраски. Реже попадались желтоголовые корольки (*Regulus regulus*), джунгарские гаички (*Parus songarus*), седоголовые щеглы (*Carduelis caniceps*), какие-то сверчки (*Locustella* sp.), молодые южные соловьи (*Luscinia megarhynchos*) и совсем уж неожиданно – каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*). А наверху летали чёрные стрижи (*Apus apus*), слышались песни чечевиц (*Carpodacus erythrinus*) и доносились голоса клушиц (*Pyrhcorax pyrrhcorax*).

Вернувшийся из поездки вниз Маркус рассказал, что по пути в Еки-Нарын видел пёстрога каменного дрозда (*Monticola saxatilis*), туркестанского сорокопута (*Lanius phoenicuroides*), ястребиную славку (*Sylvia nisoria*), лесного конька (*Anthus trivialis*), молодого красношейку (*Calliope pectoralis*) и молодую же варакушку (*Luscinia svecica*) с интересной расцветкой хвоста: белое основание, потом черная часть, а конец рыжий. Там же, до высоты 2260 м (перепад от нашего лагеря – всего 300 м), отмечены канюк (*Buteo buteo*), коршун (*Milvus migrans*) и стая из 20 альпийских галок (*Pyrhcorax graculus*).

Пасмурным утром 22 июля, под начинающимся дождиком, мы оставили это богатое птицей место и вернулись в Карасаз, чтобы оттуда попытаться проехать на перевал Тоссор через Терскей Алатау, по которому давно уже никто не ездил. Если нам это удастся, то мы спустимся в котловину почти в срединной части южного побережья, сэкономив себе часть пути и проехав по новым для нас местам высокогорий. По карте Мюллера выяснили, что хребет между Кичи-Нарыном и Нарыном, который сейчас перед нами, называется Джетим! Ещё одну интересную деталь подметил я на обратном пути: в долине Кичи-Нарына шири-

Рис. 163. Наши кормилицы: В.И.Торопова, Наташа Голубцова и Анара Алымкулова. Июль 2005 г.

Рис. 164. Хольгер – бессменный «финанс-министр» в течение трёх последних экспедиций. Июль 2005 г.

ной около 400 м на высоте между 2500 и 2700 м есть участки посевов, маленький полуразрушенный посёлок, местами имеются отдельные усадьбы. Очень низкорослые посевы хлебов – всего 10-15 см! Но зато на лугу в долине Кичи-Нарына мы встретили 15 грачей (*Corvus frugilegus*) и около 20 скворцов (*Sturnus vulgaris*), а около старого кладбища – каменку-плясунью (*Oenanthe isabellina*).

У переезда на правый берег – хороший островок облепихи по руслу. Есть здесь и галечник, но небольшой, вряд ли он подойдет для серпоклюва. В 10 час проехали Карасаз, место нашего прежнего лагеря, и свернули направо, на речку Каракаман (приток Болгарта), а Кичи-Нарын остался справа, южнее. На дороге лежит мёртвый сурок (*Marmota baibacina*), взрослый, целый (да и машины здесь почти не ходят). Похоже, что умер своей смертью (сразу почему-то вспомнилась противочумная служба в горах...). Здесь же перепархивают его спутницы – каменки-плясуньи (*Oenanthe isabellina*).

Река Болгарт течёт в широкой зелёной долине – типичный ландшафт сыртов. Впереди какое-то маленькое село, а более крупное Арчалы осталось вправо. Дорога идет вдоль правого берега реки, а слева – небольшие пологие степные склоны, типа прилавков (только высота здесь 3000 м). Около моста через Болгарт, близ села, – индюки с индюшатами! Здесь же – кулички-перевозики (*Actitis hypoleucos*), маскированные (*Motacilla personata*) и желтоголовые (*Motacilla citreola calcarata*) трясогузки, а ещё – какие-то мелкие жаворонки *Calandrella* sp.

И вот в месте впадения р. Арчалы в Болгарт, всего в 1 км выше моста, с небольшого галечника с криком взлетает серпоклюв (*Ibidorhyncha struthersii*)! А через 300 м над речкой летит еще один серпоклюв – не исключено, что из той же пары. Наконец-то состоялась первая встреча! И небо уже не кажется таким хмурым и чёрным, хотя в 11³⁵ всё-таки пошел дождь... Дорога отклонилась от речки и среди этих холмистых сыртов нас сопровождают только группы снежных вьюрков (*Montifringilla nivalis*), одиночные рогатые жаворонки (*Erethophila alpestris*) и каменки-плясуньи (*Oenanthe isabellina*). Откуда-то взялась заблудшая ласточка-береговушка, очень уж бледная (*Riparia diluta*). А ещё очень

низко над лугом летают одиночные курганники (*Buteo rufinus*). Одного такого, несшего что-то в лапах, атаковали сразу 6 крупных воронов (*Corvus corax tibetanus*), и он выронил добычу. Однако все мои попытки снять это на видео через мокрое от дождя стекло остались безрезультатными, как и попытка рассмотреть взлетевшего с земли и скрывшегося за горой орла... А дождь всё усиливался.

В 12²⁰ дорога снова вышла к речке, уже перед выходом её из очередного ущелья. Мощная речка и галечниковые острова. Только это уже не Болгарт, а Джылуу-Суу, её приток. Здесь, на р. Джылуу-Суу, мы встретили вторую пару серпоклювов, примерно на 300-400 м выше предыдущего места (координаты: 41°50'13.5"с.ш. и 77°01'14.1"в.д., абс. высота 2 964 м). К сожалению, дождик так и продолжается, с перерывами. Сейчас, по-сути, въезжаем в ущелье, из которого вытекает Джылуу-Суу. Дорога поднялась на склон её правого берега, а речка с её галечниками осталась внизу. Очень красивые горы!

Перед самым въездом в ущелье мы сделали часовую экскурсию вдоль речки и по лугам. Первая птица, которую я здесь увидел, была краснобрюхая горихвостка (*Phoenicurus erythrogaster*) – яркий самец и молодой, ещё не линявший. Здесь же – пара перевозчиков (*Actitis hypoleucos*), бурая оляпка (*Cinclus pallasii*), несколько черноспинных желтоголовых трясогузок (*Motacilla calcarata*) и выводок маскированных (*Motacilla personata*). Рядышком, у самого входа в ущелье, – какое-то жилое сооружение (там, видимо, и вывелась маскированная трясогузка). А отошедший метров на 500 Маркус встретил ещё одного серпоклюва (41°51'38.2"с.ш., 77°02'04.2"в.д., 3 003 м над ур.м.). Это самая высокая встреча его за время наших поездок!

По свидетельству пассажиров первой машины, они видели под дождем очень много мелкой птицы по дороге (по-видимому, основную часть их как раз они и разогнали, так как мы видели меньше). А они говорят, что птиц этих были сотни! В основном – рогатый жаворонок, но были и мелкие жаворонки и какой-то крупный (полевой – *Alauda arvensis*?).

Проехав узкое ущелье, дорога снова вышла на широкий простор альпийских лугов, по которому продолжался пологий серпантин к перевалу. Замер координат показал, что здесь 41°56'34.7"с.ш. и 77°22'31.1"в.д., а высота 3 861 м.

Рис. 165. Река Болгарт – Джылуу-суу, 3000 м. 22 июля 2005 г.

Рис. 166. Спуск с перевала Тоссор. 22 июля 2005 г.

И это ещё не сам перевал, к нему около полукилометра слабого подъема, так что высота его и будет 3 900 м, как это указано на карте. Машины наши ползли с трудом и, чтобы облегчить им задачу, многие из нас пошли пешком. Повсюду нас сопровождали стаи по 40-50 альпийских галок (*Pyrhocorax graculus*), жемчужные вьюрки (*Leucosticte brandti*) и горные коньки (*Anthus spinoletta*). Перевала мы достигли к 17 час, а уже через полчаса начали спуск по северному склону, к Исык-Кулю.

Опять начался дождь и облака идут прямо по склонам и скалам. Дикая красота этого места не могла заглушить всё растущую тревогу: есть ли дорога дальше? Ведь никто из нас не знал – функционирует ли сейчас эта дорога, обозначенная на карте, составленной много лет назад. Достаточно было крупного обвала или оползня, чтобы перекрыть её надолго, если не навсегда... А возвращаться назад по этим дорогам, где на десятки километров нет никаких заправок, – утопия... Поэтому можно представить себе нашу радость, когда нас обогнали ГАЗ-66 и белая «Нива» – значит, дорога есть!!! Правда, в двух местах обвалы всё-таки сузили её до предела, но это уже были мелочи.

Интересно, что ледничок спускается здесь ниже перевала и наша дорога идет вдоль него (рис.166).

Место 4-го по счёту нашего лагеря – субальпийский луг с зарослями чия на дне безлесной долины. Лишь на склоне западной экспозиции – выходы скалок с густыми зарослями кустов спиреи, шиповника и жимолости Альтмана с красными ягодами. Фоновое растение этого луга – крупный цветущий эдельвейс высотой до 15-20 см. Птицы – типичные для таких мест, вот только выводки овсянок, которых я принял, было, за горных (*Emberiza cia*), вполне могли принадлежать к близкому виду – *Emberiza godlewskii*. Однако никаких доказательств этого у меня так и нет, к сожалению...

Уже в 9³⁰ мы выехали вниз, на Исык-Куль, который вскоре показался во всей своей красе. За всю дорогу – ни одной ёлочки, всё ущелье – совершенно открытое. Это та самая безлесная западная часть Терской Алатау, которую так хорошо описал Л.С. Степанян. К полудню спустились на трассу около с. Тосор и, повернув направо, пошли на восток. Погода хорошая – солнце и красивые облака. В этой части Терской Алатау – очень узкий пояс леса, но в отличие от ущелья Тосор восточнее он уже есть. Прилавки и нижняя половина склонов – рыжая глина, а узкая полоса леса занимает только верхнюю четверть склонов. Снега нет, он видимо на следующей, внутренней гряде хребта.

В первом же подходящем месте мы свернули к сверкающему на солнце всего в 1 км от трассы Исык-Кулю и полчаса купания смыли с нас вчерашние дорожные невзгоды. В селе Покровка – базар и обед. И дальнейший путь на восток. Сопровождали нас самые обычные птицы – деревенские ласточки (*Hirundo rustica*), удода (*Upupa epops*) пение чечевиц (*Carpodacus erythrinus*) в придорожных кустах, а также показавшиеся особенно яркими рыжехвостые самцы туркестанских сорокопутов (*Lanius phoenicuroides*).

К 18⁰⁰ мы достигли ущелья Ырдык, где лесником работает папа Наташи Голубцовой и живет её брат Михаил, как две капли воды похожий на сестру.

Это следующее ущелье за Жетыгузом, а восточнее его – уже Каракольское ущелье. Только здесь начинается ельник – гривами спускается со склонов, а между ними – посадки листовенных пород. Александр Юрьевич Голубцов принял нас, как родных, и отвёл хорошую полянку для устройства лагерного бивуака в нижней части склона (2032 м). Широкое ущелье Ырдык в верхней части разветвляется. По склонам кустарники, а с высоты 2050 м начинается ель. По руслу реки заросли ивы с облепихой, есть мирикария. Внизу склонов огромные кусты барбариса, высотой до 3-4 м, и густые перелески осины и березы – лесхозовские посадки.

Рис. 167. Долгожданный Иссык-Куль, 23 июля 2005 г.

Помимо обычных для лесного пояса птиц на экскурсии 24 июля мы встретили широкохвостку (*Cettia cetti*) и пару ополовников, или долгохвостых синиц (*Aegithalus caudatus*), которые только недавно впервые отмечены в Иссык-Кульской котловине. Здесь же, внутри густого куста барбариса, «чокала» камышевка с рыжеватым хвостом, похожая на садовую (*Acrocephalus dumetorum*). В еловом лесу, в 2-3 км над нашим лагерем, – типичный набор пеночек, синиц и горихвосток; большие горлицы (*Streptopelia orientalis*), седоголовые щеглы (*Carduelis caniceps*), красношапочные вьюрки (*Serinus pusillus*), желтоголовые корольки (*Regulus regulus*) и серые славки (*Sylvia communis*).

Очень интересные сведения рассказал мне встретившийся в лесу Александр Юрьевич Голубцов. В мае 2004 г. он нашёл самку вальдшнепа (*Scolopax rusticola*), сидевшую на кладке из 4 яиц в траве среди посадок березы. Кроме того, он не раз встречал вальдшнепа во все сезоны года – вплоть до декабря. По его словам, фазан (*Phasianus colchicus*) гнездится в этом ущелье вплоть до ельников и даже среди них – гораздо выше 2000 м (не раз находил гнезда с яйцами и птенцов). В прошлом году насчитывал до 40 самцов, а самок и не считал. Оказывается, он не лесник, а егерь охотхозяйства, которое относится к охотобществу. Говорит, что численность тетерева (*Lyrurus tetrix*) в их охотхозяйстве в последние годы растёт и сейчас их уже много (а он всё ещё числится в Красной книге Киргизии). Конечно, здесь можно заподозрить и личную заинтересованность егеря в открытии охоты, о чём он и заявил прямо: «Можно открывать охоту, потому что добыть его не так-то легко, истребить же невозможно».

Перед вечером моё внимание привлёк массовый лет муравьев. Особенно интересно было наблюдать, как увлечённо охотилась за этой мелюзгой такая крупная птица как сорока (*Pica pica*). Она склёвывала их с травы, бегая и вприпрыжку, пыталась ловить в воздухе. Я даже снял на видео небольшой сюжет

Рис. 168. Наши водители - Александр Иванович и Павел Андреевич

этой охоты. Ездивший с энтомологами наверх Маркус встретил там орла-карлика (*Hieraetus pennatus*), кедровку (*Nucifraga caryocatactes*) и видел дупла трёхпалого дятла (*Picoides tridactylus*).

Половину следующего дня, 25 июля, нам пришлось провести в городе Каракол около погранотряда – бдительные погранцы всегда найдут, к чему придраться. Только в 15³⁰ закончив обед и заправив машины на выезде из города, через село

Теплоключенка мы отправились на восток. В селе Керегеташ цветёт картошка и сафлор – что-то поздноватое! По телефону передали, что по Иньльчеку уже неделю назад прошло половодье с озера Мерцбахера и повредило мост через реку, сейчас его чинят. Новость для нас неприятная – мы ведь направляемся в Иньльчек! Но планов менять не стали.

Поработав часок в широченной – несколько километров – и живописной пойме Джергалана, близ с. Раздольное (сейчас – с. Камчибек), мы направились в Тургень Аксу по уже знакомой дороге и разбили очередной лагерь выше леса – примерно там же, где и четыре года назад. В этот раз мне повезло здесь на серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii*): утром взрослую и молодую птицу удалось встретить прямо против нашего лагеря, на узкой полоске галечника без островков среди кочковатого сырого луга с манжеткой, цветущей горечавкой и мелкопестником. Серпоклюв начал окриковать Наташу, которая оказалась в 30 м от уже лётного птенца. Эту картину мне удалось даже заснять на видео: сначала – улетающего молодого, а потом – «атаку» взрослой птицы. Ещё одну пару серпоклювов видел Маркус выше лагеря, в 1 км! Там же он встретил дербника (*Falco columbarius*).

Начав в 11 час подъём на перевал, мы встретили по пути почти всех интересных птиц высокогорья: гималайских (*Leucosticte nemoricola*) и жемчужных (*Leucosticte brandti*) вьюрков, краснобрюхую горихвостку (*Phoenicurus erythrogaster*), альпийскую завирушку (*Prunella collaris*). И в 12⁴⁵ были уже на перевале Чон-Ашу (3 822 м), где нас встретил сильный ветер и два мотоциклиста (!). На спуске – два пятна снега, окрашенные в киноварно-красный цвет. Это явление, впервые описанное в XIX веке, вызывают одноклеточные жгутиконосцы (*Sarcomastigophora*), стоящие как бы на грани двух миров – растительного и животного: от первых они унаследовали тип питания – фотосинтез, а от вторых – подвижность при помощи жгутиков. В высокогорье снег окрашивают сфереллы и некоторые эвглены; красный цвет их пигмента – своего рода «загар», или светофильтр, поглощающий ультрафиолетовые лучи, которых высоко в горах всегда избыток...

Сразу же за перевалом – речка Оттук, приток Сарыджаза. В её верхней части, на высоте 2844 м, хоть и была всего лишь середина дня, мы разбили очередной лагерь № 7, чтобы хоть немного поработать здесь – полдня сегодня и завтра утром.

Это глубокое ущелье, идущее с запада на восток до слияния с р. Сарыджаз. Наверху мощные отвесные скалы, а нижняя половина склонов – крутые травянистые откосы, местами они поросли караганой колючей (*Caragana jubata*). Людей здесь почти нет – только заброшенные кошары. До места впадения Оттуда в Сарыджаз от лагеря 1-2 км.

Среди столь характерных для открытых пространств высокогорья каменинок (*Oenanthe oenanthe*), горных коньков (*Anthus spinoletta*), горных трясогузок (*Motacilla cinerea*), индийских пеночек (*Phylloscopus griseolus*), городских (*Delichon urbica*) и скалистых (*Ptyonoprogne rupestris*) ласточек странно было встретить с кормом пару зелёных пеночек (*Phylloscopus viridanus*), которые явно кормили здесь птенцов! В пределах видимости не было никакого леса и даже кустарника, если не считать караганы колючей на склонах. Да и для кулика-перевозчика (*Actitis hypoleucos*) было высокогато, а их я встретил 4 штуки.

Утром следующего дня в месте слияния Оттука и Сарыджаза мы встретили первого скалистого голубя (*Columba rupestris*), а вскоре, в устье следующего притока Сарыджаза – Куйлю (помощнее, чем Оттук), на скалах высотой около 100 м увидели целую колонию их из 20-25 пар. У этого голубя чёткие полевые признаки: чёрная концевая полоса на хвосте, а перед ней такая же широкая белая. Вообще белое в оперении этой птицы сразу бросается в глаза.

В 12¹⁵ подъехали к мосту через Иныльчек. Мост действительно подмыт с нашей стороны, промоина шириной не менее 2 м. Лежат швеллеры для проезда машин, работает кран. Ждали, пока нас пропустят, часа два, а не дождавшись, поехали на УАЗ'ике искать начальника заставы, который купается в горячем источнике на берегу Сарыджаза, ниже слияния с Иныльчком – километрах в 3-4 от моста. Здесь уже Сарыджаз развернулся прямо на юг, в Китай, где видны мощные снежные вершины. Начальник вернулся с нами к мосту и пропустил, но предупредил, что всего на одни сутки! Пришлось благодарить и за это...

Рис. 169. Реки Срыджаз (на переднем плане) и Иныльчек (на заднем плане) перед слиянием

Рис. 170. Мост через Иныльчек, размытый летним паводком, 27 июля 2006 г.

Пока ездили за начальником, удалось хоть одним глазком посмотреть место слияния Иньльчека с Сарыджазом. Из птиц видели обеих каменок (*Oenanthe isabellina*, *Oenanthe oenanthe*), пустельгу (*Cerchneis tinnunculus*), индийских пеночек (*Phylloscopus griseolus*), довольно много стрижей (*Apus apus*). В одном месте слышали сипловатые голоса пролетающих горных чечёток (*Acanthis flavirostris*), а почти на окраине развалин рудника встретили малого жаворонка (*Calandrella sp. – cinerea? acutirostris?*), а вскоре – ещё двух, очень похожих на него (к сожалению, рассмотреть из машины не было возможности).

В советское время это был богатейший оловянный комбинат, а сейчас – развалины. Долина Иньльчека (шириной до 1 км) здесь ориентирована с востока на запад. Склоны южной экспозиции полностью голые, без леса. Северные склоны до уровня «Мойдодыра» (принятое здесь название заставы Май Адыр) тоже без леса, только потом он появляется узкой полосой, а у места нашего лагеря это уже достаточно хорошо выраженный лесной пояс. Только начинается он довольно высоко – не менее 100 м выше дна долины.

Лагерь мы разбили в открытой пойме с широким галечником и молодыми берёзками под обрывом – почти в том же месте, что и пять лет назад. Постановку палаток на время прервал сильный, но кратковременный дождь, после которого на небе появилась красивая двойная радуга – «Regenbogen», как радостно восклицали наши немцы, фотографируя её.

Утром 28 июля часть людей на одной машине уехала вверх, к Грибковым, где мы уже были 5 лет назад, а я отправился экскурсировать по северному склону. В ельнике были многочисленны сороки (*Pica pica*), обычные выводки тусклых зарничек (*Phylloscopus humei*) и зелёных пеночек (*Phylloscopus viridanus*), красноспинные горихвостки (*Phoenicurus erythronotus*) и чернушки (*Phoenicurus ochruros*); слышались голоса чечевиц (*Carpodacus erythrinus*), кедровок (*Nucifraga caryocatactes*) и клушиц (*Pyrhocorax pyrrhocorax*). Самой интересной для меня была встреча дербника (*Falco columbarius*), кормившего молодого. У молодого, ожидавшего корма на верхушке ёлки, верх сизый (светло-серый), низ охристый, а щёки белые. На конце рулевых черная полоса и средняя пара черная, остальная часть хвоста, когда он распушен, кажется белой. Голос – отрывочное «цып»... «цып», постепенно переходящее в частые высокие звуки «цицицици». Забравшийся выше леса Маркус встретил два выводка кекликов (*Alectoris chukar*), самку рыжехвостого сорокопута (*Lanius isabellinus*), московку (*Parus ater*), джунгарскую гаичку (*Parus songarus*) и выводок расписных синичек (*Leptopoeile sophiae*). Кроме того, в небе патрулировали два кумая (*Gyps himalayensis*) и в разных местах – 4 беркута (*Aquila chrysaetus*). Запомнилась мне также удивительная карликовая эфедра, сплошным ковром растущая в каменистой пойме Иньльчека, красные ягоды её лежат прямо на земле.

В 13³⁰ мы выехали обратно, решив следующую стоянку сделать на Куйлю. Через час были на заставе Мойдодыр (наш лагерь оказался в 28 км выше). На мосту новая проблема: убрали швеллеры, чтобы не мешали самосвалам засыпать в промоину гальку и щебень. Пришлось вручную их ставить самим,

на что ушёл почти час – вместе с уговорами, чтобы нам разрешили это сделать. Только в 15⁵⁰ переехали мост. В ущелье Куйлю дорога идёт сначала по террасе правого борта (северной экспозиции), по луговым местам, с мочажинами у нижней границы ельников, где в любом месте можно было забуксовать. А крутой противоположный склон, южной экспозиции, – открытый, голый. По пути нас сопровождали каменки (*Oenanthe oenanthe*) и чёрные вороны (*Corvus corone orientalis*) и лишь в одном месте – полевой жаворонок (*Alauda arvensis*) – первый за последние дни. А в конце пути на сыром осоковом лугу кормились около сотни грачей (*Corvus frugilegus*). Здесь нам и пришлось стать лагерем – дальше проезда не было. Абсолютная высота 2 799 м над уровнем моря, координаты: 42°12'38.5"с.ш. и 79°01'19.4"в.д. Поставили палатки за полчаса до захода солнца, с уходом его за гору в 19⁵⁰ стало очень свежо!!!

Ущелье ориентировано с запада на восток. Левобережный южный склон безлесный, скалы только наверху, а внизу 10-метровый обрыв к реке. Правобережный северный склон покрыт лесом в нижней половине, а верхняя – это мощные скалы. Дно – обширный луг, ближе к лесу сырой, а к реке – сухой, переходящий в степь с массой пармелии. Есть карликовая эфедра, как на Иньльчеке. Русло реки в этом месте меандрирует и создало галечник шириной 100-300 метров, местами с островками.

Утром я, прежде всего, отправился на экскурсию в ельник северного склона. Нижняя граница этого леса примерно на 100 м выше нашего лагеря, т.е. около 2 900 м. Перед ней полосу около 100 м занимает болотистый кочкарник с осоковой «подушкой», поросшей мелколистной кустарниковой ивой высотой 1-2 м. Как раз в ней и держатся пеночки обоих видов – скорее всего, молодняк. Ельник удивительный: густой, в него проникают кусты ивы и вездесущая *Caragana jubata*, которая образует среди елей и под их пологом целые заросли высотой до 2 м, а рядом – моховые участки, в основном на камнях. Непролазные чащи! И в них – выводок кедровок (*Nucifraga caryocatactes*): взрослая кормит летающего птенца, который периодически орёт, как сороки при ссоре (принял было за крик сороки!). Даёт ему по 4-5 порций. Еще 2 птенца просят корм здесь же, неподалеку. Я впервые видел выводок кедровок, интересно было

Рис. 171. Долина Сарыджаза близ устья Куйлю (вид на юг)

Рис. 172. В верховьях Куйлю, 29 июля 2005 г.

хоть немного понаблюдать за ними. Самой многочисленной здесь оказалась тускляя зарничка (*Phylloscopus humei*), часто также слышны были голоса зелёных пеночек (*Phylloscopus viridanus*), чечевиц (*Carpodacus erythrinus*) и клушиц (*Pyrhhorcorax pyrrhorcorax*); несколько раз в лесу пели черногорлая завирушка (*Prunella atrogularis*) и московка (*Parus ater*), а со скал сверху доносилась песня улара (*Tetraogallus himalayensis*). Бродивший неподалёку Маркус дополнил этот список красноспинной горихвосткой (*Phoenicurus erythronotus*), желтоголовой трясогузкой (*Motacilla citreola*) и какой-то камышевкой (*Acrocephalus*) или бормотушкой (*Hippolais*), которую он не успел толком рассмотреть.

Однако, поскольку времени оставалось в обрез (выезд дальше был назначен на полдень), мне пришлось с большим сожалением оставить это интересное место и поспешить к речке, где на галечнике я надеялся встретить серпоклюва. Экскурсия по галечнику с 9⁰⁰ по 11⁰⁰ (ширина его в этом месте до 200 м, а ширина реки Куйлю 10-15 м) показала, что больше всего здесь кормящихся клушиц (*Pyrhhorcorax pyrrhorcorax*) я насчитал 6 пар и группу из 6 птиц (также, видимо, 3 пары). Здесь же встречена пара чёрных ворон (*Corvus corone*), перевозчик (*Actitis hypoleucos*), маскированная трясогузка (*Motacilla personata*) с кормом у обрывистого берега близ домика чабана и пара каменок-плясуний (*Oenanthe isabellina*) около сурчиной норы. Здесь же – выводок из 5 желтоголовых трясогузок (*Motacilla citreola*). Это явно не *calcarata*, так как у самца чёрный только зашеек, остальная часть спины серая. Здесь же – явный самец, с ярко-жёлтой головой и совсем без чёрного, или оно не заметно – настолько узкое! Однако здесь же встречены ещё 2 самца, оба с полностью чёрной спиной – явные *calcarata*!!! Такая мешанина двух подвидов (которые считаются даже видами) весьма интересна. И только серпоклюва я так и не увидел, хотя его встречали когда-то именно в ущелье Куйлю!!! Возможно, причина была в недавнем половодье, сделавшем воду в речке очень мутной, не пригодной для питья – оляпки, например, в такой воде кормиться не могут...

Тронувшись в 12⁰⁰ в обратный путь, мы почти час преодолевали 9 км плохой дороги до Сарыджаза, а затем по его по правому берегу пошли вверх, в сторону устья Оттука. Здесь интересно было наблюдать, как вели себя рыбки в месте слияния чистой воды Оттука и грязной воды Сарыджаза: они держались на грани этих вод. Миновав это слияние, мы пошли дальше вверх по Сарыджазу, надеясь выбраться в его верховья – на сырты. Выше 2 900 м дорога выкабалась наверх, на выровненное плато, это явно сырты. Здесь, напротив левого бережного притока реки Сарыджаз (Талды) мы сфотографировались всем составом на ослепительном фоне горной цепи Сарыджаза и после лёгкого ланча выехали на выровненные сыртовые пространства. Теперь всё время справа, далеко за речкой Сарыджаз мы могли созерцать красивейшую панораму хребта Сарыджаз. Сырты покрыты сплошным ковром пожухлой от еженощных заморозков травы – низкорослых осок (*Carex* sp.), горечавок (*Gentiana* sp.) и каких-то мелких злаков.

В 15⁴⁰ впереди показалась вышка заставы Эчкили-таш, до которой от устья Куйлю мы прошли всего 32 км, а от устья Оттука – около 27-28 км. На юге

от нас господствует красивый снежный хребет Сарыджаз, а Терской-Алатау сошел на-нет и находится левее, севернее нас, в виде небольших скалок, в которых гнездятся скалистые голуби. Час ожидания паспортов – и выезд дальше на восток. На заставе (2 974 м) живут маскированные трясогузки (*Motacilla personata*) и скалистые голуби (*Columba rupestris*), а также каменки – плясунья (*Oenanthe isabellina*) и обыкновенная (*Oenanthe oenanthe*).

Рис. 173. Верховья р. Сарыджаз – высшая точка встречи серпоклова (3020 м). 30 июля 2005 г.

Над склоном играют в воздухе 2 крупных тёмных канюка, скорее всего *Buteo hemilasius*.

Оформляя документы на заставе, мы пытались выяснить – можно ли из Сарыджаза, не возвращаясь, попасть в Каркару, т.е. уже на границу с Казахстаном. Офицер Улан сказал, что на Каркару проехать можно, только там в одном месте вода (болото), а в другом придется лопаткой поработать. При этом он отметил на карте место, откуда по утрам бывает виден Хан Тенгри! По его словам, абсолютная высота заставы – 3020 м.

Через 10 км мы разбили лагерь № 10 (42°23'53" с.ш., 79°28'25" в.д., выс. 3 028 м) на краю поймы. Широкая галечниковая долина реки Сарыджаз среди сыртовых пространств с преобладанием осоки а на спуске к реке – островки мелкого высокогорного ковыля. Есть мятлик, мелкая ромашка. Высота травостоя всего 10-15 см, но всё это сплошной ковер-подушка! На юге – панорама снежных вершин хребта Сарыджаз. Сбылась давняя моя мечта – увидеть своими глазами знаменитую панораму и столь же известные сырты!

Вопреки ожиданиям, эта ночь на сыртах была не очень холодной, без ветра, а утром 30 июля на палатках и траве – обильная роса. Птиц вокруг очень мало: одна плясунья (*Oenanthe isabellina*) около норы сурка (*Marmota baibacina*), которых здесь много; пара перевозчиков (*Actitis hypoleucos*) на берегу; три пролетевших с тихой трелькой на галечник монгольских зуйка (*Charadrius mongolus*) да голос горного конька (*Anthus spinoletta*) – вот и всё за час утренней экскурсии в районе лагеря!

В самом деле, это холодная пустыня Тянь-Шаня, как её называл Даниил Николаевич Кашкаров (1934). Погода стояла своеобразная: при абсолютном штиле – полная тишина и какая-то мгла. Интересно, что эта подмороженная, хрустящая под ногами осоковая «подушка» вся исписана тропинками сурков, ведущими от одной норы к другой. И голоса слышны только их да кормящихся небольшими стайками рогатых жаворонков, или рюмов (*Eremophila alpestris*). Правда, наш неутомимый ходок Маркус умудрился в 1 км ниже лагеря, в месте,

где в речку впадает чистый ручеек из родника, встретить-таки одного серпоклюва (*Ibidorhynchus struthersii*). Однако наша с Валентиной Исмаиловой экскурсия в это место, предпринятая через час, не дала желаемого результата: здесь кормился только один монгольский зуёк (*Charadrius mongolus*), которого мне удалось снять на видео.

Не без сожаления оставили мы это интересное место в 11⁰⁰ и направились искать дорогу на перевал в Каркару. Солнце сквозь мглу, но при полном штиле, пригревало хорошо – становилось даже жарко. Вернувшись на 1 км (на карте там обозначена какая-то пещера), мы стали подниматься на склон мимо будочки, от которой должен быть виден пик Хан Тенгри. Интересно, что на подъеме растительность стала выше за счёт какого-то дикого ячменя (*Hordeum* sp.) или тонконога (*Koeleria* sp.) высотой до 20-30 см. К сожалению, в 11²⁰ пошел дождик, и нам не удалось увидеть Хан-Тенгри. С другой точки, уже почти на уровне перевала (3 221 м), мы увидели пик Фритьофа Нансена (только его основание!). Это по-сути перевал так растянулся – около километра почти горизонтальная дорога по уплощённой поверхности хребта, покрытой сыртами. Здесь нередки коньки – лесной (*Anthus trivialis*) и горный (*Anthus spinoletta*), а в небе виден чёрный гриф (*Aegypius monachus*) и в двух местах – типичные курганники (*Buteo rufinus*), светлоголовые, со светлыми хвостами.

Самого перевала, в обычном понимании этого слова, мы так и не заметили. Просто после длительного пути по практически горизонтальной сыртовой равнине с высоты 3 356 м (координаты: 42°24'16.1" с.ш. и 79°24'26.3" в.д.) начался спуск. Перед этим местом мы сделали часовую остановку для сбора материала около небольшого временного озера. Здесь – стадо яков, массовое цветение белой «горечавки» и других оригинальных цветков; в воде растёт оригинальное, напоминающее рис растение, которое Ульф Хауке назвал как *Hepures* sp., а из птиц – всё те же коньки, рогатые жаворонки и курганники.

В 13³⁰ начали спуск прямо в ущелье – узкое, но открытое, с небольшими скалками, но без леса и даже без кустарников в самом начале. По дну – небольшой ручеек. Здесь в массе цветет герань и котовник (*Nepeta* sp.). А чуть ниже началась *Caragana jubata* и небольшие осыпи. Дорога местами отвратительная, и я не раз гнал от себя мысль: «А что, если по ней вдруг придётся возвращаться?». Из встреченных по пути птиц наиболее интересен был бородач (*Gypaetus barbatus*), а гималайские вьюрки попались на склоне стаей более 50 особей. К 14 час спустились уже метров на 500, а вокруг всё такие же луга, много цветущего *Aconitum* sp., но ни деревьев, ни даже приличных кустарников нет. Дно ущелья расширилось до 150-200 м и покрыто сырым кочковатым лугом. Дальше долина еще более расширилась, а на кочкарниковом дне появились больше мокрых мест. В одном месте наши машины прошли с трудом, в другом пришлось их выталкивать. Направление долины – прямо на север, а экспозиция склонов восточная и западная; они голые, без леса – да и без скал почти. Ниже появились стелющиеся арчевники вместе со скалами.

Здесь я поймал себя на том, что это место очень похоже на то, куда мы доехали в 1994 году с Борисом Губиным снизу по Каркаре! Но тогда мы с ним

и понятия не имели – куда дальше ведёт эта дорога. Догадка моя впоследствии подтвердилась. В 14⁵⁵ появился первый маленький галечник среди сплошных лугов.

Всё время грозившийся пойти дождь наконец-то начался. И тут я прямо из машины увидел серпоклювов (*Ibidorhyncha struthersii*): взрослая и молодая птицы кормились под дождем на ручье среди луга, совсем недалеко от машины, которую я тут же остановил и начал видеосъёмку. Наши немцы зашевелились и стали доставать из рюкзаков свои фотоаппараты – каждому хочется сфотографировать такую птицу вблизи! В результате этой возни машина ходила ходуном, и мне трудно было поймать птиц в объектив – сколько я ни просил хоть немного потерпеть... Но несколько минут, которые подарила нам эта семья, были достаточны, чтобы вдоволь налюбоваться самими птицами и их приёмами добывания пищи. После окончания съёмки я вышел и вспугнул молодого – он нормально полетел! Это место оказалось всего в 1-1.5 км от будущего нашего лагеря № 11.

Лагерь этот оказался вынужденным: в одном узком месте оползень со склона всё-таки сделал нашу дорогу непроезжей! Пришлось браться за лопаты и потратить часа три на расчистку дороги в трёх местах. Когда мы кое-как преодолели это препятствие, уже был вечер, 17³⁰, и надо было разбивать лагерь, тем более, что рядом оказалась подходящее для него площадка (Lagerplatz), а впереди зиял вход в узкое ущелье (я его хорошо помнил по 1994 году!). Координаты нашего лагеря: 42°36'16.6" с.ш. и 79°18'57.3" в.д.; высота 2 571 м, а всего за день мы с трудом одолели 31 км.

Сориентировавшись по карте, мы выяснили, что находимся на берегу одного из истоков Каркары, который называется Турык, а противоположная сторона ущелья – уже территория Казахстана (граница здесь идёт по речке!). Речка течет на север. Склон западной экспозиции покрыт стелющейся арчой с редкими елями и «украшен» огромным обвалом как раз против нашего лагеря. Склон восточной экспозиции (левобережный) также покрыт арчой и группами елей. И то и другое спускается до дна ущелья, ширина которого 100-150 м. Ширина речки 10 м. Везде юрты, чабаны (лошади, овцы). Здесь мы решили сделать днёвку, т.е. провести весь день и две ночи.

Наутро выяснилось, что кроме арчовых зарослей здесь много лиственных кустарников а также – вездесущая *Caragana jubata*. Особенно много кустарниковой ивы, которая вместе с караганой идет до самой верхней границы леса. Просто удивительно! Фауна птиц была примерно такой же, как в Заилийском Алатау, но встречи некоторых птиц для меня оказались интересными. Отправившись вверх по речке, я не доходя 3-4 км до места вчерашней встречи серпоклюва встретил ещё двух – как раз в том месте, где мы вчера начали ремонт дороги (300 м ниже моста). Сначала на галечник прилетел молодой серпоклюв и стал кормиться. Вскоре сверху с криком прилетел взрослый и, сев, стал окрикивать работающего в 30 м от этого места Вернера. А через час в этом же месте взрослый серпоклюв атаковал нас с Анни, после чего сел на полузаросший галечник и залег, как на гнезде!!! Анни издали сделала два снимка. Это тот же галечник, где было гнездо в 1994 году! Только тогда мы не знали, что это

Турьк, а называли просто Каркара. Интересной была и встреча двух молодых канюков (*Buteo buteo*) – тёмных, только хвосты белые с рыжиной. С криком они прилетели и сели на склон рядом. При этом второй сел прямо на первого, при столкновении они подняли крылья с характерными белыми подмышками. Ещё несколько раз насакивали друг на друга, потом успокоились и сидели рядом, время от времени «канюча». Вездесущий Маркус над вершиной восточного склона видел двух молодых полевых луней (*Circus cyaneus*), что позволяло предположить, что они также здесь вывелись.

Любопытный разговор получился с чабаном. По его словам, ущелье называется Каратурук, а впадающий в него справа ручей – Кызылтор. Стоящие там два дома под красной крышей – это база какого-то казахского министра, он там зимой охотится и не пускает туда киргизских баранов. И вообще раньше по Каратуруку шла граница между Киргизией и Казахстаном. Оказывается, она проходит здесь и сейчас!!!

Наконец, вечером мне удалось провести интересные наблюдения за семьёй жуланов, предположительно кашгарских (*Lanius isabellinus isabellinus*), на худой конец – гибридных с туркестанскими (*Lanius phoenicuroides*). Семья держалась в арчевнике с караганой в долине речки, недалеко от нашего лагеря. Молодые уже хорошо летали, но хвосты ещё короткие, а низ темнее, чем у взрослых, у которых самец и самка окрашены одинаково: верх однотонный светлый (типично для *isabellinus*), голова окрашена так же, как и спина, лишь немного заметен более охристый налет. Уздечка узкая, неяркая. Низ практически белый, только на боках у хвоста – охристые подпалины. На крыле, которое одного цвета со спиной, – узкая белая полоска. Хвост в сложенном виде кажется одного цвета со спиной, а на лету, когда он распущен, – рыжий. Маркус видел жуланов ещё в трёх местах, и все они такие бледные, с однотонным верхом (спина и голова). Интересная песня в этом месте, не один раз ее слышал: «рррри-фиу». После напористого первого слога следует тихий второй, очень напоминающий кусок песни синей птицы (точнее – её концовку). Мне кажется, что похожую песню слышали мы как-то с Олегом Беляловым на Сорбулаке в марте от пролётного *Lanius isabellinus*.

Перед закатом удалось наблюдать за охотой курганника (*Buteo rufinus*): он висел над обрывом, как пустельга, на одном месте, но крылья держал неподвижно. Опущенная вниз голова светло-жёлтая, распущенный хвост – светло-охристый, с узкой тёмной оторочкой на конце. Потом он сложил крылья, почти как сокол, и круто спикировал на склон...

Утром 1 августа мы продолжили путь вниз по Каркаре и через перевал Санташ – в Иссык-Кульскую котловину. Вскоре после лагеря дорога вошла в ущелье со скалами и лесными склонами (именно здесь мы поднимались в 1994 г. с Губиным). Здесь прекрасный густой ельник. Дальше ущелье немного расширяется и среди елового леса довольно много рябины – как в Заилийском Алатау. Это царство двух видов пеночек – зелёной (*Phylloscopus trochiloides viridanus*) и тусклой зарнички (*Phylloscopus inornatus humei*), кроме которых часто видны и слышны москочки (*Parus ater*), чечевицы (*Carpodacus erythrinus*) и седоголо-

вые горихвостки (*Phoenicurus caeruleocephalus*). Здесь же мы встретили двух кедровок (*Nucifraga caryocatactes*) и настоящего тёмного сарыча (*Buteo buteo*). Спускаясь пешком, чтобы больше посмотреть птиц, я на противоположном берегу реки увидел альплагерь «Хан Тенгри», к нему как раз прилетел с гор вертолёт. Здесь ущелье превращается в широкую (до 1 км) долину, на левом (нашем) берегу какое-то селение, а к альплагерю идет дорога через хороший мост. Однако заезжать времени у нас уже не было.

В 11⁻³⁰ перевал Санташ. Это маленький пологий перевальчик из Каркары в Тюп. Начали спускаться к Тюпу и остановились на полчаса около озера Санташ среди посеков слева от дороги. Это маленькое, вытянутое в длину до полутора километров при ширине не более 100 м озерко с открытыми берегами и с массой птицы на нём. К сожалению, от дороги это озеро отгорожено каналом, который построен в 1988 г., когда собирались перебросить воду из Каркары в Иссык-Куль (помнится, много шума было!). Теперь эта непреодолимая преграда шириной около 10 м не дала нам возможности подъехать к воде ближе. А у юго-восточной оконечности озерка – каменная гора Чингисхана, которую он создал, когда каждый воин положил в кучу один окатанный бульжник, а на обратном пути забрал свой. То, что осталось, означало число погибших. Красивая легенда, впечатляет!

Вот что нам удалось рассмотреть на воде издалека: много уток, в основном крякв (*Anas platyrhynchos*), более сотни лысух (*Fulica atra*), с десятков речных крачек (*Sterna hirundo*), несколько черношейных поганок (*Podiceps nigricollis*), две голубых чернети (*Aythya ferina*), четыре серых цапли (*Ardea cinerea*) и летающие ласточки-береговушки (*Riparia riparia*). На другой остановке к перечисленным птицам добавились довольно много чирков-трескунков (*Anas querquedula*), которых рассмотрел подошедший ближе Маркус; он же видел одну хохлатую чернеть (*Aythya fuligula*).

На спуске с перевала Санташ справа от дороги – пологие склоны восточной оконечности Кунгей-Алатау, совершенно безлесные, покрытые луговой растительностью. На проводах у дороги увидели диковинную птицу – скворца, окрашенного в однотонный бурый цвет (как бурая оляпка!). На экологическом посту биосферной территории «Ысык-Кёл», который называется «Каркыра», пришлось простоять на жаре целый час – меняли колёса в Фольксвагене. В селе Санташ, в 30 км от Тюпа, начался асфальт, от которого за последнюю неделю мы успели отвыкнуть. И, наконец, в 14⁻⁵⁵ село Тюп – базар, обед!

Дальнейший наш путь на запад пролегал по северному берегу Иссык-Куля через сёла: Балбай, Курменту, Фрунзе, Кудургу, Ойбулак, Ойтал, Кичи Орукту, Чон Орукту, Орукту. Здесь подножье гор Кунгей-Алатау всего 0.5 км от трассы, озеро – чуть дальше. А около последнего села холмы-прилавки всего в 100 м от шоссе, озеро – в 300 м слева, а узкая перемычка между горами и озером занята лугами и зарослями облепихи. В 17⁻⁴⁰ приехали в Ананьево, где находится контора Иссык-Кульского заповедника и живет В.М. Кулагин. Нашли его дом и в 18⁻⁰⁰ выехали в его сопровождении на запад, в сторону Реабилитационного центра (Центр Реабилитации Диких Животных). По трассе

Рис. 174. Барс в Центре реабилитации. Иссык-Куль, 2 августа 2005 г.

проехали на запад 10 км, а потом свернули в горы – и ещё несколько километров, через посевы и другие возделанные поля. Здесь, в ур. Сасыбулак, по словам В.М. Кулагина, названном так по наличию источников сероводорода, воду из которых не пьют скот, и находится ЦРДЖ – Центр реабилитации диких животных, который основан Торстеном Хардером и В.И. Тороповой на средствах НАБУ, а возглавляет его с первого дня Виктор Михайлович Кулагин. Здесь, в 20 м от с. Ананьево, разбили мы свой лагерь № 12 на пологом открытом склоне южной экспозиции (2 050 м н.у.м.),

с которого открывается широкая панорама на озеро Иссык-Куль и как бы нависающую над ним зубчатую корону хребта Терской-Алатау, который в последнее время ценители языка пытаются называть «Тескей Алатау». Из обильных рассказов Виктора Михайловича, речь которого течёт плавно и почти без перерывов, мне запомнилось, что розовые скворцы (*Pastor roseus*) едят пчёл в массе, причем ловят их на лету, а каменки-плясуньи (*Oenanthe isabellina*) делают это, поджидая их у летка улья; т.е. обе птицы используют приёмы золотистой шурки. Обе новости были для меня открытием.

На следующий день, после знакомства с Центром, представляющим собой несколько гектар огороженного металлической сеткой горного склона с куртинами кустарников и камнями, где находились два молодых снежных барса (*Uncia uncia*), мы отправились на запад с намерением поработать день-другой на южном макросклоне хребта Кунгей Алатау.

Птицы в окрестностях Центра не представляли для меня особого интереса, кроме летающего орла-карлика (*Hieraeetus pennatus*), который, по словам Кулагина, был одним из двух выпущенных не так давно Центром. Неутомимый Маркус и здесь умудрился где-то встретить два выводка красноухих овсянок (*Emberiza cioides*). А мне особенно запомнился встреченный у выводка самец туркестанского жулана (*Lanius phoenicuroides*) – яркий, с тёмными крыльями; он очень резко отличался от того, за которым я наблюдал вчера на Каркаре (*isabellinus* или *phoenicuroides/isabellinus*).

Искушавшись в Ананьево, где мы расстались с гостеприимным Виктором Михайловичем, через село Семеновка отправились на реку Чон Аксу. В предгорьях – картошка, пшеница (уже убирают), эспарцет и другие посевы. В 14⁰⁰

мы были у шлагбаума на р. Кичи-Аксу. Это лесхоз, который сейчас превращают в национальный парк. И уже стали брать плату за въезд. Ущелье сначала довольно узкое, а потом расширяется в долину шириной до 300-400 м, и эта долина соединяется с соседней с запада долиной реки Чон-Аксу, в которую мы и направлялись сейчас. Много овец, юрт, причем юрты с самоварами – для приема гостей. Камешки побеленные, в одном месте даже асфальт проложен к дому. По руслу речки – заросли ив и барбариса. Обширнейшая долина (более километра в ширину!), покрытая зелёным лугом с кустарником по руслу, а по склону восточной экспозиции – густые лиственные леса (посадки?). Мы направились на запад, там подъем на перевал, у его подножья – надпись «Урочище Калыгула».

С перевала открылось на западе ущелье Чон-Аксу, с хорошими массивами еловых лесов до самого горизонта, а внизу, около мостика – погранпост! Оказывается, это граница с Казахстаном!!! Чудны дела твои, Господи! Дальше дорога пошла по лугам и хорошим ельникам вдоль правого берега Чон-Аксу (северный микросклон). Прекрасные леса! Крайняя точка, где мы остановились, находилась на высоте 2 436 м (координаты: 42°50'17.4" с.ш.; 77°21'38.3" в.д.). Здесь везде овцы и люди. Кроме чабанов – масса грибников, почти под каждой второй ёлкой – живут семьями или группами в палатках!...

Уже в 16 час мы стали лагерем № 13 в верховьях реки Чон-Аксу. Биотоп: правый берег, северный микросклон, река течет на восток. Старый моховый ельник с полянами, по руслу – заросли ивняка. Южный склон крутой, покрыт арчовым стлаником и лиственным кустарником. Есть небольшие осыпи и отдельные камни, но скал нет. Первая птица, которую мы увидели – бородач (*Gypaetus barbatus*).

Едва успели поставить палатки, как чёрное небо на западе разразилось громом и пошёл проливной дождь с грозой. Но в 17⁻³⁰ дождь закончился, и появилось солнце!!! Так вот откуда здесь грибы! Запешшие после дождя чечевицы (*Carpodacus erythrinus*) и зелёные пеночки (*Phylloscopus viridanus*) вместе со сверкающими капельками дождя на кончиках еловой хвои создавали полную иллюзию, что я дома, в Заилийском Алатау. Это усиливалось и всеми остальными встреченными птицами. Оставалось отдыхать.

Ночью снова был проливной дождь с грозой, а утро ясное, тихое и мокрое. Полным сюрпризом было увеличение нашего лагеря на две палатки: это ночью в дождь около нас поставили две палатки какие-то туристы из Алматы! Утренняя экскурсия по ельнику подтвердила полную идентичность орнитофауны с таковой в Заилийском Алатау. Жаль только, что эта экскурсия закончилась неожиданным «приключением»: при подъёме на небольшой крутой склон мне буквально заклинило спину (как говорят в таких случаях – «вступило»), да так, что я не мог ни согнуться, ни разогнуться, ни сесть, ни встать. Дико было ощущать свою полную беспомощность. Спасибо Азамату – мальчишке-подпаску, который случайно наткнулся на меня и помог кое-как добраться до дороги, да ещё дал палку, с помощью которой я и доковылял до лагеря. На этом мои наблюдения закончились. И даже когда я добрался

до палаток, проблема передвижения осталась до конца экспедиции. Выручала палка Пал Андреича, нашего водителя, которую он сделал специально для меня и при помощи которой я забирался даже в кабину машины.

А жизнь продолжалась: Маркус встретил на речке двух серпокловов, а немецкие туристы, гидом у которых был Сергей Кулагин (сын Виктора Михайловича) в этот день в высокогорье встретили двух больших чечевиц (*Carpodacus rubicilla*) – самца и самку, которых хорошо рассмотрели в трубу. Мне оставалось только завидовать и записывать...

Оставшиеся два дня обратного пути до Бишкека я редко покидал кабину, взирая на окружающий мир из её окон. А смотреть было на что, потому что обратно до трассы мы поехали по другому ущелью – Чон Аксу. Вскоре после погранцов и ответвления дороги на перевал (в Кичи Аксу) дорога уходит в довольно глубокое ущелье. По обоим склонам его – хороший еловый лес. Есть березовые посадки. А русло, шириной около 100 м, густо заросло мирикарией. Дальше эти заросли суживаются до 20 и даже 10 м. Средняя часть ущелья полностью забита людьми – кафе, гостевые юрты, шашлычни. Есть даже коттеджи красивые. Масса людей и лошадей. Прямо на улице висят на продажу шкура барсука, шкура лисы и т.д. Один пацан нес на руке коршуна, другой – канюка (видимо, выдают за ловчих птиц!). Кто-то тащит живого фазана. Словом, все пытаются делать деньги на ходу...

В селе Григорьевка (теперь – Темир айыл), вышли на трассу, повернули на запад. В полдень проехали местность Булана – так называемый «Пришиб», это место, где горы практически смыкаются с озером. За ним дорога резко уходит от берега, а горы – от дороги.

В 12 час проехали село Бозтери, где раньше был пансионат Казахской Академии наук. Затем началась Чолпоната. Народа тьма, а где покушать – не нашли (шашлыка, по которому так соскучились наши гости, нигде нет). Напротив Долинки свернули направо и поднялись около 2 км к горам – здесь **музей наскальных рисунков** под открытым небом. Это несколько гектар большого наклонного поля (конус выноса), они покрыты почти равномерно крупными валунами (как «бараньи лбы»). Окатанные камни до 1 м в поперечнике и на них какие-то рисунки. И все это удовольствие – по 25 сомов с человека. Есть охранник и недалеко в домике – экскурсовод, который пришел и битый час водил наших по этому полю. Мне пришлось сидеть в машине с палкой Пал Андреича. Отъехали в 14⁰⁰ и поехали через сёла: Кара-Ой, Байет, Сары-Ой, Чон-Сары-Ой, Орнок. За Орноком свернули к берегу озера – купаться. Пасмурно, ветер холодный, большие волны. Я опять просидел в кабине с палкой Пал Андреича. Прекрасно виден Терской Алатау на той стороне озера. Цвет воды изумительный...

В сёлах к западу по трассе всё больше и больше чебачка продается на улицах. За посёлком Балыкчи (б. Рыбачье) сфотографировались около памятника Семенову Тянь-Шанскому. От этого места до Боомского ущелья – масса юрт со свежим кумысом, горным мёдом и рыбой – жареной и вяленой. Проезжая мимо моста через Чу, ведущего на перевал Долон, мы как бы замкнули кольцо нашего путешествия, начатое 17 июля. Последний лагерь разбили в излучине р. Чу

на правом берегу, против с. Быстровка – там, где мы уже дважды заканчивали свои Тянь-шаньские экспедиции.

Однако уже утром приняли решение – не ночевать последнюю ночь в городе, а провести её где-нибудь в предгорьях Киргизского Алатау недалеко от Бишкека. И дело было не только и не столько в присущей нашим гостям бережливости, сколько в желании продлить ещё наше общение. По предложению Анары и Александра Иваныча (второго нашего водителя), местом ночёвки избрали урочище Кенжар недалеко от Ново-Покровки. Решение оказалось далеко не лучшим. В самую жару мы очень долго поднимались в гору, добрались до предгорий и уткнулись в «Учебный центр войсковой части 73809». Всё, дальше проезда нет!!! Кое-как Анара договорилась, чтобы нас пропустили через эту войсковую часть. В 12 час забрались в расположенный над полигоном сухой отщелок, который называется Кенжар («широкий обрыв»). Здесь сухие крутые склоны, покрытые кустарником, и обрывы кругом! По дну – сухое глинистое русло без воды. Может быть, в мае здесь есть вода и зелень, но в августе делать нечего, хоть и Киргизский Алатау...

Пришлось поворачивать обратно и ночевать всё же в городе, на Волховской, 17. А вечером устроили прощальный ужин в одном из бишкекских кафе. Расставались тепло... Эта самая высокогорная из наших экспедиций, посвящённая в основном Центральному Тянь-Шаню, особенно памятна мне ещё и тем, что по отснятому мной материалу Виталий Мальцев (муж Лины, тележурналист) смонтировал 26-минутный видеофильм, который и сейчас, спустя годы, даёт возможность увидеть разные перипетии этой поездки и под прекрасную музыку (Ennio Morricone, Paul Mauriat, Vangelis) в мельчайших подробностях вспомнить настроение тех незабываемых дней...

2-й семинар по ключевым орнитологическим территориям (октябрь 2005)

Трёхдневный семинар под таким названием был организован Ассоциацией сохранения биоразнообразия Казахстана (АСБК) в рамках проекта по ключевым орнитологическим территориям. В его работе приняли участие более 20 человек, представлявших общественные организации Казахстана (Союз охраны птиц Казахстана, общество любителей птиц «Ремез»), республик Средней Азии, в частности Узбекское зоологическое общество, Туркменское общество охраны природы, Таджикское зоологическое общество, ОО НАБУ-Кыргызстан; а также представители международных организаций и общественных объединений из дальнего зарубежья – международный союз охраны птиц (BirdLife International), королевское общество защиты птиц, Великобритания (RSPB), Германское общество охраны природы (NABU), общество охраны природы Турции (Doga), общество охраны птиц Белоруссии (АПБ – «Ахова птушк Беларусі»).

В первый день семинара после вступительных речей от имени различных организаций и ознакомления с программой и целями семинара (М. Бромбахер, проектный координатор по КОТ в Центральной Азии) были заслушаны сообще-

ния: о роли секретариата BirdLife International в процессе инвентаризации КОТ (Линкольн Фишпул, координатор Глобальной программы КОТ) и краткий обзор последних изменений списка глобально угрожаемых видов птиц (С. Складенко). После этого начались отчеты о состоянии работ по КОТ в республиках: доклад по прогрессу инвентаризации КОТ в Казахстане (С. Складенко) и дополнительная презентация на тему «Ключевые орнитологические территории пустынной зоны Казахстана» (А. Ковшарь); доклад по инвентаризации в Таджикистане (И. Абдусаламов); доклад по инвентаризации в Туркменистане (Э. Рустамов). На второй день продолжены отчеты по республикам и проведено обсуждение этих отчетов. Затем с докладами об опыте инвентаризации КОТ в своих странах выступили Александр Козулин из Белоруссии и Туба Килич из Турции. А.Ф. Ковшарь и М. Бромбахер информировали участников о подготовке «Полевого определителя птиц Центральной Азии» (любопытная деталь – речь идет об уже упоминавшемся мною определителе птиц швейцарских авторов).

На третий день состоялось обсуждение предлагаемых дополнений к Красному списку птиц МСОП (IUCN) с оценкой видов, встречающихся на территории стран центральноазиатского региона: белоглазая чернеть (*Aythya nyroca*), стервятник (*Neophron percnopterus*), степной орел (*Aquila nipalensis*), степной лунь (*Circus macrourus*), степная тиркушка (*Glareola nordmanni*), большой веретенник (*Limosa limosa*), большой кроншнеп (*Numenius arquatus*), белокрылый жаворонок (*Melanocorypha leucoptera*), черный жаворонок (*Melanocorypha yeltoniensis*), синий каменный дрозд (*Monticola solitarius*). Было принято решение обратиться ко всем специалистам-орнитологам региона с просьбой поделиться своими сведениями и мнением по вопросу внесения в новый Красный список МСОП предложенных видов, с целью публикации этих данных и последующего представления результатов их анализа в МСОП и в BirdLifeInternational.

На четвертый день была предпринята экскурсия в национальный парк «Алтын-Эмель», во время которой участники семинара познакомились с каменной пустыней северного побережья Капчагайского водохранилища, знаменитым «Поющим барханом» и наблюдали в природной обстановке большое количество джейранов и куланов.

Один день в Венеции и семинар в Грайфсвальде (октябрь 2005)

А во второй половине октября в Грайфсвальдском университете (Германия) состоялся очередной семинар по результатам двух последних Тянь-шаньских экспедиций, организованный профессором Мюллером с учениками. На этот семинар с нашей стороны были приглашены участники экспедиции В.И. Торопова, Анара Алымкулова и я. Помимо небольшого доклада-презентации по орнитологическим результатам поездки я имел в этот раз возможность показать упомянутый 26-минутный видеофильм об экспедиции этого года. Именно он вызвал наибольшее оживление в зале, так как живо напомнил участникам об этой поездке, а у остальных появилось желание посмотреть Тянь-Шань (желающие поехать в следующем году тут же стали записываться у Герда Мюлле-

Рис. 175. С Фолькером Мейтцнером. Neu-Brandenburg, октябрь 2005 г.

Рис.176. Серебристая чайка (*Larus argentatus*) на Балтийском взморье

ра). Как и в прошлый раз, нас приглашали в гости в разные города и в первую очередь – в Neu-Brandenburg, куда нас увёз на своей машине Volker Meitzner.

Но самым запоминающимся было однодневное посещение Венеции, к которому мы начали готовиться ещё в экспедиции, договорившись с Хольгером Рингелем, что он всё выяснит и постарается заранее заказать билеты на поезд «Мюнхен – Венеция». Так он и сделал, прислав нам электронные билеты. Для гарантии мы прилетели в Мюнхен накануне отправления этого поезда. Авантюра заключалась в том, что нам предстояло почти сутки провести в этой столице Баварии, полуторамиллионном городе, в котором никто из нас троих (Валентина, Анара и я) никогда раньше не был и никаких знакомых здесь не имеет. Но искушение посмотреть Венецию победило страх: пусть даже нам придётся сутки побродить по городу, не найдя дешёвой гостиницы (как бродили мы когда-то по Риму с Борисом и Анатолием), зато завтра вечером поезд всё же увезёт нас в Венецию... Однако страхи оказались напрасными. Среди массы мелких частных гостиниц нашлась дешёвая, в которой двухместный номер стоил всего 50 евро и, что самое главное, – хозяин разрешил нам переночевать втроём и даже предложил на ночь раскладушку!

Как только эта главная проблема была решена, мы уже спокойно пошли знакомиться с городом. И даже польстились на концерт классической музыки, который *бесплатно* давал в малом зале консерватории Лондонский оркестр и какие-то молодые дарования – ученики маэстро с русской фамилией (саму фамилию я уже не помню). Впечатление от концерта, в котором исполнялись, в частности, произведения Вивальди, было довольно сильное, и в гостиницу вечерними улицами Мюнхена мы возвращались притихшие. До сих пор вспоминаются одухотворённые лица слушателей в зале консерватории...

Следующий день (поезд уходил только вечером) мы просто бродили по улицам и знакомились с архитектурой и достопримечательностями. С гостиницей мы распрощались сразу же после бесплатного завтрака и были вольными пти-

Рис. 177а и 177б. Мюнхен, Мариенплац, архитектура Резиденции

цами до вечера. Знаменитый праздник пива «Октоберфест», который проходит в конце сентября начале октября, уже закончился, но всё на улицах напоминало об этом любимом напитке баварцев, а сама пивная кружка красовалась чуть ли не на каждом перекрёстке в виде вывески. Я бы не рискнул назвать Мюнхен музеем под открытым небом, как об этом пишут в путеводителях. В этом плане ему далеко до Вены и даже до Праги. Но всё же покоряет какое-то удивительно уютное состояние улиц и площадей этого старого европейского города (Мюнхен – ровесник Москвы!), и нельзя не согласиться с утверждением, что древняя архитектура и современная застройка переплетаются между собой, как бы дополняя друг друга и украшая город. Основные достопримечательности Мюнхена располагаются в «старом городе», здесь находится одна из красивейших площадей Европы – Мариенплац, где расположены новая и старая ратуши, а также «Резиденция» – комплекс административных зданий 16-19 вв. Большое впечатление на меня произвёл собор Святого Михаила, в стиле ренессанс. Словом, впечатлений за весь день у нас накопилось с лихвой, и к вечеру мы были готовы поскорее сесть в поезд и заснуть. Перед этим желанием даже отступило сожаление по поводу того, что Альпы будем проезжать ночью и ничего в темноте не сможем увидеть...

В Венецию поезд пришёл утром, но не очень рано, так что кое-что из окон поезда всё же удалось увидеть. Было что-то неуловимо итальянское даже в окружающей зелени, не говоря уже о мелькавших за окном городах и посёлках. Очень долго поезд стоял перед какой-то морской преградой, которую ему, во что бы то ни стало, надо было то ли преодолеть, то ли объехать. Наконец, мы закончили этот большой крюк и вышли на конечную станцию.

Venezia! Чарующая Венеция, жемчужина Италии! Об этом городе ходят легенды, ему посвящены лучшие литературные и музыкальные произведения... Это один из самых романтических городов мира. Венецианские каналы, гондолы, песни гондольеров известны во всем мире. Тайны и загадки, любовь и романтика, карнавал и венецианские маски, – вот лишь часть ассоциаций, которые рождаются при упоминании этого города дожей. Венецию стоит хоть один раз увидеть, чем сто раз о ней прочесть или услышать! Именно поэтому и оказались мы здесь. По высокому мосту мы сразу же перешли на один из 118 островков, на которых построен этот удивительный город, расположенный в Венецианской лагуне Адриатического моря. Островки эти разделены 150 каналами и протоками, через которые переброшено около 400 мостов, в том числе Риальто и так называемый мост Вздохов (оба построены в конце XVI века). Интересно, что уже в IX веке Венеция имела вид, близкий к современному.

По узким кривым улочкам, которые и улицами-то не назовёшь, скорее пешеходными тротуарами вдоль каналов, мы медленно продвигались вместе с основным потоком туристов в сторону центра, переходя по горбатым мостикам через узкие каналы. Иногда такой переход оказывался ложным и вёл в тупик, заканчиваясь входной дверью в дом! А над балконами тут же на длинных верёвках висело бельё, и мне всё казалось, что часть этих верёвок протянута через канал (рис. 178б). Однако такое было возможно только между верхними этажами, поскольку внизу бельё мешало бы гондольерам, которые тут же чинно красовались на воде в разукрашенных гондолах с круто загнутыми носами. С трудом подавляя в себе желание прокатиться на гондоле (это дорогое удовольствие), мы лишь с завистью поглядывали на богатых счастливичков, которые подзывали к себе гондольера, как таксиста, и с его поддержкой входили в покачивающуюся гондолу.

Рис. 178 а,б. «Улочки» Венеции. 8 ноября 2005 г.

Наткнувшись в одном месте на небольшое кафе, мы тут же ощутили голод – ведь мы не завтракали (да и ужин был довольно формальный). Чашечка капучино в таком кафе показалась божественным, ни с чем не сравнимым напитком, хотя я и понимал, что это такой же капучино, как и в Урбино или Риме. Зато спутницы мои были в таком восторге, что у меня не хватило смелости отрицать их утверждение – это самый лучший капучино в мире!

Пробираясь дальше переулочками, мы всё терялись в догадках – какой же он, центр? Неужели такой же тесный, как эти закоулки, или же есть и просторные площади? А здесь поражала сплошная сырость. Некоторые дома, имеющие явно столетний возраст, были обращены на север и явно не ведали, что такое луч солнца! При мысли об этом я даже как-то содрогнулся и понял, что не хотел бы жить в таких условиях. Уж нам-то, азиатам, так избалованным ярким летним солнцем, без него просто никак нельзя.

Наконец-то кривые улочки вывели нас на обширную площадь Сан Марко с собором Святого Марка (IX-XV вв.), величественным Дворцом дождей (XIV-XVI вв.), Старой библиотекой Сан-Марко (XVI в.) и ещё какими-то грандиозными зданиями, похожими на монастыри. Площадь была прямоугольной и сплошь заполненной людьми и... голубями! Такого количества голубей, я, пожалуй, нигде не видел (то, что наблюдается в Алма-Ате или на Красной площади в Москве, не идёт ни в какое сравнение). При этом масса птиц не только сновала между людьми, но и садилась им чуть ли не на головы, взлетая и тут же снова опускаясь. Не удержавшись, я попытался снять это зрелище на видео.

Со Средних веков до 1797 года Венеция была республикой с дождем во главе и ей была подвластна большая территория. Затем до 1866 она оказалась во владении Австрии, после чего стала частью Италии, столицей региона Венето и провинции Венеция. Сейчас здесь на площади 412 км² живёт 270 тыс. местных жителей, а посетителей за год бывает больше миллиона. Город Венеция и лагуна включены в список Всемирного наследия.

Выйдя на набережную Гранд-Канала (Canalazzo, Canal Grande), который, вживаясь S-образно, проходит через центр Венеции, мы вдоволь налюбовались и современными кораблями, и парусниками, и архитектурой зданий на его берегах. По этой набережной мы отправились в западную часть канала, в район Каннареджо, к железнодорожному вокзалу Санта-Лючия. Напротив него, через канал, – Римская площадь, где находится городской автовокзал Венеции. Эту площадь с автовокзалом я осматривал сверху, с середины моста, – ни сил, ни времени добраться туда уже не оставалось. Кое-как на отяжелевших ногах мы добрались до своего поезда и проспали в нём, как убитые, до самого Мюнхена, откуда уже другим поездом выехали в Берлин. Так закончился этот незабываемый день в Венеции...

Зимняя поездка в Азербайджан (конец ноября 2005)

Завершила 2005 год для меня вторая поездка в Баку, где в декабре проходил семинар под интригующим названием «Стратегия развития Азербайджанско-

го орнитологического общества» (как будущего партнера BirdLife International в Азербайджане), организованный совместно Азербайджанским орнитологическим обществом, BirdLife International и NABU. На него были приглашены представители орнитологических общественных организаций из Болгарии, Словакии, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана. На семинар была приглашена персональный консультант министра экологии и природных ресурсов Азербайджана Gila Altman (в прошлом – зам. министра экологии Германии), в его работе приняли участие начальник департамента министерства экологии и природных ресурсов Азербайджана Эльдар Сариев (мой старый знакомый по Рамсару, 1998), а также представители NABU – исполнительный директор Leif Miller; руководитель международного отдела Vitalij Kovalev; глава NABU-Brandenburg Tom Kirscheу и координатор программы по Азербайджану Anke Gaude.

Цель семинара – рассмотреть деятельность Азербайджанского орнитологического общества и оказать ему организационно-методическую помощь в виде обучающего семинара, а также провести разъяснительную работу (прежде всего с представителями стран среднеазиатского региона) о путях и ступенях партнерства с BirdLife, используя для этого опыт уже имеющихся партнеров BirdLife в Болгарии, Беларуси и Словакии.

Были заслушаны презентации о работе партнеров BirdLife International в Болгарии (Петар Янков), в Беларуси (Александр Винчевский) и в Словакии (Rastislav Rybanic), а также представителей из Средней Азии, как вероятных в будущем партнеров – «Союза охраны птиц Казахстана» (А.Ф. Ковшарь) и «НАБУ-Кыргызстан» (В.И. Торопова). Интересно было узнать, что Общество защиты птиц Болгарии, имеет годовой бюджет 280 тыс. евро, причем значительную финансовую помощь оказывают 130 зарубежных членов общества, а взносы болгарских членов (5 евро для взрослых, 3.5 евро для лиц до 18 лет и 7.5 евро – семейный) составляют только 0.4% бюджета. Это общество планирует создание «Атласа гнездящихся птиц Болгарии» (на 10-км основе) с прицелом повторить его через 10 лет. В Беларуси Общество охраны птиц (АПБ – «Ахова птушк Беларусі») существует с 1984 г., а партнером BirdLife International стало с мая 2005 г. Бюджет АПБ в 2004 г. – 120 тыс. евро и только 1% составили местные

Рис. 179а,б. Наблюдения за водными птицами в Ширванском национальном парке. Азербайджан, декабрь 2005 г.

средства (в основном членские взносы). С 2005 г. АПБ издает на белорусском языке красочный научно-популярный журнал «Птушки и мы», который финансово поддерживают RSPB и BirdLife. В Словакии орнитологическое общество существует с 1993 г., а с 2000 г. оно является партнером BirdLife. В 1996 г. в стране создана сеть орнитологических ячеек, и число членов общества выросло до 1000 человек, несмотря на высокий членский взнос (8 евро – взрослый, 10 евро – семейный).

В процессе обсуждения вопроса о ключевых орнитологических территориях было выявлено много общих проблем, например, – отсутствие категории КОТ (ИВА) в законодательствах наших стран. Это обсуждение вопросов о ключевых орнитологических территориях было взаимно полезным для большинства участников семинара.

После окончания семинара 1 декабря была предпринята экскурсия в Ширванский национальный парк, где мы увидели несколько десятков джейранов (*Gazella subgutturosa*), стаю около 200 фламинго (*Phoenicopterus roseus*), довольно много малых бакланов (*Phalacrocorax pygmaeus*) и различных уток. На этом же озере встречены могильник (*Aquila heliaca*), орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) и довольно много усатых синиц (*Panurus biarmicus*), а в окрестностях его – степной лунь (*Circus macrourus*), турач (*Francolinus francolinus*) и скопа (*Pandion haliaetus*), погибшая ни столбе ЛЭП. На озере Кызыл-Гель насчитали 290 савок (*Oxyura leucocephala*), а в древесных насаждениях центральной усадьбы держалась стая более 200 вяхирей (*Columba palumbus*).

На следующий день 2 декабря в Гирканском национальном парке состоялся новый семинар, посвященный вопросам развития заповедного дела в Азербайджане и обмену опытом с республиками Средней Азии. Помимо докладов сотрудников национального парка о его деятельности здесь были заслушаны презентации об особо охраняемых территориях в Казахстане (А.Ф. Ковшарь), об охране фауны в ООПТ Кыргызстана (В.И. Торопова), о программе ЮНЕСКО по всемирному природному наследию в Азербайджане (Гюльназ Амрагова, Министерство экологии и природных ресурсов Азербайджана), о деятельности WWF по сохранению кавказского леопарда (*Panthera pardus*) в Азербайджане (Эльшад Аскарлов), о подготовке предложений к программе ЮНЕСКО по всемирному природному наследию на Кавказе

Рис. 180 а,б. В талышском лесу зимой. Гирканский национальный парк, декабрь 2005 г.

в целом (Виталий Ковалев), о земноводных и пресмыкающихся Кавказа и Закавказья (Tom Kirscheu, NABU). В последней презентации меня поразили не столько практически все показанные рептилии и амфибии региона, сколько полная революция в их названиях, в основном на уровне родов.

В заключительном банкете, которому предшествовала обзорная экскурсия по городу, включая осмотр знаменитой Девичьей башни и района Старого Баку, где проходили когда-то съёмки знаменитой комедии «Бриллиантовая рука», принял участие министр экологии Азербайджана, поразивший меня не только высокой культурой речи, но и правильными рассуждениями в области экологии и охраны природы, хотя по своей основной профессии он был историк – доктор, профессор истории, преподаватель вуза. На этом банкете мы весь вечер общались с Эльдаром Сариевым, который уже тогда был очень болен; к великому сожалению, через несколько месяцев его не стало...

После заседаний участники семинара ознакомились с природой Гирканского национального парка – влажными буковыми лесами в окрестностях озера Ханбулан и экзотической растительностью предгорий, где произрастает удивительное железное дерево (*Parrothia persica*), цветущая в декабре мушмула японская (*Eriobotrya japonica*), фейхоа (*Acca sellowiana*) из семейства миртовых и многое другое. А у меня перед глазами стоял майский талышский лес в его полном весеннем великолепии.

Зимний Ставрополь: XII конференция Северной Евразии

Основным событием начала года стала XII-я международная орнитологическая конференция Северной Евразии, состоявшаяся в Ставрополе 30 января – 5 февраля 2006 г. Путь туда поездом через Москву мы совершили вместе с Анатолием Петровичем Гисцовым, выпускником нашей же кафедры, который с 1971 года трудится в Казахстане, первые два года – на острове Барсакельмес, а с 1973 г. в нашей лаборатории орнитологии: сначала на Чокпаке, где ряд лет был начальником полевого отряда, а потом, пройдя во время пертурбаций через службу в Музее природы (у палеобиологов), оказался снова в лаборатории орнитологии. В Москве переночевали у моих давних знакомых по Алма-Ате 60-х гг. – у семейства Ильяшенков. Глава семьи Юрий Евгеньевич Ильяшенко, которого давно уже нет, был известнейшим казахстанским журналистом, освещавшим все крупные события эпохи поднятия целинных земель и хорошо знавшим лично первых секретарей ЦК Компартии Казахстана Л.И. Брежнева и Д.А. Кунаева. С супругой его Людмилой Васильевной мы были хорошо знакомы по работе в Центральном Совете Казахского общества охраны природы. Юрист по образованию, она была аспиранткой В.Н. Скалона и защитила кандидатскую диссертацию по законодательству об охране рыбных запасов в Казахстане.

Сын их Валентин был тогда очень любознательным юннатом и регулярно общался с Мстиславом Николаевичем Кореловым и со мной. Теперь Валентин Юрьевич Ильяшенко, закончивший биофак Ленинградского университета

Рис. 181. С В.Ю. и Е.И. Ильашенко и их сыном Юрой

Рис. 182. В гостях у Винокуровых с А.М. Семей

и ряд лет проработавший в Зейском заповеднике (Приамурье), после защиты кандидатской диссертации работал в высоких министерских сферах в Москве, совмещая обязанности крупного чиновника с занятиями орнитологией, где его особенно привлекали журавли и проблемы эволюции пухового и перьевого покрова птиц. В течение всех этих 40 лет мы поддерживали связь в письмах и нередко встречались на самых разных форумах. Поэтому встреча была не только интересной, но и приятной, а на память осталось фото. На второй день проведal и Ардалиона Винокурова, который не ехал на конференцию, но, как всегда, живо интересовался всем происходящим и был рад встрече с друзьями.

Из Москвы в Ставрополь ехали уже большой бригадой, в которой кроме москвичей были орнитологи из разных концов России, в том числе и Толя Сема из Калининграда. Наш вагон наполовину состоял из орнитологов, в соседних была та же картина. Это время до начала конференции – одно из самых лучших: встречи коллег, соратников, друзей после нескольких лет всегда вызывают прилив сил и эмоций. Не обошлось и без возлияний – так что до Ставрополя мы добрались удивительно быстро и весело. И только там заметили, что, оказывается, на улице настоящая зима, к тому же многоснежная. Улицы города были заметены, в университет на заседания приходилось пробираться по сугробам. Сейчас, через 7 лет, вспоминается именно этот занесенный снегом Ставрополь.

Сама конференция, как обычно, представляла собой бурлящий людской поток с перерывами на прослушивание докладов, но даже в это время, когда большинство людей чинно сидели в зале, значительная часть участников небольшими группками обсуждала свои проблемы в фойе, а то и просто на лестницах. Я сделал небольшой доклад об издании сводки «Птицы Средней Азии», поделившись нашим опытом такой работы. Но больше мне запомнился «круглый стол», посвящённый вопросам издания томов по воробьиным птицам сводки «Птицы России и сопредельных регионов», который проводили мы вместе с Михаилом Владимировичем Калякиным из Зоомузея МГУ.

Последняя тема имела более чем 20-летнюю историю. В начале 80-х гг. ко мне обратились составители и редакторы этого 10-томного издания, называвшегося тогда «Птицы СССР», Валерий Дмитриевич Ильичёв (выполнявший

тогда обязанности «главы советской орнитологии») и Владимир Евгеньевич Флинт с предложением курировать один из двух томов, 9-й или 10-й, по воробьинообразным птицам. Я выбрал 10-й, а 9-й предложил Эдику Гаврилову, но он от этого отказался. Я же затеял бурную переписку со всеми знакомыми мне орнитологами, предлагая каждому выбрать себе для написания вида. Самыми активными оказались дальневосточные орнитологи: Виталий Андреевич Нечаев, Юрий Николаевич Назаров, Александр Александрович Назаренко и Евгений Георгиевич Лобков, поделив между собой дальневосточных представителей семейства славковых (Sylviidae), принялись за работу (Шибаетов отказался, написав мне, что он не занимается воробьиными). Игорь Кривицкий взялся за написание сверчков и широкохвостой камышевки и много в этом преуспел (спустя годы материалы по последнему виду он выпустил в Харькове отдельной книжечкой под названием «*Cettia cetti*»). Сергей Степанович Москвитин в Томске собирал отдельную бригаду для написания очерков по пеночкам (причём в бригаду эту вошли Н.В. Лапшин и В.Б. Зимин из Карелии), а Евгений Михайлович Белоусов в Туркменистане взялся за написание очерков по бормотушкам (*Hippolais*) – кроме зелёной пересмешки-малиновки, которую одним из первых написал в Ленинграде Владимир Александрович Паевский. Олег Вильевич Митропольский в Ташкенте взялся за камышевок, Валентин Дмитриевич Коханов (Кандалакша, Мурманская область) – обыкновенного свиристеля... А всего желающих писать очерки этого тома оказалось более 20.

В итоге к началу 90-х гг. у меня скопились тексты по 41 виду птиц общим объемом 598 страниц машинописи, написанные 16 авторами. Конечно, не все очерки были равны по качеству: наряду с такими хорошо продуманными и уже

Рис. 183. Слева направо: Я.А.Виксне, В.А.Паевский, В.В.Гричик, И.М.Марова, М.В.Калякин, А.Ф.Ковшарь и А.А.Назаренко в перерывах между заседаниями конференции. Ставрополь, январь 2006 г.

Рис. 184 а,б. С ветеранами *всех* конференций – И.А. Кривицким и Т.Б. Ардамацкой

частично подправленными и дополненными, как очерки всех дальневосточников (Назаров, Нечаев, Назаренко, Лобков) или северо-западников (Паевский, Зимин, Коханов, Лапшин) были и довольно сырые, требующие самого первичного редактирования (Кривицкий, Белоусов, Поливанов, Маладзия). И, тем не менее, это была почти половина тома!

Грянувшие вскоре «лихие девяностые» похоронили всё это более чем на десять лет. Только в ноябре 2004 года мне написал из Москвы М.В. Калякин с предложением вместе взяться за подготовку воробьиных томов, и у нас с ним завязалась оживлённая переписка по электронной почте, позволявшей обмениваться мнениями практически мгновенно. За год такой переписки были подняты все старые архивы, кое-что я выслал ему в сканированном виде, а оригиналы самих рукописей привёз прямо на эту конференцию. Так начался новый виток работы над томами воробьиных для этой монографии.

В конференции приняли участие свыше 400 орнитологов почти из всех регионов России и 10 зарубежных стран, что свидетельствует о широком представительстве отечественной и международной науки. Были и досадные «огрехи»: почти не была представлена грузинская и прибалтийская орнитология (за исключением Яниса Виксне – неперменного участника всех без исключения конференций); не было орнитологов из Азербайджана и Армении, а весь Кавказ был представлен только северной частью.

От среднеазиатско-казахстанского региона в работе конференции участвовали: четыре орнитолога из Казахстана (А.П. Гисцов, А.Ф. Ковшарь, М.А. Кошкин, В.В. Хроков), по два участника из Узбекистана (О.В. и М.Г. Митропольские) и Киргизии (С.В. Кулагин, В.И. Торопова), один – из Туркменистана (Э.А. Рустамов) и полностью отсутствовали орнитологи из Таджикистана.

Дата проведения конференции оказалась юбилейной: ровно 50 лет назад, в январе 1956 г. в городе Ленинград (ныне – Петербург) состоялась Первая Всесоюзная орнитологическая конференция. Участниками этой конференции были присутствующие на открытии Ставропольской конференции Татьяна Борисовна

Ардамацкая, Янис Арвидович Вискне и Игорь Александрович Кривицкий. Немного больше оказалось в зале и тех, кто был на всех остальных всесоюзных конференциях, начиная со второй (Москва, 1959). Преобладала молодежь, что вселяло надежду на хорошее будущее нашей орнитологической науки. Одним из ярких свидетельств этого стал изданный специально к конференции «Список птиц Российской Федерации» (М., 2006), подготовленный «молодёжным» звеном Мензбирова орнитологического общества в лице Е.А. Коблика, Я.А. Редькина и В.Ю. Архипова. Этот увесистый фолиант, содержащий много исправлений и дополнений к списку Л.С. Степаняна (1990, 2003), доложенный авторами на втором пленарном заседании 1 февраля, был в центре обсуждения, как на некоторых круглых столах, так и в кулуарах конференции.

Очень многолюдным и оживленным был Круглый стол, посвященный номенклатурным вопросам. На нем, помимо обсуждения нового «Списка птиц России», а вернее в развитие его, ставился вопрос о том, какой список теперь принимать за основу при завершении сводки «Птицы России» – Степаняна или Коблика с соавторами, однако решить этот вопрос однозначно, без тщательного знакомства с новым списком, едва только увидевшим свет, было невозможно. Тем не менее, большинство из выступавших признали за новым списком уже то преимущество, что он ставит ряд номенклатурных вопросов и пытается их решить. Важной частью этого стола было решение о создании фаунистической комиссии, которая могла бы стать третейским судьей при рассмотрении многочисленных заявок на «фаунистические находки». После долгих прений решено было создать такую комиссию при Мензбирова орнитологическом обществе, в которую, помимо российских орнитологов, включить специалистов из других регионов Северной Евразии в пределах СНГ. Из региона Средней Азии в состав ее вошли Э.И. Гаврилов, А.Ф. Ковшарь и О.В. Митропольский.

Не обошлось и без курьезов. Группа орнитологов во главе с В.П. Беликом выступила с предложением о переименовании орла-могильника (*Aquila heliaca*), присвоив ему на выбор более «благозвучное» русское имя – солнечный орел или «императорский орел», что, по мнению предлагавших, окажет благотворное влияние на грантодателей и спонсоров и тем самым поможет в охране этого редкого вида. После очень длительного и бурного обсуждения решено было

Рис. 185. С Феликсом Яновичем Держинским

Рис. 186. Подписание договора с СОПР (В.А.Зубакин)

оставить могильника в покое. Однако прецедент этот, на мой взгляд, – не просто казусный. И пример тому – массовые переименования (пока – только латинских названий), которыми в последние годы, вслед за ботаниками, увлеклись герпетологи, заменив за несколько лет все родовые и многие видовые имена. Замена ещё и русских названий была бы истинным бедствием.

Из других впечатлений этой конференции мне запомнилась встреча с Владимиром Михайловичем и Надеждой Никитичной Поливановыми, которые работали теперь в Тебердинском заповеднике. Вспоминали Владивосток 1975 года, и Надежда Никитична не преминула напомнить, что я так и не воспользовался её приглашением посетить Кедровую падь, в которой они тогда работали (я и сам об этом жалел все эти годы). Интересный штрих: Владимир Михайлович оказался самым старшим по возрасту среди участников этой конференции. Особенно приятной была встреча с Татьяной Борисовной Ардамацкой: несмотря на солидный уже возраст, она была так же радушна и открыта ко всем старым друзьям, вот только не было больше слышно её громкого голоса и смеха, который раньше всегда сопровождал её появление... Удивил меня своей необычной серьёзностью и друг мой Игорь Кривицкий, который ходил непривычно медленно и всё как будто прислушивался к чему-то в себе. Все попытки растормошить его не имели успеха. И уехал он раньше других, хотя мы с Гисцовым покинули снежный Ставрополь тоже рано, сразу же после закрытия конференции, не оставаясь на экскурсию. На станции Лиски его встретил сын Эдик со своим семейством и забрал к себе в гости, а я проследовал до Москвы один, просматривая в поезде бумаги конференции, в том числе и Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом охраны птиц России и Казахстана, который мы с Виктором Анатольевичем Зубакиным торжественно подписали в перерыве одного из заседаний, а Лена Зубакина запечатлела этот «исторический» момент на фото...

Снова – любимый Киев (экологический семинар апрель 2006)

В середине апреля мне посчастливилось побывать в Киеве, где проходил очередной экологический семинар, на который меня пригласила Natasha Gogur (Наташа Панченко). Я очень люблю этот город с первого посещения его в далёком 1951 году, когда после 8-го класса провёл здесь целую неделю. Люблю его архитектуру, живописные спуски-подъёмы улиц, его парки и особенно – величественный вид на Днепр с Владимирской горки. Как-то сами собой приходят на ум слова «мать городов русских». С большим интересом посетил уже не в первый раз знаменитую Киевско-Печерскую лавру. Выбрав время, я побывал в Институте зоологии и Музее природы, поговорил там со старыми знакомыми – Сашей Пекло, который за те годы, что мы не виделись, побывал и в Антарктиде, и в Аргентине; с Машей Осиповой и Юрой Семёновым, с которыми совершили прогулку по вечернему Киеву, где меня больше всего тронул памятник моему любимому киноактёру Леониду Быкову – без всякого постамента, прямо в скверике, Лёня сидит на лавочке, как живой... Вместе с Сергеем Николаевичем

Рис. 187. В Киево-Печерской Лавре. В центре – Наташа Гориап (Панченко), левее – Лена Мухина (Крейцберг)

чем Ероховым, с которым мы прилетели из Алма-Аты, мы побывали в гостях у Валерии Антоновны Мельничук, посещавшей Казахстан 20 лет назад. За это время дочь её Анечка выросла, вышла замуж, родила маме внука, а сама принимала активное участие в политической жизни столицы Украины как журналист, вместе со своим мужем – известным украинским фотокорреспондентом. Удалось встретиться даже с племянницей Наташей – дочерью моей сестры Симы. Словом, эти несколько дней, с 18 по 21 апреля 2006 г., были днями встреч, которые запомнились надолго.

Поездки с орнитологическими туристами (май 2006)

Большая часть мая ушла на поездки по Алматинской области с орнитологическими туристами. С 7 по 10 мая я сопровождал группу из Киргизии, откуда на своей машине прибыли Сергей Кулагин, Анара и водитель Володя с двумя туристами из Германии – Фритьофом и Антье. С нами поехала также наша аспирантка Гюльнара Мухтар, которая только начала заниматься среднеазиатской черепахой и должна была в этой поездке как раз овладевать азами герпетологии. Проехав из Алма-Аты через Сорбулак, Каншенгель и Топар в Жельтурангу, мы по кунаевскому мосту перебрались на правый берег Или и вышли в пустыню Сарыишикотрау, где заночевали у бугра Кокдомбак. Несмотря на холодную погоду с дождями, птиц мы видели немало. Так, на Топарских озёрах 8 мая мы насчитали 11 белоглазых нырков (*Nyroca nyroca*), в тот же день над Жельтурангой несколько раз встречен орел-карлик (*Hieraetus pennatus*) светлой фазы, а на Сорбулаке 7 мая – целая стая из 77 журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*). Пустынный ворон (*Corvus ruficollis*), ставший в последние годы большой редкостью, встречен 9 мая у бугра Кокдомбак близ с. Коктал. Самыми интересны-

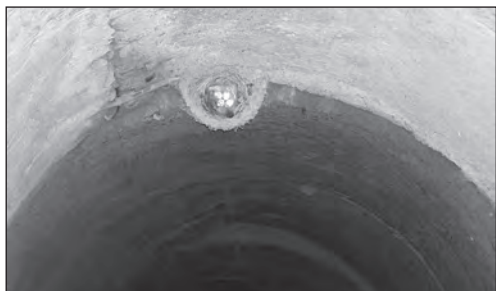

Рис. 188. Гнездо деревенской ласточки около лагеря, устроенное в бетонной шахте брошенного колодца

ми орнитологическими встречами были саджи (*Syrrhaptes paradoxus*), саксаульные воробы (*Passer ammodendri*), белокрылые дятлы (*Dendrocopus leucopterus*) и зелёные шурки (*Merops persicus*); немало встретили и степных черепах. Все дни шёл массовый пролет розовых скворцов (*Pastor roseus*) стаями до 100-200 особей, но колония в каменной дамбе Сорбулака 7 мая ещё не была занята.

На кромке песков Таукум в одном из сухих колодцев нашли гнездо деревенской ласточки, или касатки (*Hirundo rustica*), прилепленное к округлой бетонной поверхности вертикальной шахты колодца примерно в 1-1.5 м ниже уровня земли. Здесь было явно прохладнее, чем на поверхности, среди раскалённого песка. А пустыня только начала местами полахать красными полянами расцветающих диких маков; это самое лучшее здесь время года.

На обратном пути запомнился комический случай. Наш водитель Володя всё время переживал, что при пересечении границы не поставил на свой проездной документ две печати, что означало бы регистрацию транспортного средства на месяц, тогда как при одной печати он мог находиться на территории Казахстана всего 5 дней. И вот на мосту через р. Или в Капчагае дорожная полиция нас остановила. Пока люди в форме не спеша подходили к нашей машине, Володя, достав документы, ругал себя последними словами. Но выручил «гробик» – небольшой похожий на гроб плоский закрытый прицеп, который когда-то подарил им Торстен Хардер; в нём помещалась часть лагерного имущества. Как только полицейские увидели его, старший тут же обругал младшего по званию: «Зачем ты остановил? Ты что не видишь – это груз-200!» и махнул нам – «можете ехать дальше». Так я узнал, что такое «груз-200» (как объяснил Володя – это «жмурики» на войне). В тот же день вечером эта мини-группа улетела самолётом в Астану – смотреть водоплавающих птиц.

С 12 по 26 мая подряд я сопровождал две группы туристов клуба «Naturetrek». По уже хорошо накатанным маршрутам мы посетили пески Таукум, Чарынский каньон с Сюгатинской долиной и Бартагойским водохранилищем, саксаульники Нурлы, Большое Алматинское озеро с Космостанцией. Во время второй поездки наиболее интересными были встречи: пары рогатых поганок (*Podiceps auritus*) на Бартагойском вдхр.; двух самцов и самки савок (*Oxyura leucocephala*) на разливах Топара; 15 степных пустельг (*Falco naumanni*) на 10-км отрезке пути от Бартагоя до Кокпекского ущелья. На водопое у артезианской скважины в Каншенгеле за час утром насчитали 160 чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*) и 8 белобрюхих (*Pterocles alchata*); зато саджи (*Syrrhaptes paradoxus*) не было нигде, и только 18 мая близ с. Бурандысу ви-

дели трех садж, пролетающих мимо водопоя. Большой интерес представляли 7 белокрылых жаворонков (*Melanocorypha leucoptera*) встреченных среди 50-60 поющих степных жаворонков (*M. calandra*) на 107-м километре трассы «Копа-Каншенгель» в полевой степи (места гнездования его обычно расположены гораздо севернее, в степной зоне). В каменистой дамбе Сорбулака несколько тысяч розовых скворцов (*Pastor roseus*) 16 мая строили гнезда на колонии, где 7 мая не было ни одной птицы. Во второй поездке (20-26 мая) с группой клуба «Naturetrek», в которой участвовало 14 английских и 2 японских любителя птиц, мы повторно встретили белокрылых жаворонков в тех же местах (видимо, они всё же загнездились в этом году!), над рощей Джельтуранга видели пару орлов карликов светлой и тёмной морфы, а на Бартагойском вдхр. 23 мая встретили большого крохалея (*Mergus merganser*).

В самом конце месяца, 29 мая, в Алма-Ате состоялся семинар по проекту NABU в Алматы. По его окончании была небольшая экскурсия участников на Сорбулак.

Экспедиция по актюбинским степям: Сагиз, Уил, Хобда (июнь 2006)

Настоящим праздником года для меня стала казахско-российская зоологическая экспедиция по актюбинским степям (реки Темир, Сагиз, Уил, Хобда). Первая наша экспедиция в Мугуджары и на Эмбу в 2003 году так понравилась всем её участникам, что мы мечтали продолжить это начинание и уже зимой 2005/06 года переписывались об этом с Анатолием Давыгорой. В этот раз я предложил участвовать в поездке Феде Карпову – орнитологу нашей лаборатории, давно зарекомендовавшему себя прекрасным полевиком и к тому же очень хорошему знатоку птиц, особенно водоплавающих и околородных – тех самых, в которых я всегда ощущал недостаток полевых знаний. И вот 11 июня мы с ним поездом прибыли в Актюбинск, где на вокзале нас встретили оренбургские и пензенские коллеги: А.В. Давыгора (Оренбург, ОГПУ), О.А. Ермаков, Н.В. Быстракова, С.В. Титов и аспирант Антон Кузьмин (Пенза, университет). С 11 по 25 июня на двух машинах мы совершили маршрут: г. Актюбинск (11/12 июня) – с. Покровка на р. Темир (12/13 июня) – с. Кенкияк – с. Шубарши – с. Шенгелши – р. Темиру песков Кожжиде (13-16 июня) – с. Шубарши – с. Кенкияк – станция Шубаркудук – р. Кинжалы (16/17 июня) – ст. Сагиз – р. Сагиз. Лагерь 4 (17/18 июня) – лагерь 5 на р. Сагиз (18/19 июня) – с. Миялы – пески Тайсойган – р. Уил, лагерь 6 (19-21 июня) – с. Миялы – с. Уил – лагерь 7 (21-23 июня) – с. Уил – с. Хобда – лагерь 8 (23-25 июня) – г. Актюбинск (и в тот же день отбытие поездом № 24 в Алма-Ату).

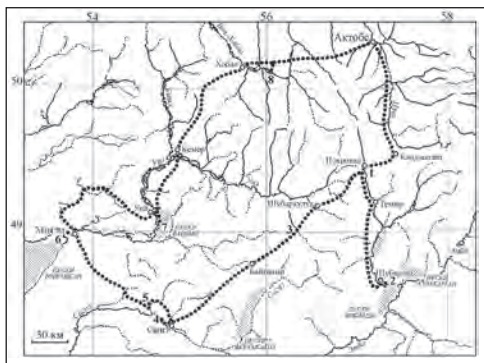

Рис. 189. Маршрут актюбинской экспедиции 2006 г.

Рис. 190. В актюбинской степи, июнь 2006 г.

Как сказано в предисловии к нашей совместной публикации (Ковшарь, Давыгора, Карпов, 2006) маршрут был проложен так специально, чтобы посетить места, в которых орнитологи в последние годы практически не работали, тогда как по ряду из них имеются сведения полувековой и даже столетней давности (например, данные Н.А. Зарудного по Б. Хобде). Особый интерес представляла возможность повторного обследования

Б. Хобды у Бишкопы (посещена А.В. Давыгорой в 1992 г.) и места впадения Темира в Эмбу, посещенного нами в 2003 г. (Ковшарь, Давыгора, 2003). В остальных точках маршрута мы работали впервые. Прежде чем перейти к изложению результатов орнитологических наблюдений, вкратце опишу посещённые нами ландшафты и их современное состояние.

Большая часть маршрута проходила по сухой типчаково-полынной степи (местами – почти чистые белополынники из полыни австрийской), которую лишь в речных поймах разнообразила кустарниковая, а в некоторых местах – даже древесная растительность. Так, по берегам р. Темир близ с. Покровка в ложбинах среди степной растительности на песчаных почвах – узкие полосы густых караганников, а вокруг – очень своеобразные стравленные скотом выгоны с отдельными кустами караганы, полыни высокой, эстрагона, лоха узколистного. Значительные участки заняты зарослями софоры, но фоновая здесь – полынь австрийская. Гораздо южнее, перед впадением в Эмбу (урочище Кокжиде), на Темире хорошо развита пойма из густых лохово-ивовых зарослей, чередующихся с высокотравными полянами, на которых масса выбросов гигантского слепыша (*Spalax giganteus*). Правый берег реки в этом месте занимают барханы развеваемых песков с куртинами волоснеца гигантского (*Elymus giganteus*), а на голом песке вдоль самого берега – массивы разреженных зарослей подбела войлочного (*Petasites spurius*).

Особый интерес представляет единственный на многие километры удивительный тополево-березовый лес между песками Кумжарган и поймой реки Эмба близ села Жагабулак (посещён нами и в 2003 г.). Неширокой полосой (всего 50-120 м) этот лес протянулся почти на 8 км с востока на запад. С юга он ограничен заболоченным ивняком поймы Эмбы (здесь явно родники, так как сама речка довольно далеко). С севера – пески Кумжарган, расстояние до них от леса у восточной его оконечности – около 200 м (далее к западу пески подходят к лесу вплотную). Лес старый, берёзы и осины высотой до 15-16 м и растут куртинами. Под пологом леса – осоки и обширные заросли какого-то хвоща, видимо болотного. Участками встречаются разреженные (просветлённые) берез-

няки. Кое-где в лесу встречаются заросли шиповника; кусты довольно высокие, старые, в хорошем состоянии. Береза занимает более пониженные увлажнённые участки, с мочажинами и папоротниковыми зарослями; осина чаще встречается у верхней части склона. Местами довольно много вырубленных деревьев, немало и бурелома, но в целом лес не имеет угнетенного вида. Расположенные рядом пески Кумжарган представляют собой в этом месте невысокие и достаточно заросшие редкой пустынной растительностью песчаные бугры. В глубоких котловинах между соседними буграми встречаются естественно произрастающие берёзы. В таких котловинах по периферии, как правило, мощное ожерелье из кустарниковых ив, встречаются также кусты лоха узколистного.

Долина р. Кинжалы, одного из левых истоков Уила (лагерь 3), тянется в виде зелёной ленты шириной до 100 м, углубленной в плакор на 5-7 м. Темные плеса воды и местами – темнозелёный бордюры из тростника и рогоза по берегам. Кустарники отсутствуют полностью, а по балочкам темнеют участки чернополынных. Дно речной долинки – сплошной луговой ковер, выеденный скотом до земли. Окружают долину низкотравные редкие белополынные на плотной глинистой почве, почти абсолютной равнине. Выгоревшая степь серо-желтого цвета и только местами в ней – тёмно-зелёные вкрапления из солянки по имени итсигек, или ежовник безлистный (*Anabasis aphylla*). Никаких признаков земледелия здесь нет. Юго-западнее, на маршруте «Кинжалы – Байганин – станция Сагиз» (150 км), преобладают равнинные или слабоволнистые полупустынные ландшафты. Почвы плотные, местами почти белая глина, местами песчаные или засоленные. Растительность представлена серополынными, местами со злаками, в том числе ковылём-волосатиком (тырсой).

Река Сагиз западнее одноименной станции также протекает среди белополынных, местами с примесью злаков. Но сама река, шириной 25-30 м, течет среди тамарисковых зарослей, которые нередко образуют вдоль реки полосу не менее 100-150 м шириной; есть и обрывистые участки берега, удобные для гнездования береговых ласточек.

Река Уил около песков Тайсойган (лагерь 6) образует довольно широкую луговую пойму, которая за селом Миялы перекрыта ирригационными сооружениями, направленными на создание системы полива сеяных трав. Это красивое место, с деревьями лоха и старыми раскидистыми ивами. Но за селом Аккура река проходит по краю песков Тайсойган отдельными плесами или бочагами до 30-40 м диаметром, с узкими протоками воды между ними и куртинами тростника по берегам. Есть неболь-

Рис. 191. Первый лагерь на р. Сагиз западнее одноименной станции

шие береговые обрывы, на берегах растут отдельные кусты, даже небольшие деревья лоха, близ которых развито высокотравье из софоры, солодки и злаков – мятлика и ежи сборной. Основа растительности высохшего пойменного луга (типа лимана) – типчак, полынь австрийская, кермек (*Limonium* sp.); отдельными участками – почти чистые заросли софоры, такие же – верблюжьей колочки (*Alchagi pseudalchagi*) а также чия. Берега сильно выбиты скотом.

Очень своеобразны соседние с Уилом слабо-волнистые пески Тайсойган, полностью равномерно заросшие довольно высокой травой (включая темную полынь) и невысоким кустарником, среди которого преобладает жузгун. Везде в этих местах много скота, но земледелие отсутствует.

Северо-восточнее, в 150 км выше по течению, близ одноименного села, река Уил течет среди роскошного пойменного леса (ширина поймы не менее 300 м), состоящего из старых ив, тополей, кленов, карагачей, а на опушке – лоха и массы плодовых деревьев и кустарников, вплоть до шиповника, боярышника и даже яблони-дички, явно посаженной лесхозом. Лес очень старый – ивы, как свечи, высотой до 30 м. Такой же высоты достигают на участках старых посадок дуб и тополь – чёрный и серебристый. Под пологом леса развито буйное разнотравье (в т.ч. солодка и василистник), а на речных старицах – рогоз, осока и прочая надводная растительность.

Совсем близко к пойме Уила подходят пески «Баркын». Ширина ближайшей к пойменному лесу безлесной части песков 300–400 м. Вначале это пологие, сглаженные всхолмления, заросшие злаками и молочаем. Здесь густые кустарниковые куртины (до 10x15 м), причем сам кустарник растет не только между буграми, но и на них. Дальше от поймы пески становятся крупно-бугристыми и покрыты сосновым лесом. Островки леса растут здесь среди песчаных бугров, высота которых заметно больше, чем предыдущих. Открытые песчаные участки поросли редкими злаками (в т.ч. типчак). Кустарник по краю сосновой куртины бывает высоким, густым и очень разнообразным по составу: спирея, жузгун, в сочетании с крупнотравьем – полынь высокая (божье дерево), «конский» щавель и отдельные высокие стебли тростника. Здесь же – софора и солодка, тысячелистник Глогера, молочай песчаный и др., в понижениях – осока.

Рис. 192. Старый пойменный лес по р. Уил, близ с. Уил

Как удалось выяснить из литературы, лесотехнические опыты ведутся здесь давно: сосну сажали в 1873, 1899, 1903, 1907 и 1913 гг. (Чибилёв, 1987). В настоящее время эти посадки находятся в великолепном состоянии, и активно идут процессы лесовозобновления: под кронами зрелых деревьев-семенников – масса молодого подроста. В настоящее время это территория лесхоза, поскольку кругом

стоят предупреждающие аншлаги, а также столбы с номерами делянок. Там, где нет посадок, в отдельных местах встречаются одиночно произрастающие сосны. В одной из котловин встречена куртина крушины ломкой. Кроме сосны, здесь произрастает два вида ив, включая низкую, карликовую форму. В некоторых котловинах вместе с сосной в небольшом количестве произрастают средневозрастные берёзы. Высота песчаных бугров

Рис. 193. Пески Баркын в среднем течении Уила, близ с.Уил. Июнь 2006 г.

в глубине массива резко возрастает. Здесь они слабо закреплены, а верхушки их, фактически, уже полуразвеены. Древесная и кустарниковая растительность сосредоточена, в основном, в глубоких котловинах. Встречаются также естественно произрастающие осинники с отдельными берёзами. По восточной кромке пески, насколько это можно видеть в бинокль, в основном развеены.

Местность между этими двумя точками на Уиле (лагерь 6 и 7) представлена обычными белопольничками, чередующимися с зарослями софоры и верблюжьей колючки; местами – слабо волнистые, почти равнинные песочки, покрытые характерным волоснецом гигантским (*Elymus giganteus*) и другой редкой растительностью; в понижениях встречаются луговины с сенокосами. Примечательное здесь лишь одно: примерно на полпути между селами Миялы и Уил, сразу же за крупным селом Сарбие, большую площадь занимают мощные многорядные лесопосадки карагачей – по 25 параллельных лесополос длиной по 1 км каждая. Между двумя соседними лесополосами расстояние по 30-40 м (сама полоса состоит из 4-х рядков деревьев). Получается огромный массив леса, высаженного в направлении с севера на юг, и точно такой же массив – с перпендикулярно направленной посадкой. Первый массив расположен справа от дороги, второй – слева (и лесополосы тянутся вдоль дороги). Посадки старые, им не менее 40-50 лет. Сразу же за этими посадками – злаковая степь.

На последнем отрезке маршрута, от Уила до Хобды (150 км), традиционные белопольнички уже через 15-20 км сменились великолепной типчаковой степью с хорошим покрытием и поначалу жалкими остатками лесополос, где гнезда хищных птиц встречаются почти на каждом уцелевшем карагаче. Еще через 20 км лесополосы сохранились намного лучше, а перед селом Калиновка (120 км от Уила), на самом водоразделе Уила и Хобды, появились первые посеы сельскохозяйственных культур и здесь уже вдоль шоссе пошли мощные, старые лесополосы. Площадь посевов с каждым километром увеличивалась – вплоть до самой долины Б. Хобды, на спуске в которую мы пересекли участок великолепной злаково-разнотравной степи с цветущим подмаренником (*Galium verum*) и высотой травостоя до 30-40 см.

Наш последний, 8-й лагерь расположен на правом берегу Большой Хобды напротив урочища Бишкopa, между аулом Булак и местом слияния Сары-Хобды с Кара-Хобдой. Ширина реки 40-50 м, по берегам – тростниковый бордюp. Роскошные старые ивы обрамляют оба берега прерывистой полосой. Открытые участки заняты злаково-разнотравной растительностью высотой до 30-40 см, среди которой особенно выделяются черные полыни (*Artemisia procera* Willd., *A. dracunculus* L.). Прилегающие к реке песчаные степи покрыты великолепной разнотравно-злаковой растительностью. Вторичные полынные имеются только ниже по правому берегу, близ аула Булак.

Левый берег и прилегающие к нему остепнённые луга урочища Бишкopa сильно пострадали от пожара, причём недавнего, что видно по обгоревшим тростниковым стеблям в пойме реки. Очень пострадали также многие старые вётлы, стволы которых повредил огонь. Как показал осмотр урочища Бишкopa, после 1992 г. часть его была распахана. Все эти изменения последних лет особенно разительно заметны при сравнении с той обстановкой, которая была в этом урочище более ста лет тому назад, когда его посещал Н.А. Зарудный (1897).

На протяжении маршрута нам удалось наблюдать птиц 142 видов, аннотированный список которых мы опубликовали в журнале «Selevinia-2006». Некоторых, наиболее интересных, я буду упоминать далее при описании самой экспедиции. Началась она в день независимости России, 12 июня, с посещения Управления охоты и охраны животного мира Гослескомитета МСХ РК в городе Актюбинске. Начальник его Аязбаев Марат Габденович принял нас хорошо, но

перепоручил начальнику контрольного отдела Нуршину Мурату Куанышевичу, который практически всё помог нам сделать. Помогал с оформлением бумаг, которых оказалось немало, также Дуйсенов Нурбулат Рахметович, который, как оказалось, в управлении работает первый день, а до этого 11 лет проработал в противочумной системе, поэтому знает всех наших териологов. Здесь мы оставили для распространения в области 50 плакатов кречетки – птицы года 2006 (см. рис. 194). В этот день случилось непредвиденное – потерялся Федя Карпов! В Актюбинске он в первый раз, адреса Управления не запомнил и, наблюдая за птицами на ули-

Рис.194. Плакат «Птица года 2006»

цах города, ушёл в неизвестном направлении. Два часа безрезультатных поисков не на шутку напугали нас с Давыгорой: что делать в таком случае? Не заявлять же в милицию, тем более что у него могло не быть при себе документов, которые вполне могли оказаться в экспедиционной машине. Уже можно было бы покинуть город, а мы всё колесили по его улицам – сначала пешком, а потом – на машине. И совершенно случайно увидели его из окна машины: он потерянно брёл по улице наугад, не зная – в правильном ли направлении он идёт... Надо было видеть как он обрадовался, когда мы его окликнули! И было это как раз перед ГУВД, куда мы направлялись, чтобы официально заявить о пропаже человека. Здесь, в зелёных насаждениях на улицах, нередко слышно было пение зелёных пеночек (*Phylloscopus trochiloides viridanus*), а в одном месте на карагаче у миграционной полиции пел очень грязный самец зяблика (*Fringilla coelebs*) – видимо, задержавшийся на пролёте.

В первом лагере, на берегу р. Темир у села Покровка, везде пели садовые овсянки (*Emberiza hortulana*), кормившие уже летающих птенцов; варакушки (*Cyanosylvia svecica*), обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*), желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*). К вечеру 13 июня мы достигли ур. Кокжиде, где и разбили 2-й лагерь почти на месте 2003 г.

Здесь всё было, как и три года назад: южные соловьи (*Luscinia megarhynchos*) пели всю ночь, а утром к ним присоединились: лазоревка (*Parus caeruleus*), славка-завирушка (*Sylvia curruca halimodendri*), желчная овсянка (*Emberiza bruniceps*); изредка слышны были голоса ремезов (*Remiz pendulinus*). В первый же день мы встретили здесь самца лугового чеканчика (*Saxicola rubetra*), а в обрыве нашли гнездо индийского воробья (*Passer indicus*). Рано утром 15 июня мы с А.В. Давыгорой поехали в пески Кумжарган – отловить загадочную славку-завирушку, не давшую нам покоя с 2003 года.

Уже к 7 час удалось поймать самца, а через полчаса – и самку в ту же паутинку. Осмотр их показал, что по окраске это явные *Sylvia curruca halimodendri*: светло-серый с оливковым оттенком верх, такого же цвета и верх головы. Уздечка не очень темная, а над ней – широкая светло-серая бровь. Глаз – орехово-бурый. В целом – типичная славка-завирушка, обитающая в пустыне. Но это не та яркая птица, которую я видел в Уркаче в 2003 г.!! Та была намного темнее (спина) и контрастнее окрашена. Кстати, и песня другая: у сегодняшней она обычна для вида, без свистового вступления (какое было в Уркаче). Вчера в этом же месте я слышал пение 5-6 самцов – и ни одного свистового вступления! После прижизненного фотографирования мы всё-таки сделали из этой пары тушки.

В 9⁰⁰ начали проведение учета птиц с самой восточной оконечности леса Жагабулак. Проводили его как бы «перекатами»: мы с Фейей идем пешком, а Давыгора на машине проезжает 300-400 м, оставляет ее и тоже идёт пешком. Дойдя до его машины, мы его вызываем по рации. Он снова забрасывает нас вперед на 0.5 км, а сам уезжает ещё на столько же. И таким образом мы провели учет на 6 участках по 300-400 м длиной – три наших, три – Давыгоры; всего 2 км. Результаты оказались интересными. Больше всего насчитали мы поющих самцов южного соловья (*Luscinia megarhynchos*) – 28 птиц на двоих. В четырёх местах

пели зяблики (*Fringilla coelebs*), в четырёх – обыкновенные чечевицы (*Carpodacus erythrinus*), в трёх – желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*) и большие синицы (*Parus major*). В двух местах встречены выводки лазоревок (*Parus caeruleus*), а в одном – самец обыкновенной горихвостки (*Phoenicurus phoenicurus*).

В лагерь вернулись в полдень, в самую жару, которая вместе с мокрецами не давала нам покоя до 18 час. Даже такое простое занятие как изготовление тушек славок из-за этих мокрецов превратилось в настоящую пытку. Спасаясь от них в речке, я заметил, что над водой мокрецов нет, и в результате родилась идея – обедать посередине речки! Так и сделали: поставили на мелководье походный столик и стулья и хоть во время трапезы отдохнули от назойливых соседей (рис.195). Зато утром 16 июня мокрецы около речки просто озверели – еле выпустили нас живыми при выезде в 8³⁰ на чинк.

Отсюда мы направились на Шубарши и Кенкияк. В селе Шубарши в колонках воды не оказалось: мотор не качает, так как отключили свет. Кое-как нашли колодец, чтобы пополнить запасы питьевой воды. Точно так же на заправочной станции в с. Кенкияк не оказалось бензина. Пришлось искать частника, который по цене 70 тенге за литр заправил Бог знает чем!!! На маршруте «Шубаркудук – Байганин – Сагиз», проходящем среди сухих белопопыльников, из-за горячего попутного южного ветра машина наша стала греться. Борясь с этим, наш рулевой Давыгора для охлаждения мотора постоянно включал печку, что ещё добавляло жары в салоне. Но поскольку и это не помогало, то через каждые не-

Рис.195. Обед посередине речки Темир. 15 июня 2006 г.

сколько километров приходилось останавливаться и разворачиваться «мордой» к ветру, подняв капот... Несколько часов такой езды изматывает и машину и людей. К тому же птиц по пути очень мало – два вида каменок (*Oenanthe oenanthe*, *Oe. isabellina*) да желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*), вот и всё! Только на станции Шубаркудук, около заправки, нам попало несколько домовых воровьёв (*Passer domesticus*). Лишь к вечеру, пройдя 183 км, мы стали лагерем № 3 на р. Кинжалы – в маленькой балочке среди степи. На закате выглянуло солнце, стало светлее, и народ сразу же кинулся купаться. А на берегу этой крохотной речушки нас приветствовала первая болотная черепаха (*Emys orbicularis*).

Вечером выяснилось, что с нашей «Нивой» неполадки, и рану утром Сергей и Анатолий поехали в Шубаркудук за запчастями. Только в 11⁰⁰ привезли запчасть и еще полчаса ее ставили. Так что нам с Феей ещё удалось понаблюдать птиц около речки, куда прилетают на водопой многие жаворонки. Лишь в полдень выехали через Байганин на станцию Сагиз и дальше по речке Сагиз. Дорога на Байганин грунтовая и идёт прямо на юг среди выгоревшей полынной степи-полупустыни, среди которой вскоре появились первые островки караганников. Несмотря на то, что сама дорога плохая, на ней мы встретили очень много интересных птиц.

В самое жаркое послеполуденное время (15⁰⁰-15²⁰) в райцентре Байганин мы закупили в магазинах продукты, заправились водой. До ст. Сагиз осталось 100 км. На всём этом пути мы вели учёт птиц с машины. Особенно интересно было считать жаворонков и видеть, как в зависимости от смены растительности меняются и количественные соотношения между отдельными видами жаворонков.

Подъехав к речке Сагиз, мы увидели, что стоячая вода её заросла какой-то тиной и водорослями, по берегам – тростник. Вокруг – тамариск, довольно широкой полосой (но кустарниковый – деревьев не видно). Стали лагерем в 9 км от станции Сагиз, за дамбой в чудном месте, на излучине Сагиза, где рыба выпрыгивает из воды, стремясь попасть в трубу. Здесь Сагиз – маленькая речка (ширина всего 50 м) с тростниковым бордюром по берегам и с зарослями тамариска – местами шириной до 100 м. Однако на следующий день место пришлось сменить: слишком близко от станции, и место оказалось очень людным, особенно в выходной день. Перебрались на 20 км подальше и там вечером 18 июня отметили середину экспедиции (как же быстро пролетела эта неделя!).

Дальнейший наш путь 19 июня пролегал через с. Сорколь на Миялы – одноэтажный посёлок из стандартных домиков с белыми шиферными крышами. Зелени почти нет – сухие, засушенные карагачи. Очень длительная сиеста в госучреждениях – с 13 до 15 час. не работает почта, банк тоже. В магазинах нет хлеба (пива тоже). После Миялы пошли на запад. Вскоре поднялись на дамбу с зарослями лоха по бокам. Это уже долина Уила и все эти ирригационные сооружения направлены явно на его зарегулирование!!! Это система полива сеяных трав. Красивое место, с деревьями лоха и старыми раскидистыми ивами-раkitами. Вот только состав птиц очень однообразен: два вида каменок – плясунья и обыкновенная (из них преобладает первая) да желчная овсянка, распеваящая в жару.

Вышли на берег Уила – место коровьего водопоя с небольшой лоховой рощицей, а через километр подыскали место для лагеря № 6. Река Уил в этом месте проходит отдельными плесами (или бочагами) диаметром 30-40 м, с узкими протоками воды между ними и куртинными тростника по берегам. Есть небольшие береговые обрывы с норами береговушек и щурок. На берегах – отдельные кусты лоха, даже небольшие деревья (на одном из них – жилое гнездо орла-могильника!). На том же лохе – шаровидное гнездо индийского воробья (*Passer indicus*). А вокруг – высокотравье из софоры, солодки и злаков: мятлика (*Poa pratense*) и ежи сборной (*Dactylus glomerata*).

Орнитофауна здесь поразнообразнее: поют желчные (*Emberiza bruniceps*) и садовые (*Emberiza hortulana*) овсянки, часто слышны голоса ремезов (*Remiz pendulinus*), здесь же – выводки варакушек (*Cyanosylvia svecica*), каменок-плясуний (*Oenanthe isabellina*) и полевых воробьёв (*Passer montanus*), на деревьях – выводок серых ворон (*Corvus cornix*) из 4 птенцов и двух взрослых птиц. Желчных овсянок здесь много. В одном месте я нашёл гнездо в густых зарослях высокой полыни и солодки. От земли всего в 20 см. В гнезде 4 полуоперенных птенца, а по бокам головы ещё торчат пучки пуха. Взятый в руки птенец уже не стал сидеть в гнезде, а за ним выпрыгнули внутрь куста и другие.

Ранним вечером, в 18 час, когда жара уже спала, мы втроём (с Карповым и Давыгорой) проехали в соседние песочки Тайсойган, о которых мне когда-то рассказывал ещё Рудик Кубыкин. Эти волнистые пески полностью и равномерно заросли довольно высокой травой (включая тёмную полынь) и невысоким кустарником, среди которого преобладает жузгун. Было пасмурно и начинал капать дождик. Но до его начала мы успели найти гнездо пустынного серого сорокопуга (*Lanius pallidirostris*) с 5 голыми птенцами и яйцом-болтуном. Гнездо помещалось на ветках жузгуна. У старших птенцов едва появились щелки глаз, младшие были еще слепыми. Обе взрослые птицы держались в 20-30 м от гнезда. В 14⁰⁰ дождь загнал нас в машину. Через полчаса на почерневшем небе появилась ярчайшая радуга. Пошли смотреть сорокопуга.

И снова дождь загнал в машину – ливень с градом!!! А после него – красивая радуга на фоне чёрного неба.

Утром 21 июня мы покинули лагерь № 6 и, проехав снова через Миялы, направились искать село Уил. Направление – на север. Дорога – тряский грейдер, хотя для наблюдения он хорош, так как приподнят над окружающей равниной (белополынники). А вдоль дороги – заросли софоры шириной до 100 м, местами – заросли

Рис.196. Наконец-то нам с Давыгорой удалось запастись свежим хлебом. Село Уил, июнь 2006 г.

верблужей колючки. К счастью, вскоре перешли на грунтовую дорогу, с тонким песчаным плащиком. Для езды намного лучше. Дорога уходит в слабо волнистые, почти равнинные песочки, местами покрытые характерным гигантским волоснецом (*Elymus giganteus*) и другой редкой растительностью. По пути всё так же встречаются два вида каменок, да ещё гнездо курганника (*Buteo rufinus*) с гнёздами индийских воробьёв (*Passer indicus*) в его стенках. Дальше пошла какая-то высокотравная степь. Затем – село, довольно большое и озеленено карагачами. Даже американский клён во дворах есть!!! Ещё клён какой-то. Странный мужик около развешанных на заборе (для продажи?) красочных ковров и прочих тряпок. Сказал, что село называется Икенда, однако мужик явно невменяемый. Больше людей на улицах этого странного села нет – как будто вымерли...

За селом – мощные лесопосадки карагачей!!! Многорядные: 25 параллельных лесополос длиной по 1 км каждая! Между двумя соседними лесополосами расстояние по 30-40 м (сама полоса состоит из 4-х рядков деревьев). Получается огромный массив леса, высаженного в направлении с севера на юг, и точно такой же массив – с перпендикулярно направленной посадкой. Первый массив расположен справа от дороги, второй – слева (и лесополосы тянутся вдоль дороги). Кто и когда всё это сажал?.

Проехав за день 142 км, очередной 7-й лагерь мы разбили за селом Уил, на краю широкого и богатого пойменного леса (ширина поймы не менее 300 м), состоящего из старых ив, тополей, кленов, а на опушке – лоха, а рядом подходят пески «Баркын». В пойме всю ночь распевали соловьи, пойманный утром оказался южным соловьём (*Luscinia megarhynchos*). Здесь же летают в степь за кормом дрозды-рябинники (*Turdus pilaris*), в самой пойме – голоса ремезов (*Remiz pendulinus*), песни яблчиков (*Fringilla coelebs*) и больших синиц (*Parus major*), садовых овсянок (*Emberiza hortulana*) и обыкновенных чечевиц (*Carpodacus erythrinus*). В паутинную сеть поймали серую мухоловку (*Muscicapa striata*) и ополовника, или долгохвостую синицу (*Aegithalos caudatus*), а утром встретили целый выводок ополовников из 18 птиц.

Утром мы с Давыгорой совершили пешую экскурсию в пески Баркын. Ширина ближайшей к пойменному лесу безлесной части песков – всего около 300-400 м. Это пологие, сглаженные всхолмления, заросшие злаками и молочаем. Здесь хорошие густые кустарниковые куртины (до 10x15 м), причем не только между буграми, но и на них. В одной из куртин растет даже редкий тростник. И прямо в этих куртинах среди песков поёт южный соловей (*Luscinia megarhynchos*)! Дальше пошли островные сосняки в песках. Это с виду явно не посадки, а куртины леса, растущего среди песчаных бугров, высота которых заметно больше, чем предыдущих. Открытые песчаные участки покрыты редкой злаковой растительностью типа типчака с колосющимися стеблями высотой до 15-20 см. Под соснами – ивняк, а на буграх – жузгун.

Здесь я наконец-то встретил славку-завирушку (*Sylvia curruca*), которую специально искал, – такую же, как в Уркаче! Песня у неё – со свистовым началом и поет она в кроне сосны!!! В кустах, в 30 м, поет другой самец. Подошел

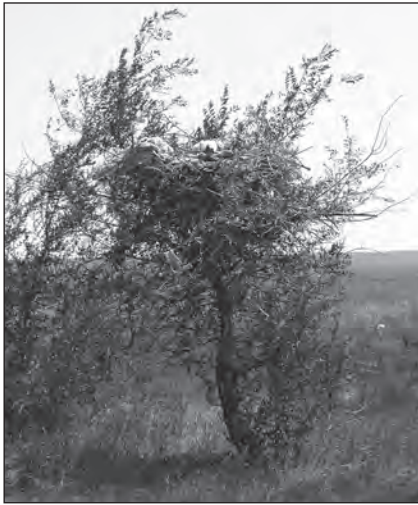

Рис.197. Гнездо степного орла с двумя птенцами

Рис.198. Последний лагерь – на Большой Хобде близ знаменитой зарудновской Бишкопы. 23 июня 2006 г.

Рис.199. На Б.Хобде с А.В.Давыгорой и Ф.Ф.Карповым

Анатолий и вместе стали слушать пение. Начало песни – слитное «витвит-витви», с ударением на последнем слоге; иногда песня на этом и обрывается, а иногда следует короткий росчерк, как у зяблика. Но временами песня заканчивается трелькой (видимо, это *AD* называет «стукоток»). Внешне птица выглядит, как те, которых мы отловили в Кумжаргане, заметен даже буроватый налет на серой спине. Два самца пели, перекликаясь, в соседних куртинах сосен, в 20-30 м друг от друга. Держались в кронах сосен и на верхних ветках высокого ивняка, совсем не прячась, а наоборот, как будто рассматривая нас. Необычное поведение для этого вида.

Дальше вглубь песков бугры стали выше и круче, куртины сосен – обширнее, сухой тростник есть почти везде на песке. Но местами верхушки песчаных бугров оголены и развеяны ветром. Здесь места гораздо более дикие, а сосняки не кончаются до горизонта. Кроме славок-завирушек, которых мы встретили ещё в двух местах, встретили трёх поющих самцов varaкушки (*Cyanosylvia svecica*); издали слышны песни садовых овсянок (*Emberiza hortulana*), а среди сухих веток ползучей ивы, распластанной на развеваемом бархане, встретили полевого воробья (*Passer montanus*), который явно живёт здесь, в пустотах между стволами – прилетает, чирикает, улетает.

Утром 23 июня мы выехали на Хобду и Бишкопу, в зарудновские места, которые мне давно хотелось посмотреть. По указателю, до села Хобда (бывшая Ново-Алексеевка) – 145 км. Погода стояла ясная, штиль, жара. Путь наш лежал на северо-восток сре-

ди великолепной типчаковой степи с хорошим покрытием и жалких карагачевых лесополос, в которых, тем не менее, попадались жилые гнёзда курганников (*Buteo rufinus*) и степных орлов (*Aquila nipalensis*). Из мелких птиц нас повсюду сопровождали обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*) и желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*); изредка в лесополосах попадались чернолобые сорокопуть (*Lanius minor*) и полевые воробьи (*Passer montanus*). Даже жаворонков ни одного не видно и не слышно.

Через 110 км, на водоразделе Уила и Хобды, обстановка стала совсем другой: пошли первые посеы с/х культур и мощные лесополосы. Очень позабавил нас указатель перед селом Калиновка: «Шымкент – 1653 км, Уральск – 350, Актобе – 113 км». А через час мы достигли границы города КОБДА (так и написано – **город**, а когда-то это было просто село Ново-Алексеевка). Отсюда, выйдя на Уральскую трассу (которую очень хвалили, как образцовую), мы по хорошему асфальту пошли почти прямо на восток. По бокам шоссе – нормальные карагачёвые лесополосы. Переехали речку Терисаккан и ушли вправо, в поисках реки Хобды и села Булак. Здесь – высокотравная степь с полями. Въезжаем в низинку с такой высокой травой, что трудно даже понять – это посеы или дикие злаки? Оказалось – высокотравная злаково-разнотравная степь без кустарников. Особенно много цветущего подмаренника (*Galium verum*) и какого-то молочая. Вскоре пошла широкая многорядная лесопосадка, за которой показалось село Булак в долине Большой Хобды. В 5 км от этого села, в излучине Б. Хобды напротив урочища Бишкопа, мы и разбили свой последний в эту поездку лагерь № 8, в котором провели два последних дня экспедиции.

Общий вид местности – небольшой плёс стоячей воды, полузаросшей кубышками и кувшинками, а по берегам – тростниковым бордюром. Правый берег, на котором мы поставили палатки, имеет невысокий (3 м) береговой обрыв с норами береговых ласточек. Берега местами поросли старыми раскидистыми ивами, а поляны между ними покрыты роскошным высокотравием. Особенно выделяется чёрная полынь, растущая отдельными пятнами. На противоположном берегу – обширная гарь, окраина выгоревшего урочища Бишкопа, столь часто упоминаемого в книге Н.А. Зарудного.

Утром 24 июня Федя с Давыгорой, переправившись на тот берег, ушли на весь день экскурсировать по Бишкопе, а я бродил в окрестностях лагеря и никак не мог отделаться от ощущения, что я нахожусь в знакомых до боли местах европейской части России или даже в Украине – настолько спокойно-уютно выглядело это сочетание старых ив на фоне стоячих вод и высокотравных полей с пасущимися на них коровами (не овцами!)... Птицы здесь также соответствовали той обстановке: варакушки (*Cyanosylvia svecica*), которых оказалось много в тростниково-кустарниковых зарослях по берегам; обыкновенный ремез (*Remiz pendulinus*) зяблик (*Fringilla coelebs*), обыкновенная чечевица (*Carpodacus erythrinus*), садовая овсянка (*Emberiza hortulana*), черноголовый чекан (*Saxicola torquata*). Даже пойманная в паутинную сеть у лагеря славказавирушка (*Sylvia curruca*) была крупнее и темнее тех, что мы добыли в песках (скорее всего – номинативного подвида).

После захода солнца – вечер сборов и разговоров. Белые барашки на западе переросли в чёрную тучу. С 22 час стали грызть комары, а начавшийся в полночь дождик загнал всех нас в палатку к Давыгоре, где и завершилось прощание с экспедицией...

Последняя, 9-я экспедиция по Тянь-Шаню (июль 2006)

Каким же резким контрастом была она по сравнению с только что окончившейся степной! Тогда я ещё и представить не мог, что для меня она окажется последней. Рано утром 17 июля 2006 г. в бишкекском аэропорту Манас мы встретили немецкую команду, в которой из 11 человек только один (Томас-2) был новенький, остальные 10 (Мюллер, Holger Ringel, Volker, Ludger, Jurgen, Anne, Mark, Werner, Martin Trost, Tomas Marchai) – старые знакомые по прежним поездкам и по встречам в Грайфсвальде.

На двух машинах – «Фольксваген» АИ-В6349W (водитель Александр Иванович) и УАЗ-452 (водитель Андрей, сын прошлогоднего Павла Андреевича) мы уже вечером того же дня выехали на запад, в направлении – Карабалты и Сосновка. Нам предстояло посетить в основном уже знакомые места, начиная с любимого мной Западного Тянь-Шаня. Вот наш общий маршрут: Бишкек – Карабалты – пер. Тюе-Ашу – Сусамырская долина – пер. Отмёк – Терексай (Каракол) – Таласская долина – пер. Карабура (3301 м) – Сандалашский хр. (реликтовые суслики!!!) – Чаткальская долина – пер. Чапчыма – золотые прииски с китайцами – Чаначсай на южном склоне Чаткальского хребта [здесь Вернер сломал ногу!] – город Джалалабад – речка Кугарт на южном склоне Ферганского хр. – перевал Сарыкыр, или Кугарт, или Кок-арт (3062 м) – Казарман – двойной перевал Макмал и Акмоюн (Аккоюн) – р. Алабуга – села Осовиахим и Конорчок – с. Байгетово [перед ним, близ с. Караборгён в долине речки Джаман-даван, поломалась машина Фольксваген и, как выяснилось – навсегда!!!] – с. Каиндыбулак – р. Нарын – ущелье Молдосу – перевал через хр. Молдотого – оз. Сонкуль – перевал «Отыз-еки», или «32 серпантина» (из Сонкуля на Долон) – речка Караункур – р. Кичине-Каракуджур – перевал Долон – с. Кочкорка – Орто-токойское вдхр. – р. Чу перед Рыбачьим (Балыкчи) – берег Иссык-Куля за Рыбачьим (с. Тамчи) – Боомское ущелье – Бишкек.

Первая ночёвка – на берегу р. Карабалта, всего 100 м ниже лагеря 1998 г., перед речкой Абла, вдоль которой на следующий день мы поднялись на перевал с тоннелем – в Сусамырскую долину. Пор обочинам дороги, идущей по южному подножью Киргизского хребта, – много цветущего донника желтого (*Melilotus officinalis*), а в самой Сусамырской долине – остатки посевов эспарцета (*Onobrychis* sp.). А над всем этим летают береговые ласточки (*Riparia riparia*) и очень светлый, с минимумом чёрного на крыле, самец степного луны (*Circus macrourus*). И ему, и этим ласточкам – вовсе не место в этой высокогорной долине. Однако тут же вертятся и две майны (*Acridotheres tristis*).

На 198 км ошской трассы свернули вправо – на перевал Отмёк. Здесь уже дорога без покрытия. И здесь же шлагбаум – дезинфекция колес автомашин против ящура. На самом перевале (42°16'50.6"с.ш.; 073°10'30.4"в.д.; высота 3020 м) птиц практически нет – только крики клушиц (*Pyrhhoracorax pyrrhhoracorax*). За перевалом, с высоты 2000 м и ниже, везде идёт строительство дороги, а вни-

зу – огромная стройка со щёб-
заводом. И дорога влево совсем
закрыта, пришлось объезжать
вправо через какой-то посёлок
Талдыбулак. Переехали по мо-
сту через крупную речку и ушли
вправо от реки на запад, а по-
том почти на север. Широчен-
ная степная долина с высокими
чертополохами по обочинам –
скорее татарник (*Onopordum*
acanthium). Свернули к западу,
здесь хороший асфальтирован-
ный кусок дороги до села Ко-
пробазар. Через село проходит

Рис.200. Первый лагерь. Киргизский Алатау, 18 июля 2006 г.

широкая речка (Талас ли?!), по берегам которой – густые старые берёзовые леса! На ночь стали на ручье Терексай, правом притоке Таласа (южный склон Киргизского хребта), где сделали днёвку, простояв весь следующий день, 19 июля, – день рождения Герда Мюллера, который, как всегда, дружно отпраздновали всем коллективом. Ущелье ориентировано на юг, вдаль видны снежные вершины Таласского Алатау. Оба склона не очень крутые, травянистые, с редкими и небольшими скалками и кустарником. По руслу – ивняк и облепиха.

Два снежно-белых взрослых кумая (*Gyps himalsyensis*) прямо в полдень летали над скалами. По словам ребят-чабанов, здесь много также «балтаджуттар», т.е. бородачей (*Gypaetus barbatus*), а беркут (*Aquila chrysaetus*) обычен здесь и даже на скале против нашего лагеря живет одна пара. Охотники-беркутчи раньше были, но старики уже умерли, так и не обучив молодёжь ремеслу. К вечеру 19 июля небо стало чёрно-синим, особенно на севере, где вскоре началась гроза, достигшая к 18 час и нашего лагеря. А ночью, после грозы, Йорген Готтшальк слышал голос сплюшки (*Otus scops*) – он точно его воспроизвел!

Утром 20 июля, тронувшись в дальнейший путь, мы наконец-то разобрались с географией. Оказывается, мы стояли в долине Каракола, а сам Талас протекает за сухим хребтиком-вставкой между Таласом и Караколом! Кстати, пойма и у того и у другого очень хорошая – настоящий лес, хотя и не широкий. Хребтик этот заканчивается через 1 км после длинного села Арал – здесь сливаются Каракол и Талас. Здесь и закончился наш длинный объезд, вызванный строительными работами. В месте слияния, у села Ханбургё, ширина Каракола всего 7-8 м, а Таласа – около 15 м. Сразу же, буквально через 100 м, началось село Чат-Базар! На яблонях очень много яблок – большой урожай! Через 1 км – село Манас. Следующее село – Карасуу, а за ним – речка Калба (сухая). Село Жергетал (только вывеска, самого села нет, а рядом – р. Талас). Здесь Талас течет по краю густого великолепного пойменного леса на почти идеальной равнине – ивняк, тополя, с небольшими галечниковыми берегами. В ивняке у речки поёт

широкохвостка (*Cettia cetti*). Минувя сёла Кёк-Кошат, Кырк-Казык и Кёк-Токой, мы к 12 час достигли города Талас, отметили командировки и расспросили о состоянии дороги на перевал Карабура.

Пообедав в ресторане (!), мы в 15⁰⁰ выехали на Кировское вдхр. Село Озгерюш по дороге, напротив него справа – удивительные для Киргизского Алатау формы рельефа – голые желтые обрывы причудливой формы. Судя по карте, это горы Караджилга! По пути до водохранилища миновали сёла Кызылсай (б. Орловка) на реке Урмарал, Бакыян и Карасуу. Везде много майны, сотенные стаи грачей и одичавших сизых голубей; часто встречаются египетская и кольчатая горлицы, чернолобые и туркестанские сорокопуть. А на берегу небольшого живописного озера на левом берегу Таласа за время часовой остановки для сбора энтомологического материала я насчитал птиц 16 видов: *Larus ridibundus* (10), *Vanellus vanellus* (> 20, колония на мокром лугу), *Actitis hypoleucos*, *Tringa totanus* (беспокоились около выводка), *Calidris minuta* (12 взлетели), *Circus aeruginosus* (самец), *Hirundo rustica* (10), *Sturnus vulgaris* (50 молодых, потом ещё 100), *Acridotheres tristis* (1.1.), *Anas platyrhynchos* (самка), *Larus minutus* (1), *Himantopus himantopus* (1), *Riparia riparia* (1), *Larus cachinnans* (2), *Charadrius dubius* (1), *Motacilla personata* (3), *Oriolus oriolus* (самец). В селе Карасуу встретили длиннохвостого сорокопута (*Lanius schach*).

После села Карасуу дорога пошла на подъем. Здесь удивительная аллея: с двух сторон пирамидальные тополя снаружи, а внутри их – ряд сосен, уже довольно больших, метров по 10 высотой! За селом Кызыл-Адыр (бывшее Кировское) мы сворачиваем налево – на Карабуру. Здесь в посадках вдоль дороги то и дело встречаются кольчатые горлицы, сизоворонки (10 одиночек), золотистые щурки (5.1.1.1.2.2.2.) и чернолобые сорокопуть (13 одиночных на проводах и два семейства на 8 км пути). Село Карабура показалось справа, а Чон-Карабура (бывшее Буденновское) – слева. Оба они уже у самого подножья гор, у входа в ущелье Карабура. Здесь закончился асфальт, но пошел неплохой грейдер.

В 17²⁰ въехали в ущелье Карабура. Весь северный склон этой части Та-

Рис.201. Горы Караджилга и Кировское вдхр. 20 июля 2006 г.

ласского Алатау абсолютно безлесный – ни ёлок, ни арчи! Даже кустарники редкость, лишь только кое-где в балочках-западинках. Подъезжаем к плотине Карабуринского вдхр. Склоны здесь удивительно сухие. Правый (западной экспозиции) – совсем голый, скалистый, а левый больше покрыт кустарником. Скальнички с очень покрученными пластами. По руслу редкие ивы, лишь в одном месте – небольшой ивовый лесок.

Я узнал это место! Это сюда в мае 1983 г. доехали мы снизу с Володей Колбинцевым по раскисшей от весенних дождей дороге и вынуждены были повернуть назад. Тогда я смотрел на эти склоны и думал: удастся ли снова попасть сюда и подняться выше – на перевал, о котором мне рассказывали. И вот прошло 23 года, и я снова здесь... В обратном направлении, следуя из долины Чаткала в Аксу-Джабаглы, мы проезжали здесь во время первой экспедиции в 1998 году.

К 19⁻¹⁰ мы поднялись до 2000 м, но пока ещё ущелье узкое и осевой хребет только виднеется впереди. В 19⁻³⁰ начался серпантин. На высоте 2469 м мы стали лагерем в нижней трети серпантина при подъеме на перевал Карабура, в зоне стелющейся арчи на правобережном притоке этой реки. Каменистый субальпийский луг здесь стравлен скотом почти до земли, а на склонах – отдельные плешины арчового стланика, а также отдельные пирамидки арчи высотой до 2 м! В глубокой балочке с ручьем эти пирамидки достигают 5-6 м! Очень интересно, что внутри плешин стланика – иногда пучки жимолости, а в той же балке – даже целые деревья жимолости, до 5-6 м, зато и куртина арчи обширная, в радиусе 20-30 м!!! Это живо напомнило мне родной Аксу-Джабаглы, для которого очень характерен такой симбиоз стланиковой арчи и листовенных кустарников; восточнее ничего подобного нет. Сходство усилил также колючий эсперцет (*Onobrychis jechidna*) – знаменитый элемент фриган, так свойственных Западной Тянь-Шаню!!!

На спуске с перевала Карабура (42°12'с.ш. и 71°34'48" в.д.; выс. 3301 м) мы сделали две стоянки для сбора материала (так называемые «заммельштот»). Приятно было видеть, что за прошедшие 8 лет дорогу расширили, и спуск с перевала стал просто великолепный. Дорога идёт по правому склону речки Каракысмак (приток Чаткала). В стелющейся арче на северном склоне энергично поют несколько самцов чечевицы (*Carpodacus erythrinus*) и зелёной пеночки (*Phylloscopus viridanus*), а над гребнем противоположного склона летает великолепный бородач (*Gypaetus barbatus*). Перед узким ущельем в реку Каракысмак впадает правобережный приток Мырзач. Здесь небольшие сазы и *Rhodiola*

Рис.202. Реликтовый суслик

Рис.203. Остатки снежного моста и развалины деревянного

semenovi. В самом ущелье, как и 8 лет назад, часто встречаются снежные мосты, после преодоления 8-го по счёту мы в 15⁻³⁰ стали лагерем на той же реке Каракырмак. Здесь у Анны Зибарт так разболелся зуб, что в 16⁻²⁰ машина Андрея увезла её в сопровождении Анары, Наташи и Людгера в село Каныш-Кия, к зубному врачу. Вообще замысел был иной – нанять там такси и увезти ее в Джала-лабад, однако поздно вечером они все вернулись обратно, так как после процедур в Каныш-Кия девушке стало легче, и она отказалась ехать в больницу.

Место здесь очень красивое. Речка течёт на юг, и оба склона полыхают оранжевым прангосом (*Prangos pabularia*) и почти такого же цвета ферулой (*Ferula tenuisecta*). Тихий и ясный закат дополнили неожиданные гости: с праздника чабанов, проходившего недалеко, приехали две артистки и фокусник Кайрат, устроившие нам в 18⁻⁰⁰ ужин с домлямой, а после него – концерт киргизской песни! Такая культурная программа редко выпадает в экспедиции, так что все мы получили истинное наслаждение, особенно наши немецкие гости. На это время забыли даже о реликтовых сусликах (*Citellus relictus*), на колонии которых мы разбили свой лагерь. А в 20 час, когда мы спохватились, суслики уже все спали. Зато все следующее утро было посвящено фотографированию этих зверьков.

Среди цветущих прангоса и ферулы – масса прямокрылых. Все они, по утверждению Volker'a, одного вида – *Decticus albipunctata*. Из птиц меня особенно заинтересовали какие-то мелкие вьюрки (возможно, *Bucanetes?*), пролетавшие стайками до 10-15 шт.

Дальше вниз дорога пошла недалеко от южных подножий Сандалашского хребта. Очередной правобережный приток – с узкой полосой старого тополевого русла. Здесь уже небольшие участки посевов. Ферула здесь вся бурая. Но гораздо больше, чем ее, здесь цветущего коровяка. И высокая черная польня по бокам дороги. Здесь встречались стаями летящие куда-то на восток розовые скворцы (*Pastor roseus*) и распевующие на бурьянах одиночные самцы желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*), которых выше не было.

Спустившись ниже 2000 м, мы приближаемся к пойме самого Чаткала. Хороший, шириной около 200 м, настоящий лес, причем по обоим берегам. Ширина долины в этом месте около 2 км. По краю леса встречаются: большие горли-

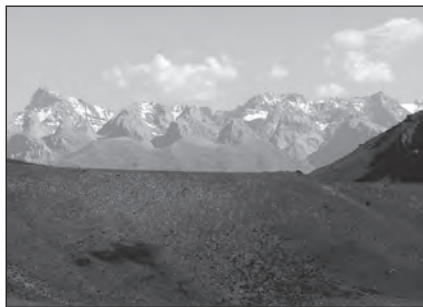

Рис.204. Чаткальский хребет, северные склоны

Рис.205. Река Чаткал у лагеря 1998 г.

цы (*Streptopelia orientalis*), кукушки (*Cuculus canorus* – 3, из них одна – рыжей формы!), белокрылый дятел (*Dendrocopos leucopterus*), пустельга (*Cerchneis tinnunculus*), чёрная ворона (*Corvus corone*), удод (*Upupa epops*), чернолобый (*Lanius minor*) и длиннохвостый (*Lanius schach*) сорокопуть, маскированная трясогузка (*Motacilla personata*). В полдень – часовая стоянка на месте лагеря 1998 г. (пара майн, молодые плешанки и маскированные трясогузки, египетские горлицы, перевозчик, кукушки, туркестанский жулан и желтогрудый князёк).

Дальше на запад долина Чаткала шириной не более 1 км: с юга ее ограничивает прилавок-вставочка, невысокая и безлесная, но вскоре она кончается и долина становится шире. Кроме хорошего пойменного леса, в долине есть луговые и заболоченные участки. И в этой долине расположены села. Высокотравье, а местами – участки скошенного сена и посевов хлеба. Южный склон Санда-лашского хребта совсем сухой, даже без кустарников, которые ютятся только по ложбинкам. Но внизу его имеются заболоченные участки. За первым низким хребтом – более высокий темный (тоже безлесный) и только за ним – Талас-ский Алатау. В 12⁻³⁵ прямо у дороги – село Багыш. В нём – асфальт!!! А через 5 минут – село Каныш-Кия. И тут асфальт есть, местами. Здесь Чаткал течет всего в 100 м от дороги, по краю села – в обрывистых берегах, практически без поймы, лишь отдельные островочки тополей. В 100 м ниже моста через Чаткал в него впадает справа такая же по ширине мощная река, стекающая с Санда-лашского хребта (мы до нее не доехали) и с таким же мощным тугаем!!! Её ширина метров 30, не меньше! А вскоре – и село Яны-Базар, бывший райцентр (теперь райцентром стало Каныш-Кия). Попытка купить хлеб в бывшем райцентре не увенчалась успехом – здесь его не бывает! Повсюду на проводах – деревенские ласточки (*Hirundo rustica*), явно вылетевшие выводки. Обычны здесь и полевые воробьи (*Passer montanus*), чернолобые сорокопуть (*Lanius minor*) и желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*), а вот майн (*Acridotheres tristis*) немного. В одном месте, перед селом Корулуш, – целая стая из 20 желтоголовых трясогузок (*Motacilla citreola*), явно объединившиеся выводки. Вскоре за селом Корулуш начался подъем на перевал Чапчыма, а река Чаткал ушла вниз, в теснину. Поднимаемся по речке Терс, с хорошим тополевым тугаем. Наспех перекусив арбузом, продолжаем подъём. Над нами летает орёл-карлик (*Hieraaetus pennatus*)

Рис.206. Когда не хватает лошадиных сил

Рис.207. За хребтом – родной Аксу-Джабаглы

светлой фазы – не такой уж частый гость на нашем пути. На перевале Чапчыма, (2841 м над уровнем моря) нас встретила только одна обыкновенная каменка (*Oenanthe oenanthe*), а вот на спуске видели горихвостку-чернушку (*Phoenicurus ochruros*), каменку-пleshанку (*Oenanthe pleschanka*), десятка полтора коноплянок (*Acanthis cannabina*), пару плясуний (*Oenanthe isabellina*).

С высоты 2400 м стала встречаться древовидная арча, в основном на склонах восточной и северо-восточной экспозиции. Затем ущелье сузилось, местами с отвесными скалами, между которыми высокоствольная арча. По речке – тугай и везде много цветущей *Perovskia* sp. Помимо ив и тополя в тугае довольно много клена Семёнова, различных шиповников и барбариса. Местами клен преобладает. В 19⁰⁰ проехали большое село Терексай расположенное прямо в русле между скал, в каменном мешке! Здесь встретили пару чёрных ворон (*Corvus corone orientalis*) и двух чёрных дроздов (*Turdus merula*). Очередной, пятый лагерь разбили на р. Касансай в 5 км ниже с. Бузук (42°26' с.ш.; 71°13'40" в.д.; высота 1 346 м).

Река течет на юг в узком ущелье с крутыми каменистыми склонами. Дно шириной 20-30 м, из них 10 м – ширина реки. Галерейный лес из высоких тополей. На склонах – скалы и редкие кусты, чаще других – *Amygdalus petunnikovi*. В отщелке, впадающем в речку слева, по дну вдоль ручья – густые заросли клена Семёнова, ясеня, ив, есть даже груша с плодами. А между ними – высокие стебли тростника, до 2-3 м. На почти горизонтальных площадках склона – белая полынь типа австрийской, типчак, жалкие стебли терескена. На камнях – кусты эфедры. Осыпей практически нет. Здесь поют иволги (*Oriolus oriolus*) и синие птицы (*Myophonus caeruleus*), воркуют голуби-вяхири (*Columba palumbus*) и тут же – пара крикливых, вездесущих майн (*Acridotheres tristis*).

После выхода из ущелья дорога пошла вдоль киргизско-узбекской границы, минуя сёла Кызылтокой, Жойбелен, Достук. И почти в каждом селе направо уходит дорога в Узбекистан. Касансайское вдхр. видно впереди – практически на границе с Узбекистаном. В 1998 году, когда мы здесь проезжали, его ещё не было!!! Довольно большое – несколько километров в длину. А на его фоне – сёла и поля подсолнухов. Везде попадаются яркие сизоворонки (*Coracias garrulus*) и золотистые шурки (*Merops apiaster*), обыкновенные скворцы (*Sturnus vulgaris*), а при пересечении сухих адыров встречаем хохлатых (*Galerida cristata*) и двупятнистых (*Melanocorypha bimaculata*) жаворонков. На проводах много деревенских ласточек (*Hirundo rustica*), египетских горлиц (*Streptopelia senegalensis*).

В селе Алабука – глиняные заборы типа дувалов, яркие полосатые узбекские платья на девушках – это уже совсем Узбекистан! На красочном узбекском базаре долго искали лёд, необходимый для сохранения наших продуктов в сумке-холодильнике и в первую очередь – кислого молока для приготовления окрошки, которую так полюбили наши немецкие друзья (действительно, в жару – незаменимое блюдо). Отсюда направились на Ташкумыр в поисках Кашкасу. Повернули на восток и поехали вдоль подножий Западного Тянь-Шаня (справа – Ферганская долина). Сплошные огороды – это освоенные адыры. Вы-

сота 1400 м над уровнем моря. Птицы по пути всё те же, только чаще стали встречаться длиннохвостые сорокопуть (*Lanius schach*). В 13⁻⁴⁵ въехали в ущелье, где эта злополучная Кашкасу должна быть. Ущелье называется Чаначсай! Затем объехали водохранилище на этой реке и тут мостик с извещением, что это лесхоз «Чаначсай». Едем по ущелью, проехали пионерлагерь, лесничество, выяснили, что здесь ещё можно проехать

Рис.208. Пополнение продовольствия на базаре в селе Алабука

16 км. Ущелье узкое, крутые склоны поросли густым высокоствольным арчевником, местами – красивые скалы. Дно ущелья, шириной всего 30-40 м, занято густыми зарослями ив, тополей и лиственных кустарников. Здесь и разбились очередной, шестой лагерь. Вокруг поют желтогрудые князьки (*Parus flavipectus*) и зеленые пеночки (*Phylloscopus viridanus*).

Многообещающе для меня началась утренняя экскурсия 25 июля в арчевнике восточного склона: несколько дроздов-деряб (*Turdus viscivorus*), выводок рыжешейных синиц (*Parus rufonuchalis*), песни и выводок зелёной пеночки (*Phylloscopus viridanus*). Однако, запланированная поездка вверх по ущелью не получилась: уже подходя к машине, Вернер сломал себе ногу!. Меня поразила деловитость и слаженность действий наших немецких коллег: без особых эмоций и паники они оказали ему первую помощь, зафиксировали ногу при использовании подручных средств, кто-то побежал в лагерь к машине и стал её заводить, собирать документы и необходимые в дорогу вещи. И уже через полчаса «Фольсваген» увёз Вернера в сопровождении 6 человек (Валентина Исмаиловна, Хольгер, Анара, Анна, Томас, Марк) в город Джалалабад. В лагере осталось 10 человек.

Продолжив экскурсию в арчевниках недалеко от лагеря, я снова встретил выводок зелёных пеночек (*Phylloscopus viridanus*), парочки седоголовых щеглов (*Carduelis caniceps*) и красношапочных вьюрков (*Serinus pusillus*), а также тусклую зарничку (*Phylloscopus inornatus humei*) с яркой крыловой полоской и характерной позывкой – глухим двойным «виси-виси». Здесь же были молодые желтогрудые князьки (*Parus flavipectus*) и один чеглок (*Hypotriorchis subbuteo*). На следующее утро к перечисленным добавились синяя птица (*Myophonus caeruleus*) и седоголовая горихвостка (*Phoenicurus coeruleocephalus*), а обе синицы оказались довольно обычными, так же как обыкновенные чечевицы (*Carpodacus erythrinus*), зелёные пеночки (*Phylloscopus viridanus*) и большие горлицы (*Streptopelia orientalis*); в одном месте попался белокрылый дятел (*Dedrocopus leucopterus*), которого у нас, на юго-востоке Казахстана, мы привыкли видеть только в лесах среди пустыни.

Рис. 209. Погрузка поломанного Вернера в такси

Лишь к вечеру следующего дня вернулись на машине Александр Иванович с Хольгером, остальные остались в Джалалабаде – ждут нас. Судя по спидометру, за эти два дня машина прошла расстояние 531 км, что для горной местности очень немало!!!

Следующим утром, 27 июля мы выехали в Джалалабад. Дорога проходила по сухим глинистым адырам с полыньёю и васильком растопыренным

(*Centaurea squarrosa*). Слева – сухие горные склоны, справа – освоенная равнина Ферганской долины. В предгорьях цветёт перовския, а вдоль трасы – село за селом и поля сафлора и проса. Уже в 10 час мы проехали бывшее село Караван (теперь он Кербен). Очень плохого качества грейдер идёт здесь между селами в объезд узбекской границы (а все хорошие асфальтированные дороги уходят в Узбекистан!). Идя наверх по адыру, дорога взбирается на оригинальный перевальчик. Здесь интересные, совершенно сухие глиняные горки с фисташкой. После них дорога разделилась: влево ушла на Ташкумыр, а вправо – на Уч-Коргон (мы поехали на Уч-Коргон). Удручающее зрелище: сухие реки с заиленными руслами с сухими галечниками. И очень редкие кусты фисташки на голых глиняных склонах. Столь же бедна здесь и орнитофауна: одиночные щурки (*Merops apiaster*) на проводах, а в сёлах – майны (*Acridotheres tristis*) и египетские горлицы (*Streptopelia senegalensis*). Проехав эти сухие горки, попадаем в зелёную долину, село Терс. Здесь кукуруза, бахчи, ивы и карагачи в селе. Вскоре начинается большущее село Учкоргон, за которым видно очень длинное Учкоргонское вдхр. Здесь мы уже не в первый раз наблюдали очень своеобразный обмолот соломы на дороге: местные жители раскладывают снопы на проезжей части, и проходящие машины выполняют роль молотилки, выдавливая зерно из колосьев.

Проехав плотину с какими-то шлюзами, а также сёла Кочкората и Шайдан, мы уже в 15 час были в Джалалабаде, где в гостинице нас ожидали Аня и Вернер. После общего обеда и закупок на базаре мы погрузили Вернера в красное такси и отправили в Бишкек; с ним поехали Наташа с Людгером. В 18 час мы покинули Джалалабад и стали искать дорогу на Ферганский хребет. По дороге к подножью Ферганского хребта – однорядные посадки яблонь, буквально усыпанных плодами. А на яблонях, высаженных вдоль дороги, – гнезда испанских воробьёв (*Passer hispaniolensis*). Только в 19²⁰ переехали мост через р. Кугарт и начали подъем на южный склон Ферганского хребта. Самая нижняя часть склона занята посевами подсолнуха (кукуруза реже). Большие поля подсолнуха! В 21⁰⁰, уже в сумерках, стали лагерем № 7 точно на том месте, где стояли в 2004 г. Здесь уже в основном кленовые леса по всему склону, так как ореховые

остались внизу. Ночью над нашими палатками перекликаются несколько самцов сплюшек (*Otus scops*).

Перевала Сарыкыр мы достигли на следующий день к 11⁰⁰. На старых картах он называется перевал Кок-арт, или Кугарт, а на новой – перевал «Колдома-пасс» (3062 м.). Здесь за 1 час стоянки я успел увидеть коноплянок (*Acanthis cannabina*), ворона (*Corvus corax*), горного конька (*Anthus spinoletta*), гималайскую завирушку (*Prunella himalayana*), альпийских галок (*Pyrhacorax graculus*) и желтоголовую трясогузку (*Motacilla citreola*), а на спуске – черноголовых чеканов (*Saxicola torquata*) и 20 красношапочных вьюрков (*Serinus pusillus*).

Рис.210. Река Кугарт у подножия Ферганского хребта. 27 июля 2006 г.

Ещё одну часовую остановку сделали в 13⁰⁰ внизу, у слияния двух речек – Джингису и Урюмбаш. Здесь в 1999 г. была масса поющих зеленых пеночек. А сейчас здесь много цветущей зизифоры (*Ziziphora bungeana*). 14²⁰ поехали дальше на Казарман. В пути нас везде сопровождали ласточки – деревенские (*Hirundo rustica*), городские, или воронки (*Delichon urbica*) и скальные (*Riparia rupestris*). Последних видели всего два раза и только в горной части маршрута. Постоянно попадались пары коноплянок (*Acanthis cannabina*) и чернолобые сорокопугы (*Lanius minor*), изредка – удоды (*Upupa epops*) и сизоворонки (*Coracias garrulus*). На месте стоянки 1999 г. (где была колония розовых скворцов) встретили около 150 *Pastor roseus*, большинство молодые.

Выйдя в 15⁴⁵ на асфальт, мы повернули вправо – на перевал, оставив Казарман слева. А справа от нас – река Кокарт: довольно широкая долина, хорошо выработанное русло. На подъеме к перевалу Макмал пришлось менять запасное колесо. Стали лагерем № 8 на притоке р. Алабуги на спуске с перевала Аккоюн (высота 2537 м). Фоновые птицы здесь – желтоголовые трясогузки (*Motacilla citreola calcarata*) и поющие везде чечевицы (*Capodacus erythrinus*). Неожиданно было встретить здесь обыкновенного сверчка (*Locustella naevia*), выводок зелёных пеночек (*Phylloscopus viridanus*), черныша (*Tringa ochropus*) и молодого самца варакушки (*Cyanosylvia svecica*). На степном участке запел перепел (*Coturnix coturnix*); здесь ковыль-волосатик (*Stipa capillata*), а местами – даже какой-то из перистых ковылей.

На дальнейшем пути 29 июля самой массовой была черноспинная желтоголовая трясогузка (*Motacilla citreola calcarata*), выводки которой встречались везде по высокоотравию. Изредка попадались чёрные вороны (*Corvus corone*) и стрижи (*Apus apus*), а дважды – какие-то мелкие жаворонки (*Calandrella* sp.), рассмотреть которых из машины не удалось; очень подозреваю, что это были тонкоклювые (*Calandrella acutirostris*).

Вокруг села Кош-Добе, куда мы прибыли в 10²⁵, – уже выгоревшая низкотравная каменистая степь с отдельными кустиками чёрной полыни. Справа высятся скалистые вершины хребта Джамантоо, а впереди – три гряды его же. Из птиц здесь обычны каменки-плясуньи (*Oenanthe isabellina*) и стайки тех же мелких жаворонков (*Calandrella* sp.), появились полевые коньки (*Anthus campestris*), удоды (*Upupa epops*), полевые воробьи (*Passer montanus*) и даже майна (*Acridotheres tristis*). Но самая интересная встреча – змеяед (*Circaetus gallicus*): один – сразу же за мостом через Алабугу; ещё 2 змеяеда – видимо, молодые (зоб не чёрный, а лишь наметки тёмного). Может, это семья? Это всего пару километров перед селом Джергетал!

Здесь мы опять въехали в долину Алабуги, слева и справа – бедленды. А между ними – сухая степь с чием, местами посеvy. Как ни странно, но птичье население здесь оказалось довольно разнообразным: часто встречались обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*) и плясуньи (*Oenanthe isabellina*), группами от 5-6 до 20 особей – мелкие жаворонки (*Calandrella* sp.), парами – хохлатые жаворонки (*Galerida cristata*), выводками – маскированные трясогузки (*Motacilla personata*), стайкой из 10 особей – полевые воробьи (*Passer montanus*), одиночками – туркестанские жуланы (*Lanius phoenicuroides*), чернолобые сорокопуть (*Lanius minor*) и желчные овсянки (*Emberiza bruniceps*), чёрные стрижи (*Apus apus*) и плешанки (*Oenanthe pleschanka*). Однажды я вспугнул пару двупятнистых жаворонков (*Melanocorypha bimaculata*), в другом месте – степную пустельгу (*Cerchneis naumanni*). И всё это – на небольшом участке правобережья реки Алабуга перед селом Осовиахим. Особенно обращало на себя внимание большое количество жуланов вдоль дороги: более 20 одиночек насчитал я между сёлами Осовиахим и Конорчок. Здесь же на столбе сидел ещё один молодой змеяед (*Circaetus gallicus*).

За селом Конорчок дорога упирается в бедленды и сворачивает направо, уходя из долины Алабуги в сторону Байетово. Здесь дорога проходит у подножья бедлендов, а справа – ручей, заросший кустарниковыми ивами. Сразу же пошел подъем вверх, к Байетово. После довольно крутого подъема спустились в широкую долину и здесь село Карабёргён. Лежит в каменистой сухой степи (сангалак!) между бедлендами на востоке и обрывистыми берегами реки на западе (ширина 1 км), кое-где редкие кустики. Протекающая по долине речка называется Джаман-даван. Столбик 106/37 км: куда и откуда? Скорее всего, это километраж из Нарына в Байетово. А с. Карабёргён достаточно зелёное. За селом – довольно много птиц, из которых особо привлекла моё внимание стая двупятнистых жаворонков (*Melanocorypha bimaculata*) размером с полсотни особей! На втором месте по численности оказались плясуньи (*Oenanthe isabellina*) и желтоголовые трясогузки (*Motacilla citreola calcarata*).

Здесь остановилась и заглохла машина – «Фольксваген» Александра Ивановича (и, как оказалось потом, – **навсегда!**). Сначала надеялись найти причину, полагая, что она несущественная. Оказалось – порвался ремень. Пока брали машину на буксир, удалось здесь же, в густом участке люцерны (вокруг – сенокос вручную), встретить серую славку (*Sylvia communis*), проявлявшую признаки

беспокойства. Явно здесь было гнездо! Однако разыскать его не удалось – надо было срочно тащить на буксире машину в Байетово. Там мы встретили Наташу и Людгера¹⁸, вернувшихся из Бишкека, куда они транспортировали Вернера. Заодно мы узнали, что машину в Байетово не починить. Начались телефонные разговоры с Бишкеком, которые закончились обещаниями, что наши друзья передадут злополучный ремень из Бишкека с водителем маршрутки. Оставалось ждать, может быть и не один день. Отъехали от Байетово на 2 км до с. Каиндыбулак, чтобы спокойно пообедать. Но в итоге мы остались здесь ночевать, поставив свои палатки прямо во дворе гостеприимного хозяина. В довершение ко всему пошёл сильный дождь, но люди не теряли присутствия духа, хотя ясно было – работа испорчена и не известно, насколько.

Рис.211. Освоенная долина среди бедлендов в 2 км ниже Байетово, где мы ожидали ремонта машины

Рано утром 30 июля рейсовый автобус из Бишкека привез ремень, а через полчаса привезли и мастера из Байетово. Однако ремонт пока безрезультатен: как ни пытались наши умельцы подогнать ремень на 135 зубцов вместо ремня на 137, ничего у них не получилось! Появилось предположение – как бы не оказалось и других нарушений в моторе (вчера, пока пытались его насильно завести). К полудню, в самую жару, выяснилось, что не подходит ремень. Машину отбуксировали в Байетово, а сами стали искать замену ей там же, но не нашли. И теперь одна надежда: добраться до ущелья Молдосу, стать там лагерем и работать, а на смену «Фольксвагену» вызвать машину из Бишкека. Ещё через час выяснилось, что наш «Фольксваген» здесь не восстановить, и его отправляют на КамАЗе прямо в Бишкек, а нас за два рейса Андрей на своём УАЗ'ике перевозит в ущелье Молдосу, за селом Актала (хребет Молдотоо, южный склон).

На первый рейс народу в машину набилось под завязку! Мне пришлось пересест на заднее сидение, откуда ничего не было видно, и птиц на этом отрезке маршрута считала сидевшая в кабине В.И. Торопова. По пути от Каиндыбулака через нарынский мост до средней части ущелья Молдосу она насчитала: десятков удонов (*Upupa epops*), 15 сизоворонок (*Coracias garrulus*), 7 чернолобых сококопутов (*Lanius minor*), 6 туркестанских жуланов (*Lanius phoenicuroides*) и 12 грачей (*Corvus frugilegus*). Плешанка (*Oenanthe pleschanka*) преобладала в сухих горах (перевал в долину Нарына), а в долине Нарына стало больше плясуньи (*Oenanthe isabellina*).

В 15⁰⁰ мы разбили 10-й по счёту лагерь в ущелье Молдосу, на месте нашего лагеря 2000 г. (высота 2381 м). Первый, кого здесь увидели, был ворон (*Corvus*

¹⁸ Эта поездка не прошла для них бесследно: вскоре они поженились и сейчас живут в Германии - АК.

corax). В 19⁰⁰ приехала вторая половина команды. Машину в Байетово найти не удалось но дозвонились до Бишкека и жених Анары Максут обещал до завтра найти там подходящую машину и приехать с ней. Дай Бог, чтобы он нашел – сначала машину, а потом нас!

Вечером сверху, с озера Сонкуль, мимо нас пошли вниз машины – одна за одной! Оказалось, что там был фестиваль песни, который закончился сегодня. Народа скопилось очень много, так как многие машины останавливались в этом красивом месте и сидевшие в них компании пытались продолжать праздник – с возлиянием и прочими увеселениями. Это было ещё одним непредвиденным дополнением к нашим неприятностям. И весь следующий день, 31 июля, продолжалось это паломничество машин: за 6 часов сверху, из Сон-куля, сплошным потоком прошло несколько десятков и значительная часть из них останавливалась напротив нас, скапливаясь до 6 машин одновременно. Сначала преобладали легковые, а после 14 час – грузовые, нередко груженные юртами, а то и просто большим количеством людей. Вот это праздник! Наверное, вся область была здесь. А место нашего лагеря оказалось излюбленным для остановок и отдыха. Поток машин не прекращался до самого вечера – как будто вся Киргизия сюда переселилась...

Мы же после короткой утренней экскурсии (тихо в еловом лесу – как осенью!!!) весь день прождали Максута с машиной. Тревогу усиливала странная погода: весь день солнце сквозь мглу. Очень странная мгла – может, китайцы чего-нибудь взорвали? Удивительно серое небо, а на нем грязно-белые облака.

Рис.212. Последнее общее фото участников: ущелье Молдосу, северный склон хребта Молдоттоо. 1 августа 2006 г.

Откуда эта непробиваемая мгла??? Даже утром следующего дня небо ещё было серое, но уже пробивалась какая-то голубизна. Интересно, что это за аномалия – неужели связано с таким грандиозным праздником? Потому что если бы это китайцы что-то взорвали, то уже было бы известно из СМИ.

Мои большие сомнения – найдёт ли Максут нас здесь, в горах – оказались напрасными. Он приехал поздно вечером, уже в темноте. На белом «Мерседесе» № 185 (маршрутка с надписью «Ошский рынок – Дордой»); водители – Халил и Азада. Рано утром 1 августа они отвезли на трассу В.И. Торопову, которая уехала автобусом в город, а около 10 час и все мы, сопровождаемые криками синих птиц (*Myophonus caeruleus*) и выводка зелёных пеночек (*Phylloscopus viridanus*) отправились в обратный путь через озеро Сон-куль. Я сел в машину Андрея на место Анары, которая с радостью перебралась к Максуту в «Мерседес» и в салоне у нас стало посвободнее – всего 6 человек. Вообще-то было ясно, что экспедиция практически закончилась и обратно возвращаются лишь остатки её состава. Было грустно, и мне впервые пришла в голову мысль, что, возможно, это моя последняя поездка в составе этих столь полюбившихся за 9 лет экспедиций...

Знакомым серпантином мы довольно быстро поднялись на перевал Молдотто и уже к полудню достигли южного берега Сон-куля. Тут красивые белые барашки над озером за 15 мин превратились в черные тучи, и вот уже всё затянуто чёрным, гремит гром и начинается дождь! Встреченные нами около 10 озёрных чаек (*Larus ridibundus*) все уже перелиняли в зимний наряд – и взрослые и молодые. К счастью, дождь вскоре закончился.

В восточном углу котловины – типичные сырты. В ожидании второй машины (бусик 185-й) мы сделали арбузный ланч до 14 час, когда вышло солнце и сразу же стало жарко (а было очень прохладно!). Здесь оказалось довольно много травников (*Tringa totanus*), 6 огарей (*Tadorna ferruginea*) и молодая хохотунья (*Larus cachinnans*), а около сурчиной норы беспокоилась каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*).

Вскоре дорога разделилась на две: одна идёт прямо через мостик (это единственная река, вытекающая из Сонколя) и дальше – полукругом вдоль восточно-

Рис.213. В котловине высокогорного озера Сонкуль. 1 августа 2006 г.

Рис.214. Спуск с перевала «Отыз-еки» (32 серпантина)

го и северного берега на перевал Тюлек; а вторая перед мостиком сворачивает направо и уходит на перевал «Отыз-еки». По ней мы и поехали. Здесь – хорошие луга-джайляу и везде юрты. Среди луга оригинальные выходы матрацевидных камней. И масса серых сурков (*Marmota baibacina*) – просто удивительных размеров старые особи. Много чёрных ворон (*Corvus corone*) – полтора десятка в одном месте.

Спуск с перевала «Отыз-еки» начался почти без подъёма. Панорама серпантинных и лежащей под нами узкой долины очень красивая. Сначала идёт 10-15 серпантинных, остальные – дальше. С 16 до 17 час – длительная поездка по удивительным местам в поисках подходящего для лагеря места (в этом Мюллер придиричив!). Вокруг – открытые луговые склоны глубоких долин с причудливыми формами рельефа и неширокими полосками леса кое-где. Но везде дорога идет по склонам и не спускается к воде, чтобы можно было выбрать место для лагеря. Наконец, в 17⁰⁰, после очередного подъёма, мы оказались на перевале в долину реки Кара-Ункур, по которой идет нарын-бишкекская автотрасса!!! Такого подвоха не ожидал никто. Ничего не оставалось, как спуститься на эту трассу с оживленным движением транспорта и искать себе ночлег в более или менее укромном месте. Для этого пришлось вернуться по трассе в сторону Нарына – и здесь нашлась площадка у речки, в 100 м от трассы!!! Здесь и разбили лагерь № 11, прямо на трассе Нарын – Бишкек, в 7 км ниже места выхода на нее дороги с Сонкуля (выс. 2348 м).

Лагерь наш разместился под крутым склоном восточной экспозиции, по которому островные ельники спускаются до самой речки. Склон западной экспозиции более пологий, покрыт лугом и зарослями стланика, а вверх скалами. По руслу речки – узкая лента ивовых зарослей с примесью облепихи. Немало также жимолости, барбариса и смородины. Местами есть мирикария. Утром 2 августа здесь оказалось разнообразное птичье население: много поющих зелёных пеночек (*Phylloscopus viridanus*), причём я впервые видел, как самец зелёной пеночки копирует песню широкохвостки (*Cettia cetti*); слышны песни чечевиц (*Carpodacus erythrinus*) и голоса красношапочных выюрков (*Serinus pusillus*). Здесь же – чёрный дрозд (*Turdus merula*), лесной конёк (*Anthus*

Рис.215. Лагерь на р.Кара-Ункур, 2 августа 2006 г.

Рис.216. Профессор Мюллер собирает *Bembidion* sp.

trivialis), арчовая чечевица (*Carpodacus rhodochlamys*), желтогрудый князёк (*Parus flavipectus*), сорока (*Pica pica*), тусклая зарничка (*Phylloscopus humei*), индийская пеночка (*Phylloscopus griseolus*). А под конец на склон восточной экспозиции прилетела и села стая из 18 вяхирей (*Columba palumbus*)!

По пути на перевале Долон снова видели краснокрылого стенолаза, а высоко в небе кружил ослепительно белый кумай (*Gyps himalayensis*). По р. Кичине-Каракуджур свернули вправо (основная дорога на перевал уходит на серпантин влево, а мы пошли прямо вдоль речки). Ущелье сначала узкое, вскоре оно расширяется, есть хорошие травянистые площадки для лагеря. Весь левобережный склон (для нас – правый) весь зарос колючей караганой, а правый – каменистый. К 11⁻⁴⁵ ущелье правратилось в довольно широкую долину с пологими склонами и с рекой, меандрирующей среди роскошного высокогорного луга. Это хорошие джейляу и здесь чабан на чабане. Все это травянистое и носит типичный сыртовой характер. В 12⁻⁰⁰ стали лагерем № 12 на речке Кичине-Каракуджур (впадает в речку Караункур слева между скалой стенолаза и перевалом Долон). Абсолютная высота 2872 м. Сыртоподобные луга с осоковой подушкой, среди которой множество розеток кузиний – как колючие воронки. Цвет склонов тоже очень напоминает пожухлый цвет сыртов.

Из птиц видели сероспинную желтоголовую трясогузку (*Motacilla citreola werae*) с очень узким черным зашейком, а в полёте – огаря (*Tadorna ferruginea*), коршуна (*Milvus migrans*) и курганника (*Buteo rufinus*). Пара маскированных трясогузок (*Motacilla personata*) собирала корм в одном месте излучины реки и носила его в гнездо под крышу дома в 40-50 м, гоня с этого места более мелких желтоголовых трясогузок. Одиночные горные коньки (*Anthus spinoletta*) и камненные воробьи (*Petronia petronia*) прилетали пить к речке, по берегу которой бегал перевозчик (*Actitis hypoleucos*). Пара полевых воробьёв (*Paser montanus*) кормили слетков на обрыве, в 30 м от дома. Слышны голоса красношапочных вьюрков (*Serinus pusillus*) и коноплянок (*Acanthis cannabina*). Пролетел чеглок (*Falco subbuteo*), а высоко в небе опять появился кумай (*Gyps himalayensis*).

А утром 3 августа – сенсация: в 3 км выше лагеря Томас встретил серпоклюва (*Ibidorhynchus struthersii*). Здесь же – две пары клушиц (*Pyrhhorcorax pyrrhocrax*), черноспинная желтоголовая трясогузка (*Motacilla citreola calcarata*), самка краснобрюхой горихвостки (*Phoenicurus erythrogaster*), выводки горных коньков (*Anthus spinoletta*), плясуний (*Oenanthe isabellina*) и камненных воробьёв (*Petronia petronia*). На перевале Долон останавливаться не стали, а напрямик проехали в Сарыбулак, огромный торговый центр – сплошной базар и кафе-харчевни (трудно узнать это село!). Но обедать здесь не стали, а поехали на базар в Кочкорку с тем, чтобы после закупок вернуться сюда и стать в Каракуджуре, который как раз здесь пересекает трассу. Слева от дороги на спуске – очень богатый тугай по Каракуджуре, там много сорок. 13⁻²⁰ село Кочкорка. Базар, магазины, обед. К вечеру вернулись в Каракуджур, где разбили лагерь № 13 – примерно в 0.5 км выше нашего прошлогоднего лагеря. Основу птичьего населения здесь составляли две птицы: зелёная пеночка (9 поющих самцов и выводки в двух местах) и обыкновенная чечевица (*Carpodacus erythrinus* – 5 поющих самцов и в 6 местах

Рис.217. Река Чу в крайней восточной точке – около Иссык-Куля. 3 августа 2006 г.

голоса); около речки встречались перевозчик (*Actitis hypoleucos*), горная (*Motacilla cinerea*) и маскированная (*Motacilla personata*) трясогузки; сойка (*Pica pica*), тьянь-шаньский князёк (*Parus cyanus*) и красноспинная горихвостка (*Phoenicurus erythronotus*).

В полдень, миновав Кочкорку, поехали на Рыбачье через Орто-Токойское вдхр. На экологическом посту при въезде в биосферную территорию Ысык-Кёль пришлось заплатить по 100 сомов за каждую машину (сделали на свою голову...). В 16⁰⁰ мы стали лагерем № 14 на р. Чу в 6-7 км от Рыбачьего, на месте поворота её течения с востока на север. Биотоп: река шириной 40-50 м, вода изумительно прозрачна! По берегам ивовые заросли с травянистыми полянами; почти нет галечника. На островках – густой ивовый тугай с примесью облепихи. Абсолютная высота 1647 м над уровнем моря.

В последний день сначала заехали в село Тамчи за Рыбачьим. В этом небольшом селе – колоссальный пляж, как в приморском городе! Тысячи купающихся!...Здесь и попрощались наши гости с замечательным озером Иссык-Куль, уделив купанью часок. И отсюда направились прямо в Бишкек. Обедали в Кербен-сарая (вполне приличный сарай с чучелом беркута, прямо перед въездом в Боомское ущелье). В Бишкек прибыли в 16 час.

Так завершилась эта богатая непредвиденными событиями экспедиция, оказавшаяся последней для меня и Валентины Исмаиловны. На следующий год за организацию этих поездок взялись бишкекские энтомологи, а через год не стало и самого Герда Мюллера, погибшего прямо в экспедиции...

Выход первого тома школьной энциклопедии «ПТИЦЫ»

Сентябрь-октябрь 2006 г. у меня заняла работа над «Красной книгой Алматинской области», договор на издание которой заключил наш институт с областным акиматом. Будучи заместителем главного редактора, а фактически составителем сего «бестселлера» и научным редактором раздела «Позвоночные животные», я посвятил ей всю осень – до самого выхода книги в декабре. Некоторой компенсацией за этот труд стала работа с дизайнером Элеонорой Равильевной Алексеевой, у которой я многому научился по части современного компьютерного дизайна и оформления книг. Параллельно я работал над окончательным завершением первого тома «Птицы Средней Азии» (вёрстка).

На это же время приходится организация и проведение в Алматы второго семинара по проекту NABU, который состоялся 26 сентября 2006 г. и завершился экскурсией в питомник «Сункар», где Паша Пфандер продемонстрировал нам полёты чёрного грифа (*Aegyptus monachus*) над головами испуганных зрителей, а также навыки охоты за куском мяса ручных соколов-балобанов (*Falco cherrug*) и филинов (*Bubo bubo*). В ноябре 2006 г. в издательства «Атамура» вышел в свет первый том школьной энциклопедии «ПТИЦЫ», которого мы с Витой так ждали и который не обманул наших надежд: книжка получилась прекрасно оформленной и положила начало 5-томной серии «Животный мир Казахстана».

Выход первого тома «Птицы Средней Азии» (март 2007)

Если бы в 50-х или даже 60-х гг. меня спросили, что я буду делать в 2007 году, я бы только рассмеялся в ответ, ибо твёрдо был уверен, что дожить до такой глубокой старости мне, не располагавшему богатырским здоровьем, не суждено. А уж о том, что в этот год я буду ещё довольно активно и напряжённо работать, и думать было нечего. А сейчас, всего через 6 лет, я вспоминаю об этом юбилейном годе со смешанным чувством зависти и грусти, потому что в тот год ни о какой старости и речи не было... Сейчас мне иногда кажется, что он-то и стал переломным, когда накопившееся количество перешло в качество (как же крепко врезались в нашу память эти марксистские догмы!). Как тут не вспомнить мудрого еврея, который на вопрос, как он себя чувствует, ответил: «Хуже, чем вчера, но лучше, чем буду чувствовать себя завтра»...

Итак, год начался завершением работы над первым томом «Птицы Средней Азии», который увидел свет в феврале, закончив таким образом почти 20-летнюю эпопею со дня начала подготовки этой сводки (1986 год, Ленинград – весть об утверждении издания!). Для меня это был настоящий праздник – не только завершения многолетнего труда, но и выполнения моего долга перед памятью зачинателя этой сводки – Анвера Кеюшевича Рустамова, который совсем немного не дожил до выхода в свет первого тома... Первый месяц года, когда книга ещё находилась в типографии, ушёл у меня на формирование, редактирование, вёрстку и сдачу в печать «Selevinia-2006». Этот выпуск для меня был знаменателен тем, что в нём я, наконец, опубликовал «Список птиц Тянь-Шаня (в пределах его западной, среднеазиатской половины)», в который вложил результаты всех своих более чем 40-летних исследований и обработки всей доступной литературы. Это был первый шаг, своеобразная канва для будущей монографической сводки по птицам Тянь-Шаня, от написания которой, несмотря на растущие с годами сомнения, я не отказался до сих пор. Параллельно я начал работу над книгой «Млекопитающие» – вторым томом Школьной энциклопедии. Как составитель тома я подобрал авторский коллектив из 8 человек, а вот общий очерк класса млекопитающих (объёмом около 100 стр.) пришлось, как ни странно, писать самому.

Один только перечень этих дел говорит сам за себя – первые два месяца нового года были плотно заняты. Но, тем не менее, я не забывал, что в сере-

Рис.218 а,б. Очередной, 40-й по счёту, Долгушинский день, 30 марта 2007 г. Слева – орнитологи на могиле И.А.Долгушина, справа – на могиле В.А.Селевина. Фото *Виктории Ковшарь и Олега Белялова*

дине марта грядёт та самая дата, о которой я старался не думать. Не то чтобы мне не нравилась цифра «70», но было как-то неуютно примерять её к себе. А примерять приходилось, так как ясно было, что забыть её и сделать вид, что ничего не случилось, мне просто не дадут. Поэтому какую-то часть времени заняла подготовка презентации к юбилею (хотелось самому посмотреть – что же происходило со мной в последние 40-45 лет) и прочие мелкие хлопоты. К тому же дата эта у меня оказалась двойная: накануне дня рождения – так называемая «золотая свадьба»... Разделив их на два праздника, мы с родственниками и близкими друзьями «сыграли свадьбу» 17 марта в кафе «Алина», а официальное торжество в институте состоялось 19 марта. На первый праздник мне особенно приятно было пригласить приехавшего в Алма-Ату моего старого друга Петра Фомича Хвостикова – того самого, который 31 августа 1959 года встречал нас с поезда на станции Тюлькубас. Постаревший Петя пришёл со своими взрослыми дочерьми – Ирой и Таней, такими же рослыми, как папа (Лиды Колесниковой, их мамы, не стало год назад). Это застолье прошло очень тепло и по-семейному.

А вот чествование в институте напоминало мне гражданскую панихиду: большой конференц-зал амфитеатром (а он у нас очень крутой – как вузовские аудитории), масса народа и цветов. И бесконечные приветственно-хвалебные речи, которые далеко не все можно было перевести в шутку, так как за столом президиума сидели очень солидные и серьёзные люди, среди которых – академик Е.В. Гвоздев, профессор А.П. Горбунов и др.

Я бы покривил душой, если бы сказал, что всё это мне было неприятно. Наоборот, некоторых из выступавших я был очень рад видеть: представителей родного Аксу-Джабаглы – Анну Андреевну Иващенко и Лену Чаликову; своего давнего знакомого Алдара Петровича Горбунова; Лидию Яковлевну Курочкину, прочитавшую целый панегирик в мою честь; представителей Алматинского зоопарка – директора Кумека Мукашевича Альменбаева и особенно – Раису Анатольевну Балахнову, с которой столько лет мы сотрудничали; представительницу старой гвардии родного издательства «Наука» Лилию Ивановну Шашкову, с которой трудились ещё в 70-х гг. над томами «Птицы Казахс-

тана», а также двух прекрасных делегатов издательства «Атамур» – вице-президента Гульбаршин Нагиевну Жарылгасимову и редактора от Бога – Надежду Ивановну Огнёву, с которыми два года назад мы начали проект по 5-томной «Школьной энциклопедии»; заместителя директора Центральной научной библиотеки Академии наук Казахстана Карлыгаш Каймабаеву – давняя дружба с этой библиотекой была залогом процветания нашего зоологического ежегодника «Selevinia», который ЦНБ уже ряд лет рассылала по межбиблиотечному абонементу в 63 научных библиотеки разных стран...

Рис.219. С Петром Фомичём Хвостиковым – самым первым знакомцем на казахстанской земле

И, тем не менее, в целом всё это напоминало гражданскую панихиду, и на ум нет-нет да и приходили слова: «Спи спокойно, дорогой товарищ. Ты сделал всё, что мог». Хорошо, что продолжение этого двухчасового «митинга» было за накрытыми столами в зале заседаний Учёного Совета института, где было место и шутке, и воспоминаниям. Меня поразило, как много смогла вместить эта небольшая комната, в которой заседало обычно не более 20 человек. Выступления сопровождались возлияниями, и уже через полчаса все были навеселе, и начались всякого рода воспоминания. Происходящее напоминало «капустник», где допускалось всё – лишь бы это было ко всеобщему веселью. Особенно развеселил всех шарж Жени Беседина, вывешенный здесь же, рядом со стеногазой. До позднего вечера длилось это веселье, и лишь одна ложка дёгтя была в нём: не было моих близких друзей Юрки Шиббаева, Игоря Кривицкого – и даже Эдика Гаврилова, который, хоть и был в этом же городе, но лежал дома больной и на все мои предложения привезти его или даже заехать к нему после банкета отвечал категорическим отказом. Он уже тогда был в тяжёлом состоянии и не хотел, чтобы его таким видели... А шуточная деревянная медаль (в пику золо-

Рис.220. Дружеский шарж Жени Беседина и «юбилейная медаль» от коллектива орнитологов

тым!), выполненная очень качественно, и сейчас висит у меня дома, маня взор правнучки Милы, которая каждый раз просит разрешения её поносить.

Утром следующего дня, 20 марта 2007 года, я положил на стол директора Института академика Алихана Мелдебекова заявление об уходе с поста заведующего лабораторией орнитологии. Даже он был явно смущён таким точным выполнением моих обещаний: как только исполнится 70 лет – уйду с поста заведующего. Стал даже уговаривать меня, что не надо так буквально понимать постоянные призывы Саданова – генерального директора Центра Биологических Исследований об омоложении руководящих научных кадров, однако быстро сдался и подписал заявление, получив от меня официальное представление на Сергея Николаевича Ерохова – вполне подходящую кандидатуру на завлаба.

1-й съезд Центрально-Азиатского Географического общества (апрель 2007)

Как ни странно, с освобождением от административных нагрузок времени у меня не прибавилось – оно тут же оказалось занятым другими делами. Так уже 3 апреля я был на съезде Центрально-Азиатского географического общества, проходившем в красивом отеле «Акбулак» около будущей олимпийской деревни в предгорьях Заилийского Алатау. До этого мне бывать здесь не приходилось, хотя место это было всего в получасе езды от города. Этот 1-й съезд Центрально-Азиатского Географического общества организовало Общественное объединение «Центрально-Азиатское Географическое общество», зарегистрированное в городе Алматы ещё год назад. К открытию данного мероприятия, которое должно было послужить чем-то вроде учредительного заседания, организаторы (президент Григорий Евсеев) подготовились довольно тщательно: выпустили пилотный номер красочного популярного журнала «Global Geographic» (гл. ред. Андрей Михайлов) и учредили ряд наград за заслуги в области географии, понимаемой не как научная дисциплина, а как извечная тяга человека к путешествиям и красотам природы нашей Земли. Не случайно поэтому среди 30 участников съезда, помимо альпинистов и профессиональных географов, добрую треть составляли биологи, в частности зоологи. И среди отмеченных первыми

Рис.221. С Ю.Ф.Голодовым (сидит на мотоцикле), байкером Д.Петрухиным и энтомологом А.Б.Жданко после окончания заседания съезда

наградами Общества, наряду с известным специалистом в области мерзлотоведения профессором А.П. Горбуновым, покорителем Эвереста альпинистом Ю.Ф. Голодовым и ставшим уже знаменитым казахстанским байкером Д. Петрухиным – энтомолог А.Б. Жданко (за великолепное издание «Дневные бабочки Джунгара, Тянь-Шаня, Алая и Восточного Памира») и орнитолог О.В. Белялов (за

цикл фоторабот о природе и животном мире). Сам процесс был достаточно хорошо организован, распланирован и носил больше характер непринужденного общения людей, имеющих общие интересы: А.П. Горбунов рассказал об исследованиях экспедиции П.К. Козлова в Монголии, Ю.Ф. Голодов выступил с подробными воспоминаниями о восхождении на Эверест, Д. Петрухин рассказал о своем кругосветном путешествии на мотоцикле. Много внимания было уделено информации о подготовке первой казахстанской кругосветной парусной экспедиции и вопросам дальнейшего издания нового журнала «Global Geographic». Словом, собрался довольно узкий круг людей, среди которых оказалось немало моих хороших знакомых – от Алдара Петровича Горбунова и Олега Белялова до ставшего уже знаменитым альпиниста Юрия Голодова (того самого, который 40 лет назад помогал нам доставать в скале первое в мире гнездо красного вьюрка) и Саши Жданко, которого я знал, когда он был ещё юннатом. К сожалению, казахстанская парусная кругосветная экспедиция, щедро финансируемая очень высокопоставленными лицами, не удалась – парусник пришлось вернуть с полпути. Столь же невесело закончилось и существование нового журнала с громким названием «Global Geographic» – после выхода нескольких номеров он приказал долго жить...

Поездка на Аральское море и Барсакельмес (май 2007)

В конце апреля 2007 г. сбылась, наконец, моя давняя мечта – побывать на острове Барсакельмес в Аральском море. Ещё в 1963 г., когда одновременно вышло два путеводителя – мой по Аксу-Джабаглы и супругов Рашеков по Барсакельмесу – возникло желание посмотреть эти места. Оно ещё больше укрепилось после выхода популярной книжки «Остров куланов» Мусы Исаевича Исмагилова, прожившего на острове не один год. Ещё позже, когда появилась Аральская проблема и пришло время переселять на материк размножившихся на Барсакельмесе куланов (*Equus hemionus*), много интересного об острове узнал я из рассказов Кирилла Павловича Ушакова, участвовавшего в отлове этих животных, используя своё изобретение – особый шприц для обездвиживания...

И вот в полдень 28 апреля актюбинским поездом мы вместе с Мариной Чириковой (моя последняя на то время аспирантка), Лилей Димеевой (ботаник) и тремя японцами (профессор Норио Ишида, Харикава и девушка Макика Ичихара) выехали из Алматы на Аральск по приглашению заместителя директора заповедника «Бар-

Рис.222. В городе Аральске, 30 апреля 2007 г.

сакельмес» по науке Зауреш Ж. Алимбетовой. Она же и встретила нас поздно вечером 29 апреля на вокзале Аральска, поселила у себя дома, устроила званный ужин с участием директора заповедника Магжана Абдуллаевича Туранбаева и Алмата Аскарова из Института географии. Полным откровением для меня стал рыбный бешбармак из сазана. Однако здесь, как заверила нас Зауреш, это самое популярное блюдо. Большой неожиданностью была новость о смерти Давида Давидовича Пирюлина, много лет изучавшего пауков на острове Барсакельмес, и о предстоящих похоронах его на этом острове (в июне прах его из Петербурга собирается привезти Николай Васильевич Аладин). Ночевка в доме Зауреш и разговоры за полночь о предстоящей завтра поездке на остров, который в последние годы уже стал полуостровом и на него можно проехать машиной по бывшему морскому дну...

Поневоле вспомнилась мне наша знаменитая аксу-джабаглинская пара лошадей со странными кличками – Рябый и Аральский. Обоих привезли в 50-х гг. из Барсакельмеса. Эта неразлучная пара всегда ходила в одной упряжке, для верховой езды они были, мягко говоря, тяжеловаты. Первый получил свою кличку из-за пегой масти в виде крупных ярко-рыжих и белых пятен, а вот второй, весь светло-рыжий, был обязан своим необычным прозвищем случаю: когда его в Барсакельмесе погружали на корабль, он упал за борт и едва не утонул в Аральском море. Так он и остался на всю жизнь Аральским (как пан Гималайский в кабачке «13 стульев»). Давно уже нет не только этих лошадей, но и тех кораблей, с которых они падали, и даже самого моря...

Город Аральск запомнился мне своими лужами и свалками, при почти полном отсутствии зелени – лишь кое-где чахлые карагачи (вяз листоватый, или *Ulmus foliaceus*). При всём при том птицами он отнюдь не был обделён. Часовая утренняя экскурсия по улице Ломоносова показала, что помимо вездесущих домовых воробьёв здесь довольно много голубей, колычатых горлиц (*Streptopelia decaocto*), деревенских ласточек (*Hirundo rustica*), нередко встречаются буланные вьюрки (*Rhodospiza obsoleta*), а около луж – малые зуйки (*Charadrius dubius*), удода (*Upupa epops*) и жёлтые трясогузки (*Motacilla flava*), а на одном карагаче

были даже две запоздалые пёночки-теньковки (*Phylloscopus collybitus*).

После вечернего знакомства утренний приём у директора заповедника Туранбаева Магжан-бая Абдуллаевича прошёл как-то по-домашнему, с просмотром фотографий, в т.ч. Аксу-Джабаглы, что мне было особенно приятно. После необходимых закупок на рынке выехали после полудня. К нашей машине, в которой помимо нас троих

Рис.223. Погрузка у конторы заповедника

приехавших разместились ещё Зауреш и герпетолог заповедника, молодой парень по имени Гуахарбек, добавилась еще одна машина – из Института экологии и климата (Олег Ефимович – с 80-х гг. занимается исследованием солевых выносов со дна Аральского моря). В 15⁰⁵ выехали на Каратерень. По пути регулярно встречались каменки двух видов – обыкновенная (*Oenanthe oenanthe*) и плясунья (*Oenanthe isabellina*), причём вторая часто токовала у трассы.

Через час проехали Аралкум и пошли по трассе на юг, яркое солнце припекает! Вокруг – антропогенные барханчики, заросшие солянкой на 50%. Свернули с трассы вправо на песчаную дорогу среди слабых всхолмлений. Здесь везде цвели мелкие желтые тюльпаны и ещё что-то желтое, типа сурепки. Вскоре встретили первую степную агаму. Стали часто попадаться жаворонки – мелкие и очень светлые, скорее всего – серые (*Calandrella pispoletta*) и крупные куцы – двупятнистые (*Melanocorypha bimaculata*). За 10 минут насчитали 18 первых (поют, причем в песне нередко – трелька пустынной славки!) и только два двупятнистых. Из куста вылетела пеночка *Phylloscopus (collybita?)*.

Вскоре показались озера Сарыколь (Сорколь?) и Косжар (двойной обрыв); оба они – участки системы Камышлыбаш. На зеркале Сорколя видны две пары лебедей-шипунув (*Cygnus olor*), около сотни красноносых нырков, или краснобашей (*Netta rufina*), самцы в основном; несколько десятков других нырковых уток, среди которых преобладали голубые чернети (*Aythya ferina*), пара огарей (*Tadorna ferruginea*), три пары пеганок (*Tadorna tadorna*) и полтора десятка грачей (*Corvus frugilegus*) на берегу, над которым низко летал самец болотного луня (*Circus aeruginosus*).

Отъехав от озера, мы попали в «зелёную пустыню» – полностью задернованную полынную песчаную равнину, слабо всхолмленную, с отдельными кустиками солянок. Фоновые птицы здесь – серый жаворонек (*Calandrella pispoletta*) и грач (*Corvus frugilegus*), изредка встречаются плясуньи (*Oenanthe isabellina*), полевые коньки (*Anthus campestris*), жёлтые трясогузки (*Motacilla flava*), золотистые шурки (*Merops apiaster*) и два вида ласточек – деревенская (*Hirundo rustica*) и береговая (*Riparia riparia*).

Впереди – поселок Бугунь, который постепенно заносит развееваемым песком, а левее его – озеро Тущи, что значит «пресное». Бугры на окраине села

Рис.224 а,б. Строительство плотины «Аквак». 30 апреля 2007 г.

поросли гребенщиком, который вот-вот расцветёт, а на въезде – большой портрет писателя Зейнелла Шукирова, которого называли казахским Островским (по аналогии с ослепшим Николаем Островским). Это Новый Бугунь, а старый – где-то рядом. К уже виденным сегодня птицам здесь прибавились: колония золотистых щуток (*Merops apiaster*) в норах на обрыве, первый хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*), пара садж (*Syrrhaptes paradoxus*). А на небольшом такырчике в пустыне стоят 8 крупных чаек, очень похожих на сизых (*Larus canus*), а над ними ещё три летают. Это около сооружения «Аквак» – огромной стройки с плотиной и понтоном внизу – для регулирования поступления воды в протекающую рядом Сырдарью. После понтона идёт наш грейдер по буграм. Перед селом Каратерень благоустроенный посёлок – представительство российской компании «Зарубежводстрой», которая и возводит этот самый «Аквак».

Резкий контраст с этим посёлком представляет с. Каратерень, расположенное на голом и ровном месте, на песке. Ветер!!! Ни деревца, ни кустика. Но везде лежат большие вязанки хвороста – целые кучи тамариска и саксаула, привезенные откуда-то. Село дворов за 50. Целый ряд домов – новые, под шифером. Попили чай у японцев и пошли есть рыбный бешбармак к соседям, у которых и ночевали потом. Экскурсия у крайних домов показала, что помимо обычных здесь воробьёв, деревенских ласточек и грачей здесь живут удоды (*Upupa epops*), кольчатые горлицы (*Streptopelia decaocto*) и каменки-пleshанки (*Oenanthe pleschanka*), а кроме того, встречаются чайки: обычные озёрные (*Larus ridibundus*) и сизые (*Larus canus*), о которых стоит рассказать подробнее, поскольку встретил я их впервые и долго разбирался – что же это за чайка. Чернохвостый молодой этих чаек, штук 20, кормился на рыбных отходах около дома, в котором варили уху! Все пёстрые, черноклювые, белоголовые и примерно в 1.5-2 раза больше грача, который ходит рядом. Среди них одна взрослая: белохвостая (лишь крайнее правое рулевое черное!), клюв чёрный и тонкий. Вся шея белая (на зашейке – мелкая рыбь пестрин). Верх тёмно-сизый, очень ровный, а по заднему краю крыла – тонкая (узкая) белая каёмка. А сами крылья черные (1-степенные маховые). Голос – визг, переходящий в хохот. Гаухарбек подтвер-

дил, что это сизая чайка и что их в заповеднике много.

Следующий день – праздник международной солидарности трудящихся – мы отдали поездке на Кокарал и Малый Арал, о котором я уже столько слышал. Солнце здесь, как оказалось, всходит довольно поздно – только в 6³⁰ по астанинскому времени, которое ввели здесь уже 2-3 года назад! Утром в окрестностях села помимо встреченных вчера птиц, я ви-

Рис.225. На берегу Малого моря, 1 мая 2007 г.

дел также огарей (*Tadorna ferruginea*) и большого кроншнепа (*Numenius arquata*), на глинистой равнине с низкой полынькой – малого жаворонка (*Calandrella brachydactyla*) и снова в нескольких местах – плешанку (*Oenanthe pleschanka*). В одном месте самец порхал в воздухе, зависая в 15-20 м над землей, и при этом «циркал» – как малый жаворонок! Гаухарбек говорит, что он здесь обычен и по обрывам гнездится. На север постоянно летели одиночные деревенские ласточки (*Hirundo rustica*) – видимо, ещё не закончился их пролёт. А грачи (*Corvus frugilegus*), наоборот, летели на юг от долины Сырдарьи, где, по словам Гаухарбека, есть их колония на ивах.

К началу нашего выезда солнце светило сквозь мглу и раздувался восточный ветер – начиналась пыльная буря. Поехали на юг через село, оказавшееся гораздо большим, чем показалось вчера (говорят, что 250 дворов), но совершенно без зелени, удручающе голым. В селе больше всего деревенских латочек и... летающих одиночных сизых чаек (*Larus canus*); здесь же, на куче глины среди села – пара плешанок (*Oenanthe pleschanka*).

Сразу же за селом дорога сворачивает на запад и вскоре выходит на глинистую равнину, заросшую редкими кустарниками, – бывшее дно Аральского моря. Но это старая осушка 80-х гг. и она уже заросла с проективным покрытием более 50%!!! Глина с солью. В воздухе масса береговых ласточек (*Riparia riparia*). Вскоре начинается дамба между Большим и Малым морем. Слева параллельно, метрах в 150, идет старая плотина; по ней тоже ходят машины. Вода где-то близко, справа даже появилась небольшая полоска воды и на ней – куча птицы: пеганки (*Tadorna tadorna*), хохотунья (*Larus cachinnans*), озёрные чайки (*Larus ridibundus*), речные крачки (*Sterna hirundo*), нырковые утки, среди которых выделяются голубые чернети (*Aythya ferina*); 8 лебедей-шипунцов (*Cygnus olor*), болотный лунь (*Circus aeruginosus*). Здесь же – один очень светленький серый жаворонок (*Calandrella pispoletta*), который может оказаться и солончаковым (*C. leucophaea*).

В 10³⁰ после пыльной позёмки начался дождик. Все затянуто. Лужицы справа нас закончились и появилась открытая вода – это и есть Малый Арал!!! Мы как раз подъехали к шлюзу, по которому спускается избыток воды из Малого Арала, когда дождик перешёл в сильный дождь с ветром! Пришлось ожидать здесь, сидя в машине. С 11¹⁵ дождь перешел в затяжной-обложной. Из машины я наблюдал за птицами, которые охотились над водой ниже шлюза: около 15 озёрных чаек, 20-30 сизых (*Larus canus*), не менее полусотни чайконосых крачек (*Gelochelidon nilotica*) и столько же речных (*Sterna hirundo*), а среди них – даже три крупных чегравы (*Hydroprogne caspia*), один большой баклан (*Phalacrocorax carbo*). Когда дождь поутих и перешёл в морось, мы поехали дальше. Везде видим деревенских ласточек (*Hirundo rustica*) – от 5 до 10 особей одновременно в воздухе! Очень похоже на то, что это ещё продолжается весенний пролет.

В 2 км от шлюза, ближе к морю – низинка с разливами и на ней – масса птиц. Помимо перечисленных здесь на воде 7 кудрявых пеликанов (*Pelecanus crispus*), все три вида чаек (озёрная, сизая, хохотунья) в количестве более сотни особей, несколько чеграв и даже один огромный черноголовый хохотун (*Larus*

ichthyaetus). На берегу суетится куличё – с полсотни турухтанов (*Phylomachus pugnax*), устраивают на мелководье даже турниры!; несколько пар малых и морских зуйков (*Charadrius dubius*, *Charadrius alexandrinus*), луговая тиркушка (*Glaucopis pratensis*); серая (*Ardea cinerea*) и большая белая (*Egretta alba*) цапли в количестве 4 и 7 птиц стоят в воде, как изваяния; сотенная стая пролётных жёлтых трясогузок (*Motacilla flava*) попеременно с черноголовыми (*Motacilla feldegg*), одиночные серые жаворонки (*Calandrella pispoleta*), поющий самец варакушки (*Cyanosylvia svecica*) и летающий болотных лунь (*Circus aeruginosus*).

В 12²⁰ пришлось развернуться назад, так как проехать дальше нельзя – всё залито водой. На обратном пути пеликанов уже нет, но вместо них – шесть пар куликов-сорок (*Haematopus ostralegus*), три пары ходулочников (*Himantopus himantopus*), группками по 10-15 шт. подлетают к воде различные песочники (*Calidris* sp) и турухтаны (*Phylomachus pugnax*). На суше поют два самца серого жаворонка (*Calandrella pispoleta*), на кустике на берегу – яркий самец пустынной каменки (*Oenanthe deserti*).

Выбравшись на дамбу, мы поехали к появившемуся из тумана полуострову Кокарал. К его высокому берегу мы подъехали 14 час. Здесь нас встретили голоса полевых коньков (*Anthus campestris*), летающие чёрные стрижи (*Apus apus*) и степные пустельги (*Cerchneis naumanni*). А когда в 14⁴⁰ вышло солнце и одновременно с сильным южным ветром на голубом небе появились белые барашки, я не мог оторвать глаз от этой красоты: яркая свежая зелень этого утёса-острова (не зря его называли Кокарал!) контрастирует с прочими серыми и жёлтыми тонами окружающей его местности. Очень яркое впечатление!

На обратном пути к шлюзам снова встретили кудрявых пеликанов (*Pelecanus crispus*) – стая из 23 грузных белых птиц медленно летела на восток. И тут же с высокого дна моря взлетела пара чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*), а среди кустарника, которым зарастает это самое бывшее дно, – стайка из 10-15 индийских воробьёв (*Passer indicus*) и здесь же – одиночные серые жаворонки (*Calandrella pispoleta*).

Искупавшись у шлюзов, мы поехали обратно в Каратерень. Сильный ветер

Рис.226. Полуостров Кокарал. 1 мая 2007 г.

несёт песок – началась настоящая пыльная буря. Невозможно идти против ветра: по рукам – как иголками колет, с такой силой ударяет по ним песок! Такая пыльная буря сопровождала нас до самого Каратереня: в 15⁴⁵ солнце совсем скрылось за пыльной бурей. Ветер всё крепчал и уже стал очень холодным. Удивительно, что в такой обстановке мы встретили три пары уносимых ветром пеганок (*Tadorna tadorna*), а на земле

у дороги – 5 прятавшихся от ветра степных тиркушек (*Glareola nordmanni*). В село въезжали, не видя его домов в серо-жёлтой пелене.

Второй день мая мы посвятили поездке на Каскакулан. Этот обширный участок бывшего морского дна, или по-научному «постаквальной суши», теперь является частью заповедника, значительно увеличив его территорию. И здесь, по рассказам, держится часть оставшихся на острове после вывоза на материк куланов (*Equus hemionus*). Холодным ранним утром мы выехали из села Каратерень на юг. Сразу же за селом – почти голая глинистая равнина, слабо заросшая (ещё недавно это был залив Аральского моря), поросшая кустиками итсигека (он же карабарак). Дальше от села этих кустиков больше и сама глина постепенно покрывается эфемерами. Этот залив назывался Акколь. После того, как Аквак вступит в строй, это место опять будет залито водой.

На всём пути пели серые жаворонки (*Calandrella pispoletta*) и встречались летевшие в сторону села, явно на кормёжку, одиночные молодые сизые чайки (*Larus canus*). Так же по-одиночке встретили мы каменок-плясуний (*Oenanthe isabellina*), пустынного серого сорокопута (*Lanius pallidirostris*) и желчную овсянку (*Emberiza bruniceps*) – видимо, первую прилетевшую. А в одном месте прямо с дороги взлетели 6 каспийских зуйков (*Charadrius asiaticus*) – тех самых, за которыми так охотятся наши бёрдвочеры.

Закончилась площадь бывшего залива, пошла гривка с саксаулом. Кстати, это уже новая территория заповедника – материковая, которая соединяет половиной бывший остров с берегом нового участка Каскакулан. Вдоль дороги – густой молодой саксаульник и в нём сразу же увидели славку-завирушку (*Sylvia curruca*). Затем пошла сплошная полоса метровой поросли саксаула (местами даже до 2 м высотой), которая через несколько километров превратилась из полоски в широкие поля. Высота саксаула до 2 м, а местами встречается и настоящие деревья до 3 м высотой. Когда саксаульник кончился, началась равнина Ахаг – нечто горизонтальное, такыровидное, с мелкими кустиками солянкой. Из птиц везде доминирует серый жаворонек (*Calandrella pispoletta*), возможно, что местами есть и малый (*Calandrella brachydactyla*), только с машины его не рассмотреть; изредка попадается плясунья (*Oenanthe isabellina*), а в саксаульнике – славка-завирушка (*Sylvia curruca*) и однажды – три буланных вьюрка (*Rhodospiza obsoleta*). Здесь же и пролётные белые трясогузки (*Motacilla alba*), отдыхающие и кормящиеся прямо на дороге.

Вскоре мы подъехали к коренному берегу около Каскакулана. Выглядит этот коренной берег, как бугорок метровой высоты! Недалеко от места нашего выезда – развалины села Токпан (когда-то здесь были школа и магазин), здесь же – след кабана и пение перепелки (*Coturnix coturnix*), а в кустах – серый сорокопут (*Lanius pallidirostris*), пустынная славка (*Sylvia nana*) и варакушка (*Cyanosylvia svecica*).

Из саксаульника дорога вышла на солянковую равнину (типа биюргунника или сарсазанника). Впереди показался бугор Каскакулана. Опять участок какого-то полусушеного биюргунника, а впереди – заросли тамариска. Здесь заросли тростника около скважины (место водопоя копытных). Выехали на пес-

чаный бугор Каскакулана и первое, что увидели – это старое кладбище! Здесь раньше было большое село, последний человек, как объяснил нам Гаухарбек, покинул его в 1976 году.

За три часа (10-13 час) экскурсии по бугру Каскакулан и на развалинах бывшего села мне удалось познакомиться с птицами этого интересного места. Фон птичьего населения, как и везде вокруг, составляли поющие жаворонки (*Calandrella pispoletta*), им в саксаульнике вторили самцы бормотушек (*Hippolais rama*) и славок-завирушек (*Sylvia curruca*). В одном месте я увидел славку, очень похожую на завирушку, но подхвостье и бока охристые. С «усами» я не разобрался, но горло и бока головы (щеки) белые. Уздечка черная выражена, но голова не чёрная, а весь верх буроватый. Маленькая и прогонистая (удлиненная), она кажется не больше теньковки, которая кормится на соседнем саксауле. Очень юркая, часто шныряет между веток саксаула вниз головой. На месте не сидит. Кажется, это она издает короткую мелодичную песню – вроде «или-ли», иногда с коротким цикающим росчерком. Издает не более 2-3 таких песен подряд, после чего умолкает надолго. Звук можно сравнить с тихой песней пустынной каменки, которая так же мелодична и так же коротка (но чаще повторяется). Всё это говорило в пользу того, что передо мной – та самая белоусая славка (*Sylvia mystacea*), которую я никогда живьём ещё не выдывал.

В одном месте прилетела стайка из 12 буланых вьюрков (*Rhodospiza obsoleta*), в другом тревожно «фить»-кал явно пролётный яркий самец горихвостки-лысушки (*Phoenicurus phoenicurus*), а рядом кормилась такая же пролётная теньковка (*Phylloscopus collybitus*) и пролетела на юг береговая ласточка (*Riparia riparia*). Несколько раз слышал голоса пролетающих садж (*Syrnhartes paradoxus*), а Берик и Гаухарбек здесь же видели 5 взлетевших чернобрюхих рябков (*Pterocles orientalis*). На развалинах села Токпан десяток пролётных индийских воробьёв (*Passer indicus*) объедали семена на кусте саксаула. На смену им прилетели ещё 30, сели на селитрянку, но сразу же перебрались на саксаул. Значит, это их пища? Это для меня было полной неожиданностью!

Здесь же – серая славка (*Sylvia communis*) и хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*), а из-под густого куста селитрянки то и дело выбегают и резвятся два молодых зайчика-толайчика (*Lepus tolai*), которые прячутся под куст при первой же опасности. А она тут как тут – в небе летают канюк (*Buteo buteo*) и два ястреба-перепелятника (*Accipiter nisus*).

На обратном пути, как только пошло открытое травянистое пространство с мятликом на мягкой глине (глубокая колея дороги), наша машина села на дифер – еле выскочили!. Заехали к знаменитому в этих местах памятнику – каменной башне Бигмана, остановились около домика. На мемориальной доске написано: «Башня Бегим-ана, памятник X-XI века. Охраняется законом». Женщины лечатся здесь от бесплодия. Пар 10 индийских воробьёв (*Passer indicus*) кричат на каменной Бигмане, а также живут и под крышей стоящего рядом домика ох-ранника.

Обратный путь на Каратерень пролегал по такырчикам с низкими кустиками типа терескена, местами поросшими редким саксаульником. Запомнились

тёмные бугры отмирания, из которых торчат коряги и корни (это и есть знаменитые фитобугры?). В 17⁰⁰ остановились здесь же на такыре, – в том месте, где идет заброшенный канал из бывшего залива Акколь, а всего в 200 м от него – старое русло Сырдарьи, которое смотрится как глубокая канава-рытвина среди такыра. Здесь несколько раз крики «таргак-таргак-таргак» пролетающих тиркушек (*Glareola (nordmanni?)*), поёт серый жаворонок (*Calandrella piscoletta*), а пара каменок-плясуний (*Oenanthe isabellina*) выбирает место для гнезда! А может, уже и выбрали, так как одна зашла в норку и долго оттуда не выходила.

На саксауле, в 2 м от земли – гнездо курганника (*Buteo rufinus*). Лоток вложен корой саксаула. В гнезде 3 яйца со слабым пятнистым рисунком. Берик говорит, что в прошлом году в гнезде были птенцы (это то самое гнездо, о котором директор и Зауреш рассказывали мне как о гнезде балобана!). В стенках его, как и «положено», – два гнезда индийских воробьёв (*Passer indicus*), обе пары держатся здесь же. Завершили маршрут этого дня мы вечером в селе Каратерень, проехав за день около 130 км. В 21⁰⁰ солнце только садилось, но было ещё светло и птиц рассмотреть можно.

Долгожданная поездка на сам «остров куланов» всё откладывалась. Даже утром 3 мая мы не смогли выехать, поскольку Зауреш и Лиля Димеева должны были полить свои экспериментальные посадки саксаула. За это время на проводах у дома появилась первая зелёная щурка (*Merops persicus*), а с неба слышались голоса других щурок. Это всегда так приятно – встречать весной прилетающих с юга птиц, а таких красивых особенно.

Около 15 час мы выехали на Барсакельмес на Газ-69 вшестером. Солнце тускло просвечивало сквозь мглу, абсолютно ни одного облачка и по-настоящему жарко. Выезд почти прямо на юг-юго-запад, через село Старый Каратерень, в сторону бывшего залива Акколь. Интересно, что помимо глины здесь довольно много песка, он покрыт сухими солянками. В основном это всходы гребенщика, а светлое пушистое – это, по словам Лили, климакоптера. Вокруг равнина с надувами песка, с большими кустами селитрянки и маленькими – карабарака, или соляноколосника каспийского. Все это задувается песком. Через 10 мин – уже голая равнина с 20% покрытием солянками! Какая же частая смена растительных ассоциаций! Зато с птицами – полная стабильность: везде преобладает серый жаворонок (*Calandrella piscoletta*), гораздо реже встречается похожий на него малый (*Calandrella brachydactyla*), а там, где появляются кустики – пустынный сорокопут (*Lanius pallidirostris*).

Погода стала меняться: облачность уже 1-2-3 балла и,

Рис.227. На бывшем дне Арала в ясный день. 3 мая 2007 г.

хотя всё равно солнце светит сквозь мглу, но теперь оно ещё и периодически совсем исчезает за облаками. Какой-то обширный солончак, на котором ветер делает смерчи-вихри. Похожая на полынь сухая солянка – это сведа! Вчера вечером тоже была она (а я был готов принять ее за пырей!). Это участок совсем голого дна, но не плотный такыр, а какое-то засоленное место, светлого цвета, явно соленое. Серый жаворонок встречается с завидным постоянством – 2.1.1.1.1.2.1.1.1.2.1.1.1.1. А вот и невесть откуда появившаяся, явно пролётная деревенская ласточка (*Hirundo rustica*)!

В 16⁵⁵ остановились около вышки на абсолютно голом морском дне, чтобы сделать памятную фотографию (рис. 227). Птиц здесь нет, а солнце зашло за тучи и, кажется, что вообще ничего нет! Жутковато. Только на редких буграх выдувания кое-где кустики карабарака... Вот уже более получаса едем по такому абсолютно голому дну Аральского моря. И лишь кое-где едва заметная дорожная колея занесена тонким слоем песка. Абсолютную равнину разнообразят только фитогенные бугры, которые то идут в ряд, как копны сена, то разбросаны редкими точками. И мгла – освещения никакого!... Птиц тоже нет.

В 17³⁰ эта равнина переходит в такую же, но покрытую сухой сведой, благодаря чему она напоминает степь. Жаворонки (*C. pispoletta*, *C. brachydactyla*) появились одновременно со сведой.

Тербери-2 – это остатки древнего города XIII в., обнаруженного на дне Аральского моря. Только что мы пересекли дорогу, ведущую к остаткам этого города (ушла вправо от нас). В местах, где кусты *Atriplex prateri* (по словам Лили – это неозндемик дна Аральского моря) перевеяны песком, мы ненадолго остановились, и тут я встретил пустынную славку (*Sylvia nana*). После этой остановки (18³⁰) поехали прямо на солнце (т.е. на запад) и прямо по курсу стала видна узенькая тёмная полоска – это «остров» Барсакельмес!!! Высокие фитобугры образованы здесь в основном крупными кустами тамариска; в этих густых кустах масса насекомых, в том числе различных бабочек, и часто встречаются птицы. Координаты: 45°39'53.9" с.ш.; 60°14'57.3" в.д. Высота – 28 м над уровнем моря!.

Здесь немало мелких пернатых мигрантов – какие-то камышевки (*Acrocephalus* sp.) и пеночки (*Phylloscopus* sp.), среди которых явно есть зелёная пеночка. Здесь же – южная бормотушка (*Hippolais rama*)

Рис.228. У въезда на бывший остров Барсакельмес

и какая-то тёмная, явно пролётная славка-завирушка (*Sylvia curruca*), а также луговой чеканчик (*Saxicola rubetra*) и яркий самец горихвостки-чернушки (*Phoenicurus ochruros*). С земли поднялся чёрный коршун (*Milvus migrans*).

Дальше по пути на запад всё больше и больше песчаных надувов, но постепенно *Atriplex*

prateri сменила сведа и участились фитобугры – местами просто как на кладбище! Едем прямо на солнце, к «острову» Барсакельмесу. Птиц нет совсем. 19⁰⁰ въехали в участок, где среди частых надувов песка (почти как микро-барханчики) появились кусты саксаула – явный самосев. И здесь же сразу появились оба жаворонка и пустынный сорокопут. Здесь же поёт пустынная славка (*Sylvia nana*). Отсюда уже хорошо виден сам Барсакельмес с ГМС и Маяком на нем. В 19³⁰ мы въехали на остров через небольшой подъёмчик, всего 2 м высотой! Наконец мы на острове! Сфотографировались у шлагбаума (рис. 228).

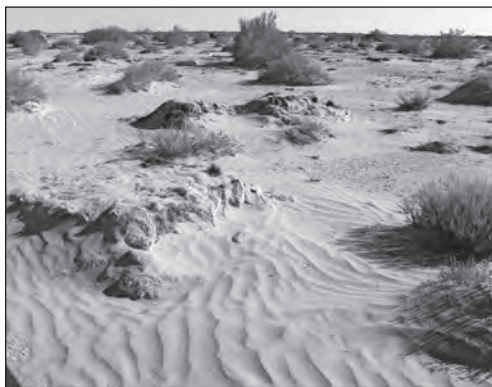

Рис. 229. «Осушка» – зарастающее дно Арала

Дальше по острову наш путь продолжался также прямо на солнце – слепит глаза! Слева – открытые пространства, справа – саксаульник (как лес). 20⁰⁰ урочище Карагансай. Это небольшая, но очень зелёная балочка с зарослями караганы. Влажная – можно не проехать. И в этом удивительно влажном месте, среди густой и высокой травы – крупный щитомордник (*Agkistrodon halys*), которыми когда-то славился этот остров. Птицы здесь тоже другие: кукушка (*Cuculus canorus*), полевой жаворонок (*Alauda* sp.) и самец желчной овсянки (*Emberiza bruniceps*) – похоже, что первый прилетевший.

В 20⁰⁸ мы уже были на центральной усадьбе заповедника!!! Но поскольку от самой усадьбы осталось в основном только название (здесь как раз работала ремонтная бригада) то нам пришлось ставить палатку прямо во «дворе» бывшей центральной усадьбы. Зато утром нас разбудили песни серого жаворонка (*Calandrella pispoletta*), запевшего в 5²⁵, когда было ещё темно (солнце взошло около 6 час). Дувший всю ночь и утром холодный северо-западный ветер вместе с чёрным небом и всходящим за пеленой солнцем сделали это первое утро незабываемым. Кстати в 6-7 час активность пения жаворонка упала.

Поскольку для нас, зоологов, эта поездка была просто ознакомительной, а ботаники приехали сюда работать на своих постоянных площадках, нам приходилось максимально использовать возможности попутных выездов с ними. В это утро мы поехали в западную часть острова. Однако уже через пару километров машина остановилась и дальше пошли пешеходные экскурсии, что меня больше всего устраивало. Ботаники ушли на свои площадки, герпетологи – Марина и Гаухарбек – бросились в пески ловить ящериц, а я был предоставлен сам себе – и птицам. Наконец-то можно не спеша осмотреться и провести часок-другой учёт встреченных птиц. В небе гонялись друг за другом два степных орла (*Aquila nipalensis*), а поодаль кружил курганник (*Buteo rufinus*), в саксауль-

нике запела южная бормотушка (*Hippolais rama*) и сюда же села пролётная стая чечевиц (*Carpodacus erythrinus*), снова запели серые жаворонки (*Calandrella pispoletta*), пролетели одна за другой две пары садж (*Syrhaptes paradoxus*) – словом, жизнь в пустыне была ключом.

Это была старая береговая линия и начало так называемой «осушки», а проще говоря – бывшего морского дна. Сейчас уже только опытный глаз мог бы провести между ними границу. Саксаульник на песчаных буграх протянулся неширокой (100–200 м) полосой с востока на запад. За ним – равнина с редким кустарником (в т.ч. курчавка), редкими сухими солянками и полынькой; общее проективное покрытие примерно 50%. Почва – супесь, потрескавшаяся, с мелкими морскими ракушками. Через 300–400 м этот биотоп сменили песчаные выдувы с фитобуграми, на которых сухие солянки, жузгун, очень редко – кустики саксаула, а в понижениях – цветущий колючий астрагал. Следующая полоса – песчаные бугры, густо поросшие высокой (до 20–30 см) прошлогодней травой и еще более высокой (30–40 см) сухой черной полынью. Редкие кусты саксаула, тамариск, джугун. Несмотря на появившееся солнце, было по-настоящему холодно, так как все время дул сильный северный ветер.

Самыми поющими и здесь оказались серый жаворонок (*Calandrella pispoletta*) и южная бормотушка (*Hippolais rama*); пустынная славка (*Sylvia nana*) и славка завирушка (*Sylvia curruca*) держались в основном молча, так же как пустынная каменка (*Oenanthe deserti*) и жулан (*Lanius karelini*). Основная масса желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*) ещё, видимо, не прилетела, так как я не встретил ни одной. В небе изредка степной орёл (*Aquila nipalensis*) и чёрный стриж (*Apus apus*). Нашёл первое гнездо серого жаворонка (*Calandrella pispoletta*) с пуховыми птенцами.

А на центральной усадьбе в полдень уже появились 3 самца желчной овсянки (*Emberiza bruniceps*), под крышами сараев живут не менее 30–40 пар домовых воробьёв (*Passer domesticus*) и две или три пары плешанок (*Oenanthe pleschanka*), Стая более сотни пролётных розовых скворцов (*Pastor roseus*) буквально обле-

Рис. 230. Гнездо курганника на бывшем дне моря

пила кусты тамариска, а потом – и провода; вскоре она улетела на восток. Здесь же держатся пеночка-теньковка (*Phylloscopus collybitus*) и садовая камышевка (*Acrocephalus dumetorum*), а на крыше поёт удод (*Upupa epops*). Здесь все вегетирует раньше, чем у нас: маки во дворе бывшей центральной усадьбы уже отцветают!!! Щитомордники живут и здесь, во дворе. . .

Утром 5 мая мы выехали на южный берег острова. Провожала нас появившаяся ночью

серая мухоловка (*Muscicapa striata*), деловито кормившаяся во «дворе». Там же держалась группа только что прилетевших самцов и самок желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*), три чайки-хохотуньи (*Larus cachinnans*), а с востока на запад пролетели 8 садж (*Syrhaptes paradoxus*). По дороге, среди биюргуновой равнины, в которой полно сусликов, два степных орла (*Aquila nipalensis*) сидят в тени единственного здесь чахлого деревца. Один долго поедает суслика. Оба подпустили машину на 10 м!

Рис.231. Щитомордник многочислен на острове

Вскоре биюргуновая равнина перешла в полынную, полынь эта (*Artemisia austriaca*) низенькая, высотой всего 10 см, а проективное покрытие – 70%. И здесь, наряду с серыми жаворонками всюду встречаются караулящие сусликов степные орлы (*Aquila nipalensis*). Сусликов здесь много! А главное – они изрыли всю колею, так как все норы они стараются рыть именно в колее!!! Может, потому, что это бугорок? Или потому, что плотнее здесь земля и лучше сохраняется вход в нору? Но для нас это было сущим наказанием – приходилось объезжать каждую нору или терпеть эти постоянные ухабы!

В 10⁰⁰ мы достигли чинка южного берега. Здесь степь подходит к самому чинку. На его краю – узкая полоска саксаула. Сам чинк, сложенный жёлтой глиной, по словам нашего гида Гаухарбека, высотой до 96 м. От его подножья до виднеющейся вдали полоски моря – более 10 км равнины, занятой солянками и рыжими пятнами тамариска. Голых мест близ чинка мало, но дальше они есть в виде темных и светлых полос различной ширины. Остатки баржи видны у самого чинка. Здесь, в чинке сидят колония черных стрижей (*Apus apus*), которые летают над нами в количестве десятка-двух. На его обрыве поют два самца плешанки (*Oenanthe pleschanka*), а на саксауле – самец и самка горихвостки-лысушки (*Phoenicurus phoenicurus*), обыкновенная чечевица (*Carpodacus erythrinus*) и пара воробьёв (*Passer indicus*).

Дальше на запад дорога идет по полынным, отклоняясь подальше от чинка. Постепенно эти полынные сменяются биюргунниками на такыровидной почве, а затем добавляются еще и редкие кустики саксаула. На юго-западной оконечности острова – мыс Бутакова с табличкой. На металлической пластинке начертано, что установлено сие в честь капитана А.И. Бутакова, начальника Аральской экспедиции 1848-1849 гг., а Гаухарбек рассказал, как они зимовали здесь вместе с Т.Г. Шевченко. Сама эта стела установлена здесь в 1989 году. Здесь же написано название урочища: «Кеберсай». Совсем рядом с табличкой

Рис.232. Орнитологу в Кеберсае делать нечего. Сзади – дно бывшего моря. Фото М.А. Чириковой

же, как и один из его склонов (на другом есть островки саксаула). Из Кеберсая выехали в местность Жаман. Здесь развалины кордона и старый саксаул. Потом проехали в Петькин-куль – это небольшая дамбочка, в результате которой образовался бугут. Здесь – редкий саксаульник, цветущий тамариск, злаковые поляны. Среди других, уже примелькавшихся птиц увидели тугайного соловья (*Cercotrichas galactotes*), коротко спевшего на саксауле. Здесь же в траве кормится зелёная пеночка (*Phylloscopus viridanus*) и яркий самец горихвостки-лисушки (*Phoenicurus phoenicurus*), а буквально из-под ног Марины и Гаухарбека взлетела серая куропатка (*Perdix perdix*), видели это также Зауреш и Лиля. Судя по коллективному рассказу, скорее всего это она (крупнее и темнее саджи, круглая, сверху есть красный цвет, взлетела с криком хлопающим полетом и улетела по-куриному: 2-3 взмаха и планирование).

До 18 час герпетологи остались работать на развалинах дома в ур. Жаман, пытаясь найти здесь гекконов, а я сделал экскурсию в Кеберсай (голая растрескавшаяся глина), где ничего нового так и не встретил. Домой возвращались другим путём. На заброшенных огородах – небольшая водичка из тростничков (это остатки некогда хорошего бугута, сделанного для полива огородов сотрудников заповедника). И здесь-то, наконец, увидели мы сайгаков (*Saiga tatarica*) – рогача и трёх безрогих (видимо, приходили на водопой).

На территории бывшей центральной усадьбы вечером кормились около 50 розовых скворцов (*Pastor roseus*), остались на ночь. А Гаухарбек видел, как через ЦУ заповедника пролетели на север около 100 каких-то гусей (*Anser* sp.). Уже в полночь Марина и Гаухарбек, ловившие гекконов на такыре у аэродрома, снова слышали гогот гусей, летевших на север.

Последний день на острове мы посвятили поездке на запад, в сторону бывшей метеостанции, где за годы существования заповедника проведено так много наблюдений не только за погодой, но и за животным миром. Утро выдалось ясным, тихим и теплым, с жемчужными облаками на востоке. В разных местах биюргунника мы насчитали восемь степных орлов, много серых (*Calandrella pispoletta*) и меньше – малых (*C.brachydactyla*) жаворонков. Да-

про Бутакова – гнездо серого жаворонка, и взрослая птица, сгорбившись, усиленно отводит (само гнездо мы так и не стали искать, чтобы не беспокоить птиц). Кроме жаворонка здесь только плешанки и чёрные стрижи, да высоко в небе реют два степных орла.

Отсюда мы на машине поехали через Кеберсай на северную сторону острова (рис.232). Дно Кеберсая – практически голая глина с эфемерами, так

лее пошли почти чистые полынные (*Artemisia terra-alba*) на глинистых буграх. И среди полыни – много ревеня, причем здесь он почти весь ещё зеленый, тогда как на осушке уже вчера и позавчера пожелтел.

Основные пешие экскурсии мы провели в урочище Сегиз-сай, в 1 км к западу от ГМС. Здесь глинистые холмы коренного берега, поросшие (90-100%) мортуком и мятликом (по 10-15 см высотой),

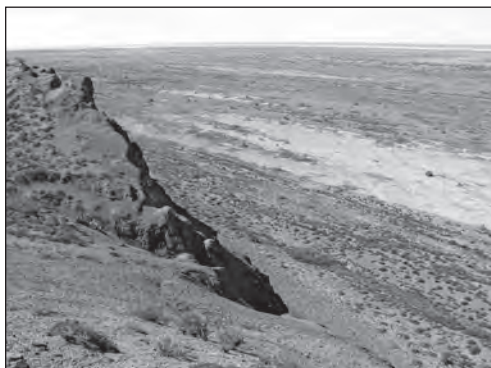

Рис.233. Мыс Бутакова и полоска моря на горизонте

с островками молодых редких саксаульников. Бугры спускаются к берегу оголенными глинистыми грядами, с густой зеленой растительностью в балочках между ними. Ниже, вдоль края коренного берега, идёт широкая (местами до 100 м шириной) полоса густого саксаульника; за ней – тёмная узкая полоса, как бруствер – некоего подобия валика, поросшего более высоким саксаулом и тамариском. Видимо, это и есть коренной берег. За «бруствером» – полоса более мелкого и редкого саксаульника с другим кустарником (ее ширина 100-200 м); за ней – жёлтая песчаная полоса с редкими пятнами тамариска, а за ней – светло-зелёная солянковая равнина, также с тёмными пятнами тамариска. Все это достаточно хорошо видно на фото общего плана местности.

Орнитологическая экскурсия с количественным учётом птиц, проведенная мной с 10 до 13 час, показала, что состав птичьего населения здесь примерно такой же, как и в других участках острова. На первом месте по численности – серые жаворонки (*Calandrella pispoleta*), которые сейчас уже поют редко и неподолгу – явно кормят птенцов. На втором месте по численности в открытой степи – малый (*Calandrella brachydactula*), а на последнем – хохлатый (*Galerida cristata*) жаворонки. Из трёх видов каменок (*Oenanthe pleschanka*, *Oenanthe deserti*, *Oenanthe isabellina*) чаще других встречается первая.

В кустарнике на первом месте – часто поющая южная бормотушка (*Hippolais rama*), реже поёт славка-завирушка (*Sylvia curruca*), ещё реже видны молчаливые пустынная славка (*Sylvia nana*), тугайный соловей (*Cercotrichas galactotes*) и только что прилетевшая желчная овсянка (*Emberiza bruniceps*). Большой процент составляют пролётные птицы: зелёные пеночки (*Phylloscopus viridanus*), серые мухоловки (*Muscicapa striata*), кукушки (*Cuculus canorus*), горихвостки-лысушки (*Phoenicurus phoenicurus*), обыкновенные чечевицы (*Carpodacus erythrinus*). А в одном месте я наткнулся даже на двух пеночек-трещоток (*Phylloscopus sibilatrix*) – тёмно-зеленых сверху и желтоватых снизу, с желтой бровью и без крыловой полосы; горло и зоб желтоватые. Присмотревшись к другим пеночкам повнимательнее, я увидел, что таких порхает штук 5-6. Низко над степью в одном месте пролетел молодой лунь,

похожий на самку лугового (*Circus pygargus?*), а из полуразрушенного здания метеостанции вылетел домовый сыч (*Athene noctua bactriana*).

Возвращаясь вдоль чинка (он здесь не более 10 м высотой) к оставленной машине, я наблюдал красивую картину, как ветер уносит вверх на 100-200 м огромные, сухие листья ревеня (*Rheum tataricum*), и они летают, как крупные жёлтые птицы...

В этот тёплый и ласковый последний вечер вокруг нашей палатки на центральной усадьбе как-то особенно активно кричали в сумерках суслики (*Citellus fulvus*), летали нетопыри-карлики (*Vespertilio (pipistrellus?)*) и раздавались обрывки песен жаворонков (*Calandrella pispoletta*). Завершил всё прощальный ужин, на котором, как всегда, было немало речей, но нет-нет да и подчёркивалось, что успех завтрашнего возвращения будет зависеть только от погоды. В устах местных старожилов для нас это звучало серьёзно...

Похоже, что этими предупреждениями накликали беду. Всю ночь был сильный ветер и дождь, сменяющие по времени друг друга. Иногда казалось, что палатку вот-вот сорвёт! К утру – холодище! Ветер немного притих, и дождь прекратился, но чёрные тучи как-то угнетали. В 7⁵⁰ выезд, напоминающий бегство, – без завтрака и умывания! В машине поместились шестером: Тулубай (водитель), Зауре, Лиля, Марина, Гаухарбек и я. На песчаных участках осушки – «позёмка» (рис. 234)! На голых участках бывшего морского дна – уже целая «метель» (пыльная буря). Более часа ехали мы по оголенному дну Аральского моря под ветром и пыльной бурей. Не видно ни зги! Впервые попав в такие условия, я находился в состоянии странного возбуждения, более всего близкого к неопишуемому восторгу. Больше всего от этого досталось бедному фотоаппарату, которым я пытался снимать всё подряд, хотя и понимал, что при таком почти полном отсутствии освещения вряд ли что получится, зато пыли в фотоаппарат набьётся с лихвой! За это время ни одной птицы не встретили... Но, как только пересекли полосу закрепления (появилась хоть какая-то растительность), – сразу же встретили серого жаворонка и каспийского зуйка!!

Меня больше всего занимало – как можно без всякой видимости (и без приборов!) найти дорогу в этом сплошном бездорожье. И я с тревогой поглядывал

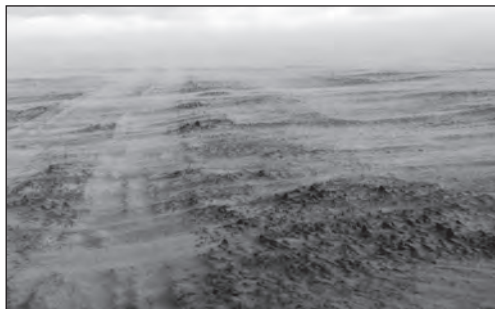

Рис. 234. Пыльная буря на бывшем морском дне 7 мая 2007 г.

на Тулубая, который невозможно крутил баранку. Правда, в одном месте и он дрогнул, остановил машину и вышел, после чего сдал назад (видимо, всё-таки проскочил одному ему ведомый ориентир). И снова поехали впопыхах, как в невесомости. Только временами, когда чуть ослабевала желто-серая пелена, сквозь неё проникали слабые лучи солнца, светившего нам навстречу и окрашивающе-

го окружающее нас пространство в тёплые тона. Иногда из этой тьмы вырывалась летящая куда-то одиночная чайка (один раз – озёрная, другой – хохотунья) и сразу же пропадала, другой раз так же пролетели три малых зуйка.

Опять выехали на оголенное дно в районе бывшего залива Акколь, и птицы исчезли! Лишь видно, как несёт по земле белую пыль-соль сильный ветер! И всё...

В 9⁻³⁰ были уже около вышки, где фотографировались, когда ехали сюда, – доехали за 2 часа 10 мин! В 9⁻⁵⁰ снова зарастающее отдельными кустиками дно – и здесь снова появились жаворонки!!! А вместе с ними – одна сизая чайка (*Larus canus*), каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*), каспийский зуйк (*Charadrius asiaticus*) и даже стая из 15 больших кроншнепов (*Numenius arquatus*). Чайки и кулики все летели на запад – против ветра. Прямо из появившейся колеи стали взлетать малые жаворонки (*Calandrella brachydactyla*): 1.3.5.3.1.3.2.3.1.1 – видимо, прячутся там от ветра

Село Каратерень встретило нас в 10⁻³⁰ таким же ветрищем. Добрались за три часа... Машина Тулубая осталась здесь, а мы выехали обратно в Аральск в 15⁻³⁰ на «таблетке» УАЗ-452 с группой рейнджеров-охранников. По пути – отметка Дня защитника Отечества (это недавно появившееся казахское 23 февраля!) на берегу Сарыколя. Наблюдать что-либо из этого «воронка» с его пьяной компанией было просто невозможно. Из птиц удалось увидеть только степного орла и чернобрюхого рябка. В 19⁻⁰⁵ прибыли в Аральск, а так как Зауреш с Лилей остались в Каратерене, то время до поезда мы скоротали в доме Берика Куандыкова – зоолога заповедника, ездившего с нами на остров. Его отец Куандык Бакирович (метеоролог) вместе с сыном и посадили нас ночью в поезд на Алма-Ату...

И снова поездки по Алматинской области (май-июнь 2007)

После такой яркой поездки работа с бёрдвотчерами, которой я занимался весь май и большую часть июня, показалась курортом, даже немного скучноватым. Две группы туристов английского клуба «Naturetrek» по стандартным кольцевым маршрутам, включающим Сорбулак, Таукумы (с Жельтурангой и Топарскими озёрами), Кокпекское ущелье с Сюгатинской долиной и Чарыном, и высокогорье Большого Алматинского ущелья, я провёл 11-17 и 19-25 мая 2007 г. Во время этих поездок отмечено порядка 200 видов птиц, почти треть из которых были мигрирующими и для некоторых из них

Рис.235. Бёрдвотчеры в Кокпекском ущелье. На переднем плане – Иан Синклер, автор определителей по птицам Южной Африки

определенный интерес представляют даты и места встреч. В высокогорье очень интересными были встречи некоторых птиц в несвойственных им высотных пределах в связи с резкими перепадами погодных условий. Самые интересные встречи: стая из 96 взрослых кудрявых пеликанов (*Pelecanus crispus*) в полдень 24 мая над Жельтурангой; два малых баклана (*Phalacrocorax pygmaeus*) над Топаром; три хохлатых осоеда (*Pernis ptylorhynchus*) 23 мая над низкими горами между Тамгалами и Жусандалой; большой подорлик (*Aquila clanga*) – один над Тамгалами 15 мая, еще два над Каншенгелем 24 мая. Буланая совка (*Otus brucei*) – после неоднократных регистраций этого вида по голосу мне, наконец, удалось встретить одну пустынную совку в Джельуранге 24 мая. Птица сидела неподвижно среди сухих веток в кроне старой туранги и позволила всей группе рассматривать и фотографировать себя в течение получаса. Пустынный сорокопут (*Lanius pallidirostris*) – практически перестал встречаться в песках Таукум вдоль трассы от Каншенгеля до Топара, где ещё 10 лет назад (когда здесь проходила высоковольтная линия электропередач), мы насчитывали до 10-15 взрослых птиц, а случалось – и находили гнезда в кустах на обочине дороги. Сейчас за 4 поездки по этой трассе 16 и 24 мая (около 100 км в один конец, до Жельтуранги) мы не встретили ни одного пустынного серого сорокопута, даже при специальных поисках во время остановок.

В высокогорье Заилийского Алатау, в хорошо изученном орнитологами Большом Алматинском ущелье (1500-3300 м), трудно встретить что-либо фаунистически новое. Однако большой интерес для меня представили изменения численности или высотного распределения птиц в зависимости от резкого изменения экологических условий, включая естественные факторы (погодные аномалии) и антропогенные нагрузки. Что касается последних, то никогда еще за 43 года знакомства с этим ущельем мне не приходилось видеть в нём такого количества автомашин (только перед шлагбаумом у въезда в ущелье выстроилась вереница длиной более 200 м!) и никогда ещё не было такой эрозии дороги на серпантинах между 1-й ГЭС и Большим Алматинским озером, разбитых квадрациклами до глубоких ям. И это на территории, несколько лет назад объявленной национальным парком!

Рис.236. С бёрдвотчерами по дороге на Космостанцию после снегопада

Погодные аномалии выразились в мощном снегопаде, который обрушился на ущелье 21 мая. В ночь на 22 мая температура воздуха опустилась до минус 8°, глубина снежного покрова у верхней границы леса (ГАИШ) достигла 40 см, а на Космостанции – даже 58 см. Впервые за 10 лет из-за глубокого снега мы не смогли добраться до Космостанции на автомашине (рис. 236). Интересно было

наблюдать те изменения, которые произошли в высотном распределении и поведении некоторых птиц. Ниже обычного встречены краснобрюхая горихвостка (*Phoenicurus erythrogaster*), стенолаз (*Tichodroma muraria*) и жемчужный вьюрок (*Leucosticte brandtii*), а недалеко от ГАИШ на заснеженном склоне я впервые для этого ущелья встретил бородастую куропатку (*Perdix dauuricae*).

С англо-американской группой Birdwatcher's (13 человек, турлидер Peter Roberts) мы 6-8 июня совершили сначала западную «петлю» традиционного маршрута (Алматы-Копя-Тамгалы-Каншенгель-Таукум-Жельтуранга-Сорбулак-Алматы), затем 9-10 июня – восточную (Кокпекты-Сюгаты-Бартагой-Чарын) и 11-13 июня – высокогорную (Б. Алматинское ущелье). С японской группой (6 человек, турлидер Отани-сан) 15 июня – однодневный выезд в Сюгатинскую долину; вечером того же дня группа отправилась поездом в Акмолинскую область, а после ее возвращения мы 19-21 июня проделали высокогорную часть маршрута (Б. Алматинское ущелье и Космостанция). Самыми интересными для меня во время этих поездок были: встреча савки (*Oxyura leucocephalus*) на протоке Топар у одноименного села и монгольского снегиря (*Bucanetes mongolicus*) 20 июня на ГАИШ (впервые за все годы наблюдений в этом ущелье!).

Между этими поездками были и другие интересные дела и встречи. Так, 18 мая в Институте зоологии состоялась защита диссертации моей последней аспирантки Марины Чириковой, с которой мы всего чуть больше недели вернулись из поездки в Барсакельмес. В этот же день в нашем городе проходило Шестое совещание стран ареала стерха – первое без моего официального участия, потому что в проекте по стерху от Казахстана были задействованы уже другие лица (конкуренция росла с каждым годом!). Поэтому вечером 18 мая Олег Белялов прямо с послезащитного банкета отвёз меня в соколиный питомник «Сункар» (Большое Алматинское ущелье), где мы встретились с очень давними знакомыми, членами РГЖЕ Александром Сорокиным, Юрием Маркиным и Настей Шилиной, а также с хозяином самого питомника Виктором Ертасовичем Булекбаевым, с которым не виделись несколько лет, несмотря на то, что живём в одном городе (последний раз он был у меня ещё со Славой Беляловым). В начале июня я, наконец, сдал в издательство «Атамур» готовую рукопись второго тома «Школьной энциклопедии», том Млекопитающие, на подготовку которого потратил всю зиму и весну.

В июле наступило относительно затишье. Только 5-8 июля состоялась поездка на Каркару для празднования дня рождения Казбека Валиева. Здесь я познакомился с целым рядом интересных людей, так или иначе связан-

Рис.237. Бендицкий с каскадёрами Бахадуром и Макаримом. Каркара, 7 июля

ных с альпинизмом. В частности с очень известным казахстанским журналистом Геннадием Бендицким, который оказался близким другом, почти родственником Анатолия Левина – одного из самых первых моих учеников и близкого сподвижника ещё с далёкого 1967 года. Автор самых острых критических материалов и фельетонов популярной в те годы в Казахстане газеты «Караван» оказался очень весёлым, остроумным молодым человеком, гитаристом, певцом. А главное – тоже альпинистом в прошлом, в доску своим в кругу самых именитых альпинистов Казахстана. Очень интересно было познакомиться с людьми редкой профессии – каскадёрами Бахадуром Исмаиловичем Джалметовым и его другом Макаримом Кусаиновичем Тлесбаевым. Их рассказы о разных происшествиях во время съёмок фильмов украсили наш праздник, так же как альпинистские песни, которые здесь любили все. Однако я ехал не только на праздник. Давно уже братья Валиевы обещали мне возможность посмотреть вблизи знаменитый Хан-Тенгри: каждое лето они отправляли туда вертолётной группы. Уже побывал там Олег Белялов, которому они заказали провести фотосессию, после него с группой туда летала моя дочь Виктория и тоже привезла прекрасные снимки – и самого пика и не менее знаменитого озера Мерцбахера. И вот в этот раз Даурен сказал, что прямо после праздника из Каркары можно будет слетать на Хан-Тенгри. Поэтому в моём рюкзаке было всё необходимое для заснеженного высокогорья – от неизменной пуховки до чёрных очков, которые я специально купил на этот случай. Однако не повезло мне: из Киргизии сообщили, что вертолёт в этот раз не будет – только через неделю. Правда, Даурен предложил мне погостить эту недельку в альплагере «Каркара», однако я не смог позволить себе такой роскоши, хотя места вокруг были очень красивые. Проведя пару утренних орнитологических экскурсий, я убедился, что увидел всё, что здесь живёт, и наблюдать одно и то же ежедневно целую неделю нет смысла...

Тем более, что уже 18 июля я должен был участвовать в проходящей в Алма-Ате Региональной встрече по внесению Западного Тянь-Шаня как трансграничного объекта природного наследия в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Встреча проходила в гранд-отеле «аль-Фараби» под председательством эксперта ЮНЕСКО, представителя Центра Всемирного наследия Алексея Буторина. Помимо таких знакомых лиц как Эмиль Шукуров, Юрий Пешков, Виктория Ковшарь и Франсуа Ланглуа, в ней приняли участие представители заповедника Аксу-Джабаглы, природоохранных ведомств Кыргызстана и Узбекистана, а также биологи, члены Совета Ассоциации сохранения биоразнообразия Казахстана (АСБК). Было принято решение по подготовке номинации на кластерную трансграничную территорию, в которую входит 11 отдельных участков Западного Тянь-Шаня в пределах Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Техническую подготовку номинации решено было поручить АСБК. Кстати, результаты этой работы впоследствии нигде не обсуждались и так и остались мне не известными.

Тогда же, в июле, произошла мимолетная встреча с харьковчанами – братьями Утевскими и Андреем Атемасовым – посетившими наш Институт зоологии проездом в Аксу-Джабаглы и Кургальджино (в поисках медицинских пиявок). Это было как лёгкое дуновение освежающего ветерка из далёкого прошлого, прикосновение к Alma mater...

Якутия и Ленские столбы (август 2007)

Август преподнёс мне редкостный подарок – поездку на конференцию в Якутию, где я никогда не был и не чаял побывать. Однако справедливости ради надо сказать, что август здесь ни при чём – здесь сработало старое правило орнитологического братства. Давний знакомый, можно сказать приятель по журавлиным делам Николай Иванович Гермогенов во время прислал мне не только информацию о предстоящем форуме, но и именное приглашение принять в нём участие. При этом в личной переписке он убедил меня, что средства на оплату столь дальней дороги у организаторов конференции найдутся (это он обещал как заместитель председателя Оргкомитета конференции), была бы моя добрая воля принять в ней участие. Добрая воля была, да ещё какая! Оставалось только измыслить – какой такой доклад по мигрирующим птицам я могу представить?.

Но выход нашёлся довольно быстро: я заявил доклад на тему: «Национальные Красные книги и ключевые орнитологические территории как экологические коридоры для сохранения редких видов перелётных птиц», увязав гнездящихся в Якутии редких птиц с их пролётом через территорию Казахстана и теми ключевыми орнитологическими территориями, которые мы к тому времени уже предложили. Получилось даже интересно и, судя по реакции слушателей, – не только мне. После извещения о том, что мой доклад принят, я начал готовиться к поездке.

Первый, к кому я обратился за советом, как добраться до Якутска, был Алдар Петрович Горбунов, который не раз летал туда в свой Институт мерзлотоведения. Однако сейчас всё изменилось, и прямых рейсов из Алматы в Якутск не стало. Оставалось лететь до Новосибирска авиалиниями одной компании, а дальше – другой. Между рейсами было чуть более суток времени, которое можно было потратить на знакомство с городом, которого я практически не видел, так как зимой 1984 года ездил в Новосибирский академгородок, а это достаточно далеко от самого Новосибирска – диффузного, как его прозвали орнитологи, города. Но в самом Новосибирске жила дочь А.И. Янушевича Татьяна, с которой у нас было много общих знакомых в Бишкеке, хотя лично с ней я не был знаком. Поэтому, прилетев вечером 5 августа в аэропорт Толмачёво, я не рискнул звонить незнакомым людям, оставив звонок на утро, а сам устроился на одну ночь в аэропортовскую гостиницу. Здесь произошло виртуальное знакомство с певицей, которой тогда ещё никто не знал, а сейчас знают все. По телевизору

Рис. 238. Т.А. Янушевич с мужем, сыном (стоят) и Г.М. Прашкевичем. 6 августа 2007 г.

транслировали концерт какой-то ленинградской певицы, которую чаще всего называли «северная княжна». Необычный сильный голос и манера пения привлекли моё внимание, и я постарался запомнить имя певицы. Это была Елена Ваенга. Пела она в основном романсы и почему-то песни о войне в Афганистане. Стиль одежды и пения у неё был строгий, а голос довольно сильный и приятный.

Утром 6 августа я позвонил Татьяне Александровне Янушевич, которой я захватил один из номеров «Selevinia» с очерком к столетию её отца. Она объяснила, как добраться, и через часок я был у них дома. Татьяна Александровна и её муж Владимир Фёдорович Свиньин встретили меня приветливо, стали расспрашивать о наших общих знакомых, и через час мне уже казалось, что мы знакомы давно. По частым телефонным звонкам было видно, что они успевают ещё и работать при этом. Выяснилось, что они основали своё частное издательство «Свиньин и сыновья» (деньги вложил старший сын) и теперь издают художественную литературу – да какую!!! Чаще всего это была забытая классика. Притом они избирают очень интересные, познавательные направления. Чего стоит, например, книга с интригующим названием «Знаменитые неизвестные» и подзаголовком «Антология одного стихотворения», в которой на 566 страницах приводятся бесценные исторические сведения о людях, прославившихся одним-единственным произведением: от автора «Марсельезы» Руже де Лиля (1760-1836) до Михаила Ландмана (1931-1997) – автора слов знаменитой современной песни «Сиреневый туман...»! В 2005 году они выпустили прекрасную «Историю русской литературы с древнейших времён по 1925 год» Дмитрия Святополка-Мирского (1890-1939), написанную когда-то на английском языке для зарубежного читателя и лишь десятилетия спустя

Рис. 239. На приёме в Правительстве Якутии 7 августа 2007 г.:

Сидят справа налево: Н.Г.Соломонов, Claire Mirande, Я.И.Степанов.

Стоят справа налево: А.Ф.Ковшарь, Н.И.Гермогенов, Mini Nagendran, Алексей Благовидов, Юлия Горелова и два зарубежных гостя

после смерти автора изданную в 1992 г. в переводе на русский небольшим тиражом одним из Лондонских издательств. Тираж в 1000 экз. разошёлся мгновенно, и в 2007 году они снова повторили его. Выпустили они и книгу воспоминаний самой Татьяны Янушевич «Моё время (записки счастливого человека)» – лирическое и философское произведение объёмом 694 с. Словом, мне повезло соприкоснуться с настоящей литературой и её жрецами. Третьим в их тандеме был Геннадий Мартович Прашкевич, с которым мне тоже удалось познакомиться в их доме –

так много вместили в себя эти полдня! Под конец Татьяна Александровна показала мне немного город, и после обмена адресами и обещаниями держать связь я едва успел на свой самолёт, вылетающий вечером в Якутск.

Рано утром 7 августа мы прилетели в Якутск. Было уже достаточно светло, и я с трепетом глядел в широкую ленту реки, окаймлённую зелёной долиной, болотистый характер которой угадывался даже с большой высоты.

Конференция открылась 8 августа в городе Якутске (Республика Саха) в составе Международного форума по изучению и сохранению животного мира Арктики, который объединил её с проходящей здесь же одновременно XII-й Международной конференцией по арктическим копытным. Форум проводился в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 375-летию вхождения Якутии в состав Российского государства и основания города Якутска. Это придало самому мероприятию особую торжественность: зарубежным гостям был устроен прием в Правительстве Республики Саха (Якутия). Принимал нас (а набралось человек 10-15, в том числе мои старые друзья, москвичи-журавлятники) заместитель председателя Правительства Республики Саха Яал Иванович Степанов, поразивший меня своей молодостью – на вид ему было лет 30, не больше. Интеллигентный спокойный, и грамотный человек, он произвёл на нас хорошее впечатление. Чувствовалось, что ему не чужды экологические проблемы и он хорошо владеет информацией по своей республике. При этом держался он очень просто, радушно, к гостям относился с должным вниманием. На приёме было всего 10 человек (рис. 239) и обсуждались на нём актуальные вопросы сохранения редчайшего вида птиц – белого журавля, или стерха (*Grus leucogeranus*).

Форум открылся 8 августа 2007 г. в Русском драмтеатре им. А.С. Пушкина большим праздничным концертом мастеров искусств Якутии. Зрелище было удивительное и совсем непривычное: своеобразная и очень громкая музыка и яркие наряды шаманов создавали совершенно особую обстановку и перенесли в сказочную «Землю Санникова». Будучи не в силах удержаться, я непрерывно фотографировал и снимал на видеокамеру.

В работе Форума приняли участие 160 ученых и специалистов из 10 стран: 27 – из ближнего и дальнего зарубежья (Канада, США, Новая Зеландия, Малай-

Рис.240. Вступительное «слово» шамана

Рис. 241. Президиум конференции и форума. Якутск, 8 августа 2007 г.

зия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Республика Корея, Республика Казахстан) и 135 – из России, в т.ч. 111 – из Якутии. Сам форум состоял из двух параллельных мероприятий: международная конференция по копытным и наша III Международная конференция по мигрирующим птицам Севера Тихоокеанского региона. Открытие последней состоялось во второй половине дня 8 августа в здании Института биологических проблем криолитозоны СО РАН, на котором с приветствием выступили чл.-корр. РАН, д.б.н. Николай Гаврилович Соломонов и директор Международного Фонда Журавлей, директор проекта UNEP/GEF «Стерх» Клер Миранде (США). Всю организационную работу по подготовке самой конференции провёл Николай Гермогенов со своей орнитологической группой. Из них наибольшее бремя легло на плечи двух девушек, занимавшихся стерхом под руководством Гермогенова, – Ингы Бысыкатовой и Маши Владимирцевой. Инга была первым человеком, который встретил меня на якутской земле, а Маша, несмотря на то, что дома был маленький ребёнок, отвечала за все компьютерные работы и чуть ли не ночевала на работе перед открытием конференции.

В прекрасной гостинице «Стерх», куда разместили всех нас, приехавших орнитологов, абсолютно всё было посвящено стерху: от светильников в комнатах, до беленьких тапочек и даже пепельницы и зубной щётки, всё имело изображение стерха и его название. Наши высокие гости из-за океана – Claire Mirande и Mini Nagendran – были очень довольны! Но в гостинице мы проводили только ночные часы – весь день уходил на встречи, и не только официальные. Помимо нашей «журавлиной компании» (А.Г. Сорокин, Ю.М. Маркин, Настя Шилина, Валентин и Лена Ильяшенки), которые, кстати, были очень заняты подготовкой к проведению сразу же после конференции полевого выезда в места обитания стерха, оформлением разрешений на его мечение и т.д., я неожиданно встретил Юлию Горелову, которую не видел лет 6-7. Она приехала с Алексеем Благовидовым тоже как представители стершиного проекта, но были относительно свободны, и мы вместе с ними смогли хоть немного познакомиться с городом Якутском. Он производил довольно хорошее впечатление, как мне казалось, именно северного города: широкие улицы и открытые площади. Прямо напротив нашей гостиницы через дорогу висел огромный транспарант с портретом Жириновского и надписью «ЛДПР всегда права», а на крыше многоэтажного здания речного пароходства на обширной площади красовалось воззвание Петра Первого «Флоту России быть!». О северном положении города часто напоминали бугры вспучивания вечной мерзлоты прямо на асфальте, а также капитальные многоэтажные здания **на сваях**. Нередко встречались также красивые деревянные дома с резными стенами и ставнями, дающие представление о том, каким был раньше этот город.

Поскольку заседания конференции по копытным проходили в самом городе Якутске, а наша орнитологическая была запланирована на борту теплохода «Механик Кулибин», следовавшего по Лене из Якутска к национальному парку «Ленские столбы», вечером 8 августа мы выписались из замечательной гостиницы «Стерх» и собрались в речном порту на берегу Лены. Уже смеркалось,

а посадки на теплоход всё не было. Собравшись толпой, мы ловили слухи о каких-то неполадках, кто-то говорил, что с пароходом не сложилось и придётся возвращаться в гостиницу. Однако уже в полной темноте нас всё же посадили на теплоход Кулибин. Но тревога осталась, так как он подозрительно долго стоял на месте. Наконец, обстановка прояснилась: теплоход не может выйти из гавани в саму реку, так как резко упал уровень воды и образовалась мель, отрезавшая нас от речного русла. Но тут на борту теплохода появился Я.И. Степанов, который, оказывается, тоже должен был идти с нами. Начались телефонные звонки, вызов земснаряда и т.д. Только ночью мы кое-как отчалили и вышли на широкие просторы полноводной Лены.

Утром глазам нашим открылась величественная картина могучей реки. Берега были пологими, местами – с хорошими песчаными отмелями-пляжами. К одному из них мы и причалили на пару часов. Здесь мы сошли на берег и имели возможность вдоволь поплавать, благо день был ясный и тихий, светило ласковое солнце, а температура воды была приемлемой (рис. 242). Любители рыбной ловли тут же достали свои снасти, расселись на берегу и с надеждой смотрели на поплавки.

После этой остановки начались «будни» конференции. Заседания проходили в двух самых больших каютах на верхней и нижней палубе, поскольку участники, согласно тематике, были разделены на две секции. Одну из них, по фаунистически-экологической тематике, довелось вести мне; вторая, на верхней палубе, была посвящена медицинским и паразитологическим аспектам, связанным в основном с птичьим гриппом, о котором вот уже два года трубили все средства массовой информации. Центральное место в нашей секции занимали доклады о стерхе. Среди них моё внимание больше всего привлек доклад Анастолы Пшенникова, посвящённый многолетней динамике мест его обитания. Очень интересным был доклад Виталия Рябцева из Забайкалья: автор доказывал, что основная причина снижения численности хищных птиц – неблагоприятие на местах зимовок, т.е. чаще всего за пределами наших стран. И предлагал провести учёт их численности там, особенно в Китае.

В перерывах между заседаниями шло оживлённое общение орнитологов. Рядом с моей каютой оказалась каюта Юрия Соломоновича Равкина, который отметил своё 70-летие всего на 5 дней раньше меня – 12 марта с.г., что, конечно же, послужило поводом для весёлых шуток на эту тему. Через стенку от меня жили супруги Ильяшенко, и Валя часто стуком приглашал на кружку пива. Но большую часть свободного времени каждый старался проводить не в тесной каюте, а на палубе, любуясь великолепными пей-

Рис.242. Омование в водах могучей Лены. 9 августа 2007 г.

зажами. Здесь мы вели неспешные беседы с супругами Москвитиными, причём не только старый мой приятель Сергей Степанович, но и его супруга Нина Сергеевна, столь строгая и сухая с виду, оказалась интересной собеседницей. Они познакомили меня с Лео Гургеновичем Вартапетовым, которого раньше я знал только по статьям. В первый же вечер мы обменялись новостями с Сашей Юрловым, сыном Константина Тимофеевича Юрлова, с которым мы когда-то сдружились на Чокпаке. Очень интересно было разговаривать с камчатским орнитологом Николаем Николаевичем Герасимовым, а также с байкальским Юрием Ивановичем Мельниковым, приехавшим, как всегда, в униформе лесной инспекции, с какими-то погонами. Красавец-бородач, с которым всё время держалась Инга Бысыкатова, оказался Михаилом Сергеевичем Стишовым – тем самым, который работал когда-то на острове Врангеля с Василием Ивановичем Придатко и вместе с ним выпустил в 1991 году монографию «Птицы острова Врангеля». Словом, недостатка в интересных встречах и разговорах не было. А по вечерам – танцы со светомузыкой на открытой палубе, где истосковавшаяся за день молодёжь брала реванш над стариками.

После второй ночёвки на воде, рано утром 10 августа, пейзаж резко изменился – по левому борту появились долгожданные скалы – Ленские Столбы! Все схватились за фотоаппараты, и добрые полчаса слышно было только щёлканье затворов и жужжание моторчиков видеокамер. Едва мы насытились этим великолепным зрелищем, как наш «Механик Кулибин» направился к берегу и после нескольких попыток подойти поближе к нему, наконец, стал на якорь. Перебросили сходни, и народ потянулся на берег. Это было место начала пешеходной экскурсии по национальному парку, где нам обещали подъём на самый верх «Столбов»: крутые склоны между скалами поросли хвойным лесом.

Описывать красоту этих мест я не берусь – это надо видеть! Поэтому и работали у меня попеременно то фотоаппарат, то видеокамера. Первое, что сделал наш гид, собрав всех сошедших на берег, – развёл небольшой костерок из нескольких сухих палочек и предложил каждому бросить в него хоть по одной палочке, чтобы умилостивить духов – без этой церемонии нельзя начинать ни

Рис. 243. На палубе «Кулибина»: Л.Г. Вартапетов, С.С. Москвитин, В.Ю. Ильяшенко, Н.Н. Герасимов

Рис. 244. Вид на Ленские столбы с палубы теплохода «Механик Кулибин». 10 августа 2007 г.

одно мероприятие. И я вспомнил, как позавчера такой же костерок развёл шаман даже на сцене театра перед выступлением артистов...

В километре от нашего теплохода, на берегу у подножья скалы, приютился небольшой домик, а рядом – каменный идол со всякими надписями, которые долго нам расшифровывал и объяснял наш гид – работник национального парка. Меня же поразила клумба с большим количеством ярких цветов, выделяющаяся среди однообразно-зелёного общего фона леса. Отсюда начинался подъём на склон в обход отвесной скалы и был он в виде деревянных ступеней с деревянными же перилами. Такого сервиса в этом глухом лесу я никак не ожидал! Сразу же подумалось: вот она – настоящая культура обслуживания туристов в национальном парке и вспомнились деревянные настилы среди болота в эстонском национальном парке. А у нас в Казахстане, так же, как и в Киргизии, национальный парк – это шлагбаум для взывания денег с посетителей, и больше ничего. Не зря же наши немецкие коллеги по тьянь-шаньским экспедициям окрестили обе страны как «страны шлагбаумов» – и были правы... При подъёме на скалу я познакомился с парой телевизионщиков местной киностудии – оператором и его ассистенткой с редкостным и красивым именем Нюргюяна. Она объяснила, что это старинное якутское имя её родители дали ей в виде протеста против сплошного русскоязычного списка современных имён.

С вершины скалы открылся захватывающий вид на безбрежную реку Лену – столь внушительный, что стоящий у нашего берега теплоход «Механик Кулибин» показался мне чем-то вроде тудяги-муравья. Обрато к нему мы шли, переполненные впечатлениями от этой экскурсии. А вскоре все мы были награждены ещё одним незабываемым зрелищем – закатом, превратившим могучую реку в поток расплавленного металла. Самый выразительный снимок этого заката удалось сделать Нюргюяне, которая мне его подарила.

Обратный путь в Якутск занял ночь и часть следующего дня. Объединив секции, мы заслушали отчёты их председателей и приняли общую резолюцию. Оказалось, что за два дня, 9 и 10 августа, на теплоходе «Механик Кулибин»,

Рис.245 и 246. С Ниной Сергеевной Москвитиной и Ингой Бысыкатовой на борту «Механика Кулибина»

на 7 секционных заседаниях заслушаны и обсуждены 56 докладов (**секции**: фауна и население; миграции; экология; паразиты и болезни; ресурсы; охрана редких видов; охрана местообитаний). Особенно интересными были доклады о современном состоянии якутской популяции стерха, его биологии и перспективах сохранения, с учетом антропогенных и естественных изменений основных ландшафтов. Не меньший интерес вызвали доклады о результатах исследования птичьего гриппа. В резолюцию конференции был включён пункт о недопустимости истребления разных видов птиц в качестве мер борьбы с птичьим гриппом, а также второй важный пункт, гласивший что на настоящем этапе развития данной проблемы необходимо тщательное отслеживание ситуации, наблюдение за динамикой вирулентности известных штаммов, определение роли различных видов птиц в распространении вирусов гриппа и их территориальные связи. Особое внимание предлагалось уделить просветительской работе с контингентом, имеющим постоянные контакты с дикими перелётными птицами.

Последние пол-дня в Якутске были посвящены культурной программе. Нас возили по городу, показали неплохой краеведческий музей, однако Валя Ильешенко всё время твердил мне, что, во что бы то ни стало, надо попасть в единственный в мире музей мамонта! Почему-то хозяева уклонялись от этого – то ли он бы в этот день закрыт, то ли ещё какая-то причина была, но не зря говорится, что «капля камень долбит»: в конечном счёте, мы попали в этот зал, где были представлены находки остатков мамонтов, целый мамонтёнок и реставрированное чучело-муляж взрослого исполина. Всё это очень впечатляло. И хотя подробности большого объёма информации, которой нас напичкали в этом зале, уже выветрились из моей памяти, всё же осталось воспоминание об этом музее, как о чём-то грандиозном...

Вечером, как водится, состоялся той, то бишь заключительный банкет в ресторане, и на нём мы, гости, дали волю своим эмоциям, благодарностям в адрес гостеприимных хозяев, задумавших и осуществивших такую грандиозную поездку по замечательным местам, где большинство из нас побывало впервые. При этом всё было организовано на высшем уровне, без накладок. Запомнилась ночная прогулка по городу после банкета и какая-то фантастическая иллюминация над ночными фантанами в центре города.

Рано утром 12 августа я покидал так полюбившийся Якутск. Здесь произошёл один инцидент, закончившийся вполне благополучно. Страж порядка, рассматривавший мой паспорт, обратил внимание на то, что у меня нет регистрации о пребывании на территории Якутии (без регистрации можно было только три дня, а у меня уже шёл пятый!). Денег на уплату штрафа, который оказался довольно высоким, у меня не было, а провожающие мои уже уехали. Все мои объяснения, что мы эти дни плавали по Лене, никакого воздействия не имели. И тут я вспомнил о визитке Яала Ивановича Степанова, которую он подарил мне на приёме. Сказав милиционеру, что я сейчас позвоню зампреду правительства, и он подтвердит, что я с ним был эти дни на реке, я увидел, как тот стусевался и махнул рукой, пробормотав, что у меня могут быть неприятности в Москве. На этом инцидент был исчерпан. А я действительно в этот раз

возвращался через Москву. Там меня встретил мой старый друг Женя Понировский и пару часов между рейсами мы побродили с ним по Красной площади. Так завершилось это небольшое, но волшебное путешествие...

70-летие Алматинского зоопарка и выход школьного учебника «Биология» для 11 класса

Большая часть сентября ушла у меня на работу над книгой воспоминаний об И.А. Долгушине к его 100-летию и над очерками по птицам для «Кадастра животного мира Алматинской области». Поскольку мизерный тираж книги «Птицы Средней Азии» (всего 300 экз.) уже заканчивался, мы сделали допечатку тиража на средства наших алматинских любителей птиц – предпринимателей Аскара Исабекова и Ильи Астафьева. Предложил это сам Аскар, который по-настоящему увлекается наблюдениями за птицами в природе и давно уже создал вебсайт «Birds.kz», который за последние годы стал одним из лучших на эту тему. Тираж допечатки (500 экз.) даже превзошёл первоначальный. Тот же Аскар вот уже два года помогал Эдику и Андрею Гавриловым в подготовке карт ареалов птиц для нового издания их книги на английском языке (к сожалению, до сих пор ещё не вышло). Это один из ярких примеров бескорыстной любви к птицам.

В конце сентября Алма-Атинский зоопарк праздновал свой 70-летний юбилей: 25 числа в зале Театра юного зрителя на Аблайхана/Маметовой состоялось торжественное заседание, на котором своих алматинских коллег приветствовали представители почти от всех зоопарков бывшего Советского Союза (от Московского зоопарка – его директор Владимир Владимирович Спицын, от Ростовского – его директор Александр Петрович Баранников, от Харьковского – заведомом Саша Цехановская, когда-то студенткой проходившая практику у нас на стационаре на Большом Алматинском озере). Выступали многие старые зоопарковцы, в том числе и первый руководитель юннатского кружка академик Евгений Васильевич Гвоздев. А потом был большой концерт, в котором мне особенно запомнилось выступление молодого певца Алмаза Алтынбекова. В эти же дни в издательстве «Атамура» вышел из печати школьный учебник «Биология» для 11 класса, в котором я был соавтором и научным редактором, а написала его молодая чимкентская учительница Алина Робертовна Соловьёва, вскоре после этого защитившая диссертацию на степень кандидата педагогических наук. Мне до сих пор не по себе от того, что моя фамилия на этом учебнике стоит первой, но руководство издательства на все мои доводы отвечало, что первым должен стоять профессор, а для пушей убедительности добавило ещё и третьего автора, который в будущем переведёт книгу на казахский язык. Вряд ли было совпадением, что этим человеком оказался тот же Кабдильрашид Кайым, который 20 лет назад так стремился быть четвёртым автором в нашем так и не состоявшемся полевом определителе птиц Казахстана, задуманным с Р.Л. Бёме и А.А. Кузнецовым...

Москва – Ростов – Харьков – Полтава (октябрь 2007)

Для того, чтобы принять участие в международной конференции «Журавли Палеарктики: биология и охрана», а заодно и посетить Украину, где я давно уже не был, я взял очередной трудовой отпуск и 29 сентября вылетел в Москву, где меня встретил племянник Женя Смоляк – сын двоюродной сестры Вали. Ночевали мы на подмосковной даче его тестя среди соснового леса – фантастическая дача! И не менее фантастические «пробки» на кольцевой дороге вокруг Москвы (с аэропорта ехали весь день!). Вечером следующего дня – полет *коммерческим* авиарейсом «Москва – Ростов». Новинка эта была странной – в отличие от обычных рейсов здесь в полёте не кормили, хотя за деньги можно было что-то заказать. От Ростова уже наземным транспортом добирались до посёлка Орловский. Здесь с 1 по 4 октября и проходила конференция, которая состоялась через 4 года после предыдущей (Аскания-Нова, 2003).

Это была первая журавлиная конференция после смерти президента РГЖЕ Владимира Евгеньевича Флинта. Она оказалась действительно международной: в ней приняли участие 69 специалистов из 47 национальных и международных организаций 11 стран (Азербайджана, Армении, Германии, Испании, Казахстана, Кыргызстана, Польши, Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Узбекистана и Украины). Регион Казахстана и Средней Азии представляли 5 орнитологов (Е.А. Брагин, А.Ф. Ковшарь, С.В. Кулагин, Е.Н. Лановенко, В.И. Торопова). Впервые в конференции РГЖЕ принимали участие представители Европейской Рабочей группы по журавлям, включая председателя Hartwig

Рис.247. Общее фото участников журавлиной конференции. Посёлок Орловский Ростовской области, октябрь 2007 г.

Prange. Международный фонд охраны журавлей (Internat. Crane Foundation, ICF) представлял президент Jim Harris.

Принимающей стороной конференции был государственный природный заповедник «Ростовский», а финансовую поддержку оказали Посольство Королевства Нидерландов в России, Общество охраны птиц Германии (NABU), Российско-американский фонд взаимопонимания (Trust for Mutual Understanding, TМУ), Международный фонд охраны журавлей (International Crane Foundation, ICF), Московский зоопарк, Ассоциация «Живая природа степи», Талдомская администрация особо охраняемых природных территорий.

Конференция проходила в местном кинотеатре, где работали 4 секции: «Проблемы охраны и изучения журавлей», «Состояние популяций отдельных видов», «Биология журавлей», «Формирование общественного мнения и экообразование». На конференции проведены круглые столы по проблемам использования методов отлова и мечения журавлей и основным трудностям выполнения проекта «Полет надежды». Обсуждение последнего вызвало оживленную дискуссию. Очень наглядной была демонстрация на тему «Стерх в чемодане» (Ю.М. Маркин, А.Г. Сорокин, А.П. Шилина).

Были проведены выборы руководящего состава РГЖЕ, включая президента и вице-президентов, а также новый состав кураторов по отдельным видам журавлей, направлениям и регионам. Полной неожиданностью стало избрание меня не пост президента РГЖЕ, хотя по этому поводу ещё до конференции мне звонил из Москвы Саша Сорокин, который сказал крылатую фразу: «Почтеннейший, больше некому», хотя оба мы были вице-президентами РГЖЕ при В.Е.Флинте. Видимо, были какие-то причины, неведомые мне, по которым целесообразнее было сделать именно так, а не иначе.

После окончания конференции сотрудники заповедника организовали замечательную экскурсию на места скоплений серых журавлей на озере Маныч-Гудило, где на многих участников произвели большое впечатление сотенные стаи журавлей, с курлыканием подлетающих с разных сторон на место ночевки...

Поездом «Ростов-Харьков» я уехал после конференции на Украину. Родственников на ХТЗ (Харьковский тракторный завод, где когда-то жили родители жены) у меня уже не осталось, и я по старой памяти приехал прямо к Игорю Кривицкому, который жил уже в новой квартире на улице Клочковской чуть ниже Госпрома и всего в нескольких кварталах от моего бывшего «угла» в годы студенчества. Изменилось здесь всё сильно, в том числе и Игорь, – какой-то притихший и казавшийся всё время чем-то озабоченным. Иветта была такой же энергичной, а Ритуля выросла, стала уже совсем большой. Утром на родной кафедре, получившей уже другое название и размещавшейся в непривычном для меня высотном здании на площади Дзержинского (тоже теперь называемой по-другому), приятно было встретиться со старыми знакомыми: однокурсницей Асей Илларионовной Новиковой (ставшей деканом нашего биофака), Ириной Друлёвой (когда-то, в далёком 1964 году, проходившей практику у нас в Аксу-Джабаглы, а ныне заведующей кафедрой ботаники), Андреем и Таней Атемасовыми (орнитологами нового, молодого поколения, воспитанниками Игоря Кривицкого).

Поездка на два дня в Полтаву и Решетилровку оставила смешанные ощущения радости и грусти, так как от моего прошлого оставалось всё меньше. Родителей и брата пришлось проводить уже на кладбище. Встреча с сёстрами и племянницами, их детьми, была очень приятной, но удручали те многочисленные проблемы, которые свалились на их головы после обретения пресловутой «самостийности»: общий уровень жизни народа был явно ниже, чем во времена моей молодости. Выиграли от происшедших перемен в основном власть предержащие и иже с ними, в том числе и ринувшиеся в политику не очень грамотные крикуны, которые время от времени потешали народ транслируемыми по телевидению потасовками в Украинской Раде. Сёстры подарили мне вышедшую уже посмертно книгу стихов нашего двоюродного брата Толи Григоренко «Во храм душі». Его стихи и сонеты, опубликованные впервые, наглядно показывали, какой это был поэт... Не зря к его 70-летию школу в бабушкином селе Плоска назвали его именем и открыли в ней небольшой мемориальный музей о своём талантливом земляке, а его вдова Людмила Ивановна Власова стала готовить новые издания его стихов и книгу воспоминаний о нём.

Завершение книги «И.А.Долгушин» (конец 2007)

Октябрь и ноябрь были полностью отданы завершению книги воспоминаний «Игорь Александрович Долгушин» и подготовке к предстоящей в марте 2008 юбилейной конференции, посвященной 100-летию Долгушина. Это был священный долг перед Учителем и выполнить его было делом чести. До этого мы дважды проводили в институте собрания, посвящённые 75-летию и 80-летию Игоря Александровича. Особенно большим был второе, проведенное в конференц-зале соседнего Института физиологии (у нас тогда не было своего конференц-зала), вместившем около сотни желающих. Помню слова директора этого института, академика Нейли Уразгуловны Базановой (первой казахки-академика), которая в ответ на мою просьбу разрешить нам провести заседания в их зале ответила: «Ну как же иначе – ведь Долгушин это моя любовь». И действительно, она не раз помогала ему своим авторитетом, когда была членом ЦК Компартии Казахстана, о чём я помнил ещё из рассказов самого Игоря Александровича.

На этом заседании, после общих докладов о юбиляре (Ковшарь, Гаврилов, Корелов), почти три часа выступали многие сотрудники с воспоминаниями об этом редком человеке. И завершилось это тем, что один из ветеранов института паразитолог Алтар Вениаминович Левит сказал: «Нельзя, чтобы все эти воспоминания остались в этом зале. Вы обязаны издать книгу воспоминаний об Игоре Александровиче, это будет лучшей данью его памяти». Его тут же подержал второй паразитолог – Виктор Адамович Шоль.

Так родилась идея об издании книги воспоминаний об Игоре Александровиче Долгушине, и буквально на следующий день я уже рассылал во все концы необъятного СССР отпечатанные на портативной машинке письма к орнитологам с просьбой присылать свои воспоминания. Надо было спешить, ведь многие

знавшие Игоря Александровича были уже в очень преклонном возрасте. И надо сказать, что мне повезло: удалось собрать воспоминания от таких орнитологов как Лев Осипович Белопольский, Эрик Вольдемарович Кумари, Михаил Анатольевич Войственский. Долше всех собирался академик Анвер Кеюшевич Рустамов, но и он прислал воспоминания уже за год до смерти и в своём письме ко мне выразил радость по поводу того, что он *успел!*

Повезло мне и с выяснением родословной Игоря Александровича, которая долгое время оставалась для всех нас тайной за семью замками. Сам Игорь Александрович никогда не говорил о своих родственниках, лишь изредка упоминая о двоюродном брате – москвиче Донате Долгушине. Не вела разговоров на эту тему и его мама, Зоя Александровна Долгушина, переехавшая из Омска в Алма-Ату после смерти сына и прожившая здесь последние 10 лет своей жизни. И вот спустя почти четыре десятилетия, когда, казалось бы, новой информации появиться неоткуда, в апреле 2004 года в Институт зоологии из Санкт Петербурга пришло письмо, начинавшееся словами:

«Пишет Вам одна из потомков революционера-народника Александра Васильевича Долгушина (1848-1885), Сабурова Нина Сергеевна. В своё время моя бабушка получила письмо от матери Игоря Александровича Долгушина, которая была дочерью народника А.В. Долгушина, скончавшегося в Шлиссельбургской крепости. Моя бабушка при жизни еще начала составлять родословную, чтобы наши потомки не выросли «Иванами, не помнящими родства». Мы считаем себя обязанными продолжить начатое ею дело, но на каждом шагу возникают вопросы, часть которых удалось разрешить с помощью архивов».

И далее автор письма обращалась с просьбой помочь ей прояснить некоторые подробности жизни Игоря Александровича. На мой подробный ответ Нина Сергеевна ответила детальным описанием всех родственных связей Долгушиных. К этому письму она приложила два бесценных документа: 1) схему родословного древа, с краткими комментариями; 2) копию письма Зои Александровны Долгушиной, отправленного 24 августа 1970 г. на имя бабушки Нины Сергеевны. Нечего и говорить, как во-время пришли эти сведения. И вот с этим богатством информации, накопившимся за 20 лет поисков, я и работал оставшиеся два месяца 2007 года, чтобы в январе сдать книгу в печать.

На машине по маршруту Ашхабад – Красноводск (декабрь 2007)

Под конец года была и кратковременная, но запоминающаяся поездка в Туркмению с 5 по 11 декабря: сначала – в Ашхабад на Международные чтения к 90-летию академика А.К. Рустамова, а оттуда с сыном его Эльдаром и Валерием Хроковым – в Красноводск. Как об этом сказано в официальной информации в журнале «Selevinia», Рустамовские чтения прошли на базе Национального института пустынь, растительного и животного мира Министерства охраны природы Туркменистана и в них, помимо туркменских зоологов, приняли участие ученые из других стран – проф. В.М. Галушин (Россия), проф. А.Ф. Ковшарь, кбн. В.В. Хроков и С.Л. Складенко (Казахстан), кбн. Р.Д. Кашкарор и Е.Н. Ла-

Рис.248. С Джумой Сапармурадовым. 2007 г.

новенко, а также А.Г. Тен (Узбекистан), М. Бромбахер и Й. Вундерлих (Германия), Эдит Майер (Австрия), Сергей Дерелиев (Болгария), Норберт Шеффер (Англия).

На чтениях заслушано шесть докладов, из которых пять были посвящены анализу жизненного и творческого пути академика А.К. Рустамова и его роли как ученого в развитии зоологической науки и природоохранной деятельности в Средней Азии. Шестой доклад, единственный из трёх запланированных научных докладов, сделал я на тему «Орнитогеография Тянь-Шаня».

После оживлённого обсуждения этой презентации (помню, как Марал Базаровна Аманова задала мне вопрос: «Сколько людей и сколько лет занимались этой темой?») Норберт Шеффер выступил с заявлением, что с 2008 г. Королевским обществом защиты птиц (RSPB) учреждается Премия имени академика АН Туркменистана А.К. Рустамова для молодых ученых за исследования по изучению и охране птиц Средней Азии и Казахстана. А заместитель министра охраны природы Туркменистана Джумамурад Сапармурадов предложил создать Туркменское общество охраны птиц имени академика А.К. Рустамова. Закончился первый день воспоминаниями об Анвере Кеюшевиче Рустамове в национальном офисе Программы ИВА/СА (по ключевым орнитологическим территориям Средней Азии) в неформальной обстановке.

Второй день начался с официальной встречи в Министерстве охраны природы Туркменистана у Джумамурада Сапармурадова; затем была встреча с преподавателями Туркменского сельскохозяйственного университета (в прошлом сельхозинститут), в котором А.К. Рустамов проработал полвека, будучи более четверти века (1960-1988) его ректором. Закончился день посещением кладбища и возложением цветов к могиле А.К. Рустамова, которая очень символически находится на самой окраине любимой им пустыни Каракум. Но самым памятным для меня стал вечер в доме Анвера Кеюшевича по известному многим орнитологам СССР адресу «Степная, 21», где его вдова Елизавета Александровна собрала небольшой круг близких друзей, учеников и сослуживцев мужа. Удивительно тёплая и уютная обстановка этого дома запомнится надолго, как и экскурсия на машине по ночному Ашхабаду, которую сделал нам с Валерием Хроковым внук Анвера Кеюшевича по пути в гостиницу.

На следующий день мы посетили подземное озеро «Ков-Ата» на дне Бахарденской пещеры в предгорьях Центрального Копетдага, где я уже бывал в 80-х гг., когда здесь ещё было крупная колония летучих мышей. На обратном пути мы осмотрели величественный мавзолей Сапармурада Ниязова, расположенный в открытом поле за пределами города.

С 8 по 10 декабря на автомашине «Нива» Эльдар Анверович Рустамов свозил нас с Хроковым в Хазарский (бывший Красноводский) орнитологический заповедник на Каспийском море. В этой незабываемой поездке из Ашхабада в Красноводск (теперь это город Туркменбаши) мы провели маршрутные учёты численности птиц. Часть пути между городами Арчман и Балканабад при этом перекрывалась в связи с наступлением вечерних сумерек. И, тем не менее, получены интересные результаты, которые мы опубликовали в небольшой заметке в ежегоднике «Selevinia» (Рустамов, Хроков, Ковшарь, 2007). Мне как-то непривычно было видеть зимой полевых жаворонков (*Alauda arvensis*) и испанских воробьёв (*Passer hispaniolensis*), а тем более – горихвостку-лысушку (*Phoenicurus phoenicurus*) и черношейную каменку (*Oenanthe finschi*). Симптоматично, что все четыре встреченные нами ворона оказались обыкновенными (*Corvus corax*), хотя логично было бы ожидать здесь пустынного ворона (*Corvus ruficollis*). Видимо, в наших широтах это всё-таки перелётная птица. Запомнилась стая из 300 кольчатых горлиц (*Streptopelia decaocto*) на окраине города Берекет.

В Красноводске (да простят меня братья-туркмены, но я буду называть его так!) мы остановились в доме, в котором более 20 лет прожили орнитологи Владислав Иванович Васильев и Мирра Евгеньевна Гаузер. Их уже нет в живых, причём Мирры Евгеньевны не стало всего два месяца назад и здесь всё ещё о ней напоминало. И дом и усадьба ухожены с большой любовью и знанием садоводческого искусства, отсюда открывается красивый вид на город и море, хотя ниже весь склон застроен. Это явно часть старого города с очень кривыми узкими улочками на крутом, спускающемся к берегу склоне. Эльдар, который прислал нам в «Selevinia» текст некролога, хорошо знал эту семью, так как регулярно был здесь на учётах водоплавающих птиц; много интересного рассказал он и в этот вечер.

Рис. 249 и 250. С юными красноводскими бёрдвотчерами на берегу Каспийского моря. На первом снимке крайний справа – В.В.Хроков, около него Эдит Майер, 9-й слева – Эльдар Рустамов

Утром 9 декабря мы проехали побережьем Каспийского моря от г. Туркменбашы до пос. Янаджа. Массовых скоплений птиц здесь ещё не было: за три часа мы насчитали на воде около полутора тысяч птиц 25 видов, 2/3 из которых составляли лысухи (*Fulica atra*) и 220 особей – фламинго (*Phoenicopterus roseus*). В меньшем числе на воде учтены: крякva (*Anas platyrhynchos* – 50), хохотунья (*Larus cachinnans*) и травник (*Tringa totanus*) – по 35; лебедь-кликун (*Cygnus cygnus* – 34), красnobаш (*Netta rufina* – 19), большой веретенник (*Limosa limosa*) и кулик-воробей (*Calidris minuta*) – по 10. На берегу сидели или парили над скалами 7 орланов-белохвостов (*Haliaeetus albicilla*). Другие виды: испанский воробей (*Passer hispaniolensis* – 60), полевой жаворонок (*Alauda arvensis* – 29), грач (*Corvus frugilegus* – 18), большой улит (*Tringa nebularia* – 4), обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*) и хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*) – по 2; серая цапля (*Ardea cinerea*), шилоклювка (*Recurvirostra avosetta*), щеголь (*Tringa erythropus*), морской голубок (*Larus genei*), малая поганка (*Tachybaptus ruficollis*), серая ворона (*Corvus cornix*), горихвостка-лысушка (*Phoenicurus phoenicurus*), черный дрозд (*Turdus merula*) и черношейная каменка (*Oenanthe finschii*) – по 1 особи. Эльдар организовал автобус, чтобы с нами выехали дети – юннаты-бёрдвочеры местного клуба, перед которыми нам с Валерием пришлось выступать, а закончилось всё преподнесением клубу тома «Птицы» нашей школьной энциклопедии с автографом автора – вот так умело организовал это мероприятие Эльдар.

В городе Эльдар, зная с моих слов, что в детстве мне пришлось эвакуироваться через Красноводск, всё расспрашивал – узнаю ли я что-нибудь. Но за прошедшие 65 лет здесь всё так изменилось (не говоря о том, что изменился и я), что я не мог даже примерно себе представить, где находился тот обнесенный земляным дувалом парк на берегу моря...

На обратном пути, продолжая считать всех встреченных птиц, мы сделали только одну значительную остановку в Казанжике (ныне – Берекет), на полпути до Красноводска, где пообедали у знакомого Эльдара Ахмета Пухановича. Он рассказал нам, что ещё недавно видел большие стаи белобрюхих рябков (*Pterocles alchata*) на ближайших к городу полях, однако нам их увидеть так и не довелось. На маршруте протяжённостью 500 км запомнились горы Большой Балхан и город нефтяников Небит-даг у его подножья.

Всю эту поездку я напряжённо ожидал известия из Алма-Аты, где моя внучка Лина со дня на день должна была родить. Так и не получив никаких вестей, я вечером 11 декабря прилетел в Алма-Ату и, когда открыл дверь квартиры, то первое, что увидел, – двух своих дочерей, Виту и Иру, скачущих с криком: «Ты прадед, ты прадед!»... В этот день Лина родила нам с бабушкой правнучку Эмилию!!! Говорят, что с рождением правнука прощаются все грехи – дай то Бог!.

Конференция к 100-летию И.А.Долгушина (28-29 марта 2008)

Первые три месяца полностью ушли на подготовку юбилейной конференции к 100-летию И.А. Долгушина. К сожалению, помощников в этом деле у меня практически не было: новому директору института (хотя и правившему

уже три года!) это было не нужно, лишь на словах он поддакивал, а его свите – и подавно. Денег на проведение этого не так уж дешевого мероприятия от них ждать не приходилось. Помог, как это часто бывает, случай. К нам в институт на стажировку прислали из Томского университета моего старого приятеля Сергея Степановича Москвитина. У них это плановое мероприятие, и он выбрал наш институт – и близко, и свои люди, и места интересные. Руководителем этой стажировки назначили меня и заведовавшего тогда лабораторией Сергея Ерохова. Нечего говорить, что это была чистая формальность, особенно для Сергея, почти на 20 лет младшего от «стажера» и относившегося к нему с должным пиететом. Однако эта формальность оплачивалась, и мы с Ероховым пустили эти «честно заработанные» деньги

на проведение долгушинской конференции. Не желая проводить её в нашем обшарпанном здании, я провёл рекогносцировку в Центральном музее Казахстана – помпезном здании с голубыми куполами в центре города – прямо напротив Дворца Президента. Выяснилось, что за ту сумму, которая у нас набралась, мы можем не только арендовать зал заседаний, но и заказать мемориальную выставку, которая будет работать целый месяц!

И работа закипела! Появились добровольные помощники, из которых наибольшую лепту в подготовку выставки и конференции внесли моя дочь Виктория, Олег Белялов, Марина Чирикова и сотрудники научного отдела музея. Алексей Долгушин предоставил для выставки немало личных вещей Игоря Александровича, подобрали соответствующую литературу для этой выставки, были использованы даже личное кресло *И.А.* и моя старая допотопная пишущая машинка «Mercedes». Очень во-время (в феврале) вышла книга воспоминаний, с большой любовью оформленная Викторией и качественно отпечатанная типографией «Комплекс». Познакомившись здесь же, в музее, с талантливой молодой художницей Галиной, я заказал ей эксклюзивный (в двух экземплярах!) галстук с изображением серпоклюва и такой же – с изображением журавля-красавки.

Конференция прошла 28 и 29 марта – накануне дня рождения *И.А.* Долгушина, причём выставка была открыта в первый день, а в последний мы коллективно посетили могилу *И.А.* на центральном кладбище – впервые на один день

Рис. 251. Афиша выставки к 100-летию И.А. Долгушина

раньше, чем обычно. На этот праздник приехали: из Москвы – В.М. Галушин, из Томска – С.С. Москвитин, из Бишкека – Э.Д. Шукуров, из Ташкента – О.В. Митропольский с внуком Максимом, из Калининграда – А.М. Сема, из Усть-Каменогорска – Б.В. Щербаков и С.В. Стариков, из своего поместья в Карачингиле – И.Ф. Бородин. Были и досадные пробы: по-прежнему не смог присутствовать из-за болезни Эдик Гаврилов, а Игорь Кривицкий не сумел приехать из Харькова, так как не имел загранпаспорта, без чего ему не продали билет (!).

И выставка и конференция открылись в великолепном фойе музея, на фоне статуи Золотого воина во всём блеске амуниции и других исторических раритетов, на мониторе демонстрировались фильмы о птицах и слышалось их пение. Открыв церемонию, заместитель директора музея передал бразды правления мне, что было совсем некстати, так как утром у меня разболелась нога, и меня привезли с тросточкой. Вот так, хромая, и пришлось вести это действо, которое началось с презентации книги воспоминаний «Игорь Александрович Долгушин» и её вручения ветеранам института и нашим гостям. Потом начались выступления и, когда я помогал выйти к микрофону Евгению Васильевичу Гвоздеву, тоже с тросточкой, то могу себе представить, как это выглядело... Третьим в нашей «компании» с тросточкой был Евгений Григорьевич Сидоров. Мнение гостей очень ярко преподнёс Владимир Михайлович Галушин, который вначале выразил восхищение этим помещением, а потом дал высокую оценку казахстанской орнитологии, вспомнил о выпуске год назад книги «Птицы Средней Азии» и выразил надежду, что орнитология в регионе возрождается. Выступивший от имени семьи Алексей Игоревич Долгушин очень тепло поблагодарил орнитологов и рассказал о нашей традиции, которой уже 40 лет – ежегодной встрече долгушинцев 30 марта на кладбище, а потом у Долгушиных. Здесь же присутствовал и внук Долгушина – Кирилл Алексеевич Долгушин, непременный участник всех «долгушинских дней».

Осмотр выставки занял часа два. Все с интересом рассматривали многочисленные фотографии, воссоздание (насколько было возможно) обстановки кабинета И.А., военные награды, среди которых – такая ценность, как орден Александра Невского. В отдельном углу мы соорудили небольшой уголок «поля»: старая двухместная палатка с рюкзачком и полевой сумкой, котелок с треногой и прочее полевое снаряжение. Большой интерес у всех вызвала и представленная орнитологическая литература по Казахстану. Конференция в маленьком зале музея, полностью занятом слушателями и участниками, также прошла в тёплой и непринуждённой обстановке, а для поездки на кладбище выдалась отличная солнечная погода, которая почти всегда бывает в Долгушинский день – как по заказу. Вечером 29 марта в кафе «Persona grata» (бывшее «Карлыгаш»¹⁹) состоялся товарищеский ужин, где каждый имел возможность высказаться неофициально, предаться различным воспоминаниям, а Володя Галушин использовал один из перерывов для деловой беседы с авторами будущего тома по хищным птицам монографии «Птицы России и сопредельных территорий».

¹⁹ В переводе с казахского – ласточка. Это исключительный случай обратного переименования! – АК

Как всегда в таких случаях, времени для общения не хватало, расходились поздно и неохотно – большинство из нас готово было продолжать хоть до утра.

А на следующее утро, 30 марта, мы вместе с В.М. Галушиным, С.С. Москвитиным и Э.Д. Шукуровым поехали проводить Эдика Гаврилова. Туда же приехали Галя Иващенко и Олег Белялов. Вид у Эдика

Рис. 252. В гостях у Э.И. Гаврилова. 30 марта 2008 г.

был не из лучших. Гости с трудом делали «хорошую мину», а Сергей Москвитин на кухне со свойственной ему прямотой сказал мне тихо: «Это всё. Я знаю – это Альтцгеймер». Андрей достал бутылку коньку и рюмки, раздал всем, кроме отца, на что я заметил, что надо дать и ему – пусть хоть подержит, если пить нельзя. Но тут сам Эдик возразил: «Почему подержу? Я и выпью с вами», что и сделал с видимым удовольствием (рис. 252). Несмотря на то, что все пытались вести светскую беседу и даже шутить, трудно было сделать вид, что ничего не произошло. И на серии фотографий, которые сделал Олег Белялов, это видно было по тому, как менялись лица после каждого вынужденного беззаботного выражения в момент съёмки...

Конец карьеры орнитологического гида (21 мая 2008)

Через месяц с небольшим, в мае, внезапно для самого меня завершилась моя карьера гида орнитологических туров, которые я водил ежегодно последние 11 лет. Начиналось всё как обычно: 2-10 мая 2008 г. я провёл по трём стандартными кольцевым маршрутам группу туристов английского клуба «Naturetrek», состоявшую из 8 опытных наблюдателей во главе с турлидером Аланом Кюри, посещавшим Казахстан уже не первый раз. После них 17 мая приехали 5 человек из японского клуба «Shinwa Tourist» во главе с опытным турлидером Нагано-сан. Отработав пустынную часть маршрута, мы 20 мая поднялись в высокогорье Большого Алматинского ущелья (2500-3300 м). Настроение было достаточно рабочим: во что бы то ни стало надо было показать туристам расписную синичку (*Leptopoeile sophiae*), которая в последние годы трудно давалась для наблюдений в силу своей малочисленности. Стараясь выпугнуть её из густых зарослей стелющейся арчи на крутом склоне Мраморного, я буквально взбегал на него, тогда как более молодые японцы задыхались даже от медленной ходьбы и пару раз спросили меня то ли с восхищением, то ли с осуждением: «Профессор, как Вы можете так быстро ходить в этих условиях?». И как будто сглазили: вечером, когда густые чёрные тучи окутали Алматинский пик, я вдруг почувствовал, что нечем дышать. Но даже себе боялся признаться, что это сердечная недостаточность – ведь это скандал, не доработать с группой до конца

Рис. 253. Награды от Хан-Тенгри

клуба «Sunbird» моя дочь Виктория, которая и помогла мне выйти из этого затруднительного положения. Когда после бессонной ночи утром 21 мая я пожаловался ей, что лучше мне не становится и валидол не помогает, она попросила бывшего в её группе опытного орнитолога Эндрю Грива (близкого сподвижника Ларса Свенссона при составлении определителя европейских птиц), чтобы он подменил меня на три дня как гид моей японской группы (сама она объединить две группы, тем более из разных стран, просто не имела права). Эндрю согласился, сам пришёл ко мне в номер гостиницы и заверил, что всё будет о'кей, а мне пожелал поскорее поправиться. И я тут же на одной из машин спустился в город. Уже по дороге на мой мобильный телефон позвонил Даурен Валиев и стал расспрашивать, что случилось и какая помощь нужна, не нужны ли срочно деньги и т.д. Успокоив его, я по приезде домой вызвал скорую, и меня тут же госпитализировали в кардиологическое отделение ЦКБ УДП РК (центральная клиническая больница Управления делами президента Республики Казахстан), как теперь именовалась бывшая «совминовская» больница, к которой я был приписан более 26 лет.

Здесь сразу нашли ишемическую болезнь, стенокардию, аритмию... Не по годам серьёзная молоденькая врач-кардиолог Мария Владимировна Кондратьева, заменяя один препарат другим, терпеливо подбирала лекарства и нашла пару (престариум-нормодипин), которая лучше всего подошла в моём случае. Когда через 10 дней на выписке я спросил у неё, как долго пить мне эти лекарства, она удивлённо сказала: «Пожизненно!». Слово это как-то больно кольнуло, невольно подумалось, что эта молоденькая девушка про себя думает: сколько там осталось этому старику? А я ведь собирался ещё пожить. Видимо, это смятение отражалось на моём лице, потому что она терпеливо стала объяснять мне, что время, когда можно было попить немного сердечные капли и забросить их,

²⁰ Высокогорная обсерватория Государственного Астрономического института имени Штернберга. – АК

срока!. Не хочу показаться суеверным, но мне и сейчас не даёт покоя совпадение: в этот день в Харькове умер мой близкий друг Игорь Кривицкий, о чём я узнал только через несколько дней...

В этот день на ГАИШ²⁰, где мы, как всегда, «квартировали» у астрономов, поднялась с группой туристов английского

уже прошло и сейчас у кардиологов другая парадигма: подыскать лекарства, которые бы поддерживали оптимальную среду для работы сердца. И эти лекарства надо пить *постоянно*... Я верил и не верил. А когда через несколько месяцев по совету дочерей бросил пить эти таблетки, чтобы *не привыкать* к ним, то уже через несколько дней почувствовал себя так плохо, что меня уложили на дневной стационар, где кардиолог, рассматривая мою кардиограмму, всё сокрушалась – что же могло произойти? До сих пор помню бурю негодования, которой она разразилась после моего «невинного» признания, что я сам перестал пить эти таблетки...

После этого я больше не «экспериментировал» и покорно пью этот престариум до сих пор. Вот только с работой гида пришлось «завязать» – какой из меня гид с таблетками... Остались только приятные воспоминания об 11 годах работы с иностранными любителями птиц – людьми, для которых каждая встреча с интересной птицей – настоящий праздник. А ещё остались на память дипломы, которыми щедро награждали меня руководители Хан-Тенгри (рис. 253).

Прекрасная неделя в Баянаульских горах (7-15 июня 2008)

Для человека, много лет проводящего каждое лето в поле (неважно – горы это или пустыня), остаться летом в жарком душном городе – сущее наказание. Поэтому я с такой радостью ухватился за приглашение Бибигуль Калдыбековны Жумабековой из Павлодарского университета принять участие в конференции «Вода – источник жизни» и провести для студентов и преподавателей мастер-классы по методике полевых наблюдений за птицами, амфибиями и рептилиями – с последующим выездом с ними на студенческую практику в Баянаульский национальный парк. Быстренько приготовив презентации для проведения мастер-классов, мы с Маринкой Чириковой уже 5 июня поездом выехали из Алма-Аты. Как будто и не было никаких кардиологических неурядиц. Хотя все предписанные кардиологами лекарства я взял с собой, дав слово принимать их.

В Павлодар мы прибыли 7 июня и, разделившись за два дня с лекциями по методикам, утром 9 июня уже выехали со студентами в Баянаул. Надо сказать, что сам город за те 19 лет, что я его не видел, заметно похорошел, особенно в районе высокой набережной, откуда открывается прекрасный вид на Иртыш и его долину. Но мне вполне хватило одного вечера в городе, чтобы с нетерпением ждать выезда в тот самый Баянаул, где я когда-то всего два или три часа был на берегу озера и мечтал попасть туда вновь.

Дорога от Павлодара до места ежегодной практики студентов заняла 5 часов. Уже в полдень мы разбили лагерь на южном берегу озера Биржанколь в 1 км от одноименного села [50°49'05.9" с.ш.; 075°20'25.9" в.д.; абсолютная высота 388 м]. Получился целый палаточный городок, так как со студентами, которых было человек 30, выехали также преподаватели: Бибигуль Жумабекова, Ербол Маратович (декан), Наталья Петровна, Сергей Титов, Асель, Даулет Ибраев, Диана. Кроме того, с нами выехала группа немецких энтомологов, уже не первый год приезжающих сюда для сбора насекомых.

Озеро расположено в открытой местности у подножья невысоких гор. Каменные гряды сопок высотой 100-200 м тянутся как бы полукольцом вдаль, на них видны сосны. Между грядами – всхолмленная местность. Бугры заняты матрацевидными гранитами с причудливыми формами выветривания и редкими корявыми соснами, растущими как на камнях, так и на сухостепных участках между ними, покрытых кустарником спиреи зверобоелистной (*Spiraea hypericifolia*); понижения между буграми заняты высокотравной луговой растительностью (сочная тёмная зелень!), в самых низких местах – березово-ивовые колки. Одно из таких обширных понижений занято озером Биржанколь длиной около 2 км и шириной около 1 км. Сейчас озеро значительно усохло по сравнению с предыдущими годами и имеет размеры 1 x 0.7 км.

Птиц здесь, по первому впечатлению, совсем не много. Над водой летают пары хохотуний (*Larus cachinnans*), которые изредка улетают к селу за кормом. На берегах так же парами держатся чибисы (*Vanellus vanellus*) и травники (*Tringa totanus*). В нескольких местах поют садовые овсянки (*Emberiza hortulana*), нередко слышен «бой» перепела (*Corvus cornix*) и песни полевого конька (*Anthus campestris*), с камня на камень перелетают обыкновенные каменки (*Oenanthe oenanthe*). Однако за пару дней экскурсий вокруг озера и в его окрестностях удалось увидеть серую цаплю (*Ardea cinerea*), огаря (*Tadorna ferruginea*), большого веретенника (*Limosa limosa*), журавля-красавку (*Anthropoides virgo*), речную крачку (*Sterna hirundo*) и даже трёх черноголовых хохотунов (*Larus ichthyaetus*). В густых зарослях кизильника и таволги около крупного камня в лагере пела северная бормотушка (*Hippolais caligata*), песня которой показалась мне более звонкой и мелодичной, чем у привычной по нашим южным местам *Hippolais rama*. На открытых степных участках часто слышны песни полевого жаворонка (*Alauda arvensis*), реже – перепела (*Coturnix coturnix*), а из березово-ивовых колков – обыкновенной чечевицы (*Carpodacus erythrinus*). В стенках мазар и пустотах полуразрушенных старых могил местного кладбища обосновалась большая, около тысячи птиц, колония розовых скворцов (*Pastor roseus*), в некоторых гнёздах видны птенцы, а в некоторых – ещё яйца.

На каменистых склонах с редкими сосняками чаще других птиц встречались галки (*Corvus monedula*), образовавшие две небольшие колонии в скалах;

Рис. 254 и 255. Лагерь на оз. Биржанколь и Баянаульские горы в окрестностях. Июнь 2008 г.

отдельными парами – серые вороны (*Corvus cornix*) и сороки (*Pica pica*); на открытых каменистых участках – каменки обыкновенные (*Oenanthe oenanthe*) и плешанки (*Oenanthe pleschanka*), а среди кустиков спиреи между камнями я вспугнул выводок серых куропаток (*Perdix perdix*) – удалось увидеть пять пуховичков, которых опекали оба родителя. Тут же улетал от пары наседаящих ворон степной дербник (*Aesalon columbarius*) – бледный, с очень светлым серым верхом, а близ скал точно так же галки гоняли обыкновенную пустельгу (*Falco tinnunculus*). По одному разу встречены поющие самцы красноухой (*Emberiza cioides*) и скалистой (*Emberiza buchanani*) овсянок. В одном из берёзовых колков встретила какая-то не совсем обычная славка-завирушка (*Sylvia curruca*). В течение получаса она перемещалась в верхних частях крон густо растущих берез с коротким булькающим отрывком песни, очень напоминающим напористый «бой» зяблика или запевку лесного конька. Рассмотреть её на фоне неба толком и не удалось, но при перелётах с ветки на ветку видно было, что это мелкая славка.

Увлёкшись экскурсиями, я как-то совсем забыл о своём новом «режиме», перестал во-время пить таблетки или отдыхать на маршруте. И тут же был наказан разыгравшейся не на шутку аритмией. Сам удивился, как быстро, буквально на глазах, превратился просто в развалину: утром из лагеря направлялся в сторону манящей горы Аиртас полным сил и надежд, что удастся увидеть что-то новое, необычное, а в полдень не мог одолеть оставшихся до лагеря 2-3 км пути и через каждые 20-30 м садился отдыхать. Не знаю, чем бы это закончилось, не будь рядом Марины. Спокойно, без паники, она заставила меня покусать кончики пальцев с ногтями, затем нашла на руках какие-то болевые точки, на которые воздействовала нажатием, а под конец растерла мне ладони, пока они не стали горячими. Постепенно придя в себя и испытывая жгучий стыд за свою слабость, я кое-как доплёлся до лагеря, где отлёживался несколько часов. Получив хороший урок, я стал внимательно относиться к регулярности приёма лекарств и следить за собой.

В один из дней, 12 июня, мы съездили на бортовом УАЗике в село Торайгырово и урочище Кемпертас. В степи, кроме обычных птиц, видели несколько групп сизых чаек (*Larus canus*) и больших веретенников (*Limosa limosa*). На восточной оконечности озера Торайгырово, минуя пляжи и скалы, мы поднялись на машине в горы среди матрацевидных гранитов с соснами и кустарниковыми полянами между ними. В одном ущелье – целая роща чёрной ольхи (*Alnus glutinosa*) с небольшим ручейком посередине. Везде самой многочисленной птицей оказалась галка (*Corvus monedula*): они постоянно видны были летящими по 2-5 штук к озеру и обратно, в скалы, к своим колониям. За 3 часа экскурсии мы встретили их, по крайней мере, несколько десятков. На полянах, заросших таволгой (*Spiraea hypericifolia*), пели серые славки (*Sylvia communis*) и славки-завирушки (*Sylvia curruca*), белошапочные овсянки (*Emberiza leucocephala*).

В Кемпертасе, уже после полудня, остановились у горы Булка. Здесь у густой рощи-колка – свежестроенная деревянная беседка, где остались Ербол и Даулет, а мы с двумя немцами пошли в гору – вокруг красавицы-горы Булка.

Матрацевидные граниты с соснами, а у подножья – обширный луг с кустиками. По гранитам пришлось подниматься потихоньку, с частыми передышками, так как аритмия время от времени давала себя знать – только остановки с длительным созерцанием красивых окрестностей заставляли её всё-таки отступить. Когда поднялись на высшую точку перевала, за ним оказалась такая же долина, только более обширная, и в ней на площадке почему-то стоял вертолёт. Очень хотелось спуститься туда, но я прекрасно понимал, что обратный подъём вряд ли одолею. Наградой за правильное решение (во-время повернуть назад) мне было гнездо козодоя (*Caprimulgus europaeus*) с кладкой из двух яиц и вылетевшей из-под ног самкой. Вечером на обратном пути около одной степной лужи встретили широконоску (*Anas clypeata*), пару травников (*Tringa totanus*) и целую стаю из 20 сизых чаек (*Larus canus*).

Следующий день, полностью проведенный в лагере и его окрестностях, без дальних экскурсий, ознаменовался находкой гнезда садовой овсянки (*Emberiza hortulana*) – прямо в лагере, в 40 м от ближайшей палатки, среди каменистых всхолмлений с редкими кустиками таволги. Гнездо помещалось внутри маленького куста таволги и покоилось в основании его нижних веток. Оно было хорошо укрыто, и его содержимое – 4 голубых яйца – видно только с полуметра. Самка насиживала кладку, а самец пел на кустике таволги в 5 м. Через полчаса после того, как её впервые потревожили, самка уже сидела на кладке, подпустила меня на 5 м и не взлетела при фотографировании гнезда и биотопа.

На самом озере также появились новые обитатели: посередине плавали 5 голубых чернетей (*Aythya ferina*), здесь же опустились на воду два лебедя-шипуна (*Cygnus olor*), а в двух местах – пары чомг (*Podiceps cristatus*), у одной из них – пуховые птенцы. Здесь же – самка чирка-свистунка (*Anas crecca*) с 5 птенцами, уже наполовину оперенными. Вчера вечером 10 гусей (*Anser anser*) клином пролетели над лагерем к югу.

В густом берёзовом колке, где позавчера пела загадочная птица, я встретил славку-завирушку (*Sylvia curruca*). На том же места, что и позавчера, она копировала песню зяблика: тот же «бой» и даже тот же «росчерк». Поразительно! Чуть было не записал зябликом, но потом она села открыто на голой верхушке березы и запела. Хорошо видно, как раздувается ее белое горлышко. Позавчера на этом же месте она многократно исполняла только короткий отрывок из «боя» и тоже держалась в верхней части крон берез. До чего же это похоже на то, что наблюдал я на правом берегу Иртыша в июне 1989 года! Птица достаточно яркая, контрастно выделяется черная «уздечка». Поет на участке 20-30 м – явно местная, гнездовая. Видимо, всё-таки это *Sylvia curruca blythi*.

Здесь же взлетела с гнезда, расположенного в густой кроне крупной березы близ верхушки (8-9 м от земли), крупная самка чеглока (*Falco subbuteo*). Вылетая из густой кроны, она хлопала крыльями, как горлица. Покинула гнездо молча, когда я подошел под самое дерево. И только через полчаса начала кричать в соседнем колке, где раздавалась токовая песня лесного конька (*Anthus trivialis*) и здесь же славка-завирушка (*Sylvia curruca*) пела на верхушке березы нормальную славочью песню! Вообще она несколько раз встречалась именно на вер-

хушках берез и в верхних частях их крон, где она не только поет, но и кормится, перелетая с дерева на дерево. При этом гоняется за насекомыми по веткам, в том числе и вниз головой! Склевывает насекомых и с листьев и кажется более длиннохвостой, чем другие славки. Удивительно интересное поведение, совсем не похоже на славочье...

На обратном пути в лагерь мы наткнулись на гнездо серой вороны (*Corvus cornix*), расположенное у верхушки коренастой сосны высотой 5-6 м. В гнезде 3 оперенных птенца (проверяла Марина). Взрослая ворона вылетела нам навстречу с соседней сосны за 50 м и стала кричать в полете (голос мягче, чем у черной вороны). Птенцы молчат. По словам Марины, они голубоглазые. Гнездо всего в 200 м от лагеря, но на вершине бугра, с хорошим обзором. Однако до этого дня взрослых птиц мы здесь не видели!

Удивительно уютным оказалось это место и очень быстро я к нему привык. Мало того, что красиво и комфортно (хотя и дождики перепадали!), но каждый день приносил встречи с новыми птицами, подчас неожиданные. Такой была и последняя экскурсия 14 июня. Сначала на открытом степной склоне встретился самец степного луны (*Circus macrourus*). Потом в роще чёрной ольхи – густом лесочке из старых (высотой до 15 м) деревьев среди каменистых бугров с соснами и изумрудных лужаек – вдруг выпугнул вертишейку (*Jynx torquilla*), которая нормально гнездится намного восточнее – на Алтае и, возможно, в Прииртышье. Здесь же, в ольховой роще, запела сплюшка (*Otus scops*) и почти из-под ног выскочили два крупных зайца-русака (*Lepus europaeus*). Выше по склону в сосновом лесу встретился большой пёстрый дятел (*Dendrocopos major*), а высоко в небе кружат великолепный змеяд (*Circaetus gallicus*) и коршун (*Milvus migrans*). От скал вниз пролетели 4 чёрных стрижа (*Apus apus*). А не умолкающая кукушка (*Cuculus canorus*) как будто подзадоривает: подожди, мол, – то ли ещё увидишь... Так бы и бродил без конца.

Однако всё хорошее когда-нибудь кончается: утром 15 июня нам пришлось оставить эти благословенные места. Вечером нас ждал в Павлодаре поезд, а до этого надо было ещё посмотреть озёра Жасыбай и Сабындыколь, заехав сначала в Кемпертас, где нам назначил свидание Тлеубек Сакенович Рымжанов – тот самый, который когда-то был аспирантом в нашем институте, а потом – начальником отдела заповедников в Минэкологии. Сейчас он уже несколько лет преподавал в Павлодарском университете и всенепременно хотел меня видеть, тем более что на конференции неделю тому назад мы с ним разминулись.

Выехали из лагеря в 11 часов на машине Нурлана, с Бибигуль и Мариной. Провожал нас с криком чибис (*Vanellus vanellus*), у которого вчера Бибигуль и Нурлан пытались поймать пуховых птенцов. Здесь же стремительно пролетел дербник (*Falco columbarius*).

В Кемпертасе нас встретил Тлеубек с женой Зауре и сыном Талгатом (с ним – тоже жена и дочь), которые в ожидании нас накрыли стол в лесу. Шашлыки, молдавское вино, воспоминания. Потом заехали в Жасыбай, посмотрели на массы отдыхающих (сегодня воскресенье), и оттуда через перевал, по красивейшим местам со скалами и сосновым лесом, спустились в Сабындыколь

(с. Баянаул). Там короткое чаепитие у родственников Тлеубека, и в 19 час, рискуя опоздать к поезду, который отходит в 23⁰⁵, мы выехали в Павлодар. Как назло, дважды выехали из строя колеса – то переднее, то заднее! От самоуверенности нашего хозяина не осталось и следа, он озабоченно предлагал посадить нас в поезд на одной из станций, не доезжая Павлодара. Но я на эти авантюры не поддался. В конечном счёте на вокзал мы успели за 15 мин до отхода поезда!. Как жаль, что Тлеубека уже несколько лет нет в живых – так хочется сказать ему спасибо!...

4-е издание «Красной книги Республики Казахстан» и 2-й том Школьной энциклопедии

Не зря говорят, что за всё хорошее надо платить. У меня это правило на сей раз сработало в виде стабильно высокой температуры и вторичного попадания в ЦКБ УДП РК (на сей раз – в терапевтическое отделение) с неустановленным диагнозом. Более 10 дней провёл я в этом малоприятном месте, греша на непрожаренный шашлык в Кемпертасе, тем более что всё сходилось на том, что источник температуры – какие-то простейшие... И в конечном счёте сбили эту температуру именно препараты против простейших.

Вторая половина года ушла на работу над 4-м изданием «Красной книги Республики Казахстан», заказанной нашему институту Гослескомитетом всего в трёх экземплярах – как оригинал, с которого впоследствии, согласно Положению о Красной книге, можно будет тиражировать дубликаты. На сей раз работой этой взялся руководить директор института, а так как будучи животноводом по специальности, он не касался таких «деталей», как содержание книги, то на мою долю, кроме написания очерков по отдельным видам птиц, выпало составление и редактирование всей книги. Это издание, в отличие от трёх предыдущих, делалось на двух языках; казахский текст редактировал Аманкул Бекенов (так мы с ним и обозначены в выходных данных). Были и другие текущие дела: выход в свет второго тома Школьной энциклопедии «МЛЕКОПИТАЮЩИЕ»; проведение 90-летнего юбилея акад. Е.В. Гвоздева с выпуском биобиблиографии и т.д.

Начало работы над «Определителем птиц Казахстана» (2009)

Это мой первый год без экспедиций. Оказавшись без поля и административных обязанностей, я с удвоенной энергией взялся за «перо», проводя все дни за компьютером, без которого теперь немислимо представить жизнь. Наряду с завершением и сдачей в печать комплектования юбилейного выпуска Selevinia-2008, посвященного 100-летию И.А. Долгушина, который увидел свет в марте, к очередному Долгушинскому дню, я начал работу над составлением третьего тома Школьной энциклопедии «Рыбы-Земноводные-Пресмыкающиеся». Лучшей кандидатурой для написания очерков по рыбам я счёл Серика Ракишжановича Тимирханова (и не ошибся), а общую главу по гадам взялась

писать Татьяна Николаевна Дуйсебаева, которая взяла себе в соавторы Зою Карповну Брушко и Виктора Анатольевича Хромова из Семипалатинского пединститута. К написанию очерков по ящерицам я привлёк также Марину Александровну Чирикову, которая согласилась составить указатели и словари. Эта, казалось бы, простая работа потребовала, тем не менее, много времени, разговоров, переписки и разъяснения авторам основных положений и структуры данного издания.

Рис. 256. Авторы полевого определителя птиц Казахстана: Н.Н.Березовиков, В.А.Ковшарь, А.Ф.Ковшарь, В.К.Рябицев

А наряду с этим возникали новые идеи – новые, как теперь принято говорить, «проекты». Так, при форсировании подготовки переиздания биобиблиографии акад. Е.В. Гвоздева к его 90-летию директор Центральной научной библиотеки Кульджихан Кульшариповна Абугалиева спросила меня, почему я не издаю свою биобиблиографию, а на мои слова, что я не академик, сказала, что это сейчас не имеет значения, поскольку учёные – это не только академики (это что-то новое!), сейчас нужны только деньги. Так появилась очередная книжечка из серии «Биобиблиография учёных Казахстана» с названием «Анатолий Фёдорович Ковшарь», которая увидела свет в марте 2009 г.

Идею выпустить совместно «Полевой определитель птиц Казахстана» предложил мне как-то в электронном письме Вадим Константинович Рябицев из Екатеринбурга. Будучи не только прекрасным орнитологом, доктором биологических наук (он ученик Николая Николаевича Данилова), В.К. одновременно и художник-анималист, прекрасно рисующий птиц в цвете. Он уже выпустил полевой определитель-справочник «Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири», получивший высокую оценку орнитологов. Когда он сравнил количество видов птиц в списке птиц Казахстана и в своём определителе, то оказалось, что почти 70% казахстанской авифауны им уже нарисовано. Тогда-то он и предложил мне этот совместный проект: он дорисует оставшиеся 30% видов птиц, а я сделаю карты и напишу тексты по всем видам, используя и уже готовые из его книги. Предложение было заманчивое, и я предложил Виктории Ковшарь и Николаю Березовикову участвовать в этом. Оба с готовностью согласились, после чего началась выработка структуры видового очерка и всей книги путем длительной переписки с В.К. Рябицевым. Так мы начали этот «долгострой», который тянется вот уже пятый год. Но сейчас (2013 год!) уже практически всё готово: книга объёмом 560 страниц сверстана, остаётся распечатать пробный экземпляр, чтобы с его помощью искать спонсоров для издания...

Иссык-Куль: конференция в Чолпонате (май 2009)

С 12 по 16 мая 2009 г. я был командирован в Биолого-почвенный институт НАН КР (город Бишкек) для участия в Международной конференции «Биосферные территории Центральной Азии как природное наследие (проблемы сохранения и восстановления биоразнообразия)». Конференция проходила в г. Чолпон-Ата (Биосферная территория «Иссык-Куль»), на северном берегу озера Иссык-Куль. Направления конференции были представлены на следующих секциях: биотические компоненты биосферных территорий (БТ); основы мониторинга, сохранения и восстановления биоразнообразия БТ; социально-экономические и методологические основы использования и сохранения БТ.

На первой секции 15 мая я сделал доклад-презентацию на тему «Заповедник Аксу-Джабаглы – природное наследие Западного Тянь-Шаня», который был встречен с большим интересом и вызвал много вопросов. Тезисы опубликованы в Бишкеке. В ходе работы конференции состоялся обмен мнениями со специалистами из различных научно-исследовательских учреждений и вузов Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана (Семипалатинский педуниверситет). Это официальная сторона. А наиболее интересным для меня оказалось общение с Александром Николаевичем Верещагиным, который сделал интереснейший доклад о Сарычат-Эрташском заповеднике в Центральном Тянь-Шане, где они пытаются восстановить снежного барса, начиная с восстановления его кормовой базы – диких копытных. Его небольшой видеоролик об архарах в зимних условиях Центрального Тянь-Шаня так мне понравился, что ему пришлось подарить мне этот диск. Теперь я имею возможность в любое время посмотреть эти чудные места...

Летом 2009 года я решил исправить свою оплошность, допущенную 4 года назад, когда я вспомнил о столетии отца только в день его рождения и не смог должным образом его отметить в кругу семьи. А она у нас в последние годы,

Рис. 257. Столетие моих родителей в кругу разросшейся алматинской родни. 17 июля 2009 г.

после выхода замуж внучки, очень разрослась: правнучка Эмилия имела в наличии полный набор из 4-х прабабушек и половинный – из двух прадедушек, не говоря уже о всех здравствующих бабушках и дедушках. Поэтому я заранее подготовился к 17 июля 2009 года, когда исполнилось 100 лет со дня рождения мамы (ни она, ни отец ни разу свои дни рождения не отмечали!) и собрал в этот день всю многочисленную новую алматинскую родню (см. рис. 257).

А к концу 2009 года я начал работу над юбилейным выпуском Selevinia-2009, посвященном 150-летию Николая Алексеевича Зарудного, и параллельно – над очерками к тому по славковым птицам сводки «Птицы России и сопредельных регионов» – певчая (*Sylvia hortensis*) и пустынная (*Sylvia nana*) славки, индийская пеночка (*Phylloscopus griseolus*) и расписная синичка (*Leptopoeice sophiae*).

Проект справочника «Позвоночные животные Казахстана» (март 2010)

Параллельно с перечисленными изданиями (Selevinia-2009 вышел в свет в марте 2010) я задумал выпустить по результатам трёх томов энциклопедии справочник «Позвоночные животные Казахстана» (авторы: А. и В. Ковшарь – птицы, Ю.А. Грачев – млекопитающие, Т.Н. Дуйсебаева – гады, С.Р. Тимирханов – рыбы) и в начале 2010 года заключил договора с изд. «Атамұра» на выпуск этого справочного пособия для вузов и школ. Работа закипела, и я был рад, что наконец-то мы сделаем стоящий справочник взамен изрядно устаревшей «Книги генетического фонда фауны Казахской ССР» (1989), изданной два десятилетия тому назад: все мои попытки переиздать её под прежним названием наткнулись на министерские чиновничьи преграды, где одни только согласования (даже новых номенклатурных имён!) могли замучить кого угодно. Лучший тому пример – Красная книга Республики Казахстан, где вопреки требованиям авторов так и остались устаревшие названия...

Отсутствие планов на поездки в поле (сейчас все ездили только по проектам!) и перспектива снова просидеть круглый год в городе заставили меня искать какие-то варианты. И тут вдруг я получаю электронное письмо от Юрия Анатольевича Дурнева из Иркутска – того самого Юры, который замолчал где-то в начале 90-х гг., после Кеммери. Оказывается, он жив-здоров и, между прочим, приглашает посетить Байкал, обещая все издержки по местным перемещениям взять на себя! Когда-то вот так почти 8 лет подряд приглашал меня на Байкал мой аспирант Толя Фёдоров, а я так и не выбрал времени. Потом целых 6 лет звал к себе в Зейский заповедник на Амуре Валя Ильяшенко – результат тот же: как же я пожертвую своими полевыми работами ради этой поездки?! Я уже молчу о многолетних настойчивых приглашениях Адика Винокурова на Таймыр...

И вот теперь, став своего рода «невъездным», я крепко призадумался. И вдруг понял – если не сейчас, то никогда! А приняв решение, стал взвешивать свои возможности. Как оказалось, их намного меньше, чем 20 лет назад. Возраст, который никак не давал о себе забыть, преподносил всё новые сюрпризы. Последние полгода стремительно падало зрение – развивалась катаракта, врачи советовали сделать операцию по замене хрусталика. Уже второй год подряд на профосмотре в поликлинике ЦКБ УДП РК хирург настоятельно рекомендовал удалить забитый камнями желчный пузырь, который мог подвести в любой момент (безопасность же плановой операции врачи гарантировали). Ну, и не на последнем месте – те самые кардиологические препараты, которые надо было принимать регулярно.

Первым я решил избавиться от проклятого желчного пузыря. По иронии судьбы врач назначил операцию на день моего рождения. Но потом всё же сдвинул на день, тем самым дав мне возможность хоть в больничном городке пообщаться в этот день с детьми и уже подросшей правнучкой. Хирург-виртуоз Мырзабек Касымов провёл эту привычную для него операцию лапароскопии быстро и уверенно, а на второй день принёс в палату целую пригоршню камней, которые он извлёк из меня (Вита их тут же забрала на память).

Через неделю, 25 марта, меня выписали, а 1 апреля я уже участвовал в проведении ежегодного праздника «День птиц» в зоопарке. Ещё через две недели шумно и весело отпраздновали 60-летие А.С. Левина. Восстановление после операции, как показали все эти мероприятия, шло вполне нормально...

Оренбург: XIII конференция по птицам Северной Евразии (май 2010)

Однако впереди меня ожидало гораздо большее испытание – поездка в Оренбург на очередную орнитологическую конференцию «Птицы Северной Евразии». Я воспринимал её для себя как *главную репетицию* перед путешествием на Байкал. А поскольку на такое мероприятие хотелось взять с собой побольше наших изданий, мы с Валерием Хроковым поехали поездом до Кустаная, где нас обещал взять к себе в машину Евгений Александрович Брагин. Так мы и сделали, проделав маршрут «Кустанай – Оренбург» 29 апреля втроём на машине, что давало возможность посмотреть и птиц по дороге.

XIII Международная орнитологическая конференция Северной Евразии состоялась с 30 апреля по 4 мая 2010 г. на базе Оренбургского педуниверситета. К её открытию опубликованы тезисы докладов «Орнитология в Северной Евразии» объёмом 360 стр. В конференции приняли участие 245 орнитологов из 114 вузов и других учреждений России, Казахстана, Украины, Латвии, Эстонии, Узбекистана, Туркменистана, Великобритании и Польши. На 4 пленарных сессиях и 22 симпозиумах было заслушано более 120 докладов. Проведены дискуссии на 9 круглых столах и две постерные сессии (32 сообщения). Работу конференции освещал пресс-центр университета, выпускавший ежедневные видеоматериалы и стенгазету «Эндемик»; о ней прошли материалы по телеканалу «Россия 1» (Оренбург) и по «Радио России».

Конференция подвела итоги орнитологических исследований в Северной Евразии за период после Ставропольской конференции (2006) по широкому кругу вопросов изучения и охраны птиц. Она показала, что орнитология продолжает развиваться, но условия для её развития, в первую очередь финансовые, оставляют желать лучшего, в частности, в использовании новейших технических средств и в обеспечении полевых исследований. Отмечена высокая активность орнитологов по изданию различного рода журналов, монографий и других печатных работ, развитию международной кооперации в исследованиях, в том числе с использованием новейших технических разработок. В своей резолюции конференция обратилась к Минприроды России с протестом против введения новых сроков весенней охоты продолжительностью в 16 дней с воз-

возможностью регионов самостоятельно открывать её в разных частях региона в разные сроки, в результате чего общая продолжительность охоты в регионе может составлять до 30 дней...

Одним словом, всё было, как всегда и общению орнитологов в течение этих дней не было границ, особенно после официальных заседаний. Но для меня всё это было закрыто внезапно, как гром среди ясного неба, печальным известием о смерти в Полтаве 1 мая моей единственной сестры Симы. Узнал я об этом случайно спустя два дня, когда вдруг решил проверить электронную почту, чего никогда раньше не делал, как и телефонных звонков домой. Ехать было поздно и бессмысленно, а неправомерность того, что случилось, не давала покоя. Вспомнил, как впервые увидел её в окне роддома между двух поллитровых бутылок, наполненных тёплой водой (грелок тогда, в апреле 1944 года,

Рис. 258. Сестра Сима (1944-2010)

не хватало, а она родилась семимесячной, весом всего 1100 г). Как потом с этой крохой, которой едва исполнилось две недели, мы пароходом, а потом поездом больше недели добирались из Поволжья на Украину, к бабушке. Как плакала бабушка, когда сельский врач по фамилии Забруцкий сказал ей, что это родился карлик, и как радовались все, когда к 5-6 годам она стала перерастать сверстников. Много вспоминалось, особенно когда оставался один со своими мыслями. И только на людях всё это куда-то на время уходило...

А в кулуарах конференции разгорались страсти по поводу предстоящей ликвидации Мензбирова общества орнитологического общества. Дело в том, что руководству МОО никак не удавалось зарегистрировать это бывшее всесоюзное (а теперь межреспубликанское) общество в органах юстиции Российской Федерации. При наличии в его названии слов «Русское» или «Российское» вопрос регистрации решался просто. Уже год назад активное молодёжное крыло МОО предложило преобразовать МОО в РОСИП (Русское общество сохранения и изучения птиц имени М.А. Мензбира). Среди членов МОО возникли брожения, не помешавшие, тем не менее, созданию РОСИП и регистрации его в органах юстиции. Теперь предстояло закрепить это событие на съезде МОО.

Очередной 4-й съезд Мензбирова общества орнитологического общества состоялся в Оренбурге 4 мая 2010 г., сразу же после официального закрытия XIII Международной орнитологической конференции Северной Евразии. О главном

вопросе повестки члены Общества были оповещены ещё после состоявшегося 31 марта 2010 г. заседания Центрального Совета МОО. В электронной рассылке сообщалась следующая информация: «... научные общества Российской академии наук с 1995 г. не входят в состав РАН. С 2005 г. они находятся под научно-методическим руководством соответствующих Отделений РАН, но не пользуются юридической поддержкой РАН. Мензбировское орнитологическое общество не является юридически зарегистрированной общественной организацией. В связи с этим в мае 2009 г. прошло Учредительное собрание, на котором было решено создать некоммерческую Межрегиональную общественную организацию «Русское общество сохранения и изучения птиц имени М.А. Мензбира (РОСИП)». Создание такой организации и присвоение ей имени М.А. Мензбира было поддержано Отделением биологических наук РАН. В Министерстве юстиции Российской Федерации РОСИП было зарегистрировано 25 ноября 2009 г., а 2 декабря 2009 г. был получен номер государственной регистрации в Федеральной налоговой службе. В Пreamбуле Устава РОСИП значится, что РОСИП продолжает дело Мензбировского орнитологического общества.

На Съезде МОО будет поставлен вопрос о взаимоотношениях Мензбировского орнитологического общества и Русского общества сохранения и изучения птиц им. М.А. Мензбира. Съезду МОО будет предложено рассмотреть возможность трансформации (или реорганизации) Мензбировского орнитологического общества в Русское общество сохранения и изучения птиц им. М.А. Мензбира».

Однако на съезде, проходившем довольно бурно, эмоционально, мнения делегатов разделились и многие из них выступили против того, что создание новой общественной организации обязательно должно повлечь за собой закрытие другой. В результате голосования принято решение **сохранить Мензбировское орнитологическое общество** в его прежнем статусе и избрать новый состав его руководства.

Центральный совет МОО был избран в количестве 11 человек: Зубакин Виктор Анатольевич, Краснов Юрий Владимирович (Москва), Лебедева Наталья Викторовна (Ростов), Митяй Иван Сергеевич (Украина), Москвитин Сергей Степанович (Томск), Нумеров Александр Дмитриевич (Воронеж), Паевский Владимир Александрович (Петербург), Рябицев Вадим Константинович (Екатеринбург), Соколов Леонид Викторович (Петербург), Томкович Павел Станиславович (Москва), Шергалин Евгений Эдуардович (Эстония). *Президентом* МОО избран Ковшарь Анатолий Федорович (Казахстан, Алматы), *вице-президентами* – Белик Виктор Павлович (Россия, Ростов), Джамирзоев Гаджибек Сефибекович (Россия, Дагестан, Махачкала), Калякин Михаил Владимирович (Россия, Москва).

Моё общее заторможенное состояние, вызванное печальным известием с Украины, усугублялось ещё накалённой обстановкой съезда, а также тем, что через пару часов мы с Хроковым и Брагиным уже уезжали на машине в Казахстан. Мы даже на съезд пришли «с вещами», рассчитавшись в гостинице и подогнав машину к зданию института. Когда страсти накалялись и высупления ораторов затягивались, я не раз порывался встать и уйти, тем более что Женя Брагин глазами показывал: «пора», так как дорога предстояла дальняя и нелёгкая. Но когда уже были предложены кандидатуры для голосования и ко мне не-

сколько раз подходили делегаты с просьбой – ни в коем случае не брать самоотвод, то ничего не оставалось, как ждать. И когда были объявлены результаты голосования, мне понадобилось только несколько минут, чтобы поблагодарить за доверие и откланяться...

Напряжение было столь высокое, что когда на выезде из города Валерий Хроков пошутил: «мы едем с самим президентом», я сорвался и не очень учтиво попросил – на эту тему больше не шутить. Потом пришло облегчение от сознания того, что Оренбург и съезд с его страстями уже позади, мы едем домой и пора позаботиться о предстоящем ночлеге, так как выехали мы почти на закате. Очень хотелось пересечь казахстанскую границу, чтобы ночевать на своей территории. Но дорога оказалась довольно длинной и запутанной, так что пришлось ночевать в одном из российских посёлков – в каком-то заезжем дворе, где удалось поставить близ окон и машину. Утром тронулись в путь ни свет, ни заря и где-то ближе к вечеру были уже в Кустанае, так что на поезд успели. Так прошла эта психологически нелёгкая поездка, зато тест на выживаемость я выдержал – теперь можно было готовиться к далёкому и длительному вояжу на Байкал.

Сказочный месяц на Байкале и в Бурятии (июнь 2010)

Плывут и плывут прибайкальские шири,
Саянские горы синеют вдали.
Нас встретит столица таёжной Сибири,
Любимый Иркутск, середина Земли.

Марк Сергеев, 1962 год

Сроки байкальской поездки предложил Юра Дурнев – «весь июнь». Я же взял билеты на 30 мая туда и 28 июня – обратно, рассудив, что месяц – это уж слишком, а вот 28 дней – как раз. Расписывая мне в письмах подробно – как, чем и куда добираться, Юра после того, как я взял билет на Москву, написал мне, что он будет в это время в Питере и постарается 30 мая встретить меня в аэропорту Шереметьево. Это было совсем уж хорошо, так как до предела упрощало мне поиск пути. Перебравшись в Шереметьево из терминала Е в терминал Д, я с нетерпением ожидал регистрации рейса на Иркутск, всё ещё сомневаясь – узнаю ли я Юру после почти 20-летнего перерыва. Волнения оказались напрасными – он сам узнал меня. Когда мы утром подлетали к Иркутску, Юра с тревогой всматривался в струйки поднимавшегося вверх дыма от лесных пожаров, побаиваясь, что нас могут посадить не в Иркутске, а в каком-нибудь другом городе. Однако посадили всё же в Иркутске. Здесь же, в аэропорту, загрузились в поджидавшую нас машину и, минуя город, прямиком направились в село Большое Голоустное на западном берегу Байкала.

Разместив меня в турбазе «Нерпёнок», принадлежавшей его бывшей аспирантке, удачно вышедшей замуж за олигарха, Юра наутро укатил в Иркутск, пообещав приехать через пару дней и предоставив мне полную свободу дейст-

Рис. 259 а,б. Турбаза «Нерпёнок» снаружи и внутри. Здесь же – автор интерьера Ю.А. Дурневий. Однако прожил я здесь не пару дней, а целых восемь – до 8 июня, о чём нисколько не жалею. Самое главное ощущение в эти дни – полнейшая свобода на фоне божественной красоты природы. Впервые за многие годы мне не надо было никуда спешить. Целыми днями я бродил в окрестностях этого живописного села – то в горы, покрытые хвойным (в основном лиственничным) лесом, то к берегу Байкала, до которого было километра два. Туристский сезон ещё не начался, и на турбазе я был один, не считая нескольких рабочих, которые готовили базу к сезону, да управляющего этим хозяйством – совсем ещё молоденького парнишки по имени Денис. Изредка приходила приготовить обед для рабочих местная женщина-повариха, а в остальное время огромная кухня была в моём распоряжении. Жилые комнаты в этом двухэтажном особняке располагались на втором этаже, а весь первый занимал большой зал столовой и почти такая же обширная кухня с какими-то огромными котлами, баками и пр. Сельский магазинчик был всего в нескольких кварталах, так что с продуктами проблем не было. По вечерам Юра звонил мне по мобильному телефону (он предусмотрительно снабдил меня местной симкартой), расспрашивал о новостях и обещал через пару дней приехать.

Лиственничный лес занимал около половины горного склона, столько же места было покрыто лугами, причём практически без выходов коренных пород – никаких скал и осыпей, к которым я так привык в наших горах. Склоны крутые, но ходить по ним легче, чем у нас – всё как будто сделано для праздношатающихся отдыхающих, вроде меня. Вот только птиц было совсем немного и все в основном обычные. Из совершенно новых видов была только даурская галка (*Corvus dauuricus* Pallas), которая в наших краях бывает изредка на пролёте, а как недавно выяснилось, не так уж редко и зимует в окрестностях Алма-Аты. Эта красивая птица, больше напоминающая карликовую серую ворону, чем галку, гнездилась небольшой колонией в русле реки Голоустной, которая местами ещё была покрыта наледями (начало июня!). Гнёзда её располагались на деревьях тополя душистого (*Populus suaveolens*), произрастающего довольно большой рощей в русле реки, а сами птицы постоянно летали на вспаханное поле на окраине села, где деловито (как наши грачи) ходили по пашне за работающим трактором, выхватывая личинки жуков почти из-под лемеха плуга. До это-

го я ни разу даурскую галку в природе не встречал, поэтому с удовольствием наблюдал за поведением и повадками этого «лайфера», как любит выражаться молодёжь, используя сленг бёрдвочеров (лишь бы не по-русски!...).

Первые два дня очень доминировали лесные пожары, всё вокруг затянуто дымом, даже окно в комнате не откроешь – настолько всё пропахло гарью. Целыми днями к горам летал гидроплан БИ-200, который

Рис. 260. Лесной пожар у Голоустной. 1 июня 2010 г.

берёт на борт 14 тонн воды, однако задымлённость вокруг была столь высокая, что нельзя было приводниться на озере, и гидроплан вынужден был летать на Иркутское водохранилище. А я использовал 2 июня для экскурсии вдоль берега Байкала и знакомства с очень симпатичной церковью с синим куполом, под названием «Храм Николая чудотворца».

Вечером 2 июня приехал Юра, привёз мне в подарок карту Байкала с автографом одного из авторов. Карта эта замечательно оформлена: размером с ватманский лист, она складывается до карманного формата, причём весь оборот карты занят фотографиями подводных обитателей озера. Долгожданный дождь, которого мы ждали как спасителя от пожаров, пошёл только утром 3 июня, и, хотя шёл он недолго, но очистил воздух от гари. В полдень 3 июня приехал иркутский орнитолог С.В. Пыжьянов, который привёз в Б. Голоустную группу иностранных туристов во главе с алматинскими туроператорами Маджиной и Махилом. Устроив их у себя на биостанции, Сергей Владимирович весь вечер провёл с нами, почти непрерывно ведя разговоры по мобильному телефону. В итоге после его ухода телефон оказался забытым на столе, и вскоре Сергею пришлось вернуться, так как даже час прожить без этого изобретения XXI века оказалось невозможно...

С утра 4 июня мы с Юрой сходили в одно интересное место под названием Сухое озеро. Экскурсия заняла весь день и запомнилась благодаря не только красоте леса в этом урочище (повсюду цвели *Rhododendron dahuricum*, *Pulsatilla turzchaninovi* и *Iris humilis*), но и подробнейшим рассказам Юры, который знал здесь абсолютно всё – и природу, и историю края, и обычаи местного населения. Так, он показал мне «святые места», куда буряты приносят дары в виде монет. Здесь это чаще полудупла в старых деревьях, тогда как у нас в Кустанайской области Евгений и Татьяна Брагины показывали мне «святые» камни. Особенно сильное впечатление произвёл на меня большой деревянный христианский крест (с косой переключиной), поставленный на высоком обрывистом берегу Байкала в честь первопроходцев, о чём говорила надпись на древней

Рис. 261 а,б. Байкал с лесными пожарами и наша «посудина». 5 июня 2010 г.

кириллице. А к вечеру приехала хозяйка турбазы Лариса Глебовна Чикалина вместе с большой группой туристок из 22 человек и пообещала нам прогулку на катере вдоль западного берега Байкала до бухты Песчаной.

С утра 5 июня готовили к походу катер «Сафир-2» (это для него было началом навигации), а в полдень мы отправились на нём вместе с учительницами, которые направлялись на своеобразный тренинг в «святые места». Когда-то я слышал об этом распространённом на Байкале виде туризма, когда специально подготовленные гиды вывозят группу в места с особой биоэнергетикой – как своего рода психотерапевтические процедуры. В данном случае две гидессы (одна – явно фанатичного вида, а другая вполне миловидная, ещё молодая, но с сыном-подростком) собрали полтора десятка женщин, которые жаждали научиться быть счастливыми, и на нашем катере вывезли их в одно из таких знаменитых мест по имени бухта «Бабушка». Нам с Юрой посчастливилось быть участниками этой поездки, хотя за самим действием медитации в бухте «Бабушка» пришлось наблюдать с расстояния 1 км. Та, которая постарше, подарила мне визитку, из которой явствовало, что она – турагент Любовь Петровна Куракина из города Ангарска. Кроме контактных данных на лицевой стороне визитки значилось: «Отдыхаем на Байкале, потому что здесь живём. Позвоните! Будем рады. Отдых с нами – то, что надо», а на обороте – слова Льва Толстого: «Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в человеке чувство злости, мщения или страсти истребления себе подобных?».

Юра во-время предупредил меня, что будет холодно, и я надел свою тёплую куртку, которую специально приобрёл для этой поездки в магазине горнолыжной одежды. Будучи полностью в ней уверен, я сел рядом с Юрой на носу катера, чтобы смотреть вперёд. Но стоило катеру набрать ход и заложить небольшой вираж, как нас окатило брызгами от встречной волны, и нам пришлось срочно ретироваться, спасая висевшие на наших шеях бинокли и фотоаппараты. Ветер был пронизывающе-ледяной, но горнолыжная куртка его вполне выдерживала – лишь бы не попадали брызги. Зато вид был великолепный. Сразу вспомнились слова песни «Славное море, священный Байкал». Хороши были и окаймлявшие его склоны Приморского хребта с восходящими к небу струйками дыма от лесных пожаров (рис. 261). Предводительницы-экстрасенсы тоже заворожено смотрели на берега и время от времени что-то с жаром объясняли своим подопеч-

ным. Как-то, прислушавшись к их разговору между собой, я услышал, как одна сказала другой, показывая на гору, что видит под скалами что-то вроде большой пещеры и что её тянет туда сила, которой она не может сопротивляться. События сказала: «Входи, не бойся» и та «вошла», рассказывая, что она видит по пути. Не в силах больше слушать этот бред, но и не смея мешать им, я отошёл в сторону и издали наблюдал за их жестикуляцией.

Птиц над «славным морем» почти не было, если не считать двух-трёх десятков чаек-хохотуний (*Larus cachinnans*), с криком сопровождавших наш корабль; скорее всего это были представители монгольского подвида, который сейчас передовые систематики уже выделили в самостоятельный вид – монгольская чайка (*Larus mongolus*).

Причалив к берегу в красивой бухте Песчаной, мы оставили здесь катер и пешком поднялись на гору, чтобы перевалить в соседнюю бухту «Бабушка», где экстрасенсы должны были провести с группой занятия по медитации (причалить там было негде). А за это время экипаж катера должен был приготовить всей группе горячий обед. Подъём был довольно крут, но с каждым шагом открывались всё более красивые горизонты на «море». Местами на песчаном склоне – сосны-исполины с удивительными корнями-ходулями, а на самом верху, уже на опушке густого хвойного леса, – целые заросли цветущего рододендрона (*Rhododendron dahuricum*), который здесь почему-то называют багульником. Ярко-розовые цветы этого кустарника особенно впечатляют именно здесь, на фоне бирюзовой воды Байкала. Юра сказал мне, что слова знаменитой туристской песни «где-то багульник на сопках цветёт», относится именно к даурскому рододендрону, потому что настоящий багульник болотный (*Ledum palustre*) на сопках не растёт. Этот же рододендрон растёт не только на лесной опушке, где его особенно много, но и проникает внутрь леса и яркие цветы его просвечивают везде между стволами сосен и лиственниц.

Вид с вершины на бухту «Бабушка» очень красив: высокий скалистый мыс, далеко вдающийся в «море», порос хвойным лесом, а под скалами – узкая полоска песчаного пляжа с пенящимся прибоем. И на этом песчаном пляже под скалами – группка наших искательниц счастья медитирует под управлением двух экстрасенсок. Вдали на фоне ярко-синей воды – белый пароход. Как будто на картине талантливого художника-мариниста. Три часа, проведенные здесь, пролетели, как одна минута. И не важно, что птиц не было совсем – ни в лесу, ни на водной глади, ни в небе. Уходить обратно не хотелось, и только мысль о приготовленном на катере обеде напомнила нам, что пора возвращаться. Обратно шли намного быстрее, и даже путь на катере показался короче, не было ветра и холода. На палубе я наблюдал идиллическую картину: в центре её стояла коляска с младенцем, и с ней рядом – охраняющая её овчарка по имени «Тайфун»; все взрослые, в том числе и родители, сгрудились на корме и носу, что-то обсуждая...

С утра 6 мая весь день моросил дождик, осажая гарь, а Юра снова уехал в город, чтобы организовать транспорт для дальнейшей поездки. Вернулся он только вечером на следующий день и сказал, что завтра утром будем выбираться

рейсовым автобусом. Рано утром 8 июня мы возвратились в Иркутск, но и в этот раз я города не увидел, так как где-то на его границе при помощи непрерывных телефонных звонков мы состыковались с ещё одним орнитологом – Виктором Васильевичем Поповым, директором Байкальского центра полевых исследований «Дикая природа Азии». Он подобрал нас на автобусной остановке и на своей машине доставил в район аэропорта, где мы должны были встретиться с прилетевшими бурятскими орнитологами во главе с Цыдыпом Заятуевичем Доржиевым. Группа эта возвращалась домой после проводов каких-то иностранных гостей и по пути в Улан-Удэ могла доставить нас в следующий пункт – посёлок Култук на крайнем юге Байкала, где проживал Виталий Дорофеевич Сонин – старейшина иркутских орнитологов и тесть Юры. Когда выяснилось, что, не дождавшись нас, буряты выехали из аэропорта, мы стали догонять их и догнали уже на трассе! По дороге Виктор Васильевич подарил мне несколько выпусков «Байкальского зоологического журнала», который он редактировал, а попутно напомнил, как он много лет назад вместе с Колей Скалоном был у меня в гостях в Алма-Ате (чего я совершенно не помнил). Всё это произошло так стремительно, что даже поговорить толком с этим интересным человеком я не успел.

Цыдыпа Доржиева я знал давно. Познакомил нас ещё на XVIII-м орнитологическом конгрессе в 1982 году Лео Суменович Степанян. После этого мы не раз переписывались, обменивались публикациями, я не раз передавал через него приветы Матвею Шаргаеву и писал отзывы на диссертации доржиевских аспирантов, которых оказалось очень много. Вот и сейчас в машине с нами ехала Наташа Мункуева (Шорноева), напомнившая мне, что несколько лет назад получила мой отзыв. После взаимных приветствий и расспросов я изложил Цыдыпу идею о расширении Бурятского отделения Мензбирова общества с включением в него иркутских орнитологов и встретил с его стороны полное понимание. Более того, он сообщил, что только в Бурятии сейчас уже 32 доктора биологических наук и вполне возможно вести разговор о создании не только Байкальского, но даже Восточно-Сибирского отделения. Так в разговорах и пролетела дорога до Култука, где нас уже ожидала чета Сониных, предупреждённая Юрой о приезде большой группы гостей.

С Виталием Дорофеевичем Сониным я познакомился тогда же, когда и с Юрой – осенью 1983 г. на Второй конференции орнитологов Сибири в Горно-Алтайске. Тогда на экскурсию на Телецкое озеро мы ехали в одном автобусе вместе с ними и Мариной Сониной – женой Юры. Но по работам я знал *В.Д.* раньше, особенно часто приходилось обращаться к их совместной с *С.И.* Липиным статье «О гнездовании славки-завирушки в Иркутской области», опубликованной в сборнике «Орнитология» за 1968 год. Теперь они с супругой Любовью Иннокентьевной, тоже биологом, выйдя на пенсию, большую часть года жили в Култук, занимаясь огородом; на лето к ним приезжали внуки.

Поселок городского типа Култук, основанный землепроходцем Иваном Похабовым в виде острога ещё в 1647 году – одно из старейших поселений на Байкальском побережье. За 360 лет своего существования он превратился из казачьего зимовья в современный поселок. Это было первое поселение рус-

ских в южной части Байкала. Само слово имеет тюрское происхождение и означает «тупик». Действительно, посёлок находится в самом юго-западном тупике Байкала. Култукское поселение имело важное стратегическое значение, так как находилось на берегу Байкала на выходе из Тункинской долины. На рубеже XVIII-XIX вв. были построены несколько дорог через Хамар-Дабан, проходящих через Култук, который таким образом стал важным перевалочным пунктом на торговых путях в Монголию и Забайкалье. А в 1899 году началось строительство Кругобайкальской железной дороги, и Култук стал важнейшей её станцией. Закончили дорогу в 1904 г.

Всё это поведал мне Юра по пути в Култук, добавив при этом, что в этом месте, так или иначе, пересекались пути и судьбы многих крупных учёных XVIII-XIX вв., среди которых такие имена как Иоганн Георг Гмелин (1709-1755) – участник второй Камчатской экспедиции под началом Витуса Беринга; второй участник этой экспедиции Георг Вильгельм Стеллер (1709-1746), в честь которого была названа Стеллерова корова; автор знаменитого «Описания земли Камчатки» Степан Петрович Крашенинников (1711-1755); известный географ, этнограф и ботаник Григорий Николаевич Потанин (1835-1920). Но особенно много здесь было сыльных поляков, участников восстания 1863 г.: географ и геолог Иван Дементьевич Черский (польск. Jan Czernski), именем которого названы два горных хребта в Сибири и горные вершины на Хамар-Дабане и на Байкальском хребте; географ и палеонтолог Александр Лаврентьевич Чекановский (1833-1876); географ, зоолог, медик, лингвист и общественный деятель Бенедикт Иванович Дыбовский (1833-1930); друг Дыбовского, известный зоолог Виктор Александрович Годлевский (1840-1880); потомок польского политического сыльного, выдающийся исследователь Прибайкалья, зоолог Виталий Чеславович Дорогостайский (1879-1938) и многие другие выдающиеся деятели науки и культуры. Вот какой важный и знаменитый этот «п.г.т.» Култук, куда мы сейчас направляемся, и о котором я раньше даже не слышал...

В Култук мы приехали как раз к обеду и всей большой компанией попали за стол к гостеприимным Сониным. Не обошлось и без традиционной русской водки, которую Любовь Иннокентьевна сдабривала собственноручно изготов-

Рис.262 а,б. Култукский залив Байкала и семейство Сониных: Любовь Иннокентьевна, Марина и Виталий Дорофеевич

ленным сладким пахучим сиропом из лепестков роз! Через час – полтора наши буряты направились дальше, в Улан-Удэ, сделав общий снимок в ухоженном саду Сониных на фоне цветущей черемухи и взяв с нас слово, что мы с Юрой обязательно в ближайшие дни приедем в Улан-Удэ.

Четыре дня, прожитые в Култукке, были до краёв заполнены экскурсиями. Утром 9 июня мы с Юрой и Виталием Дорофеевичем (а также его внуком Даней – племянником Юры) побродили вдоль берега култукского залива Байкала, где наткнулись на малого зуйка (*Charadrius dubius*), о гнезде которого мечтал ВД, тут же начавший искать его в густой траве. Отойдя на открытый сухой пригорок, я без труда нашёл хорошо знакомое мне гнездо с 4 пятнистыми яйцами, а вскоре и ещё одно такое же. Виталий Дорофеевич был в восторге, а Юра тут же принялся измерять и взвешивать яйца, обронив глубокомысленно: «Да уж, правду говорят, что талант не пропьёшь!». Я же чувствовал себя именинником... Вечером того же дня мы втроём (с Юрой и Данилкой) выбрались на Шаманку – так называется самая крайняя оконечность култукского залива, уже напротив знаменитой Слюдянки, о которой речь впереди. Буйное цветение трав на лесных полянах вдоль берега напомнило мне наши субальпийские луга весной, тем более, что много было общих видов – анемоны, незабудки, лютики, купальницы. И только полыхающие розовым на фоне бирюзовой воды кусты рододендрона подтверждали, что это всё-таки Байкал...

Утром 10 июня мы с Юрой, прихватив с собой Данилку, который явно уже заскучал у деда с бабкой, отправились в поездку по Кругобайкальской ж-д (Култук – мыс Баклань – порт Байкал – Култук), на которую мы отвели всего два дня. Поезд из двух вагонов по прозвищу «Мотаня» (из-за того, что мотается туда-сюда по короткому маршруту) в первый день отвёз нас за 65-70 км от Култука на мыс Баклань, где мы остановились у знакомой Юры – Валентины Алексеевны Тарасюк, которую он называл «бородатая женщина», утверждая, что, когда она не побреется, у нее отрастает большая окладистая борода (в этот раз она была без бороды). Она жила в станционном здании и встретила Юру, как старого знакомого. Переночевав у неё, мы отправились на экскурсию пешком по рельсам, проходя через многочисленные тоннели и галереи, которыми так богата Курго-

Рис. 263 а,б. Многочисленные тоннели и галереи Кругобайкальской железной дороги

байкалка. На карте обозначены 15 тоннелей, но вместе с галлереями их гораздо больше. Они прорезают вдающиеся глубоко в озеро скалистые и покрытые лесом мысы: Ангасольский, Шарыжалгай, Столбы, Киокирей, Половинный, Ивановский, Толстый, Бакланий и прочие. Проходить эти тоннели пешком – совсем не то, что преодолевать их на поезде! Когдаходишь по шпалам в эту чёрную дыру, то так и кажется, что сейчас навстречу вырвется из темноты мчащийся паровоз, от которого и бежать-то некуда – тоннель довольно узкий. Можно, конечно, прижаться к каменной стенке, ощущая на себе горячее дыхание «железного коня», но такая перспектива почему-то не прельщает, поэтому стремишься как можно скорее выбраться из каменного мешка на волю. А здесь вид на озеро открывался просто фантастический, с какой-то дымкой, которую ещё больше усугубляла моя катаракта (лишь несколько месяцев спустя, избавившись от неё, я уже по своим снимкам оценил всю гамму красок Байкала!).

Юра щедро делился со мной своими ботаническими познаниями, называя не только фоновые растения, но и раритеты, занесенные в Красную книгу. Птиц и здесь было немного. Из них меня больше всего привлекали длинноносые крохали (*Mergus serrator*), парами отплывавшие от берега, оставляя за собой длинные треугольники волн. Над водой летали обычные здесь чайки-хохотуны (*Larus cachinnans mongolicus*), чеглок (*Falco subbuteo*) гонял чёрную ворону (*Corvus corone*), а из лесу слышались песни чечевиц (*Carpodacus erythrinus*), пёстрых каменных дроздов (*Monticola saxatilis*) и овсянок Годлевского (*Emberiza godlewskii*), а также зелёных пеночек здешнего подвида (*Phylloscopus trochiloides plumbeitarsus*). А когда мы возвращались на свой полустанок, чтобы следующим рейсом одолеть оставшуюся часть Кругобайкалки, прямо на шпалах между рельсами обнаружили самца синего соловья (*Larvivora cyane*), погибшего от столкновения с мчащимся поездом – такой контраст изящной красоты и грубой силы техногенного происхождения...

Два вагона «Мотани» не оставались пустыми, народ садился и выходил почти на каждой остановке, а полустанки эти встречались нередко. Помимо местных жителей, явно отправлявшихся на соседнюю станцию, немало было и групп туристов, среди которых то и дело можно было услышать английскую или немецкую речь. Сидевший напротив меня благообразный старичок вдруг обратился по-английски к девушке, сидевшей рядом, и та стала ему что-то рассказывать, показывая в окно. Юра тут же обратил моё внимание на интересное здание, которое мы проезжали, и пояснил, что это недавно построенный на народные пожертвования Рериховский центр, в котором собираются поклонники его творчества и последователи его философского учения. Чувствовалось, что и здесь, как и на Алтае, было очень много поклонников этого выдающегося художника и мыслителя.

Вообще раздолье Байкала, видимо, всегда располагало к философскому настрою и особым, возвышенным эмоциям. Достаточно вспомнить, какие проникновенные строки посвятил ему замечательный русский писатель Валентин Распутин: «Байкал, казалось бы, должен подавлять человека своим величием и размерами – в нём всё крупно, всё широко, привольно и загадочно – он же, напротив, возвы-

шает его. Редкое чувство приподнятости и одухотворённости испытываешь на Байкале, словно в виду вечности и совершенства и тебя коснулась тайная печать этих волшебных понятий, и тебя обдало близким дыханием всеильного присутствия, и в тебя вошла доля магического секрета всего сущего. Ты уже тем, кажется, отмечен и выделен, что стоишь на этом берегу, дышишь этим воздухом и пьёшь эту воду. Нигде больше не будет у тебя ощущения столь полной и столь желанной слитности с природой и проникновения в неё: тебя одурманит этим воздухом, закружит и унесёт над этой водой так скоро, что ты не успеешь и опомниться; ты побываешь в таких заповедных угодах, которые и не снились нам; и вернёшься ты с удесятёрненной надеждой: там, впереди, обетованная жизнь...»

На конечный пункт Кругобайкалки – порт Байкал – мы прибыли на закате. Оставив нас с Данилкой на берегу, в месте впадения в Байкал Верхней Ангары, Юра налегке ушёл вверх по правому берегу этой реки, чтобы найти ночлег – обратный рейс «Мотани» был только ранним утром. Было ясно, тихо, но не жарко, а после заката почувствовалась свежесть. Ровную водную гладь озера бороздили какие-то прогулочные катера, а на самом горизонте буквально угадывались призрачные вершины далёкого хребта Хамар-Дабан. На том берегу Ангары раскинулся прижатый к лесному склону яркий посёлок Листвянка.

Юра вернулся уже в светлых сумерках и сразу же повёл нас куда-то в горы, так как его знакомого в посёлке не оказалось (уехал в город) и Юре пришлось сбежать на одну из турбаз, расположенных на склоне горы. Турбаза «Надежда» оказалась приличным деревянным строением с внутренним двориком и столовой в виде длинной галереи. Но нам нужна была только комнатка, чтобы поспать 2-3 часа, так как в час ночи надо было уже выходить, чтобы не опоздать на «Мотаню», отходящую в 2²⁰. Хозяйственный Юра по пути прикупил что-то к чаю, и мы легли спать не голодными. А в час ночи он же (и два будильника – на всякий случай!) поднял нас, и мы втроём в полной темноте, поживившись от влажной ночной прохлады, спустились к берегу Ангары и направились на вокзал. Прекрасное свистовое пение какой-то ночной птицы я никак не мог узнать, и Юра объяснил мне, что это поёт... садовая камышевка (*Acrocephalus dumetorum*)! Оказывается, кроме обычного маловыразительного бормотания, которое я не раз слышал у нас на весеннем пролёте, у этой птицы есть и вот такое великолепное ночное пение! Кстати, как подтвердил Юра, и здесь она днём бормочет. В Култук мы прибыли уже в 8 час утра.

В ожидании машины Виталий Дорофеевич продемонстрировал мне удивительный узко направленный и сверхчувствительный микрофон Юкон (Yukon) с наушниками, выпускаемый в Беларуси, работающий на двух круглых батарейках – очень удобный для прослушивания и записи голосов птиц. А в 14 час приехавший на микроавтобусе «Istana» (корейский, выпускается по лицензии фирмы «Mercedes») Николай Павлович повёз нас по прекрасной федеральной трассе на южный берег Байкала – через знаменитую Слюдянку и Байкальск до границы с Бурятией. Слюдянка печально знаменита своим Байкальским целлюлозно-бумажном комбинатом (БЦБК), который стали строить в 1966 году, и с тех пор тысячи «зелёных» и просто здравомыслящих людей, кому небезразлична наша природа и такая её ценность, как самое глубокое в мире пресное озеро, выступали во всех средствах массовой информации, призывая остановить его

загрязнение. В результате в сентябре 2008 г., чтобы уменьшить сброс промывных вод, на БЦБК была введена замкнутая система водооборота. Но она оказалась неработоспособной, и вскоре после её запуска комбинат пришлось остановить. Таким, в состоянии консервации, видели его с автотрассы и мы, проезжая вдоль южного берега озера. Однако менее чем через месяц после нас, 8 июля 2010 г., несмотря на многочисленные протесты активистов, БЦБК вновь начал выпускать целлюлозу в промышленных масштабах... Уже в июле 2010 г. глубоководные пробы, взятые при погружении аппаратов «Мир», показали высокое содержание диоксинов в донных отложениях в районе сброса стоков БЦБК. И это несмотря на то, что озеро Байкал внесено в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Экономические соображения и здесь оказались важнее экологических...

Проехав около 100 км вдоль южного побережья Байкала, мы пересекли границу Бурятии и вдоль речки Выдриная поднялись до села, носившего такое же название – «Выдриная речка». Село раскинулось у подножья пологого склона, поросшего густым пихтово-сосново-кедровым лесом, который частично проник и в само село. Усадьба Людмилы Ивановны Лукиной, у которой мы остановились, стояла как раз на краю леса, в который вела узкая тропинка мимо небольшого сельского кладбища. Протекавшая в глубоком ложе речка показалась мне сначала прудом – настолько гладкой и неподвижной была её поверхность, а вода такой прозрачной, что виден был каждый камешек на дне. Из речки брало воду всё село, для чего в нескольких местах в крутом высоком берегу вырублены ступени, оказавшиеся для меня немного высоковатыми. Противоположный берег покрыт смешанным лесом, который рос прямо от воды, а на юге, откуда текла эта величавая (хотя и всего 100 м шириной) полноводная река, вдали виднелись вершины Хамар-Дабана.

Поселившись в маленькой сельской избе, имевшей всего две комнатки и чулан (наша хозяйка обитала в большом красивом доме на другом конце усадьбы), мы были полностью предоставлены сами себе и сами протапливали дровами печку, когда после очередного дождя становилось холодно. Впрочем «мы» громко сказано. Сходив утром на экскурсию в лес (мы поднялись по пологой лесной дорожке километра на 2-3 к небольшому озерку, где сибирские углозубы мечут икру), а вечером – на берег Байкала, где около железнодорожного моста было единственное место, откуда «ловил» мобильный телефон, мы весь день 14 июня под обложным морозящим дождём просидели в избе, чуть протопив печку, чтобы в промозглой атмосфере её остывших после зимы комнат хоть немного появился жилой дух. Зато я наслушался интереснейших рассказов из истории этого края. Так, например, Иркутский университет учредил в 1918 году адмирал Колчак, который написал и предисловие к вышедшему в том же году первому тому Трудов этого университета. А в 80-х гг. в одном из Иркутских литературных альманахов (их два – «Байкал» и «Ангара») опубликованы воспоминания Анны Дмитриевны Тимирёвой, той самой возлюбленной Колчака, которая просидела в Ушаковской тюрьме города Иркутска 45 лет – до 1963 года (а умерла спустя 5 лет)...

Утром 15 июня Юра уехал в город «до завтра». А когда я на 3-й день начал уже его выглядывать, хозяйка сказала мне, что год назад в этой же избе гостя из Ленинграда ждала его около двух недель. Это была Людмила Вениаминовна Фирсова – орнитолог из ЗИН^а и давняя моя знакомая, ученица Константина Алексеевича Юдина, занимавшаяся изучением крачек на Курильских и Командорских островах, а впоследствии сама руководившая аналогичными работами там Наташи Каверкиной. Зная её твёрдый характер и большую полевую закалку, не думаю, чтобы она особенно тяготилась одиночеством в этом райском деревенском уголке, затерянном в прибайкальских лесах.

Не скучал здесь и я, несмотря на ограничения в свободе передвижения по здешнему лесу: у меня не было прививки против энцефалита, а весь лес буквально кишел клещами. Об этом своём изъёме я заранее известил Юру в письмах, объяснив, что не могу ничего исправить: ещё в 1975 году, когда я ехал на Дальний Восток, лечащий врач предупредил меня, что мне эту прививку делать нельзя. За 35 лет ничего не изменилось, и на Байкал я приехал всё такой же «непривитой». Юра сказал, что плотные штормовые костюмы, в общем-то, защищают от проникновения клещей, но главное правило – периодически осматривать друг друга, снимая эту нечисть. Пока мы были вдвоём, так и делали. А когда ты ходишь по лесу один, это делать сложнее – задняя сторона не поддаётся осмотру. Мне пришлось вспомнить незабвенного Борю Некрасова, который всегда в горах надевал на нижнюю часть голени специально сшитые чехлы вроде гетр, которые предохраняли от попадания в обувь камешков и песка (а заодно – и колючих плодов). Вот и я сшил себе нечто подобное из гладкой «болоньи» и теперь надевал эти ярко-оранжевые гетры поверх горных ботинок. И всё же, уезжая, Юра просил меня ограничиваться ходьбой по лесным дорогам, не отклоняясь в древесно-кустарниковые заросли и на заросшие сплошным ковром черники (*Vaccinium myrtillus*) лесные поляны. Но как трудно было со стороны смотреть на этот сплошной тёмно-зелёный ковер низенького полукустарничка, только начинавшего зацветать! Так и тянуло побродить по этим полянам...

Рис. 264. Среди зарослей черники в царстве корольковой пеночки

И ещё хотелось увидеть загадочного сибирского углозуба (*Salamandrella keyserlingii*), который бывает в воде только во время икрометания, а живёт в сырой подстилке на суше, появляясь на поверхности только ночью и лишь в морозящий дождик изредка вылезает и днём.

Из птиц в этом лесу господствовали две пеночки – зелёная (*Phylloscopus trochiloides*) и корольковая (*Phylloscopus proregulus*). И если первая была мне прекрасно знакома по Тянь-

Шаню, то увидеть и услышать вторую я мечтал вот уже полвека – с того далёкого октября 1960 г., когда впервые добыл её в горах Западного Тянь-Шаня (это был массовый залёт). Голоса её тогда я вообще не слышал, лишь какое-то тихое попискивание. Здесь же это был главный певец, и меня поразила сила и красота её песни. До сих пор я был уверен, что красивее всех пеночек поёт зелёная. Однако песня корольковой оказалась ещё звонче, а главное – разнообразнее! Впоследствии Юра подтвердил это моё первое впечатление. Из других звуков этого леса запомнилось оригинальное, похожее на крик удода «кукование» глухой кукушки (*Cuculus saturatus*), голоса обыкновенной кукушки я не слышал ни разу.

А в самом селе удалось увидеть голубую сороку (*Cyanopica cyanus*), которую до этого я видел лишь раз мельком пролетевшую в испанском парке Мон-Фрагю (рассмотреть толком не успел) и сибирскую горихвостку (*Phoenicurus auroreus*), которая устроила своё гнездо прямо под крышей хозяйкиного дома. Для меня это была неслыханная удача! Как будто вернулся на 30-40 лет назад, когда я упорно занимался наблюдением за гнёздами певчих птиц в горах Тянь-Шаня. Утром я шёл на «учёт»: устроившись на небольшом походном стульчике с биноклем и фотоаппаратом, часами смотрел, как подлетает к гнезду ярко раскрашенный самец и, отлетев, подолгу сидит на заборе, ожидая, когда вылетит из гнезда насиживающая кладку самка. Примерно на третий день я увидел его уже с кормом – значит, вылупились птенцы.

Не меньше часов потратил я на подкарауливание бурундука (*Eutamias sibiricus*), который, по словам хозяйки, постоянно встречается в углу двора, на куче напиленных берёзовых чурбаков. В том, что это правда, я убедился в первый день, когда зверёк стрелой пронёсся по этим чурбакам и скрылся за сарайчиком. Настали часы напряжённого высидивания – до самой темноты или пока дождь не загонял в избу. И только в последний вечер перед приездом Юры мне несказанно повезло: бурундук дал мне возможность сделать несколько удачных кадров. Здесь же, во дворе, жили ласточки-касатки, или деревенские, забайкальского подвида (*Hirundo rustica tyleri*). У них в отличие от наших брюшко и грудь были не белые, а интенсивного каштанового цвета. А вот городские ласточки, или воронки (*Delichon urbica*), колония которых располагалась под большим мостом, почти у самого берега Байкала, ничем не отличались от наших, хотя совсем рядом проходит граница номинативного подвида (*D.u. urbica*) и восточного (*D.u. lagopoda*). Здесь же должен уже обитать и близкий вид – восточный воронок (*Delichon dasypus*), но все мои поиски не дали результатов. Зато каждая вечерняя экскурсия на берег Байкала в надежде получить по телефону весть от Юры или из дому (парочкой СМС-сообщений с Алма-Атой мне всё-таки удалось обменяться!) давала возможность любоваться красивым зрелищем – закатом над водной гладью. Описать словами меняющиеся в течение заката краски неба, облаков и воды невозможно – это надо только видеть. Во время одного из таких закатов на красной лунной дорожке появился выводок гоголей (*Bucephala clangula*) с пуховичками. Галечниковый берег озера в этом месте был завален огромными ошкуренными стволами тополя душистого, которые вынесла сюда во время половодья тихая и смиренная речка Выдриная...

Были и неожиданные встречи с людьми. Поскольку в те дни, что я жил один, надо было как-то пополнять провиант, я уже вечером 15 июня пришёл на место посреди сельской улицы, куда какая-то машина привозила хлеб и молоко. В ожидании этой машины разговорился с пожилым мужчиной, говор которого выдавал в нём украинца. Оказалось, что Владимир Семёнович Стороженко родился в 1921 году в Миргороде, т.е. совсем рядом с моей родной Решетилковкой! Он воевал на восточном фронте, где их высаживали за линию фронта в штатской одежде, под видом местных жителей. После окончания войны остался в этих местах, обзавёлся семьёй...

Юра приехал автобусом поздно вечером 18 июня вместе с сыном хозяйки. Ничего не получилось с машиной (у водителя вчера умер отец). На следующее утро, 19 июня, мы на электричке поехали в Улан-Удэ, как и обещали нашим бурятским коллегам.

Официальная справка: Респу́блика Буриа́тия как субъект Российской Федерации входит в состав Сибирского Федерального округа. Образована 30 мая 1923 года как Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР. Площадь 351 300 км², население 971 810 человек (в среднем 2.77 чел./км²), столица – город Улан-Удэ. Население столицы, по данным переписи 2010 года, составило 404 тыс. человек, т.е. почти половину республики (остальные города – менее 25 тыс. чел.).

По дороге в Улан-Удэ Юра рассказал мне об Иволгинском дацане – центре российского буддизма, самом крупном буддийском храмовом комплексе в Бурятии, который был открыт сразу после окончания войны в 1945 году в тогдашнем селе Сталино. Сейчас это резиденция XII Пандито Хамбо Ламы, главы Буддийской традиционной Сангхи России Дамбы Аюшеева. Здесь находится святыня

Рис. 265. Самая большая в мире...

российских буддистов Нетленное Тело XII Пандито Хамбо Ламы Даши Доржо Итыгилова. Для него построен специальный Дворец – настоящее произведение искусства лучших мастеров Бурятии. Эти рассказы так меня заинтересовали, что хотелось, во что бы то ни стало, посмотреть дацан.

Цыдып Заятуевич Доржиев встретил нас в Бурятском государственном университете со своей командой во главе с главной помощницей Светланой Линховоевной Сандаковой. Здесь были Валерий Ешеевич Ешеев, уже знакомый по встрече в Култукте териолог Виктор Михайлович, аспирантка Оля. По неписанному закону гостеприимства сразу же устроили «чаепитие» на кафедре зоологии. Потом осмотрели центральную площадь, на которой

стоит самая большая в мире голова В.И. Ленина, и отправились в Иволгинский дацан. После прибайкальских лесных мест открытые пространства долины Селенги, которыми мы ехали, показались очень похожими на казахстанские просторы.

Цыдып Доржиев вёз нас троих на своей машине и по дороге рассказывал последние орнитологические новости. Упомянул и о том, что недавно в районе Иволгинского дацана он впервые встретил ошейниковую овсянку (*Emberiza fucata*). И это пока самая западная находка этой птицы, которая распространена от побережья Японского моря до Байкала. Это было настолько интересно, что всем захотелось увидеть и рассмотреть эту птицу (а я вообще её никогда не видел – в Казахстане она не бывает, но значится как редкая залётная – на основании двух встреч Н.А. Зарудным в октябре 1911 и 1913 гг. около Ташкента). Поэтому, припарковав машину около нескольких сотен таких же легковушек (странно было видеть в открытом поле близ небольшого села такое скопление машин!), мы направились не в сторону виднеющихся за машинами красивых разноцветных пагод, а в противоположную, где по кочковатому лугу были разбросаны редкие кустики. Как сказал Цыдып, это типичный биотоп этой овсянки. Вскоре увидели её и долго рассматривали в бинокли, даже я со своей катарактой, делавшей поле бинокля расплывчато-желтоватым... Все убедились в правильности видового определения и постарались запомнить птицу.

Вернувшись к дацану сквозь автомобильные «шпалеры», мы, наконец, поняли, почему их так много: была не только суббота, но и какой-то местный праздник. Об этом свидетельствовал переполненный зрителями стадион в степи, где полукругом сидело несколько сотен болельщиков, а перед ними выступали борцы – распространённый в Бурятии вид спорта. В сторонке готовились к скачкам кони и люди. Минувя эту спортивную полосу, мы, наконец, вышли к самой красивой части дацана – храмам. Их было больше десятка и все разные – один ярче другого! В одном месте я видел небольшое строение вроде деревянной рубленой избы, с крышей, имевшей форму пагоды.

История Иволгинского дацана – это история возрождения буддизма. Каждый храм здесь уникален по своему назначению. Так, в главном храме «Цогчен» проходят основные хуралы. Храм «Чойрын дуган» посвящен буддийской философии, «Сахюусан Сумэ» – защитникам буддизма и так далее. Недалеко от храма Цогчен находится здание, в котором растет священное дерево, проросшее от семян Дерева Бодхи, под которым достиг просветления Будда Шакьямуни. Кроме храмов на территории монастыря располагаются учебные корпуса Буддийского университета, где учатся студенты-хувараки из разных регионов России, священные ступы-субурганы, гостиница для гостей, музей памятников буддийского искусства, различные служебные помещения и дома лам. К сожалению, находившаяся в центре усыпальница Нетленного Итыгелова, в которую я хотел попасть, по случаю субботы оказалась закрытой для посетителей...

Полнобовавшись на обратном пути величественной долиной Селенги, для чего Цыдып завёз нас на высокий открытый холм у реки, мы к вечеру вернулись в Улан-Удэ, и хозяева тут же повезли нас обедать в загородный ресторан,

Рис.266. На Селенге с Ю.А.Дурневым и Ц.З.Доржиевым

стилизованной под юрту. Здесь нас угостили знаменитым национальным блюдом – «горячие бурятские позы», над которым так неудачно пошутил на всю страну известный сатирик Михаил Задорнов, вынужденный потом извиниться, так как слово «позы» – просто название блюда, больше всего напоминающего манты или пельмени. Прощальный ужин завершился на закате, а про гостиницу не было сказано ни слова! Переглянувшись с Юрой, мы поня-

ли, что ночевать нам здесь не придётся, и смирились с мыслью, что ночь эту придётся провести в автобусе, так как поезд в нашу сторону шёл ещё не скоро, да и от железнодорожной станции до нашей Выдриной речки идти было дальше, чем от шоссе.

Боясь проехать в темноте перекрёсток нашей дороги (село было в стороне и никаких огней среди ночи в нём не могло быть), мы на каждой остановке напоминали водителю, где нам надо выйти – ориентиром служил горбатый железнодорожный мост, по которому поезда не ходили. Всё обошлось: в половине третьего часа ночи в кромешной тьме мы покинули тёплый автобус и, поёживаясь от ночной прохлады, добрались до своей избушки – уставшие, но переполненные массой впечатлений от такого насыщенного событиями дня. К ним добавилось ещё восхитительное ночное пение соловья-красношейки (*Calliope calliope*) и просто изумительная песня толстоклювой камышевки (*Phragmaticola aedon*) в зарослях цветущей черёмухи, благоухание которой провожало нас всю дорогу. Эта камышевка, описанная П.С. Палласом, представлена здесь восточным подвидом *Ph. ae. rufescens*, распространённым от Байкала до тихоокеанского побережья.

Утром 21 июня Юра пошёл на берег Байкала, чтобы позвонить насчёт машины, но не вернулся даже через 4 часа! Не зная, что и думать, я пошёл его искать. Оказалось, что он на попутной машине ездил в Танхой договориться насчёт машины, так как оба вчерашних варианта провалились. В Танхое не оказалось директора Байкальского заповедника (Василий Иванович Сутула), а его заместитель заломил за машину по 800 рублей в час – видимо, решил, что приезжий – иностранец и на деньги не покусится (у нас бывает то же самое). И Юре пришлось дозваниваться в Арашан, куда мы направлялись, и оттуда пообещали прислать машину местного начальника МЧС. Обо всём этом Юра рассказал на трассе, где я его встретил. Здесь же мы увидели белопопых стрижей (*Apus pacificus*) и по их крику убедились, что именно их мы слышали позавчера в Улан-Удэ. А в Танхое Юра видел колючехвостых стрижей (*Hirundapus*

caudacutus), которые попадались нам однажды и здесь. Машина из Арашана (Honda) пришла только к вечеру и к 21 часу мы перебазировались в Тункинскую долину, уже попрощавшись с Байкалом. Об этой долине я много слышал, в том числе и от Юры, который бывал здесь не раз. Интересно было посмотреть отроги Саян и западную оконечность Хамар-Дабана, истоки реки Иркут, а ещё хотелось посмотреть оригинального тритона – сибирского углозуба (*Salamandrella keyserlingii*), которого я никогда не видел. Эту удивительную амфибию описал в 1870 году тот самый Дыбовский, о котором я уже упоминал в перечне работавших на Байкале знаменитостей (кстати, седоголовую овсянку, как и синего соловья, и сибирскую горихвостку описал в 1776 г. ещё более знаменитый исследователь фауны и флоры Российской империи академик Пётр Симон Паллас).

Первым нашим пристанищем в Тункинской долине стал курорт Арашан, куда мы приехали уже вечером и ночлег нашли путём опроса прохожих – здесь многие сдавали жильё на день-два. Пожилой бурят по имени Николай Егорович сдал нам недорого свою деревянную времянку со стеклянной дверью, которую пришлось залепить газетами. Двухэтажное здание самого курорта, расположенное в ухоженном старом парке у подножья склона, было закрыто, и только уцелевшие скульптуры, дорожки и высокая ограда с воротами свидетельствовали о былом величии этого учреждения. Сейчас вход в парк был настежь открыт, и вереницы «диких» и организованных туристов по аллеям парка устремлялись к тропинке, ведущей на крутой склон, к имеющим в этих местах громкую славу водопадам. Кстати, сейчас эта территория стала частью Тункинского национального парка, созданного 27 мая 1991 г. на южных склонах хребтов Хамар-Дабан и Восточный Саян и в самой Тункинской котловине. Имея площадь 11836 км², этот национальный парк занимает фактически весь Тункинский административный район Бурятии. На этой территории и предстояло мне провести последние дни вояжа.

Первый день мы посвятили подъёму к водопадам. Помимо знакомства с природой этого горного склона было заманчиво посмотреть небольшую колонию восточного воронка (*Delichon dasypus*), которая, по словам Юры, существовала именно на скалах у одного из водопадов. Крутой подъём был очень живописным, а сама тропа оборудована в некоторых местах мостиками через ущелья глубоко врезавшихся ручьёв, а также деревянными перилами в местах самого крутого подъёма. Из множества незнакомых растений, которые по ходу называл мне Юра, особенно запомнилось одно, очень похожее на ландыш и с таким же нежным ароматом – майник двулистный (*Majanthemum bifolium*), относящийся к близкому с ландышем (*Convallaria*) и купеной (*Polygonatum*) роду семейства лилейных. Однако конечная цель нашего похода, несмотря на окружающую красоту, принесла нам разочарование: колонии воронков не было, да и быть не могло при таком огромном числе туристов прямо под скалками, где были когда-то гнёзда. По пути наслушались пения зябликов (*Fringilla coelebs*) и зелёных пеночек (*Phylloscopus trochiloides plumbeitarsus*), а в одном месте встретили выводок обыкновенного поползня (*Sitta europaea*).

Утром 22 июня в нашу хижину пришёл старый знакомый Юры Михаил Петрович Александров, работавший раньше начальником охраны Тункинско-

го национального парка. Он согласился на своей «Ниве» свозить нас сначала на Улбугайские озёра, где Юра гарантировал встречу с сибирским углозубом (*Salamandrella keyserlingii*), а потом – к истокам реки Иркут, в высокогорья Восточного Саяна.

Тункинская долина (впадина, котловина) входит в состав Байкальской рифтовой зоны. Её длина с востока на запад составляет 190 км, ширина от 20 до 50 км. С юга её ограничивают горы Хамар-Дабана, с севера – Тункинский хребет. Считается, что это – система межгорных понижений вулканического происхождения в долине реки Иркут и состоит она из шести отдельных котловин: Быстринская, Торская, Тункинская, Туранская, Хойтогольская и Мондинская котловины. Самый крупный населённый пункт – село Кырен, центр Тункинского административного района, раньше долгое время центром долины было село Тунка. В этом селе год или два назад орнитологи встретили даже майну (*Acridotheres tristis*), невесть откуда залетевшую сюда. Мы специально сделали здесь часовую остановку, однако майны не нашли – везде были многочисленны обыкновенные скворцы (*Sturnus vulgaris*). Зато поиски углозуба в небольшом болотистом понижении на месте бывшего озера среди молодого березняка увенчались успехом: удалось найти три экземпляра, которых я после фотографирования вместе с влажным мхом упаковал в пожертвованную Юрой кастрюльку с твёрдым намерением привезти их в Алма-Ату живыми (что, в конечном счёте, и удалось – там я передал их нашим герпетологам).

От Улбугайских озёр мы направились к высокогорному озеру Ильчир (это уже Саян) – одному из истоков реки Иркут. Как назло, погода нам не благоприятствовала – хмурое серое небо время от времени проливалось холодным дождём. Птиц в такую погоду трудно встретить, поэтому основное внимание пришлось уделять ботаническим объектам, а их здесь было предостаточно. В долине был разгар весны: на больших лесных полянах цвели образующие целые поля анемоны (*Anemone sylvestris*) и купальницы (*Trollius* sp.), венерин башмачок (*Cypripedium macranthum*), *Mertensia* sp.; а на песчаных открытых ме-

Рис.267 а,б. Наледи на Белом Иркуте (слева) и биотоп большой чечевицы. Восточные Саяны, 22 июня 2010 г.

стах ярким розовым ковром цвели остролодочки (*Oxytropis* sp.). По мере поднятия в горы цветов становилось всё меньше, а вскоре пошли и первые снежные пятна – мы возвращались в зиму... Это чувствовалось и по низкой температуре, по холодному ветру.

Едва мы въехали в долину Иркута, где начинался уже ощутимый подъём в горы, как начался-таки дождь, собиравшийся с самого утра. Прекрасно знающий эти места Михаил Петрович привёз нас на высокий берег Иркута, где был сооружён большой деревянный не просто навес, а целый ангар – столовая для рыбаков. Два крепко сколоченных стола длиной метров по 10-15 и такими же деревянными лавками по обе их стороны, были явно рассчитаны на большую рыбацкую артель. Никто это сооружение не охранял, тем не менее, всё было в целости и в чистоте. Мы тоже отобедали здесь захваченными с собой продуктами, вскипятив чаю, который был очень кстати в эту мокрую холодную погоду, и начали подъём к истокам Иркута. Хорошая для такой горной местности асфальтированная дорога шла по правому склону реки, пересекая глубокие ущелья притоков, покрытых довольно большими наледями; самый крупный из них назывался «Белый Иркут». Склоны здесь облесены до самого дна ущелья, и только по руслу тянется узкая полоса галечника; повсюду преобладает тёмно-зелёный цвет хвойного леса, с почти чёрным небом наверху.

Скалы стали встречаться только в самом верху, а осыпи попались лишь в одном месте, зато масштабы их были грандиозные (рис.267б). Вскоре после них мы выехали на выровненные верха высокогорной тундры, где господствовала уже иная цветовая гамма – жёлто-пожухло-коричневая со светло-зелёными полями кустарников на склонах. Основу этих кустарников составлял курильский чай (*Dasiphora fruticosa*) и уже хорошо знакомый мне багульник, или рододендрон даурский (*Rhododendron dahuricum*). Первый из них был усеян жёлтыми цветами, а вот второй уже отцвёл – не было и следов той красоты, которая так поразила меня в лесах Приморского хребта три недели назад. Последнее обстоятельство очень затруднило нам поиски второго вида (*Rhododendron adamsi*), которого здесь называют сагандалю и очень ценят как ароматную прибавку к чаю, к тому же обладающую сильным тонизирующим действием. Цветочек этот (вместо аленького цветочка) заказала мне дочь Ира, которую в 1986 г. угощали этим целебным зельем Фёдоровы на Байкале. Когда я рассказал об этом Юре, он пообещал, что мы обязательно найдём сагандалю в Саяне. И вот теперь он тщетно обходил поросшие кустарником склоны в поисках хотя бы одного цветущего кустика – без этого установить видовую принадлежность очень сложно. И только через час он наткнулся на единственный цветочек, и я тут же произвёл небольшие заготовки, несмотря на усиливающийся дождик (потом при каждом удобном случае просушивал свой товар). Вскоре дождь усилился, и нам пришлось спешно регироваться вниз. Обрато ехали под проливным дождём, который лишь временами предоставлял нам «окна» по 10-20 мин.

Птиц во время этой поездки видели мало. В лесу во-всю распевали зелёные (*Phylloscopus trochiloides plumbeitarsus*) и корольковые (*Phylloscopus proregulus*) пеночки, здесь же слышались песни белошапочной овсянки (*Emberiza*

leucocephala), пятнистого конька (*Anthus hodgsoni*) и глухой кукушки (*Cuculus saturatus*), встречались выводки черных ворон (*Corvus corone*), певчих дроздов (*Turdus philomelos*) и чижей (*Spinus spinus*). А наверху, на озере Ильчир, видели пару чернозобых гагар (*Gavia arctica*) и наблюдали их ток; слышали песни горного конька (*Anthus spinoletta*) и пеночки-таловки (*Phylloscopus borealis*), а однажды – нормальное кукование обыкновенной кукушки (*Cuculus canorus*) – впервые за всю поездку! В одном месте, показывая на скальный монолит вершины, возвышающейся прямо из покрытого хвойным лесом склона, Юра сказал, что в прошлый раз видел здесь большую чечевицу (*Carpodacus rubicilla*), которая явно носила корм от леса вверх, на скалы! Странное это было место для гнездования такой высокогорной птицы, но и птица эта практически не изученна, особенно подвид *C.r. kobdensis*, который обитает в Западном и Восточном Саяне.

Вот так, под проливным дождём, почти безостановочно мы проехали Тункинскую долину, через перевал западнее Слюдянки вышли на Байкальскую трассу и в 2 часа ночи 24 июня прибыли в Култук, потревожив мирно спящих супругов Сониных, с которыми до этого уже как будто распрощались. Безуспешно прождав весь день 24 июня машину из Байкальска (Юра за это время успел съездить в Слюдянку и закончить, наконец, мою регистрацию, получив назад мой паспорт, без которого я путешествовал 24 дня!), мы переночевали в Култуке и 25 июня поездом уехали в Иркутск, где он меня поселил в «хостеле» на улице Марата, 13 – у той самой Лены, с которой мы случайно познакомились в «Мотане» на Кругобайкалке, когда она в окно показывала американцу на Рериховский центр. Тогда они с Юрой обменялись визитками, она рассказала, что занимается приёмом туристических групп и отдельных туристов, для чего переоборудовала свою 3-комнатную квартиру (а сама живёт у родителей).

В одной из трёх комнат этого «хостела», как называла его сама хозяйка, уже жили две девушки норвежки с переводчицей Леной-маленькой (в отличие от рослой хозяйки), в другой «жил» компьютер, который почему-то не выключали круглые сутки и лишь изредка приходил какой-то парень, чтобы поработать на нём часок. В третью комнату Лена поселила меня с углозубами и мокрой сагандалей, которую я тут же разложил для просушки. А углозубов, наоборот, надо было увлажнять, как и мох, в котором они должны были прятаться. Общая кухня, на которой было всё необходимое для приготовления пищи, позволяла каждому вести своё нехитрое индивидуальное хозяйство в виде завтрака и ужина. Дом располагался в центре и совсем недалеко от набережной Ангары, что я выяснил, когда пошёл провожать Юру. По дороге он объяснил, что с квартирой у них – проблема: они живут в одной комнате вчетвером, с женой и двумя взрослыми сыновьями!

На следующий день мы с Юрой съездили на автобусе в Листвянку, чтобы глянуть на этот центр байкальского туризма и посмотреть лимнологический музей. Для меня это была последняя возможность ещё раз взглянуть на Байкал и попрощаться с ним. Музей мне очень понравился, это был своего рода аквариум, в котором можно было видеть живых обитателей этого уникального озера: и легендарных омулей (*Coregonus autumnalis migratorius*), и белых байкаль-

ских хариусов (*Thimallus arcticus brevipennis*), и байкальских осетров (*Acipenser baerii baicalensis*); гигантских гаммарусов (*Acanthogammarus reichertii*) и даже байкальскую нерпу (*Phoca sibirica*). А сам посёлок состоял из одной длинной, около 3 км, улицы Суворова, по сути, набережной вдоль берега Байкала, с яркими домами, расположенными по одну сторону улицы, у подножья лесистого склона. Здания как будто соревновались между собой в оригинальности форм и яркости окраски. Лишь одно из них было дощато-бревенчатое из потемневшего дерева, и на нём висела табличка, что это научно-информационный центр Прибайкальского национального парка. Влекомые чувством солидарности, мы зашли в этот центр, тем более что в нём работал наш общий знакомый Юрий Иванович Мельников. Однако по случаю субботы его там не оказалось.

Последний день, 27 июня, был посвящён знакомству с городом Иркутском, которого я ещё толком не видел, хотя слышал о нём предостаточно. Этот пятый по величине город Сибири и второй после Красноярска город Восточной Сибири (в 2010 г. в нём проживало 587 тысяч человек) основан как острог в 1661 году. За 350 лет своего существования он прошёл славную историю. Долгое время Иркутск был купеческим городом, процветавшим на российско-китайской торговле, а позднее – на золотопромышленности; местом политической ссылки; был центром Сибирского, а затем Восточно-Сибирского генерал-губернаторства Российской империи. Не обошли его и революционные потрясения XX ст. Богаты культурные научные и традиции этого города, здесь много лет успешно работало Сибирское отделение Русского географического общества. Видимо поэтому на стыке XIX и XX в. его нередко называли «Восточным Парижем», «Сибирским Петербургом» и даже «Сибирскими Афинами». А в 1931 г. город чуть было не переименовали в Ворошиловск (по случаю визита в Иркутск этого наркома), но обошлось. Сами иркутяне любят называть свой город столицей Восточной Сибири, столицей Приангарья, столицей Прибайкалья.

Прекрасно знавший свой город Юра провёл меня по его центру, комментируя самые интересные места. Начали мы с набережной Ангары рядом с нашим «хостелом». Здесь Юра в первую очередь показал мне памятник императору Александру III, возвращённый на своё место совсем недавно (весь советский период он валялся где-то в подвалах, а на его место была поставлена высокая прямая стела, которую остроумные иркутяне прозвали «мечта импотента»). Сейчас император стоит, как и 100 лет назад, и у его постамента играют дети, гуляют парочки, а на лавочках вокруг отдыхают старики.

Среди множества осмотренных зданий мне запомнились по выразительности своих форм бывшее здание Сибирского отделения Императорского Русского географического общества, с перечнем на фасаде фамилий выдающихся учёных и путешественников – Гумбольдт, Крашенинников, Миддендорф, Паллас (теперь это краеведческий музей); здание Института благородных девиц (сейчас – библиотека); здание Иркутского областного театра юного зрителя имени А. Вампилова с поставленным рядом памятником драматургу; дом Волконских на переулке Волконского, 10 (теперь это филиал Музея Декабристов), а также много старых купеческих рубленых зданий – так называемых «доходных домов».

Посмотрели мы также несколько церквей, в том числе и исторический Свято-Харлампиевский храм, в котором 5 марта 1904 года венчался со своей супругой Софьей Фёдоровной Омировой (приехавшей из самого Петербурга!) будущий адмирал Александр Васильевич Колчак, прибывший специально для этого с Крайнего Севера. Эта история, рассказанная в подробностях Юрой, запомнилась своей необычностью, романтичностью, как и вся неординарная фигура «Верховного правителя России». Только сейчас, спустя десятилетия, мы узнали, что за человек был скрыт от нас за этим ярлыком: русский учёный-океанограф, один из крупнейших полярных исследователей конца XIX – начала XX веков, военный и политический деятель, флотоводец, с 1906 г. действительный член императорского русского географического общества. И только с 1918 г. – адмирал, вождь Белого движения, Верховный правитель России... Чего стоят одни полярные экспедиции 1900-1909 гг. В 1909 г. Колчак организовал экспедицию, которая проложила маршрут Великого Северного морского пути от Санкт-Петербурга до Владивостока.

Колчак – автор фундаментального научного труда «Лёд Карского и Сибирского морей», награждённый Русским географическим обществом Большой Константиновской медалью (1906), лектор Морской академии (1908), автор теоретического труда «Какой нужен России флот», участник обороны Порт-Артура в годы русско-японской войны (он командовал последней действующей батареей гарнизона), георгиевский кавалер, Верховный главнокомандующий Русской армией. И всё это он успел за 45 лет, будучи расстрелян 7 февраля 1920 г. в Иркутске...

Только в начале XXI века, по мере переоценки ценностей и восстановления трезвого подхода к истории, потомки стали воздавать должное многим выдающимся предкам, которые попали в горнило революционных событий начала XX столетия. Постепенно вспомнили и Александра Васильевича Колчака. В 2002 г. в Санкт-Петербурге, на здании Морского корпуса, который окончил А.В. Колчак, была открыта мемориальная доска. К 130-летию со дня рождения Колчака 4 ноября 2004 г. в Иркутске ему был установлен памятник – недалеко от места, где он был расстрелян. Памятник был освящён Вадимом, архиепископом Иркутским и Ангарским; в честь адмирала были произведены орудийные залпы, всего 130 – по числу лет со дня рождения. На открытии памятника известный русский писатель Валентин Распутин сказал, что народ должен помнить таких людей, как Колчак, при всей неоднозначности их деяний. В 2007 г. в здании Иркутской тюрьмы был открыт Музей истории Иркутского тюремного замка имени А.В. Колчака, а в нём – экспозиция в бывшей камере Александра Колчака. Наконец, 6 февраля 2007 г. в Иркутске на бывшем здании Сибирского отделения Русского географического общества, где А.В. Колчак читал доклад об Арктической экспедиции 1901 г., рядом с именами других ученых и исследователей Сибири восстановили уничтоженную после революции почетную надпись в честь Александра Колчака.

Вот такими знаниями обогатился я во время экскурсии 27 июня. И мне захотелось посмотреть и памятник Колчаку и его мемориальную камеру в тюрьме, однако времени на это уже не осталось. Юра высказал предположение, что к памятнику можно будет заехать завтра утром, по пути в аэропорт. А закончилась

наша экскурсия посещением ещё одного старейшего иркутского орнитолога – Станислава Ивановича Липина, соавтора В.Д.Сонина в той самой статье о славке-завирушке, которой я пользовался ещё в 80-х гг. Показав мне оригинальное многоэтажное современное здание со стеклянной дугообразной изогнутой стеной, Юра сказал, что иркутяне прозвали его «кривая линия партии», а тротуар около него, где продавали свои картины местные художники, получил прозвище «панель».

Рис. 268. Ю.А. Дурнев в кабинете у С.И. Липина

Показывая мне это место, Юра заметил, что здесь обычно продаёт свои миниатюры и Стас Иванович, который, по его собственным словам, выйдя на пенсию, «пошёл на панель».

Не найдя здесь С.И. Липина, Юра позвонил ему домой и договорился о встрече, сказав мне, что это совсем рядом. Пока мы шли эти пару кварталов, Юра успел поведать мне, что миниатюры свои Стас Иванович продаёт по единой и очень низкой цене – по доллару за штуку, так что подолгу стоять на «панели» ему не приходится: туристы разбирают их сразу, а некоторые заказывают целую партию. И ещё одна особенность: рисует Стас Иванович не кистями, а... пальцами! Словом, заинтригован я был настолько, что когда гостеприимный бородастый хозяин провёл нас в свой кабинет, мне стоило большого труда не спросить его сразу же о картинах, а поддерживать светскую беседу – о здоровье, о том, когда мы последний раз виделись, как сейчас выглядят Алма-Ата и т.д. Сфотографировались на память, поговорили о птицах, о делах местного университета и Иркутского НИИ эпидемиологии и микробиологии, где много лет проработал С.И. Липин, недавно отметивший 78 лет. И только потом Юра сказал, что я интересуюсь его миниатюрами, и попросил их показать. Вынеся из другой комнаты несколько листиков размером 10-15 см, Стас Иванович разложил их передо мной. Это были горные пейзажи – один лучше другого. Я долго смотрел на них, как замороженный, пока не услышал вопрос хозяина: «Какая из них Вам нравится?». Нравилась все, и мне трудно было остановиться на какой-нибудь одной. Наконец, я выбрал рисунок, на котором заснеженная вершина Саян чётко выделялась на фоне чёрного (видимо, ночного) неба, а внизу шла узкая полоса жёлтого осеннего леса. Станислав Иванович вставил её в скромную деревянную рамку (их у него оказалась целая горка), расписался на обороте и подарил мне на память о встрече...

Вечером того же дня мы попрощались с «хостелом» и его гостеприимной хозяйкой, и Юра отвёз меня к Виталию Дорофеевичу Сониному в его городскую квартиру, от которой было совсем близко до аэропорта. На этом настояли сами хозяева – Виталий Дорофеевич и Любовь Иннокентьевна – не только в силу

своего замечательного гостеприимства, но и потому ещё, что Виталий Дорощевич хотел показать мне свои коллекции, о которых он не раз рассказывал в Култуке. Обсаженный красивыми берёзами двухэтажный особняк был очень хорошо распланирован: на первом этаже – гостиная и достаточно просторная кухня, а на втором, куда вела крутая деревянная лестница, – несколько спальных комнат и кабинет хозяина (а всего в доме 7 комнат!). Коллекционером Виталий Дорощевич оказался заправским и очень даже разносторонним. Помимо коллекции птичьих яиц мне особенно запомнилась его просто фантастическая коллекция монет (глядя на неё, я понял, что то собрание денежных знаков, которое я начал в момент развала Советского Союза и продолжил во время своих зарубежных поездок, – просто безграмотный детский лепет...). Здесь всё было чётко систематизировано, разложено в соответствии с каталогами в особые ящики специального шкафа – тоже, кстати, сработанного руками хозяина! Не один час смотрели мы эти сокровища, которым место – в хорошем музее. А с окна кабинета открывался вид на последний иркутский закат – ведь завтра я уже буду в Алма-Ате...

Утро 28 июня «порадовало» нас морозящим дождиком, но я всё же попросил заехавшего за мной С.В. Пыжьянова завернуть по пути к памятнику А.В. Колчаку у Знаменского монастыря, что он и сделал. Правда, к этому времени дождь усилился и снимок у меня не получился. Однако сама фигура адмирала, стоящего во весь рост под дождём (высота памятника более 5 м), запомнилась. Кстати, совсем близко оказался и памятник Григорию Ивановичу Шелихову (1747-1795) – русскому купцу и мореплавателю, возглавлявшему экспедицию 1783-1786 гг. в Русскую Америку (на Аляску и прилежащие острова), в ходе которой были созданы первые русские поселения в Северной Америке. Он же в 1781 г. основал «Северо-Восточную компанию», которая в 1799 г. была преобразована в Русско-Американскую торговую компанию. За эти заслуги на памятнике, сооружённом на его могиле, высечены пространные, принадлежавшие перу Гавриила Державина и И. Дмитриева эпитафии, начинавшиеся словами: «Здесь в ожидании пришествия Христова погребено тело по прозвищу Шелихова, по деяниям бесценного, по промыслу Гражданина, по замыслам мужа почтенного разума обширного...».

К сожалению, в Иркутскую тюрьму, где была открыта мемориальная камера узника Колчака, мы уже не успевали, и взамен этого Сергей Владимирович подвёз меня к новейшему памятнику маршалу Г.К. Жукову, на фоне которого я его и сфотографировал. Когда я рассказывал об этом подымавшему прямо в аэропорт с бочонком байкальского омуля Юре Дурневу, он как-то задумчиво сказал: «А кто может сказать, кто из этих двоих военачальников (имелись в виду Колчак и Жуков) пролил больше человеческой крови?». Меня поразила эта простая мысль, никогда не приходившая мне в голову...

Так завершилось моё байкальское путешествие – одно из самых удивительных и замечательных (и не только потому, что оно было последним). Даже сейчас, спустя три года, я отчётливо помню каждый день и каждую встречу – и с Байкалом, и с людьми.

Три четверти века – ещё не предел?

Чем дольше живём мы, тем годы короче,
Тем слаше друзей голоса...
Святая наука – расслышать друг друга
Сквозь годы на все времена...

Булат Окуджава

Байкальское путешествие окончательно убедило меня в срочной необходимости оперировать катаракту, которая уже пышно расцвела на обоих глазах, и всё вокруг мне представлялось в желтовато-мутном виде. Это постоянно раздражало и мешало работать. Выслушав около десятка советов, где лучше всего делать операцию, я объездил эти места (12-я поликлиника, железнодорожная больница, глазной институт) и выбрал последнее, о котором было наибольшее число положительных отзывов и где в платном отделении мне дали исчерпывающую консультацию и направили на анализы. Когда врач-консультант предложила мне на выбор две разновидности американских мягких линз для замены хрусталика, я выбрал ту, под названием «Restore», которая восстанавливала зрение и позволяла после операции обходиться без очков (хотя до этого я уже пользовался очками лет 20 и последнее моё «достижение» было +4.5). Узнав цену (полмиллиона тенге), я чуть было не передумал, но обе дочери сказали, что экономить на глазах нельзя и надо ставить именно эти линзы, даже если потребуются их финансовая помощь. К счастью, она не понадобилась.

В итоге 13 июля 2010 г. хирург-виртуоз Галия Махмудовна Есенжан сделала мне операцию на левом хрусталике, а через неделю, 20 июля – на правом. В промежутке между этими датами в столице Казахстана городе Астане была открыта ультрасовременная глазная клиника, куда пригласили Галию Махмудовну и предложили ей заведовать этой клиникой, что немного напугало меня, так как не хотелось, чтобы другой глаз оперировали другие руки. Но она вовремя вернулась и всё сделала в лучшем виде. Меня же восхищало здесь всё: и то, что такая сверхточная операция (в микроскопический лазерный разрез в хрусталике отсасывается прежняя жидкость, а взамен вставляется свёрнутая в трубочку мягкая искусственная линза, которая там разворачивается!) делается амбулаторно, т.е. через час после операции и осмотра её результатов хирургом пациент уходит домой и в дальнейшем наведывается в клинику только на процедуры. И спокойное и в то же время внимательно-уверенное отношение врача, и стерильность в клинике.

Только после операции, посмотрев в компьютере свои байкальские фотографии, я понял, почему так восхищаются ими все мои домашние и знакомые, которым я их за это время успел показать. Можно сказать, что только теперь по-настоящему я смог оценить краски Байкала. Уже тогда мне хотелось описать эту поездку, тем более что записывал в пути я в этот раз, против обыкновения, довольно мало, предпочитая фотографировать.

Какое-то время после операции надо было побережь глаза, не давая им полную нагрузку, но долго я так выдержать не мог и через месяц уже работал за

компьютером. Основной для меня в это время стала работа над выпуском Селевинии за 2010 год – год столетия со дня рождения Марии Алексеевны Кузьминой. Вот так незаметно подошли эти столетние юбилеи наших корифеев – сначала Долгушин, потом Кузьмина, а за ней – и Корелов. Конечно, масштабы этих личностей были разные, и невозможно было посвятить столетию Марии Алексеевны целую международную конференцию, но вклад её в орнитологию Казахстана был достаточно велик и отметить его надо было обязательно. К тому же о ней у меня сохранились самые тёплые воспоминания, как об очень добром и удивительно скромном человеке. Она в свою очередь относилась ко мне по-матерински ласково, а сын её Юра всегда говорил мне: «Ох, и любит тебя Лексевна». Всё это не давало возможности отнестись формально к её жизнеописанию, которым я решил отметить её столетие, посвятив ему очередной выпуск нашего ежегодника. Поскольку от Юрки мало чего можно было добиться о далёком прошлом *М.А.*, пришлось обращаться к его сестре, дочери Марии Алексеевны – Татьяне Николаевне Саловой, которая мне очень помогла.

Параллельно приходилось работать и с только что начатым новым обзором птиц Казахстана в тридцатитомной серии «Фауна Казахстана». Знакомство с аналогичными изданиями типа «Фауна СССР», «Фауна Украины», «Фауна Узбекской ССР», «Фауна Таджикской ССР» показывало не только достоинства одних и недостатки других, но и дало представление о том, чем же должно это новое описание отличаться от прежней фаунистической сводки «Птицы Казахстана», кроме того, что в нём должны быть более современные сведения по распространению и численности птиц нашей страны. В первом выпуске видовым очеркам, безусловно, должна предшествовать характеристика класса птиц, а также история изучения их в Казахстане (включая и последние 40-50 лет). Всё это я взял на себя и с большим удовольствием работал над этим весь конец года и всю зиму.

Создание Казахстанского отделения Мензбировского общества (февраль 2011)

Начало нового года ознаменовалось созданием задуманного мною ещё год назад Казахстанского отделения Мензбировского орнитологического общества, которое мы приурочили ко Дню Орнитолога, как было когда-то решено называть день создания Всесоюзного (позже – Мензбировского) орнитологического общества. Правда, в этом году 18 апреля выпало на воскресенье, поэтому нам пришлось своё Учредительное заседание провести 19 апреля. Этому предшествовало несколько месяцев приёма новых членов (по Уставу для создания регионального отделения необходимо не менее 20 членов МОО). Любопытно, что в Казахстане на 4 мая 2010 г. оставалось всего 4 члена МОО. В результате нашей разъяснительной работы среди орнитологов республики к началу 2011 года в Общество вступили ещё 27 желающих казахстанцев, членство которых было утверждено на очередном Пленуме ЦС МОО, состоявшемся в феврале 2011 г. в Москве.

Заседанию 19 февраля 2011 года, которое проходило в Малом конференц-зале Института зоологии, предшествовал опрос по электронной почте всех членов МОО, включая и иногородних. Все они единогласно высказались за создание Казахстанского отделения Мензбировского орнитологического общества. Поэтому на учредительном заседании вполне хватило 16 человек. Председателем отделения был избран А.С. Левин, заместителем – Н.Н. Березовиков, казначеем – С.Х. Зарипова.

На первом заседании Отделения 15 марта 2011 г. были заслушаны доклады: О необходимости ревизии орнитофауны Казахстана в связи с подготовкой тома «ПТИЦЫ» 30-томного издания «Фауна Казахстана» (А.Ф. Ковшарь); о состоянии гусеобразных в Казахстане (С.Н. Ерохов). Здесь же было принято решение о проведении осенью 2011 г. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Почетного члена Всесоюзного орнитологического общества – Мстислава Николаевича Корелова.

Поездка на озеро Тузколь в Центральный Тянь-Шань (1-2 мая 2011)

Вот уже два года Валя Ильашенко буквально «бомбил» меня из Москвы интересной информацией о подвидовой самостоятельности высокогорных популяций серых журавлей (*Grus grus*). Побывав в высокогорье Закавказья с армянским орнитологом Мимиконом Касабяном, он описал новый подвид, назвав его в честь нашего общего друга, руководителя Международного Фонда охраны журавлей Джорджа Арчибальда *Grus grus archibaldi*. При этом он всё время высказывал идею, что серые журавли, обитающие в высокогорье Тянь-Шаня, также, скорее всего, представляют самостоятельный подвид. И предложил мне в 2010 году вместе съездить туда в апреле-мае. Даже пришли к выводу, что мы съездим туда втроём на машине Олега Белялова. Однако у меня это не получилось – вместо этого они взяли в эту поездку Бориса Жуйко. Поездка оказалась удачной, они нашли гнёзда журавлей и в результате описали подвид *Grus grus korelovi*, дав ему русское название «тибетский». Ситуация сложилась так, что в следующую запланированную поездку 2011 года Валентин Юрьевич сам уже не смог поехать и попросил Олега Белялова хоть на день съездить на Тузколь,

Рис. 269-270. Озеро Тузколь вечером (слева) и утром: хорошо выделяется пик Хан-Тенгри

посмотреть там журавлей. Олег предложил поехать мне и Феде Карпову, и оба мы согласились. Выехали мы рано утром 1 мая 2011 года.

Ярко запомнилась мне эта двухдневная поездка на озеро Тузколь в Центральном Тянь-Шань. И хотя я бывал там дважды (с Губиным в 1994 г. и с Мюллером в 2002 г.), но всё как-то проездом, не останавливаясь больше, чем на полчаса-час. В этот раз мы поехали с ночёвкой – значит, можно сделать две полноценные экскурсии, днём и вечером. Когда вместо своего выдавшего виды красного «Рајето» Олег предложил мне сесть в какую-то маленькую легковую машину явно городского, «паркетного» вида, я был немало удивлён, тем более что за рулём сидела молодая женщина. Это была Наташа Боровая, главный редактор журнала «Ветер странствий», увлечённая бёрдвотчингом и в последнее время принимавшая очень активное участие в орнитологических делах, в том числе в создании Казахстанского отделения МОО. Но в данном случае ни машина, ни водитель как-то не вязались с поездкой в высокогорье. Правда, вскоре за руль сел Олег, и я начал верить в успех нашей поездки. Однако, после подъёма на Кегеньский перевал, где мы дали машине время передохнуть, фотографируя степных пустельг (*Falco naumanni*) около небольшой их колонии, устроенной прямо в искусственном скальном обрыве над дорогой – машинка стала чихать и кое-как добралась до посёлка Кегень, где её пришлось ремонтировать при помощи местных умельцев, на которых надежды было ещё меньше. Тем не менее, после часа сплошных «консилиумов» (здесь собрались водители всех местных частных такси) мы всё-таки поехали и без приключений добрались до места.

Яркая солнечная погода, свежая весенняя зелень степи и только что прилетевшие яркие золотистые шурки (*Merops apiaster*) и коноплянки (*Acanthis cannabina*) на проводах, а также песни жаворонков создавали какое-то особенное, праздничное настроение в этот день, бывший когда-то праздником международной солидарности трудящихся. Впереди открывались панорамы гор – одна заманчивее другой. А котловина озера Тузколь в этот раз показалась мне какой-то особенно красивой, хотя за облаками не было видно главного украшения – пика Хан-Тенгри. Впрочем, ближе к вечеру и он – сама верхушка – тоже прорезался среди белой облачной массы, создавая впечатление парящей вершины.

Вскоре на кочковатом болотистом берегу мы встретили пару серых журавлей и нашли их гнездо с двумя яйцами, а вокруг оказалось скопление из нескольких десятков огарей (*Tadorna ferruginea*) – день явно складывался удачно,

Рис. 271-273. Олег Белялов и Федя Карпов с трубой; кладки красавки и серого журавля. Тузколь, 1 мая 2011 г.

хотя его и оставалось пару часов. На ночь стали около небольшого родника, вытекавшего из-под скального выступа и явно обладавшего признаками радона. За ужином вспомнили, что это место описывал в одной из своих книжек Владимир Николаевич Шнитников, также ночевавший здесь около 100 лет назад. Интересно было представить себе, что было здесь 100 лет назад.

А ночью в нашей машинке сработала сигнализация! Убедившись, что никто из нас ночью машину не посещал, мы только пожали плечами: чужим здесь взяться неоткуда... Рано утром, ещё по темноте, Олег сказал вполголоса: «А Хан уже виден». Сон как рукой сняло! Отвернув полог палатки, я действительно увидел в серых сумерках остроконечную белую пирамиду, уходящую в небо. Пока видение не исчезло, я стал лихорадочно доставать фотоаппарат. На сделанных нескольких снимках Хан-Тенгри был едва виден, но я был счастлив – ведь с восходом солнца его могли снова закрыть облака, как это обычно и бывает. Однако не сей раз Небеса были благосклонны к нам: величественный Хан-Тенгри чётко вырисовывался на совершенно безоблачном небе ещё не менее двух часов! Только вволю наснимавши это чудо, я вспомнил о завтраке. А вокруг нас непрерывно токовала в воздухе каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*). После завтрака, обходя озеро с другого конца, на высоком бугре обнаружили гнездо журавля-красавки (*Anthropoides virgo*), которое совсем потрясающе смотрелось на фоне пика Хан-Тенгри (если лечь на землю!). Утро было и впрямь волшебное: ясно, ни облачка, и абсолютный штиль; на озере – зеркальная поверхность. Так бы никуда и не уезжал! Но предстояло ещё 300 км пути в обратном направлении, так что около 11 часов нам пришлось распрощаться с Тузколем.

И только захав на обратном пути в Карачингиль, к Икару Бородихину, мы узнали, что вчера, 1 мая, было довольно сильное землетрясение! Возбуждённый Икар в красках описывал, как трещали и наклонялись соседние жилые строения, а показывая на стоящий у его ворот мощный трактор К-700, говорил, что он вдруг запрыгал, как лягушка!. Так вот почему сработала сигнализация в нашей машине! А мы, спящие на земле, ничего так и не почувствовали. Оказалось, что землетрясение началось ещё утром, когда мы ехали по трассе – в таком состоянии быстрого движения его можно было легко не заметить...

И снова родной Аксу-Джабаглы и Чокпак! (5-10 сентября 2011)

Ранней осенью мне посчастливилось ещё раз побывать в Аксу-Джабаглы. Виктория по заданию Гослескомитета проводила там обучающий семинар по ведению летописи природы для работников охраняемых природных территорий и предложила мне тоже прочитать там лекции на эту тему, а также общую лекцию о животном мире Казахстана.

Семинар состоялся с 5 по 9 сентября 2011 г., что давало нам с Витой возможность посетить соседний Чокпак, где собирались праздновать 45-летний юбилей станции и 75 лет Икара Бородихина. К этому празднику готовились ещё с весны и одно время мы даже были уверены, что специально поедем всей лабораторией орнитологии и герпетологии.

В семинаре приняли участие 25 сотрудников ООПТ Казахстана: из 10 заповедников (Аксу-Джабаглы, Алматинский, Каратауский, Барсакельмесский, Маркакольский, Западно-Алтайский, Маркакольский, Устюртский, Наурызумский, Кургальджинский), из 11 национальных парков (Баянаульский, Каркаралинский, Иле-Алатауский, Катон-Карагайский, Чарынский, Жонгар-Алатауский, Сайрам-Угамский, Кокшетау, Буйратау, Алтын-Эмель, Колсай-Колдери), двух государственных природных резерватов (Акжайык и Иргиз-Торгай) и двух государственных лесных природных резерватов («Ертіс орманы» и «Семей орманы»). Мне пришлось прочитать две лекции-презентации: «Заповедное дело в Казахстане: вчера, сегодня, завтра» и «Животный мир Казахстана и проблемы его сохранения» (А.Ф. Ковшарь), что соответствовало моим главным интересам и было мне самому приятно. Потом пошли методические занятия: «Методики наблюдения за птицами в природе, заполнение летописи природы, орнитологическая тематика в заповедниках» (Виктория), «Методики наблюдения за млекопитающими в природе, ведение летописи природы, териологическая тематика в заповедниках» (мы с Леной Чаликовой), «Методики наблюдения за растениями в природе и ботаническая тематика в заповедниках» (Рая Туреханова), а 9 сентября в ущелье Талдыбулак проведены практические занятия по фенологическим наблюдениям в (Р. Туреханова). Здесь я встретил давних знакомых – Александра Ивановича Минакова, работавшего когда-то в Кургальджинском заповеднике; Александра Николаевича Ивасенко, который в 1999 г. возил нас с Гисцовым в Астрахань и Ельдоса Исмагулова – заведующего научной частью Заилийского нацпарка. Новыми для меня были знакомство с Жаскайратом Нурмухамбетовым из Устюртского заповедника и Натальей Преминой из Западно-Алтайского заповедника

Весь день 8 сентября был отведен на экскурсию в урочища Кши- и Улькен-Каинды, причём туда нас отвезли на машине до домика Тризны, а обратно мы, совершив кольцо через арчевники и луга Улькен-Каинды и пообедав в домике Тризны, пешком вернулись на кордон Джабаглы. Конечно, ноги от такого мар-

Рис. 274. Участники семинара на кордоне Талдыбулак

Рис. 275. Виктория ведёт семинар

Рис. 276. Виктория и Людмила Михайловна Одинцова

Рис. 277. Е.М. Белоусов

шрута по крутым склонам отваливались даже у меня, казалось бы, привыкшего к этим местам. Но удовольствие от посещения таких красивых и родных мест было ни с чем не сравнимым и запомнилось надолго...

К вечеру 9 сентября мы с Витой были уже на Чокпаке, где съехалось много народу – большинство старые знакомые, чокпацкие ветераны. Из Алма-Аты приехали орнитологи Икар Бородихин, Анатолий Левин, Володя Березовский, Сергей Ерохов, Олег Белялов, Андрей Коваленко; паразитологи Рахман Абелькариев и Турганбай Нурланович Досжанов – оба не один сезон работали здесь, причём Досжанов обязан Чокпаку доброй половиной материалов для своей докторской диссертации по мухам-кровососкам (Hirroboscidae), а приехавшая с ним Зауре Саякова полностью собрала здесь материал по перьевым клещам для своей кандидатской диссертации. Были здесь и алматинские члены Мензбиревского общества Андрей Панов и Наташа Боровая, председатель общества любителей птиц «Ремез» Игорь Седин, а из Джамбула – Володя Колбинцев и председатель союза соколятников, фамилию которого я уже забыл...

Из Ташкента прибыли Олег Митропольский с внуком Максимом, из далёкого Калининграда – старый чокпаковец Толя Сема, приехавший на такой же праздник и пять лет назад. Но самым неожиданным для меня было появление Алексея Александровича Пускарчика – всё такого же непоседливого в свои 85 лет! Это был самый первый ангел-хранитель наших орнитологов здесь 45 лет назад. К нему на станцию Чокпак, где он работал директором школы (а его жена – учительницей) мы постоянно ходили – то за продуктами, то посмотреть по телевизору матчи на первенство мира по хоккею, а уезжая, оставляли в его дворе и пристройках большую часть своего лагерного имущества, чтобы следующей весной получить его обратно в целости и сохранности. Он был всем нам как родственник – так же как потом Кузурбай Коргонбаев, которого уже давно нет, хотя он и моложе Пускарчика. Из Аксу-Джабаглы прибыли орнитологи Евгений Белоусов и Лена Чаликова. Словом, народу собралось так много, что трое хозяев-устроителей этого праздника (Андрей Гаврилов, Алмат Абаев и Сырымгуль Зарипова) просто растворились среди своих гостей, как и двое их помощников из местных жителей.

Праздник состоялся в красивой, расшитой палатке-шатре, а вся лесополоса вокруг была уставлена спальными палатками – как в старые добрые времена.

Рис.278. Празднование 45-летия Чокпака и 75-летия Икара. Чокпак, 10 сентября 2011 г.
Фото О.В.Белялова

Юбиляру Икару подарили пуховку и тут же торжественно его в неё нарядили. Звенела гитара, на которой аккомпанировал себе Левин. Много было речей и вина, были напитки и покрепче.

Пили и за здоровье самого главного чокпакчанина Эдуарда Ивановича Гаврилова, прикованного к постели в далёкой Алма-Ате, и не ведали, что совсем скоро придётся пить за упокой... Как всегда в жизни – не знаешь, что будет завтра. А назавтра в прямом смысле Андрей срочно уехал в Алма-Ату и 13 сентября вечером позвонил мне: «Приезжайте, отец совсем плох». Утром 14 сентября мы с Витой поехали к нему домой, здесь я видел его в последний раз. Он уже не узнавал нас, не реагировал и сам был неузнаваем. Через два дня нашего Эдика не стало... Из нашей «львовской пятёрки» остались мы с Икаром.

Волгоград, Ахтуба и озёра Эльтон и Баскунчак (октябрь 2011)

В октябре мне посчастливилось впервые побывать в знаменитом Сталинграде (ныне – Волгоград), где 11-16 октября 2011 г. проходила международная конференция памяти академика П.С. Палласа под названием «Журавли Палеарктики: биология, охрана, управление», организованная нашей Рабочей группой по журавлям Евразии (**РГЖЕ**).

Всю подготовку к этой конференции взяла на свои хрупкие плечи Лена Ильешенко – директор нашей рабочей группы, оставив на мою долю как президента РГЖЕ в основном представительские функции (иными словами – роль свадебного генерала). Кажется, я уже начал привыкать к такому положению дел, хотя вначале было как-то не по себе... На месте в Волгограде все организационные хлопоты взяла на себя вторая Лена – Елена Гугуева, встречавшая нас в аэро-

порту. Вот эти две Лены и сделали всё возможное для того, чтобы участникам конференции было удобно и интересно. Разместили нас не в самом городе, а в спортивно-оздоровительной базе педуниверситета «Марафон» в живописном месте на берегу р. Ахтубы, на территории «Волго-Ахтубинского природного парка» в северной части Волго-Ахтубинской поймы, образованной рекой Волгой и ее большим рукавом Ахтубой. Здесь в живописном лесу, мы жили в красивых двухэтажных коттеджах, на которых заранее были вывешены таблички с фамилиями жильцов, что само по себе было довольно хлопотно для устроителей, но удобно постояльцам. В первый же вечер, пока встретивший нас автобус заехал на железнодорожный вокзал за следующей партией приехавших, мы в ожидании прибытия поезда совершили небольшую прогулку по вечернему Волгограду, соприкоснувшись с таким бережным отношением к истории, как объявленный памятником столетний дуб, обгоревший во время Сталинградской битвы. А вечером в лагере на Ахтубе обе Лены – Ильешенко и Гугуева – устроили нам сюрприз: в столовой после ужина каждая делегация представляла своё фирменное угощение, привезенное с собой: волжане – рыбные блюда, которые рекламировал хозяин этих мест Василий Федотович Чернобай; сибиряки – кедровые орехи, узбеки – курагу и кишмиш... Даже иностранцы привезли – кто самодельные напитки, кто закуски. Всё это было ново, необычно и внесло большое оживление в процесс взаимного знакомства.

Открытие конференции состоялось очень торжественно – в здании областной Думы, где у каждого из нас тщательно проверяли документы. На нём присутствовал оказавшийся здесь проездом представитель Комитета МАБ России Валерий Михайлович Неронов – мой старый знакомый, подаривший мне здесь ценную книгу «Чужеродные виды млекопитающих в экосистемах России» (2008). А представительница проекта ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия водно-болотных угодий Нижней Волги» Наталья Викторовна Бебих подарила мне объёмистую и хорошо иллюстрированную книгу Германа Михайловича Русанова «Птицы Нижней Волги», вышедшую в Астрахани в этом году (2011).

Все остальные заседания проходили в здании Волгоградского социально-педагогического университета, ректор которого принял наш Оргкомитет в своём рабочем кабинете и познакомил со своим оригинальным и неординарным вузом. Впечатляющим был как сам рассказ ректора, так и подаренный нам большой альбом, повествующий об истории и достижениях этого вуза. Дополнительная экскурсия по его корпусам убедила нас в том, что в альбоме этом написана чистая правда. Особен-

Рис. 279. Эмблема конференции

но поразил спортивный зал с великолепным плавательным бассейном, который уже был готов к сдаче. А оригинальность этого вуза и приставка «социально-» к его названию были обусловлены тем, что помимо общепринятых дисциплин здесь был целый факультет общественного направления, готовивший учителей по прикладным предметам, связанным с искусством, в чём мы убедились, когда на концерте во время открытия конференции студенты этого факультета показали нам целый художественный спектакль о журавлях.

В конференции участвовали 88 специалистов, представляющих 60 государственных, научных и общественных организаций из 15 государств: Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Германия, Иран, Испания, США. Турция, Франция, Чехия. Были представлены международные организации: Международный фонд охраны журавлей; Европейская рабочая группа по журавлям; Рабочая группа по журавлям Евразии и ее ассоциированные члены – РГЖ Узбекистана, РГЖ Украины; Мензбировское орнитологическое общество и его Казахстанское и Среднеазиатское отделения. Казахстан представляли – Е.А. Брагин и А.Ф. Ковшарь, Узбекистан – Е.Н. Лановенко и М.Г. Митропольский, Кыргызстан – С.В. Кулагин, Туркменистан – Э.А. Рустамов. Из зарубежных представительной была делегация Испании, в которой были орнитологи, работающие в Эстремадуре, с которыми мне довелось встречаться там более 10 лет тому назад. Приятно было также встретиться со старыми знакомыми: Алексеем Александровичем Естафьевым из Сыктывкара, Ингой Прокопьевной Бысыкатовой и Марией Всеволодовной Владимирцевой из Якутска. Обе они поразили своими обстоятельными и чёткими докладами, причём Маша сделала свой на английском языке! А Инга взяла с собой свою дочь-школьницу Надю и ежедневно проверяла выполнение уроков! И тут же удалось познакомиться с якутским орнитологом Виктором Григорьевичем Дегтярёвым, которого до этого знал только по литературе. Вот в этом-то и состоит особая прелесть таких сборищ – встреча со старыми друзьями и приобретение новых знакомых, не говоря уже об огромном информационном обогащении.

Участники конференции отметили значительный прогресс в изучении и реализации практических мероприятий по сохранению журавлей, произошедший за 4 года со времени проведения второй конференции «Журавли Палеарктики: биология и охрана» (Ростовская область, 1-5 октября 2007 г.). В обширной резолюции конференции (34 пункта) были и такие пункты как: поддержать резолюцию Седьмой конференции Европейской РГЖ о включении закавказского серого журавля *Grus grus archibaldi* в Красный список МСОП. Сам Джордж Арчибальд, как всегда принимал активнейшее участие во всех мероприятиях конференции, в том числе и в различного рода круглых столах, которые собирались каждый вечер после ужина и продолжались допоздна. Ему так понравился мой почти самодельный галстук с изображением журавля-красавки (я заказал его художнице перед долгушинской конференцией вместе с галстуком-серпокловом), что мне пришлось тут же подарить его, а он взамен подарил мне свой, который я и сейчас храню как память. Не раз мы вспоминали нашего общего друга

Владимира Евгеньевича Флинта, переселившегося, как сейчас говорят, в «мир большинства», уже семь лет назад (вот оно, время!)...

Буквально в первый день, 11 октября, устроители сделали нам экскурсию по городу Волгограду, протянувшемуся вдоль Волги на 60 км (!). Этот крупный город с населением, превысившим миллион человек, с 1589 по 1925 г. назывался Царицын, а с 1925 по 1961 г. – Сталинград; с последним именем он и вошёл в историю как место великой битвы.

Конечно же, главное и самое интересное в этом городе – исторические памятники великой Сталинградской битве. И первое, что нам предложили – посещение знаменитого Мамаева кургана (рис. 280). Мемориал открыт в 1968 г. Он состоит из скульптурных композиций, аллеи тополей, площади Стоявших насмерть, площади Скорби, зала Воинской славы, мемориального кладбища и других сооружений. Этот величественный мемориальный комплекс производит сильное впечатление. Бесчисленные ступени каменной лестницы ведут мимо каменных панно с барельефами, на которых изображены картины битвы, – туда, наверх, где стоит один из самых высоких в мире монументов под названием «Родина-мать зовёт!». Женская фигура высотой 52 м с поднятым мечом в руках стоит на высоком постаменте (общая высота памятника 87 м) и видна отовсюду. Отсюда весь Волгоград – как на ладони. Девушка-экскурсовод (кстати, студентка ВГПУ) очень квалифицировано рассказывала нам историю создания этого мемориала, возводившегося по проекту Е.В. Вучетича и Н.В. Никитина с мая 1959 по октябрь 1967 г. Фигура статуи содержит 5500 тонн бетона и 2400 тонн металлических конструкций, а меч длиной 33 м весит около 14 тонн. Первоначально меч был сделан из нержавеющей стали, обшитый листами титана. Однако сильные ветровые нагрузки грозили рано или поздно оторвать руку, державшую такой тяжёлый меч. Поэтому в 1972 г. меч был заменен на более лёгкий и прочный – из фторированной стали с отверстиями для уменьшения парусности. Сложнейшие расчёты устойчивости этой конструкции выполнены доктором технических наук Н.В. Никитиным, автором расчёта устойчивости Останкинской телебашни.

По пути на Мамаев курган мы посетили находящийся прямо в центре города Свято-Духовский мужской монастырь, интересный тем, что его руководство превратило свой закрытый дворик в некоторое подобие зоопарка, где монахи ухаживают за различными птицами – лебедями, утками, фазанами, журавлями. Журавли содержатся в вольерах, а водоплавающие – просто в бассейнах на от-

Рис. 280. Мамаев курган

Рис. 281. Фрагмент панорамы Сталинградской битвы

крытом воздухе и совсем не боятся людей, проходящих по аллеям, обсаженным различными красиво цветущими кустарниками. Объяснявший нам историю возникновения этого феномена главный монах убеждённо доказывал, что общение с птицами, уход за ними – лучший способ очищения души от всякой скверны. И действительно пребывание здесь приводит в какое-то благостное состояние души, будто ты попал в райское место (по крайней мере, в агитпункт).

Одна из достопримечательностей города – подземный трамвай, который не имеет аналогов в других городах России. Это обычный трамвай, только в центре города он проходит под землёй, где имеются подземные станции-остановки. Линия протяжённостью 17,3 км соединяет центральные районы города с промышленными северными.

Каждый из нас знал, что помимо Мамаева кургана в этом городе имеется знаменитая Панорама Сталинградской битвы. Однако по каким-то причинам посещение её не было запланировано. Не без основания решив, что здесь замешаны финансовые причины, я стал искать пути посещения Панорамы в частном порядке. Расспросы показали, что это более чем реально, так как она находится всего в нескольких кварталах от педуниверситета, где проходили наши заседания. Осталось лишь выбрать свободное время, что было не так-то просто при нашем насыщенном графике работы (а Лена Ильяшенко время от времени преподносил мне сюрпризы такого типа: «после этого кофе-брейка в начале заседания Вам надо будет вручить грамоты или призы таким-то участникам...»). Пришлось мне со своими союзниками – Сергеем Кулагиним из Бишкека и Таней Атемасовой из Харькова – потратить один обеденный перерыв на «разведку боем», т.е. поиски самой Панорамы, а второй, на следующий день, – на посещение самого мемориала, рядом с которым был и знаменитый Дом Павлова, вернее стена, которая от него осталась.

Панорама Сталинградской битвы произвела на меня и моих спутников сильное впечатление. Внизу, где находится обычный музей, с картинами и статуями известных военачальников (меня особенно интересовали Ватугин и Конев, освобождавшие Киев и Полтаву) интересно было посмотреть на выставленную технику и на портреты. Однако это были обычные музейные экспонаты, не вызывавшие особого трепета. Но стоило нам подняться на третий этаж, на смотровую площадку Панорамы, как захлестнули эмоции – будто ты участвуешь во всём происходящем. Потрясённый, я долго стоял, а потом стал медленно обходить по кругу, фотографируя те или иные «куски» боя (рис. 281). Меня поразила тишина: за час пребывания здесь я не слышал ни одного слова, хотя люди были группами, как и мы с Сергеем и Таней. Как-то забыли о том, что можно обсуждать...

У входа в панораму, откуда с высокого берега открывается вид на Волгу, – целый музей военной техники под открытым небом. Здесь и танки того времени, причём один обожжённый и заржавленный, и самолёты, и даже паровоз с вагонами, целый состав. И здесь же – большая каменная глыба с надписью «Жертвам политических репрессий». Весь город как исторический памятник Великой Отечественной войне и её жертвам...

За четыре дня проживания в пойме Ахтубы, куда мы и возвращались-то довольно поздно, а утром уезжали рано, мы так привыкли к этому красивому месту со всеми его красками осеннего леса, закатами и восходами, что утром 15 октября уезжали на очень долгожданную экскурсию на озеро Эльтон со смешанным чувством радости и сожаления. Рано утром, ещё до восхода, нас погрузили в огромный двухэтажный автобус, который даже на территорию нашего лагеря не смог проехать – пришлось нести свои вещи через весь лес (особенно неудобно было тем, у кого современные сумки и чемоданы на колёсах) и мы отправились сначала на восточный берег Волги, а потом – по степи почти прямо на восток. Там же, в степи, и позавтракали на холодном ветру, который особенно «доставал» наших не очень тепло одетых гостей (бедные испанки прятались друг за другом). Почти к полудню добрались до Палласовки, которую называют то селом, то городом – это центр одноименного административного района Волгоградской области. Здесь нас ожидал тёплый приём около памятника Палласу, где собралось много молодёжи. После речей и приветствий местный художественный ансамбль прямо перед памятником представил нам весь свой песенно-танцевальный репертуар, причём танцевали очень хорошо, а голоса оказались просто на редкость сильными. Состоялся обмен речами и сувенирами, общая фотосессия. Особенно интересно это было нашим иностранным друзьям, а председатель немецкой рабочей группы по журавлям Хартвиг Пранге всё время пытался объясниться с местными на русском языке, чего я раньше за ним не замечал.

После Палласовки была остановка около одного из сёл (название не записал!), где один местный умелец-тракторист сварил огромного металлического журавля в форме стерха!!! Здесь нас также встретила целая делегация – на этот

Рис. 282. Участники конференции у памятника П.С. Палласу в городе Палласовка. 15 октября 2011 г.

Рис.283. Колодезный журавль в виде стерха

Рис.284. Главные журавлисты России: Ю.М. Маркин и А.Г. Сорокин

раз преимущественно стариков и старух, среди которых было на удивление много казахов. Снова речи, братания и фото, традиционное питье ледяной воды из этого колодца. Саша Сорокин от имени РГЖЕ официально поблагодарил умельца за изготовление такого памятника журавлю-стерху и подарил ему плакат с изображением стерха и автографами учёных.

В конечном пункте, который так и назывался Эльгон, нас разместили в школе, где в одном из классов сделали что-то вроде камеры хранения. Здесь же накормили обедом и рассказами об истории эльгонских солевых промыслов, которой здесь посвящён целый музей. В клубе собрались местные школьники и преподаватели, перед которыми мы по очереди выступали, а Сорокин, Маркин и Настя Шилина продемонстрировали их своего механического стерха, которого они возят с собой в чемодане для подобного рода агитационных выступлений. Увидев, что в зале большинство детей – казахи, я решил приветствовать их по-казахски, что вызвало среди них немалое оживление, и немного рассказал им о Казахстане, наших заповедниках и птицах, занесенных в Красную книгу. Надо сказать, что слушали отменно, а судя по вопросам – и заинтересовались сказанным. Уже вечером в школе меня просветили, что казахов здесь – около 30%, а колонизация края в XVIII-XIX столетиях начиналась... с украинцев, в основном с чумаков, имевших опыт добывания и перевозки соли! Казахов в те времена здесь не было, но в XX веке они постепенно составили треть населения эльгонского района. Здесь же, в школе, создано нечто вроде музея казахской одежды, и некоторые наши участники не преминули облачиться в неё.

На берег озера Эльгон, до которого всего 6 км, мы выехали только ближе к вечеру. Озеро представляет собой впадину между крупными соляными куполами на крайнем севере Прикаспийской низменности, совсем недалеко от западной

границы Казахстана. Форма его округлая, площадь около 152 км², глубина летом не превышает 5-7 см. Это даже не вода, а так называемая «рапа» – насыщенный солевой раствор (NaCl, KCl) очень высокой концентрации – 200-500 г/л, что в полтора раза превышает концентрацию соли в Мёртвом море. Поверхность озера на 15 м ниже уровня мирового океана, а высшая точка местности – соляной купол Улаган – всего на 68 м выше уровня моря. Питание в основном снеговое, вода поступает по 7 сухим и сильно минерализованным руслам. На дне выходы солёных источников. Содержащиеся в воде водоросли *Dunaliella salina* придают ему красноватый оттенок. На дне, под залежами минеральных солей, есть слой сероводородной грязи, благодаря чему с 1910 г. здесь существует лечебный санаторий «Эльтон». В 2001 г. здесь создан природный парк «Эльтонский», площадью 106 тыс. га, в который вошли и само озеро, и прилегающие к нему территории целинных степей. Обо всём этом нам очень доступно и подробно рассказала Айман, экскурсовод национального парка – молодая казашка, прекрасно владеющая информацией об озере и его целебных свойствах.

Переночевав в местной гостинице, мы рано утром выехали на гору Улаган – высшую точку Приэльтона, представляющую собой пологий каменистый холм. Здесь мы с Сергеем Кулагиным сделали попытку понаблюдать птиц, но ничего интересного увидеть не удалось, кроме обыкновенных каменок (*Oenanthe oenanthe*) да мелких жаворонков из рода *Calandrella*. Зато в мелком кустарнике около каких-то развалин копошилась пролётная мелочь в виде пеночек-теньковок, чеканчиков и горихвосток, а на обратном пути видели несколько огромных пролётных стай скворцов (*Sturnus vulgaris*), поразительно меняющих свою форму на фоне серого осеннего неба (рис. 286). В наших краях давно не встречаются такие многотысячные стаи скворцов, которых везде по югу потеснила майна (*Acridotheres tristis*).

В лагерь на Ахтубе приехали поздно вечером, почти ночью, а рано утром мы отправились уже меньшим числом участников и на меньших автобусах на вторую экскурсию, к не менее знаменитому солёному озеру Баскунчак. Это самое большое (площадь 115 км²) и самое солёное (около 300 г/л) из всех известных соляных озёр мира. Находится оно на севере Астраханской области в 53 км к востоку от Волги.

Рис.285. С Джорджем Арчибальдом на Эльтоне 15 октября 2011 г.
Фото А.П. Шилиной

Рис.286. Многотысячная стая скворцов.
15 октября 2011

Это своеобразное углубление на вершине огромной соляной горы, уходящей основанием на тысячи метров в глубину земли и прикрытой толщей осадочных пород. Считается, что глубина залегания соли достигает 6 км. Питается озеро 25 ключами и пересыхающей Горькой речкой, которые приносят более 2.5 тыс. тонн солей.

Впервые озеро Баскунчак упоминается в 1627 в «Книге Большого Чертежа», первом географическом описании России, как место, «где ломают соль чистую, как лед», а уже в XVIII веке здешнюю соль отправляли по Великому Шелковому пути. Эта чрезвычайно чистая соль (99.8% NaCl) составляет до 80% от общей добычи соли в России (до 5 млн. тонн в год). Не зря это озеро называют всероссийской солонкой. На южном берегу озера находится гора Богдо – единственная возвышенность в Прикаспийской низменности; её высота достигает 130 м над уровнем моря, а подошва находится на 21 м ниже ур. м., как и поверхность самого озера Баскунчак. Здесь на небольшой территории исключительное разнообразие ландшафтов и природных комплексов: и лесистые распадки, и сухие степи, и каменистые склоны, и скалистые обрывы, и песчаная пустыня, и карстовые пещеры. На побережье озера имеются залежи лечебных глин – сульфидная иловая грязь, аналогичная по составу и действию грязи Мертвого моря. Здесь работает «Санаторий-профилакторий «Баскунчак». Учитывая все перечисленные достоинства данной местности, в 1997 г. здесь на площади 53.7 тыс. га создан Богдинско-Баскунчакский заповедник.

Всю эту обширную информацию мы получили в Музее соли, который произвёл на меня большое впечатление своими экспонатами, иллюстрирующими богатую историю этих соляных копий. Одних только разновидностей и сортов соли здесь были десятки! Не менее внушительной была и галерея портретов и биографий деятелей соледобычи. Очень интересна сама история заселения этого края, связанная с добычей соли на озере Баскунчак.

В 1718 году для вывоза соли из озера Баскунчак указом Петра I переселили из Украины и центральных районов России в Астраханскую губернию на вечное поселение около 100 украинских и русских семей – чумаков, как издавна называли возчиков соли (не случайно созвездие «Млечный путь» на украинском языке называется «Чумацкий шлях» – по этим звёздам чумаки находили дорогу домой на широких просторах Таврических степей). Переселённые чумаки возили соль с озера Баскунчак в г. Дмитриевский (ныне – город Камышин). Интересно, что с этим переселением связано и возникновение поселения Капустин Яр, в районе которого в 1946 г. был создан первый Российский космодром с тем же названием; он находится не так далеко от озера Баскунчак. Охранял переселенцев и их поселения казачий кордон (заградительный отряд) во главе с атаманом. Весть о вольных заволжских поселениях быстро разнеслась среди украинского и русского народов, и сюда потянулся беглый люд, тем более что в Астраханской губернии на землях Заволжья не было помещиков. Широкие степные просторы с хорошими пахотными землями, многочисленными рыбными озерами и ериками, лесом и разным зверьем и птицей – всё это привлекало все больше и больше деловых людей и переселенцев...

Когда мы после музея поехали к самому озеру, то из-за прошедших дождей раскисшая солёная почва не пустила наш автобус дальше 1 км – он просто забуксовал. Дальше пришлось идти пешком, причём люди разделились на две группы: одни предпочли озеру восхождение на вершину Богдо (звучит!), а другие всё же пошли посмотреть на озеро вблизи. Я пошёл со второй группой, но отделился и немного побродил самостоятельно. Конечно тех двух часов, которые были в нашем распоряжении, хватило только на то, чтобы познакомиться

с кустарниковой полупустыней и дойти до первой балочки с лесом. Но всё же общее представление об этой местности было получено. Вот только птиц так и не удалось понаблюдать по-настоящему: середина дня и не очень хорошая погода не способствовали этому. Запомнилось, что несколько раз удалось встретить явно пролётных дубоносов (*Coccothraustes coccothraustes*). А на трассе во время одной из коротких остановок мы даже поймали подранка (видимо, ударился о провода), и наши московские орнитологи забрали его с собой для комнатного содержания. Я никак не ожидал увидеть такой массовый пролёт этой лесной птицы на открытых пространствах степей и полупустынь.

Конференция к 100-летию М.Н. Корелова (Алматы, 3-4 ноября 2011)

В начале ноября, 3 и 4 числа, в нашем институте прошла конференция, посвященная столетию Мстислава Николаевича Корелова, называлась она «Актуальные вопросы орнитологии Казахстана и Средней Азии». Организовали и провели её «Союз охраны птиц Казахстана» и Казахстанское отделение Мензбирова общества при участии Института зоологии и Ассоциации сохранения биоразнообразия Казахстана (АСБК). В конференции приняли участие 64 человека, представляющие 22 государственные, научные и общественные организации: Институт зоологии МОН РК (Казахстан, Алматы), Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (Россия, Москва), Институт зоологии АН Украины (Киев), Госбиоконтроль Минприроды Республики Узбекистан (Ташкент), Центр природных инфекций Минздрава Республики Узбекистан (Ташкент), Киргизский филиал Германского общества охраны природы NABU (Бишкек), Казахский институт рыбного хозяйства (КазНИИРХ), Казахское агентство прикладной экологии (КАПЭ), ТОО «Экопроект» (Алматы), Карагандинский государственный университет, Мензбирова общество, Казахстанская ассоциация сохранения биоразнообразия, Союз охраны птиц Казахстана, Союз писателей Казахстана, Научно-популярный журнал «Ветер странствий», Экологический музей (Караганда), Этнографический музей (Усть-Каменогорск), государственные природные заповедники Аксу-Джабглы и Алматинский; государственные природные национальные парки Иле-Алатауский и Катон-Карагайский; питомник хищных птиц «Сункар».

Помимо мемориальных докладов, посвященных жизни и творчеству юбиля-

Рис. 287. Группа участников конференции. Алматы, 3 ноября 2011 г.

ра (А.Ф. Ковшарь. К столетию М.Н. Корелова; О.В. Митропольский. М.Н. Корелов – человек и зоолог; Р.Т. Шаймарданов. Роль М.Н. Корелова в изучении рукокрылых Казахстана), а также воспоминаний о нем зоологов и других работавших с ним современников, на конференции были заслушаны и обсуждены 20 научных докладов. Из них связанные непосредственно с юбиларом два доклада: «О распространении и таксономическом статусе серого журавля Корелова в горах Тянь-Шаня» (В.Ю. Ильяшенко) и «Изменения гнездовых ареалов птиц на востоке и юго-востоке Казахстана со времён В.Н. Шнитникова и М.Н. Корелова до наших дней» (Н.Н. Березовиков). Я доложил о ревизии орнитофауны Казахстана в начале XXI ст. и представил новый список птиц из 499 видов (предложив убрать из основного списка все сомнительные виды, которых набралось более 30).

Близкими кореловской тематике по духу были доклады о хищных птицах: «Нелегальная торговля соколами и темпы снижения численности популяций балобана в Казахстане (А.С. Левин), Распространение и состояние популяций хищных птиц-падальщиков в Казахстане (С.Л. Складенко), «Эксперимент по созданию искусственных гнездовий для хищных птиц в Катон-Карагайском национальном парке на Алтае» (С.В. Стариков), «Оценка влияния линий электропередач на птиц в Центральном Казахстане» (В.В. Воронова, К.К. Ким), а также мой обзорный доклад «Пустынная славка (*Sylvia nana*) в Казахстане и Средней Азии: распространение, численность, биология».

Много интересного свежего материала было в докладах «Многолетний сезонный мониторинг водоплавающих птиц на водоеме-накопителе Сорбулак» (О.В. Белялов, Ф.Ф. Карпов), «Размещение гнездовых колоний птиц в Северном Каспии в 2009-2011 гг.» (В.А. Ковшарь, Ф.Ф. Карпов) и «Результаты спутникового мечения кречеток в Казахстане» (Р. Уразалиев, Астана). Наконец, большой интерес вызвали два доклада явно провокационно-дискуссионного характера. Паша Пфандер, представлявший теперь уже Германию, выступил с докладом «Подвиды и нераспознанные скрытые гибриды у птиц (реформа системы названий организмов)», призывая реформировать линнеевскую систему животного и растительного мира (!), а Борис Щербаков (Усть-Каменогорск) выступил с очень длинным и путанным, но явно революционным докладом на тему «Новая гипотеза о происхождении перьев и эволюции некоторых птиц», в котором трудно было что-то понять, поскольку и сам докладчик явно «плавал» в своих философических построениях.

Большинство докладов были опубликованы весной следующего года, составив первый выпуск «Орнитологического вестника Казахстана и Средней Азии», который я задумал ещё в день создания Казахстанского отделения Мензбирова общества. Товарищеский ужин, завершивший официальные заседания, дал возможность тесного общения всех присутствующих, которое продлилось и на следующий день во время экскурсии на Сорбулак, проходившей в изумительно яркий солнечный день... Так благосклонно отнеслась природа (и люди) к столетнему юбилею Мстислава Николаевича.

Антонина Ивановна Горюнова (род. 1921)

Активное участие в этой конференции (как, впрочем, и в последовавших за ней) принимала старейшина казахстанских ихтиологов Антонина Ивановна Горюнова, которой в этом году исполнилось 90 лет! Я не могу не рассказать об этой удивительной женщине, самом заслуженном рыбоводе Казахстана, олицетворяющей живую историю нашей зоологии.

Антонина Ивановна родилась 12 (26) июня 1921 года в поселке Всеволодо-Вильва бывшей Пермской губернии (Россия) в семье фельдшера. По окончании средней школы училась у проф. М.И. Меньшикова на кафедре ихтиологии и гидробиологии биофака Пермского университета. С началом Великой Отечественной войны срок обучения был сокращен, и 11 сентября 1942 г. *А.И.* приступила к работе на Алма-Атинской противочумной станции в должности зоолога. Занималась отловом грызунов, затравливанием их нор и общей оценкой эпидемиологической ситуации вдоль китайской границы.

В 1944 году поступила в аспирантуру при Казфилиале АН СССР. Тему «Маринки реки Или» ей дал сам Валентин Александрович Догель. Еще до защиты диссертации зимой и летом 1944 года выполнила гидробиологическое и ихтиологическое обследование озера Зайсан. А после защиты диссертации с 1948 по 1959 г. работала в секторе водных животных Института зоологии АН КазССР. Научные интересы Антонины Ивановны всегда были переплетены с практическими аспектами – ихтиофауна и рыбохозяйственное использование Алакольских озер, реки Или, озёр Джамбулской области, Джезказганского вдхр., акклиматизация новых хозяйственно ценных видов рыб. Под непосредственным руководством *А.И.* в начале 60-х гг. обследовался озёрный фонд Целиноградской и Кустанайской областей. Результатом стали биологические обоснования на организацию озерно-товарных рыбоводных хозяйств. В 1962 г. в КазНИИРХ организована рыбоводная группа под руководством *А.И.*, в 1969 г. она преобразована в лабораторию прудового рыбоводства. Началась масштабная бонитировка озер и освоение дальневосточных растительноядных рыб. С 1975 по 1981 г. Антонина Ивановна руководила лабораторией, коллектив которой изучал вопросы озёрного рыбоводства. Ее всегда привлекали новые, нетрадиционные технологии – рыбоводство на геотермальных водах, товарное осетроводство, оценка экологического состояния водоемов по нарушениям эмбрионального развития рыб. Однако независимо от многочисленных проблем, которые решала *А.И.*, непреходящей ее любовью в течение всей научной деятельности оставались серебряный и золотой караси. «При мне о карасе нужно говорить только в превосходной степени!», – любит повторять Антонина Ивановна.

В 1948-1952 гг. *А.И.* преподавала на биологическом факультете КазГУ а в 1986-1992 гг., уже после выхода на пенсию, читала в Алма-Атинском зооветеринарном институте разработанный ею цикл лекций по основам прудового рыбоводства. Под ее руководством защищено несколько кандидатских диссертаций. С 1981 г. *А.И.* на пенсии. И в эти годы пришло второе дыхание: научные статьи она стала печатать даже чаще, чем 10-15 лет назад. Ясности ума, активности

и бодрости этого удивительного человека можно только позавидовать. Она регулярно посещает заседания Ученого совета КазНИИРХ, где всегда умеет дать дельный и своевременный совет. Уже несколько лет она увлеченно готовит исторический обзор ихтиологических и рыбоводных исследований в Казахстане, свидетелем и одним из главных участников которых ей довелось стать. Удивительно яркий очерк об истории ихтиологии в Казахстане опубликовала она в нашем ежегоднике под выразительным названием: «Почти 70 лет на службе казахстанской ихтиологии» («Selevinia» 2011, с. 223-244). На 20 страницах этого объёмистого очерка она поэтапно описала развитие ихтиологии и рыбоводных мероприятий, приводя десятки фамилий тех, кто участвовал в этих работах. Закончила она его такими словами: «Научный сотрудник оставляет о себе память в печатном слове. К сожалению, в этом плане я проявляла непростительную беспечность, особенно в молодые годы. И вот теперь, по мере сил, надо сделать хотя бы попытку наверстать кое-что из упущенного». Эти слова объясняют тот взрыв активности, который наблюдается у Антонины Ивановны и поражает всех нас. Это она убедила меня, что надо делать операцию катаракты, объяснив, что это достаточно просто и безболезненно. Помимо встреч в институте мы с ней часто говорим по телефону, и каждый раз я узнаю что-то новое, интересное. Последнее, чем она всех нас порадовала на праздновании Дня Победы 9 мая 2013 года, – её личные воспоминания о том, как 9 мая 1945 года отмечала День Победы Академия наук Казахстана, и как её первый президент Каныш Имантаевич Сатпаев танцевал почти со всеми женщинами аппарата президиума. Глядя на Антонину Ивановну, я часто думаю о том, как важно, чтобы таких долгожителей было как можно больше – тогда и мы, 70-летние, чувствуем себя молодыми...

«Орнитологический вестник...» и появление метро в Алматы

В сущности, кореловская конференция была последним ярким событием уходящего года, хотя и происходила в самом начале ноября. Оставшиеся неполные два месяца у меня были заняты подготовкой первого выпуска «Орнитологического вестника» и работой над очередным выпуском «Selevinia». В это же время в издательстве «Атамұра» вышел из печати очередной том Школьной энциклопедии, посвящённый рыбам, амфибиям и рептилиям. Этот «невезучий» том пролежал в издательстве более двух лет из-за придириков столичных «экспертов», проявлявших иногда удивительную неграмотность в биологии, но считавших себя вправе делать любые замечания, вплоть до таких, как «не учтены требования полов» – не уточняя, о ком идёт речь (о животных, описываемых в томе, или о читателях). Эти далёкие от науки люди таким образом просто старались отрабатывать выплаченные за рецензию деньги...

Пока рукопись этого тома курсировала между издательством и экспертами, я предложил президенту «Атамұры» новый проект: на основе трёх томов энциклопедии, завершивших полный обзор всех позвоночных животных страны, издать для вузов и школ компактный справочник под названием «Позвоночные

животные Казахстана». В обосновании этого проекта, представленного издательству в сентябре 2009 г. (!), я, в частности, писал:

«Необходимость в достаточно компактном и доступном справочнике по всем классам позвоночных животных всегда остро ощущали преподаватели-биологи средних школ, а также биологических вузов Казахстана. Кроме того, начиная с 80-х гг., когда в нашей стране стали планировать работы по сохранению и использованию животного мира и встал вопрос о создании кадастра животного мира, возросла и потребность в таком едином справочнике, который мог бы стать зоологической основой для выполнения этих важных задач. Одна из причин острой потребности в таком издании – необходимость единого подхода к пониманию объема вида. Так, например, одни специалисты считают серую и чёрную ворон разными видами, другие объединяют их в один; то же можно сказать о седоголовом и обыкновенном щеглах, белой и маскированной трясогузках и многих других спорных случаях. Без урегулирования их невозможно добиться правильного усвоения учащимися основ зоологии, а в практической деятельности – вести единый учет и кадастр животного мира. Не менее важно принятие единых научных (латинских) и национальных (для территории Казахстана – казахских и русских) названий животных, необходимость чего нет нужды доказывать. Еще одно важное требование к такому зоологическому справочнику – полнота и достоверность списка приводимых в нем видов животных. При этом научные названия видов и порядок их расположения должны соответствовать современному уровню развития таксономии в зоологии.

Впервые аннотированный систематический перечень всех позвоночных животных, населяющих территорию Казахстана, был издан отдельной книгой в 1989 г. под названием «Книга генетического фонда фауны Казахской ССР». Мне довелось быть одним из авторов и ответственным редактором этой книги, и я могу засвидетельствовать, что она содержала относительно полный на то время, хотя и с небольшими пропусками, перечень видов позвоночных животных нашей страны. Вот уже более 20 лет книгой пользуются все практические работники сферы природопользования и высшей школы, несмотря на то, что за эти годы книга стала библиографической редкостью (тираж всего 1000 экз.) и значительно устарела как по части полноты приводимого в ней списка животных, так и в таксономическом плане. Приведу всего лишь два примера. Первый: в нем описано 104 вида рыб, тогда как сейчас ихтиологи насчитывают их в полтора раза больше (!). Второй: номенклатура научных названий амфибий и рептилий так изменилась, что более половины видов имеют сейчас уже другие названия по сравнению с Книгой генетического фонда (сибирская лягушка уже центральноазиатская, вместо данатинской жабы – жаба Певцова и т.д.). Список птиц возрос с 488 до 500 видов и в нем также имеются номенклатурные изменения. Все это свидетельствует о необходимости написания нового справочника по всем позвоночным животным нашей страны, причем справочника, предназначенного именно для учащихся и преподавателей, т.е. расширенного функционально, по объему информации».

Это воззвание не оставило равнодушным руководство корпорации «Атамур» и уже 16 февраля 2010 г. оно подписало Договор с авторами. Однако увидел свет справочник лишь в феврале 2013 года.

Ещё одно событие, прошедшее незамеченным, имело место в конце 2011 года – 1 декабря в Алма-Ате пустили первую очередь метрополитена! Когда-то, лет 20 назад в газете появилась статья о том, что в Алма-Ате приступили к строительству метро. С тех пор около территории сельхозинститута появилось огороженное высоким забором сооружение и, проходя каждое утро

на свой стадион, я не раз видел, как оттуда отъезжали груженные самосвалы, а время от времени можно было слышать грохот породы по какому-то желобу. Надпись на ограждении говорила, что здесь идут подземные работы. И вот теперь на этом месте появилась станция метро «Проспект Абая», а всего в первой очереди оказалось 7 станций – самая западная в районе пересечения улиц Абая и Розыбакиева, а на восточной оконечности метро заканчивалось около бывшей автостанции «Саяхат», у пересечения улиц Ташкентской (ныне проспект Раимбека) и бывшего Красногвардейского тракта (ныне проспект Сююмбаев). Даже эта одна линия даёт возможность добраться из конца в конец всего за полчаса, тогда как наземным транспортом на это требуется больше часа.

Конференция к 100-летию А.А. Слудского (1-2 марта 2012)

Самым первым событием этого года явилась конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения Аркадия Александровича Слудского. Идея её проведения родилась у Рыспека Жапаркуловича Байдавлетова 4 года назад, на юбилейной долгушинской конференции, и он не раз со мной об этом заговаривал, интересовался практическими деталями подготовки такого рода форумов. И надо сказать, подготовился хорошо и провёл эту конференцию по-своему интересно и ярко. И хотя в подготовке и проведении такой конференции участвовала вся лаборатория териологии во главе с заведующим Аманкулом Бекеновым, но первую скрипку вёл, конечно же, Рыспек Байдавлетов.

Конференция под названием «Зоологические и охотоведческие исследования в Казахстане и сопредельных странах» прошла 1-2 марта 2012 г. в г. Алматы, в здании Института зоологии. Даже в названии чувствуется рука Рыспека: будучи охотоведом, учеником В.Н. Скалона (с которым, кстати, у Слудского были большие расхождения), Рыспек всегда ставил охотоведения выше зоологии и как-то в разговоре со мной, когда я пытался пожуричь его за затяжку с защитой диссертации, убеждённо сказал, что он будет защищаться только по специальности «охотоведение». Среди 120 участников конференции были представители России, Таджикистана, США, Великобритании, Китая и Южной Кореи. При этом Россию представляли не только москвичи (ИЭМЭЖ, ВНИИ охотхозяйства и звероводства им. проф. Б.М. Житкова РАСХН), но и зоологи из Якутии (Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН), Владивостока, Тюмени Новосибирска, Вятской и Иркутской сельскохозяйственных Академий.

Особенно приятно было видеть таких известных учёных как академик РАН Владимир Николаевич Большаков (директор Уральского Института экологии), академик Петровской академии наук и искусств Владимир Александрович Кузякин (сын незабвенного Александра Петровича, ныне автор учебников по охотоведению), профессор Тимирязевской с/х академии Владислав Константинович Меньшиков и другие. Для меня лично приятной неожиданностью была встреча с Виктором Семеновичем Лукаревским – самым известным специалистом по леопарду (*Felis pardus*), с которым мы встречались в 80-х гг. в Сюнт-Хасардагском заповеднике на юге Туркмении и после этого не виделись почти два

десятилетия. Сейчас он уже несколько лет занимался снежным барсом (*Uncia uncia*), а до этого собрал хорошие материалы по каракалу (*Felis caracal*). Я буквально атаковал его во время заседаний с просьбами дать что-нибудь о барсе в наш ежегодник «Selevinia» и, в конце концов, добился своего: он здесь переписал мне на флешку из своего ноутбука наполовину готовые рукописи трёх статей – о барсе в Киргизии, Монголии и о каракале в Туркменистане. Тут же Виктор познакомил меня со своим спутником, ещё довольно молодым человеком – Вячеславом Владимировичем Рожновым, членом-корреспондентом РАН, заместителем директора по науке Института экологии и эволюции имени А.Н. Северцова (бывший ИЭМЭЖ), который также пообещал прислать информацию о проекте по барсу, проводящемся на Алтае. В результате номер ежегодника за 2012 год оказался посвящённым снежному барсу, материалы по которому мы опубликовали в первом разделе «Знакомьтесь – раритет», включая и текст Стратегии по сохранению снежного барса в Казахстане. Это было очень кстати, так как проекты по этому зверю в последние годы стали выполняться не только в России, но и в Казахстане, и в Киргизии.

Из 155 докладов, статей и очерков воспоминаний, опубликованных в материалах конференции, за два дня было заслушано 37 докладов и 7 сообщений. В них были широко представлены основные направления современной зоологии и охотоведения: фаунистика и зоогеография, систематика, популяционная экология, проблемы акклиматизации и реконструкции фауны охотничье-промысловых животных, развития охотничьего хозяйства, сохранения и рационального использования диких ресурсных видов животных, а также охраны редких и исчезающих видов в Республике Казахстан и сопредельных странах. К числу самых интересных докладов можно отнести доложенные Сергеем Ероховым от имени 6 соавторов «Основные результаты мониторинга сезонных миграции гусей и состояния мест их обитания в Северном и Северо-Западном Казахстане в 2011 году» и «Место Иркутской школы в системе охотоведческого образования Сибири» (Ю.Е. Вашукевич, С.М. Музыка, В.С. Камбалин). Я сделал на пленарном заседании доклад-презентацию «А.А. Слудский – крёстный отец Красной книги Казахстана».

Гвоздём конференции стало выступление председателя Казохотрыболовсоюза, который сообщил об учреждении этим обществом именной медали имени А.А. Слудского в области зоологии и охотоведения. Он же объявил и об итогах первого конкурса, результатом которого стало награждение этой медалью двух человек: Аманкула Бекенова за особые заслуги в научных исследованиях и президента Союза Беркутчи Казахстана Мухаммеда Исабекова – за вклад в восстановление национальных видов охоты.

Первый выпуск тома «Птицы» из серии «Фауна Казахстана» (март 2012)

В марте почти одновременно вышли из печати первый выпуск тома «Птицы» из серии «Фауна Казахстана», посвящённый водоплавающим (от гагар и поганок по отряд Гусеобразные включительно) и «Selevinia-2011». При-

мерно через месяц появился и первый выпуск «Орнитологического вестника». Для меня же этот месяц стал очередным напоминанием о возрасте – как ни крути, исполнилось 75 лет. На этот раз юбилей прошёл не так шумно, и на память о нём остались лишь три ценных подарка: сослуживцы по лаборатории подарили мне мощный тренажёр, имитирующий бег на лыжах (самый ценный и нужный из всех возможных подарков); зоологи Киргизии прислали с нарочным (Максуд, муж Анары Алымкуловой) прекрасную картину типичного горного ущелья Тянь-Шаня – она каждый раз напоминает мне о счастливых днях, которые прошли в тянь-шаньских экспедициях; дочери соорудили не менее памятный фотомонтаж на целый лист ватмана, иллюстрирующий практически весь жизненный путь...

В гостях у Руфима Зайнутдинова в Чилике (июль 2012)

Оставаясь «невыездным», я продолжал работать над «Определителем птиц», но мечтал хоть о какой-нибудь поездке. Поэтому возможность трёхдневного выезда в долину Чилика была встречена с ликованием. Понимая, что в предгорной части не найти места среди полей и населённых пунктов, чтобы можно было поставить палатку и спокойно её оставлять, уходя на экскурсию, я созвонился со старым знакомым Руфимом Имамовичем Зайнутдиновым, проживающим в посёлке Авангард, и напомнил ему о его приглашениях. Он обрадовался такой возможности и подробно объяснил, как его найти. А так как наш «отряд» состоял всего из двух человек (я и Марина Чирикова), то отвезти нас взялась моя дочь Виктория, у которой совсем недавно появилась, наконец, своя машина. Когда-то, 10 лет назад, она лишилась «Нивы», которую водила несколько лет, и вот теперь старалась наверстать упущенное на своей «Prado», тем более, что ей тоже было интересно глянуть низовья Чилика, да и Руфима она тоже хорошо знала.

Руфим Имамович Зайнутдинов (г.р. 1938) закончил Казахский университет вместе с Икаром Бородихиным и так же как и Икар, был великим знатоком певчих птиц, многих из них содержал. Сразу же после окончания университета он остался при нём заведовать музеем. Это он переманил к себе из нашей лаборатории Эвальда Фёдоровича Родионова, который потом продолжил начатое им дело и превратил его детище в первоклассный Музей природы в новом здании КазГУ – лучший учебный музей в Казахстане. Будучи хорошим охотником и наблюдательным натуралистом, Руфим хорошо знал зоологов старшего поколения – И.А. Долгушина, А.А. Слудского, М.Н. Корелова. Они тоже знали Руфима и пользовались его наблюдениями при составлении фаунистических сводок по птицам и млекопитающим Казахстана. Организаторский талант Руфима особенно проявил себя на посту директора Карачингильского охотничьего хозяйства при Совете Министров КазССР. Это привилегированное правительственное охотхозяйство, расположенное в тугаях устья реки Турген, было фактически вотчиной Д.А. Кунаева. Охотиться здесь могли только он и его гости. А охотиться было на что: тугайные заросли буквально кишели

дикими кабанами (*Sus scrofa*) и фазанами (*Phasianus colchicus*). Деятельному Руфиму этого показалось мало, и он едет в знаменитый заповедник «Тигровая балка» в Таджикистане и привозит оттуда тугайных благородных оленей, или хангулов (*Cervus elaphus bactrianus*). Они так прижились в Карачингиле, что со временем встал вопрос о расселении их в тугаи тех рек Казахстана, где они раньше водились – Сырдарью и Или. Во времена частых визитов в Казахстан В.Е. Флинта и А.Г. Банникова хангулов можно было видеть даже на клумбах у входа в центральное здание и гостиницы охотхозяйства. Я уже писал о том, как по-царски принимал Руфим этих двух московских профессоров, угощая их не только поездками по территории хозяйства или великолепной сауной (помню, как при мне он предлагал Владимиру Евгеньевичу сауну с массажистками), но и петушиными боями в одном их уйгурских посёлков в окрестностях Алма-Аты.

Потом Руфим командовал соседним охотхозяйством – Кызылжигидинским, уже в низовьях реки Чилик. Туда в 1994 г. мы с Б.М. Губиным заезжали к нему в поисках журавлей (*Grus grus*, *Anthropoides virgo*) и стрепетов (*Otis tetrax*). А через год, в мае 1995, там же скоростижно скончался приехавший к нему в гости Эрнар Ауэзов, с которым они были дружны... И вот теперь, выйдя на пенсию, Руфим поселился в посёлке Авангард и занимался любимым делом: разводил попугаев и бойцовых кур. Хозяйство его во главе с престарелой овчаркой Пандой, заслуженной медалисткой, производило большое впечатление.

Был июль, середина лета, и предгорная степь уже изрядно высохла. Однако в долине Чилика и рядом с ней ярко зеленели посевы люцерны, пронизанные многочисленными арыками. Посетив в первый день низовья реки, в том числе территорию охотхозяйства «Кызылжигидинское», где Руфима хорошо помнили и почитали как руководителя, мы на второй день на его машине съездили вверх, в ущелье Чилика. Я смотрел, как лихо водит свой джип 74-летний Руфим и не переставал удивляться его энергии и жизнеспособности.

Вспомнилось, как много лет назад, ещё работая в Карачингиле, Руфим чуть не утонул в Капчагайском водохранилище, пробыв несколько часов в ледяной воде. Рассказ Икара об этом тогда поразил меня. А всего несколько лет назад Руфим лишился одного глаза после неудачной операции катаракты – ему занесли инфекцию и едва удалось спасти второй глаз. А ведь сейчас эта операция считается безопасной, чуть ли не рядовой...

Имея взрослых детей и внуков, он несколько лет назад сочетался третьим браком и родил дочь, которой сейчас исполнилось 5 лет (на его 70-летнем юбилее, поздравляя его, я в шутку сказал, что я предпочёл родить правнучку). К вечеру второго дня – это была суббота – к нему приехали дети с внуками, которые были старше дочери, но все они дружно игрались в этом сельском дворе под крики попугаев, кур, индюков и гонялись за престарелой, пускающей слюни до земли огромной среднеазиатской овчаркой. Глядя на эту деревенскую идилию, я думал о том, что каждый находит своё счастье по-разному...

Конференция памяти Н.А. Зарудного

(Ташкент, октябрь 2012)

В октябре в Ташкенте состоялась орнитологическая конференция, посвящённая памяти Николая Алексеевича Зарудного. Идея её родилась год назад, на кореловской конференции, в головах трёх наших гостей – деда и внука Митропольских и Валентина Ильяшенко. Решили, хоть и с опозданием (три года назад исполнилось 150 лет со дня рождения и 90 лет со дня смерти этого великого орнитолога и путешественника), но всё же почтить его память мемориальной конференцией и открытием памятника. На это их натолкнул и тот факт, что в книге записей Богкинского кладбища в Ташкенте удалось обнаружить запись о захоронении Н.А. Зарудного (правда, саму могилу найти не удалось).

В течение года Ильяшенко и Митропольские вели оживлённую переписку о будущей конференции и сбор денег на памятник, для чего Валентин предоставил даже свой московский счёт. И вот, наконец, памятник изготовили ташкентские умельцы, место на кладбище было получено (обсуждались также идеи об установлении памятника где-нибудь в горах или в пустыне, но от них пришлось отказаться) и основные оргвопросы по проведению конференции решены – она должна была состояться в Институте зоологии.

Конференция, названная «Наземные позвоночные животные аридных экосистем», прошла в столице Узбекистана Ташкенте 24-27 сентября 1912 г. В ней приняли участие более 50 человек из Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и России. Из Казахстана приехали 6 человек: В.С. Агеев, Н.А. Боровая, А.Ф. Ковшарь, В.В. Хроков, Е.С. Чаликова, М.А. Чирикова. Основные направления работы: проблемы фаунистики, зоогеографии и систематики позвоночных животных аридных экосистем; современное состояние фауны позвоночных животных по экспедиционным маршрутам Н.А. Зарудного; современное состояние позвоночных животных, описанных или названных в честь Н.А. Зарудного; роль зоологических коллекций и музеев в изучении фауны; история и перспективы развития таксидермии в странах Средней Азии. Большинство докладов было посвящено орнитологии, териологии и герпетологии; все они опубликованы в сборнике материалов конференции под тем же названием. Надо сказать, что проработавший всю жизнь в противочумной системе Олег Митропольский постарался, чтобы её сотрудники были представлены на конференции наиболее полно, и это ему удалось. Немало докладов было и по герпетологии. Из орнитологических наиболее интересными были презентации: П.В. Квартальнова с соавторами «К познанию птиц Западного Памира: вклад Н.А. Зарудного и новые открытия», Романа Кашкарова с Юлей Митропольской «Зоологическая коллекция Н.А. Зарудного – прошлое, настоящее, будущее», а также М.В. Калякина с О.В. Волцит «О начале работ по созданию Атласа гнездящихся птиц европейской части России»; из териологических – А.В. Чабовского с соавторами «Современная динамика сообщества мелких млекопитающих аридных экосистем Калмыкии: влияние антропогенных факторов»; из герпетологических – Марины Чириковой с соавторами (Юля Зима и Ира Ариффулова) «Герпетологическая коллекция Института зоологии Республики Казахстан, ее роль в фаунистиче-

ских и систематических исследованиях». Последний доклад оказался для меня неожиданным, поскольку уезжая из Алма-Аты, я знал, что Марина из-за своей загруженности работой учёного секретаря не может поехать в Ташкент. И когда на второй день конференции я увидел её выступающей, не поверил своим глазам. Оказывается, она вырвалась всего на один день (использовав две ночи на дорогу туда и обратно автобусом) и в тот же день вернулась в Алма-Ату. *Fata morgana!*

Я же взял билеты на поезд за месяц вперёд, поэтому мы с Валерием Хроковым и Наташей Боровой ехали, как «белые люди», обговорив за эти сутки с небольшим все вопросы. Как истинный журналист, Наташа сумела из нашего разговора сделать материал для очередного выпуска своего журнала «Ветер странствий» и опубликовала его в первом выпуске за 2013 год под броским названием «Орнитолог-целинник в горах Тянь-Шаня», используя для этого напутствие, которое мне дал при вручении диплома председатель Государственной экзаменационной комиссии, для которого слова «Казахстан» и «целина» были синонимами (в том далёком 1959 году так считали многие). А в последнем номере за 2012 год вышел репортаж Н. Боровой о самой конференции под названием «Блестящий пример Зарудного» и мой очерк о нём, не совсем удачно названный «Закаспийский следопыт».

Большинство участников разместились в гостинице, где и проходили заседания конференции. Меня же встретил на вокзале Рома Кашкаров и увёз к себе, где я жил все эти дни в домашних условиях среди своих, так как хорошо знал всех: и его жену Юлию (среднюю дочь Митропольского) и их детей Олега и Даниила, названных в честь своих орнитологических дедов. Проведенные у них вечера до сих пор вспоминаю с большим удовольствием, хотя они и лишили меня неформального общения – в гостинице.

Поскольку мы приехали за сутки до открытия конференции, была возможность осмотреть город, в котором я не был 7 лет – с последней встречи с Даней Кашкаровым. Олег Митропольский посодействовал, чтобы на этот день нас возила по городу машина Узбекской противочумной станции, где он продолжал работать. Город выглядел хорошо, особенно его центр с великолепным сквером, в центре которого стоял глобус Узбекистана: Земной шар с обозначением только границ Узбекистана. Обедали мы в так называемом Центре

Рис.288. У памятника Н.А.Зарудному. Ташкент, 24 октября 2012 г.

Сидят: В.Ю.Ильяшенко и М.Г.Митропольский. Стоят: А.Ф. Ковшарь, В.С.Агеев, А.В.Давыгора, О.В.Митропольский

плова – огромном помещении, своим многолюдьем немного напомнившим мне Казанский вокзал в Москве. По крайней мере, людей в обеденный пере-рыв там было почти столько же, как на вокзале, причём часть размещалась на балконах второго яруса.

Кульминационным моментом конференции стало открытие памятника Николаю Алексеевичу Зарудному на Боткинском кладбище города Ташкента на пожертвования от зоологов стран СНГ. Таким образом, этот первый памятник великому зоологу и путешественнику сооружён на народные средства – как дань уважения к его памяти. Все желающие собрались в полдень у этого памятника и сфотографировались на память около Николая Алексеевича, портрет которого имел явные узбекские черты (как же иначе!), а надпись на памятнике гласила: «Зарудный Николай Алексеевич (26.09.1859 - 18.03.1919). Выдающийся исследователь животного мира Узбекистана и сопредельных стран». Это насильственное зачисление в узбекские учёные немного омрачило мою радость, поскольку совсем не соответствовало истине: наиболее важные открытия он сделал в Персии и Закаспии (а последний – это, прежде всего, Туркмения, а потом уж Узбекистан), не говоря уже о том, что помимо среднеазиатского региона, включающего и весь Южный Казахстан (который ещё можно отнести к «сопредельным странам»), Зарудный оставил глубокий след в изучении орнитофауны явно не *сопредельных* Оренбургского края и Псковщины. Вот так и «пишется» новейшая история – в угоду чьим-то национальным или партийным амбициям. А бедным потомкам потом предстоит разобраться, что в ней так, а что нет...

Украинский культурный центр и Генеральный консул Украины (2009-2012)

Раз уж зашла речь о национальных амбициях, то самое время вспомнить о моих взаимоотношениях со своей Родиной (не люблю слова «малая родина»). Ни в коей мере не пытаюсь сравнить себя с Николаем Алексеевичем Зарудным, хочу начать с него. Ведь он тоже родился в украинской семье на той же полтавской земле, а всю жизнь провёл далеко за пределами Украины – от Пскова до Персии и Оренбурга. Правда, на Полтавщину он ездил довольно часто, особенно в годы отсутствия крупных экспедиций. И когда в мае 1970 года гостивший у меня в Алма-Ате двоюродный брат Толя Григоренко (киевский поэт, ученик самого Павла Тычины) стал приставать ко мне с вопросом: «Чей же ты орнитолог – украинский или казахский?», я сослался на пример Зарудного, который так и остался в истории как крупный *русский* орнитолог. Такой ответ никак не удовлетворил ни Толю, ни его спутника Ивана Власенка (оба работали в журнале «Знання та праця») и по возвращении в Киев они в своём журнале напечатали обо мне очерк под претенциозным названием «Казахський орнітолог із Решетилівки». Я же нередко задавал себе вопрос по этому поводу: а как в действительности обстоит дело с теми, кто большую часть своей жизни прожил в другой стране? Даже Николай Васильевич Гоголь, мой земляк из соседней области (а его любимый Миргород – вообще Полтавской области), всю жизнь

проживший в России (часть – в Италии) и писавший свои бессмертные произведения на русском языке. И его знаменитый тёзка Николай Николаевич Миклухо-Маклай, выходец из того же Нежина, проведя всю свою жизнь в путешествиях за пределами Российской империи, считается великим *русским* путешественником и этнографом. А вот знаменитый академик Пётр Симон Паллас, немец по происхождению, отдавший всю сознательную жизнь изучению природы Российской империи и вернувшийся в Берлин всего за год до смерти, в современных энциклопедиях значится как знаменитый *немецкий* и *русский* учёный-энциклопедист, естествоиспытатель, географ и путешественник XVIII-XIX веков.

Сложный это вопрос, да и не в том дело, чьим орнитологом тебя назовут. Для меня, как и для большинства моих сверстников, воспитанных в советское время в духе дружбы народов, близки и Украина, и Россия, и Казахстан. Но при всём при этом родным для меня языком был и остаётся украинский: только на нём я мог говорить со своими родителями, с братом и сестрой. Хотя вот уже более полувека говорю, пишу и даже думаю я на русском. Очень люблю русские народные песни, но украинские мне всё же ближе, они задевают какие-то самые глубокие струны, связанные с детством и с предками – в истинном смысле этого слова. То же – с литературой, особенно поэзией: Тарас Шевченко вне конкуренции (хотя лирика Сергея Есенина трогает мою душу ничуть не меньше).

Поэтому с возрастом, когда перевалило за 60, стала появляться потребность в том, чтобы слышать родную речь. И я с удовольствием стал общаться с представителями украинской диаспоры в Алма-Ате, объединившимися в Украинский культурный центр. Приятным событием стало открытие памятника Тарасу Григорьевичу Шевченко на углу улицы Шевченко и проспекта Ленина (ныне – Достык). Особенно тесным стало общение с 2009 года, когда Генеральным консулом Украины в Алма-Ате стала Людмила Михайловна Протасова. Эта сдержанная и довольно строгая женщина средних лет, скорее предпенсионного возраста (как говорят в Украине, «літня жінка») очень располагала к себе, прежде всего, своей внимательностью, искренней заинтересованностью в том, чтобы сделать украинскую диаспору города и области более активной. Регулярные собрания у памятника Шевченко в день его рождения, у памятника голодомору 1933 года в парке на углу Виноградова и Дзержинской (до этого я и не знал о существовании в Алма-Ате такого памятника!), а затем всё чаще – в помещении Консульства (раньше я не знал его адреса)

Рис. 289. С Генеральным консулом Украины Людмиллой Михайловной Протасовой

как-то сблизили нас, и уже не пугало словосочетание «генеральный консул». Так со временем я познакомился и с другими работниками консульства – Сергеем Александровичем Бобошко, Тамарой Григорьевной и др. При каждом необходимом случае Людмила Михайловна обращалась ко мне по телефону за советом, и я с большим удовольствием помогал всем, чем мог, – в основном, знанием людей в нашем городе, а также организаций, близких мне по роду деятельности. Так было с выставкой «София Киевская», проведенной в здании Музея искусств имени Кастеева (бывшего имени Тараса Шевченка), а также с проведением юбилейной конференции к 150-летию нашего выдающегося учёного Владимира Ивановича Вернадского, которая прошла в апреле 2013 года в здании дома-музея Мухтара Ауэзова. А когда перед открытием очередной Ассамблеи народов Казахстана на телевидении возникла идея приветствовать её *на всех основных языках* народов Казахстана, Людмила Михайловна официально предложила мою кандидатуру для приветствия на украинском языке, и в течение почти часа мне пришлось на записи в павильоне Центрального Телевидения делать умное и доброе лицо, придавая голосу задушевные интонации. Результат этих стараний видели многие знакомые – и не раз, поскольку приветствия эти передавались в течение нескольких дней вместо рекламы...

В одну из встреч в консульстве Людмила Михайловна рассказала мне о том, что вот уже несколько лет существует статус «закордонного украинца» и предложила мне подать документы на получение такого статуса. Оформление их не заняло много

времени, только ждать пришлось почти год. Но вот в январе 2013 г. Людмила Михайловна по телефону поздравила меня с этим званием и спросила, как я предпочитаю: просто прийти за ним в консульство или же получить в более торжественной обстановке. В конечном счёте, через месяц, на собрании под названием «Українські вечорниці» она торжественно вручила мне это свидетельство, объяснив какие льготы даёт оно его владельцу в пределах Украины – да и за её пределами...

Рис. 290. Свидетельство закордонного українця і грамоти от Генерального консула України

Эти «вечорниці» запомнились мне как яркий концерт прекрасного украинского хора, который, оказывается, уже 8 лет существует при областном Украинском культурном центре, а базируется в городе Исык. Здесь я впервые услышал таких профессиональных певиц как Валентина Романенко и Полина Михайловна Дорохова (обе – заслуженные деятельницы искусств Украины), причём Полина Михайловна оказалась землячкой: она училась в Харьковской консерватории, а в Казахстан приехала в том же 1959 году!.

Не скрою, было очень грустно, когда Людмила Михайловна пригласила меня на прощальную встречу в Консульстве 11 мая 2013 года. Здесь собрались представители обоих центров – и городского и областного – и все желали ей доброго пути в Киев, а я всё удивлялся, как же быстро, незаметно пролетели четыре года... Активистка хора Олена Марковна принесла вареники собственного изготовления, а заслуженная учительница Эмилия Леоновна – бутылку коньяка «Номад», добавив, что все дипломаты – кочевники. На это Людмила Михайловна ответила, что уехавшая раньше Тамара Григорьевна в письмах из Киева спрашивает её: «как там наша Алма-Ата?» И рассказала, как в своё время не хотела уезжать из Чикаго её дочь-подросток, которая после этого с ней за границу не выезжает. Не смотря на то, что Людмила Михайловна вручила многим из нас грамоты, встреча наша выглядела не официальной, а скорее тёплой, дружеской («Номад» мы все-таки выпили)...

Начало подготовки к XIV конференции по птицам Северной Евразии

Вот так незаметно и подошёл я в своих писаниях к нынешним временам. Здесь бы самое время и поставить точку, ибо это уже не воспоминания, а современность. У одного из самых остроумных русских поэтов, Алексея Константиновича Толстого, в поэме «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» есть замечательные, исполненные большого смысла, хотя и шуточные, слова:

«Ходить бывает склизко по камешкам иным.

Итак, о том, что близко, мы лучше умолчим...»

На этой цитате я и поставил было точку год назад. Но об одном деле, начало которого лежит в прошлом, а завершение мыслится только через два года, я не могу не сказать. Речь идёт о предстоящей XIV Международной орнитологической конференции Северной Евразии, продолжающей традиции бывших всесоюзных конференций. Мне посчастливилось быть участником всех, кроме первой, о чём я уже писал. Но избрание в Оренбурге в 2010 г. на пост президента Мензбировского Орнитологического Общества автоматически означало, что теперь *просто участником* быть не удастся, так как именно МОО является одним из основных организаторов этих конференций. Зная, что подготовка к таким крупным научным форумам занимает не один год, я ещё в Волгограде начал разговор на эту тему с президентом Союза охраны птиц России Виктором Анатольевичем Зубакиным. Обсуждали вопрос о месте проведения очередной конференции, которое в Оренбурге было намечено на город Пензу.

Обычно в последние годы конференции проводились в крупных вузах, которые располагают прежде всего необходимыми для заседаний залами, оснащёнными современным компьютерным оборудованием и потенциальными волонтерами в лице студентов и преподавателей. Однако в данном случае Пензу в качестве места проведения конференции предложил представитель не вуза, а областного природоохранного ведомства. В разговоре со мной в Оренбурге (когда я попытался передать привет сотрудникам кафедры зоологии пензенского пединститута, с которыми ездил в экспедиции в 2003 и 2006 гг.) он сказал, что с ними он не общается по каким-то субъективным причинам. Это меня очень насторожило, так как для подготовки такой большой конференции нужна особая солидарность всех зоологов, тем более такого небольшого города, как Пенза. Сам же «организатор» не имел даже своего адреса электронной почты. Зубакин разделял эти сомнения и согласился, что надо уже сейчас навести справки о состоянии дел в Пензе и подыскивать запасной вариант – пока ещё есть время. Я предложил попробовать обратиться в Томск, где имеется самый известный в Сибири университет, а на кафедре зоологии есть необходимые кадры. Договорились, что Виктор Анатольевич свяжется с Пензой, а я – с Томском.

Вскоре Зубакин сообщил из Москвы, что дела в Пензе ещё хуже, чем мы думали, так как произошла смена областной власти, а стало быть, ушли высокие покровители, которые обещали всяческую (прежде всего финансовую) поддержку. Из Томска на моё письмо Сергей Степанович Москвитин ответил, что проведение конференции возможно во время *зимних* студенческих каникул, в феврале. Это как-то остудило мой пыл (мне самому очень хотелось посмотреть Томск, о котором я столько слышал) – в памяти были свежи воспоминания о двух последних зимних конференциях (Казань и Ставрополь), когда ни о каких полевых экскурсиях и речи не могло быть. А ведь Западная Сибирь – не Ставрополь!

И вот вице-президент МОО Гаджибек Джамирозев прислал мне из Дагестана письмо с просьбой провести эту конференцию в Алма-Ате. Он обосновывал это предложение тем, что надо, наконец, провести хоть одну *Международную* конференцию за пределами России, и для этого Казахстан подходит больше всего, тем более что 50 лет назад 4-я всесоюзная конференция была проведена в Алма-Ате и оставила самые лучшие воспоминания у орнитологов старшего поколения, хорошо её помнивших. К тому же здесь возможны очень интересные экскурсии – как в горные, так и в пустынные ландшафты...

Первая моя реакция была – отказаться, уж очень большая ответственность, а годы уже не те, да и помощников особых я не видел. Но когда я обнародовал это предложение на заседании казахстанского отделения МОО, добавив, что я уже ответил отрицательно, Сергей Скияренко сказал, что отказываться от этого нельзя – когда ещё у казахстанских орнитологов появится такая возможность пообщаться со всеми орнитологами! Его тут же поддержали многие орнитологи среднего и младшего поколения, что заставило и меня изменить своё решение. Тут же было высказано предложение о проведении конференции на базе КазГУ, имевшего всё необходимое на территории собственного «Казгуграда».

Получив по электронной почте полную поддержку от руководителей двух главных союзников (СОПР – В.А. Зубакин и РОСИП – В.М. Галушин), я 10 января 2012 г. обратился к ректору КазГУ с письмом, в котором подробно излагал историю Всесоюзных орнитологических конференций и важность проведения данной конференции для развития орнитологии в Казахстане, в том числе и для студентов КазГУ.

Вскоре последовал положительный ответ на это письмо, но не от ректора, а от декана биологического факультета профессора Т.М. Шалахметова (рис. 291), которой ректор поручил это дело.

После получения положительного ответа мы 7 марта 2012 г. собрались в деканате биофака КазНУ и обговорили основные вопросы, которые я набросал. После обсуждения мы договорились о следующем.

Время проведения конференции – середина августа 2015 г. (желательно закончить до 25 августа). Тогда будет свободен и большой конференц-зал (420 мест), и 25 аудиторий для секционных заседаний, и недорогие студенческие общежития. Продолжительность конференции – около недели (с учетом двух дней на экскурсии), но это – как решит Международный орнитологический комитет. Я объяснил, что все решения будет принимать именно этот комитет (МОК), в том числе – и окончательное решение о проведении конференции в Алма-Ате. Обо всём этом я написал В.М. Галушину и В.А. Зубакину на второй день, 8 марта, добавив: «КазНУ и Институт зоологии будут ожидать официального решения МОК как основания для включения этой конференции в 5-летний план Международных конференций, который утверждает Минобразования и науки Республики Казахстан».

В университете есть свой пресс-центр, который будет освещать работу конференции, а на территории университетского городка расположен Дворец студентов, концертный зал которого вмещает 1600 человек. Кстати, компьютерной техникой аудитории обеспечены. Одно, чего нет, – это синхронного перевода (я сказал, что у нас будут иностранцы). Но и этот вопрос решаемый, благо время еще есть. Все дополнительные сведения о КазНУ – на сайте: www.kaznu.

В Ташкенте, воспользовавшись встречей на Зарудновской конференции, 25 октября 2012 г. мы собрались небольшой инициативной группой (М.В. Калякин, В.Ю. Ильяшенко, А.В. Давыгора,

Рис. 291. Ответ декана биофака КазГУ с согласием на проведение конференции

Н.А.Боровая) и обсудили некоторые вопросы, связанные с проведением XIV Международной орнитологической конференции Северной Евразии. В протоколе этой встречи, составленном М.В. Калякиным, записаны её основные результаты:

«С учётом решений, принятых на предыдущей конференции, и произошедших после неё изменений в ситуации, а также на основе проведённых консультаций с представителями нескольких городов России и нескольких орнитологических объединений Казахстана, России и международного Мензбировского орнитологического общества, единственным надёжным и уже отчасти проработанным вариантом при выборе места и времени проведения следующей конференции признана Алма-Ата (Алматы), в которой в 1965 г. уже проходила 4-я Всесоюзная орнитологическая конференция.

Данное предложение уже одобрено Правлением РОСИП, о чём А.Ф. Ковшаря известил Президент РОСИП В.М. Галушин. Орнитологические организации Казахстана, а также Казахский государственный университет имени аль-Фараби выражают готовность организовать и провести конференцию.

Ключевым моментом, после которого можно будет дать старт непосредственной подготовке конференции, признано включение её в план действий международных конференций КазГУ и Института зоологии МОН РК, утверждённый Министерством образования и науки Республики Казахстана (МОН РК). Для такого официального признания необходимости проведения конференции А.Ф. Ковшарь предложил собрать пакет официальных обращений в указанное министерство от орнитологических научных и природоохранных обществ стран-участниц конференции, в частности от таких российских организаций как Академия наук, РОСИП и Союз охраны птиц России, от международной организации – Мензбировского орнитологического общества, а также обратиться за соответствующими письмами к коллегам из стран бывшего СССР, включая государства Балтии.

Помимо указанного ключевого момента, обсуждались следующие вопросы. Бюджет конференции должен складываться из финансирования со стороны Казахстана (как госструктур – следовательно, включение конференции в планы работы министерства должны сопровождаться включением расходов на её проведение в бюджет этой организации и университета на 2015-й год, так и коммерческих организаций – потенциальных спонсоров конференции), Мензбировского орнитологического общества (остатки средств от предыдущей конференции, а также средства от реализации Трудов Оренбургской конференции) и, при возможности, из других источников (они не обсуждались), а также из взносов участников конференции. Последние пока решено несколько увеличить в сравнении с суммой в 500 рублей (Оренбургская конференция), но не до 1000 рублей (может быть 700? – АК). Предлагается, как и прежде, установить льготный размер взноса для студентов (другие категории льготников не обсуждались).

Предложено сформировать оргкомитет конференции, местный оргкомитет и программный комитет. К участию в работе оргкомитета конференции, который должен возглавить А.Ф. Ковшарь, предложено пригласить Г.С. Джамирзоева (представителя МОО и СОПР, предлагавшего провести конференцию на территории одной из стран СНГ), В.А. Зубакина (президента СОПР), В.М. Галушина (президента РОСИП), М.В. Калякина (представителя МОО и РОСИП), А.В. Давыгору (председателя оргкомитета предыдущей конференции, прошедшей в 2010 г. в Оренбурге). Предложено обратиться к членам Орнитологического комитета Северной Евразии (с предложением войти в состав оргкомитета), к представителем орнитологических организаций стран СНГ и Балтии, а также Санкт-Петербурга и Дальнего Востока.

В качестве одного из направлений, которые предлагается сделать объектом обсуждения на конференции (наряду с вопросами изучения и охраны птиц), решено сделать лю-

бительскую орнитологию, или бёрдвогчинг. В частности, решено провести одно (дневное) общее заседание, посвящённое вопросам любительской орнитологии. Кроме того, предлагается привлечь к спонсированию конференции коммерческие структуры Казахстана и России, связанные с организацией экологического туризма, и пригласить на конференцию представителей европейских и иных стран, заинтересованных в участии в указанном заседании, а также в экскурсиях по Юго-Восточному Казахстану.

Договорились о том, что А.Ф. Ковшарь составит проект письма в Министерство образования и науки Казахстана, после чего этот текст можно будет использовать для составления соответствующих писем от перечисленных выше организаций. А.В. Давыгора перешлёт А.Ф. Ковшарю документы, накопившиеся у него при подготовке и проведении предыдущей орнитологической конференции Северной Евразии. М.В. Калякин свяжется с представителями стран Балтии (в лице Оскараса Кейша, Латвия) и с Н.С. Чернецовым (СПб) по вопросам об участии прибалтийских орнитологов в конференции и по вопросу участия Н.С. Чернецова в программном комитете конференции».

После этого последовал электронный опрос членов Орнитологического комитета. Только в двух из 16 полученных ответов выражалось сожаление по поводу дороговизны билетов из Балтии и Украины, все остальные поддержали идею о месте проведения конференции: Д.Н. Нанкинов (Болгария), Я.Виксне (Латвия), Ц.З. Доржиев (Бурятия), В.М. Галушин (РОСИП, Москва), Raivo Mänd (Эстония), И.С. Митяй, (Украина), О. Митропольский (Ташкент, Узбекистан) и др. Некоторые ответы оказались эмоциональными: «Вспоминая с ностальгической нежностью давнишние конференции в этом прекрасном городе (4-я Всесоюзная в 1965 году и 2-я Всесоюзная по миграциям в 1978 году), я, конечно, поддерживаю эту кандидатуру. Трудно загадывать на три года вперед, но если останусь дееспособным, то готов, по мере сил, участвовать, как и раньше, в редактировании присылаемых тезисов. Владимир Паевский, Петербург».

Получив такую поддержку, я отправил от имени Мензбировского орнитологического общества письмо в Астану на имя министра образования и науки Республики Казахстан, а копии его – для получения писем поддержки – разослал в ряд научных и общественных организаций стран СНГ. Такие письма-поддержки пришли от 10 адресатов: Отделения биологических наук Российской академии наук – за подписью акад. Б.С. Павлова (с обещанием помощи в издании Трудов конференции); Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей – за подписью ДБН Д.Ю. Власова и ДБН Г.А. Носкова; Зоологического музея МНУ им. М.В. Ломоносова – за подписью директора, ДБН М.В. Калякина; от Института биологии Латвийского

Рис. 292. Первое заседание Подготовительного комитета. Алматы, 4 марта 2013

университета – за подписью академика АН Латвии Яниса Вискне; Украинского общества охраны птиц – за подписью директора Олега Дудки; от Национального института пустынь, растительного и животного мира Туркменистана – за подписью директора Ш.Э. Эсенова и ведущих орнитологов Туркменистана (М.Б. Аманова, О.С. Сопыев, Э.А. Рустамов); от Общества охраны птиц Узбекистана – за подписью исполнительного директора Р.Д. Кашкарова; от Биолого-почвенного института Академии наук Кыргызстана – за подписью его директора Б.М. Дженбаева; от Общественного объединения НАБУ-Кыргызстан – за подписью его исполнительного директора В.И. Тороповой; от Казахстанской ассоциации сохранения биоразнообразия (АСБК) – за подписью директора Центра прикладной биологии, зам. директора АСБК по науке С.Л. Скляренко.

В результате уже в феврале 2013 г. мне позвонил Сабыр Темиргалиевич Нуртазин из КазГУ и сказал, что министерство по телефону запрашивало их – смогут ли они осилить проведение такой большой конференции, на что он ответил положительно. Этот запрос, по его глубокому убеждению, и есть принятие положительного решения в министерстве. Странно, но никакого письменного ответа на своё обращение от Министерства я так и не получил. По всей вероятности, это такая иезуитская осторожность – не оставлять следов на бумаге (в случай чего, никто не докажет, что министерство давало своё согласие!).

Так и не дождавшись ответа от «родного» Министерства, я по согласованию с новым руководством Института зоологии, директором которого в январе стал Роман Васильевич Яценко, составил проект списка Подготовительного местного комитета в составе 25 человек. Первое учредительное заседание этого комитета, на котором были обговорены те или иные обязанности членов комитета, мы провели в Институте зоологии 4 марта 2013 г. Пока я занимался всем этим, мне не давала покоя одна и та же мысль: справимся ли? Справлюсь ли я с этой нагрузкой? Ведь жизнь не раз учила меня, что отношение к делу у современного человека далеко не такое обязательное, как полвека назад, и, когда придёт время «собирать камни», я рискую остаться один или с одним-двумя союзниками. Тем более, что от других своих планов (например, «Птицы Тянь-Шаня»), мне тоже не хотелось отказываться... Такие невесёлые размышления не раз посещали меня после окончания этого самого первого заседания Подготовительного комитета.

Осеннее Подмосковье: конференция в Звенигороде (2013)

На Звенигородской Биостанции МГУ (Московская область) с 23 по 25 сентября 2013 г. прошла международная орнитологическая конференция под названием «Проблемы эволюции птиц (систематика, морфология, экология и поведение)», посвящённая памяти Почётного президента Мензбирова орнитологического общества профессора Евгения Николаевича Курочкина. В её работе приняли участие более 50 специалистов – орнитологов и палеонтологов – из разных городов России, Украины, Казахстана, Китая, Аргентины, Великобритании и Германии.

В соответствии с темой конференции преобладали доклады по общим вопросам орнитологии, включая эволюцию, палеонтологию, систематику. Открылась конференция прекрасной презентацией о жизни и творчестве Е.Н. Курочкина, которую сделал А.К. Агаджанян, её хорошо дополнил пленарный доклад В.М. Галушина «Вклад Е.Н. Курочкина в развитие отечественной орнитологии».

Особый интерес представляли два доклада о систематике птиц: «Обзор некоторых противоречий в современных взглядах на систематику воробьиных птиц» (Е.А. Коблик, С.В. Волков, А.А. Мосалов) и «Традиционные и современные представления о филогении и классификации воробьинообразных птиц» (В.А. Паевский). Оба докладчика – Е.А. Коблик и В.А. Паевский – наглядно показали те «революционные» изменения, какие вносят в классификацию птиц новые генетические методы исследования, кардинально меняющие наши традиционные представления о родственных связях между отдельными группами птиц. Оба докладчика пришли к выводу о необходимости проверки этих нововведений методами сравнительно-морфологического анализа, хотя, по мнению В.А. Паевского, в целом предложенная филогения показала умеренную согласованность результатов молекулярных исследований с рядом традиционных взглядов.

Палеонтология была представлена рядом блестящих докладов: «Исследования Е.Н. Курочкина и становление современных представлений о происхождении и ранней эволюции птиц» (Н.В. Зеленков), «Новые данные, ставящие под вопрос монофилию мезозойских птиц» (J.K. O'Connor), «Филогения и систематика птиц в свете строения скорлупы яиц» (К.Е. Михайлов), «Птицы на границе мела-палеогена» (G.J. Dyke), «Раннемиоценовые птицы и их значение для понимания эволюции современных птиц» (Vanessa de Pietri), «История становления современных фаун птиц» (Н.В. Зеленков). Морфологическое направление было представлено блоком докладов: «Основные направления эволюции и специализации концевой органа клюва птиц отряда гусеобразных» (К.В. Авилова), «Морфологические черты ротового аппарата славковых (Sylviidae) как признаки экотипа» (Н.В. Волкова), «Трофические адаптации птиц семейства цаплевых (Aves, Ciconiiformes, Ardeidae) в свете морфологии челюстного аппарата» (Ф.Я. Держинский) и др.

Рис.293. А.К. Агаджанян

Рис.294. В.А. Паевский и В.М. Галушин

Рис. 295. В.П. Белик и В.М. Гаврилов

Исследованиям в области физиологии птиц посвятили свои доклады директор биостанции, хозяин конференции В.М. Гаврилов («Экологическая энергетика и происхождение гомойотермных птиц») и его сын В.В. Гаврилов («Энергетическая стоимость размножения и максимальная продолжительность жизни куликов с разной системой социальной организации»), а Т.Б. Голубева назвала свой доклад «Птенцовость – эволюционно первичная стратегия онтогенеза настоящих птиц?».

Традиционным направлениям орнитологических исследований (фауна, экология, поведение) посвятили доклады М.В. Калякин «Птицы в тропических экосистемах (введение в экологию тропических лесных птиц)», В.В. Корбут «Синантропность, урбанизация, птицы в мегаполисе – экологическая и эволюционная загадка», В.П. Белик «Зоогеографические связи и генезис лесной орнитофауны Кавказа», В.Н. Мельников с соавторами «Динамика фауны и населения птиц в ходе сукцессионных процессов на выведенных из хозяйственного использования территориях», И.Р. Бёме и М.Я. Горецкая «Эволюционные предпосылки пения воробьиных птиц», Е.А. Худякова и А.А. Есерепов «Анализ структуры симпатричной колонии больших белоголовых чаек на торфоразработках «Большое болото» (Ивановская область)», Т.В. Хохлова «Сравнительно-экологическая характеристика карельских популяций белобровиков, певчего и чёрного дроздов и возможные пути адаптации дроздов к условиям севера», В.В. Гриднева «Динамика фауны и населения птиц в ходе сукцессии лесной растительности после рубок различного типа в условиях Восточного Верхневолжья», С.В. Фомин «О значении освоения периферических частей крон в эволюции способов добывания корма воробьинообразных птиц»; Н.В. Лебедева с соавторами «Смена биотопических предпочтений у обыкновенной пустельги: динамика процессов, возможные причины и выгоды». Несколько особняком

Рис.296. Общее фото участников. Звенигородская биостанция, сентябрь 2013 г.

стояли два выступления: доклад Л.В. Соколова «Как повлияло современное изменение климата на миграции птиц?», насыщенный иллюстрациями о вековых глобальных изменениях климата, и моё сообщение «К 30-летию Мензбировского орнитологического общества».

Вечером 24 сентября состоялось расширенное заседание Центрального Совета Мензбировского орнитологического общества, посвящённое подготовке к предстоящей в 2015 году XIV Международной орнитологической конференции Северной Евразии. После утверждения места и времени проведения конференции (Алма-Ата, август 2015) на заседании обсуждались проекты списков Организационного и Программного комитетов конференции, сроков рассылки первого информационного письма и др. вопросы.

Конференция была хорошо организована коллективом работников биостанции под руководством Валерия Михайловича Гаврилова, уже около 10 лет исполняющего обязанности её директора. Она выгодно отличалась от многих современных конференций очень активным обсуждением большинства докладов – на обсуждение особенно интересных уходило времени даже больше, чем продолжительность самого доклада. В перерывах между заседаниями участники имели возможность ознакомиться с самой биостанцией, которая создана более 100 лет назад (1910 г.) в красивом подмосковном лесу на берегах Москва-реки, и участок этот, более 700 га, представляет собой, в сущности, прекрасный образец особо охраняемой территории.

Для меня эти дни были как бы возвратом в давние студенческие годы: сама биостанция, которая была всего на 5 лет старше нашей, в Гайдарах (основана в 1910 г., а наша – в 1915), да и сам осенний лес с его папоротниками и грибами уводил куда-то в далёкое прошлое, а миниатюрная Москва-река и вовсе напомнила мне речку Говтву в родной Решетиловке... Здесь, в так называемом профессорском домике, где было отведено четыре комнаты – нам с В.М. Галушиным, В.А. Паевским и Ф.Я. Дзержинским (правда, последний, приехавший поздно ночью, поселился где-то в студенческом общежитии, да так там и остался), было очень уютно и даже тепло, несмотря на холодную сырую погоду. Особенно приятно было после долгого перерыва общаться с Володией Паевским, который буквально огорошил меня своим только что вышедшим сборником стихов под названием «На пороге прозрения». Раньше я был знаком только с его очень откровенными мемуарами в прозе «Птицеловы от науки», наделавшими в своё время мно-

Рис.297. На Москва-реке с И.Р. Бёме, В.М. Галушиным и В.П. Беликом. Звенигородская БС, сентябрь 2013 г.

го шуму среди орнитологов. Но тот маленький томик, который он подарил мне сейчас, поражал удивительно свежими и содержательными стихами. Это была настоящая поэзия, ничуть не уступавшая произведениям профессиональных поэтов. При этом мне были очень близки его чувства – моего ровесника и к тому же прожившего жизнь среди природы, птиц и людей, их изучающих. Впечатление оказалось сильным...

Последняя поездка на Украину (26 сентября – 4 октября 2013)

Принять решение о поездке в Звенигород помогла мне твёрдая уверенность, что пора проведать и оставшихся на Украине родных, которых я не видел уже несколько лет. Поскольку ни с какими сроками командировок я связан не был (пришлось просто взять очередной трудовой отпуск), то планировать своё время я был волен, как хочу. Эта поездка на Украину была сопряжена с ещё одним обстоятельством: там, в родном селе моих родителей, решили увековечить память моего двоюродного брата – талантливого поэта Анатолия Кирилловича Григоренко (1937-2004). К 75-летию поэта школе, в которой он учился, было присвоено его имя, в ней создан музей его имени, а на 1 октября была назначена закладка парка его имени. Всё это стало возможным благодаря усилиям его вдовы Людмилы Ивановны Власовой, которая не жалела ни сил, ни средств на издание его стихов и лучшую из его книг «Во храм души» прислала мне в Казахстан – с этого началась наша с ней регулярная переписка. От неё-то я и знал обо всех действиях по увековечению памяти Толи. Более того, узнав, что я собираюсь посетить Украину в это время, Людмила Ивановна даже дату закладки парка приурочила к моему приезду. Всё это определило маршрут моей поездки на Украину – поездом в Киев, а оттуда также поездом в Полтаву. Впервые за всё время я ехал на Украину мимо Харькова и, если говорить честно, то я был рад этому, потому что родственников там у меня уже не осталось, а останавливаться у Кривицких, несмотря на приглашения Иветты, мне было бы тяжело – я всё ещё не мог представить себе, что Игоря уже нет. Слишком пусто там сейчас без него...

Поскольку билеты на поезд «Киев-Харьков» Люда взяла заранее, мы без промедления выехали в Полтаву, тем более, что дни мои были расписаны между Полтавой и Решетилкой: за 4 дня надо было посетить всех родственников

Рис. 298. С сестрой Лёлей

Рис. 299. Сестра Валя

Рис. 300. Племянницы Оксана, Таня и Наташа

и побывать на нескольких кладбищах (новые реалии нашего времени...). Новый скоростной поезд домчал нас до Полтавы за три часа, сделав всего одну остановку в Миргороде – просто удивительно! И сам вагон был больше похож на трамвай – сидячие места, хотя и очень удобные.

В Полтаве все уцелевшие родственники – в основном племянницы и их дети – собрались у самой младшей двоюродной сестры Нади (которая в свои 65 лет уже успела перенести инфаркт), и мы прямо с вокзала попали за праздничный стол! На следующий день поехали проведать моих любимых сестриц Валю и Лёлю – тех самых, с которыми мы в 1941-1944 гг. прошли все перипетии эвакуации. Обе они болели, причём старшая Лёля просто не могла ходить из-за того, что болели ноги (выглядела она гораздо моложе своих 80 лет!), а вот моя любимица Валя была совсем плоха – лежала уже несколько месяцев после перелома бедра и почти месяц ничего не ела. Но даже сейчас, постаревшая и исхудавшая, она была очень красива. Сын её Женя налил нам по бокалу красного сухого вина (Валя согласилась выпить с нами), и мы по извечной привычке выпили за здоровье, хотя сердце подсказывало – на прощанье... И действительно, через полтора месяца – буквально через 3 дня после 78-летия нашей дорогой Валентины Ивановны не стало...

В село Плоска, где должны были состояться торжества по закладке парка, нас повёз на дряхлой легковой машине своего друга сын сестры Нади Роман. Ехали напрямую, по кременчугской дороге, по которой я раньше никогда не ездил, а у меня всё время было такое ощущение, что когда-то, очень давно, я здесь проезжал. Вокруг стояла золотая осень, а пасмурное осеннее утро на какое-то время сменилось ярким солнцем, побаловавшим нас не более часа. К такому знакомому с детства селу Плоска, раскинувшемуся на пригорке, подъезжали уже под свиного-серым небом и холодным осенним ветром.

С широкой долины, по которой мы ехали, уже издала угадывалась крыша бабушкиной хаты – она стояла на краю села, у спуска дороги в долину. А справа виднелась длинная жёлто-багряная полоса леса на продолжении того же бугра – урочище Яровівське, куда в детстве мы ходили за коровами...

Рис. 301. Около бабушкиной хаты. Слева от меня – двоюродная сестра Надя и её сын Роман; крайняя справа – Люда Власова

Рис. 302. Посадка дубочка краснолиственного в парке имени Анатолия Григоренка. Село Плоска, 1 октября 2013 г.

Прямо около бабушкиной хаты, металлические ворота которой оказались разрисованными ярко-белыми лебедами, сидящими на голубой воде, нас уже ожидала небольшая кучка людей во главе с сельским головой – ещё относительно молодым человеком, назвавшимся Володимиром Ивановичем. Оказывается парк имени Анатолия Григоренка разбили прямо около хаты нашей бабаушки и уже обнесли его каменной оградой вдоль улицы (явно от коров, которые каждое утро и каждый вечер прогоняют по этой дороге). В центре этого треугольного парка-сквера мы с Володимиром Ивановичем и посадили саженец дуба, который они называли «дуб червонолистий»; листья его действительно отличались от обычного дуба заострёнными краями. Как объяснил мне сельский голова у этой породы дуба очень красивый цвет осеннего увядания.

Потом все пошли в школу, где состоялся праздничный концерт силами школьников (как они пели!), а перед этим были торжественные речи, где сначала предоставили слово нам, гостям. Поскольку я с первого же дня по приезде в Киев перешёл на родной язык, вынужденное получасовое выступление с воспоминаниями перед земляками не составило большого труда, хотя, не скрою, – временами приходилось подбирать слова... Приём был очень тёплый – все были настроены доброжелательно. И вообще было заметно, что учительский коллектив здесь подобрался творческий. Помимо музея имени Анатолия Григоренка здесь была также комнатка-музей известного украинского юмориста Олександра Ковиньки, весёлыми произведениями которого увлекался я ещё в школьные годы и хорошо помню рассказы о нём своего отца. Ещё один класс был отведен под музей сельских ремёсел: здесь были какие-то прялки и прочая сельская утварь XVIII-XIX столетий. Но больше всего поразил меня в этой школе музей шотландского поэта Роберта Бернса! Оказывается, учительница английского языка очень любила Бернса и создала этот музей, для чего ездила специально в Англию и Шотландию, откуда привезла даже знаменитую волюнку! А библиотека произведений этого поэта, как с гордостью сообщила она мне, – лучшая в Полтавской области. И действительно, большой книжный шкаф был занят десятками томиков его стихов... Для меня было полным откровением такое богатство в простой сельской школе. И я понял, что и память моего брата они также

будут чтить не по принуждению, а по настоящему – как гордость за своего знаменитого земляка, который, по примеру классиков, оставил даже свой «Заповіт».

На сельском кладбище мы побывали не только на могиле Толи и его мамы тёти Орыси, но и у наших дедушки и бабушки. А на обратном пути я вдруг набрёл на могилу Забруцкого – того самого сельского лекаря, который когда-то, в далёком 1944 году «по секрету» напугал мою бабу Кылыну тем,

Рис. 303. В школе имени Анатолия Григоренка

Рис. 304. В центре Решетилковки с племянницами и Колей

Рис. 305 а,б. Этот рушник вышивала моя бабушка

что моя сестра Сима – карлик. Сколько же слёз она тогда пролила! Обратню в Полтаву мы возвращались переполненные впечатлениями.

В Решетилковке большая часть дня ушла на посещение двух кладбищ – надо было проведать и родителей, и брата Юру. Но всё же около часа мы выбрали, чтобы хоть одним глазком посмотреть, каким же стал её центр. И здесь было чему удивиться. Наряду с привычными с детства зданиями клуба, библиотеки, аптеки и магазинов я увидел и то, чего никак не ожидал: 9-этажный жилой корпус и фонтан с мраморными скульптурами (рис. 304). До сих пор не могу поверить, что этот снимок сделан в нашей Решетилковке...

Очень приятной неожиданностью было знакомство с семейной реликвией рода Литовченко – старинным украинским рушником, который вышивала ещё в девичестве моя бабушка Кылына (значит, это конец XIX столетия!). Яркие краски вышивки, среди которых преобладал красный цвет, за прошедшие более 100 лет сохранили свою яркость и свежесть! Спасибо тётке Орысе, сохранившей эту реликвию, доставшуюся ей от мамы, и передавшей её своей снохе Людмиле Власовой. Показывая мне этот рушник в Киеве, Люда предложила мне увезти его с собой в Казахстан для передачи моим потомкам, но у меня не поднялась рука на вывоз такой ценности за пределы Украины. Уж лучше пусть этот рушник будет передан в один из украинских музеев, где он будет доступен для обозрения людям...

Посещение наукограда Реутово в Подмоскowie (5 октября 2013)

В Москве на Киевском вокзале утром 5 октября меня встретил мой давний друг Женя Понировский со своей женой Таней и, поскольку рейс моего самолёта на Алма-Ату был поздно вечером, они увезли меня к себе в Реутово, где они жили уже несколько лет после Ашхабада и двухлетнего проживания в Оренбурге. В тесной однокомнатной квартирке с поразительно крохотной кухней (как шутила Татьяна, она со своего стула в этой кухне может дотянуться до любого предмета, не сходя с места!) они каким-то чудом смогли разместить ашхабад-

Рис. 306 а,б. Реконструкция сквера у храма святой троицы. Реутово

Рис. 307. Е.Н.Понировский в микрокухне

ские реликвии семейства Пониоровских, включая великолепную картину в тяжёлой старинной раме. Как рассказал мне Женя, самое трудное было найти спеца, который за умеренную плату выдал ему справку о том, что картина эта не имеет художественной ценности. Дочь их Злата, которую я хорошо помнил по Ашхабаду ещё маленькой, управляла процветающей рекламной фирмой и жила в самой Москве, хотя большую часть времени проводила в путешествиях по всему миру, а время от времени также оплачивала вояжи родителей куда-нибудь на южные моря и острова. Посмеиваясь, Женя разводил руками и говорил, что его профессорская зарплата (он работает в Институте тропической медицины Марциновского) ни в какое сравнение не идёт с её реальными заработками. Впрочем, к таким вещам мы уже привыкли...

В этот раз Женя познакомил меня с самим городом-спутником Москвы. Название «наукоград» было не просто красивым словечком. У этого города, связанного с космическим производством, был гораздо больший бюджет, чем у другого, равного по величине. Мне понравилось, что наряду с производственными корпусами типа хрущёвских коробок 50-х гг. здесь было немало и современных жилых зданий, хороший пруд с плавающими на нём дикими утками (в основном кряквы), а также красивый храм в самом центре, вокруг которого рабочие-таджики заканчивали разбивку обширного парка, разворачивая и укладывая на сырую землю свёрнутый рулонами дёрн с зелёной травой. Работа шла споро, машина за машиной подвозили дёрн, рабочие разворачивали рулоны и подгоняли плотно друг к другу зелёные квадраты. Впечатлял и щит с перечнем работ, их объёмов и сроков выполнения по реконструкции данного сквера у храма...

После познавательной экскурсии по наукограду, во время которой мы успели пообщаться также и своими новостями (Харьков – Ашхабад – Алма-Ата), Женя в своей микрокухне приготовил настоящий туркменский плов, и только после соблюдения всех необходимых ритуалов (как любил говорить наш незабвенный Абдулла Киямович Сагитов: «на плов нельзя, под плов – можно») Женя с Таней проводили меня вечером обратно на Киевский вокзал, где посадили на электропоезд до аэропорта Внуково...

Прощание с тяжёлым 2013 годом (ноябрь-декабрь 2013)

Как-то незаметно этот рядовой, совсем не високосный 2013 год оказался годом прощаний. Об этом красноречиво свидетельствует рубрика «Потери науки» в нашем ежегоднике Selevinia за 2013 год – 13 некрологов! Пришла очередь моего поколения. После ухода карельского орнитолога Владимира Борисовича Зимина (1937-2012), родившегося всего на день раньше меня (!), летом 2013 г. не стало Валерия Дмитриевича Ильичёва (1937-2013) – первого президента Все-союзного орнитологического общества, ряд лет носившего титул главы советской орнитологии. Больно задела меня смерть Виктора Рафаэльевича Дольника (1938-2013), с которым я был знаком достаточно близко, а также Марата Бикбулатова (1938-2013), с которым не один год проработали в долгушинской лаборатории. Тяжело было прощаться в Полтаве с любимой сестрой Валею, зная, что эта встреча – последняя. И не менее тяжёлым было известие о неизлечимой болезни другой Вали – Тороповой, вернувшейся в безнадёжном состоянии после проведенной в Израиле повторной операции. Привезшая её в Бишкек дочь Вика чудом сумела продержаться её полтора месяца на капельницах, и я едва успел попрощаться. Краткий очерк в 21-м томе ежегодника Selevinia – моя последняя дань этому прекрасному человеку. А ведь она уже из другого поколения...

Украина в огне (февраль – апрель 2014)

Этот грустный мартиролог дополнили внезапные события на родной Украине. Начавшиеся в Киеве в ноябре 2013 г. митинги за присоединение страны к Евросоюзу (а фактически – против Януковича, который довёл народ до нищеты в угоду сыну-миллиардеру и другим олигархам) переросли в открытые столкновения с органами правопорядка, а потом – и вовсе в беспредел, получивший название «Евромайдан». Эта тема стала главной во всех средствах массовой информации, и с экранов телевизоров четыре месяца не сходили картины горящего Киева со зловещим чёрным дымом от сжигаемых резиновых покрышек, а также толпы озлобленных людей, разбирающих мостовую и бросающих камнями в едва успевающих закрываться щитами стражей порядка, которым строго-настроено запретили стрелять в безоружных людей.

Со временем картинка стали меняться: вместо мирных демонстрантов появились боевики в чёрных масках и с оружием, в организованном порядке атакующие подразделения «Беркут» и забрасывающие их не только камнями, но и бутылками с зажигательной смесью – так называемым теперь «коктейлем Молотова». Пролилась кровь и теперь всё чаще этот кошмар стали называть революцией. Глядя на всё это, я вспоминал, с каким пиететом относились мы когда-то к этому слову применительно к Великой французской революции, а также к Великой Октябрьской революции... Теперь-то я видел, что это такое - яростный бунт и кровопролитие.

Перед возбуждённой толпой регулярно появлялись так называемые лидеры оппозиции, которые своими пламенными речами не давали ей остыть. Странно было видеть среди них знаменитого боксёра Виталия Кличко, который, оказы-

вається, був лідером політичної партії «Удар» і отримав на все це благословення керівництва Німеччини, де він проживав (але податки платив чому-то в США!). Другим лідером – шупленький лисий інтелектуал в окулях Арсеній Яценюк – представляв партію «Батьківщина» і був, схоже, найбільш грамотним з трьох. Він був другим лицем в партії Юлії Тимошенко, яка ще відбывала термін в ув'язненні на Холодній горі в Харкові. Найбільш неприємним був третій, з партії «Свобода» – Олег Тягнибок. Він частіше за все сумно мовчав, але коли починав говорити, то зазвичай дуже правдивими, націоналістическими лозунгами, особливо спрямованими проти росіян і євреїв.

Рука Заходу була видна неозброєним оком: з екіпіровки і гарної виучки бійців до того воя в пресі, який піднімали західні ЗМІ, серед яких особливо усердствували американці (ще б – частину бійців проходили підготовку прямо на території їх посольства!). Ця чергова «кольорова революція» була підготовлена з урахуванням промахів, допущених в Киргизії і в інших місцях. Чітко було, що вкладено в неї дуже великі гроші. І абсолютно очевидною стала мета всієї цієї «акції»: во що б то ні стало відірвати Україну від Росії, отримавши при цьому ще один ринок збуту серед 46 мільйонів українців (які ніколи не витримать конкуренції з західними виробниками), а одночасно при цьому отримати доступ безпосередньо до кордонів ненависної Росії для розміщення своїх військових баз...

Росію, запропонувавши Україні фінансову допомогу, одразу ошельмовували в пресі, а саму допомогу інакше як подачкою і не називали. Незважаючи на твердий нейтралітет Росії впродовж трьох місяців, то і справа роздавалися попередження про недопустимість введення в Україну російських військ. На Майдані все час з'являлися офіційні представники адміністрації західних країн, демонструючи свою приверженість революціонерам, а нерідко і виступаючи з трибун. З'явилися Саакашвілі і інші майстри «кольорових революцій». Больно було дивитися на цей організований за океанськими «добродіями» шабаш і на обман довірливого народу...

В кінцевому рахунку, на кінці третього місяця «революції», коли число постраждалих наблизилось до тисячі (думаю, дані ці занижені), вставши захопили резиденцію президента (Янукович втік – спочатку в Харків, а потім в Росію), провозгласили себе правительством, випустили Ю.Тимошенко, і пожежа перекинулася на інші області України, з яких західні повністю підтримували нову владу, східні не визнали (туди почали направляти революційні десанти), а Крим взагалі встав, вимагаючи повернути йому колишню автономію. Рад Федерації Російської Думи дав президенту повноваження на введення, в разі необхідності, військ в Крим, а Чорноморський флот України відмовився підкоритися новій владі і присягнув на вірність Кримській автономній республіці. США тут же заявили про санкції проти Росії, а країни Євросоюзу їх підтримали. Зросло економічне тиснення на Росію, і президент США відкрито став говорити про ізоляцію Росії як безпосередньої мети США, а також про місію США по керуванню всім світом. Одним з перших практичних кроків в

этом направлении должно было стать создание американской военной базы в Крыму в мае 2014 года, о чём была уже договорённость с новоиспечёнными правителями Украины.

В конечном счёте, в Крыму 16 марта прошёл референдум, на котором 96% жителей высказались за присоединение к России в качестве субъекта федерации. В считанные дни был принят указ президента о присоединении Крыма (и отдельно – Севастополя!) к России, который тут же был ратифицирован Думой... Против киевской власти восстали восточная и юго-восточная части Украины, в Луганске и Харькове провозглашены республики, начались потасовки, завершившиеся вводом украинских войск в эти регионы. А так как самих войск не хватало, то ведущую роль в карательных экспедициях стали играть боевики правого крыла, которых для легитимности превратили в «национальную гвардию». Началась гражданская война...

Самым заинтересованным государством в событиях на Украине оказались Соединённые Штаты Америки, которые не скрывали, что за последние годы вложили в «демократизацию» этой страны около 5 млрд. долларов. Страны Европейского союза, во всём зависящие от США, в один голос стали поддакивать, что именно Россия виновата в нестабильности обстановки на Украине. Фактически территория Украины стала тем местом, на котором сошлись геополитические интересы США и стран Европы, с одной стороны, и России – с другой. И если последнюю ещё можно понять, поскольку Украина – это приграничная территория, которая столетиями была не просто дружественной, а частью единой страны, то посягательство на эту территорию США и стран НАТО – акт неприкрытого стремления к военному господству в регионе.

Всё это обязаны были предвидеть те политики, которые начинали развал огромной страны в 80-90-х гг...

А для меня все эти события означают ещё и прощание с Украиной, новые правители которой сейчас принимают один за другим законы, запрещающие въезд на её территорию – то мужчинам с 16 до 60 лет, то женщинам с 20 до 35... Что они изобретут завтра – одному Богу известно, как и то, чем могут завершиться все эти карательные операции против собственного народа. А страдают от этого те 45 миллионов украинцев, которые уже сейчас доведены до грани нищеты. Бедная моя Украина! Бедные мои полтавские родственники...

Последние свидания с родным заповедником (май, июнь 2014)

После нескольких месяцев переживаний за Украину и моих земляков и родственников как бальзам на душу оказалась возможность съездить в любимые места – заповедник Аксу-Джабаглы: в начале мая 2014 года на 5 дней с маленькой группой бёрдвотчеров и в первых числах июня – с Мариной Чириковой, уже с герпетолого-орнитологическими целями. В первую поездку я вдоволь налюбовался каньоном Аксу, склоны которого были сплошь покрыты цветущим эремурусом молочноцветковым, а местами – тюльпаном Грейга. Через месяц южные склоны каньона были жёлтыми от цветущих прангоса и ферулы. В этот

раз я уже рискнул спуститься пешком в каньон до самого дна, а за день до этого – пешком сходить из Жетымсая в Кши-Каинды и обратно (на эти 8 км ушёл весь день – более 7 часов) – испытал себя на прочность...

Рис. 308. Каньон реки Аксу, 10 мая 2014 г.
Фото автора.

Рис. 309. У цветущего прангоса,
7 июня 2014 г.
Фото М.А. Чириковой

Рис. 310. Каскабулак и арчевники Кши-Каинды.
4 июня 2014 г.
Фото автора.

Рис. 311. Опять в седле...
4 июня 2014 г.
Фото М.А. Чириковой

Вместо эпилога

Начиная своё повествование о событиях жизни рядового «советского» орнитолога, далёкого от политики (во всяком случае, всегда стремившегося держаться от неё подальше), я и предположить не мог, что последние строки его окажутся окрашенными в столь мрачные краски «революции» и разрухи. Как будто какой-то злой шутник решил провести некую параллель между началом моей жизни, почти совпавшим со второй мировой войной, и её окончанием в преддверии Третьей (сейчас интернет пестрит «предсказаниями» астрологов о том, что третья мировая начнётся именно в 2014 году).

После всего сказанного вся тема моего повествования кажется такой мелкой, что возникает законный вопрос: «А стоило ли всё это писать?». Вопрос этот вставал передо мной несколько раз с самого начала. Поэтому первые главы я давал читать разным людям, совсем не имеющим отношения к орнитологии и вообще к науке. Чаще всего это были люди моего поколения, и все они в один голос говорили, что это интересно. Ещё большую поддержку получил я от людей старшего поколения, особенно из среды зоологов. И наконец, дважды я имел возможность убедиться, что написанное интересно и 40-летним, причём именно от последних я получил наиболее полную формулировку – что подобные тексты очень важны для осуществления связи времён, связи поколений.

Среди замечаний, полученных от таких «рецензентов» рукописи, я хочу остановиться на двух, которые можно было бы сформулировать примерно так: «почему все персонажи положительные, где отрицательные?» и «почему всё повествование – о других, а где же о себе?». На первый ответить просто: во-первых, как отмечали многие умные люди, далёкое прошлое всегда окрашивается в розовый цвет (кстати, это не так уж плохо, ибо «чернухи» в наше время хватает). Во-вторых, воспоминания – не художественное произведение, где обязательно должны быть положительные и отрицательные герои. В этом сугубо *личном* тексте мне просто не хотелось писать о тех немногих отрицательных типах, которые не заслуживают быть упомянутыми рядом с порядочными людьми.

С ответом на второй вопрос сложнее. Во-первых, вся книга – о моей жизни (и «я»-канья в ней более чем достаточно), но цель её – не собственные эмоции и переживания (самокопание), а описание встреч с другими людьми, птицами и красотами окружающего мира; с очень небольшими экскурсами в содержание моей работы, интересное разве что специалистам, которые могут прочитать об этом в научных статьях. Во-вторых, я сознательно не стал писать о так называемой «личной жизни». По моему глубокому убеждению, именно то, что она *личная*, даёт право каждому человеку не выставлять её напоказ (то, что претит мне в современном шоу-бизнесе). Взаимоотношения между людьми, особенно между женщиной и женщиной, – настолько тонкая материя, что третий здесь всегда лишний, а уж обсуждать это с посторонними – просто маразм²¹.

²¹ Пользуясь случаем, я прошу прощения у всех тех, о ком не упомянул в этой книге. – АК.

Рис. 312. Дочь Вита за работой в пустыне, у гнезда филина. Пески Таукум, 2013 г.

Рис. 313. Внучка Элина со своей дочерью Эмилией, 2014 г.

Рис. 314. Дочь Ира, внучка Даша и правнучка Эмилия. 2014 г.

Описывая события, свидетелем или участником которых пришлось мне быть, я старался не давать им оценку, но иногда от этого было невозможно удержаться; в таких случаях надо иметь в виду, что это моё личное мнение, без всякой претензии на истину.

Хотелось бы быть искренним и в ответе на такой вопрос: для чего я прожил более трёх четвертей века? Ведь за этот длительный срок я получил от жизни очень много – это хорошо видно из всего текста воспоминаний, которых могло бы хватить и на несколько человек. А что я дал взамен, что оставил? Несколько сотен научных и околону научных публикаций – не в счёт. Ежегодно их выходят десятки тысяч и со временем они устаревают и просто забываются: время постоянно нас обгоняет. Хочется надеяться, что несколько моих книг будут ещё какое-то время востребованы специалистами, в том числе и научно-популярные.

Гораздо важнее, что остались ученики и последователи, которым удалось передать эстафету от моих учителей – И.Б. Волчанецкого и И.А. Долгушина. Это существенно. Но главное, как и у каждого жителя нашей Земли, это прямые потомки – дети, внуки, правнуки. Они – моя любовь, моя гордость и надежда. Для них и написана эта книга.

Литература

- Боровая Н.А. Блестящий пример Зарудного//Журнал «Ветер странствий». Алматы, 2012, № 6 (37). С. 62-63.
- Боровая Н.А. Орнитолог-«целинник» в горах Тянь-Шаня [А.Ф.Ковшарь]//Журнал «Ветер странствий». Алматы, 2013, № 1 (38). С. 56-63.
- Гвоздев Е.В. Максим Дмитриевич Зверев (29 ноября 1896 – 23 января 1996)// Selevinia, 1996/1997. С. 267-268.
- Гвоздев Е.В. Виктор Яковлевич Панин (20 октября 1929 – 22 октября 2005)// Selevinia, 2005. С. 205-206.
- Горбунов А.П. Природа Казахстана: история познания. Алматы, 2011. 229 с.
- Горбунов А.П. Центрально-Азиатская экспедиция: штрихи к жизни семьи Рерихов в Урге в 1926-1927 гг.//Новая Россия на пути к единству человечества [2-я Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»]. СПб – Вышний Волочёк. «Ирида-прос.», 2005. С. 98-100.
- Заповедники и национальные парки Казахстана (сост. Иващенко А.А.). Алматы: ТОО Алматыкітап, 2006. 284 с.
- Иващенко А.А. Растительный мир Казахстана. Алматыкітап. Алматы, 2004. 176 с.
- Иващенко А.А. Сокровища растительного мира Казахстана. По страницам Красной книги. Алматы: ТОО Алматыкітап, 2005. 128 с.
- Игорь Александрович Долгушин (1908-1966). Мат-лы к биографии. Воспоминания современников. Переписка. Публикации. Фотографии. Алматы, 2008. 220 с.: илл.
- Казахстан. Национальная энциклопедия (в 5 томах). Том 1. Алматы, 2004. 558 с.
- Казахстан – Украина: дороги и перекрёстки. 1917-2008 (Сборник воспоминаний и документов). Алматы, 2009. 318 с.: илл.
- Ковшарь А.Ф. Путевые заметки по птицам Джунгарии (сев.-западный Китай)// Selevinia, 1994, № 2. С. 34-38.
- Ковшарь А.Ф. К биологии майны в высокогорье Тянь-Шаня//Selevinia, 1994. № 3. С. 68- 74.
- Ковшарь А.Ф. Заметки о птицах кочетавских лесов (Северный Казахстан)//Русский орнитологический журнал, 1996, том 5, вып. 1/2. С. 35-40.
- Ковшарь А.Ф. Об одной «забытой» орнитологической коллекции//Selevinia, 1996-1997. С. 209-216.
- Ковшарь А.Ф. О бюджете времени у выводка серпоклювов (*Ibidorhyncha struthersii* Vigors)//Selevinia, 1998-1999. С. 205-207.
- Ковшарь А.Ф. Список птиц Тянь-Шаня (в пределах его западной, среднеазиатской половины)//Selevinia-2006. С. 27-43.
- Ковшарь А.Ф. Орнитологические наблюдения в заповеднике «Барсакельмес» в первой декаде мая 2007 г.//Труды Барсакельмесского заповедника, вып. 2. Алматы, 2007. С. 139-154.
- Ковшарь А.Ф. Маршрутные учеты птиц с автомобиля на бывшем дне Аральского моря в мае 2007 г.//Selevinia-2007, Алматы, 2008. С. 165-166.
- Ковшарь А.Ф. Воспоминания и размышления об Учителе//И.А. Долгушин. Материалы к биографии. Воспоминания. Переписка. Алматы, 2008. С. 99-111.

- Ковшарь А.Ф. О летней фауне птиц Баянаула (Казахский мелкосопочник)//Selevinia-2008. С. 127-137.
- Ковшарь А. Я не эмигрант! Просто ехал поработать в Тянь-Шане//Казахстан – Украина: дороги и перекрёстки. 1917-2008 (Сборник воспоминаний и документов). Алматы, 2009. С. 219-230.
- Ковшарь А.Ф. Жизнь, отданная изучению птиц Казахстана, к 100-летию со дня рождения Марии Алексеевны Кузьминой (1910-1986)//Selevinia-2010. С. 196-203.
- Ковшарь А.Ф. К 100-летию Мстислава Николаевича Корелова//Орнитологический вестник Казахстана и Средней Азии, выпуск 1. Алматы, 2012. С. 4-10.
- Ковшарь А.Ф. Штрихи к портрету [воспоминания о М.Н. Корелове]//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, выпуск 1. Алматы, 2012. С. 211-215.
- Ковшарь А.Ф. Аркадий Александрович Слудский – крестный отец Красной книги Казахстана//Зоологические и охотоведческие исследования в Казахстане и сопредельных странах [Мат-лы конференции 1-2 марта 2012]. Алматы, 2012. С. 28-30.
- Ковшарь А.Ф. Человек кипучей энергии (воспоминания об А.А. Слудском)// Зоологические и охотоведческие исследования в Казахстане и сопредельных странах [Мат-лы конференции 1-2 марта 2012]. Алматы, 2012. С. 396-399.
- Ковшарь А.Ф. Закаспийский следопыт [Н.А.Зарудный]//Журнал «Ветер странствий». Алматы, 2012, № 6 (37). С. 64-69.
- Ковшарь А.Ф. Валентина Исмаиловна Торопова (03.09.1943-04.12.2013)//Selevinia-2013. С. 214-215.
- Ковшарь А.Ф., Бобек М., Пешке Л. Поездка в Северные Кызылкумы за черным аистом// Казахстанский орнитологический бюллетень – 2004. Алматы, 2005. С. 49-51.
- Ковшарь А.Ф., Губин Б.М. Материалы по гнездованию серпоклюва (*Ibidorhyncha struthersii* Vigors, 1832) в Кетмене и северо-восточных отрогах Терсей-Алатау (Тянь-Шань)//Selevinia, 1994, т. 2, № 4. С. 40-43.
- Ковшарь А.Ф., Давыгора А.В. К авифауне Мугуджар и верхней Эмбы//Selevinia, 2003. С. 73-97.
- Ковшарь А.Ф., Давыгора А.В., Карпов Ф.Ф. Орнитологические наблюдения в Урало-Эмбинском междуречье (Темир, Сагиз, Уил, Б. Хобда) в июне 2006 г.//Selevinia-2006. С. 63-81.
- Ковшарь А.Ф., Ланге М., Торопова В.И. Орнитологические наблюдения джунгаро-кетменской зоологической экспедиции «Казахстан-2002»//Selevinia, 2002. С. 109-121.
- Ковшарь А.Ф., Левин А.С., Белялов О.В. Птицы пустыни Бетпак-Дала//Труды Института зоологии, том 48. Орнитология. Алматы, 2004. С. 85-125.
- Ковшарь А.Ф., Родер Й., Ланге М. Орнитологический дневник международной зоологической экспедиции «Тарбагатай-2001»//Selevinia, 2001. С. 88-104.
- Ковшарь А.Ф., Торопова В.И. Путевые заметки о птицах Тянь-Шаня и Алая (по материалам экспедиций 1998 и 1999 гг.)//Selevinia, 1998-1999. С. 106-121.
- Красная книга Алматинской области (каз., рус.). Алматы, 2006. 520 с.
- Кривицкий И.А. О Долгушине//И.А. Долгушин. Материалы к биографии. Воспоминания. Переписка. Алматы, 2008. С. 111-125.
- Лобачёв Ю.С. Вадим Иванович Капитонов (к 70-летию)//Selevinia-2000. С. 229-230.
- Мариковский И.Е. Я...заурядный учитель//Казахстан – Украина: дороги и перекрёстки. 1917-2008 (Сборник воспоминаний и документов). Алматы, 2009. С. 20-63.
- Марьяшев А. Альпинизм довоенной поры//Ветер странствий, 2012, № 1 (32): 54-56.
- Мекленбурцев Р.Н. Экспедиции 1926 и 1933 гг. в заповеднике Аксу-Джабаглы// Труды заповедника Аксу-Джабаглы, вып. 7. Алма-Ата, 1996, с. 7-11.

- Митропольский О.В. Воспоминания о Сергее Николаевиче Варшавском: человеке и зоологе (к столетию со дня рождения)//Selevinia-2009. С. 253-256.
- Митяев И.Д., Казенас В.Л., Федотова З.А. Павел Иустинович Мариковский (1912 – 2008)// Selevinia-2008. С. 283-284.
- Мониторинг биологического разнообразия заповедника Аксу-Джабаглы. [Tethys Biodiversity Research. 1]. Алматы, 2002. 184 с.
- Московские орнитологи [Ред. В.Е. Флинт, О.Л. Россолимо]. М.: МГУ, 1999. 524 с.
- Нечитайло Г.В. Дорогой испытаний и надежд. Алматы, «Адилет», 1998. 106 с.
- Нечитайло Г. Дорогой испытаний и надежд//Казахстан – Украина: дороги и перекрёстки. 1917-2008 (Сборник воспоминаний и документов). Алматы, 2009. С. 82-98.
- Ниретина Н.В. Оглядываясь на прошлое, снимаю шляпу... Алматы, 2012. 304 с.
- Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век. Биобиблиографический справочник [составитель А.Ф. Ковшарь]. Алматы, 2003. 247 с.:илл.
- Орнитологи Украины. Биобиблиографический справочник. [Сост. Т.А. Атемасова и И.А. Кривицкий]. Вып. 1. Харьков, 1999. 286 с.
- Орнитологический вестник Казахстана и Средней Азии. Выпуск 1. Алматы, 2012.
- Паевский В.А. На пороге прозрения. Стихи. - Санкт-Петербург: “Реноме”, 2013. - 200 с.
- Проскурин В.Н. Алма-Атинские дворики. Алматы, «Искандер», 2009. 396 с.
- Рустамов Э.А., Хроков В.В., Ковшарь А.Ф. Зимний учёт птиц с автомобиля по маршруту «Ашхабад–Туркменбаши (Красноводск)»//Selevinia-2007. С. 178.
- Склярченко К.С. «Я завидую тем, кто начинает интересоваться охраной природы сегодня» [в гостях у А.Ф. Ковшаря]//Журнал «Жасыл элем • Зелёный мир». Выпуск 1. Алматы, 2010. С. 3-9.
- Тризна Б. Всегда и всюду стремиться к разрешению великой задачи воплощения правды и справедливости в человеческих отношениях//Казахстан – Украина: дороги и перекрёстки. 1917-2008 (Сборник воспоминаний и документов). Алматы, 2009. С. 13-19.
- Шукуров Э.Д. Белогрудый (снежный) голубь *Columba leuconota* в Тянь-Шане и Алае // Орнитология, вып. 23. Москва, 1988. С. 225-226.
- Kovshar A.F. The Ibis-Bill//Birding, Vol. XXVIII, № 4. August 1996. P. 321-323.
- Selevinia [Казахстанский зоологический журнал]. 1993-2002. Алма-Ата.
- Selevinia [Казахстанский зоологический ежегодник]. 2003-2013. Алматы.

Указатель названий птиц

- авдотка** (*Burhinus oedicnemus*) 233
аист белый (*Ciconia ciconia asiatica*) 144, 145, 241, 274, 277
аист чёрный (*Ciconia nigra*) 12, 26, 61, 62, 91, 132, 193, 214, 215, 221, 282, 284, 285, 286, 288, 296
аист-разиня (*Anastomus oscitans*) 81
баклан большой (*Phalacrocorax carbo*) 128, 177, 199, 222, 285, 371
баклан малый (*Phalacrocorax pygmaeus*) 128, 324, 384
балобан (*Falco cherrug*) 39, 40, 53, 54, 69, 146, 193, 195, 197, 200, 203, 209, 229, 242, 260, 289, 290, 363, 375, 460
бекас (*Capella gallinago*) 167
бекас-отшельник (*Capella solitaria*) 172, 201
белоножка, или водяной дрозд (*Microcichla scouleri*) 264, 265, 275
береговушка (*Riparia riparia*) 202, 229, 240, 264, 278, 301, 313, 346, 278, 301, 313, 346, 348, 355, 369, 371, 374
беркут (*Aquila chrysaetus*) 100, 131, 140, 168, 194, 197, 217, 219, 232, 243, 248, 275, 296, 297, 298, 306, 347, 362, 465
бормотушка малая (*Hippolais caligata*) 238
бормотушка южная (*Hippolais rama*) 376, 377, 378, 381, 408
бородач (*Gypaetus barbatus*) 100, 140, 175, 263, 275, 276, 295, 296, 310, 315, 347, 349
вальдшнеп (*Scolopax rusticola*) 203, 303
варакушка (*Luscinia svecica*) 230, 237, 289, 373
веретенник большой (*Limosa limosa*) 128, 148, 202, 402, 408, 409
воробей домовый (*Passer domesticus*) 252
воробей испанский (*Passer hispaniolensis*) 402
воробей каменный (*Petronia petronia*) 267
воробей саксаульный (*Passer ammodendri*) 16, 95, 132
ворон обыкновенный (*Corvus corax*) 169, 245, 248, 249, 251, 355, 357, 401
ворон пустынный (*Corvus ruficollis*) 148, 273, 331, 401
ворона серая (*Corvus cornix*) 147, 148, 238, 342, 409, 411
ворона чёрная (*Corvus corone orientalis*) 20, 22, 243, 246, 273, 287, 298, 307, 308, 351, 352, 355, 360, 438
воронок восточный (*Delichon dasypus*) 431, 435
выпь большая (*Botaurus stellaris*) 202
выпь малая, или волчок (*Ixobrychus minutus*) 202, 241
вьорок буланный (*Rhodospiza obsoleta*) 29, 220, 223, 287, 368, 373, 374
вьорок гималайский (*Leucosticte nemoricola*) 168, 173, 296, 304
вьорок жемчужный (*Leucosticte brandti*) 173, 249, 296, 302, 304, 385
вьорок красношапочный (*Serinus pusillus*) 107, 172, 298, 303, 353, 355, 360, 361
вьорок монгольский (*Bucanetes mongolicus*) 30, 171, 195, 201, 297, 350, 385
вахрь (*Columba palumbus*) 298
гага (*Somateria mollissima*) 163

гаичка джунгарская (*Parus songarus*) 216
галка альпийская (*Pyrrhocorax graculus*) 139, 168, 175, 248, 264, 270, 271, 299, 302, 355
галка даурская (*Corvus dauuricus* Pallas) 420
гоголь (*Bucephala clangula*) 157
голубая сорока (*Cyanopica cyana*) 62, 431
голубь белогрудый (*Columba leuconota*) 139
голубь бурый (*Columba eversmanni*) 16, 86, 95, 133, 226, 261
голубь скалистый (*Columba rupestris*) 139, 168, 251, 264, 298, 305, 309, 355
горихвостка белошапочная (*Chaimarornis leucocephalus*) 265
горихвостка краснобрюхая (*Phoenicurus erythrogaster*) 265, 301, 304, 361, 385
горихвостка красноспинная (*Phoenicurus erythronotus*) 204, 252, 297, 298, 299, 306, 308, 362,
горихвостка обыкновенная (*Phoenicurus phoenicurus*) 216, 238, 340, 374, 379, 380, 381,
401, 402
горихвостка седоголовая (*Phoenicurus coeruleocephalus*) 204, 242, 264, 298, 353
горихвостка сибирская (*Phoenicurus auroreus*) 431
горихвостка-лысушка (*Phoenicurus phoenicurus*) 216, 238, 340, 374, 379, 380, 381, 401, 402
горихвостка-чернушка (*Phoenicurus ochruros*) 139, 168, 264, 297, 306, 352, 376
горлица большая (*Streptopelia orientalis*) 227, 238, 239, 242, 268, 270, 298, 303, 351, 353
горлица египетская (*Streptopelia senegalensis*) 142, 171, 219, 227, 244, 252, 268, 243, 293, 354
горлица кольчатая (*Streptopelia decaocto*) 142, 143, 171, 219, 237, 268, 269, 273, 276, 368,
370, 401
горлица обыкновенная (*Streptopelia turtur*) 195, 237, 288, 293
горная чечётка (*Acanthis flavirostris*) 28, 30, 306
грач (*Corvus frugilegus*) 125, 148, 156, 157, 219, 236, 240, 252, 267, 279, 288, 296, 300, 307,
357, 369, 371, 402
гриф черный (*Aegypius monachus*) 62, 100, 140, 167, 168, 220, 234, 245, 271, 275, 298, 310, 363
гусь белолобый (*Anser albifrons*) 115
гусь горный (*Eulabeia indica*) 14, 163, 166, 260
гусь серый (*Anser anser*) 117, 148, 287, 410
гусь-пискулька (*Anser erythropus*) 115, 129, 150
дербник (*Falco columbarius*) 131, 146, 157, 193, 235, 287, 297, 304, 306, 411
джек, или дрофа-красотка (*Chlamydotis undulata*) 40, 60, 86, 95, 261
дрозд каменный пёстрый (*Monticola saxatilis*) 234, 274, 297, 299, 427
дрозд каменный синий (*Monticola solitarius*) 274, 318
дрозд певчий (*Turdus philomelos*) 438
дрозд чернозобый (*Turdus atrogularis*) 201
дрозд черный (*Turdus merula*) 362, 360, 402
дрозд-деряба (*Turdus viscivorus*) 156, 201, 242, 243, 353
дрозд-рябинник (*Turdus pilaris*) 239, 343
дрофа (*Otis tarda*) 163
дрофа голубая (*Eupodotis caerulescens*) 111
дубонос (*Coccothraustes coccothraustes*) 100, 246, 459
дубонос арчовый (*Mycerobas carnipes*) 107
дятел белокрылый (*Dendrocopus leucopterus*) 246, 332
дятел малый пёстрый (*Dendrocopus minor*) 127
дятел трёхпалый (*Picoides tridactylus*) 304
жаворонок белокрылый (*Melanocorypha leucoptera*) 131, 155, 157, 227, 231, 233, 234, 236,
239, 318, 333
жаворонок двупятнистый (*Melanocorypha bimaculata*) 220, 263, 352, 356, 369
жаворонок малый (*Calandrella brachydactyla*) 27, 141, 157, 371, 373, 375, 383

жаворонок полевой (*Alauda arvensis*) 138, 141, 157, 167, 201, 232, 239, 249, 274, 301, 307, 401, 402, 408
 жаворонок рогатый (*Eremophila alpestris*) 27, 28, 30, 138, 168, 249, 251, 295, 296, 297, 301, 310
 жаворонок серый *Calandrella pispoleta*, или *rufescens*) 369, 371, 372, 373, 374, 375, 377, 378, 380, 381, 382
 жаворонок солончаковый (*Calandrella leucophaea*) 288
 жаворонок степной (*Melanocorypha calandra*) 233, 239
 жаворонок тонкокловый (*Calandrella acutirostris*) 141, 168, 249, 355
 жаворонок удодовый (*Alaemon alaudipes*) 55
 жаворонок хохлатый (*Galerida cristata*) 267, 268, 273, 274, 288, 352, 356, 370, 374, 381, 402
 жаворонок чёрный (*Melanocorypha yeltoniensis*) 118, 130, 131, 157, 194, 318
 жулан буланный (*Lanius isabellinus*) 195, 196, 251, 273, 306, 312
 жулан европейский (*Lanius collurio*) 196, 197, 202, 237
 жулан туркестанский (*Lanius phoenicuroides*) 141, 220, 251, 267, 299, 303, 312, 314, 356, 357
 журавль белый, или стерх (*Grus leucogeranus*) 39, 75, 116, 127, 147, 149, 185, 389
 журавль даурский (*Grus vipio*) 185
 журавль серёжчатый (*Grus carunculatus*) 111
 журавль серый (*Grus grus*) 28, 115, 130, 151, 202, 445, 452, 467
 журавль серый закавказский (*Grus grus archibaldi*) 445
 журавль серый тибетский (*Grus grus korelovi*) 445
 журавль черношейный (*Grus nigricollis*) 26
 журавль-красавка (*Anthropoides virgo*) 13, 28, 48, 118, 127, 131, 149, 151, 193, 194, 217, 219, 260, 286, 287, 331, 408, 447, 467
завирушка альпийская (*Prunella collaris*) 304
 завирушка бледная (*Prunella fulvescens*) 297
 завирушка гималайская (*Prunella himalayana*) 243, 297, 355
 завирушка черногорлая (*Prunella atrogularis*) 242, 308
 зеленушка (*Chloris chloris*) 147, 219
 зеленая пеничка (*Phylloscopus trochiloides*) 127, 167, 172, 175, 227, 295, 312, 339, 427, 430, 435, 437
 зимородок малый пегий (*Ceryle rudis*) 58
 зимородок-альциона красноклювая (*Halcyon smyrnensis*) 57
 змеешейка (*Anhinga melanogaster*) 58, 81, 110
 змеяд (*Circaetus gallicus*) 139, 247, 356, 411
 зуёк азиатский, или каспийский (*Charadrius asiaticus*) 95, 116, 133, 373, 383
 зуёк каспийский, или азиатский (*Charadrius asiaticus*) 95, 116, 133, 373, 383
 зуёк малый (*Charadrius dubius*) 142, 150, 237, 244, 348, 368, 372, 426
 зуёк монгольский (*Charadrius mongolus*) 166, 249, 250, 309, 310
 зуёк морской (*Charadrius alexandrinus*) 239, 372
 зяблик (*Fringilla coelebs*) 238, 287, 339, 340, 343, 345, 435
ибис лысый (*Geronticus calvus*) 111
 ибис священный (*Threskiornis aethiopica*) 109, 110
 иволга (*Oriolus oriolus*) 238, 246, 268, 271, 273, 348, 352
 индийский клювач (*Mycteria leucocephala*) 81
казарка краснозобая (*Rufibrenta ruficollis*) 115, 150
 каменка плясунья (*Oenanthe isabellina*) 30, 138, 141, 167, 168, 171, 173, 220, 236, 248, 249, 250, 267, 273, 274, 288, 296, 297, 299, 300, 301, 306, 309, 310, 342, 352, 356, 357, 359, 361, 389, 373, 375, 381, 383, 447

каменка пустынная (*Oenanthe deserti*) 30, 372, 378, 381
каменка черношейная (*Oenanthe finschi*) 401, 402
каменка-плясунья (*Oenanthe isabellina*) 30, 18, 141, 167, 168, 171, 173, 220, 236, 248, 249, 250, 267, 273, 274, 288, 296, 297, 299, 300, 301, 306, 308, 309, 342, 352, 356, 357, 359, 361, 369, 373, 375, 381, 383, 447
камышевка большеклювая (*Acrocephalus orinus?*) 269
камышевка дроздовидная (*Acrocephalus arundinaceus*) 239
камышевка индийская (*Acrocephalus agricola*) 285
камышевка садовая (*Acrocephalus dumetorum*) 201, 216, 269, 270, 303, 368
камышевка толстоклювая (*Phragmaticola aedon*) 434
камышевка тростниковая (*Acrocephalus scirpaceus*) 239
камышевка туркестанская (*Acrocephalus stenoreus*) 145, 241
камышевка широкохвостая (*Cettia cetti*) 127, 167, 232, 234, 235, 237, 238, 252, 295, 303, 327, 348, 360
камышевка-барсучок (*Acrocephalus schoenobaenus*) 227
канюк (*Buteo buteo*) 140, 194, 200, 217, 221, 278, 299, 312, 313, 374
канюк мохноногий центральноазиатский (*Buteo hemilasius*)
канюк центральноазиатский (*Buteo hemilasius*) 30, 138, 140, 194, 296, 309
каравайка (*Plegadis falcinellus*) 128
каролинская утка (*Aix sponsa*) 163
кваква (*Nycticorax nycticorax*) 144
кедровка (*Nucifraga caryocatactes*) 221, 304, 306, 307, 313
кеклик (*Alectoris chukar*) 219, 222, 269, 270, 306
клинтух (*Columba oenas*) 156
клушица (*Pyrhocorax pyrrhocorax*) 22, 135, 139, 167, 175, 221, 271, 295, 297, 299, 306, 308
князёк, или белая лазоревка (*Parus cyanus*) 16, 95, 172, 216, 362
кобчик (*Falco vespertinus*) 131, 229
козодой (*Caprimulgus europaeus*) 100, 231, 243, 410
колпица (*Platalea leucorodia*) 81, 202
конёк горный (*Anthus spinoleta*) 243
конек краснозобый (*Anthus cervinus*) 156
конёк лесной (*Anthus trivialis*) 173, 230, 299, 310, 410
конёк полевой (*Anthus campestris*) 171, 195, 201, 230, 232, 237, 245, 267, 289, 356, 369, 372, 408
конёк пятнистый (*Anthus hodgsoni*) 438
крапивник (*Troglodytes troglodytes tianschanicus*) 246
краснобаш (*Netta rufina*) 130, 202, 239, 369, 402
красношейка черногрудая (*Luscinia pectoralis*) 95
крачка белокрылая (*Chlidonias leucoptera*) 237
крачка белощёкая (*Chlidonias hybrida*) 237
крачка речная (*Sterna hirundo*) 144, 167, 202, 221, 232, 237, 313, 371, 408
крачка чайконосная (*Gelochelidon nilotica*) 202, 371
крачка чёрная (*Chlidonias nigra*) 239
кречетка (*Chettusia gregaria*) 131, 148
кроншнеп большой (*Numenius arquatus*) 150, 202, 318, 383
крохаль большой (*Mergus merganser*) 101, 193, 222, 227, 293, 297, 333
крохаль длинноносый (*Mergus serrator*) 427
кряква (*Anas platyrhynchos*) 313, 348, 402
кукушка (*Cuculus canorus*) 230, 237, 238, 351, 377, 411, 438
кукушка глухая (*Cuculus saturatus*) 431, 438

кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*) 372
 куличок-воробей (*Calidris minuta*) 150, 348, 402
 кумай (*Gyps himalayensis*) 138, 167, 168, 175, 220, 246, 264, 265, 271, 275, 297, 298, 306, 361
 курганник (*Buteo rufinus*) 138, 140, 171, 194, 200, 201, 232, 239, 245, 278, 279, 296, 301, 310, 312, 343, 345, 361, 375, 377
 куропатка бородастая (*Perdix dauuricae*) 385
 куропатка серая (*Perdix perdix*) 232, 380, 409
 куропатка тундрная (*Lagopus mutus*) 280
лаггар, или средиземноморский сокол (*Falco jugger*) 209
 лазоревка голубая (*Parus caeruleus*) 127, 235, 339, 340
 ласточка городская, или воронок (*Delichon urbica*) 139, 251, 297, 305, 355, 431
 ласточка деревенская (*Hirundo rustica*) 157, 202, 263, 269, 277, 287, 289, 302, 332, 348, 351, 352, 355, 368, 369, 371, 476,
 ласточка скалистая (*Ptyonoprogne rupestris*) 139, 298, 305
 ласточка-касатка забайкальская (*Hirundo rustica tytleri*) 431
 лебедь малый, или тундровый (*Cygnus bewickii*) 117, 151
 лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*) 113, 116, 127, 148, 402
 лебедь-шипун (*Cygnus olor*) 92, 94, 113, 127, 156, 369, 371, 410
 лунь камышовый (*Circus aeruginosus*) 237, 239, 285, 287, 348, 369, 371, 372
 лунь луговой (*Circus pygargus*) 145, 200, 202, 236, 237, 238, 382
 лунь полевой (*Circus cyaneus*) 214
 лунь степной (*Circus macrourus*) 148, 226, 227, 229, 318, 324, 346, 411
 лысуха (*Fulica atra*) 131, 169, 202, 239, 283, 313, 402
мандаринка (*Aix galericulata*) 163
 могильник, или каракус (*Aquila heliaca*) 152, 154, 198, 200, 219, 232, 239, 287, 324, 329
 монгольский пустынный снегирь (*Bucanetes mongolicus*) 30, 171, 195, 201, 297, 385
 морской голубок (*Larus genei*) 116, 402
 морянка (*Clangula hyemalis*) 130
 московка (*Parus ater*) 216, 306, 308, 313
 мухоловка малая (*Ficedula parva*) 262
 мухоловка райская (*Terpsiphone paradisi*) 100
 мухоловка серая (*Muscicapa striata*) 100, 201, 243, 262, 274, 343, 379, 381
нектарница малахитовая (*Nectarinia famosa*) 110
 нырок белоглазый (*Nyroca nyroca*) 331
 нырок красноносый, или краснобаш (*Netta rufina*) 130, 202, 239, 369, 402,
овсянка белошапочная (*Emberiza leucocephala*) 409
 овсянка Годлевского (*Emberiza godlewskii*) 201, 302, 427
 овсянка горная (*Emberiza cia*) 201, 243, 270, 302
 овсянка желчная (*Emberiza bruniceps*) 232, 234, 235, 237, 238, 243, 263, 287, 339, 340, 341, 342, 345, 350, 351, 356, 373, 377, 378, 379, 381
 овсянка красноухая (*Emberiza cioides*) 215, 314, 409
 овсянка ошейниковая (*Emberiza fucata*) 433
 овсянка садовая (*Emberiza hortulana*) 230, 239, 339, 342, 343, 344, 345, 408, 410
 овсянка скальная (*Emberiza buchanani*) 175, 201, 235, 267, 409
 овсянка Стюарта (*Emberiza stewarti*) 243, 261
 огарь (*Tadorna ferruginea*) 14, 169, 221, 222, 232, 251, 295, 359, 361, 369, 371, 408, 446
 оляпка белобрюхая (*Cinclus cinclus*) 20, 168, 216, 276
 оляпка бурая (*Cinclus pallasii*) 275, 276, 301
 ополовник, или долгохвостая синица (*Aegithalus caudatus*) 303

орёл степной (*Aquila nipalensis*) 125, 130, 149, 194, 200, 206, 229, 231, 233, 234, 236, 237, 239, 240, 278, 318, 345, 377, 378, 379

орёл-карлик (*Hieraaetus pennatus*) 101, 217, 218, 304, 331, 351

орёл-могильник (*Aquila heliaca*) 152, 154, 198, 200, 219, 232, 239, 287, 324, 329,

орлан африканский (*Haliaeetus vocifer*) 109

орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) 16, 127, 151, 157, 324

осоед (*Pernis apivorus*) 230

осоед хохлатый (*Pernis ptilorhynchus*) 262

пеганка (*Tadorna tadorna*) 113, 128, 130, 131, 369, 371

пеликан кудрявый (*Pelecanus crispus*) 116, 156, 202, 226, 371, 372, 384

пеликан розовый (*Pelecanus onocrotalus*) 131, 148

пеночка-зарничка (*Phylloscopus humei*) 262, 306, 308, 361

пеночка зеленая (*Phylloscopus trochiloides viridanus*) 227, 312, 339

пеночка зелёная сибирского подвида (*Phylloscopus trochiloides plumbeitarsus*) 427, 435, 437

пеночка индийская (*Phylloscopus griseolus*) 216, 264, 297, 298, 299, 305, 306, 361, 415

пеночка корольковая (*Phylloscopus proregulus*) 430, 437

пеночка-таловка (*Phylloscopus borealis*) 438

пеночка-теньковка (*Phylloscopus collybitus*) 285, 287, 299, 368, 374, 378

пеночка-грещотка (*Phylloscopus sibilatrix*) 381

перевозчик (*Actitis hypoleucos*) 167, 216, 221, 244, 245, 275, 297, 300, 301, 305, 308, 309, 348, 361, 362

перепел (*Coturnix coturnix*) 143, 201, 214, 221, 355, 373, 408

пересмешка-малиновка (*Hippolais icterina*) 235

песочник белохвостый (*Calidris temminckii*) 287

плавунчик круглоносый (*Phalaropus lobatus*) 150

поганка малая (*Tachybaptus ruficollis*) 130, 402

поганка рогатая (*Podiceps auritus*) 101, 144, 332

поганка серощёкая (*Podiceps grisegena*) 130, 202

поганка черношейная (*Podiceps nigricollis*) 130, 166, 204, 313

подорлик большой (*Aquila clanga*) 293, 384

подорожник лапландский (*Calcarius lapponicus*) 155

поморник короткохвостый (*Stercorarius parasiticus*) 116

поползень (*Sitta europaea*) 435

поползень большой скалистый (*Sitta tephronota*) 266, 270, 271

просянка (*Emberiza calandra*) 143, 171

птица-секретарь (*Sagittarius serpentarius*) 112

пустельга обыкновенная (*Falco tinnunculus*) 149, 150, 175, 209, 229, 232, 402, 409

пустельга степная (*Falco naumanni*) 147, 199, 200, 207, 209, 215, 232, 332, 446

пустынный снегирь (*Bucanetes mongolicus*) 30, 171, 195, 201, 297, 385

расписная синичка (*Leptopoeile sophiae*) 86, 95, 107, 204, 221, 260, 306, 405, 415

ремез (*Remiz pendulinus*) 150, 157, 237, 238, 339, 342, 343, 345

ремез черноголовый (*Remiz coronatus*) 193, 201, 263

ржанка золотистая (*Pluvialis apricaria*) 116

рябок белобрюхий (*Pterocles alchata*) 95, 227, 332, 402

рябок чернобрюхий (*Pterocles orientalis*) 86, 193, 194, 195, 284, 288, 332, 372, 374

рябчик (*Tetrastes bonasia*) 280

савка (*Oxyura leucocephala*) 193, 202, 324, 332

саджа (*Syrnhaptes paradoxus*) 86, 95, 133, 167, 177, 194, 223, 226, 227, 260, 332, 370, 374, 378, 379

саксаульная сойка (*Podoces panderi ilensis*) 95
сапсан (*Falco peregrinus*) 289
сарыч (*Buteo buteo*) 140, 194, 200, 217, 221, 278, 299, 312, 313, 374
сверчок обыкновенный (*Locustella naevia*) 99, 201, 243, 298, 355
свиязь (*Anas penelope*) 130, 156
серпоклюв (*Ibidorhyncha struthersii*) 13, 86, 94, 123, 133, 142, 204, 214, 215, 221, 226, 227, 245, 251, 300, 304, 311
сизоворонка (*Coracias garulus*) 47, 220, 236, 263, 269, 273, 276, 352, 355, 357
синехвостка (*Tarsiger cyanurus*) 280
синица бухарская (*Parus bokharensis*) 16, 95, 216, 238
синица долгохвостая (*Aegithalos caudatus*) 215, 343
синица желтогрудая (*Parus flavipectus*) 99, 243, 246, 264, 274, 353, 361
синица рыжешейная (*Parus rufonuchalis*) 99, 242, 243, 246, 264, 353
синица серая (*Parus bokharensis*) 16, 95, 216, 238
синица-московка (*Parus ater*) 216, 306, 308, 313
синяя птица (*Myophonus caeruleus*) 99, 244, 263, 265, 267, 268, 270, 271, 275, 276, 352, 359
сип белоголовый (*Gyps fulvus*) 62, 100, 101, 245, 264, 270, 275
скворец (*Sturnus vulgaris*) 142, 147, 217, 222, 233, 247, 252, 287, 289, 300, 348, 352, 436, 457
скворец розовый (*Pastor roseus*) 136, 193, 213, 217, 226, 234, 238, 279, 314, 332, 333, 350, 355, 378, 380, 408
скопа (*Pandion haliaëtus*) 324
славка белоусая (*Sylvia mystacea*) 374
славка горная (*Sylvia althaea*) 252, 271
славка певчая (*Sylvia hortensis*) 294, 415
славка пустынная (*Sylvia nana*) 95, 289, 373, 376, 377, 378, 381, 415, 460
славка серая (*Sylvia communis*) 201, 230, 235, 238, 242, 245, 303, 356, 374, 409
славка ястребиная (*Sylvia nisoria*) 201, 252, 299
славка-завирушка (*Sylvia curruca*) 230, 237, 339, 343, 345, 373, 374, 376, 378, 381, 409, 410
снежный выюрок (*Montifringilla nivalis*) 28, 138, 141, 167, 168, 249, 296, 297, 301
сова болотная (*Asio flammeus*) 227
совка пустынная, или буланая (*Otus brucei*) 261, 384
совка-сплюшка (*Otus scops*) 201, 203, 232, 235, 347, 355, 411
сокол-балобан (*Falco cherrug*) 39, 40, 53, 54, 69, 146, 193, 195, 197, 200, 203, 209, 229, 242, 260, 289, 290, 363, 375, 460
сокол-шахин (*Falco pelegrinoides*) 100, 209, 293,
соловей восточный (*Luscinia luscinia*) 230
соловей синий (*Larvivora cyane*) 427
соловей тугайный (*Erythropgia galactotes*) 223
соловей южный (*Luscinia megarhynchos*) 195, 201, 230, 237
соловей-белошейка (*Irania gutturalis*) 261, 274
соловей-красношейка (*Luscinia calliope*) 280
сорока (*Pica pica*) 147, 156, 238, 275, 285, 287, 288, 298, 304, 306, 361, 362, 409
сорока голубая (*Cyanopica cyanus*) 431
сорокопуд длиннохвостый (*Lanius schach*) 268, 273, 348, 351, 353
сорокопуд пустынный (*Lanius pallidirostris*) 342, 373, 375, 384
сорокопуд туркестанский (*Lanius phoenicuroides*) 141, 220, 251, 267, 299, 303, 312, 314, 356, 357
сорокопуд чернолобый (*Lanius minor*) 238, 267, 273, 345, 351, 355, 356, 357
сплюшка (*Otus scops*) 201, 203, 232, 235, 347, 355, 411
стенолаз краснокрылый (*Tichodroma muraria*) 298, 385

стервятник (*Neophron percnopterus*) 141, 247, 266, 276, 318
стерх (*Grus leucogeranus*) 39, 75, 116, 127, 147, 149, 185, 389
страус африканский (*Struthio camelus*) 112
стрепет (*Otis tetrax*) 13, 130, 131, 136, 233, 467
стриж белобрюхий (*Apus melba*) 241
стриж белопопаясный (*Apus pacificus*) 434
стриж чёрный (*Apus apus*) 30, 147, 167, 216, 232, 236, 245, 247, 299, 306, 355, 356, 372, 378, 379, 411
султанка (*Porphyrio poliocephalus*) 58, 81, 257
сыч домовый (*Athene noctua bactriana*) 195, 273, 295, 382
тетерев (*Lyrurus tetrix*) 119, 214, 215, 303
тиркушка луговая (*Glareola pratincola*) 372
тиркушка степная (*Glareola nordmanni*) 235, 237, 318, 373
травник (*Tringa totanus*) 169, 202, 229, 233, 239, 348, 359, 402, 408, 410
трясогузка белая (*Motacilla alba*) 113, 157, 237, 373
трясогузка жёлтая (*Motacilla flava*) 202, 368, 369, 372
трясогузка желтоголовая (*Motacilla citreola*) 99, 141, 168, 169, 201, 221, 252, 278, 300, 308, 351, 355, 356, 361
трясогузка маскированная (*Motacilla personata*) 168, 201, 221, 242, 251, 297, 300, 301, 308, 309, 348, 351, 356, 361, 362
тугайный соловей (*Cercotrichas galactotes*) 380, 381
тулес (*Pluvialis squatarola*) 116
турач (*Francolinus francolinus*) 324
турухтан (*Phylomachus pugnax*) 131, 372
тювик европейский (*Accipiter brevipes*) 238
улар темнобрюхий (*Tetraogallus himalayensis*) 26, 86, 94, 201, 271, 308
улит большой (*Tringa nebularia*) 402
усатая синица (*Panurus biarmicus*) 157, 324
утка серая (*Anas strepera*) 130
фазан (*Phasianus colchicus*) 215, 252, 283, 285, 287, 289, 303, 467
филин (*Bubo bubo*) 195, 265, 363
фифи (*Tringa glareola*) 167
фламинго (*Phoenicopterus roseus*) 324, 402
ходулочник (*Himantopus himantopus*) 144, 202, 233, 237, 348, 372
хохотун черноголовый (*Larus ichthyaetus*) 371
хохотунья (*Larus cachinnans*) 129, 196, 348, 359, 371, 379, 402, 408, 423, 427
хохотунья барабинская (*Larus cachinnans barabensis*) 196
цапля большая белая (*Egretta alba*) 129, 202, 239, 284, 285, 372
цапля малая белая (*Egretta garzetta*) 128, 129, 202
цапля серая (*Ardea cinerea*) 113, 127, 144, 238, 285, 287, 313, 372, 402, 408
цапля-голиаф (*Ardea goliath*) 109
чайка малая (*Larus minutus*) 130, 150, 348
чайка монгольская (*Larus cachinnans mongolus*) 427
чайка озёрная (*Larus ridibundus*) 116, 127, 128, 130, 131, 150, 157, 166, 172, 233, 285, 288, 348, 359, 370, 371
чайка сизая (*Larus canus*) 116, 148, 151, 157, 370, 371, 373, 383, 409, 410
чайка-хохотунья (*Larus cachinnans*) 129, 196, 348, 359, 371, 379, 402, 408, 423, 427
чеглок (*Falco subbuteo*) 157, 200, 217, 234, 235, 239, 240, 288, 361, 410, 427

чеграва (*Hydroprogne caspia*) 371
чекан черноголовый (*Saxicola torquata*) 201, 214, 345, 355
чернеть белоглазая (*Aythya nyroca*) 202
чернеть голубая (*Aythya ferina*) 202, 287, 369, 371
чернеть хохлатая (*Aythya fuligula*) 130, 313
черноголовый хохотун (*Larus ichnhyætus*) 371
чернозобик (*Calidris alpina*) 150
чёрный гриф (*Aegyptius monachus*) 62, 100, 140, 167, 168, 220, 234, 245, 271, 275, 298, 310, 363
чечевица арчовая (*Carpodacus rhodochlamys*) 264, 298, 361
чечевица большая (*Carpodacus rubicilla kobdensis*) 438
чечевица большая (*Carpodacus rubicilla*) 316
чечевица обыкновенная (*Carpodacus erythrinus*) 167, 172, 216, 220, 230, 238, 242, 252, 274, 295-299, 302, 306, 308, 313, 315, 340, 343, 345, 349, 353, 360, 361, 378, 379, 381, 408, 427
чечевичник краснокрылый (*Rhodopechys sanguinea*) 11, 62, 141, 142
чечётка горная (*Acanthis flavirostris*) 28, 30, 306
чибис (*Vanellus vanellus*) 113, 202, 229, 233, 348, 408, 411
чиж (*Spinus spinus*) 438
чирок-свистун (*Anas crecca*) 128, 129, 130, 283, 410
чирок-трескунок (*Anas querquedula*) 127, 167, 283, 313
чомга (*Podiceps cristatus*) 130, 150, 202, 232, 410
шахин (*Falco pelegrinoides*) 100, 209, 293
шилоклювка (*Recurvirostra avosetta*) 402
широконоска (*Anas clypeata*) 130, 167, 410
широкохвостка (*Cettia cetti*) 127, 167, 232, 234, 235, 237, 238, 252, 295, 303, 327, 348, 360
щегол седоголовый (*Carduelis caniceps*) 172, 243, 246, 299, 303, 353
щёголь (*Tringa erythropus*) 148, 402
шурка восточная (*Merops orientalis*) 41
шурка зелёная (*Merops persicus*) 332, 375
шурка золотистая (*Merops apiaster*) 41, 236, 277, 352, 354, 369, 370, 446
якана бронзовокрылая (*Metopidius indicus*) 81
ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*) 149, 157, 217, 252, 374
ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*) 217
ястреб-тювик (*Accipiter badius*) 200

Указатель географических названий

- Абла, речка 346
Абу-Даби (ОАЭ) 53
Абширата, водопад 263, 264
Айгыркум, пески 196
Айдаркен (Хайдаркен), ртутный рудник 266, 274
Айка, озеро 118
Акаба, порт Красного моря 181
Акбеит, перевал (3180 м) 168
Ак-Булак, село 172
Аквак, «Зарубежводстрой» 369, 370, 373
Акгюн, перевал 240
Акжар, село 198, 200, 283, 288
Аккия, речка 264
Аккоин, село 195
Акколка, поселок 195
Акколь, залив 373, 375, 383
Аккоюн (2537 м), перевал 346, 355
Ак-Мечеть, урочище 87
Акмолинск 83, 385
Акмуз, село 241, 252
Аксай, ущелье 213
Аксайская долина 165, 169, 170, 241, 250, 251
Аксуат Большой, озеро 93, 113, 130, 148
Аксуат Малый, озеро 92, 93, 130, 148, 150
Аксуат, село 194
Аксу-Джабаглы, заповедник 9, 10, 11, 27, 57, 75, 87, 95, 96, 98, 100, 102, 123, 162, 189, 190, 191, 242, 253, 349, 351, 364, 367, 386, 397, 414, 447, 448, 449
Актала, село 166, 357
Актюбинск, город 228, 231, 240, 333, 338
Актюбинское вдхр. 228, 240
Алабасская межгорная депрессия 234
Алабель, перевал (3800) 98, 88, 146, 240, 241, 262, 277
Алабуга, река 133, 136, 240, 247, 346, 356
Алабука, село 98, 352, 353
Алайская долина 133, 138, 139, 140, 141, 142, 194, 275,
Алайский хребет 97, 140, 141, 142, 143
Алтайский заповедник 448
Алтындара, речка 133, 142
Алтыншоқы, село 200
Алтынэмель, перевал 217
Алтын-Эмельский национальный парк 22
Аль-Айн, город (ОАЭ) 41

Аман-Карагай, бор 113
Амман, город 177, 181, 182, 183, 207,
Ананьево, село 176, 295, 313, 314
Ангара Верхняя 428, 429
Ангарск, город 422
Ангасольский мыс 427
Андижанское вдхр. 133, 137, 240, 242
Арал, село 133, 279, 347
Аральск, город 367, 368, 383
Аральское море 158, 228, 297, 367, 368, 369, 371, 375, 376, 382
Аркит, село 98, 100
Арпинская долина 241
Аскания-Нова, заповедник 254, 255, 296
Астана 83, 253
Астраханский заповедник 124, 126, 127, 129, 130
Астрахань 124, 125, 126, 128, 448, 451
Атбасар, станция 147
Атбаши, хребет, река и село 133, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 241, 247, 249, 252
Атбашинское вдхр. 166
Атрек, река 120
Атырау (Гурьев) 120, 124, 125, 128, 129
Ауля (Аулие), река 231, 232, 233
Афлатунь, село 101
Африка 102, 111, 112
Африканская Лапландия 111,
Ахат, равнина 373
Ахтуба, рукав Волги 451, 455, 457
Ашхабад, город 16, 32, 187, 399, 400, 401, 485, 486
Аягуз, город 193, 200
Базар-Курган, село 133, 144, 241, 277
Байбичетау (Байбичетоо), хребет 167, 247, 248
Байгакум, станция 289
Байганин, райцентр 335, 340, 341
Байетов, село 135, 240, 247, 248, 250, 346, 356, 357, 358
Байкал, озеро 12, 415, 416, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 427, 428, 429, 430, 431, 433,
437, 438, 439, 442, 443
Байкальская рифтовая зона 436
Байкальский хребет 425
Баканаская лесная дача 95
Баклань, мыс 426
Баку, город 293, 294, 322, 325
Бакьян, село 348
Балаби, село 289
Балтийское море (Ostsee) 12, 205, 257, 319
Балхаш, озеро 15, 112
Барколь, озеро (Вост. Тянь-Шань) 24, 26, 27, 28
Баркын, пески 336, 337, 343
Барсакельмес, остров и заповедник 325, 367, 368, 375, 376, 377, 3885, 492
Бартагойское вдхр. 222, 227, 260, 261, 293, 332, 333
Баскан Большой, речка 203

Баскан Малый, речка 203, 212
Баскунчак, озеро 450, 457, 458
Баткен, город 262, 268, 273, 274, 276, 277
Батпакты, озеро (Кустанай) 118
Бахрейн, страна 51, 207
Бахтыбай, станция (Мугоджары) 228, 233
Башки-терек, село (Сандалашский хр.) 101
Баянаул, село 412
Баянаульский национальный парк 407, 408, 412, 448
Баянкол, застава 221
Беговат, село (юг Киргизии) 137
Бейсемас, перевал, урочище 262, 270
Белая Школа, село 194, 200
Беловодское, село 102
Берекет, город (Туркменистан) 401, 402
Беркара, ущелье Малого Каратау 95
Берлин, город 257, 258, 322, 471
Берчогур, станция 228, 233, 234, 235
Бессаз, гора в Каратау 11
Беш-Аральский заповедник 57, 101
Биен, речка (Джунгарский Алатау) 203, 213
Бийликоль, озеро 95
Биржанколь, озеро (Баянаул) 407, 408
Бишкопа, урочище 338, 345
Богдинско-Баскунчакский заповедник 458
Богдо, гора (130 м, Баскунчак) 458
Богдо, вершина (5450 м, Богдошань) 25, 30
Богдошань, горы 25
Богуты, горы 260
Бозтери, село 88, 316
Болгарт, река 295, 300, 301
Большая Тура, село 11
Большая Хобда, река 333, 344
Большое Алматинское озеро 13, 203, 226, 332
Большое Голоустное, село 419
Большой Балхан, горы 402
Большой Кетмень (3033 м), перевал 220
Большой Чуйский канал 289
Боомское ущелье 147, 241, 294, 346, 362
Боролдай, река и горы 10, 11
Боролдайтау, горы 254
Борохоро, хребет 20, 22, 24
Босого, урочище 241, 250, 252
Босфор, пролив 64, 65
Бричмулла, село 85
Бугунь, поселок 369, 370
Булак, аул (на Б.Хобде) 345
Булана («Пришиб»), урочище 316
Буран, село 196
Бурандысу, село 15, 31, 132, 222, 227, 260, 261, 293

Бурное, станция 98, 102
Бурятия, республика 432, 477
Бутакова мыс 379, 380, 381
Бухарский джейраний питомник 73
Бхаратпур, птичий заповедник 75, 78, 79, 81
Вади Рум (Вади-Рам), пустыня 179, 181
Вади-Муса (Долина Моисея), город 182
Ваннемюнде, городок 205
Вена, город 103, 258
Венеция, город 66, 67, 258, 318, 319, 320, 321, 322
Влтава, река (Чехия) 91
Волго-Ахтубинский природный парк 451
Волгоград (б. Сталинград, Царицын) 450, 451, 453, 473
Ворух, село (таджикский анклав) 262, 269, 271, 372, 273
Выдриная речка 429, 431, 434
Высокое (Шакпак-ата), село 254
Ганновер, город 205
Ганюшкино, село 125
Гвадиана, река 61, 62
Германия 96, 204, 240, 254
Гирканский национальный парк 293, 294, 324
Грайфсвальд, город 205, 257, 281, 318,
Грайфсвальдский университет (Германия) 96, 97, 204, 318
Григорьевка (Темир айыл), село 295, 316
Гульча, город 133, 143
Гурьев (ныне Атырау) 124, 125, 129
Дамаск, город 179, 182
Дамчик, участок АГЗ 126
Дарауткурган, село 133, 141, 142
Дауда, горы на юге Киргизии 270
Дели, мегаполис 75, 76, 77,
Джалагаш, станция на Сырдарье 283
Джалалабад, город 133, 137, 144, 245, 247, 262, 280, 346, 353, 354
Джалпакбель, перевал [3341 м] 295, 296
Джаман-даван, речка на юге Киргизии 346, 356
Джамантоо, горы 247, 249, 356
Джаман-Уркач, лес 228
Джамбул (ныне Тараз), город 449
Джамна, река в Индии 81, 82
Джансугуров, село 203
Джараш (Герас), древний город в Иордании 179, 180, 181
Джаркент (Панфилов) 20, 217, 218, 219
Джельтуранга, роща 94, 261, 333
Джергалан, река в Иссык-Кульской котловине 295, 304
Джетим, хребет между Нарынами 300
Джетьюгуз, ущелье 165, 171, 172
Джидда, аэропорт (Саудовская Аравия) 50
Джингису, речка в Ферганском хребте 355
Джиргитал, село 143, 247

Джоонарык (Чоонарык), речка 134, 147
Джумгол, речка 146, 147
Джунгарские ворота 230
Джунгарский Алатау 97, 204, 212, 215
Джурун, станция 230, 231
Джылуу- Суу, река (выше она же - Учемчек, потом Ашуулуу-Тёбе) 295, 301
Дзержинское, село в Джунгарском Алатау 214
Дзинха, город в Китае 25
Докучаевка (ныне с. Караменде) 93, 94, 113, 116, 117, 118, 130, 149, 150, 152, 154, 155, 158
Долинка, село на Иссык-Куле 295, 316
Долон (3028), перевал 133, 135, 166, 171, 241, 252, 316, 346, 361
Достук, село на границе Киргизии и Узбекистана 352
Драконовы горы (Ю. Африка) 111
Дубна, город (Россия) 127, 204
Дубунская переправа (р. Или) 220
Дугоба, ущелье 262, 265, 266
Дурбан, город (Южная Африка) 102, 103, 104, 107, 108, 109, 110, 111, 206
Егнису, река 200
Еки Нарын (слияние Чон и Кичи Нарына) 165, 170, 296, 299
Екпенды, село 214
Жагабулак, село и лес 236, 237, 238, 334, 339
Жалтырь, станция в Центральном Казахстане 147
Жарколь, озеро 119, 131, 155
Жарсор 117, 119, 154, 156
Жасыбай, озеро в Баянауле 411
Жельтуранга, роща 94, 226, 260, 261, 293, 333, 385
Жиренайгыр, речка близ Алматы 13
Жойбелен, село на киргизско-узбекской границе 352
Заалайский хребет 138, 140, 141, 142
Забайкалье 255, 256, 425,
Забурунь (Прикаспий) 125
Зайсан, озеро, город 192, 194, 195, 196, 197, 461
Зайсанская котловина 191, 192, 194,
Иволгинский дацан (Бурятия) 433
Израиль, страна 91, 107, 114, 180, 182
Илек, река 228, 229
Ильчир, озеро (истоки реки Иркут) 436, 438
Иньльчек, река 165, 173, 174, 175, 295, 304, 305, 306
Иордан, село (узбекский анклав) 262, 265, 266
Иордания 51, 72, 177, 178, 179, 180, 181, 183, 196, 207, 208
Йоханнесбург 103, 111, 112
Ирак, страна 51, 209
Иран, страна 51, 75, 80, 119, 120, 121, 122, 452
Иргиз, река 448
Иркештам, застава 133, 138, 139, 140, 142
Иркут, река 435, 436, 437
Иркутск 415, 419, 424, 429, 438, 439, 440
Иркутское вдхр. 421
Иртыш, река 196, 407, 410,

Исламабад, город 53, 55, 56, 58
Испания, страна 12, 61, 62, 91, 396, 452
Иссык-Куль, озеро 97, 98, 177, 303, 313, 314, 362, 414
Иссык-Кульская котловина 303, 312
Исфайрамсай, река 262, 264, 274, 275
Исфара, река и город 262, 273
Италия, страна 66, 321, 322, 471
Кабанбай (Андреевка), село 213
Кабыргатал, село 196
Казанжик (ныне Берекет), посёлок в Туркмении 402
Казань, город 186, 189, 474
Казарман, село 133, 136, 240, 247, 346, 355
Кайдауыл (Солёная), станция 240
Каиндыбулак, ручей 240, 245, 346, 357
Каин-талаа, село и застава 245
Калай Махмуд, приток р. Сох 262, 268
Калининград, город 326, 449
Калинино, село 128
Калиновка, село близ Уила 337, 345
Камызяк, город Астраханской обл. 126
Камырши, город углекопов в Синьцзяне 27
Камыстыколь, урочище 229
Камышин, город 458
Камышлыбаш, озёра 369
Кандагач, станция 229, 239, 240
Кандысу, река 198
Каныш-Кия, село в долине Чаткала 101, 350, 351
Капустин Яр, космодром 458
Капчагайский район (каньон реки Тар) 244
Капчагайское вдхр. 23, 203, 318, 467,
Карабалта, село и река 98, 240, 346
Караборгён, село 346
Карабура (3324), перевал 98, 102, 346, 348, 349,
Караван (Кербен), село 101, 280, 354
Каравшин, река 262, 269, 270, 271, 273
Караганда, город 10, 76, 89, 147, 459,
Карадарья, река 137, 242, 277
Каражар, озеро у с. Сарычеганак 116
Карак, гора (Кызылжум) 283, 284, 285
Каракаман, приток Болгарта 300
Каракол (Пржевальск), город 261, 295, 304
Каракол, приток Таласа 346, 347
Каракоюн, река, приток Атбаши 166, 167, 248
Каракуджур, река 241, 251, 253, 295, 361
Каракульджа, село 244
Каракум, пески 400
Каракысмак (приток Чаткала), речка 102
Каракыстак, село 276
Карамайши, село (оно же Смолокур, Октябрь, колхоз Ворошилова) 113
Карасаз, приток Кичи Нарына 296, 298, 299, 300

Карасу, город 133, 137, 141, 144
Карасуу, село 347, 348
Каратал, река и село 195
Каратау, горы 10, 11, 95, 289
Караташ, село 244
Каратерень, село 369, 370, 372, 374, 375, 383
Каратурук, ущелье 312
Караунгур, речка 252
Карачи, город (Пакистан) 55
Карачингиль в устье р. Тургень 404, 447, 466, 467,
Кара-Шоро, нацпарк 240, 242
Каркара, река 13, 85, 261, 295, 312, 386
Карой, посёлок 95, 214
Касансай, речка и водохранилище 352
Каскакулан, бывший остров на Арале 373, 374
Каспийское море 121, 401, 402
Касым-Турангы, урочище в Синьцзяне 24, 27
Катугау, горы 22
Кеберсай, урочище на о-ве Барсакельмес 379, 380
Кегень, посёлок и речка 13, 222, 261, 446
Кегеньский перевал (1950 м) 446
Кёк-Айгыр, приток Чагыркуля 169
Кёк-Кошат, село 348
Кёк-Токой, село 348
Кемин (Быстровка), село 133, 165, 317
Кеммери, курорт (Латвия) 11, 12, 415
Кемпергас, урочище 409, 411, 412
Кенкиак, посёлок (Сагиз – Уил) 239, 333, 340
Кеоладео, национальный парк (Бхаратпур) 75, 78, 79, 80, 92, 120,
Кербен (Караван), село 101, 280, 354
Кергочко, село 296
Кетмень, хребет 13, 212, 213, 218, 220, 221
Кзылаус, ущелье 22, 23
Кзылжар, застава (Ферганский хр.) 240, 245
Кзыл-Орда, город 288
Кигач, река близ дельты Волги 128
Киев, город 47, 48, 330, 331, 454, 470, 473, 482, 484, 485, 487
Киенбаев, аул 284
Кинжалы, речка 333, 335, 341
Киокирей, мыс на Байкале 427
Кипчак-тала, село 144
Кировское вдхр. (Талас) 98, 348
Кичи Аксу, река (Кунгей-Алатау) 295, 315, 316
Кичи Нарын, река 165, 170, 295, 297, 298, 300,
Кичи Орукту, село 313
Кичи-Алай, хребет 263
Кичине-Каракуджур, речка 361
Ков-Ата, подземное озеро Бахарденской пещеры 401
Коджо-ата, речка в Западном Тянь-Шане 98, 101
Койбагор, озеро (Кустанай) 156

Койлык (б. Антоновка), село 202
Кокарал, утёс-остров 370, 372
Кок-арт, урочище в верховьях Ойтала 136, 244, 245, 346, 355
Кокдомбак, урочище 331
Кокжиде, пески в устье Темира 228, 236, 237, 333, 334, 339
Кокомерен, речка 146, 279
Кокомеренское ущелье 133
Кокпекское ущелье 94, 132, 222, 226, 261, 293, 283
Коксай, ущелье 95
Коксу, река 133, 139, 142, 215, 217, 266
Коктал, речка 217, 219, 331,
Кокшаал-тау, хребет 250
Колизей, развалины (Рим) 66, 67, 70
Коллекторский хребет 265
Кольжат, село 220
Комсомолец, залив Каспия 120
Конорчок, село 346, 356
Копетдаг, горы 25, 73, 401,
Кора, река и ущелье 215, 216, 217
Корулуш, село в Чаткальской долине 351
Коскара, село 195
Кос-тюбе, село 247
Котьяевка, село 128
Кочкор-ата, село 241, 253
Кочкорка, село 133, 134, 253, 294, 346, 361,
Кош-Добе, село 136, 356
Красноводск (Туркменбаши), город 399, 401, 402,
Красное море 179, 180, 181
Красноярск, город 439
Красный Маяк, село 262, 277
Кругобайкальская железная дорога 425, 426
Крупское (ныне – Балпыкпи), село 203
Крупское (Кайнар), село 222
Крюгер-парк (Южная Африка) 106
Ку-Алайский хребет 244
Кувандарья (старое русло Сырдарьи) 282, 284, 285, 287
Кувейт, страна 51, 206, 207, 208, 209, 210, 211
Кугалинская долина 217
Кугарт (3025), перевал 133, 136, 346, 355
Кугарт, река 137, 240, 246, 346, 354
Кудояр-хан, крепость 267, 268
Кудургу, село 313
Куйган, село 198
Куйлю, речка 175, 295, 305, 307, 308, 309
Кулаголь (Молочное), озерко 112, 113, 114, 117, 130, 131, 148, 149, 150, 152, 154, 155
Кулак-ашуу, перевал 240
Култук, посёлок (Байкал) 424, 425, 426, 428, 432, 438, 442
Кульджа, город 20, 22, 218, 219
Кумжарган, пески 228, 237, 238, 334, 335, 339
Кундузды, речка 235

Курбан-Тонгут, пустыня (заповедник Карамайли) 24, 26
Кургальджинской заповедник 15, 386, 448,
Курдайский перевал 190
Курманбет-аул (б. Михайловка), село 137
Кусты, речка 194
Кушмурун, озеро 155, 156
Куюк, перевал 102
Кшемыш, река 262, 271, 273
Кызарт (2670), перевал 133, 146, 147
Кызбель, возвышенность (Кустанай. обл.) 153, 155
Кызыл Октябрь, село (басс. Карадарьи) 277
Кызыл-Адыр (б. Кировское), село 348
Кызыл-Алай, село 143
Кызыларт (4000), перевал 133, 141
Кызылаши, село 202
Кызылжигидинское охотхозяйство (р. Чилик) 467
Кызылжудыз, село 194, 200
Кызылкесек, село 200
Кызыл-кия, город 262, 263
Кызылкум, пустыня 282, 284, 286
Кызылсай (б. Орловка), село 348
Кызылтокой, село 352
Кынды, перевал через хр. Атбаши 241, 251
Кырен, село 436
Кырк-Казык, село 348
Кышгут, село 267
Кян, село (Туркест. хр.) 267, 268
Лайбулак, село 200
Ласты, речка 198, 199
Лахор (Lahore, Пакистан) 53, 54, 56, 57, 58, 89
Ленские столбы, нацпарк 390, 392
Лепсы, река 192, 193, 202
Листвянка, посёлок 428, 438
Мадрид, город 61, 62
Мазандаранская провинция Ирана 120
Май-Адыр («Мойдодыр»), погранзастава 165, 173, 175, 306
Майдан, село 274
Майлису, речка 144
Маканчи, село 193, 200
Макмал, перевал и село 133, 136, 240, 247, 346, 355
Малайсары, перевал 261
Малый Арал 370, 371
Манас, село 347
Манрак, хребет 196, 197, 198
Мартове, село (Украина) 163
Маскат (Muscat, Оман), город 55, 60
Мекка (Саудовская Аравия) 50
Мёртвое море 177, 179, 180
Мерцбахера озеро 174, 175, 304, 386

Миялы, село 333, 335, 337, 341, 342
Молдосу, речка 165, 166, 346, 357, 358
Молдоттоо хребет 136, 166, 346, 357
Монреаль (Канада) 71, 73, 75, 89, 177,
Монте-Титано, гора 70
Мори, город 24, 25, 26, 28, 29
Мраморное море 8
Мугоджары, горы 228, 233
Мюнхен, город 319, 320, 322
Наньчан (Китай), город 184, 185
Нарын, город 133, 135, 165, 166, 170, 171, 251, 252, 346, 356
Нарын, река 135, 166,
Нарынкол, город 221
Нарынские вдхр., каскад 145, 241
Нарынтоо, хребет 251, 252
Небит-даг, город нефтяников 402
Ниагара-Фолс, город 74
Ниагарский водопад (Канада) 73, 74
Новосибирск, город 387
Ноукат, село 143, 263
Нью-Дели, столица Индии 77
Обжоровский участок АГЗ 128
Ойбулак, село 313
Ойтал, речка 240, 244, 245
Ойтал, село 240, 244, 313
Оразбеков, село 274
Орловский, посёлок Ростовской обл. 396
Орта-Ласты, застава 198, 199
Орто-Корунду, погранпост 241
Орто-Сырт, село 248
Орто-Тентек, речка 214
Орто-Токойское вдхр. 133, 346, 362
Орукту, село 313
Осовиахим, село 346, 356
Отар, станция 147
Отмёк, перевал 262, 278
Оттук, приток Сарыджаза 295, 305, 308, 309
Оттук, село (Иссык-Куль) 165, 171, 173, 175
Отыз-еки, перевал из Сонкуля на Долон 346, 360
Ош, город 276
Павлодар, город 407, 411, 412
Пакистан, страна 34, 51, 52, 53, 54, 56, 57, 75,
Палласовка, село 455
Памир, нагорье 14, 140, 179, 262, 366, 468
Памиро-Алай 49, 133, 362
Памирский тракт 133, 137, 140
Панфилов (Джаркент), город 217
Панфиловское, село 102
Папанское вдхр. 144

Париж, город 254, 257, 258,
Пенджаб, провинция Пакистана 56
Персидский залив 42, 43, 81, 182, 209, 210
Петра, древний город 177, 179, 181, 182, 183
Пешной (близ Атырау) 129
Плоское, село (Полтавская обл.) 398, 483
Покровка (Маньйрак), село 198
Покровка, село 228, 239, 302, 333, 334, 339
Полтава, город 11, 123, 124, 163, 204, 254, 255, 396, 398, 454, 470, 482, 483, 484, 485, 487
Полтавка, село 102
Поянху (Поянг), озеро 185
Прага, город 90, 91, 92, 103, 258, 282, 289, 320
Пржевальск (ныне – Каракол), город 176, 295,
Прикаспий 112, 120, 124, 456, 458
Прухонице, город (Чехия) 90
Раздольное (Камчибек), село 304
Рамсар, городок (Иран) 118, 120, 121, 122, 323
Решетилровка, пгт (Украина) 11, 124, 163, 254, 255, 398, 432, 481, 482, 485
Риад, город (Саудовская Аравия) 49, 50, 52, 53, 89
Рига, город 11, 12
Рим, вечный город 66, 68, 70, 104, 319, 322,
Ростов, город 396, 397, 418
Росток, город (Германия) 205
Рудничный, посёлок 217
Рюген, остров (Балтика) 205
Сабындыколь, озеро (Баянаул) 411
Савен, город (Китай) 24, 25
Сагиз, речка 333, 335, 340, 341
Сагиз, станция 341
Садовое, село 102
Садыр, село 217
Сайкан, хребет 195, 196
Сайрам-нор, озеро (Китай) 20, 22, 25
Сандалаш, речка 101,
Сандалашский хребет 101, 346, 350
Сан-Марино, республика 66, 69, 70
Санташ, перевал 295, 313
Сарбие, село 337
Сарканд, город 192, 202, 203, 213, 215
Сарыбель, село 217
Сарыбулак, село 252, 253, 361
Сарыджаз, река 173, 174, 175, 176, 295, 305, 306, 307, 308, 309,
Сарыджаз, село 222
Сарыджаз, хребет 308, 309
Сарышикотрау, пустыня 331
Сарыкыр (3020), перевал 136, 240, 246, 346, 355
Сарымогол, село в Алайской долине 133, 143
Сарымоин, озеро в Наурзуме 93, 131
Сарыюзек, перевал 23, 203
Сары-Ой, село в Киргизии 316

Сарыгаш, село 133, 138, 139, 140, 141, 142, 143
Сарычеганак, село (Кустанай. обл.) 116
Сасыкколь, озеро 193
Саудовская Аравия 49, 50
Саур, хребет 97, 195,
Сахабиен, село 203
Саян Восточный, хребет 419, 435, 436, 437, 438, 441,
Свейхан, пустыня (ОАЭ) 41, 42
Севрюжья коса (Сев. Каспий) 128
Сегиз-сай, урочище на Барсакельмесе 381
Селенга, река (Бурятия) 433, 434
Семиозерная, станция 148
Семипалатинск, город 112, 414
Слюдянка, посёлок (Байкал) 426, 428, 438
Сой, село 267
Сонкебай, озерко 116, 117, 130, 149, 150
Сонкуль, озеро 165, 252, 346, 358, 359
Сорбулак, водоём 15, 16, 49, 86, 132, 226, 261, 293, 312, 331, 332, 333, 385, 460
Сох, река 267, 268, 269, 274
Ставрополь, город 325, 326, 327, 328, 330, 416, 474
Стамбул, город 8, 9, 49, 50, 53, 64, 65, 66, 96, 183
Сулы, озеро (Наурузум) 116
Сурматгаш, исток Исфайрамсая 275, 276
Сурх, село 262
Сусамырская долина 98, 99, 133, 241, 278, 346
Сырдарья, река 137, 282, 283, 288, 297, 370, 371, 375
Сьерра-де Гредос, горы (Испания) 62
Сьерра-де-Гата, горы (Испания) 62
Сьерра-де-Гуадалупе, горы (Испания) 62
Сюгатинская долина (Алматинская обл.) 94, 260, 261, 293, 332, 385
Тадж-Махал, мавзолеев-мечеть (Индия) 80, 81, 82
Тайжугень, речка (Зайсанская котловина) 194
Тайсойган, пески близ Уила 333, 335, 336, 342
Такбай-таала, село 244
Талас, город 98, 99, 348,
Талас, река 102, 262, 277, 278, 346, 347, 348
Таласский Алатау, хребет 95, 96, 101, 162, 278, 347, 351
Талгар Левый, речка 223
Талды, приток Сарыджаза 308
Талдыбулак, посёлок 347
Талдык (3640), перевал 133, 137, 143
Талды-Курган, город 192, 213
Тальшские горы (Кавказ) 194, 324, 325
Тальке-Даван (хр. Борохоро), перевал 24
Тамга, село (Иссык-Куль) 223
Тамчи, село (Иссык-Куль) 346, 362
Танхой, село 434
Тар, река и каньон 243, 244, 245, 277,
Таран-Базар (б. Дмитриевка), село
Тарбагатай, хребет 192, 193, 198, 200

Тарбагатай, село 194, 200,
Таскескен, село 193, 201
Таукум, пески 40, 43, 62, 86, 94, 226, 227, 260, 261, 262, 293, 294, 332, 383, 384, 385
Ташкумыр, город 98, 100, 352, 354
Ташкумырское вдхр. 133, 145, 240, 241, 262, 277,
Таш-Рабат, речка и крепость (хр. Атбаши) 165, 167, 168, 241, 248
Тегеран (Tehran) 122, 272
Текели, посёлок 215, 217
Текес, посёлок 221, 222
Текес, речка 222
Теликольские озёра 288
Темир, город 239,
Темир, речка 228, 236, 239, 316, 333, 334, 339, 340
Тенгиз, озеро 13
Тентек Верхний, речка 214
Теплоключенка (Аксуу), село 172
Тербери-2, остатки древнего города (дно Арала) 376
Терексай, село 346, 347, 352
Терек-суу, село 244
Терисаккан, речка (СЗ Казахстана) 345
Терс, речка 351, 354,
Терс-Ащибулакское вдхр. 49,
Терсек, бор 119, 131, 155
Терсей Алатау, хребет 4, 13, 295, 299, 302, 309, 314, 316
Тибр, река 66
Тигермень, село 219, 220
Токмак, город 133, 147, 164, 295
Токпан, развалины села 373, 374
Токтогульское вдхр 98, 133, 240, 277
Тонский залив (Иссык-Куль) 171
Топарские озера (дельта Или) 94, 227, 261,
Топкапе, крепость (Стамбул) 65
Торайгырово, село 409
Торугарт, перевал (хр. Кокшаалтау) 168, 169, 170, 248, 240
Тосор, перевал [3893 м] 295
Тосор, речка 302
Трансвааль (Южная Африка) 102, 109, 112
Трухильо (Эстремадура) 61
Тузбель, перевал (3574 м) 168, 169, 170, 241, 248, 149
Тузколь, озеро 221, 445, 446
Тунка, село (Восточный Саян) 436
Тункинская долина (там же) 436
Тункинский национальный парк 436
Тургень-Аксу, речка 165, 173, 295
Туркестан, город 11
Туркестанский хребет 97, 262, 267, 269
Турмагамбет, аул 283, 287
Турпан, село 64, 89, 217
Турткульское вдхр. (Киргизия) 269
Турфанская впадина (Китай) 25, 28

Турык, истоки Каркары 295, 311, 312
Тышкан, ущелье 217, 218
Тюе-Ашу, перевал (3100) 98, 240, 262, 346
Тюп, река 176, 261, 295, 313,
Тюп, село 313
Тянчи, озеро (Китай) 24
Тянь-Шань Внутренний 133, 279
Уват (низовья Оби) 117
Узген, город 137, 240, 242, 243, 246, 262, 276, 277
Уйдене, вдхр. в Манраке 196
Уил, речка 333, 335, 336, 337, 341, 342,
Уил, село 342, 343
Украина, страна 37, 188, 418, 452, 471, 477, 487, 489, 492
Улаган, гора - соляной купол 457
Улан-Удэ, город 424, 426, 432, 433, 434
Улбугайские озёра (Вост. Саян) 436
Умфалози, национальный парк 102, 106, 109, 112
Уральск, город 189, 345
Урбино, город (Италия) 66, 67, 68, 69, 322,
Урджар, село (Тарбагатай) 200, 201
Уркаш, сор (Кустанайская обл.) 154, 157
Урмарал, речка (Киргизия) 348
Урумчи, город (Синьцзян, Китай) 19, 20, 21, 24
Урюмбаш, речка 355
Усек, речка 219
Усть-Каменогорск, город 459, 460
Уч-Добе, село 143
Учкоргон, село 274, 354
Учкоргонское вдхр. 354
Ушарал, село 215
Ферганская долина 137, 144, 277, 352, 354,
Ферганский хребет 135, 137, 144, 240, 242, 243, 246, 249, 354, 355,
Ферейдун-Кенар, город (Иран) 120, 121
Филм, остров (Балтика) 205
Фритьофа Нансена пик 310
Фукан, город 24, 25, 30,
Хазарский (б. Красноводский) заповедник 401
Хайдаркан, город 262
Хамар-Дабан, хребет 425, 428, 429, 435, 436
Ханабад, село (Киргизия - Узбекистан) 144
Хан-Тенгри, пик (7000 м) 175, 310, 386, 445, 446, 447
Харьков, город 11, 21, 162, 163, 254, 255, 327, 404, 454, 482, 486, 488, 489
Хиддензее, остров (Балтика) 204, 205
Хобда (б. Ново-Алексеевка), село 344
Хобда, река 333
Хоргос, застава 20, 21, 24, 25, 30
Храм Логоса (Дели, Индия) 76, 77
Хумсан, кишлак (Узбекистан) 9, 84
Целиноград (Акмолинск, Астана), город 461

Центральный Тянь-Шань 164, 445
Чаган, село в дельте Волги 126
Чаган-обо, река 197
Чаек, село 133, 279
Чалдавар, село в Киргизии 102
Чаначсай, ущелье в долине Чаткала 346, 353
Чапчыма, перевал (2841) 98, 101, 346, 351, 352
Чарвакское вдхр. 84
Чарын, река 23, 86, 87, 94, 132, 226, 227, 260, 261, 293, 332, 383,
Чаткал, река 85, 98, 101,
Чаткальская долина 101, 346, 349, 350, 351,
Чаткальский хребет 101, 346, 350
Чатыркуль, озеро 165, 167, 168, 169, 170, 249
Чатыркульская котловина 241
Чептык, речка 271, 272
Чечекты, приток Кшемыша 262, 272
Чиили, станция 289
Чиликтинская долина 197, 198
Чиликты, село 197, 198
Чимгент, село 98, 102
Чимкент, город 76, 85
Чичкан, ущелье 98, 99, 133, 145, 240, 262, 277,
Чокпак, станция и перевал 253, 325, 392, 447, 449, 450,
Чолкудысу, река 221
Чолпоната, посёлок 88, 165, 316
Чон Аксу, река (Кунгей-Алатау) 295, 314, 315, 316
Чон Нарын, река 170, 171
Чон Орукту, село 313
Чон-Ашу, перевал 165, 172, 176, 295, 304
Чон-Карабура (б. Буденновское), село
Чон-Кемин, речка 122, 123, 164,
Чон-Сары-Ой, село
Чоонарык (Джоонарык), речка
Чоркух, город 316
Чу, река 147, 165, 177, 190, 253, 295, 316, 317, 346, 362,
Чулкудинская долина 221
Чулкудысу, речка 13, 14, 221
Чунджа, село 218, 219
Шаган, урочище 288
Шайдан, село близ Джалалабада 354
Шалдык, речка (Мугоджары) 234
Шалкар, озеро (Кокчетав) 64, 89
Шаманка, мыс (Байкал) 426
Шаракрама, ручей 271
Шарджа, аэропорт 41
Шахимардан, село 262, 264, 266, 274
Шверин, город (Германия) 257
Шенгельши, село 236, 237
Шибунды, село (Зайсанская котловина) 194
Шинжалы, село 214

Ширванская степь (Азербайджан) 294, 323,
Ширванский национальный парк 324
Шолпан, село 201, 202
Шоль-адыр (2065 м), перевал 222
Шор-Кёль, озеро 296
Штралзунд, город (Германия) 204, 205
Шубаркудук, станция 333, 340, 341
Шубарши, село 333, 340
Ырдык, ущелье 295, 303
Эльбурс, хребет 121, 122
Эль-Кувейт, город 210
Эльгон, озеро 180, 450, 455, 456, 457
Эльгонский природный парк 457
Эмба (Жем), река 231, 334
Эмба, станция 231, 233
Эстремадура (Испания) 12, 61, 62
Юбилейный, посёлок 235
Южная Африка 102
Южный Казахстан 162, 470
Юта, штат США 259
Якутск, город 184, 387, 389, 390, 393, 394, 452
Янаджа, посёлок 402
Янгибазар, село 98, 101
Янцзы, река 185
Яссы, река 137, 240, 242, 246, 277

Extremadura 61
Hluhluve-Umfalosi 109
Monfrague 61, 62
Neu-Brandenburg, город 319
Ramsar, город 119
Santa Lucia, эстуарий 109
Serenissima Repubblica di San Marino 69
Truhillo, город (Extremadura) 61
Urbino, город 68
Venezia, город 66, 321
Zululand 109

Именной указатель

Абдуллина Дамеш Вагановна, учительница 117
Абдусалимов Ислом Абдурахманович 225, 280, 318
Абдыкулов Асек, водитель 263
Абилов Булат, бизнесмен 21
Абильситов Галым Абильситович, министр 33, 82
Аблимит Абдикадир 26
Абугалиева Кульджихан Кульшариповна, директор ЦНБ 413
Абуладзе Александр Викторович 188
Адамян Мартын Сираканович 61, 62
Адыров Меделбай, егерь 532
Азамат, мальчишка-подпасок 315
Азаров Владимир Иванович (Тюмень) 118, 184, 254
Акаев Асан Акаевич 123
Акаев Аскар Акаевич 166
Акаев (директор Аксу-Джабаглы) 87
Акира Хиби (Akira Hibi) 31, 226
Аладин Николай Васильевич, гидробиолог 368
Алымкулова Анара (териолог) 240, 295, 300, 318
Альменбаев Кумек Мукашевич 364
Аманова Марал Базаровна 400, 478
Амирханов Амирхан Магомедович 71, 72, 90, 178
Амтал Аль-Ахмед Аль-Сабах, шейха (принцесса) 209, 210
Андерсен Майкл, турлидер (Дания) 261, 262
Андреев Александр Владимирович (Магадан) 105
Анненков Борис Павлович, охотовед 66
Анненкова Светлана Юрьевна, турлидер 212
Антъе, Birdwatcher 331
Ардамацкая Татьяна Борисовна 188, 255, 329
Арифулова Ирина Исмаиловна, герпетолог 468
Арчибальд Джордж (МФОЖ) 79, 108, 112, 122, 445, 457
Арынов Данабек Шатаевич 283
Асанов Берик, лейтенант 218
Асингеймер Андрей (географ) 165, 240
Аскарлов Алмаг, каскадёр 368
Астафьев Илья, предприниматель 395
Атаджанов А.К. (Ташкент) 75, 120
Атамуратов Хабибулла Исжанович 49, 51, 53, 57, 71, 72
Атемасов Андрей (Харьков) 386
Атемасова Татьяна (Харьков) 397, 454, 494
Аушахметова Тамара, режиссёр 253
Ауззов Эрнар Мухтарович 23, 33, 40, 184, 467, 472
Афанасьев Александр Васильевич 533

Афанасьев Юрий Георгиевич 533
Аханов Жахан Уальшеревич 41
Ахим Штайнер (МСОП) 210
Ахметов Владимир, кинооператор 533
Аязбаев Марат Габденович 228, 238
Бав Николай Иванович, министр 62, 63
Байдавлетов Рыспек Жапаркулович 46, 190, 293
Балахнова Раиса Анатольевна 364
Баранников Александр Петрович (Ростов) 395
Батырхан, водитель (Урумчи) 22, 25
Бауман Володя, водитель 198, 203, 218, 242
Баумгарт (Baumgart) 206
Бейсембаева Умыт Муқановна (Атамұра) 292
Бекбаев Ерлан 213
Бекбосынова Рабига 206
Бекенов Аманкул Бекенович 20, 27, 41, 60, 293, 465
Белик Виктор Павлович 329, 418, 479, 480, 481
Белоусов Евгений Михайлович 95, 190, 328, 449
Белялов Вячеслав Алиевич (Слава) 385
Белялов Олег Вячеславович 292, 227, 281, 312, 364, 366, 367, 385, 386, 403, 405, 445, 446, 449, 450, 460, 493,
Бёме Ирина Рюриковна 480, 481
Бёме Рюрик Львович 395
Беназир Бхутто (Пакистан) 56
Бендицкий Геннадий, журналист 385
Берёзовиков Николай Николаевич 43, 49, 92, 129, 158, 223, 256, 413, 445, 460
Березовский Владимир Григорьевич (Володя) 449
Беринг Витус, командор 425
Бертольд Питер (президент XXII МОК) 105, 107
Беседин Женя 365
Биберштейн Кох-Везер Марита (IUCN) 178
Бигалиев Айтхожа Бигалиевич 89
Бикос (индус-путешественник) 145, 146
Благовидов Алексей (Москва) 388
Бланк Давид Александрович 22, 297
Бобек Мирослав 90, 91, 282, 286, 289
Бобошко Сергей Александрович, консул 472
Бовкун Михаил Ильич 148
Болтаев Идрис, охотинспектор 283
Большаков Владимир Николаевич, академик 464
Борейко Владимир Евгеньевич 124
Боровая Наталья Алексеевна, редактор 446, 449, 468, 476,
Бородихин Икар Фёдорович 7, 404, 447, 449, 466
Брагин Евгений Александрович 92, 113, 119, 129, 130, 131, 148, 149, 150, 153, 156, 158, 223, 256, 396, 416, 418, 421, 452
Браунлих Аксель 223
бригадир Мухтар (Пакистан) 52, 54, 57, 58
Бромбахер Михаэль (Германия) 206, 208, 281, 317, 318, 400
Брушко Зоя Карповна 32, 164, 293, 413
Будиери Аднан (Иордания) 207, 208, 209

Булатханов, капитан 215
Булукбаев Виктор Ертасович 385
Буре Герард (Нидерланды) 123
Буржуев Чолпонбек Зарлыкovich, подполковник 166
Буторин Алексей, эксперт ЮНЕСКО 386
Быстракова Наталья (Пенза) 228,333
Бысыкатова Инга Прокопьевна (Якутск) 390, 392, 393, 452
Вагнер Франк [Псойрю] 98
Ваенга Елена, певица 388
Валиев Даурен Шакимович («Хан-Тенгри») 85, 102, 122, 132, 186, 406
Валиев Казбек Шакимович, альпинист 85, 385
Ван-дер-Вен (Голландия) 206
Вартапетов Лео Гургенович 392
Верещагин Александр Николаевич 414
Вернадский Владимир Иванович 472
Виксне Янис Арвидович (Латвия) 188, 327, 328, 329, 477, 478
Вилков Владимир Семенович 152
Виноградов Вадим Георгиевич 123
Винокуров Ардалион Алексеевич (Адик) 326, 415
Винчевский Александр (Беларусь) 323
Владимирцева Мария Всеволодовна (Якутск) 390, 452
Власова Людмила Ивановна (вдова брата) 398, 483
Воинственский Михаил Анатольевич 399
Волков Евгений Николаевич 479
Волчанецкий Илья Борисович 491
Воронин Рафаил Николаевич 32
Воронова Вера В. (Караганда) 460
Всеволодов Костя, водитель 192, 218,
Габдрахманов Тахир (Алматы-США) 17
Гавлюк Эдуард Владимирович 189
Гавриленко Андрей, юрист и турлидер 10
Гаврилов Андрей Эдуардович 395, 449
Гаврилов Валерий Михайлович 479, 480, 481,
Гаврилов Николай Николаевич 126, 127,
Гаврилов Эдуард Иванович (Эдик) 7, 19, 59, 87, 188, 223, 327, 329, 365, 404, 405,
Галай, капитан-пограничник 202
Галушин Владимир Михайлович 188, 399, 404, 475, 476, 477, 479
Гао Синь-И (профессор, Синьцзян) 24
Гаузер Мирра Евгеньевна 401
Гвоздев Евгений Васильевич, академик 23, 36, 44, 73, 281, 364, 395, 412, 413, 492
Гельдыев Борис («Терра») 259
Герасимов Николай Николаевич 392
Гермогенов Николай Иванович (Якутск) 79, 184, 387, 388, 390
Гисцов Анатолий Петрович 13, 46, 49, 124, 126, 127, 188, 223, 325, 328, 330, 448
Глуховцев Игорь (Канада) 50, 71, 72, 87
Гмелин Иоганн Георг, академик 425
Гоголь Николай Васильевич, писатель 470
Годлевский Виктор Александрович 425
Голодов Юрий Фёдорович, альпинист 366, 367
Голубцов Александр Юрьевич, лесник 303

Голубцова Наталья Александровна, аспирантка 263, 295, 300,
Горбунов Алдар Петрович, географ-мерзлотовед 36, 126, 170, 364, 366, 367, 387
Горелова Юлия 90, 388
Гориап (Панченко) Наташа 40, 54, 55, 60, 331
Гориап Пол (Paul Goriap) 40, 58
Горошко Олег Анатольевич 256
Горюнова Антонина Ивановна, ихтиолог 461
Готтшалк Йорген (Грайфсвальд) 347
Готшлинг Хаген (Грайфсвальд) 98
Грачёв Юрий Александрович 46, 190, 415
Грив Эндрю (Англия) 227
Григоренко Анатолий Кириллович (Толя) 47, 398, 470, 482
Гриднев Олег, альпинист 85, 132
Гринченко Ольга Сергеевна (Москва) 184
Гришин Юрий Петрович (бизнесмен) 265
Громов Алексей, егерь (Кустанай) 93
Громов Виталий Михайлович, юрист 206, 210, 211
Гуахарбек, герпетолог БКЗ 369, 371
Губин Борис Михайлович 13, 14, 39, 40, 41, 43, 58, 60, 223, 311, 312, 446, 467, 493
Гугуева Елена (Волгоград) 450, 451
Гюльназ, аспирантка 280
Давыгора Анатолий Васильевич (Оренбург) 189, 225, 228, 230, 231, 232, 233, 234, 238,
239, 333, 334, 340, 469, 475, 477, 493
Данильченко Александр Михайлович (TV) 129, 148, 158
Даничкин Александр (Тамга) 223
Даничкина Люба (Тамга) 261
Даукеев Серикбек Жусупбекович 83, 281
Дебело Петр Васильевич 189
Дегтярёв Виктор Григорьевич (Якутск) 452
Денис, комендант «Нерпёнка» 420
Дерелиев Сергей (Болгария) 400
Джалметов Бахадур Исмаилович, каскадёр 386
Джамирзоев Гаджибек Сефибекович (Махачкала) 418, 474, 476
Джангалиев Аймак Джангалиевич 34, 87
Джекшенов Махамбет Кудайбергенович 125
Дженбаев Бекмамат Мурзахматович (Бишкек) 478
Джим Харрис, президент ICF 185
Дзержинский Владислав Александрович (Вадим) 479
Дзержинский Феликс Янович (Москва) 329, 479, 481
Димеева Лиля (ботаник) 375
Дмитриева Карина (издатель) 17, 64
Долгушин Александр Васильевич (дед *ИА*) 399
Долгушин Алексей Игоревич (сын) 403, 404
Долгушин Игорь Александрович 35, 36, 364, 395, 398, 399, 402, 412, 444, 466, 491
Долгушин Кирилл Алексеевич (внук) 404
Долгушин Леонид Дмитриевич, географ 540
Долгушина Зоя Александровна (мама *ИА*) 399
Дольник Виктор Рафаэльевич (ЗИН РАН) 487
Доржиев Цыдып Заятуевич (Улан-Удэ) 188, 424, 432, 433, 434, 437
Дорогостайский Виталий Чеславович 425

Дорохова Полина Михайловна, певица 473
Досжанов Турганбай Нурланович 20, 22, 30, 59, 449
Доспол (урюк-курага) 270
Дробовцев Василий Игнатьевич 149, 152
Дубонаев Акиналы 100
Дуйсебаева (Матвеева) Татьяна Николаевна 293, 413, 415
Дурнев Юрий Анатольевич 415, 419, 420, 434, 441, 442
Дыбовский Бенедикт Иванович 425, 435
Дэвид Томас (Кембридж) 208
Дэвид Шеппард (МСОП) 210
Егоров Виктор Георгиевич 24
Екимсеева Юля 85
Елеусизов Мэлс 89
Елеушев Б.С. 120
Еремченко Виктория Валерьевна 164, 223
Ермаков Александр Михайлович 254
Ермаков Олег 228
Ермекабаева Лейла 179
Ерохов Сергей Николаевич 30, 43, 59, 129, 158, 163, 184, 185, 223, 331, 366, 403, 445, 449, 465
Есенжан Галия Махмудовна, глазной хирург 443
Естафьев Алексей Александрович (Сыктывкар) 452
Ешеев Валерий Ешеевич 432
Жаркенов Майдан Искендерович 49, 53, 63
Жарылгасимова Гульбаршин Нагиевна (Атамура) 365
Жатканбаев Алтай Жумаканович 72, 74
Жданко Александр Борисович, энтомолог 190, 366, 367
Жетпысбаев Мухамеджан Каменович 148
Живогляд Александр Федорович (ботаник) 128
Житинская М.В. (Кустанай) 130
Жмыхов Алексей Иванович (лесничий) 126
Жуйко Борис Петрович (Боря) 445
Жумабекова Бибигуль Калдыбековна 10, 407
Жумадилов Амиргазы Жумадилович 33
Жунусова Майра, замминистра 23
Забруцкий, сельский врач 417
Задорнов Михаил Николаевич, писатель 434
Зайнутдинов Руфим Иمامович 466
Зарипова Сырымгуль Хайруллаевна 445, 449
Зарудный Николай Алексеевич 338, 470
Захаропуло Панайот Естафьевич, лесник 213
Зверев Максим Дмитриевич 23, 33, 60, 492
Зима Юлия Александровна, герпетолог 468
Зонштейн Сергей (Бишкек) 89, 90
Зубакин Виктор Анатольевич 329, 330, 418, 473, 474, 475, 476
Зубакина Елена Владимировна 330
Зуков Михаэль (Германия) 97, 98
Иваненко, майор 202
Ивановская Екатерина Алексеевна 82
Ивановский Андрей Алексеевич 82

Ивасенко Александр Николаевич, охотовед 124, 125, 448
Ивашенко Анна Андреевна (Галя) 10, 87, 94, 164, 190, 293, 364
Ильин Владимир Юрьевич (Пенза) 228, 230, 231, 234
Ильичев Валерий Дмитриевич 326, 487
Ильяшенко Валентин Юрьевич (Валя) 72, 79, 82, 123, 325, 326, 392, 415, 445, 460, 468, 469, 475
Ильяшенко Елена Ивановна 184, 451, 454,
Ильяшенко Юрий Евгеньевич 325
Иовченко Наталья Петровна (ЛГПИ) 107
Исабеков Аскар, создатель сайта www.birds.kz 395
Исабеков Мухаммед (Союз Беркутчи Казахстана) 465
Исмагулов Ельдос, зоолог 448
Итыгилов Даши Доржо, Лама XII Пандито Хамбо 432
Ичихара Макика (Япония) 367
Ишида Норио, профессор (Япония) 367
Йын-Джиа-Джен (Китай) 26

Каверкина Наталья Петровна 430
Кажегельдин Акежан, премьер-министр 45, 46
Казенас Владимир Лонгинович 190, 293, 494
Калякин Михаил Владимирович 326, 327, 328, 418, 468, 475, 476, 477, 480
Капитонов Вадим Иванович 493
Карелин Григорий Силыч 189
Карпов Фёдор Фёдорович 46, 188, 333, 334, 338, 342, 344, 446, 460, 493
Касабеков Бекболат Бексеитович 293
Касабян Мимикон (Армения) 445
Касымов Мырзабек, хирург-виртуоз 416
Кашин Анатолий Алексеевич 128
Кашкаров (Кошкарёв) Евгений 58
Кашкаров Даниил Николаевич 309
Кашкаров Даниил Юрьевич (Даня) 400, 469, 478
Кашкаров Роман Данилович 293, 468, 469
Кашцев Виталий Александрович 190, 191, 282
Квартальнов Павел Владимирович 468
Келомяки Эрkki (Финляндия) 123
Кертешев Талгат (Астана) 148, 184, 185
Килич Туба (Турция) 318
Кликс Майкл, профессор (Гавайи) 44, 45, 72, 83
Коблик Евгений Александрович 189, 329, 479
Коваленко Андрей Валерьевич 449
Коверга Александр Николаевич 64
Ковшарь Виктория Анатольевна 10, 149, 159, 163, 413, 415
Козлов Петр Кузьмич 367
Козоски Брюс А. (Шеврон) 45, 46
Козулин Александр (Белоруссия) 318
Колбинцев Владимир Геннадиевич, герпетолог 10, 190, 449
Колчак Александр Васильевич, океанограф, адмирал 429, 440, 442
Колчак (Омирова) Софья Фёдоровна 440
Кольва Юрий Николаевич, охотинспектор 155
Комиссаров Анатолий, альпинист 175
Корелов Мстислав Николаевич 7, 264, 325, 398, 444, 445, 459, 460, 466, 493

Корнев Сергей В. (Оренбург) 189
Корнеев Алексей Николаевич, охотник 149
Кочетова Таня, студентка 10
Кошкин Максим Алексеевич 328
Красноюрченко, директор ГНПП 22
Красовский Александр Михайлович 230
Крашенинников Степан Петрович 425, 439
Крейцберг Александр Вольдемарович 88, 89, 90,
Крейцберг-Мухина Елена Александровна 188, 256, 331
Кривенко Виталий Георгиевич 123
Кривицкий Игорь Александрович 255, 327, 328, 329, 404
Крымова Светлана Азарьевна 17, 34
Куандыков Берик, зоолог БГЗ 383
Кубькин Рудольф Александрович (Рудик) 46, 342
Кузнецов Александр Александрович 123, 395
Кузьмин Антон, аспирант (Пенза) 333
Кузьмина Мария Алексеевна 35, 444, 493
Кузякин Владимир Александрович 124
Кулагин Виктор Михайлович, охотовед 177, 223, 294, 313, 314, 328, 396, 452
Кулагин Сергей Викторович (Иссык-Куль) 316, 331, 454, 457
Куратов Сергей («Зелёное спасение») 179, 180
Курманалиев Сеитпек, облохотинспектор 23, 24
Курочкин Евгений Николаевич 19, 105, 107, 187, 188, 189, 364, 478, 479
Кустарёва Лидия Александровна 98, 140, 165, 170, 192, 218
Кыдыралиев Акмат (Киргизия) 176
Кюри Алан, турлидер 405
Ланге Маркус, орнитолог (Грайфсвальд) 204, 217, 218, 241, 243, 281
Ланглуа Франсуа 386
Лановенко Евгения Николаевна 188, 203, 255, 256, 396, 400, 452
Лапшин Николай Васильевич 327, 328
Лаханов Джаббар Лаханович 546
Лахманн Ларс, фасилитатор 223
Левин Анатолий Сергеевич (Толик) 53, 54, 55, 58, 66, 223, 281, 386, 416, 445, 449, 450, 460
Левченко Дмитрий Броняльдович (таксидермист) 126, 127
Липин Станислав Иванович 441
Литвинов Василий Павлович (териолог) 126
Литвинова Нина Александровна (Астрахань) 126
Литовченко Кыльна (Акулина) Павловна (бабушка) 485
Лопатин Олег Ефимович (ИЗ, Алма-Ата) 159
Лопатина Татьяна Ефимовна, художник 160
Лукаревский Виктор Семенович, териолог 464
Мазин Владимир Николаевич, териолог 46, 73, 74
Майер Эдит (Австрия) 400, 401
Мак-Карти Томас (Гобийский Алтай) 57
Максимо Калау 177
Мальцев Виталий Олегович («Тетис») 317
Мамилов Надир Шамильевич, ихтиолог 293
Маркин Юрий Михайлович, директор Окского заповедника 47, 79, 82, 121, 130, 184, 385,
390, 397, 456
Мармазинская Наталья Владимировна 73, 74

Марчай Томас (Грайфсвальд) 98
Медведев Святослав Александрович, министр 44, 45, 62, 94
Мекленбурцев Роман Николаевич (Ташкент) 493
Мелдебеков Алихан Мелдебекович 366
Мельников Юрий Иванович (Байкал) 392, 439, 480
Мельничук Аня, журналист (Киев) 47
Мельничук Валерия Антоновна 47, 331
Меньшиков Владислав Константинович 461, 464
Миклухо-Маклай Николай Николаевич 471
Минаков Александр Иванович, охотовед 448
Миранде Клер (США) 112, 390
Мирхашимов Искандер 87
Митропольский Олег Вильевич 60, 84, 88, 280, 327, 329, 404, 449, 452, 460, 468, 469, 477
Митрофанов Валерий Петрович 46, 293
Митрофанов Игорь Валерьевич 158, 159, 160
Митяев Иван Дмитриевич, энтомолог 494
Митяй Иван Сергеевич (Украина) 418, 477
Мордвинцев Григорий Михайлович 64
Морис Стронг 177
Морозов Владимир Александрович 10, 73, 74
Москвитин Сергей Степанович (Томск) 327, 392, 393, 404, 405, 418, 474
Москвитина Нина Сергеевна (Томск) 392
Мотцфельд Урсула (Урзель) 204
Мохамед Ал-Боварди (Абу Даби, ОАЭ) 43
Мошкало Владимир Владимирович 72, 90
Мухина Елена Александровна 51, 60, 72, 74, 75, 120, 179, 180, 188, 207, 256
Мырзаев Куван (Бишкек) 165
Мюллер Вернер Герд (Грайфсвальд) 96, 97, 100, 122, 134, 135, 137, 143, 144, 165, 169, 170, 176, 191, 196, 198, 203, 204, 205, 213, 215, 218, 221, 222, 223, 242, 244, 257, 263, 265, 266, 271, 276, 295, 297, 300, 318, 346, 347, 360, 362, 446
Назаренко Александр Александрович (Владивосток) 327, 328
Назаров Алим Пулатович (Ташкент) 60
Назаров Юрий Николаевич (Владивосток) 327, 328
Найдёнова В.А. (Аскания-Нова) 256
Нанкинов Димитър Николов (Болгария) 184, 188
Неронов Валерий Михайлович (МАБ) 90, 451
Нечаев Виталий Андреевич (Владивосток) 328
Нечитайло Григорий Васильевич 33, 35, 37, 38, 39
Нигматулло, юрист (Тегеран) 272
Никифоров Михаил Ефимович (Минск) 188
Нинбург Борис Яковлевич (директор издательства) 38, 39
Носков Георгий Александрович (СПб) 188, 477
Нумеров Александр Дмитриевич (Воронеж)
Нур (Queen Nur), королева Иордании 418
Нуртазин Сабыр Темиргалиевич (КазНУ) 478
Нуршин Мурат Куанышевич 338
Нюргуяна (якутское ТВ) 393
Огнёва Надежда Ивановна, редактор 293, 365
Окуджава Булат Шалвович, поэт 443
Омирова (Колчак) Софья Фёдоровна 440

Осборн Питер (Англия) 40
Осипова Мария Александровна (Киев) 330
Отани-сан, турлидер (Япония) 385
Павлов Дмитрий Сергеевич, академик 477
Паевский Владимир Александрович (Петербург) 327, 328, 418, 479
Паллас Пётр Симон, академик 434, 435, 439, 250, 455, 471
Панченко (Гориап) Наташа 40, 330, 331
Паракагиль Фрэнсис, координатор МСОП 52, 210
Парастатов Владимир Георгиевич (Докучаевка) 93, 94, 112, 113, 114, 115, 116, 130, 150, 153
Пачикин Константин Михайлович (Костя) 158, 159, 190
Пекло Александр Михайлович (Киев) 330
Пелхам Олдридж, кинорежиссёр, Би-Би-Си 58
Переладова Ольга Борисовна 88
Петрухин Дмитрий, байкер 366, 367
Пешке Любомир (Прага) 282, 286
Пешков Юрий 386
Пивоваров Александр Тагирович (Астана) 15, 16
Пирюлин Давид Давидович, арахнолог (Барсакельмес) 368
Поддубный Валерий Иванович (Кустанай) 148, 158
Подопрыгоров Дмитрий, водитель 263
Пойер Франтишек (Прага) 91
Поливанов Владимир Михайлович 328
Поливанова Надежда Никитична 330
Понировский Евгений Николаевич (Женя) 187, 189, 485, 486
Попов Виктор Васильевич (Иркутск) 424
Пославский Анатолий Никифорович 125
Поставной Григорий Васильевич (Кустанай) 92
Потанин Григорий Николаевич, географ, путешественник 425
Похабов Иван, землепроходец 424
Пранге Хартвиг (Германия) 455
Прашкевич Геннадий Мартович 387
Премина Наталья (Зап.-Алтайский ГПЗ) 448
Пржевальский Николай Михайлович, великий путешественник 176, 197, 256, 295
Протасова Людмила Михайловна, генконсул Украины 471
Пузаченко Юрий Георгиевич, биогеограф (МГУ) 8
Пускарчик Алексей Александрович (Чокпак) 449
Пфандер Павел Владимирович (Паша) 363, 460
Пфеффер Ральф Гейнцевиц (Германия) 39, 53, 121
Пшеников Анатолий Евтропьевич (Якутск) 391
Пыжьянов Сергей Владимирович (Иркутск) 421, 442
Равкин Юрий Соломонович (Новосибирск) 391
Распутин Валентин, писатель 427, 440
Рахилин Валентин Константинович 188
Рахимов Ильгизар Ильясович (Казань) 187, 188
Редькин Ярослав Андреевич (Зоомузей МГУ) 329
Рерих Николай Константинович, художник и философ 427, 438
Рингель Хольгер (Грайфсвальд) 258, 300, 319, 353, 354
Рипати Наталия (Финляндия) 123
Родер Йохан (Грайфсвальд) 98
Роджерс Пол, турлидер 227

Рожнов Вячеслав Владимирович (ИПЭЭ) 465
Романенко Валентина Ивановна, певица 473
Русанов Герман Михайлович (Астрахань) 126, 127, 128, 451
Рустамов Анвер Кеюшевич, академик 363, 399, 400, 401, 452
Рустамова Елизавета Александровна (вдова АК) 400
Рустамов Эльдар Анверович 225, 280, 318, 401, 452, 478
Рыжанов Тлеубек Сакенович, малаколог 23, 24, 411
Рябцев Вадим Константинович (Екатеринбург) 188, 413, 418
Рябцев Виталий Валентинович (Забайкалье) 391
Сабах Аль-Ахмед Аль-Сабах, шейх (Кувейт) 209, 210
Сабурова Нина Сергеевна (родственница Долгушина) 399
Сагитов Абдулла Киямович (Самарканд) 486
Садвокасов Равиль Ернистович (Алматы) 190
Саед Мохаммед (Бахрейн) 207
Сапармурадов Джумамурад (Ашхабад) 120, 400
Сарсенбаев Алтынбек, министр печати 17
Сарыев Эльдар (Азербайджан) 120
Сатпаев Каныш Имантаевич, президент АН КазССР 35, 37, 462
Свенссон Ларс, автор определителей птиц 227, 406
Свинарев Владимир Фёдорович (питомник дроф) 163
Свиньин Владимир Фёдорович, издатель (Новосибирск) 388
Святополк-Мирский Дмитрий, историк литературы, писатель 388
Сема Анатолий Максимович 326, 404, 449
Семёнов Юрий, палеонтолог (Киев) 330
Сергеев Марк, поэт 419
Скалон Николай Васильевич (Коля) 325, 424, 464
Скляренко Сергей Львович 12, 43, 46, 223, 318, 400, 460, 474, 478
Слудский Аркадий Александрович, териолог и охотовед 465
Смоляк Евгений Борисович (племянник Женья) 396
Соловьёва Алина Робертовна (Чимкент) 395
Соломонов Николай Гаврилович (Якутск) 388
Сонин Виталий Дорофеевич (Иркутск) 242, 425, 426, 438, 441
Сонина Любовь Иннокентьевна (Иркутск) 242, 425
Сонина Марина Витальевна (Иркутск) 426
Сопыев Овез Сопыевич (Ашхабад) 478
Сорокин Александр Григорьевич (ВНИИ Природа) 47, 48, 105, 108, 110, 116, 117, 118, 120, 121, 184, 284, 385, 390, 397, 456
Сорос Джордж, миллионер 18, 19
Спаркс Джон, продюсер Би-Би-СИ 539
Спивакова Людмила Васильевна, териолог 46
Спицын Владимир Владимирович 395
Стариков Сергей Васильевич 404, 456, 460
Стеллер Георг Вильгельм 425
Степанов Яал Иванович, предсовмина Республики Саха 388, 389, 391
Степанченко Сергей Николаевич, бизнесмен-миллионер 212
Степанян Лео Суренович 302, 329, 424
СТИШОВ Михаил Сергеевич 392
Стороженко Владимир Семёнович (Байкал) 432
Страздс Марис (Латвия) 12, 62
Стрельцова Татьяна Ильинишна 175

Субботин Сергей, гидролог 203

Суй Ке-Фен 24

Тарасюк Валентина Алексеевна (Байкал, мыс Баклань) 426

Тимирёва Анна Дмитриевна 429

Тимирханов Серик Ракишжанович 293, 413

Тлесбаев Макарим Кусаинович, каскадёр 386

Толстой Алексей Константинович, поэт 12

Томкович Павел Станиславович (Москва) 123, 189, 418

Торопова Валентина Исмаиловна (БПИ, Бишкек) 5, 88, 96, 97, 98, 133, 134, 140, 165, 188,
192, 218, 223, 240, 255, 256, 280, 281, 289, 294, 295, 300, 323, 324, 328, 357, 396

Тризна Борис Петрович, первый директор Аксу-Джабаглы 494

Тулубай, водитель 382

Туранбаев Магжан Абдуллаевич (Барсакельмес) 368

Турганбаев Галым (ГНПП Алтын-Эмель) 22, 23, 24

Туреханова Раиса, ботаник 448

Уайт Элизабет (Британский Совет) 34

Украинский Виктор Васильевич, охотовед 33

Усубалиев, генсек КП КиргССР 243

Утевские, братья (Харьков) 386

Фёдоров Анатолий Владимирович (Толя) 415, 437

Фет Виктор, энтомолог 57

Фирсова Людмила Вениаминовна (СПб) 430

Флинт Владимир Евгеньевич 28, 47, 68, 79, 81, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 163, 184,
187, 188, 206, 254, 327, 396, 397, 453, 467,

Фокс Барбара 58

Фокс Ник 53, 58

Фритъоф, Birdwatcher 331

Фрэнсис Паракатиль (МСОП) 52, 210

Фундукчиев Семён Энверович 188

Хайкл Дуглас (Боннская конвенция) 47

Хан Володя, оператор киностудии 253

Хардер Торстен (NABU) 97, 98, 164, 253, 289, 291, 294, 314, 332,

Харикава (Япония) 367

Хасан Жаради (Ливан) 207

Хасанов М.Х. 187

Хиби Акира, турлидер (Япония) 31, 226,

Хольгер Рингель (Грайфсвальд) 258, 300, 319, 353, 354

Хорнби Дик, директор НАРК (ОАЭ) 53, 54

Хосе Мария Фигуэрес Олсон 177

Хроков Валерий Васильевич, «Ремез» 188, 206, 209, 210, 223, 328, 399, 400, 401, 416, 418,
419, 468

Хромов Виктор Анатольевич, герпетолог (Семипалатинск) 293, 413

Хрущев Никита Сергеевич, генсек КПСС 162, 486

Хусаинов, подполковник 202

Царук Олег Иванович 72

Цехановская Саша (Харьков) 395

Чабовский Андрей Всеволодович, териолог 468

Чаликова Елена Сергеевна (Аксу-Джабаглы) 190, 364, 448, 449, 468

Черничко Иосиф Иванович (Мелитополь) 188
Чернобай Василий Федотович (Волгоград) 451
Черский Иван Дементьевич 425
Чибилев Александр Александрович (Оренбург) 189, 336
Чикалина Лариса Глебовна, хозяйка «Нерпёнка» 422
Чирикова Марина Александровна, герпетолог 293, 367, 380, 385, 403, 407, 413, 466, 468

Шадиев, губернатор Баткентской обл. 268
Шайкенов Нагашбай Амангалеевич, министр юстиции РК 11, 103
Шайманов Галимжан (предколхоза) 128
Шаймарданов Рашит Талгатович, териолог 46, 293, 460
Шакула Владимир Фёдорович, териолог 10
Шалахметова Тамара Менажевна (КазНУ) 475
Шаргаев Матвей Александрович (Улан-Удэ) 424
Шаффер Норберт 223
Шаханов Мухтар, казахский поэт 558
Шевченко Валентин Леонидович (Ганновер) 125, 205,
Шевченко Тарас Григорьевич, поэт и художник 189, 379, 471
Шелихов Григорий Иванович, купец, мореплаватель 442
Шергалин Евгений Эдуардович (Эстония) 188, 418
Шерназаров Эльмурад (Ташкент) 64
Шеффер Норберт (Англия) 400
Шибает Юрий Викторович (Владивосток) 255, 256, 257, 327, 365
Шилина Анастасия (Настя) М., ВНИИ Природа 117, 118, 184, 254, 385, 390, 397, 456, 457
Ширишов Александр (Мамонт) Норильск 82, 121
Школьник Владимир Сергеевич, министр-президент 83, 207
Шрути Шарма, директриса НП Кеоладео (Индия) 80
Шуберт Манфред (Германия) 98
Шукуров Эмиль Джапарович (Бишкек) 4, 5, 6, 7, 8, 9, 49, 51, 57, 84, 87, 96, 140, 179, 386, 404, 405
Шульц Роланд (Германия) 98

Щеповских А.И. 187
Щербаков Борис Васильевич (Усть-Каменогорск) 223, 404, 460

Эйдинов Юрий Исакович 23, 24

Юдин Константин Алексеевич (ЗИН АН СССР) 430
Юкико Като, писательница (Япония) 31
Юлдашев Камильжан Абдрашитович (с. Чунджа) 132, 219
Юрлов Александр Константинович (Новосибирск) 392
Юрлов Константин Тимофеевич (Новосибирск) 392
Юрченко Федор Петрович, охотник (Кушмурун) 155

Яблоков Алексей Владимирович, эколог (Москва) 178
Яковлев Александр (Бишкек) 105
Якушева Зоя Петровна, химик 33, 35, 36, 37, 38
Янков Петар (Болгария) 323
Янушевич Александр Иванович 4, 5, 8
Янушевич Татьяна Александровна 387, 388
Яняева Наиля, аспирантка (Пенза) 228
Ященко Роман Васильевич, энтомолог 89, 158, 159, 179, 180, 190, 210, 211, 478

Abuzinada Abdulaziz (NCWCD) 51

Altman Gila (б. зам. министра экологии Германии) 323
Andersen Michael Westerbjerg (Дания) 261
Archibald George (ICF, USA) 47, 75, 80, 109, 120, 163, 184, 188, 445, 452
Aye Raffael (University of Fribourg) 280, 281

Berruti Aldo (ЮАР) 105
Berthold Peter (Германия) 105
Boyes Simon («Ornitholidays») 86
Brigadier Mukhtar (Pakistan) 60
Cartellieri Marc (Dresden) 240, 295

Cherovsky Jan 90
Claire Mirande (ICF, USA) 80, 163, 184, 254, 388, 390
Coulson Nigel 84, 87
Czerski Jan 425

Dawdall James, турлидер 260
Douglas Hykle (CMS) 47, 75, 80, 120

Fox Nick (UK) 53
Frederic Launay 54, 60

Gaude Anke 323
Goriup Natasha (UK) 60, 330
Goriup Paul 40, 60, 317
Gottschalk Hans-Jurgen (Rostock) 192, 212, 240, 262, 295

Harris Jim (президент ICF) 184, 254, 397
Hauke Ulf (Bonn) 164, 192, 212, 240
Heidmann Regina (Bremen) 240
Holman David («Birdline East Anglia&Wildlife Tourism») 86
Hornby Dick (UK) 53

Jamous Rene (Париж) 105, 107, 109, 110

Kakabadze Yolanda (президент IUCN) 90
Karpovitsch Zbigneu 90
Katlen Braden (США, Сиэтл) 33
Kirschev Tom (NABU) 323, 325
Kornmilch Johan-Christoph 165, 192, 212
Kovalev Vitalij (NABU) 323
Kulman Michael 212

Lakomy Werner (Bremen) 240, 263, 295
Lange Markus (Greifswald) 192, 212, 240, 263, 295
Launay Frederic 54, 60
Loch Reinhold 192, 212, 263

Mänd Raivo (Эстония) 477
Martschei Thomas (Greifswald) 212, 213, 218
McDowell David, генеральный директор МСОП 51
Meitzner Volker (Neobrandenburg) 165, 240, 295, 319
Miller Leiv (NABU) 291, 323
Mills David G.H. («Naturetrek») 86
Mirande Claire (ICF) 80, 163, 184, 254, 388, 390
Mohammed Al-Bovardi (UAE) 40, 42
Motzfeld Ursel (Урсула) 96

Mueller-Motzfeld Gerd (Greifswald) 96, 164, 192, 212, 240, 262, 295

Nagendran Mini (ICF) 48, 56, 388, 390

Nauenburg Johannes 212

Osten Till 212

Paracatil Francis 51, 89

Paul Goriup (UK) 40, 60, 317

Perchmann Marco 262

Phillips Adrian (CNPPA) 51

Prange Hartwig (Germany) 397

Rabb George (SSC) 51

Ringel Holger (Greifswald) 164, 240, 258, 295, 346

Roberts Peter, турлидер 385

Röder Jochen (Greifswald) 192, 196

Rooke Steve («Sunbird») 86

Roth Tobias (University of Basel) 280

Rückriem Christoph (Greifswald) 192

Ryan John, турлидер 260

Rybanic Rastislav (Словакия) 323

Schmidt Ludger (Neustadt) 240, 295

Schubert Manfred (Greifswald) 164

Schultz Roland (Greifswald) 164, 192, 263

Schweizer Manuel (University of Bern) 280

Seifert Bernhard 164, 170, 192

Sinclair Ian (Кейптаун) 106

Terraschke Sonja 192, 200

Tomiyama Minoru (Japan) 10

Trost Martin (Germany) 262, 346

Tso-Hsin Cheng (Китай) 105

Volker Meitzner (Germany) 165, 240, 295, 319

Wagner Frank (Germany) 164

Ziebarth Anne (Greifswald) 240, 295

Zimsky Mark (WorldBank) 163

Оглавление

Безбрежная приватизация.....	3
Высокогорный стационар и поездка в Каратау.....	10
Апрель 1993 года – Латвия (Рига, Кеммери).....	11
Верховья Чулкудысу – истоки Кегени (серпоклов и горный гусь).....	13
Первая шведская группа в высокогорье и пустыне (июнь 1993).....	15
Создание «Selevinia» – первого казахстанского зоологического журнала.....	16
Джордж Сорос и моя компьютеризация.....	18
Первая заграничная поездка – Западный Китай (СУАР).....	19
Инспекционная поездка в национальный парк Алтын-Эмель – бывшее Тарасовское хозяйство (март 1994).....	22
Экспедиция в Джунгарию и Восточный Тянь-Шань (апрель-май 1994).....	24
Первая японская группа и выработка орнитологических маршрутов (лето 1994).....	31
Борьба за существование журнала Selevinia в первые годы (1994-1995).....	32
Первая поездка в Объединённые Арабские Эмираты (март 1995).....	39
Красная книга, работа над 3-м изданием (1995).....	44
Семинар по стерху (Москва, 15-19 мая) и Экофорум «Киев-95» (23-28 мая 1995).....	47
Mini Nagendran с японцами и отлов журавлей-красавок.....	48
Саудовская Аравия, Эр-Рияд, октябрь 1995 г. – региональная конференция МСОП.....	49
Объединённые Арабские Эмираты – Пакистан (Исламабад, Лахор, ноябрь 1995).....	53
Ликвидация лаборатории охраны диких животных.....	59
Оман, Маскат, январь 1996 – международное совещание по джеку.....	60
Испания (Эстремадура март 1996) – конференция по чёрному аисту.....	61
Провал сотрудничества с Эмиратами по разведению джека (лето 1996).....	62
Отдых на озере Шалкар (Кокчетавская обл., июль-август 1996).....	64
Босфор и Красная книга – неделя в Стамбуле (сентябрь 1996).....	64
Поездка в Италию: Рим, Урбино, республика Сан-Марино (2-5 октября 1996).....	66
Канада: Монреаль – Ниагара (Всемирный Конгресс защиты окружающей среды, 13-23 октября 1996).....	71
Индия: Бхаратпур, Кеоладео (Совещание по стерху, ноябрь 1996).....	75
Перестройка науки в Казахстане и первый юбилей (1997).....	82
Начало работы над Западно-Тянь-Шаньским проектом (апрель 1997).....	84
Начало сотрудничества с фирмой «Хан-Тенгри» (1997 – 2008).....	85
Второй семинар по Западно-Тянь-Шаньскому проекту (июнь 1997).....	87
Семинар Всемирного фонда дикой природы – Ташкент, 3-4 июля.....	88
От Иссык-Куля до национального парка «Кокше» (август, октябрь 1997).....	88
Чехия: Пан-Европейский форум IUCN, 17-20 марта 1998.....	90
Первая поездка на поиски стерха в Наурузум (12 апреля – 22 мая 1998).....	92

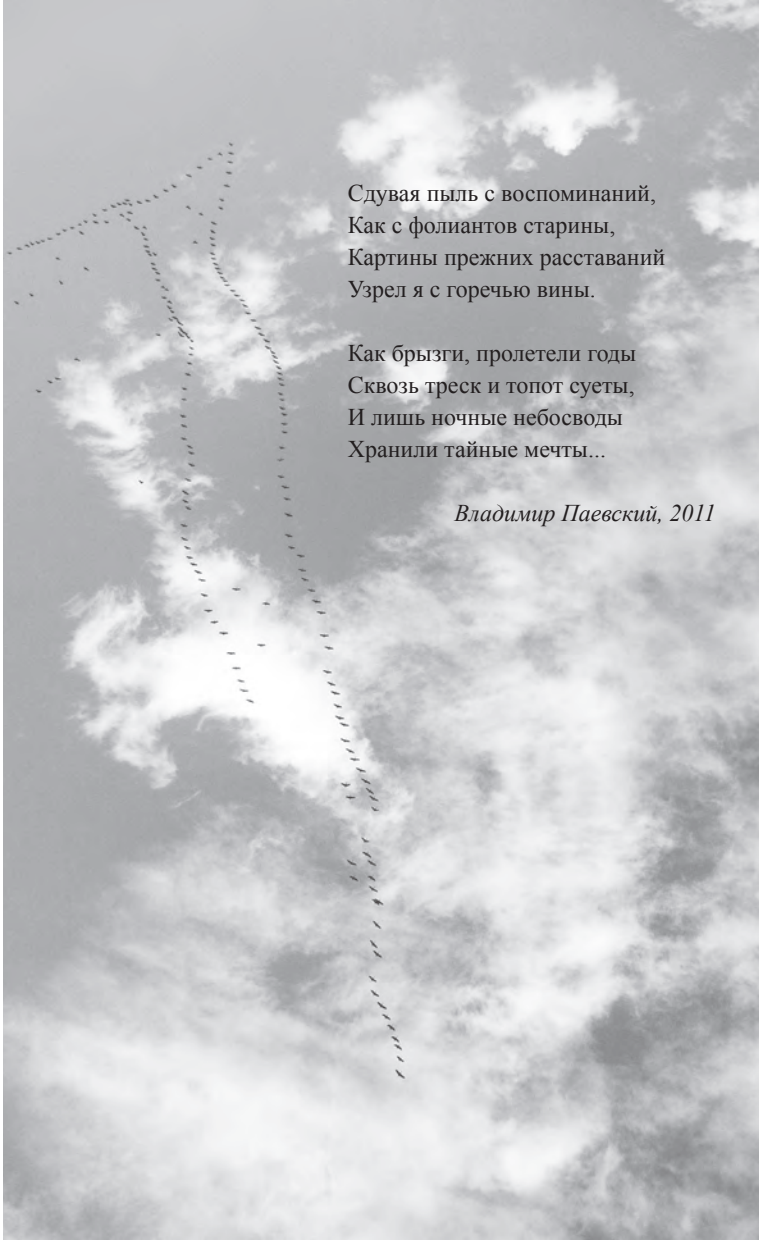
Орнитологические туры по Алматинской области (май-июнь 1998)	94
Начало сотрудничества с Грайфсвальдским университетом	96
Gerd Müller-Motzfeld (19.07.1941-23.07.2009).....	96
Первая совместная немецко-киргизская зоологическая экспедиция:	
Западный Тянь-Шань (июль – август 1998)	97
Южная Африка: Дурбан – Умфалози – Трансвааль (16-28 августа 1998).....	102
Вторая поездка в поисках стерха – озеро Кулаголь (сентябрь 1998)	112
Иран, Рамсар: 3-е совещание по стерху (декабрь 1998).....	119
Киргизия, нацпарки «Ала-Арча» и «Чон-Кемин»: 25-28 января 1999.....	122
Поездка в Москву и посещение Полтавы (24-30 февраля 1999).....	123
Поездка «Гурьев – Астрахань» в поисках стерха (31 марта – 12 апреля 1999).....	124
Третья поездка в Наурузум в поисках стерха (26 апреля – 9 мая 1999).....	129
Поездки с бёрдвотчерами по Алматинской области (май-июнь 1999)	132
Внутренний Тянь-Шань и Алайская долина (2-я немецко-киргизская экспедиция, июль 1999)	133
Четвёртая погоня за стерхом – с видеокамерой (13 сентября – 13 октября 1999).....	147
Возрождение журнала «Selevinia» (конец 1999).....	158
Памяти брата Юры (19 октября 1941 – 5 января 2000)	161
Поездка в Москву и дрофиный питомник на Украине (март 2000)	163
Неудачное начало сезона – поцелуй щитомордника (май 2000)	164
Центральный Тянь-Шань (3-я немецко-киргизская экспедиция, июль 2000).....	164
Иордания: Амман, древняя Петра и Мёртвое море	177
Китай: город Наньчан и озеро Поянг (декабрь 2000)	184
Начало третьего тысячелетия – 2001 год.	185
Оренбург – Казань (конференция «Птицы Северной Евразии», январь 2001).....	186
Комплексная зоологическая экспедиция в Аксу-Джабаглы (июнь 2001).....	189
Тарбагатай и Зайсанская котловина: 4-я немецко-киргизская экспедиция, 2001.....	191
Остзейская Германия: Грайфсвальд, Штралзунд, Хиддензее (октябрь 2001).....	204
Оформление «Союза охраны птиц Казахстана» (февраль-март 2002)	206
Первая поездка в Кувейт (март 2002).....	207
Вторая поездка в Кувейт (Региональный форум IUCN, сентябрь 2002).....	210
Несостоявшееся сотрудничество с миллионером (апрель 2002).....	211
Экспедиция в Джунгарский Алатау и Кетмень (5-я немецко-киргизская, июль 2002).....	212
1-й семинар по ключевым орнитологическим территориям (ноябрь 2002).....	223
Возвращение дочери Иры из Америки (27 января 2003).....	224
Книги, семинары и поездки с Birdwatcher's (март-май 2003)	225
Экспедиция в Мугоджары и на Эмбу (июнь 2003)	228
Внутренние и южные районы Тянь-Шаня (6-я немецко-киргизская экспедиция, июль 2003)	240
Съёмки фильма «Аксу-Джабаглы – хранилище жизни» (сентябрь 2003).....	253
Аскания-Нова, Германия и один день в Париже (сентябрь-октябрь 2003).....	254
Превращение журнала «Selevinia» в ежегодник и невольный переход на «семейный подряд» (2004).....	259

Ключевые орнитологические территории, семинары и бёрдвотчеры (май-июнь 2004).....	260
Южный Тянь-Шань и Памиро-Алай (7-я немецко-киргизско-казахская экспедиция, июль 2004)	262
Швейцарские орнитологи и первые шаги по созданию определителя птиц Центральной Азии (август 2004).....	280
Выход популярного издания «По страницам Красной книги» (2004)	281
Поездка с чехами в Кызылкум за чёрным аистом (2-9 октября 2004)	282
Выпуск соколов-балобанов в Киргизии (2 ноября 2004)	289
Начало многолетнего проекта «Школьная энциклопедия»	291
Летняя поездка в Баку и Гирканский нацпарк (июнь 2005).....	293
8-я тянь-шаньская экспедиция (июль – август 2005).....	294
2-ой семинар по ключевым орнитологическим территориям (октябрь 2005)	317
Один день в Венеции и семинар в Грайфсвальде (октябрь 2005)	318
Зимняя поездка в Азербайджан (конец ноября 2005).....	322
Зимний Ставрополь: XII конференция по птицам Северной Евразии.....	325
Снова – любимый Киев (экологический семинар, апрель 2006).....	330
Поездки с орнитологическими туристами (май 2006)	331
Экспедиция по актюбинским степям: Сагиз, Уил, Хобда (июнь 2006)	333
Последняя, 9-я экспедиция по Тянь-Шаню (июль 2006).....	346
Выход первого тома школьной энциклопедии «ПТИЦЫ»	362
Выход первого тома «Птицы Средней Азии» (март 2007).....	363
I-й съезд Центрально-Азиатского Географического общества (апрель 2007).....	366
Поездка на Аральское море и Барсакельмес (май 2007)	367
И снова поездки по Алматинской области (май-июнь 2007).....	383
Якутия и Ленские Столбы (август 2007)	387
70-летие Алматинского зоопарка и выход учебника «Биология» для 11 класса	395
Москва – Ростов – Харьков – Полтава (октябрь 2007).....	396
Завершение книги «И.А.Долгушин» (конец 2007)	398
На машине по маршруту Ашхабад – Красноводск (декабрь 2007).....	399
Конференция к 100-летию И.А.Долгушина (28-29 марта 2008).....	402
Конец карьеры орнитологического гида (21 мая 2008)	405
Прекрасная неделя в Баянаульских горах (июнь 2008)	407
4-е издание «Красной книги» и 2-й том Школьной энциклопедии	412
Начало работы над «Определителем птиц Казахстана» (2009).....	412
Иссык-Куль: конференция в Чолпонате (май 2009).....	414
Проект справочника «Позвоночные животные Казахстана» (март 2010)	415
Оренбург: XIII конференция по птицам Северной Евразии (май 2010).....	416
Сказочный месяц на Байкале и в Бурятии (июнь 2010)	419
Три четверти века – ещё не предел?.....	443
Создание Каз. отделения Мензбирова общества (февраль 2011).....	444
Поездка на озеро Тузколь в Центральный Тянь-Шань (1-2 мая 2011).....	445
И снова родной Аксу-Джабаглы и Чокпак! (5-10 сентября 2011).....	447
Волгоград, Ахтуба и озёра Эльтон и Баскунчак (октябрь 2011).....	450

Конференция к 100-летию М.Н. Корелова (Алматы, 3-4 ноября 2011)	459
Антонина Ивановна Горюнова (род. 1921).....	461
«Орнитологический вестник...» и появление метро в Алматы	462
Конференция к 100-летию А.А. Слудского (1-2 марта 2012).....	464
Первый выпуск тома «Птицы» из серии «Фауна Казахстана» (март 2012)	465
В гостях у Руфима Зайнутдинова в Чилике (июль 2012)	466
Конференция памяти Н.А. Зарудного (Ташкент, октябрь 2012)	468
Украинский культурный центр и Генеральный консул Украины (2009-2012)	470
Начало подготовки к XIV конференции по птицам Северной Евразии	473
Осеннее Подмосковье: конференция в Звенигороде (2013).....	478
Последняя поездка на Украину (26 сентября – 4 октября 2013)	482
Посещение наукограда Реутово в Подмосковье (5 октября 2013).....	485
Прощание с тяжёлым 2013 годом (ноябрь-декабрь 2013).....	487
Украина в огне (февраль – апрель 2014).....	487
Последние свидания с родным заповедником.....	489
Вместо эпилога.....	491
Литература	493
Указатель названий птиц	496
Указатель географических названий.....	505
Именной указатель.....	521
Оглавление.....	535
Цветные иллюстрации.....	539

Цветные иллюстрации

Сдувая пыль с воспоминаний,
Как с фолиантов старины,
Картины прежних расставаний
Узрел я с горечью вины.

Как брызги, пролетели годы
Сквозь треск и топот суеты,
И лишь ночные небосводы
Хранили тайные мечты...

Владимир Паевский, 2011